

История международных отношений

Учебное пособие ТОМ I

Характеристика основных тенденций развития

Под общей редакцией академика О.А. Колобова

Введение

В первой части учебного пособия рассматривается достаточно большой по хронологической протяженности период, начиная с внешней политики государств Древнего Востока (Египет, Ассирия и т.д.) и заканчивая международными отношениями, сложившимися в годы Первой мировой войны.

В пособии последовательно анализируются формирование и развитие систем международных связей античности, Средневековья и Нового времени, изучается их специфика как конкретно-исторической формы политической организации международных отношений на определенном этапе развития общества. Авторы уделяют пристальное внимание анализу взаимодействия внешних и внутренних факторов развития международных связей, а также изучают влияние на отношения между различными странами и регионами геополитического и этнополитического факторов.

Первая часть пособия содержит 3 основные главы, посвященные:

рассмотрению международных связей древневосточных деспотий, анализу системы межгосударственного взаимодействия, характерного для полисной организации древнегреческого общества, а также экспансионистской политики Рима в Средиземноморском регионе, его отношений с эллинистическими державами и Парфянским царством; изучению системы международных отношений, сложившейся в Средние века в Западной и Восточной Европе, а также на Ближнем Востоке, анализу влияния междинастических споров на отношения между средневековыми государствами; рассмотрению изменений, произошедших в системе международных отношений в Новое время, связанных с созданием национальных государств.

При рассмотрении исторических сюжетов Нового времени значительное внимание уделялось процессам формирования и развития Вестфальской системы, определившей перспективы развития международных отношений на долгие годы. В главе исследуется также политика отдельных стран, изучаются противоречия, возникавшие между европейскими державами по ряду вопросов.

При описании международных процессов той или иной эпохи авторы сделали акцент на изучение внешнеполитических процедур и дипломатических традиций, согласно которым происходили установление и разрыв дипломатических отношений, подписание договоров и соглашений, объявление войны и заключение мира.

Необходимо отметить, что широкие хронологические рамки не позволяют в ограниченном объеме пособия рассмотреть все эпизоды международной жизни в указанные периоды. В связи с этим, авторы сочли целесообразным остановиться лишь на существенных характеристиках различных систем международных отношений в античную эпоху, а также в периоды Средневековья и Нового времени.

ГЛАВА 1

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА, ГРЕЦИИ И РИМА

§ 1. Древний Восток

Внешняя политика военно-теократических деспотий Древнего Востока, таких как Древний Египет, Ассирия, царство хеттов, государств Древней Индии и Китая, была достаточно активной и проводилась как посредством дипломатических усилий, так и при помощи средств военного характера, направленных главным образом на захват новых территорий и рабов, необходимых для нормального функционирования перечисленных государственных образований. Необходимо отметить, что несмотря на достаточно развитую дипломатическую практику, при решении внешнеполитических вопросов государства Древнего Востока в большинстве случаев прибегали все-таки к войне, оставляя дипломатии сравнительно узкое поле деятельности, в том числе установление союзнических отношений между государствами и организацию военно-политической разведки.

Благодаря усилиям египтологов и ассириологов, расшифровавших значительное количество иероглифических и клинописных надписей, дошедших до нашего времени, в нашем

распоряжении имеются памятники древневосточной дипломатической переписки, договора и другие документы международного характера, свидетельствующие об оживленных отношениях между государствами региона.

Источники позволяют предположить, что наиболее крупным и могущественным во внешнеполитическом плане государством Древнего Востока во 2-м тысячелетии до н.э. был Египет. Египтяне поддерживали активные торговые, политические и культурные связи практически со всеми известными им странами - государством хеттов в Малой Азии, Месопотамией, сирийскими и палестинскими княжествами, Критским царством, островами Эгейского моря.

Из многочисленных документов, известных нам, наибольший интерес с точки зрения изучения межгосударственных связей на Древнем Востоке представляет комплекс документов, обозначенный в исторической литературе как «Тель-Амарнская переписка» и договор египетского фараона Рамзеса II с царем хеттов Хаттусилисом III, заключенный в 1278 г. до н.э.

Тель-Амарнская переписка была обнаружена в 1887—1888 гг. во время археологических раскопок резиденции фараона Аменхотепа IV, расположенной в местечке Амарна. Данный комплекс документов включает в себя большое количество материалов дипломатической переписки фараонов XVIII династии Аменхотепа III и его сына, относящихся к XV - XIV вв. до н.э., с правителями других государств и подвластными им сирийскими князьями. Существенным дополнением к Тель-Амарнскому архиву, позволяющим скорректировать данные египетских источников,

стало собрание документов хеттского царя Супилилумы, также обнаруженное в ходе археологических раскопок.

Большую часть Тель-Амарнского архива составляют письма правителей небольших сирийских и палестинских государств фараонам, которые дают возможность выделить основные черты египетской политики в отношении зависимых государств. Письма свидетельствуют о том, что указанные государства были своеобразным буфером между Древним Египтом и Хеттским царством - крупнейшими державами того времени, а также о том, что египтяне и хетты старались поддерживать постоянную вражду между ними, чтобы таким образом укрепить свое влияние в государствах Благодатного Полумесяца. Для достижения этой цели использовались также династические браки, военная помощь и денежные займы сирийским и палестинским правителям. В XIV в. до н.э. хетты достигли значительных успехов в проникновении на сирийскую и палестинскую территории, фактически включив в орбиту своего влияния районы, богатые полезными ископаемыми и важнейшие торговые пути. В создавшейся ситуации египетские фараоны приняли меры для привлечения на свою сторону государств Месопотамии - Вавилона и Митанни, которые также опасались усиления хеттского могущества в Передней Азии. В Тель-Амарнском архиве сохранился ряд писем, содержащих информацию о достаточно сложных отношениях Египта со своими новыми союзниками, об их взаимодействии и разногласиях.

Усиление хеттского могущества привело к ожесточенным столкновениям между хеттами и египтянами, которыми был заполнен практически весь период XIV-XIII вв. до н.э. Разрушительный характер войн, не приводивших ни к каким ощутимым результатам, заставил противоборствующие стороны вступить в переговоры и заключить дружественное соглашение на основе взаимных уступок. В 1278 г. до н.э. такое соглашение было заключено между хеттским царем Хаттусилисом III и египетским фараоном Рамзесом II. Источники свидетельствуют, что в данном случае мирная инициатива исходила со стороны хеттов.

Соглашение подразумевало совместные оборонительные и наступательные действия против общих врагов, причем в тексте соглашения содержатся указания на то, что договаривающиеся стороны обязывались оказывать друг другу помощь и в случае дестабилизации внутрисполитической обстановки в Египте или в царстве хеттов - восстания рабов или волнений на территории подвластных им областей в Леванте. Отдельная статья соглашения

предусматривала взаимную выдачу перебежчиков. Письмами, определенным образом скрепившими соглашение, обменялись также царицы обоих государств.

Обмен дипломатическими письмами и посольствами продолжался и после заключения соглашения, а после смерти египетской царицы военно-политический союз был скреплен династическим браком: Рамзес II женился на дочери Хаттусилиса III.

Отметим также, что анализ текста соглашения 1278 г. до н.э. позволяет предположить, что данное соглашение, возможно, было не первым, а лишь продолжало традицию союзных отношений, сложившуюся между двумя государствами в период правления предшественников Хаттусилиса III и Рамзеса II.

Указанное соглашение, а также документы, предшествовавшие ему, оказали достаточно большое влияние на развитие внешнеполитического инструментария государств Древнего мира. Их форма несомненно послужила образцом для последующих договоров и соглашений, характерных как для государств Древнего Востока, так и для греческих полисов и Древнего Рима. Вместе с тем необходимо отметить, что в этом соглашении ярко отразилась черта, характерная только для государств Древнего Востока - отождествление самого государства с личностью носителя верховной власти в нем, что в значительной степени характеризует специфику системы межгосударственных связей в рассматриваемый период.

В период, последовавший за заключением обозначенного договора, Египет и царство хеттов постепенно слабели и утрачивали свое внешнеполитическое могущество. В этот период на передний план выходит государство Ассирия, расположенное в среднем течении Тигра. Первоначально Ассирия была лишь сравнительно небольшой торговой колонией в составе Вавилонского царства, однако с течением времени зависимость ассирийцев от Вавилона ослабевала и уже к концу второго тысячелетия до н.э. ассирийские цари именовали себя в надписях «повелителями вселенной», которых боги призвали для управления территориями между Тигром и Евфратом. Упоминания об Ассирии как о самостоятельном государстве содержатся и в Тель-Амарнской переписке, в ряде документов которой говорится о прибытии в Египет ассирийских послов и возмущении вавилонского царя, вызванном этим фактом, а также о том, что правитель Вавилона протестовал против принятия этих послов фараоном, что является свидетельством усиления могущества этого молодого динамично развивающегося государства.

Усиление Ассирии вызвало сильное беспокойство в Египте и царстве хеттов. Возможно, что в том числе под влиянием подобных опасений и было заключено соглашение 1278 г. до н.э., косвенно направленное в том числе и против Ассирии.

Своего наибольшего могущества в сфере внешней политики Ассирийское царство достигло в VIII - VII вв. до н.э. в период правления династии Саргониов - Саргоне, Синнахерибе, Тиглат-Паласаре III и Ашшурбанипале. В этот же период были заложены основные направления внешней политики ассирийской державы, обусловившие многие характерные черты ее политического устройства и международной жизни Передней Азии вплоть до конца VII в. до н.э. : 1. Северное направление, в рамках которого ассирийцы вели боевые действия против племен урарту; 2. Южное направление, основной характеристикой которого были войны против Вавилона; 3. Восточно-средиземноморское направление, в рамках которого осуществлялось взаимодействие с торговыми и ремесленными городами-государствами Благодатного Полумесяца.

Выбор данных направлений был обусловлен целым рядом факторов, таких, как потребность в полезных ископаемых и другом сырье, отсутствовавшем на территории Ассирии, необходимость обладания плодородными оазисами, стремление контролировать основные торговые маршруты. Кроме того, движущими силами внешнеполитической активности Ассирии, по мнению многих исследователей, стали растущие потребности ассирийской военной знати, необходимость периодическими военными походами удерживать в повиновении покоренные народы, слабость внутри-экономической базы Ассирии и др.

Основы могущества Ассирии были заложены в период правления Тиглат-Паласара III

(745-727 гг. до н.э.), который провел ряд реформ в военной и административной сфере, укрепивших внутреннюю структуру государства, что сделало возможным активизацию его внешней политики. В VIII-VII вв. Ассирия стала самой крупной древневосточной державой. Обширные размеры ее территории способствовали постоянным столкновениям с соседями, что приводило к почти непрерывным войнам. В сложившейся ситуации правители Ассирии вынуждены были развивать и совершенствовать не только военное, но и дипломатическое искусство.

Внешнеполитическая активность Ассирии вызывала сильное беспокойство среди государств Передней Азии и заставляла их забывать взаимные разногласия для противодействия общему противнику. Против Ассирии в указанный период были сформированы 3 коалиции государств: юго-западная коалиция во главе с Египтом; юго-восточная во главе с государством Элам; северная во главе с Урарту. Коалиции были довольно-таки слабы из-за массы непреодолимых противоречий, существовавших между союзниками, что значительно облегчало ассирийцам победу над ними.

Наивысшей точки своего могущества Ассирия достигла при царе Ашшурбанипале, при котором границы страны расширились от Урарту на севере до нубийских порогов Нила на юге, и от Кипра и Киликии на западе до границ Элама на востоке. Однако внешнеполитические успехи в значительной степени ослабили Ассирию, ускорив ее распад. К концу правления Ашшурбанипала из повиновения вышли Вавилон, Мидия и Египет, а на северной границе державы появились новые враги - скифы и киммерийцы. Через несколько лет после его смерти Мидия и Вавилон заключили договор, направленный против Ассирии. Военные действия, предусмотренные договором и начавшиеся в 614 г. до н.э., закончились в 612 г. полным поражением Ассирии и гибелью ее основных центров.

Преемниками Ассирии в разное время становятся Нововавилонское царство и держава Ахеменидов, использовавшие в своей внешнеполитической практике многие приемы, характерные для ассирийцев.

Активную внешнюю политику вели и правители государств Древней Индии, взаимодействуя не только между собой, но и со странами, расположенными за пределами Индостана, в частности с государствами диадохов - преемников Александра Македонского. Так, основатель крупной индийской державы Маурья и его потомки установили дружественные отношения с Селевкидами, которые признали права индийских правителей на часть индийских территорий, завоеванных Александром, а также на часть территорий Иранского нагорья. Источники сохранили упоминания об активном обмене посольствами между Маурья, Сирией Селевкидов и даже Македонией, а также о том, что результаты переговоров как минимум один раз были закреплены династическим браком. Позднее, уже в I-й вв. н.э. посольства другой индийской державы — Кушанского царства — установили отношения с Римской империей и неоднократно посещали ее пределы при Октавиане Августе и Траяне. Кроме того, представители Кушанского царства активно развивали отношения с государствами Средней Азии и Египтом.

Необходимо также отметить, что искусство ведения внешней политики развивалось и в Древнем Китае, где уже в середине VI в. до н.э. правители ряда государств вступали в союзнические отношения друг с другом, а также заключили соглашение, предусматривавшее отказ от разрешения спорных вопросов с помощью военной силы, обязательное обращение конфликтующих сторон к третейскому суду, являвшееся фактически одним из первых соглашений о ненападении.

Во II в. до н.э. представители Китая предпринимали попытки установления политических и экономических контактов с Греко-Бактрийским царством и другими государствами с целью заключения союза против кочевников, некоторые из которых закончились успешно, что позволило создать торговый путь из Китая на Запад, функционировавший около 300 лет.

В I в. до н.э. правители Китая активно развивали отношения с Парфянским царством, а в I в. н.э. распространили свое влияние на ряд областей Средней Азии, наладили обмен по-

сольствами с правителями Ирана, Кореи, ряда небольших государств Юго-Восточной Азии, а также с помощью использования противоречий между племенами гуннов сумели обезопасить свои северные и северо-западные границы от их набегов.

Отметим также, что на рубеже I и II вв. н.э. китайские послы попытались установить отношения с Римской империей, однако эти попытки закончились неудачей из-за противодействия парфян, опасавшихся установления дружественных отношений Китая с враждебным им Римом.

§ 2. Греция

Основной характеристикой политической жизни Древней Греции можно считать противостояние двух тенденций — стремления к единению, с одной стороны, и к обособленности — с другой. Данная черта объясняется во многом причинами как географического характера (гористый ландшафт местности, разделяющий плодородные заселенные долины), так и этнического: с одной стороны, эллины осознавали свою принадлежность к единому народу, объединенному общностью происхождения, языка и культуры и постоянно подчеркивали свое отличие от иноплеменников -варваров; с другой стороны, определенную роль в отношениях между греками играла их принадлежность к той или иной субэтнической группе - ахейской, ионийской, дорийской и др., отличавшейся от своих соседей диалектными формами греческого языка и некоторыми элементами образа жизни в целом. Указанные факторы оказывали определенное влияние как на взаимодействие между собственно греческими полисами, так и на отношения с представителями других народов.

Большую роль в развитии внешних связей Древней Греции сыграла так называемая "великая колонизация" (VII - VI вв. до н.э.), которая вышла далеко за пределы бассейна Эгейского моря и привела к основанию множества греческих городов на побережье Средиземного и Черного морей. Каждая колония являлась самостоятельным городом-государством (полисом), но, как правило, сохранявшим тесные экономические и политические связи с метрополией. Увеличение количества полисов с разными статусами привело к усложнению системы отношений между ними в период VII - VI вв. до н.э., что в свою очередь привело к появлению первых межполисных договоров, регулирующих политические, экономические, религиозные и военные отношения между ними, а также к возникновению системы союзов.

Необходимо также отметить значительную роль общегреческих религиозных праздников и мероприятий для развития системы межполисных связей на территории Эллады (Олимпийские игры, Истмийские игры и т.д.).

Древнейшей формой межполисных связей в Греции принято считать «проксе-нию», т.е. гостеприимство. Проксения применялась как при установлении контактов между отдельными лицами, родами и племенами, так и между целыми городами-государствами. Данный принцип реализовывался через специальных людей - про-ксенов, которые, являясь жителями какого-либо полиса оказывали посреднические услуги представителям других полисов, принимая у себя как частных лиц, так и послов, и брали на себя защиту интересов данного полиса перед властями своего города. Дипломатические переговоры также велись при участии проксенов. В свою очередь тот полис, интересы которого отстаивал проксен, предоставлял ему ряд привилегий в сфере торговли, налогообложения, судопроизводства и т.д.

Другим древним институтом межгосударственных связей в Греции были амфиктионии — религиозные союзы, возникавшие вокруг святилища какого-либо божества. В эти союзы входили общины, жившие в районе святилища независимо от того, к какой субэтнической группе они принадлежали. Считается, что первоначальной целью амфиктионий было проведение совместных общих религиозных празднеств, совершение жертвоприношений, защита храмов, а также наказание нарушителей священных обычаев. Кроме того, собиравшиеся на празднества представители общин совещались по различным актуальным вопросам общественной жизни; во время празднеств запрещалось вести войны и провозглашал-

ся «божественный мир» (иеро-мения), что способствовало превращению амфикистий в религиозно-политический институт, имеющий значение в масштабах всей Древней Греции.

Источники сохранили упоминания о нескольких греческих амфикистиях, самой древней и мощной из которых была Дельфийско-Фермопильская, образованная в результате Дельфийской (при храме Аполлона в Дельфах) и Фермопильской (при храме Деметры) амфикистий. В указанный союз входило достаточно много городов - государств, каждое из которых имело 2 голоса при совместном обсуждении вопросов в общем совете - верховном органе амфикистий. Собрание созывалось 2 раза в год и собиралось сначала в Фермопилах, затем в Дельфах. Важнейшими обязанностями собрания было соблюдение «божественного мира» и организация религиозных празднеств. В конце VI в. до н.э. в рамках союза появилась новая группа должностных лиц - пилархов, считавшихся политическими представителями союзных государств. При посредстве пилархов и членов собрания (иеромнемов) входящие в амфикистию города-государства принимали на себя определенные обязательства по отношению к союзникам, давали друг другу клятвы и т.д. В случае нарушения каким-либо полисом взятых на себя обязательств, нарушитель подлежал суду союзников, которые могли объявить ему «священную войну», однако согласно традициям амфикистия не могла вмешиваться во внутренние дела своих членов.

Несмотря на формальную независимость амфикистий друг от друга, союз фактически находился под влиянием одного из наиболее сильных членов союза. Полисы, стремившиеся к преобладанию в рамках амфикистий, активно пытались привлечь на свою сторону Дельфийского оракула, предсказания которого играли достаточно большую роль в политической жизни Эллады, воздействуя на общественное мнение и оказывая таким образом влияние на ход событий как в сфере внутренней, так и внешней политики полисов.

Кроме того, согласно обычаю, все политические договоры, заключенные между греческими общинами, подлежали утверждению дельфийскими жрецами. Отметим также, что к Дельфийскому оракулу часто обращались для разрешения спорных вопросов, возникших в отношениях между полисами.

Наряду с религиозно-политическими объединениями в Элладе существовали и военно-политические союзы - «симахии», являвшиеся более сложными союзными образованиями и возникшие в более поздний период. Самыми значительными из них были Лакедемонская и Делосская (Афинская) симахии.

Лакедемонская симахия возникла в IV в. до н.э. как союз городов и общин Пелопоннеса во главе со Спартой. Высшим органом симахии был «силлогос», т.е. общее собрание, созываемое главным городом союза 1 раз в год. Общины - члены союза независимо от своей величины, военной и экономической мощи, имели на собрании лишь по одному голосу. Вопросы на собрании решались большинством голосов, как правило после достаточно долгих прений.

Афинская симахия была образована во время Греко-персидских войн для отражения персидской угрозы и отличалась от Лакедемонской двумя основными чертами: 1) члены Афинской симахии платили специальный взнос (форос) в общую союзную казну, находившуюся на острове Делос; 2) члены союза больше зависели от своего гегемона - Афин. Сложившаяся ситуация привела к тому, что постепенно Делосская симахия превратилась в Афинскую державу (архэ).

Отношения между указанными военно-политическими союзами были достаточно напряженными, что и привело в конце концов к Пелопоннесской войне (2-я половина V в. до н.э.), в которую оказались втянуты практически все города-государства Греции. После поражения Афин в войне Делосская симахия была уничтожена (404 г. до н.э.), однако позднее, в 378 г. до н.э., Афины вновь объединили вокруг себя островные полисы, создав Второй афинский морской союз. Согласно заключенному договору, текст которого сохранился до нашего времени, афиняне обязались не вмешиваться во внутренние дела союзников и решать все важные вопросы, прислушиваясь к их мнению. Это объединение просущество-

вовало достаточно недолго. Вскоре после его создания Афины начали нарушать взятые на себя обязательства, что и привело к распаду союза в 355 г. до н.э.

В период V — IV вв. до н.э. предпринимались попытки создания общегреческих союзных объединений, однако из-за взаимных противоречий практически ни одна из них не увенчалась успехом. Положительного результата в этом направлении сумел достичь македонский царь Филипп II, когда в 338 г. до н.э. в Коринфе было создано общегреческое совещание, где участвовали все полисы, кроме Спарты. Председатель этого совещания Филипп Македонский провозгласил прекращение войны в Греции. Ему удалось на некоторое время преодолеть традиционную греческую раздробленность. Гегемоном объединения стал сам Филипп, но в 336 г. до н.э. он был убит, и выполнение его планов взял на себя его сын Александр Великий (годы правления 336 - 323 до н.э.). Десять лет ему понадобилось, чтобы покорить Персию и дойти до Индии. Путем дипломатии Александр Македонский покорял индийские города, заключая союзы с местными жрецами и используя взаимную вражду между раджами. После смерти Александра осталось огромное наследство. На престол претендовали многие из окружения императора. В итоге верховным правителем стал Пердикка - старший из полководцев Александра. Но это вызвало недовольство многих соратников Александра, считавших себя обделенными. Эллинистическая эпоха началась с долгой борьбы за власть, вплоть до битвы при Ипсе в 301 г. до н.э. Эта эпоха оставила много памятников, относящихся к сфере дипломатии и МО. Ими были союзы, тексты договоров, письма и некоторые другие документы.

Одним из интересных памятников эллинистической дипломатии этого периода является манифест Полисперхона греческим городам (319 г. до н.э.). После смерти Пердикки он сделался регентом. Против него была создана мощная коалиция, во главе которой стояли Кассандр, Антигон, Птолемей и Селевк. Коалиция была на порядок сильнее Полисперхона. Это обстоятельство и заставило его пойти на искусный дипломатический маневр. В поисках союзников Полисперхон обратился с манифестом к греческим городам, обещая восстановления им демократии и свободы. Он выступил в роли законного наследника и защитника династии Филиппа и Александра, а своих врагов обвинил в попытке узурпации. Вступительные слова манифеста говорят: «Так как наши предки всегда оказывали эллинам честь, то и мы должны продолжать их дело и предоставить доказательство благосклонности греческому народу. Эллинам возвращаются государственное устройство, которое они имели при Филиппе и Александре», — говорится в манифесте.

Все распоряжения мятежных полководцев отменялись. Особо оговаривались права Афин. Все афинские владения объявлялись неприкосновенными, кроме того, Афинам отдавались Самос и Орос.

Своим манифестом Полисперхон достиг намеченных целей, временно ослабив вражескую коалицию. Его дипломатия вызвала одобрение в демосе и среди олигархов. Но все же коалиция сумела оправиться от шока и в конечном итоге победила. В результате ряда войн наследство Александра было разделено между тремя крупными греческими царствами:

Царство Птолемеев в Египте

Царство Селевкидов в Азии

Царство Антигонидов в Европе

Их история охватывает более двух столетий с IV до II в. до н.э., когда эллинистические царства пали под ударами другой античной державы — Рима.

Эпоха эллинизма до неузнаваемости преобразила политическую карту Греции, которая к концу III в. до н.э. перестала напоминать разноцветную мозаику, состоящую из небольших городов-государств. В этот период почти вся территория материковой Эллады была поделена между несколькими крупными государствами, включившими в свой состав десятки ранее независимых городов-государств и сельских общин и объединений. Своеобразным олицетворением этого нового политического состояния являлись Ахейский и Этолийский союзы, самые обширные и влиятельные из новообразованных государств, получивших в исторической науке название федераций. По мнению ряда историков-

антиковедов, именно в Элладе был впервые применен принцип федерализма, который оказался единственно возможным для прочного и долговременного объединения отдельных полисов в единое независимое государство.

Интеграционные процессы, активно развивавшиеся в первой половине III в. до н.э. имели определенную связь как с социально-экономическими процессами, так и с политической ситуацией того времени.

Историки отмечают, что быстрый рост федеративных союзов в эллинистической Греции проходил в иных условиях, нежели аналогичные процессы в некоторых областях Балканского п-ова в V - IV вв. до н.э.: Греция III в. до н.э. начала испытывать серьезные экономические трудности, вызванные непрерывными войнами времен диадохов, которые получили свое продолжение и в эпоху относительной стабилизации эллинистических государств. По мере бурного роста городов эллинистического Востока, полисы Балканской Греции теряли традиционные рынки сбыта продукции ремесла и сельского хозяйства, что привело к снижению жизненного уровня граждан. Продолжавшийся отток наиболее инициативной части населения на Восток также не способствовал экономическому подъему.

В рассматриваемый период наметились также кризисные явления в рамках полисной структуры общества, выразившийся в размывании различий между гражданами и не гражданами. Острота внутренних противоречий, взаимное недоверие в среде сограждан вызывали повсеместную практику приглашения судей из других полисов. Для закрепления политических соглашений стала широко применяться практика обмена гражданством - так называемая *исополития*. Все перечисленное выше способствовало, с одной стороны, деформации полисной системы, а с другой — заметно оживляло межполисные контакты.

Усиление культурных и хозяйственных связей между полисами, распространение панэллинских идей и представлений — все это делало вполне возможным объединение городов Балканской Греции в крупные государства, причем первоначально не исключалась возможность постепенной интеграции греческих полисов и македонской монархии, однако политика македонских царей не способствовала такому объединению.

Указанные факторы привели к достаточно быстрому росту эллинистических федераций. В исторической науке существует также точка зрения, что интеграционные процессы эпохи эллинизма явились простым продолжением древней традиции племенного единства, когда для его возобновления появились благоприятные условия.

Новые политические объединения проводили достаточно активную внешнюю политику, взаимодействуя как между собой, так и с крупнейшими эллинистическими монархиями - Македонией Антигонидов, Сирией Селевкидов и птолемеевским Египтом. Федерации использовали противоречия между ними для укрепления своей независимости. Во II в. до н.э. федерации полисов продолжали играть важную роль в международной политике, расширяя свои фаницы, однако в этот период они выступали уже как сателлиты Македонии или Рима, которые использовали их в борьбе друг с другом.

Верховным законодательным органом союзов являлось общесоюзное собрание, выполнявшее примерно те же функции, что и народное собрание в полисе. На собраниях решались и внешнеполитические вопросы, касающиеся оказания военной или политической помощи тому или иному государству, объявления войны, заключения мира, ратификации договора и т.д. Собрания также отправляли и принимали посольства, заслушивали отчеты послов, принимали или отвергали дары иностранных правителей, решали судьбу пленных, руководили улаживанием территориальных споров между союзными полисами и т.д.

Внешнеполитическими функциями обладал и стратег (глава исполнительной власти) союза, который имел право своей властью разрешать набеги на территории соседних государств в случае необходимости, а также мог вести переговоры с иностранными державами, лично встречаясь с их представителями, отправляя послов или ведя дипломатическую переписку. Кроме того, стратег имел право выступать на общесоюзном собрании с инициативой объявления войны или заключения мира, причем позиция стратега, как правило, предопределяла исход голосования. Широта полномочий стратега, в том числе в сфере

внешней политики, была ограничена такими должностными лицами, как дамиурги, которые имели право пресекать действия стратега, противоречащие союзному закону.

Каждый полис, входивший в федерацию, также имел право проводить самостоятельные внешнеполитические акции, не противоречащие курсу внешней политики союза в целом. Неизвестны и, безусловно, не допускались случаи самостоятельного начала военных действий против иностранного государства одним из союзных полисов; с другой стороны, федерации не препятствовали своим членам поддерживать двусторонние отношения с союзными государствами.

В целом, подводя итоги, можно сказать, что именно такой способ интеграции полисов в единое целое помог им приспособить свое существование к новым внешним и внутренним условиям и обеспечить возможность сравнительно мирного развития при стабилизации внутривнутриполитической обстановки.

Богатый источниковый материал, свидетельствует о том, что в полисах и союзах античной Греции существовала достаточно развитая дипломатическая практика, позволявшая разрешать возникающие между ними конфликты мирным путем при содействии послов. В гомеровской Греции они назывались вестниками, в классической — старейшинами. В большинстве греческих полисов послы избирались народным собранием из лиц почтенного возраста (не моложе 50 лет), чем и объясняется появление термина «старейшины».

Обычно послы выбирались из состоятельных граждан, пользовавшихся авторитетом и имевших проксионов в других полисах. Одним из необходимых качеств, учитывавшихся при выборе послов, было красноречие кандидатов. Чаще всего посольские поручения давались высшим должностным лицам полисов. Иногда обязанности послов возлагались на частных лиц, занимавших ранее выборные должности и сохранивших свое влияние на политическую жизнь общины. Известны случаи, когда послами назначали ораторов или актеров, чье искусство придавало больший вес и убедительность словам посла, выступавшего перед народным собранием другого города-государства.

Число членов посольской миссии было различным. Все послы считались равноправными, и лишь позже вошло в обычай выбирать главу посольства — «архистарейшину», который также выполнял обязанности главы посольской коллегии. На содержание послов в период выполнения их полномочий выделялись определенные денежные суммы, так называемые «дорожные деньги»; они также имели право на содержание определенного штата прислуги.

При отправлении послов им давались рекомендательные письма («символа») к проксионам города, в который выезжало посольство. Цели посольства и свобода дипломатического маневра на переговорах определялись инструкциями, которые вручались послам. В Греции существовал установленный порядок оформления инструкций: они представляли собой грамоту, состоящую из двух сложенных вместе наощенных дощечек — «дипломата», от чего и произошел сам термин «дипломатия».

Как правило, послы, прибывшие к месту назначения, встречались с проксионом и вместе с ним направлялись к должностным лицам полиса, ведавшим внешними сношениями общины. Они предъявляли им свои грамоты и получали от них соответствующие указания и советы. Затем через некоторое время послам предоставлялось слово в совете или на народном собрании, где они объясняли цели своего прибытия. После этого открывались публичные дебаты или же вопрос передавался на рассмотрение специальной комиссии. Как правило, к послам относились с должным почтением, обеспечивая им хороший прием, преподносили подарки и приглашали на театральные представления, игры и празднества.

По возвращении в родной город члены посольства отчитывались в народном собрании о результатах своей миссии, причем каждому гражданину предоставлялось право, выслушав отчет посла, высказать свою оценку его деятельности и даже выступить с обвинениями в адрес членов посольства. В случае же одобрения результатов деятельности послов им выдавались почетные награды.

Одной из главных обязанностей послов в античных полисах было заключение союзов с другими городами-государствами и подписание соответствующих договоров. На договор древние смотрели как на нечто священное. Нарушение договора, по их убеждению, влекло за собой кару богов, поэтому заключение договоров и ведение дипломатических переговоров было обставлено строгими формальностями. Договорные обязательства скреплялись клятвами, призывавшими в свидетели сверхъестественные силы, освящающие подписанный договор. Клятвы давались обеими сторонами в присутствии руководящих лиц того города, в котором подписывался договор. Как правило, к клятве присоединялась еще и угроза проклятия, которое должно было упасть на потенциального нарушителя договора.

После принятия условий договора каждой стороне вменялось в обязанность вырезать его текст, а также текст клятвы на каменной стеле, которая должна была храниться в одном из храмов. Копии наиболее важных соглашений хранились в общегреческих святилищах (в Дельфах, Делосе и т.д.). Один из вариантов текста поступал также в архивы подписавших договор полисов. В случае разрыва договора и объявления войны стела с текстом договора разбивалась, что символизировало расторжение договора.

Возникавшие на почве нарушений договорных условий споры и столкновения передавались на рассмотрение третейской комиссии, которая налагала на виновников денежные штрафы, которые вносились в казну какого-либо храма (Аполлона Дельфийского, Зевса Олимпийского и т.д.). Из сохранившихся надписей известны взыскания, равнявшиеся 10 и более талантам, что в то время составляло достаточно крупную сумму. В случае упорного нежелания подчиняться требованиям третейского суда, против непокорных полисов принимались принудительные меры, вплоть до объявления «священной войны».

Указанные дипломатические процедуры с определенными изменениями существовали и в эллинистическую эпоху.

Таким образом, история межгосударственных связей Древней Греции демонстрирует примеры достаточно развитой дипломатической практики, позволявшей регулировать отношения между полисами мирными средствами. Что же нового в межгосударственную практику отношений внес римский период? Рассмотрим специфику внешней политики Древнего Рима.

§ 3. Рим

Внешнеполитическая деятельность Древнего Рима была достаточно активной на протяжении всего периода существования этого государства. Римляне распространяли свое влияние на достаточно обширные территории, включавшие в себя Средиземноморский регион, страны Благодатного Полумесяца, часть областей Центральной, Южной и Западной Европы, а также некоторые территории во внутренних областях Азии. Исторические источники дают основания утверждать, что римлянами были установлены контакты с некоторыми государствами на территории Индии, а также с Китаем. Ограниченные рамки данного учебного пособия не позволяют осветить все сюжеты, связанные с деятельностью Древнего Рима на международной арене; мы ограничимся лишь изучением основных направлений римской внешней политики, наиболее характерных ее черт, а также рассмотрим те новации, которые были введены римскими дипломатами во внешнеполитическую практику.

Руководство внешней политикой Рима в период республики осуществлял сенат. Именно ему принадлежало исключительное право определения внешнеполитических приоритетов государства, стратегии и тактики Рима во взаимодействии с другими государствами. Сенат принимал решения об отправке посольств, осуществлявших дипломатическую работу за пределами Рима, принимал миссии из других стран, руководил вооруженными силами, а в экстренных случаях назначал диктатора, которому временно передавалась вся полнота власти, в том числе и полномочия в сфере внешней политики.

Римское посольство всегда состояло, как минимум, из трех человек. Во главе него стоял легат (посол), кандидатура которого, как правило, выдвигалась консулами или преторами

и подлежала обязательному утверждению в сенате. В посольства избирались в основном лица из сенаторского сословия. От имени сената и римского народа легаты объявляли войну, заключали мир, подписывали договоры, решали вопросы, связанные управлением провинциями и урегулированием конфликтов и споров. Сенат обеспечивал посольствам особый статус неприкосновенности, право свободного проезда по территории римских владений и получения в пути всего необходимого для выполнения возложенной на них миссии.

Сенату принадлежало право не только отправлять, но и принимать посольства. Прибывшие в Рим иностранные послы делились на 2 категории - послы враждебных государств и послы дружественных держав. Послы враждебных государств в город не допускались, а размещались за городской чертой, на Марсовом поле. Иным было отношение к послам дружественных государств, которых принимали со всеми подобающими почестями. Послов от крупных держав встречал один из высших римских магистратов, который сопровождал их во время поездок по Италии и при отъезде на родину. Послам уделялось большое внимание: в их честь устраивались празднества, театральные и цирковые представления, на которых им отводились почетные места. Отметим также, что в Риме существовал обычай преподносить послам богатые дары; со своей стороны, приезжавшие в Рим послы делали богатые подношения в римскую казну.

В имперский период внешняя политика все более становилась уделом императорского двора. Функции, связанные с выработкой и осуществлением внешнеполитического курса стала осуществлять личная канцелярия императора, в связи с чем вопросы межгосударственных связей перестают быть предметом обсуждения широкого круга лиц и становятся достоянием группировок, приближенных к императору. Постепенно утрачивает свое значение фигура легата, главным образом в связи с тем, что его общение с главой государства значительно затрудняется.

Внешнеполитические мероприятия (объявление войны, заключение мира и т.д.) обставлялись сложным церемониалом. Обрядовые формальности осуществлялись представителями жреческой коллегии фециалов. На них также была возложена ответственность за хранение международных договоров и соглашений.

К должностным лицам, представлявшим римскую общину в сношениях с иноплемениками, относились и так называемые рекуператоры - выборные судьи, разбиравшие споры о взаимных материальных претензиях между римлянами и представителями других италийских племен. Впоследствии, в период II - I вв. до н.э., суд рекуператоров стал рассматривать жалобы населения провинций на действия наместников.

В связи с развитием международных связей в Древнем Риме появились и элементы международного права. Они содержались уже в фециальном праве (*jus fetiale*). По мере усложнения взаимоотношений с соседями наряду со старинным «гражданским правом» (*jus civile*) появляется и «право Народа» (*jus gentium*), которое регулировало отношения между римлянами и иностранцами.

Дошедшие до нашего времени исторические источники позволяют разделить историю внешней политики Древнего Рима на 4 периода, в целом совпадающие с основными этапами развития римского государства.

Период 509 - 265 гг. до н.э. характеризуется активной политикой Рима в Италии и созданием Римско-италийского союза.

Период 263 - 201 гг. до н.э. был отмечен противостоянием Рима и Карфагена, которое завершилось установлением римского господства в Западном Средиземноморье.

Основной характеристикой периода 200 - 66 гг. до н.э. является борьба Рима за доминирование в Восточном Средиземноморье и включение данного региона в орбиту римского влияния.

Отличительной чертой последнего периода (внешняя политика Римской империи) является активизация отношений римлян с Парфией на фоне общего сниже

ния внешнеполитической активности Рима, а также укрепление границ империи.

Период 509—265 гг. до н.э. характеризуется в основном развитием связей Рима с другими полисами Средней Италии. К концу так называемого «легендарного периода», к моменту становления Римской республики основным элементом системы межгосударственных связей в Лациуме были союзы городов-государств, характерные для полисной организации общества и необходимые для совместного противодействия агрессии в условиях слабости отдельного полиса перед лицом внешней угрозы. Однако источники дают основания полагать, что такие союзы были непрочными и носили временный характер. К концу VI в. до н.э. Рим входил в союз 30 латинских городов, распавшийся в результате Первой Латинской войны (508 г.). Результатом войны стало создание новой, Арицийской федерации, в состав которой вошли 8 латинских полисов, в том числе и Рим. В соответствии с договором, заключенным между полисами, все члены федерации считались равноправными, обязывались не вмешиваться во внутренние дела друг друга, оказывать военную помощь своим союзникам и поровну делить военную добычу. Договор предусматривал, что руководство федерацией должно осуществляться выборным диктатором.

Арицийская федерация просуществовала чуть более ста лет и фактически распалась в 390 г. до н.э. в период галльского нашествия. В этих сложных условиях верность своим союзническим обязательствам, предусмотренным договором, сохранили только Рим и Туе кул. Однако с течением времени расширение экспансии галлов в Средней Италии и определенные успехи, достигнутые римлянами в борьбе с противником, заставили бывших членов федерации возобновить союз с Римом и возродить утратившую силу Арицийскую федерацию (358 г. до н.э.)

Необходимо отметить, что новое союзное объединение качественно отличалось от своего предшественника. Характерной чертой возобновленной федерации стало безусловное преобладание Рима в вопросах внешней и военной политики. Показателем этого является хотя бы тот факт, что в 348 г. до н.э. Рим заключил дружественный договор с Карфагеном от своего имени, а не от имени федерации.

Указанный договор в значительной степени изменил систему межгосударственных отношений в регионе Западного Средиземноморья, с одной стороны, подняв престиж римской дипломатии и усилив позиции Рима в Лациуме, а с другой - разделив сферы влияния в регионе между Римом и Карфагеном — двумя наиболее активно развивающимися государствами. Отметим также, что данный договор, определивший сферу интересов римлян на юге Италии стал своего рода отправной точкой для развития экономической и военной экспансии этого динамично развивающегося полиса, а также своего рода дипломатическим прикрытием войны Древнего Рима с так называемой Самнитской федерацией (объединение городов-государств южной части Лациума), обеспечив невмешательство в конфликт Карфагена. В 341 г. до н.э. римские войска одержали победу над самнитами и установили свое господство в области Кампания. Такое усиление римского влияния всерьез обеспокоило его союзников. Члены Арицийской федерации, ссылаясь на заключенный между ними договор, потребовали избрать половину римского сената и одного из консулов из представителей латинов. Римляне ответили категорическим отказом.

Противоречия между Римом и союзниками привели к развязыванию Второй Латинской войны, закончившейся в 338 г. до н.э. победой римлян над коалицией латинов, вольсков и кампанцев. Эта победа имела для Италии далеко идущие последствия политического характера, изменив структуру межгосударственных связей в стране. Арицийская федерация была распущена и заменена системой двусторонних договоров, условия которых Рим продиктовал своим союзникам и побежденным противникам в зависимости от того, какую позицию они занимали во время войны. Таким образом, в Лациуме (Средняя Италия) сложилась новая система межполисных отношений, ключевым звеном которой стал Рим. В рамках этой системы полисы получили различный правовой статус по отношению к Риму. Данная система была достаточно гибкой, позволяя Риму регулировать отношения между союзниками, используя противоречия между городами-государствами, вытекающие из

различий в их статусе.

К 290 г. до н.э. покорение Средней Италии было в целом завершено. Следующим объектом римской экспансии стали греческие колонии, расположенные в южной части Апеннинского п-ова. Поводом к активизации римского проникновения в этот район Италии стало обращение города Фурии, который попросил у Рима поддержки в войне с племенем луканов. Взаимодействие римлян с Фурием позволило Риму распространить свое влияние на часть ионического побережья Италии. В сложившейся ситуации борьбу с Римом возглавил город Тарент, создавший сильную коалицию греческих городов и пригласивший известного в те времена полководца, эпирского царя Пирра, для руководства боевыми действиями. Полководческий талант Пирра позволил коалиции на первом этапе противостояния одержать несколько побед над римскими легионами.

В этих условиях Рим активизировал свои отношения с Карфагеном, который также был обеспокоен усилением греков на юге Италии, и особенно в Сицилии. Результатом переговоров стало заключение военного союза против Пирра, который, однако, не помешал последнему провести удачную экспедицию на остров Сицилия и подготовить десантную операцию против африканских владений Карфагена. Развить свои военные успехи Пирру помешали его нескрываемые притязания на создание крупной эллинистической империи в Западном Средиземноморье, оттолкнувшие от него союзников, которые предпочли договориться с Карфагеном или сдаться Риму. Не последнюю роль в развале антиримской коалиции греческих колоний сыграла римская дипломатия, использовавшая в своих целях противоречия в лагере противника.

В целом, говоря об итогах Пирровой войны, можно отметить, что она способствовала дальнейшему закреплению влияния Рима и Карфагена в Южной Италии и разделу сфер влияния между ними, причем в Сицилии эти сферы непосредственно соприкасались друг с другом, что создавало ситуацию, чреватую развертыванием конфликта между двумя государствами в ближайшей перспективе.

В 265 г. до н.э. римляне покорили последний независимый город - Вольсиний в области Этрурия. Еще некоторое время оставалась непокоренной альпийская область Италии с долиной реки По, заселенная галлами, но в 219 г. до н.э. и эта территория была захвачена Римом.

Как уже отмечалось выше, покорение Италии Римом сопровождалось созданием системы союзных отношений, основным элементом которой был Рим, а его союзники находились в неравных отношениях как с Римом, так и друг с другом. Данная система сложилась к середине IV в. до н.э. и просуществовала с определенными изменениями практически в течение всего периода римских завоеваний. В созданном в течение IV - III вв. до н.э. Римско-италийском союзе можно выделить 6 основных правовых категорий:

Муниципии высшего ранга (древние полисы Лациума и римские колонии, вынесенные на стратегически важные участки Апеннинского п-ова), получившие полное римское гражданство.

Муниципии низшего ранга (латины, этруски и т.д.), получившие неполное римское гражданство без права голосования, но с правом внутреннего самоуправления.

Префектуры - города, получившие римское гражданство без права голосования с частичным самоуправлением, ограниченным римским префектом.

Большинство городов и колоний внутренних областей Италии получили латинское гражданство, которое, при определенных обстоятельствах (переселение в Рим, заключение брака с римским гражданином), могло трансформироваться в римское гражданство.

Неполное латинское гражданство получили греческие города Южной Италии. Данный статус не позволял им стать полноправными римскими гражданами.

К последней категории принадлежали города - члены бывшей Самнитской федерации и галлы, не получившие практически никаких прав и управлявшиеся рим

скими чиновниками.

Все союзники лишались права проведения самостоятельной внешней политики и были обязаны поставлять в римское войско вооружение, военные контингенты и экипажи судов.

Указанная система договорных отношений просуществовала в Италии до 88 г. до н.э., когда все жители Апеннинского п-ова получили права полного римского гражданства.

Необходимо также отметить, что кроме использования противоречий, основанных на различиях в правовых статусах, римляне использовали для разделения своих союзников так называемое «Римское поле», т.е. земли, отданные союзниками в собственность римлянам. «Римское поле» было сформировано таким образом, что земли, входившие в него, тянулись вдоль западного побережья полуострова и пересекали Апеннинский хребет посередине от одного моря до другого, отделяя северных союзников Рима от южных.

Как уже отмечалось, почва для возникновения конфликта между Римом и Карфагеном начала формироваться еще в период Пирровой войны, когда обе стороны фактически заявили о своих претензиях на преобладание в Западном Средиземноморье. Переход от дружественных, союзнических отношений к конфликтным обозначился в 272 г. до н.э., когда карфагеняне предприняли попытку овладеть Тарентом, который в создавшихся условиях предпочел сдаться Риму. Своего апогея конфликт между Римом и Карфагеном достиг в период Пунических войн.

Поводом к 1-й Пунической (Сицилийской) войне, продолжавшейся с 264 по 241 гг. до н.э., стало обращение города Мессана, осажденного Сиракузами и Карфагеном к Риму с просьбой о помощи. Сенат удовлетворил просьбу и послал войска в Сицилию.

Уже на первом этапе войны (264 - 255 гг. до н.э.) инициатива принадлежала римлянам. В 263 г. до н.э. им удалось вывести из войны Сиракузы - главного союзника Карфагена — и занять большую часть Сицилии. Карфаген сумел удержать только западное побережье острова, где размещались его морские базы. Удача сопутствовала римлянам и в морских сражениях

Развивая достигнутый успех, римские легионы высадились в Африке и осадили Карфаген, но несмотря на сложившееся тяжелое положение осажденные отказались принять условия мира. Для руководства обороной города был приглашен спартанский полководец Ксантипп. В 256 - 255 гг. до н.э. ему удалось создать боеспособную армию и снять осаду. В результате этого военно-стратегическое положение Рима ухудшилось и военные действия снова были перенесены на Сицилию.

Второй этап войны (255 - 241 гг. до н.э.) был отмечен примерным равенством сторон, но постепенно римским войскам удалось исправить положение, и опираясь на завоеванные на Сицилии территории, переломить ситуацию в свою пользу. В 241 г. между двумя государствами был заключен мирный договор, согласно которому Карфаген эвакуировал свои морские базы с острова Сицилия, возвращал римских пленных, а также обязывался выплачивать Риму большую контрибуцию. Судя по всему, договор ослабил позиции Карфагена настолько, что римляне сочли возможным занять острова Сардиния и Корсика. В 227 г. до н.э. Рим объявил эти острова своими провинциями, а в 226 г. до н.э. Рим и Карфаген закрепили свои новые территориальные границы, заключив договор о пределах экспансии. Однако 1-я Пуническая война не разрешила всех противоречий между двумя государствами и доминирование Рима в Западном Средиземноморье еще не было абсолютным.

Решающее столкновение двух соперников произошло во время 2-й Пунической войны, известной также как Ганнибалова война. К этой войне Карфаген начал готовиться еще в 237 г. до н.э., когда его войска в соответствии с планом, разработанным полководцем Гамилькаром Баркой, высадились в Иберии (Испания). Данный план, учитывавший уязвимость североафриканского побережья с военной точки зрения, предусматривал ведение войны в Европе, используя Пиренейский п-ов в качестве плацдарма.

Вторая Пуническая война может быть условно разделена на 4 этапа. Первый этап (219 -

216 гг. до н.э.) характеризуется преимуществом Карфагена в военной сфере, реализовавшимся в ряде убедительных побед над Римом и его союзниками. На втором этапе сочетание военных и дипломатических успехов Карфагена привело к тому, что положение Рима становится критическим. В 215 г. до н.э. Ганнибал и македонский царь Филипп V заключили договор о разделе Средиземноморья в случае победы над Римом. Вскоре к этой коалиции присоединились Сиракузы и Сирия.

В создавшейся сложной ситуации Рим активизировал свои дипломатические усилия, направив их на то, чтобы оторвать Македонию от антиримской коалиции. К Филиппу V была послана миссия Тиберия Семпрония Гракха, который сумел убедить македонского царя в том, что союз с Карфагеном невыгоден для него. Одновременно с этим римские представители вели активную работу среди греческих государств, пытаясь спровоцировать конфликт между Этолийским союзом и Македонией. Эти усилия увенчались успехом, и конфликт разгорелся в 212 г. до н.э., обеспечив невмешательство Македонии во 2-ю Пуническую войну. Отход Македонии от союза с Карфагеном был умело использован римлянами. Диктатор Фабий Максим разделил римскую армию на несколько сравнительно небольших отрядов, сковавших силы Ганнибала в Сицилии, Иберии и Италии, что придавало войне затяжной характер.

На третьем этапе войны (211 - 204 гг.) успешные дипломатические усилия Рима привели к распаду антиримской коалиции: от Ганнибала отошли прежние союзники и часть наемных отрядов. Численность карфагенской армии сократилась, коммуникации были растянуты. Сложившееся положение было эффективно использовано римскими военачальниками, захватившими инициативу в свои руки. В 211 г. до н.э. легионы осадили Капую и захватили Сиракузы, а в 209 г. до н.э. овладели портом Тарент. Войска карфагенян, спешившие на помощь Ганнибалу из Иберии были разбиты в 207 г. до н.э.

В 204 г. до н.э. в соответствии с решением сената римский полководец Сципион подготовил и осуществил десантную операцию в Северной Африке и начал развивать наступление на Карфаген, полагая, что это заставит Ганнибала уйти из Италии. В этот период римлянам удалось заручиться поддержкой нумидийского царя Масинис-сы, которому они помогли в борьбе за власть. В решающем сражении при Заме (202 г. до н.э.) нумидийцы оказали серьезную военную помощь римским легионам, что и предопределило исход битвы.

В результате нанесенных ему военных поражений, лишенный практически всех союзников, Карфаген капитулировал в 201 г. до н.э., согласившись на условия, продиктованные Римом: отторжение всех заморских владений, отказ от ведения самостоятельной внешней политики, отказ от права иметь собственный военный флот и т.д. Карфагеняне должны были также в течение 50 лет выплачивать Риму большую контрибуцию.

Говоря о результатах 2-й Пунической войны, необходимо отметить прежде всего то, что после победы над Карфагеном доминирование Рима в регионе Западного Средиземноморья стало практически абсолютным. Завоеванные территории были объявлены римскими провинциями, которые должны были платить в римскую казну взнос, размер которого фиксировался в двустороннем договоре в виде постоянной суммы или установленного процента от общей суммы доходов, а также были обязаны содержать находившиеся на их территории римские войска и административный аппарат наместника.

Разрешив в свою пользу противоречия с Карфагеном и укрепив свои позиции в Западном Средиземноморье, Рим считал возможным активизировать свою политику в восточной части Средиземноморского региона и начал вмешиваться во внутренние дела эллинистического мира наравне с такими государствами, как Македония и держава Селевкидов. В противодействии этим двум влиятельным соперникам Рим пользовался поддержкой второстепенных эллинистических государств, таких, как Родос и Пергам, боровшихся за свою долю влияния.

При поддержке Рима в 200 г. до н.э. был создан Родосско-пергамский военно-политический союз, который сыграл важную роль в ослаблении Македонии и Сирии Селевкидов. В том же году Рим союзу оказал военную помощь в конфликте с Македонией,

благодаря которой македонцы потерпели поражение. Между союзниками и Филиппом V был заключен договор, согласно которому Македония признавала зависимость греческих городов, сокращала свои вооруженные силы до 5 тыс. чел., а также отказывалась от права проводить самостоятельную внешнюю политику.

Сирия не замедлила воспользоваться ослаблением своего балканского соседа и силой захватила ряд укрепленных городов в районе средиземноморских проливов. В 197 г. до н.э. представители о. Родос информировали об этом римский сенат, который, сочетая военные и дипломатические рычаги давления заставил Антиоха III, правившего в Сирии, уступить свои позиции в Малой Азии и сократить свою армию и флот. С этого момента начинается период упадка державы Селевкидов, вступившей в полосу глубокого кризиса, вызванного усилением сепаратизма и борьбой за власть между различными группировками.

Однако римское господство в Восточном Средиземноморье еще не было абсолютным. Македонский царь Филипп V достаточно быстро оправился от поражения и приложил значительные усилия, чтобы наиболее полно использовать мирную передышку в своих целях. Он сумел обойти те статьи договора, которые ограничивали возможности Македонии в военной сфере, и к концу своего правления смог создать достаточно многочисленную и дисциплинированную армию, большие запасы золота, продовольствия и военного снаряжения. В 171 г. до н.э. его сын Персей достиг солидных успехов в сфере дипломатии, сформировав мощную антиримскую коалицию, куда вошли Иллирия, Эпир и ряд греческих городов.

Перечисленные действия македонских царей стали предметом обсуждения на закрытом заседании римского сената с участием пергамского царя, итогом которого стало объявление войны Македонии. Такое развитие событий застало македонцев врасплох: они не смогли правильно оценить всех преимуществ своего положения и пошли на переговоры. Римский сенат направил к Персею миссию Марция Филиппа, который в ходе переговоров сумел убедить Персея в превосходстве Рима. Начав переговоры, римляне постарались выиграть время, чтобы собрать силы и изменить военно-стратегическое положение на Балканском п-ове в свою пользу. В результате начавшихся военных действий в 168 г. до н.э. в битве при Пидне войска антиримской коалиции были разбиты, а Персей взят в плен.

Выиграв войну, римляне осуществили раздел Македонии на 4 округа, Иллирии - на 3, а жители Эпира были проданы в рабство. Отметим также, что около тысячи греков были отправлены в Рим в качестве заложников.

Следующим важным успехом римской внешней политики стала победа легионов над войсками сирийского царя Антиоха IV в 168 г. до н.э., который, воспользовавшись римско-македонским конфликтом, решил захватить Египет. В результате активных действий римлян, сирийские войска оставили Египет, в котором была реставрирована династия Птолемеев. С этого момента эллинистический Египет вошел в сферу влияния Рима и стал одним из важнейших его союзников в борьбе против державы Селевкидов.

Приобретение Египта в качестве надежного союзника изменило отношение римлян к Пергамско-родосскому союзу, который был уже не нужен. После 168 г. до н.э. римский сенат принял ряд мер для его ослабления. Под предлогом возрастания в Родосе антиримских настроений в период войны с Македонией, Рим лишил его всех владений в Малой Азии, а также предоставил экономическую поддержку некоторым городам, являвшимся торговыми конкурентами Пергама и Родоса.

Ослабив своих основных соперников в регионе, Рим приступил к активному вмешательству в дела Балканской Греции, пытаясь разрушить сложившуюся там систему союзов. В 147 г. до н.э. для участия в конгрессе Ахейского союза в Коринф была отправлена миссия Аврелия Ореста. На конгрессе римский посол объявил об освобождении Спарты, Аргоса, Орхомена и Коринфа из-под власти союза. Декларация римлян была расценена членами союза как грубое вмешательство во внутренние дела Греции, и участники конгресса подвергли послов оскорблениям.

Второе посольство в Грецию возглавил Секст Юлий Цезарь, который в ходе переговоров

посоветовал грекам не враждовать с Римом. Однако переговоры были затянуты греческими представителями, и весной 146 г. до н.э. сенат направил в Элладу еще одну миссию во главе с искусным оратором Гнеем Попирием, перед которым была поставлена задача организовать проримскую партию в рамках Ахейского союза, но и эта миссия потерпела поражение.

Настойчивые попытки Рима подчинить себе ахейцев вызвали недовольство в Греции, которое переросло в открытые столкновения с римскими войсками. В решающем сражении на реке Истме римские легионы победили войска Ахейского союза. В результате этого поражения Балканская Греция была практически полностью подчинена Риму. Во многих полисах были насаждены проримские режимы, а Коринф был разрушен. Формально независимыми остались только Спарта и Афины.

Начало I в. до н.э. было отмечено ослаблением внешнеполитической активности Римской республики, ставшей следствием гражданской войны и восстания рабов под руководством Спартака, дестабилизировавших внутривластную обстановку в государстве. Пассивностью Рима в этот период воспользовался правитель Понта Митридат IV Евпатор, решивший воссоздать в регионе Восточного Средиземноморья эллинистическую империю. Для достижения своей цели Митридат организовал мощную антиримскую коалицию из государств Балканской Греции и Малой Азии, которая к середине 70-х гг. смогла сформировать огромную по тем временам армию, в несколько раз превышавшую по численности армию Рима.

В 74 г. до н.э. союзник Митридата армянский царь Тигран II захватил несколько областей на востоке Малой Азии, а также Сирию и Финикию. Отсутствие реакции со стороны римлян окончательно убедило Митридата в слабости республики и, опираясь на союз с Арменией и Парфией, царь Понта объявил войну Риму. Военные действия шли с переменным успехом. На определенном этапе римская армия даже сумела оккупировать понтийское царство, в результате чего Митридат вынужден был вместе со своей армией перейти границу армянского царства и попросить убежища у Тиграна II, однако в 67 г. до н.э. он нанес сокрушительное поражение римлянам у города Зиела.

В сложившихся условиях римская дипломатия опять была призвана компенсировать военные неудачи. В 66 г. до н.э. сенат послал в Малую Азию Гнея Помпея, которому удалось вывести из антиримской коалиции Парфию, заключив с ней союзный договор. Перспектива войны на два фронта оттолкнула Тиграна II от Митридата, и он предпочел капитулировать перед Римом (63 г. до н.э.). В том же году от Митридата отошли его греческие союзники, обеспокоенные затяжным характером войны и подвергшиеся к тому же воздействию со стороны римской дипломатии. Лишившись политической, материальной и военной поддержки, Митридат оказался в полной изоляции и покончил жизнь самоубийством. В результате митридатовых войн территория римской державы расширилась в восточном направлении и включила в себя такие области, как Сирия, Палестина, Понт и Вифиния. Победа римлян над Митридатом Евпатором в целом завершила борьбу Рима за преобладание в Восточном Средиземноморье. После падения державы Митридата, захвата римлянами государства Селевкидов и вхождения эллинистического Египта в орбиту римской внешней политики, практически весь Средиземноморский регион стал составной частью римской державы.

Как уже отмечалось выше, к середине I в. до н.э. весь регион Средиземного моря оказался под властью римлян и захватнические войны Древнего Рима в основном закончились. В последующие годы границы римской державы стабилизировались и не претерпевали существенных изменений. Руководство республики, а затем империи стало уделять основное внимание организационно-административной работе на покоренных территориях и созданию отлаженного механизма управления провинциями. Одним из немногих направлений активной внешней политики стало парфянское направление.

В первые годы после победы над Митридатом римляне пытались развить свою экспансию вглубь Азии. В 54 г. до н.э. консул Марк Лициний Красс, опираясь на помощь армянского

царя Артавазда, перешел Евфрат и вторгся в парфянские владения. Однако римская армия оказалась в сложных условиях, начав поход в пустыню без соответствующей подготовки; у города Карры римляне были атакованы парфянской тяжелой кавалерией и потерпели поражение. В 36 г. до н.э. римляне во главе с Марком Антонием совершили еще один неудачный поход в Парфию. Большие потери, понесенные римским войском, заставили римлян перейти преимущественно к оборонительной тактике на парфянском направлении и активизировать свои усилия в сфере дипломатии.

В 20 г. до н.э. Октавиан Август умело использовал внутривосточную борьбу в Парфии для заключения выгодного договора с царем Фраатом IV. Согласно этому договору Фраат получал поддержку Рима в борьбе за престол; взамен он обязывался вернуть римские знамена и уцелевших пленников, попавших к парфянам во времена походов Красса и Антония. Между Августом и парфянским царем была также достигнута личная договоренность, по которой Фраат IV передал римлянам своих сыновей, опасаясь, что его противники в борьбе за власть используют их для достижения своих целей. Указанный договор, как свидетельствуют римские источники, был одним из крупнейших внешнеполитических успехов Октавиана.

В середине I в. н.э. основным фактором, определявшим остроту римско-парфянских противоречий стала ситуация, сложившаяся вокруг Армении. В 66 г. стороны пришли к компромиссу, заключив соглашение в соответствии с которым царем Армении становился парфянский царевич Тиридат, коронацию которого должен был осуществить римский император Нерон. В результате этого Армения фактически выпала из сферы римского влияния.

В 114 - 116 гг. во время похода императора Траяна римляне на некоторое время сумели переломить ситуацию в свою пользу, овладев столицей Парфянского царства (г. Ктезифон). Однако они не сумели развить достигнутый успех из-за обострения ситуации внутри империи. Следующий этап военных действий между Римом и Парфией начался по инициативе парфянского царя Вологеза III, который, использовав внешнеполитическую борьбу в Риме, захватил Армению и вторгся в Сирию. Против парфян выступили принцепс Луций Вер и полководец Кассий. В 165 г. они дошли до Ктезифона, но вынуждены были остановить наступление из-за эпидемии чумы. Однако военные неудачи вновь были компенсированы дипломатическими успехами: в 166 г. между воюющими сторонами был заключен договор, по которому Армения получала формальную независимость, но фактически подпадала под римское влияние.

В период 195 - 198 гг. война с Парфией была возобновлена: император Септий Север отправил войска в Сирию для отражения парфянского нашествия. Несмотря на то что результаты кампании были успешными, римляне не сумели воспользоваться ими из-за глубокого внутривосточного кризиса.

В 216 г. император Каракалла предложил Парфии заключить новый мирный договор, но затем напал на нее, одержал целый ряд побед и даже разграбил гробницу парфянских царей Аршакидов. Гибель Каракаллы в результате заговора в 217 г. вызвала замешательство в римском войске, что свело к нулю успех кампании. Новый император Макрин вынужден был подписать мир с Парфией на достаточно тяжелых условиях.

В 226 г. Парфия пала под натиском персов и на восточных рубежах Римской империи возникла держава Сасанидов, взаимоотношения с которой составили одну из узловых проблем внешней политики Восточной Римской империи (Византии).

Оценивая (рассматривая) дипломатию античных государств необходимо отметить, что античная эпоха значительно обогатила набор дипломатических приемов и средств по сравнению с внешнеполитическими традициями государств Древнего Востока. К достижениям такого рода можно отнести и посредническую дипломатию, которая позволяла античным государствам разрешать возникающие споры мирным путем, с помощью привлечения третьей стороны, призванной способствовать урегулированию конфликта. В со-

временной литературе по международному праву и дипломатии для описания подобных явлений используются такие термины, как «посредничество» и «арбитраж».

Источники свидетельствуют, что дипломатические приемы такого рода были известны древним и, более того, нашли отражение в античных правовых институтах.

Историки-антиковеды утверждают, что решение межгосударственных споров с привлечением третьих, нейтральных государств было обычной практикой в Греции. По мнению ряда ученых, третейские суды были практически единственной удачной формой международного сотрудничества греческих городов-государств.

Наибольшего распространения этот способ разрешения межгосударственных конфликтов получил у греков в III - первой половине II века до н.э., в период эллинизма. Для греко-эллинистического арбитража характерно то, что в его рамках рассматривались как чисто правовые разногласия полисов, так и спорные политические вопросы. В большинстве случаев арбитры и посредники рассматривали споры о территории, т.к. в античном мире наиболее частыми и сложными для решения были споры о государственных границах. Одним из примеров этого может служить конфликт таких полисов, как Эпидавр и Коринф, по поводу пограничной территории (нач. II в. до н.э.); арбитром в данном случае выступил город Мегары.

Таким же образом решался вопрос о принадлежности пограничных территорий, на которые претендовали Мессена и Фигалия.

Иногда в центре третейского разбирательства оказывался спор о том, кому принадлежит город, порт или остров. Так, около 220 г. до н.э. решался спор, одной из сторон которого были этолийцы, о принадлежности порта Панормы в Эпире, а в конце III в. до н.э. один из царей эллинистического Египта выступил арбитром в конфликте между Кноссом и Гортиной, оспаривавшими права друг друга на критский город Милет.

В формальном отношении третейские решения III в. до н.э. еще не достигли у греков высшей ступени развития, а вот обширный источниковый материал, относящийся к II в. до н.э., свидетельствует о том, что в это время третейское судопроизводство и посредническая дипломатия дошли почти до совершенства. В источниках указываются спорящие стороны, приводятся списки арбитров или посредников, определяется предмет разногласий, перечисляются официальные представители сторон, приводятся решения арбитров и указываются места, куда необходимо направлять копии решений, а также содержатся другие сведения, позволяющие охарактеризовать процессуальную сторону третейского разбирательства как весьма сложную и развитую. Процедура посредничества осуществлялась специальными лицами, избранными на народном собрании того города, который выбирался враждующими сторонами в качестве нейтральной стороны для разрешения спора. Источники свидетельствуют, что перед представителями третьей стороны стояла задача последовательного исполнения двух различных по своему характеру обязанностей. Вначале они должны были на основе компромисса примирить враждующие стороны, предлагая различные варианты решения проблемы и способствуя переговорам. Если решить спор таким образом не удавалось, представители нейтрального государства разбирали дело в судебном порядке и в результате выносили решение, обязательное для исполнения спорящими сторонами (арбитраж).

Таким образом, если арбитраж у греков - это международно-правовое средство мирного разрешения межгосударственных споров со сложной, тщательно разработанной процедурой разбирательства и вынесения обязывающего решения, то посредничество - это чисто политическая акция, которая не входит в сферу международного права, а относится к области исключительно дипломатических отношений. Судя по всему, древние греки различая эти два института, считали их двумя сторонами одного и того же процесса, связанного с мирным урегулированием конфликтов. Во внешнеполитической практике греческих полисов оба средства сосуществовали, находясь в неразрывной связи.

Есть основания предполагать, что посредничество и арбитраж использовались и во внешнеполитической практике Древнего Рима. Внедрение этих процедур в Риме началось, судя

по всему, в конце III в. до н.э. и было связано с активизацией греко-римского взаимодействия. С помощью таких инструментов внешней политики, как арбитраж и посредничество, римляне пытались вмешиваться во внутренние дела Эллады, регулируя отношения между отдельными полисами или между союзами, а также между греческими государствами и Македонией. В последнем случае римская дипломатия использовала такое пропагандистское средство, как лозунг освобождения греков. Вполне вероятно, что инициатором использования процедуры третейского суда применительно к Македонии выступали сами греки, причем в источниках содержится информация о том, что римский третейский суд не всегда был эффективен из-за того, что представители Рима неверно понимали суть греческого арбитража, расценивая его как средство поиска виновного в развязывании конфликта, а не как средство его преодоления.

Необходимо отметить, что случаев, когда римляне выступали арбитрами в межгосударственных конфликтах известно, достаточно немного. Исследователи насчитывают восемь третейских разбирательств в межгосударственных делах с участием Рима в качестве арбитра.

Так, в 184 г. до н.э. римляне с помощью третейского суда урегулировали конфликт между критскими городами. Это привело, по-видимому, к ситуации, когда несколько критских общин заключили с пергамским царем договор о дружбе и союзе, укрепив тем самым проримскую коалицию.

Необходимо также отметить, что в источниках не указан ни один случай, когда бы в межгосударственном третейском разбирательстве Рим оказался бы одной из спорящих сторон. Римляне всячески пресекали все попытки греков передать спор Рима с его противниками на рассмотрение третьей стороны. Так, около 250 г. до н.э. Рим отверг предложение египетского царя Птолемея II, который хотел выступить в качестве арбитра в 1-й Пунической войне, а когда во время третьей римско-македонской войны представители Родоса взяли на себя смелость потребовать, чтобы римляне передали решение своего конфликта с Персеем третейскому суду, это имело для Родоса катастрофические последствия.

Иным было отношение римлян к посредничеству третьей стороны в их межгосударственных конфликтах и войнах. Известно немало примеров, когда Рим пользовался посредническими услугами греческих государств. В ходе первой римско-македонской войны попытки посредничества были предприняты греками четырежды: в 209 г. до н. э., в 208 г. до н. э., в 207 г. до н. э. - безрезультатно; а в 205 (или 206) г. до н. э. благодаря посреднической деятельности эпиротов состоялась мирная конференция в Фениксе и стало возможным заключение мирного договора, завершившего войну *de jure*. С другой стороны, сам Рим нередко выступал как посредник в мирном улаживании конфликтов эллинистических государств: Селевкидов и Птолемеев, Пергама и Вифинии, Спарты и Ахейского союза.

Следовательно, дипломатическая практика римлян определенно свидетельствует о том, что они четко разграничивали арбитраж и посредничество.

Отношение греков и римлян к мирным средствам улаживания межгосударственных конфликтов было фундаментально различным. Одной из важных идей, на которых основывались международное право и дипломатия у греков, была рационалистическая по существу идея нейтралитета. На этой идее покоились и греческое посредничество и греческий арбитраж в международных делах. Во внешней политике римлян, в силу особых условий их существования, не было и, по-видимому, не могло быть идеи нейтралитета. Рим относился к другому государству либо как к другу и союзнику, либо как к потенциальному противнику и врагу. Такое отношение видно во многих посреднических акциях Рима, оно объясняет те угрозы и силовое давление, которыми римляне нередко сопровождали свои третейские решения и посреднические услуги.

Осознание того факта, что греки и римляне по-разному понимали посредничество и арбитраж, помогает лучше понять многие дипломатические недоразумения в отношениях эллинистических государств и Рима.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения внешней политики античных государств, можно отметить, что примеры античной истории свидетельствуют о наличии достаточно развитой системы международных связей, в сферу которой входили практически все государства Средиземноморья, а также ряд держав, расположенных за пределами данного региона. История греко-римского мира демонстрирует многообразие подходов к разрешению проблем международного характера: от силового воздействия до дипломатического урегулирования проблемы мирными средствами, в том числе при посредничестве третьей стороны. Источники также дают основания утверждать, что к этому периоду относится зарождение норм международного права, а также первые попытки осмыслить деятельность государств на международной арене, принципы договоров и союзных соглашений, отношения между метрополиями и колониями и т.д.

На основе богатого фактического материала, предоставленного историей античного мира, уже в новое время начали формироваться внешнеполитические концепции национальных государств, основные принципы международного права. Римская внешнеполитическая история, на наш взгляд, послужила в определенной степени образцом для формулирования внешнеполитической стратегии держав, претендующих на региональное и мировое господство. Эти претензии стали отчетливыми уже в период Средневековья, который нам и предстоит сейчас рассмотреть.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДНИХ ВЕКОВ ГРЕЦИИ И РИМА

§ 1. Варварские государства и Византия. Дипломатия времен Великого переселения народов

В указанный период времени дипломатия отражала последовательные этапы в развитии феодального государства. Сначала она служила интересам верхушки варварских держав, которые сложились на развалинах бывшей Римской империи и в других частях Средней, Северной и Восточной Европы. После распада этих государств деятельность средневековой дипломатии определялась взаимоотношением обособленных политических мирков, образовавшихся в процессе феодального раздробления Европы. Наконец, в связи с возникновением крупных феодально-абсолютистских монархий дипломатия Средних веков становится орудием их объединительной политики.

Средневековый строй покоился на феодально-крепостнических отношениях. Эти отношения представляли собой в целом прогрессивную общественную систему в сравнении с рабовладельческим строем Древнего мира. Начали он складываться уже в варварских государствах раннего Средневековья. Стремясь захватить как можно больше земли, нагнать военной добычи, получить людей, нужных для крепостной эксплуатации, варварские государства вели непрерывную борьбу между собой. Сталкивались они и с Восточной Римской империей (Византией) - этим обломком прежней великой римской державы. Волею неволей варварским государствам приходилось, однако, договариваться между собой и с соседями, чтобы как-то регулировать свои внешнеполитические отношения. Так возникла их дипломатия, которая носила отпечаток примитивности этих новых политических образований раннего

Средневековья.

Глубокое влияние на дипломатию молодых варварских государств оказала Византия, которая хранила дипломатические традиции поздней Римской империи. Высокоразвитая организация этой восточной дипломатии, ее торжественный церемониал, ее изворотливость, коварство, умение изобретать всякого рода комбинации, разъединять врагов, использовать в своих целях торговые, культурные и религиозные связи оказали сильнейшее воздействие на внешнюю политику Средневековья.

Другим мощным проводником влияния римских традиций на дипломатию Средних веков была церковь в лице папства с его сложными международными связями. Папство являлось не только религиозной, но и государственной силой. Опираясь на собственную территорию, располагая огромными материальными средствами и широко раскинутой сетью

своих агентов, папство противопоставляло свое единство и международный авторитет распрям и борьбе, которые кипели в феодальной Европе. Разжигая эти противоречия, чтобы использовать их в интересах своего владычества, папство развивало активнейшую дипломатическую деятельность. В ней применялись все доступные папству средства, начиная от испытанных методов политики великодержавного Рима, вплоть до отлучения от церкви, интердиктов, подкупа, шпионажа и тайных убийств. Папская дипломатия успешно участвовала в организации таких международных предприятий Средневековья, как Крестовые походы. Она проявила чрезвычайную энергию и изворотливость в борьбе со Священной Римской империей. Но и ей не удалось преодолеть центробежные устремления, которые подтачивали основы как власти императоров, так и папского могущества.

Государственные образования в Средние века были не долговечны и легко распадались. Такова была судьба всех варварских королевств. Таков был конец и более крупных государственных объединений раннего Средневековья: на Западе — империи Карла Великого, на Востоке — державы Рюриковичей. Позднейшие попытки создания всемирной папской державы и Священной Римской империи так же потерпели крах.

Дипломатия периода раздробленности средневековой Европы носила отпечаток сложившейся феодальной системы. Европа представляла собой великое множество самостоятельных мирков. Сеньория отождествлялась с государством. Крупный землевладелец являлся государем, а государство — его вотчиной. Граница между государством и частными владениями стиралась. Исчезли различия между публичным и частным правом, отношения частными и международными. Каждая крупная сеньория вела самостоятельную внешнюю политику. Было провозглашено право частной войны.

Дипломатия в исследуемую эпоху Средневековья сводилась к урегулированию споров и столкновений, которые рождались между государями-вотчинниками на почве постоянной борьбы из-за грабежа соседних владений или захвата чужих подданных для увеличения числа плательщиков феодальной ренты. Порой дипломатия разрешала и более крупные вопросы, возникавшие между государями-вотчинниками перед лицом какого-либо общего врага — мусульман для Западной Европы, половцев и татар для феодальной Руси. Характерный образец такой внешней политики представляли княжеские отношения Руси феодального периода.

В крупных феодальных монархиях — Франции, Англии, Испании, Московской Руси — внешняя политика и дипломатия были направлены на преодоление раздробленности, объединение и расширение государственных территорий, борьбу с соперниками за военное и торговое преобладание, поиски союзников, необходимых для разрешения этих задач.

Особую роль в истории международных отношений средневековой Европы играли города (на Руси, в Италии, в Северной Европе, у арабов).

В конце IV в. варвары хозяйничали на римских территориях и в конце концов Вечный город пал под их натиском. Вестготы Алариха взяли Вечный город и опустошили провинции некогда могущественной империи. В Испании вестготы основали свое королевство. Затем вандалы, свевы, бургунды, франки терзали области империи и, наконец, гунны, представлявшие монгольские племена, захватили огромное пространство от Волги до Рейна, создав в IV — V вв. самую первую средневековую империю. Отношения варварских государств с Римом стали регулироваться договорами.

До нас дошли описания договоров восточно-римского (константинопольского) двора с верховным вождем гуннов Атилой, составленные неким Приском, — лицом влиятельным в Константинополе. Приск описывает одно из посольств восточного императора Феодосия II к гуннам в 443 г. Встреча посла императора с гуннами произошла вблизи границы. Гунны заявили, что желают вести переговоры, не сходя с лошадей. Римские дипломаты, сохраняя достоинство, поступили так же. Договор был подписан. Это был унижительный договор для империи, которая обещала выдать гуннам всех перебежчиков и платить ежегодно 700 фунтов золота. Приск описывает также посольство Атилы, вождя гуннов, к Феодосию II. В 448 г. послом Атилы был гунн Эдикон, с ним вместе был послан

римлянин Орест, который жил в одной из пограничных областей, недавно отошедших под власть Аттилы. Эдикон был представлен императору и вручил ему грамоту Аттилы, в которой вождь гуннов жаловался на невыдачу перебежчиков и требовал установления новых пунктов для торговли между гуннами и империей. Император прочел грамоту, написанную по-латыни. Затем Эдикон сделал устное добавление к грамоте, переведенное одним из придворных, знавших гуннский язык. Судьба этого посольства интересна для характеристики происков византийской дипломатии. Некоторые из высокопоставленных сановников с ведома императора подбивали Эдикона убить Аттилу, обещая ему великое богатство. Эдикон притворно согласился на сделанное ему предложение и отправился в страну гуннов вместе с посольством императора, в которое вошел и Вигила, бывший главным исполнителем сего замысла. Эдикон выдал Аттиле заговор. Интересно, что Аттила не решился убить Вигилу, хотя и обратился к нему с гневной речью, заявив, что его следовало бы посадить на кол и бросить на расклевывание птицам, если бы этим не нарушалось право посольства. Отсюда видно, что у варваров укоренилось представление о неприкосновенности послов.

В 476 г. Западная Римская империя прекратила свое существование. Вождь германоварварской дружины Одоакр низложил последнего императора Ромула Августула. Первым же актом завладевшего Италией Одоакра стало установление дипломатических отношений с Византийской империей. Очень ему хотелось носить титул патриция и править Италией, но император Востока (Зенон) повел против Одоакра сложную интригу, направив на завоевание Италии вождя остготов Теодориха, который грозил перед тем Константинополю. Этим отводилась опасность от империи и натравливались друг на друга два беспокойных соседа-варвара. Теодорих, долго живший в Константинополе, показал, что он неплохо усвоил принципы византийской дипломатии. Не добившись решительной победы, он предложил Одоакру разделить господство над Италией, а затем собственноручно его убил. С помощью коварства Италия оказалась в руках остготов. Теодорих оказался приверженным к римским политическим нормам: он не умел даже подписывать свое имя, но вокруг него было множество ученых людей (его главным дипломатом был знаменитый Кассиодор). У варваров уже существовало представление о неприкосновенности послов. Салическая правда установила за убийство посла огромный вергельд в 1800 солидов. Убийство простого человека выражалось вергельдом в 200 солидов; королевского дружинника в 600 солидов. То же самое было и в Аламандской, Саксонской, Фризской правдах. Данные документы установили право послов на даровые проживание и питание, а также налагались штрафы на тех, кто откажет им в этом.

Образующиеся варварские королевства искали дипломатические связи с Восточной Римской империей (Византией). Она оказала огромное влияние на все международные отношения Средневековья. В основе византийской дипломатии лежали римские традиции и изощренные интриги. Одним из знаменитейших дипломатов Византии был император Юстиниан, который мог быть за это благодарен своей супруге, актрисе Феодоре, без которой он не предпринимал ни единого шага. Восточная Римская империя при Юстиниане достигла высочайшего внешнего могущества. Международные связи охватывали пространства от Китая и Индии до Атлантического океана, от Эфиопии до Причерноморских степей. Юстиниан был мастер комбинаций, совмещая сложную дипломатическую игру с меткими военными ударами, которые расширили пределы его империи далеко на Запад. Главной задачей Византии было сдерживать натиск варваров, окружавших границы государства со всех сторон. В ход шел подкуп, шпионаж, была даже разработана наука о варварах. Варварам платили золотом за то, что они вели войны в интересах империи. Вождям их давали титулы, знаки отличия, мантии, жезлы. Сам Аттила получил звание полководца империи. Варварам давали земли, где они обосновывались на положении вассальных союзников (федератов). Лангобарды получили земли в Норике и Паннонии (Австрии и Венгрии), герулы в Дакии (Румынии), гунны во Фракии (Болгарии), авары на р. Саве. Варварские князья женились на девушках из знатных византийских фамилий. Византийцы

всегда стремились поссорить варваров друг с другом по правилу *divide et impera* (против болгар они поднимали гуннов, против гуннов - аваров, вандалов одолели при помощи остготов, а остготов при содействии франков, причем всегда в войсках Юстиниана были славяне, отличавшиеся особой храбростью).

Расширение торговых связей было сильнейшим инструментом в византийской внешней политике. Торговые города близ границ империи были форпостом влияния Византии в мире. Купцы зачастую выступали в роли разведчиков (вся информация о варварах шла от них). С византийскими товарами к варварам шло и византийское влияние. За купцом шел миссионер, распространявший христианство. Миссионеры побывали даже в горах Кавказа, на равнинах Причерноморья, в Абиссинии, в оазисах Сахары, у нас на Руси. Впоследствии активно шло распространение христианства (огнем Путята крестил Киев, а Добрыня мечем - Новгород). Известны столкновения византийских и немецких миссионеров из-за влияния в Моравии на западных славян. Константинополь стало со временем священным городом для новообращенных народов. Если папский Рим действовал жестко, то Константинополь облегчал миссионерам дело распространения христианства, разрешая службу на местных языках и перевод священного писания на языки новообращенных народов (болгарский, эфиопский, гуннский и другие).

Греки были учителями у варваров, с их помощью организовывались школы, распространялось знание, тем самым в варварские страны проникала греческая культура, а с ней и политическое влияние Византии. При византийском дворе толпились посольства со всех концов Европы, Азии и Африки. Ведомство иностранных дел, находившееся под контролем первого министра (*magister officiorum*), впоследствии великий логофет, отличалось огромным штатом и вело дела так, чтобы блеском затмить иностранцев.

Приемы римской дипломатии были усвоены не только Византией, но и папской курией. Папы с упадком императорской власти на Западе, взаимодействовали с Константинополем и держали там постоянных кардиналов, так называемых апокрисиариев. Были еще и легаты, которым папы давали специальные поручения и церковного и политического характера. Папы были такими же коварными, как и императоры. Они, используя подлоги, интриги и дипломатические игры, создали в Италии папскую власть (светское государство пап). Король франков Пипен Короткий подарил ему эти владения, но папа Захарий не захотел признать это формально. Появился документ, который призван был доказать, что папа получил лишь то, на что имеет давнее и неотъемлемое право. В ход была пущена самая знаменитая в истории фальшивка - «Константинов дар», сыгравший крупную роль в папской дипломатии последующих столетий (в этом документе рассказывается о том, как чудесно исцеленный от проказы император Константин отдал папе императорскую власть над всем Западом, а сам удалился на Восток в Константинополь).

С папами долго строил отношения лидер франков Карл Великий, империя которого стала крупнейшей силой в Европе, где с ней могла помериться силами только Византийская империя. На Востоке в это время появилась и активно действовала сила Арабского халифата, предложившего свой "почерк" международной деятельности.

§ 2. Дипломатия арабов

Арабы в Средневековье были весьма активны в политике на мировой арене. Хроники франков утверждают, что Карл Великий и багдадский халиф Харун Ар-Рашид обменялись посольствами. В течение столетия с 30-х гг. VII в. создавалась огромная держава арабов, которая была больше старой Римской империи. Халифат имел отношения с Западом и с Востоком, включая Китай. Посольское дело было отлажено до тонкостей. В посольство отправляли обычно двоих человек (один - знатного рода, а другой - из мулл). Им доверяли два письма, а также подарки. Деятельность послов основывалась на Коране. Послы арабов всегда имели тайные задание: разведывательные (каково положение дорог, проходов, рек, рвов, питьевых рвов, может пройти войско или нет, где ехать фурами и прочее).

В средневековой международной жизни особое место занимает политика Киевской Руси, предшественницы Московского государства и Российской империи. Русская внешняя по-

литика развивалась необычайно динамично, имела свои этапы, географические направления и методы военно-политической и дипломатической активности.

§ 3. Внешняя политика Киевской Руси (IX-XIII вв.)

Во внешней политике киевских князей можно выделить три периода.

От Рюрика до Ярослава Мудрого (862-1054 гг.). Период безраздельно личной, династической внешней политики. Постоянные территориальные приобретения, расширение государства за счет уделов ослабевших и обедневших князей. Это время активной наступательной внешней политики и довольно частых войн.

От Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха (1054-1125 г.). Период стабилизации внешнеполитического курса. Великий киевский князь не допускает участия других Рюриковичей в принятии решений и в то же время требует от удельных князей полного подчинения своей политике.

От Мстислава I до Даниила Романовича Галицкого (1162-1237 гг.) Период оборонительного направления внешней политики. Главная задача - сохранить прежние территориальные завоевания. Не дать удельным князьям растащить Киевское государство. С этой целью усиливается общеевропейская «дальняя» внешняя политика, в то время как с ближними соседями ведется линия на оборону и конфронтацию. Единая концепция внешней политики утрачивается (с разными соседями по-разному ладят разные князья). Постепенно киевские князья утрачивают монополию на внешнюю политику и делят ее с Мономаховичами. Часто сменяемые князья не могут видеть стратегии международных отношений. В результате Киевское государство разваливается под ударами татаро-монгольских войск в 1237-1238 гг.

Важнейшим направлением внешней политики Руси было византийское.

Русь интенсивно торговала с Византией, через Константинополь воспринимала европейскую культуру и христианство, добивалась политического признания великими державами того времени.

Рассмотрим наиболее крупные события этих отношений. В 907 году киевский князь Олег предпринял поход на Константинополь. Со времени первого большого русского похода 860 г., закончившегося выгодным договором, произошли изменения в обстановке на Балканах и Восточной Европе. Русь оказалась в тисках династической борьбы. Олег вел жесткую борьбу за подчинение Киеву славянских племен. Русь испытала нашествие венгров и заключила с ними договор. Видимо, в какой-то момент, посчитав Киев политически и экономически ослабленным, греческие императоры перестали выплачивать дань. Историки предполагают, что византийцы могли ограничить права русских купцов. Следовательно, киевский князь Олег, стремившийся объединить племена Руси, решил восстановить и укрепить завоевания, которые были получены в результате похода 860 г.

Момент, выбранный для нападения на Византию, оказался удачным. Империя переживала внутренние распри в начале X в. Эта тенденция проявилась в том, что, когда в 907 г. византийские войска отправились в поход против отрядов арабского халифа, поднял мятеж один из византийских вельмож Андроник Дука. Дука вступил в тайные переговоры с арабами. Сложными оставались и отношения Византии с Болгарией, несмотря на недавно подписанный договор. Выбор момента нападения свидетельствует о налаженной русской разведке, о некоей сети русской агентуры, работавшей на территории империи.

Помимо руссов, князь вел с собой варягов, новгородских словен, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев, а также чудь и мерю. Вся эта союзная коалиция получила в летописи название «великая скуфь». Рать шла «на конех и на кораблях», т.е. и морем, и сушей. 2000 кораблей двигались морем, а конница - берегом. Традиционный путь воинов и купцов пролегал вниз по Днепру, затем к Черному морю и по западной части в сторону Босфора.

Чтобы пройти через территорию Болгарии, Олег заключил тайный союзный договор с царем Симеоном Великим.

Греческие военачальники, узнав о русском походе, приказали замкнуть гавань цепью и

приготовились к осаде в Константинополе. После того как русские войска пожгли и разграбили окрестности византийской столицы и выкатили свои ладьи на сушу, греки быстро запросили мира. В стане Олега появились греческие послы, которые говорили: «Не погубляй града, имем ся по дань, якоже хочеши».

Начался этап мирных переговоров. Во время первых переговоров Олег потребовал уплатить дань на 2000 кораблей, по 12 гривен на человека, в каждом корабле насчитывалось по 40 воинов. Греки дали согласие, и Олег отвел войско от города. Затем в Константинополь прибыли пять русских послов - Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав и Стемид. Как видно, на дипломатической службе находились иностранцы. Главой посольской миссии был варяг Карл. Он знал иностранные языки, имел опыт ведения переговоров, умел оформлять дипломатические документы. Русские послы выдвинули новые условия выплаты дани, которые были мягче прежних. Теперь Олег требовал выплатить по 12 гривен «на ключь», что могло означать либо уключину, либо лодочный руль. Кроме того, руссы потребовали, чтобы империя отныне выплачивала «уклады» на русские города - Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и пр. — все те города, которые подчинялись Олегу. Это требование было вполне объяснимо, так как участники коалиции, естественно, ожидали части византийской дани. После длительного торга обе стороны выработали согласованный текст договора. Основные условия договора 907 г. были следующими:

Византия уплатила контрибуцию руссам - по 12 гривен на уключину.

Византия платила Руси ежегодный денежный «уклад» - дань. Так, греки «откупились», чтобы руссы не совершали более нападений.

Русские послы в Константинополе имели право требовать посольское, «хлебное» содержание столько времени, сколько им понадобится. Часто послы не успевали все закончить до следующей навигации и оставались в Константинополе на зиму, чтобы уехать весной.

Русским купцам было позволено брать месячину, т.е. помесечное содержание в виде хлеба, вина, мяса, рыбы, фруктов в течение 6 месяцев или, иными словами, на период одной навигации. И купцам, и послам предоставлялось право свободно пользоваться византийскими банями («И да творят им мовь, елико хотят»).

5. Если руссы приходили в Византию не для торговли, то месячина им не предоставлялась. Все русские в Константинополе должны были жить на русском подворье, около монастыря святого Маманта. Все они подлежали регистрации: кто, с какими целями прибыл, кому полагается купеческая месячина. В Константинополь руссы должны были входить через одни ворота, без оружия и в сопровождении императорского чиновника. Русским запрещалось творить грабеж и беззаконие.

6. Русские купцы получили право беспошлинной торговли в Византии. Следует подчеркнуть, что византийцы составили договор в виде пожалованной грамоты императора. Подобная грамота называлась «хрисовул». Даже в случае поражения - военного или дипломатического - греки не отказывались от своей амбициозности, от своего особого, избранного места в международных отношениях того времени.

Переговоры завершились встречей князя Олега с византийскими императорами Львом VI и Александром. Императоры дали клятву и целовали по христианскому обычаю крест в знак верности договору. Олег тоже дал клятву: он и его мужи «кля-шася оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом». В конце церемонии Олег повесил на воротах Константинополя свой щит в знак мира. Эта традиция была распространенной у древних норманнов.

Договор 907 г. имел большое политическое значение. Киевская Русь заключила с Византией письменное соглашение в отличие от прежних клятвенных устных соглашений и полевого мира. Таким образом, Русь встала в один ряд с крупными державами того времени. Договор 907 г. назывался «глубоким», т.е. был заключен на долгие годы - много лет вперед - и заложил фундамент русско-византийских отношений. Русь получила очень большие выгоды и привилегии экономического и политического характера.

Новый письменный договор был заключен 2 сентября 911г. Князь Олег собирался «построить» мир, т.е. усовершенствовать мирное соглашение, и «положить» ряд между двумя странами.

До начала официальных переговоров состоялись предварительные совещания между византийским императором Львом VI и великим киевским князем Олегом, а уже затем состоялась посольская конференция. В Константинополь прибыли русские послы для выработки нового «Мира-ряда».

Формула взаимоотношений Киевской Руси
с иностранными государствами

«Мир - ряд»

Что такое ряд? Стороны урядились, выработали «ряд», т.е. комплексное соглашение по спорным вопросам и проблемам сотрудничества.

Русские ладьи с дипломатами встретили императорские чиновники во главе с легатарием — чиновником, ответственным за пребывание русских послов. Тут же все прибывшие были переписаны, чтобы знать, какое потребуется императорское жалование. Русская делегация состояла из 15 человек (те же имена), которых сопровождали прислуга, охрана, корабельщики. Карл идет первым в списке, а Стемид - 15-м, а в 907 г. был 5-м. То есть уже существовала некая градация, иерархия дипломатических должностей. Можно предполагать, что Стемид служил писцом либо переводчиком. В списке послов появился новый человек - Инегельд. Вновь во главе посольства стоял Карл - кадровый, говоря современным языком, дипломат, опытный переговорщик, владеющий несколькими иностранными языками.

В многочисленных прениях, беседах, обсуждениях постепенно появился тот договор, который известен как договор 911г. Этот документ делился на три части - политическое введение, или протокол, или, мы бы сказали, преамбула, конкретные статьи («ряд») и заключение, которое носило также политический характер. Это некий дипломатический «штамп», определявший форму дипломатических соглашений средневековья, да и последующего времени. Князь Олег послал своих послов «построить мира и положить ряд» между Византией и Русью. «Мир и ряд» были построены.

Условия договора можно разделить на три основных блока.

Обе стороны клянутся соблюдать «любовь непревратну и непостыжну, непреложну всегда и во вся лета».

«Ряд» - серия статей, регулирующих отношения Руси и Византии:

ответственность за убийства, умышленные побои, воровство, грабеж, неуплату долга;

обязательство помогать купцам обеих стран, потерпевшим кораблекрушение;

определен порядок возвращения бежавшей челяди, рабов, феодально зависимых людей.

3) Русь брала на себя союзнические обязательства помогать Византии в военном отношении. Русские воины могли служить в императорской армии в период войны и получили право там оставаться служить и далее.

В 912 - 913 гг. Русь совершила поход в Закавказье; 700 русских воинов участвовали в походе византийской армии против критских арабов. Этот поход как раз является примером выполнения военных обязательств.

Важно, что новый договор 911г. был подписан равноправными сторонами, т.е. не имел формы хрисовула - императорского пожалования. Это была дипломатическая победа Киева. Договор был составлен в двух одинаковых экземплярах на греческом и русском языках. Стороны обменялись этими грамотами, оставив при этом копии со своего текста.

Однако договор имел, безусловно, недостатки, невыгодные для Руси положения. Во-первых, русские послы вынуждены были ездить в Византию, а не византийские в Киев,

для решения различных спорных проблем. Во-вторых, киевский князь Олег именовался в договоре «светлым князем» и ставился ниже хазарского кагана, болгарского царя, франкского императора, персидского шаха. В-третьих, союзные обязательства в военной сфере несла только русская сторона.

В 941-944 гг. произошла новая русско-византийская война, которая была вызвана прежде всего прекращением выплаты византийской дани. Возможно, что другой причиной войны стали некоторые притеснения греками русских купцов. Итогом войны стал новый договор 944 г. Предварительные политические беседы состоялись в Киеве. Это была явная дипломатическая победа русских. Окончательный текст договора утвердили в Константинополе.

Русское посольство прибыло в Константинополь в составе 51 человека. Во главе миссии стоял посол «великого князя русского» - так сказать, первый посол. Его звали Ивор. Остальные назывались «объчии ели», т.е. обычные, рядовые послы, но и они имели громкий титул. Например, Вуефаст, названный послом Святослава, сына Игоря. Третьим в списке шел Искусеви, посол жены Игоря, великой княгини Ольги. Затем в списке шли послы от Игоревых племянников, других лиц великокняжеского дома, видных русских бояр. Интересно заметить, что если в 911 г. послы Руси представлялись: «Мы от рода русского», то теперь они были направлены «от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя княжья и от всехъ людей Руския земли».

В состав миссии вошли 26 купцов, что указывало также на экономический характер предстоящих переговоров. После длительных переговоров, был составлен текст договора, имевшего следующие особенности:

Стороны подтвердили взаимоотношения «мира и любви». Мир устанавливался «на все лета», т.е. навсегда.

Русские послы и купцы обязаны предъявлять византийским чиновникам специальные грамоты, выданные великим русским князем и адресованные императору. Если русс не имел такой грамоты, его могли арестовать и даже убить, и русский князь не взыскивал за это с греков. Данная статья отражала усиление власти киевского князя, без разрешения которого купцы не могли развивать связи с Константинополем.

Руссы не имели права зимовать на своем подворье в Константинополе. Это означало, что посольские и греческие караваны должны были в период одной навигации обернуться и возвратиться на родину.

Русская беспошлинная торговля в Византии отменялась.

Стороны взяли на себя равные обязательства посылать войска на помощь друг другу. Таким образом, военный союз принял форму равноправного сотрудничества.

Договор был составлен в 2-х экземплярах - на греческом и русском языках. Каждая сторона приносила клятву на своем тексте. Руссы сложили свое оружие, щиты и золото на холме у статуи Перуна, поклялись на оружии и золоте, а греки-христиане совершили клятву на кресте.

Восток традиционно служил рынком сбыта русских товаров. С Востока на Русь поступали ткани, булатное оружие, породистые скакуны, изделия из золота, серебра, бронзы, драгоценные камни, пряности, изумительной работы ковры. Военные походы на Северный Кавказ, Волгу, Закавказье приносили богатую добычу князьям, боярам, дружинникам.

Однако длительное время Русь не имела свободного прохода на Восток. Русские купцы хорошо изведали и проложили проверенные торговые коммуникации в Византию, Венгрию, германские земли, Болгарию, Польшу. Но восточные торговые пути контролировал Хазарский каганат. Хазария прочно стояла на торговых дорогах вдоль северных берегов Черного моря по Дону и по Нижней Волге. Торговые пути по Оке и Средней Волге контролировали волжские булгары и буртасы — вассалы Хазарии. Между тем киевские торговые люди прекрасно знали от своих европейских партнеров о богатых прикаспийских

городах Абесгуне и Сари, откуда можно было пройти караваном на Хорасан и Мавераннахр, а затем на Хорезм. Неосвоенным рынком сбыта для русских купцов оставались богатейшие земли Табаристана и Гиляна. В Закавказье, на реке Куре, манил русских своей торговлей город Бердаа.

С VII века названные восточные земли стали объектом арабских нападений. Арабский халифат к IX-X вв. фактически подчинил своему влиянию закавказские районы, часть Средней Азии, вплотную приблизился к владениям Византийской империи в Сирии и Малой Азии. Конфликт между халифатом и Византией, их борьба за сферы влияния приобрели антагонистические, самые непримиримые формы. Империя вела суррогатные войны, используя самых неожиданных союзников, в числе которых была и Хазария. Каганат сам находился под угрозой разгрома и территориального захвата. В 737 г. арабский полководец Марван вторгся со своей армией вглубь территории каганата. Арабам удалось захватить хазарскую столицу Семендер. Каган бежал из столицы и укрылся за «славянской нахр-рекой» (под которой большинство исследователей понимают Дон).

Ко времени успешных походов Руси против Византии могущество Хазарии значительно ослабело. Еще в 60-е годы IX века Русь нанесла свой первый удар на Восток. Это был завоевательный поход на город Абесгун - ключевой пункт для выхода к торговой дороге в Среднюю Азию. Руссы достигли южного побережья Каспия, пограбив прибрежные поселения. Правитель Табаристана, вассал арабского халифа, Хасан Ибн-Зайд, выставил против русских свою армию. В решающем сражении, по свидетельству персидского источника, руссы были разбиты и вернулись к себе на родину. Возникает закономерный вопрос, каким образом или на каких условиях русские войска могли пройти через хазарские земли в район Закавказья? Предположительно, хазары пропустили русские отряды на восток, выполняя союзнические обязательства по отношению к Византии. Интересно заметить, что главный удар Руси наносится в это время не по арабским войскам в Малой Азии, а по торговому порту Абесгуну, откуда открывается путь на Хорезм. Союз Руси с Хазарией являлся непрочным, недолговечным, хрупким.

Походы Руси на Восток после заключения договоров с Византией следовали один за другим.

В 909-910 гг. Русь вновь предпринимает поход на Восток. 16 русских судов пришли к Абесгуну и вернулись на родину с большой добычей. В 910 еще большее количество русских кораблей вновь появилось у Абесгуна. Славяне сожгли город Сари, забрали пленных и на обратном пути сражались с отрядами гиляншаха и ширваншаха - местных правителей. Хазария вынужденно пропускала руссов через свою территорию, ибо Русь была естественным союзником против общего врага — Арабского халифата.

В 912-913 гг. 500 русских кораблей двинулись на Восток через земли хазар. Хазарский каган разрешил им пройти по Дону и выйти к Волге при условии, что половину захваченной добычи руссы отдадут ему.

Русские отряды нанесли страшный удар по Абесгуну (юго-восток Каспия), опустошили берега Гиляна (северный Иран). Они брали пленных, захватывали имущество. Зимовали руссы на одном из каспийских островов близ Баку. На обратном пути они послали кагану денег и добычи. Но хазарские мусульмане (гвардия кагана) решили отомстить за своих собратьев на Востоке. Правда, каган успел предупредить руссов о нападении. 30 тысяч руссов пали под хазарскими мечами, еще 5 тыс. погибло от волжских булгар и буртасов. Лишь небольшая часть вернулась домой.

Таким образом, поход 912-913 гг. начался в соответствии с союзническими обязательствами по отношению к Византии, с согласия Хазарии, а закончился трагически. Старые противоречия между каганатом и Русью проявили себя в том, что хазары вероломно напали на временных русских союзников. Не половина, а вся добыча оказалась в руках хазар. Часть русских воинов была выловлена и вырезана булгарами и буртасами.

Следующий крупный русский поход в Закавказье приходится на середину 40-х годов X века. К этому времени каганат утратил свою роль как единственного и важнейшего союз-

ника Византии. Хазария приняла иудаизм в качестве государственной религии, что вызвало отрицательную реакцию у христианских императоров Византии, приступила к нападению на крымские владения империи, на русские земли. Сразу же вслед за войной 941-944 гг. против Византии Русь предпринимает очередной поход на Восток. Этому походу спешествовала особая статья в русско-греческом договоре, которая гласила: если русский князь где-либо будет вести войну и попросит у Византии помощи, то получил столько подмоги, сколько потребуется. В каких целях потребуется помощь? Как сказано в договоре: «...да воюет на тех странах, и та страна не покоряется вам, и тогда, аще просит вой у нас князь русский да воюет, да дам ему, елико ему будет тебе». Таким образом, договор 944 г. почти откровенно направил русско-византийский военный союз против Хазарии.

В 945 г., по сообщению персидского автора Ибн-Мискавейха, «отправилось войско народа под именем руссов к Азербайджану. Устремились они к Бердаа, овладели им и полонили жителей его...Руссы прошли из Черного моря к устью реки Куры и поднялись вверх по ее течению до этого города, бывшего в ту пору столицей кавказской Албании, будущего Азербайджана, и захватили его». Взяв богатую добычу, руссы задержались в Закавказье на несколько месяцев. Интересно заметить, что русские отряды теперь шли на Восток, минуя традиционный путь через Азовское море, Дон и Волгу. Враждебное отношение Хазарии заставило русских вождей повести войско через северокавказские земли алан, союзников Византии. Очевидно, что складывался новый временный союз - русско-византийско-аланский. Заключению дружественных отношений с аланами предшествовала дипломатическая работа и подготовка, обсуждение конкретных условий прохода русских отрядов через северокавказские территории. Византия всячески поощряла движение руссов на Восток, ибо оно было направлено, в конечном счете, против Арабского халифата. Хронисты сообщают о тяжелых, кровопролитных боях русских воинов с мусульманскими войсками вассалов халифата. Кроме того, руссы ослабляли южные границы Хазарского каганата, переставшего играть роль союзника Византии.

Восточная политика Руси стала более активной при князе Святославе. Святослав Игоревич опирался на верную ему языческую дружину старых воевод Игоря. Русский летописец достаточно колоритно описывает воинственность и спартанские обычаи князя: «Ходя воз по себе не возяше, ни котъла, ни мясь варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подыкладъ постлавъ и седло в головах; тако же и прочий вой его вся бяху».

Военную политику Руси 964-968 гг. называют «сабельным ударом» Святослава. Весной 964 г. русское войско двинулось в междуречье Волги и Оки, в землю вятичей, которые в то время платили дань хазарам. Вятичи стали платить дань Киеву. Затем Святослав нанес удар по Волжской Булгарии и буртасам — союзникам Хазарии. Русские воины взяли большую добычу.

Под 965 г. в летописи имеется запись: «Иде Святослав на козары». Хазары, как обычно, ожидали нападения руссов по воде с Азовского моря, с берегов Дона. Войско же Святослава предприняло вторжение с севера, разгромив предварительно хазарских союзников. Буртасы были разбиты и рассеяны, города волжских болгар захвачены, столица их разграблена, население также рассеяно. Русские отряды спустились вниз по Волге и вошли во владения каганата. Хазары успели приготовиться к сражению. Армию возглавил сам каган. Недалеко от столицы каганата Итиль, на берегах Волги произошло решающее сражение. Как сообщает летописец: «И съступи-шася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром». В этом кровопролитном сражении войско Святослава нанесло поражение армии хазарского кагана. Руссы захватили столицу Хазарии — город Итиль, расположенный в устье Волги, сожгли бывшую столицу каганата город Семендер, разорили северокавказские владения Хазарии. Поход на Семендер оказался молниеносным. Руссы разорили город, сожгли его виноградники, которых насчитывалось до 40 тысяч. Дальше на юг воины Святослава не пошли, их не интересовали богатые города Прикаспия. Очевидно, что целью похода был именно разгром, уничтожение Хазарии как геополитического препятст-

вия русской торговли и экспансии на Востоке. Хазарская крепость Саркел была буквально стерта с лица земли. Саркел — старое хазарское разбойничье гнездо, откуда каганат постоянно угрожал русским границам. В наших летописях Саркел называется Белая Вежа.

Этот поход решил судьбу Хазарии. Она перестала существовать как политическая сила. Византия при этом хранила полное молчание, поскольку действовал русско-византийский военный союз, заключенный в 944 г. Хазарские земли были подчинены Руси. Итак, в результате трехлетнего похода Святослав подчинил себе огромную территорию, от междуречья Оки и Волги до устья Волги и восточного побережья Каспия. С представителями покоренных народов руссы заключили договор об отношениях зависимости. В 968 г. после удачного похода Святослав заключил мир с печенегами. Успешный поход Святослава положил конец военному могуществу Хазарии на восточных торговых путях, хазарскому игу над восточнославянскими землями. Обстановка в регионе резко изменилась. Русь не только выходила на рубежи Каспийского и Черного морей. Наступал новый этап противоборства Киевской Руси и Византийской империи.

Таким образом, постепенно формировались основные направления киевской внешней политики. На западном направлении посредством войн были заключены выгодные для Руси соглашения с Византией, а на Востоке удалось устранить главного соперника — Хазарский каганат. События тех лет показали, что в Киеве складывается институт дипломатов и внешнеполитических советников князя. Наряду с Киевом очень скоро вырос самостоятельный центр русской внешнеполитической деятельности. Это была Новгородская республика с ее мощным торговым потенциалом и республиканской системой политического управления.

§ 4. Особенности выработки и осуществления

внешней политики Новгородской республики (1136—1471 гг.)

Обособление Новгорода как государства от остальной Руси началось с 30-х гг. XI в. Этот процесс начался после того, как в 1035 г. киевский князь Ярослав Мудрый даровал грамоту об освобождении Новгорода и его «пригородов» от уплаты ежегодной дани великому киевскому князю. Указанная льгота была благодарностью Ярослава за помощь, которую новгородцы, новгородские полки оказали ему в борьбе против Святополка Окаянного.

Постепенно новгородцы отвоевали у киевских князей множество других льгот, что и привело в 1136 г. к созданию совершенно самостоятельного русского государства, имеющего специфическую внешнюю политику - Новгородской республики. С 1136 г. князь стал избираться вече.

Международное положение республики объяснялось географическим положением, историческими связями и хозяйственными особенностями новгородских земель.

Прежде всего, необходимо заметить, что Новгородская республика как субъект международных отношений представлял собой сообщество Новгорода с его «пригородами», то есть различными торгово-ремесленными городами, находившимися в отношениях зависимости с метрополией Новгородом (см. схему).

Новгород и его «пригороды»

Рассмотрим основные факторы, оказавшие влияние на формирование, направления и особенности внешнеполитического курса Новгородской республики.

Влияние географического фактора на внешнеполитическую ориентацию республики. Новгородские земли непосредственно выходили к Балтийскому морю. Отсюда начинались русские реки Днепр, Западная Двина, Свирь, Нева, Волга, Волхов, Онега, Северная Двина. В условиях лесистой, болотистой, бездорожной местности особое значение приобрела водная торговля, прежде всего на западном и северном направлениях.

Исторически Новгород был тесно связан со Скандинавией.

Оттуда пришли варяжские князья, оттуда приезжали наемные дружинники. В гости к родственникам прибывали скандинавы со своими слугами, купцами и товарами (отсюда получил широкое употребление термин - «гость»=купец=торговец). В Новгороде воспиты-

вались принцы из семейств изгнанных норвежских и скандинавских конунгов. Активно приезжали для торговли немцы, голландцы. Интенсивно шла торговля Новгорода с Ригой, Стокгольмом, Данцигом, Любеком, Нарвой, Ревелем. Об этой торговле свидетельствуют сохранившиеся тексты договоров со Скандинавией и Ганзой (1195, 1252-1256, 1270, 1323, 1326 гг.). Развитие страны происходило главным образом за счет внешней торговли.

3. Хозяйственная особенность или экономический фактор.

Новгородская экономика базировалась на двух устоях:

- а) экстенсивное использование природных ресурсов и ограбление подвластных народов;
- б) внешняя торговля и реэкспорт (спекулятивный) западных товаров вглубь Руси, а русских и восточных товаров - на Запад.

Сам Новгород почти ничего не производил, закупая, например, хлеб в Германии или в русских княжествах (Суздальском, Нижегородском, Московском).

В результате наблюдалась парадоксальная ситуация. Ведущий интенсивную торговлю с Западом и Востоком Новгород переживал резкую смену экономического положения - от процветания до жесточайшего голода.

Масштабы эксплуатации промыслов природных ресурсов были необычайно велики. Распространенным промыслом была охота на пушного зверя: белку, куницу, горностая, соболя, рысь, лису, волка и медведя. Уже в XIII веке в европейской части России исчезла популяция соболя. Охота на красную и пернатую дичь носила истребительный характер (несколько снизилась из-за строгого введения постов). Практиковалось собирание ягод в лесах, ловля рыбы. Бортничество приводило к полному разорению бортей в дуплах.

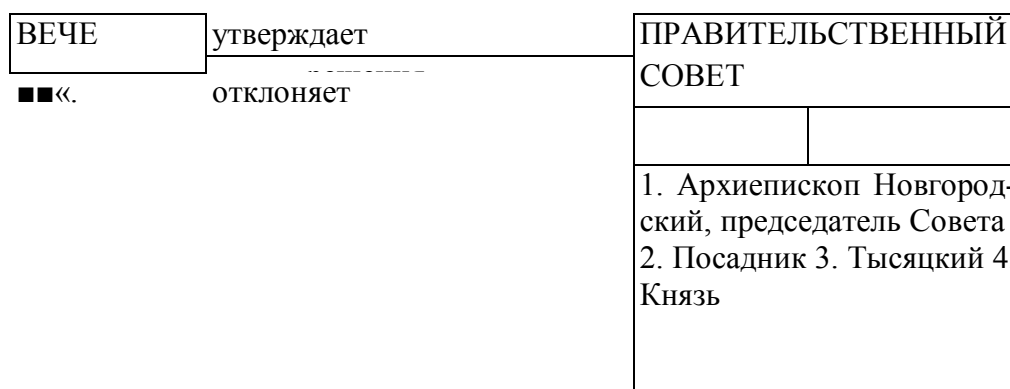
Ограбление Новгородом колоний с целью получения драгоценных камней и металлов, серебра, меха, продуктов морского промысла стало еще одним направлением хозяйственной деятельности республики.

Все вышеназванные продукты служили статьями экспорта в Европу. Новгород производил лен и пеньку - также на экспорт. Статьи новгородского импорта включали: хлеб, свинец, олово, бронзу, железо, краски, ткани, продовольственные товары (фрукты, сухофрукты, вина, сыр и сельдь), инструменты.

Таким образом, внешняя торговля Новгорода носила главным образом посреднический характер и не была связана с производством товаров. Международная ориентация носила антирусский характер, поскольку подрывала развитие собственной экономики за счет импорта западных товаров и «показного благополучия». Получила развитие «предприимчивость» извращенного характера — торговый обман, обвес, обмер, обсчет, подделка денег. Капитальные ресурсы страны фактически были предоставлены Западу для ограбления, хотя все это выглядело как торговый обмен.

Система внешнеполитических органов Новгородской республики

Систему функционирования внешнеполитических органов в республике Великого Новгорода можно представить в виде следующей схемы:

«СТАРЫЕ»

Вече. Решение главных дел формально принадлежало вече. Вече давало окончательное согласие на объявление войны или заключение мира с иностранной (русской) державой, землей, племенем. Только вече санкционировало выплату контрибуции в случае военного поражения, определяло размер дани с колоний. Однако стихийным волеизъявлением новгородцев искусно управляли различные боярские и торговые партии, не прекращавшие своего соперничества и борьбы за власть до самого покорения Новгорода Москвой.

Правительственный совет. Фактически управление внешней политикой находилось в руках правительственного совета - высшего органа исполнительной власти республики. Именно совет закулисно готовил профессиональные решения по важнейшим вопросам, а затем проводил их на вече как «общенародные».

Председателем совета был новгородский архиепископ. Ведущая роль владыки объяснялась следующим:

Очень часто архиепископ выступал арбитром при спорах на вече, при конфликтах новгородских партий и «концов». Часто владыка с крестом буквально разнимал спорящих, хотя, бывало, что уличные кровавые побоища, спровоцированные соперничающими партиями, касались и личности владыки. Например, так было в 1218 г., когда в Новгороде «кормились» князья Святослав и Всеволод Мстиславовичи, сыновья Мстислава Романовича Киевского.

Ближайшими соседями Новгорода были Рижское архиепископство и Ливонский орден. Чтобы вести дела с ними «на равных», требовался священнослужитель, причем священнослужитель однопорядкового церковного сана. Таковым как раз являлся архиепископ.

Грамотность архиерея, знание двух иностранных языков, которые были языками международного общения в период Средневековья: греческого для сношений с Византией и Востоком и латинского для сношений с Западом. Церковные иерархи пользовались у иностранцев высоким доверием по сравнению со светскими деятелями.

Православная церковь в Новгороде Великом обладала реальной экономической силой. Так, в новгородском соборе св. Софии хранились государственные ценности Новгородской республики:

серебряный и золотой запасы,
государственная канцелярия и архив,
внешнеполитическая и внешнеторговая документация (грамоты о привилегиях, ратифицированные договоры с иностранными государствами, счетные книги по обмену и ценам),

— печати должностных лиц (архиепископа, посадника, тысяцкого, князя и большая вечевая печать Новгорода Великого).

К вышеназванным обстоятельствам прибавлялось правило, согласно которому архиепископ первым подписывал международный договор и привешивал к документу свою кустодию (часто золотую, т.е. золотой футляр, в котором была запломбирована восковая печать с оттиском личной печати архиепископа). На шелковых шнурах печать привязывалась через особые проймы к пергаменту договора. Кроме того, новгородский архиерей обладал собственной военной силой - он имел так называемый архиепископский полк. Безусловно, полк также служил рычагом политического влияния. Наконец, без благословения архиепископа даже вече не решалось начать войну или заключить мир.

Посадник - высшее государственное должностное лицо Новгорода, совмещавшее функции главы правительства и бургомистра столицы республики. Он также участвовал в формировании и осуществлении внешнеполитического курса.

Посадник избирался и смещался вече. Традиционно посадники были выходцами из одних и тех же боярских новгородских семей. К таким посадническим семьям относились роды: Мирославичи, Иванковичи, Михалковичи, Климовичи, Даниловичи, Захарьиничи. Лица из посаднических фамилий с детства воспитывали тщательно, внушали исторические традиции, посылали учиться за границу. Будущие посадники совершали ознакомительные поездки по республике и за рубеж. Как правило, все посадники владели иностранными языками (разговорными) - немецким, шведским, польским. К моменту своего возможного избрания отпрыск посаднической фамилии обладал необходимыми знаниями международных отношений в той сфере, в какой развивалась внешняя торговля и распространялись военно-политические интересы Великого Новгорода. Он также нередко обладал определенной квалификацией торгового человека или же опытом наблюдения за переговорами с иностранными державами.

Безусловно, тот факт, что Новгород имел корпус посаднических семей, имел и отрицательную сторону. Все эти семьи вели бескомпромиссную борьбу между собой за государственные должности, так что посадник часто менялся, и зарубежным партнерам Новгорода приходилось быть гибкими и мудро приспосабливаться к новым лицам новгородского правительственного совета. История знает факт добровольного ухода посадника со своего поста. После 1218 г. посадник Твердислав, не желая, чтобы из-за него лилась кровь и, кроме того, будучи тяжело больным, тайно ушел в монастырь и постригся.

До 1354 г. в Новгороде существовал один посадник. С 1354 г. была введена коллегия посадников из 6-ти человек на условиях ротации - каждый правил по году.

Посадник вторым подписывал договор и привешивал свою кустодию (или печать), целовал крест в верность данному договору.

Тысяцкий. Он ведал земщиной, т.е. сельским и бедным городским населением.

Тысяцкий возглавлял земское войско. Это было гражданское ополчение, призываемое в случае войны. Он надзирал за состоянием укреплений, отвечал за службу тыла армии, за решение вопросов транспорта, снабжения войск, связи. Тысяцкий участвовал в переговорах, был третьим подписывающим договоры лицом и прикладывал к документам свою печать.

Тысяцкий избирался на вече, но только голосами «черных» людей, сроком на один год. Менялись тысяцкие очень часто по причине вражды различных боярских партий, что, безусловно, также усиливало неравномерность, неустойчивость внешнеполитического курса Великого Новгорода.

С 1136 г. вече стало избирать себе князя. Кандидатуру обычно выдвигала правящая тройка: архиепископ, посадник, тысяцкий. Князь был нужен Новгороду прежде всего как военачальник, как профессиональный командир собственного наемного войска. Князь был также необходим для престижа и легитимности республики, ибо монархическое правление, монархический менталитет являлись естественными для периода Средневековья.

Вече заключало с князем специальный договор, в котором детально оговаривались права и обязанности княжеской службы. Вот некоторые особенности договорных взаимоотношений вече и князя.

Князь, согласившийся быть военачальником, должен был оставаться в Новгороде до тех пор, пока его держит вече, или на срок, указанный в договоре. Вече могло изгнать князя раньше срока.

Князь имел полное право в сфере организации дружины, выбора стратегии и тактики военных действий.

Он был обязан поддерживать внутренний порядок в государстве. Следовательно, правящие партии могли привлекать князя к подавлению социальных беспорядков в республике.

Князь участвовал в международных переговорах по территориальным, по граничным и мирным вопросам, однако его слово было не решающим, а совещательным, словом эксперта. Он был членом команды переговорщиков, но не более того. Разумеется, князья стремились освободиться от излишней зависимости и выйти на самостоятельное «поле» деятельности.

Так, после смерти Всеволода Юрьевича Суздальского в Новгороде сидел Мстислав Удалой. Он успешно ходил на Чудь к Варяжскому морю, наказывал ее и брал большую дань, отдавая из нее две трети новгородцам, а одну треть - своей дружине. И новгородцы и князь жили очень дружно, как вдруг в 1214 г. Мстиславу пришлось выступить из города, чтобы защитить своих двоюродных племянников, сыновей умершего Рюрика Ростиславовича, от князей Ольговичей. То есть, началась очередная княжеская междоусобица, в которой Мстислав вынужден был участвовать. Когда же князь вернулся в Новгород, то узнал, что партия, приверженная суздальским князьям, собирается изгнать его и затевает собрать вече. Тогда Мстислав неожиданно сам собрал вече и объявил: «У меня есть дела на Руси, а вы вольны в князьях» — и покинул город. Новгородцы же пригласили третьего сына покойного Всеволода -Ярослава (отца Александра Невского), который был женат на старшей дочери Мстислава - Феодосии. Таким образом, призыванием Ярослава могли быть довольны и суздальская партия и сторонники Мстислава.

5. Князь имел право созывать вече в случае чрезвычайной военно-политической ситуации и находиться в «президиуме» вече.

Определенные ограничения накладывались на деятельность князя в Новгороде. Князь не имел права вести сношения с иностранцами, вести международную торговлю, вмешиваться в выборы посадника, приглашать епископа из знакомых ему лиц.

Князю запрещалось разбирать судебные дела и жалобы иностранцев, подписывать международные соглашения, т.е. он стоял ниже тысяцкого в новгородской иерархии. Князю был запрещен въезд в пограничные районы Новгородской республики: в Карелию, Ижорию, Заволочье, к Финскому заливу.

Не удивительно поэтому, что князю, особенно очень деятельному и энергичному, было «тесно» в рамках новгородских законов. Уже упоминавшийся выше Ярослав Всеволодович не смог примириться с новгородскими порядками. Прибыв в Новгород, он схватил и заковал двух знатных бояр и заточил их в Твери. В Новгороде начались крамола и убийства. Тогда Ярослав удалился в Торжок и стал там княжить, а в Новгород отправил своего посадника, по примеру Андрея Боголюбского. В конфликт вмешался Мстислав Удалой, и завязалась очень крупная княжеская распря.

Частая смена князей, непрерывная борьба новгородских партий давала республике слабые шансы на успех против внешних врагов, среди которых, помимо Литвы и Чуди, все более проявляли себя шведы и немцы.

Следовательно, внешнеполитическая роль князя в Новгородской республике была не руководящей, а имевшей лишь совещательное и экспертное значение.

Таким образом, внешнеполитическое руководство Новгородской республики не было централизованным. Различные органы и политические фигуры, часто соперничавшие между собой, участвовали в выработке и осуществлении внешней политики. На практике новгородский князь пытался действовать самостоятельно, независимо от правительственного совета. Налицо была нескоординированная деятельность внешнеполитических органов, которая нередко приводила к поражениям Новгорода на международной арене.

§ 5. Русская и европейская дипломатия в период феодальной раздробленности

Феодальная раздробленность в Европе стала формироваться в IX-XI вв. Сила легла в основу внешней политики. Сеньор обладал правом суда, управления, чеканки монеты, мог воевать с кем хотел, мог заключать мирные договоры, поэтому все смешалось. Многие феодалы владели землями в разных государствах: во Франции и в Испании, в Германии и в Италии. Понятие «сеньория» вытеснило понятие «государство». Повсюду установилось право частной войны, и частная дипломатия практиковалась по всюду. Выразились фор-

мальные приемы объявления войны, заключения мира через особых вестников, передававших поручения устно или в письменной форме. Их звали герольды (их личность была неприкосновенна, как и личность послов).

Церковь пыталась как-то регулировать международные отношения в условиях хаоса. С XI в. было издано постановление «Божьего мира», запрещающего феодалам убивать крестьян и скот, задерживать торговцев и прочее. Нарушителям этих условий угрожали отлучением от церкви, кроме того, запрещалось воевать по определенным дням (с вечера среды до понедельника, во время праздников и постов). Но запреты мало что давали. Вплоть до XV в. частные войны были весьма распространенным явлением, вспыхивая то тут, то там по всей Европе. В таких условиях города, организовавшиеся в союзы, играли особую роль в международной политике.

Так на Руси в XII в. Новгород имел серию договоров с немецкими городами (1195, 1257, 1270 гг.). В основу легли положения Русской Правды. А договор Смоленска с немецкими городами Прибалтики следовал Смоленской Правде. В этих договорах были оговорены условия торговли и общения между городами. Было достигнуто обоюдное согласие, чтобы торговцев не заключали в тюрьмы и оказывали им всякое содействие.

При политической раздробленности Руси дипломатические отношения регулировались особым образом. Это происходило на съездах, куда собирались все князья и где общими усилиями решали проблему. Часто субъектами межфеодалных отношений выступали епископы и настоятели монастырей.

Решающим моментом во внешней политике северо-восточных княжеств были в XIII-XIV вв. отношения с Золотой Ордой. Княжества должны были платить дань, но в дела русского улуса хан вмешивался лишь тогда, когда они касались Золотой Орды непосредственно. В остальном князья действовали самостоятельно. Они, правда, утверждались в своем звании ханским ярлыком (грамотой), садились на престол только лица, уполномоченные ханом. По вызову ханов князья должны были немедленно ехать в Орду. Классическим примером сложной игры русских князей в заданных условиях явилась политика Ивана Калиты, который играл роль послушного орудия в руках хана, заимствовав лестью, подкупом и иными средствами власть у хана и обращая ее против соперников-князей. Так выражался особый стиль поведения русских. В международных отношениях XII-XIV вв. большую роль играли отцы Святой православной церкви.

Выдающимся дипломатом был, в частности, митрополит Алексей, русский по происхождению, которого константинопольский патриарх даже обвинил в том, что тот уделял слишком много времени политике в ущерб церковным делам. Свидетельством его успеха были полученные в Золотой Орде ярлык и перстень. Именно он настоял, чтобы Дмитрий Донской, младший сын умершего князя Ивана Ивановича, стал великим князем московским. Алексей давил сепаратистские тенденции среди князей. Его правой рукой был игумен Троицкого монастыря Сергей. Когда, например, суздальско-нижегородский князь Борис Константинович не подчинился требованиям Дмитрия Донского, в Нижний прибыл игумен Сергей звать Бориса в Москву, а когда тот отказался, то затворил церкви, то есть наложил интердикт на весь Нижний Новгород. И другой раз Сергей ездил в Рязань и умирал там князя Олега. Новгородский владыка действовал так же. В Европе практически таким же, а то и большим влиянием пользовались католические священники и, конечно же Папы Римские.

Изо всех стран мира дипломатия и международные отношения в Средние века были хорошо поставлены в Венеции, особенно в XV веке, когда в Милане правил герцог Франческо Сфорца. Все приемы венецианской дипломатии были взяты у Византии. Представители республики находились во всех странах мира. Использовалась целая система заказных убийств неугодных политиков. Миссии обставлялись роскошью, переписка шифровалась, а по итогам посольства писались отчеты. По возвращении из командировки посол обязан был прочесть на торжественном заседании речь *relazione*. Обычай сохранился до последнего дня Венецианской республики (1797).

§ 6. Международные отношения России в XVI в.

Первые активные шаги царь Иван IV предпринял на Востоке. Крымское и Казанское ханства составили при поддержке Турции сильную антимосковскую коалицию. Татарские набеги стали постоянной угрозой восточным пределам и торговым отношениям Московского государства. Наряду с этим продолжалась требовавшая расширения русская колонизация восточных земель.

В 1549 г. царское войско предприняло безуспешный поход на Казань. На вражеской территории, при слиянии Свияги с Волгой был основан город Свияжск — база дальнейшего наступления русских на Восток.

В 1552 г. Иван IV вновь подошел с войсками к Казани. Царь использовал иностранных инженеров, которые увеличили разрушительное действие артиллерии. Был сделан тайный подкоп для взрыва крепостной стены. Через брешь в стене русские воины ворвались в город. Казань пала.

Таким образом, Россия приобрела территорию Казанского ханства, где началась русская колонизация и христианизация местного населения. В орбиту московского влияния вошли «дикие» народности — черемисы, мордва, чуваша, башкиры. Русская торговля на Средней Волге не имела теперь препятствий. В Астраханском ханстве у власти оказался ставленник Москвы, то есть постепенно осваивалась и Нижняя Волга.

Другим важным направлением была борьба за выход к Балтийскому морю. Россия, Дания, Польша и Швеция пытались захватить Ливонию — немецкую колонию, где местное население финского и литовского племени было насильно обращено в католичество. Ливонский орден — военная сила государства — был на грани упадка. Назревал крупный международный конфликт, который разразился в 1557 г. и известен в отечественной историографии как Ливонская война.

Причинами вступления московской России в борьбу за Ливонию послужили следующие обстоятельства и государственные интересы:

Развитие русской колонизации на западном направлении.

Необходимость выхода России к Балтийскому морю.

Ликвидация враждебного государства и его военной силы — Ливонского ордена, постоянно угрожавшего захватом западных областей Московского царства.

В 1557 году наемные татарские отряды, союзные России, напали на Ливонию под предлогом взятия дани. Присоединившиеся к ним русские войска брали один город за другим. Когда оставалось взять лишь несколько крепостей, в конфликт вмешалась Польша (1559 г.) и Швеция (1561 г.). За помощь в войне Ливония обещала этим странам значительные территориальные уступки. Дания также выставила свои притязания. Так началась сложная, запутанная борьба европейских держав, сопровождавшаяся дипломатическими интригами и комбинациями.

Первый этап войны заканчивается 1564 годом. Иоанн Грозный вел в это время осторожную политику с Данией и нанес поражение Польше. Второй этап относится к 1564–1568 гг. На данном этапе произошло сближение Москвы со шведами. Швеция воевала с Данией на суше. Необходимо учитывать, что в этот период в России получила развитие опричнина, осложнившая в известной степени мобилизацию внутренних ресурсов страны для военных нужд. С 1568 г. наступила третья фаза. Швеция и Дания заключили перемирие при посредничестве Польши. С 1572 г. наступил четвертый период войны. Польша в результате поражений и внутренних событий была выведена из борьбы. В 1575 г. с избранием польским королем Стефана Батория начался пятый этап. Польша вновь вступила в войну с Москвой. Швеция поддержала Батория, а Дания и турецкий султан — каждая сторона по своим причинам — уклонились от участия в боевых действиях. Польские войска взяли Полоцк, Великие Луки. За польским королем следовали католические миссионеры. Осада Пскова поляками в 1581 г. оказалась неудачной. Стороны искали мирного соглашения. В местечке Ям-Запольский состоялись русско-польские переговоры. В результате было заключено Ям-Запольское перемирие (1582 г.).

Итоги войны были следующими:

Россия отказывалась от Ливонии.

Россия теряла доступ к Балтийскому морю, следовательно, к морским коммуникациям в Европу.

Был уничтожен Ливонский орден — давний противник Москвы. Германия потеряла власть над Ливонией.

Назревал конфликт между Польшей и Швецией — союзниками по Ливонской войне.

ДИНАМИКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ В НОВОЕ ВРЕМЯ

§ 1. Основные участники международных отношений XVII-XVIII вв. и специфика их поведения на мировой арене

К середине XVII века начинает складываться новая общеевропейская система международных отношений, стимулом для которой послужила Тридцатилетняя война, в которую было вовлечено прямо или косвенно большинство европейских государств.

С появлением капиталистических отношений происходит углубление международного разделения труда и как следствие усиливаются международные связи между отдельными государствами. Одновременно политика ведущих европейских государств не ограничивается отныне рамками сношений с соседними государствами, их внешнеполитическая активность распространяется на всю Европу. Основные европейские державы постепенно переходят к современной системе организации посольской службы — постоянным дипломатическим представительствам. Большинство войн XVIII века были коалиционными, что также способствовало развитию дипломатии. Во многих государствах Европы создаются ведомства иностранных дел с четкой и все более сложной структурой, в которую включаются теперь переводчики, шифровальщики и архивисты. Увеличивается количество дипломатических представительств и миссий, укомплектованных высококвалифицированным персоналом, но по-прежнему дипломатией занимался еще очень узкий круг высших сановников. Французский язык в XVIII веке становится основным международным языком дипломатов.

К XVII веку происходит раскол единой христианской Европы. После волн реформации и контрреформации, окончательно этот раскол закрепили революции в Нидерландах и Англии. Тридцатилетняя война окончательно решила вопрос о месте церкви в жизни европейских государств. Другими словами, был решен извечный спор о границах высшей власти папы, императора и королей и следовательно о суверенитете отдельных государств. Однако процесс складывания национальных государств еще только начинался и был долгим и весьма болезненным. В частности, вопрос о национально-государственном строительстве таких народов, как германский, итальянский и ряда славянских народов, был отложен вплоть до конца XIX века.

Планы создания в Европе некоего «христианского универсума» были похоронены Авиньонским пленением пап еще в начале XIV века. Последняя попытка его реанимировать была предпринята Карлом V, который при реализации своих гегемонистских устремлений в Европе опирался именно на представление о высшей власти императора как светского главы католического мира, подобно духовной власти папы.

Из всех европейских монархов именно он получал свою корону из рук римского первосвященника. Однако эти попытки оказались не под силу Испании - крупнейшей в то время европейской державы. Между тем роль религиозного фактора оставалась весьма ощутимой вплоть до XVIII века, в частности продолжало существовать деление на католические и протестантские (еретические) государства. К XVIII веку религиозный фактор не играл сколько-нибудь существенной роли. Уже во времена Людовика XIV протестантские государства - Англия и Голландия - вступили в союз с австрийскими Габсбургами. А в борьбе за австрийское наследство в 40-е годы XVIII века протестантская Пруссия сотрудничала с Францией, Баварией и Испанией против императора и Англии.

Все большее распространение получает доктрина «государственного интереса», лишенная какой бы то ни было религиозной окраски. В XVII в. в европейской дипломатии утверждается идея «баланса сил» как господствующей теории международных отношений. В последней четверти XVII века доктрина «равновесия сил» стала рассматриваться Францией, стремившейся к гегемонии, как не отвечающая ее интересам. Но после заключения в 1697 г. Рисвикского мира британская палата общин объявила, что он дал возможность Англии поддержать баланс сил в Европе.

Идея равновесия сил получила дальнейшее развитие после Утрехтского мира, так как на протяжении длительного времени в Европе не существовало четко оформленных двух лагерей под эгидой наиболее сильных государств. Значительный вклад в разработку этой идеи внесли крупнейшие деятели Просвещения — от реализма аббата Мабли («Публичное право, основанное на договорах», 1773 г.) до контрпроектов пацифистской ориентации Руссо («Проект о вечном мире» 1756 и 1762 гг., «Суждение о вечном мире», 1756 г.), Бен-тама («План для универсального и вечного мира», написан между 1786-1789 гг.).

Сохраняли свое влияние и меркантилистские доктрины, которые не являясь еще целостной социально-экономической теорией, представляли собой набор практических рекомендаций, основывающихся на убеждении, что главную форму богатства составляют ценные металлы и что от их объемов зависит процветание и могущество государства. Главной сферой создания такого богатства является международная торговля.

Все эти подходы, преломленные сквозь призму конкретных исторических реалий нашли отражение в европеизме, в многочисленных конкретных проектах общественного и политического устройства «объединенной Европы», сменявших друг друга на протяжении многих веков.

В первой половине XVII века процесс экономического развития и формирования межгосударственных хозяйственных связей в Европе нашел отражение в уникальном проекте для того времени, автором которого был учитель математики в парижском коллеже Эмерик Крюсе (1590-1648). В 1623 г. он публикует трактат «Новый Киней, или Политическая речь, разъясняющая возможности и средства установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире. Монархам и суверенным государям нашего времени». Он обращается к папе и к европейским монархам с призывом создать межгосударственную ассамблею, которая находилась бы в Венеции и объединила как европейские христианские государства, включая православную Московию, так и нехристианские страны и регионы — Персию, Индию, Китай, Японию и Северную Африку.

Уникальная черта проекта состояла в том, что Крюсе видел основу мирного порядка в экономике. Особое значение придавалось свободной торговле как важнейшему инструменту обеспечения мира между народами.

В этот период зарождается еще одно направление европеизма, основной чертой которого был политический прагматизм. Незавершенные этнические и национальные процессы, новые государственные границы — все эти конкретно-исторические условия способствовали обострению борьбы за территории и сферы влияния (Тридцатилетняя война). Но одновременно эти войны показали, насколько взаимосвязаны судьбы европейских народов и государств.

Одним из первых проектов, основанным на идее «европейского равновесия» был «Великий план» герцога де Сюлли (1559-1641), суперинтенданта Генриха Четвертого. По сути своей это был практический план вытеснения Габсбургов из Германии, Италии и Нидерландов объединенными усилиями европейских государств под предводительством Франции, территориального переустройства Европы.

Наибольший интерес представляют рассуждения Сюлли о европейском порядке. Он считал целесообразным разделить Европу на 6 наследственных монархий, 5 выборных монархий и 4 республики. Пятнадцать европейских государств заключили бы между собой союз, гарантирующий помимо прочего свободу торговли. Данная европейская конфедерация должна была управляться советом, по образу греческих ам-фиктионов, который

включал бы представителей всех европейских государств пропорционально их размеру и силе.

В конце XVII века появились первые трактаты о единстве Европы, основанные на принципах протестантизма и присущего ему прагматизма. Здесь в первую очередь следует назвать У.Пенна, предлагавшего создать для обеспечения мира и безопасности общеевропейское собрание, задача которого состояла бы в разрешении конфликтов между государствами, если они не могли разрешить их сами.

Не потеряла свою привлекательность монархическая идея, и XVII век стал веком усиления европейского абсолютизма, а наряду с этим сохранения ряда политических доктрин и воззрений предшествующей эпохи. Укрепление европейского абсолютизма усилило династический фактор в международных отношениях. Однако при наличии к XVIII веку все более усиливающихся раннебуржуазных государств эти схожие, на первый взгляд, династические мотивы служили выражением различных социальных интересов и имели объективно разное историческое значение. Ими обосновывались стремление к сохранению и реставрации абсолютизма, с одной стороны, и к укреплению и распространению новых буржуазных порядков, разделу или, наоборот, консолидации европейских народов — с другой. Вместе с тем чаще всего династические мотивы служили привычным прикрытием борьбы за колонии и новые территории, торговую монополию, в которой с одинаковым рвением участвовали и абсолютистские, и раннебуржуазные государства.

Другим важным фактором, определившим на долгое время международные отношения, явилось появление колоний, а вместе с ними колониальных империй. Эксплуатация колоний становится экономически более важной, чем прежние усилия Англии и Голландии по захвату и грабежу испанских торговых кораблей. И если раньше в испано-португальском соперничестве, а затем голландско-испанской борьбе за колонии другие государства участвовали лишь эпизодически, то с XVII века начинается многосторонняя острейшая борьба с участием Испании, Голландии, Франции и Англии за обладание богатыми колониями, ареной для которой становится весь земной шар. Это борьба тесно вплетается в систему отношений стран на самом европейском континенте, влияние и амбиции которых тесно увязаны с богатством и площадью их колоний.

Так, например, к середине XVII века переходит в разряд второстепенных европейских держав Португалия. Главной причиной этого стала неспособность последней перейти к новым принципам колониальной политики. С самого начала португальское правительство рассматривало свои владения как объект монопольной государственной эксплуатации. Этим колониям не давали ничего, забирая при этом все, что можно взять. Жесточайше притеснялась самостоятельная хозяйственная деятельность местных жителей. И наконец, португальское владычество не сумело создать никакой прочной и рациональной базы для экономического использования индийских и островных владений. Сконцентрировавшись на хищнических методах, Португалия не имела достаточных человеческих и материальных ресурсов для этого.

Что касается упадка Испанской колониальной империи, то главная причина кроется в сохранении феодального строя, цементируемого, ко всему прочему, католичеством, который препятствовал эффективному использованию владений и преумножению капиталов. Земледелие в Испании было запущено, промыслы и мануфактурное производство распространялись слабо. Это приводило к тому, что товаров для вывоза Испании не хватало и золото Нового Света уходило, не задерживаясь, в Индию в уплату за индийские товары, а также в страны Европы, где развитая мануфактурная промышленность производила товары значительно дешевле испанских. Даже судостроительство было ничтожно, и Испания вынуждена была закупать суда у тех же голландцев и англичан. Таким образом, испанцы сами вырастили своих будущих конкурентов.

Совершенно другой способ эксплуатации колоний, и как покажет время, наиболее удачный, демонстрирует в этот период Англия. Ее колониальная экспансия основана на продуманной и рассчитанной на долгосрочную перспективу использовании богатств своих

владений. В отличие от Голландии и Франции Англия сумела обеспечить стабильную и многочисленную эмиграцию в свои заокеанские колонии, тем самым создав возможность для их бурного промышленного развития.

Важно отметить, что именно в XVII веке, под влиянием борьбы за колонии и монополию в международной торговле, начинает складываться то, что сейчас принято называть наукой международного права. Возникло оно в период ожесточенного англо-голландского соперничества, с начавшейся научной полемики, названной англичанами «войной книг». Спор разгорелся по крайне важному вопросу о праве голландцев ловить рыбу у английских берегов, в английских водах. Что такое английские воды? Может ли море или часть его принадлежать Англии или кому бы то ни было или море всегда по природе своей свободно для всех?

Во Франции к середине XVII века абсолютизм достиг своей кульминации, гораздо раньше, чем у их своих соседей. Автономия короля по отношению к господствующим слоям здесь была наибольшей. Более того, во Франции удалось быстрее всего унифицировать внутренние отношения короля со своими подданными. Франция превосходила другие европейские державы по территории, численности населения, по мобилизаторским качествам правящего режима, а также имела удобное географическое положение. И наконец, к середине XVII века во Франции была создана крупнейшая в Европе постоянная армия (200 тыс. человек в мирное время и до 500 тыс. во время войн) и значительно увеличен военный и торговый флот.

С 60-х годов XVII века Франция Людовика XIV переходит к открытой экспансионистской политике. Основным направлением французской дипломатии на европейском континенте стало ослабление Испании, а также ослабление голландского влияния путем присоединения Южных Нидерландов к Франции. Конфликт между Францией и Испанией с окончанием Тридцатилетней войны не угас. Франция, объединившись с Англией, нанесла Испанской короне целый ряд внушительных ударов. Свою роль сыграла Португалия, получившая к тому времени независимость и отвлекающая большую часть испанских войск от боевых действий против основных соперников.

В 1659 году произошло подписание Пиренейского мира, по которому Испания отдавала Франции часть своих территорий. Брак между французским королем и дочерью Филиппа IV Марией Терезой предусматривал отказ инфанты от прав на испанский престол в обмен на выплату испанским двором 500 тыс. экю в качестве приданного.

В то время как Англия испытывала все тяжести гражданской войны, основное внимание французского двора было сосредоточено на борьбе с Фрондой, а германские княжества были ослаблены Тридцатилетней войной. Происходит усиление роли Нидерландов в европейском балансе сил. К середине XVII века Голландия имела больше морских судов, чем все страны Европы вместе взятые. Это позволило Голландии контролировать важнейшие торговые пути Европы и сохранять ведущее положение в морской торговле. Амстердамский банк стал крупнейшим в Европе. Голландские Ост-Индская и Вест-Индская компании начали внешнеторговую экспансию по всему миру.

Однако могущество Голландии было очень шатким из-за уязвимости границ, небольшой территории и численности населения и недостаточно развитого мануфактурного производства.

В апреле 1662 года Франция и Голландия подписали договор, гарантирующий неизменность их владений. Но уже через год Людовик XIV подписал договор с Англией, согласно которому Англия передавала Франции за крупную сумму Дюнкерк. В 1664 году началась англо-голландская война, которая взаимно ослабила воюющие стороны и позволила французам малой кровью захватить Южные Нидерланды. В 1667 году под давлением английских деловых кругов Карл II в кратчайший срок подписывает договор с Голландией, к которому на обещания субсидий готова была присоединиться Швеция. Участники Тройственного союза стремились выступить посредниками в споре Испании и Франции, а в случае отказа объявить Людовику XIV войну.

Однако иметь Францию союзником было гораздо выгодней, чем вести против нее войну, поэтому Людовик XIV чувствовал себя достаточно спокойно. Главной опасностью для Людовика была сама попытка объединения раннебуржуазных морских держав. Но это объединение было недолговечным из-за торговых и колониальных противоречий.

В 1668 году был заключен Аахенский мир, по которому Франция сохранила за собой Фландрию, рассматривая ее как плацдарм для будущих завоевательных войн в Европе. Остальная часть Южных Нидерландов вместе с Франш-Конте передавались Испании. Граница, установленная в 1668 году, носила явно временный характер.

К 1670 году возобновляет свою деятельность Тройственный союз, наиболее слабым звеном которого оставалась Англия (из-за торговых противоречий с Голландией). Людовику XIV удалось подписанием секретного Дуврского договора с Лондоном разрушить данную коалицию и, более того, обязать последнего начать войну с Голландией.

Летом 1672 года дело шло к разгрому Голландии, французская армия быстро продвигалась, захватывая все новые голландские провинции, а англо-французский флот господствовал в Северном море. Но к 1673 году ситуация изменилась, пришедшему к власти Вильгельму Оранскому удалось расколоть лагерь противника и, более того, начать формирование новой антифранцузской коалиции. К 1674 году Франция была вынуждена в целом перейти к обороне. Столь кардинальное изменение ситуации объясняется тем обстоятельством, что окончательный разгром Голландии разрушал европейское равновесие и способствовал установлению французской гегемонии в Европе, что не могло позволить ни одно из государств.

В 1678 году был подписан Нимвегенский договор, который был очень тяжелым для Голландии и мало что дал Франции. К последней четверти XVII века одной из целей французской политики стало не приобретение новых территорий, а упорядочение «французских границ». Под этим понималась ликвидация анклавов, что позволило бы построить единую цепь фортификаций. В этом смысле договор можно рассматривать как вершину успехов политики Людовика XIV. Франция приобрела более удобную для своей обороны границу и присоединила Франш-Конте и ряд других территорий. В целом, если исходить из целей, преследуемых Версалем, договор был скорее неудачей. В итоге войны в основном уже сформировался союз Голландии, Испании, Англии и Австрии, направленный против Версаля.

Попытки Людовика XIV диктовать свои условия в Европе, захваты чужих земель под предлогом существования сомнительных старинных прав вызвали волну негодования со стороны Австрии и целого ряда германских княжеств. Это вынудило императора Леопольда I заключить союзный договор в 1682 г. с несколькими германскими князьями, по которому они обязывались выставить 30-тысячную армию. А в начале 1683 года был заключен оборонительный союз, в который вошли император, Голландия, Испания, курфюрсты Баварии и Ганновера.

После осады Люксембурга общеевропейская война становилась неминуемой. Спасение последовало от Османской империи, когда 200-тысячная турецкая армия подступила к Вене. Это наступление было подготовлено самим Людовиком XIV, который намеревался выступить спасителем Европы и установить французское преобладание на континенте.

Здесь необходимо отметить, что Османская империя в XVII - XVIII веках, обладая огромными территориями на трех континентах и являясь крупным европейским государством (Балканы, Валахия, Молдавия, часть Венгрии), во многом уже потеряла наступательную мощь на европейском направлении. Это объяснялось прежде всего появлением в Европе сильных в военном и экономическом отношении государств, в том числе России. В свою очередь, внутри самой Османской империи политическая и экономическая ситуация значительно ухудшилась. Все, на что приходилось рассчитывать империи, так это на удержание любыми способами своих владений в Европе. Тем более что постоянно находились государства, в частности Франция, которые были не прочь к взаимной выгоде поддерживать с военной, политической и финансовой точек зрения те или иные притязания Турции

в Европе. Начиная с XVIII века все более отчетливо проявляется политика ведущих европейских государств, которая позднее получит название «восточной политики», по использованию Турции в качестве противовеса России, с одной стороны, и установления контроля над ее обширными владениями — с другой.

Снятие осады с Вены и отступление османов давали шанс увеличить владения императора на Балканах и вновь изменить баланс сил. Благодаря успехам Евгения Савойского, турки были окончательно вытеснены из Венгрии, под власть императора перешла значительная часть Сербии, Валахии и Боснии. Вместе с тем Австрии не удалось добиться серьезных успехов в борьбе с Францией.

В десятилетие перед «Славной революцией», вопрос об английском престолонаследии имел такое же значение, как в свое время вопрос об «испанском наследстве». В международном аспекте этот вопрос заключался в том, станет ли Англия постоянным участником и лидером антифранцузской коалиции либо будет играть роль сателлита французского короля.

К середине 80-х годов XVII века Франция оказалась в полной изоляции — против нее выступили Испания, Австрия, Голландия, Англия и Швеция, объединившиеся в Аугсбургскую лигу. Вместе с тем положение Франции было далеко не безнадежным, так как Людовик XIV имел влияние на Якова II и мог предпринять высадку своего десанта в Англии, что создало бы реальную угрозу для Голландии и непосредственно Вильгельма Оранского. Нерешительность и просчеты французской дипломатии, а также позиция самого Якова II, выступавшего против открытых военных действий французов в Рейнских землях и в Англии, не дали возможности Людовику XIV воспользоваться благоприятным моментом. Ситуация изменилась после «Славной революции» 1688, которая, не вызвав широкой гражданской войны, позволила Вильгельму Оранскому утвердиться на английском престоле, объединив тем самым два раннебуржуазных протестантских государства в борьбе против французской гегемонии в Европе. В мае 1689 года началась война Франции против Голландии и Англии, к последним примкнули Испания, Савойя, ряд южногерманских княжеств во главе с Боварией.

К лету 1690 года Франция находилась в состоянии войны с мощной коалицией не имея шансов на победу. Хотя сама коалиция, объединенная лишь общим противодействием планам Версаля, не могла договориться о совместных операциях против французской армии. Война Франции против Аугсбургской лиги растянулась на 9 лет (1688-1697). И хотя главная цель лиги состояла в том, чтобы не дать Франции захватить гегемонию и получить испанские Нидерланды, большое значение приобрели вопросы торговли и борьбы за колонии.

В сентябре 1697 года был подписан мирный договор Франции с Англией, Испанией и Голландией. Несмотря на то что Франция сохранила большую часть своих завоеваний, в том числе Франш-Конте, договор был поражением Версаля. Формально этот договор лишь зафиксировал признание со стороны Людовика XIV законность прав Вильгельма Оранского на английский престол. С подписанием Рисвикского договора было установлено некоторое равновесие сил в Европе. Однако он не решил центрального вопроса, от которого зависела расстановка сил в Европе, а именно вопрос об «испанском наследстве» и перспектив утверждения колониального преобладания Англии или Франции.

После Рисвикского мира воюющие стороны были значительно ослаблены. На горизонте появилась новая, гораздо более выгодная партия. А именно — перед Европой внезапно встал вопрос об испанском наследстве.

Политика Людовика XIV относительно Испании была достаточно схожа с политикой в отношении Голландии: овладеть метрополией не только потому, что сама метрополия огромное богатство и обширное поле для будущей экономической эксплуатации, но и потому, что с захватом Мадрида приобретаются колоссальные в несколько раз больше самой Европы территории, которыми Испания владела со времен Колумба и которые она еще не успела растерять, как Португалия к началу XVIII века.

По мысли Людовика XIV и Кольбера, Франция должна была стать наследницей обеих тогда существовавших богатых империй — как голландской, так и испанской. Несмотря на две опустошительные войны Голландии удалось сохранить свою самостоятельность и после Нимвегенского мира 1678 г., и после Рисвикского мира 1697 г., которые подорвали ее экономическое могущество, немало способствовав переходу ее в ранг второстепенной державы.

Против Испании тактика была прежде всего дипломатическая и династическая, мирная. Людовик XIV стремился посадить на испанский престол своего внука Филиппа, который был бы, по его мысли, французским наместником, управляющим Испанией и ее колониями.

Когда в 1700 г. Людовик осуществил этот план, Англия, Голландия и Австрия объединились против французских и испанских Бурбонов. Главными целями борьбы являлись сохранение равновесия сил в Европе и недопущение какой-либо одной державы к испанским владениям. К 1701 году началась новая общеевропейская война.

Утрехтский мир 1713 года, которым завершилась эта долгая и кровопролитная борьба самым серьезным образом изменил расстановку сил на европейском континенте. Он, по сути, покончил с планами Версаля на установление французской гегемонии в Европе. И хотя сын Людовика XIV Филипп V сохранил испанскую корону,

система, созданная условиями договора, сделала нереальным выдвижение подобных гегемонистских претензий. Рост могущества России в Восточной Европе привел, в частности, к тому, что если раньше в борьбе с Веной Франция часто использовала Османскую империю, то теперь против последней успешно боролась Россия. Кроме этого, произошло ослабление, особенно после Северной войны, Швеции, так же выступавшей часто союзницей Франции в борьбе против Австрии.

Происходит экономическое усиление Англии, которая была заинтересована в том, чтобы на европейском континенте ни одна из держав не заняла господствующего положения, и в том, чтобы самой играть роль арбитра в международных спорах. Усиление Пруссии также делало невозможным усиление какого-либо государства в Центральной Европе. Англичане остались бесспорными владыками морей. Ко времени Утрехтского мира Голландия из первой по богатству державы мира сделалась второстепенным, борющимся за свое существование маленьким государством. Причинами этого кроются не столько в постоянных войнах с Англией на море и Францией на суше, сколько в условиях всего экономического развития Голландии. Громадные богатства в подавляющей массе проистекали из торговых прибылей, тогда как возрастающее величие Англии основывается на ее промышленном развитии.

Франция к 1715 году, когда умер Людовик XIV, мало напоминала ту державу, которая главенствовала в Европе в 60-80-е годы XVII столетия. Если кто остался в выигрыше, то это Англия. Английская буржуазия готовилась к длительному экономическому состязанию с Голландией, к еще более длительной как экономической, так и военной борьбе с Францией. Шансы на победу над обеими соперницами были теперь больше, чем еще в начале последней четверти XVII века.

Вестфальский, а затем и Пиренейский мир лишили Испанию бывшего военного и экономического могущества. Потерянные по Утрехтскому договору испанские земли перешли к Австрии. Однако новый король Испании Филипп V считал эти уступки временными. Испанский капитал, хотя и ослабленный, вовсе не желал делиться с кем-либо своими позициями, и в частности с французами. Вернуть Южные Нидерланды было делом нереальным, поэтому наиболее острая борьба началась за итальянские земли. К 1717 году Испания отвоевала Сардинию и потеснила австрийцев на Сицилии. Эта ситуация, грозящая нарушить баланс сил в Европе, привела к появлению Четвертного союза с участием морских держав Австрии и Франции (отношения между бурбонскими дворами после смерти Людовика XIV были сложными). Испания не имела никаких шансов в борьбе против образовавшегося союза и после переговоров передала Австрии Сардинию в обмен на Сицилию.

Четвертной союз был временной коалицией, покоящейся исключительно на шатком англо-французском сотрудничестве, стремящимся к сохранению баланса сил после Утрехтского мира. Это обстоятельство вплоть до второй половины XVIII века способствовало появлению ряда весьма непрочных дипломатических комбинаций. В частности, Мадрид пытался заручиться поддержкой Версаля, а потом и Вены. В 1725 году был заключен Венский договор. В 1731 году Англия заключает договор с Австрией, опять же в поддержку «европейского равновесия». Главным пунктом данного договора было согласие Англии на порядок престолонаследия австрийских владений (по Прагматической санкции 1719 года Мария Терезия объявлялась единственной преемницей австрийского престола).

В 1733 году Испания, не удовлетворившись передачей Пармы, заключает договор с Францией. Во время борьбы за польское наследство Австрия, выступавшая вместе с Россией, с трудом сдерживая натиск турок, не могла в полной мере противостоять Франции и Испании. По Венскому договору 1738 года Лотарингия была уступлена изгнанному из Польши Станиславу Лещинскому. Неаполь и Сицилия были переданы дону Карлосу, который неохотно отказался в пользу австрийцев от Пармы. Этот крайне неблагоприятный для Австрии договор был дополнен Белградским миром 1739 г., по которому была утеряна значительная часть приобретенных на Балканах территорий.

К этому времени вновь вышло на первый план острое торгово-экономическое соперничество между Англией и Францией, прежде всего, за колонии в Северной Америке, Индии и т.д. В 1739 г. вспыхнула англо-испанская война, Испания стремилась защитить свои колонии от контрабандной торговли англичан. Эти торговые войны происходили уже на фоне изменившейся расстановки сил. Прежде всего резкого усиления роли России, а также выдвижения Пруссии в ряды первоклассных государств.

Переплетение англо-французского противоборства и австро-прусского соперничества имело далеко идущие последствия для германских земель. Оно постоянно превращало последние в театр военных действий и не давало, с другой стороны, Франции аннексировать значительные германские территории.

Поводом к войнам в 40-е годы XVIII века послужило ослабление Австрии и непризнание Прагматической санкции многими европейскими странами, что ставило под угрозу сохранение Австрийской империи как единого государства. В 1740 г. Пруссия вторгается в Силезию, развязав первую Силезскую войну, переросшую в войну за австрийское наследство. В 1742 году Пруссия возобновляет союз с Францией и Баварией и захватывает Чехию. Однако после того как из войны выходит Бавария, Фридрих II был вынужден подписать сепаратный договор с Австрией. По этому Дрезденскому миру Силезия оставалась за Пруссией, в свою очередь прусский король признавал избрание Франца Стефана — супруга Марии Терезии — германским императором.

Воспользовавшись австро-прусской войной, Франция и Англия в 1743 году начинают войну за торговое и колониальное превосходство. Начиная со времени войны за австрийское наследство, и особенно после заключения в 1743 г. Семейного пакта между Парижем и Мадридом, франко-английское соперничество на долгие годы выходит на первый план международных отношений. Франция рассчитывала добиться победы за счет уничтожения континентальных союзников Англии. Дальнейшие события показали ошибочность такого подхода, так как Англии с помощью различных способов, в том числе и путем подкупа, удавалось всегда находить союзников.

Война за австрийское наследство ничего не решила в англо-французском споре. Оккупация французскими войсками Южных Нидерландов и угроза захвата Голландии тем не менее вынудили Англию отказаться от своих захватов в Новом Свете и от преимуществ, которое давало английское превосходство на море. Этот опыт многолетней борьбы выявил реальное соотношение сил и основные внешнеполитические цели ведущих европейских держав.

После Аахенского мира 1748 г. вся политика Австрии была направлена на проти-

водействие захватническим планам Фридриха II. Кауниц, ставший во главе австрийской внешней политики, понимал, что помощь Англии против Пруссии, с которой у первой нет никаких противоречий, кроме того, что Пруссия является союзницей Франции, будет весьма ограниченной. Сложно было рассчитывать и на полную поддержку России, где были свои сторонники и противники русско-австрийского сотрудничества.

Поводом для нового европейского военного конфликта послужило стремление Англии обезопасить судьбу Ганновера, курфюрсты которого с 1714 года являлись одновременно королями Великобритании. Ганновер служил Англии важным форпостом на континенте, одновременно втягивая ее в различные конфликты на севере Европы. Боясь захвата Ганновера Фридрихом II, союзником Франции, Англия попыталась опереться на помощь России, настороженно следившей за усилением Пруссии. Именно на это была направлена подписанная в 1755 году Санкт-Петербургская конвенция.

Австрия стремилась в этих условиях привлечь на свою сторону Францию, предлагая в случае возврата Силезии Фландрию, которую Версаль пытался безуспешно захватить в нескольких конфликтах. Кроме этого, в Версале усилилась так называемая «австрийская партия», возглавляемая маркизой Пампадур. Однако Людовик XV не мог никак решиться на кардинальный пересмотр старой системы союзов.

Пруссия, со своей стороны, стремится сохранить союз с Францией. Одновременно в 1755 году Фридрих II делает попытки заключить союз с Англией. Трудность состояла в том, что основой союза с Англией должна была стать защита Ганновера от нападения Франции.

В январе 1756 г. была заключена Вестминстерская конвенция, по которой Пруссия обязалась соблюдать сама и добиваться от других германских государств поддержания нейтралитета в случае войны между Англией и Францией. С помощью этой конвенции Англия стремилась вывести европейский конфликт из сферы надвигавшейся англо-французской войны. Несмотря на то что такое положение дела давало возможность Франции не отвлекать свои силы для действий на континенте, тем не менее оно позволяло и Лондону избежать втягивания в конфликты, где его перспективы были далеко не блестящи. Вестминстерская конвенция не была договором об англо-прусском союзе, но она положила конец еще существовавшему франко-прусскому союзу.

1 мая 1756 г. в Версале был подписан франко-австрийский договор о нейтралитете и обороне, по которому обе стороны обязывались прийти друг другу на помощь, если одна из них подвергнется нападению со стороны какого-либо государства, кроме Англии. Этот договор устранял возможность оккупации Францией Южных Нидерландов и тем самым исключал участие Голландии в антифранцузских коалициях. Франция отказывалась от данной Фридриху II гарантии сохранения Силезии в составе Пруссии.

Вскоре был достигнут договор между Веной и Санкт-Петербургом и начались переговоры о заключении франко-русского союза. Тройственный союз, названный «коалицией Кауница» стал весьма реальным. В мае 1756 года была подписана русско-австрийская конвенция о совместных боевых действиях против Пруссии.

Фридрих II начинает Семилетнюю войну с захвата Саксонии. Несмотря на первые победы, Пруссия не могла рассчитывать на серьезные преимущества. На фоне войны на европейском континенте началось вооруженное англо-французское противоборство в колониях. В 1756 году в ответ на действия англичан в Северной Америке Франция захватила остров Менорку в Средиземном море, контролируемый со времен Утрехтского мира Англией. В 1757 году английские войска были разбиты французами в Ганновере, и только в следующем году им удалось вернуть контроль над этими территориями. Тем не менее У.Питт, вставший у руля английской внешней политики, считал действия в Европе второстепенными и предпринимал все, чтобы выиграть войны в Америке и Индии.

Война в колониях велась с переменным успехом, однако постепенно экономическое и морское преимущество Англии сказалось. В 1758 г. был занят Луисбург и Монреаль. Канада перешла в руки англичан. Годом раньше английские войска захватили Бенгалию,

сделав тем самым важный шаг к полному господству в Индии. Были завоеваны и некоторые французские колонии в Западной Африке. Эти успехи Англии сделали вполне реальной складывавшуюся антианглийской коалиции из европейских континентальных держав, считающих расширение английской колониальной империи нарушением «баланса сил» в Европе.

В апреле 1761 года начались переговоры между Англией и Францией, но мира не хотела ни одна из сторон. Испания согласилась на возобновление Семейного договора (французских и испанских Бурбонов), прекрасно понимая, что после Франции Англия примет за испанское колониальное наследство. В 1762 году Мадрид начал войну против Англии с агрессии против Португалии, тесно связанной с Англией. Однако эти выступления закончились неудачей для Испании.

10 февраля 1763 г. Англия вернула лишь часть из захваченных французских и испанских колоний, сохранив за собой Канаду и большинство приобретений в Индии, а также испанскую Флориду. Франция вернула себе Мартинику и Гваделупу, Куба была возвращена Испании. Несмотря на то что Пондишери был возвращен Франции вопрос о том, кто будет контролировать Индию, был уже решен.

Смерть императрицы Елизаветы и вступление на престол Петра III, поклонника прусского короля, привели к распаду антипрусской коалиции. 15 февраля 1763 г. был заключен Губертсбургский мир Франции и Австрии с Пруссией на основе сохранения статус-кво.

После Парижского мира вплоть до конца XVIII века на европейском континенте не было войн между ведущими державами. Это объяснялось целым рядом причин. Во-первых, сближением России и Пруссии, к которым позднее присоединилась Австрия. Это сближение покоилось на общих интересах по разделу Польши. Во-вторых, Англия была вынуждена бороться за сохранение своего влияния в североамериканских колониях, поэтому делала все для того, чтобы на европейском континенте установилась определенная стабильность.

В итоге Семилетней войны карта Европы практически не изменилась. Вошедший на престол Иосиф II сохранил основные принципы внешней политики Кауница. Сохраняя союз с Францией, который был заключен в 1770 году, Вена попыталась укрепить свое положение путем присоединения Баварии, курфюрст должен был получить взамен Южные Нидерланды. Это могло способствовать, согласно Иосифу II, консолидации владений Габсбургов, которые были не столько единым государством, сколько склеенным из разнородных элементов сложным организмом.

В 1777 году умер баварский курфюрст, не оставив прямых наследников, но планам Вены помешал Фридрих II, выступивший решительно против планов Австрии, считая, что присоединение Баварии нарушит баланс сил в германских землях. Ему удалось собрать союз германских князей против императора.

В свою очередь Фридрих II не считал австро-русский союз прочным ввиду усиления России на Балканах и сам стремился поддерживать с Петербургом ровные отношения (благо, непримиримых противоречий между Россией и Пруссией не существовало), рассчитывая использовать Россию в возможной войне против Вены.

Одним из важных факторов международных отношений в последней четверти XVIII века явилась борьба североамериканских колоний за независимость. Чарльз Девенант, английский экономист конца XVII — начала XVIII века, много занимавшийся вопросами внешней торговли и умерший на посту главного инспектора экспорта и импорта в 1714 году, писал, что если колонии (американские) будут вести торговлю независимо от Англии, то они сделаются независимыми государствами. Именно торговые свободы были главным источником борьбы метрополии со своими колониями в Новом Свете. Захват Англией Канады еще больше усугубил этот конфликт, поскольку французская угроза, которая создавала зависимость колонистов от военной мощи метрополии, была устранена.

Главное, на что мог рассчитывать Лондон, это на военное содействие второстепенных государств в обмен на компенсации политического или чисто финансового характера. Но с

самого начала речь пошла о вооруженном выступлении монархических государств Европы в поддержку восставших колоний.

Так, министр иностранных дел Верженн считал, что поддержка американских колоний позволит Франции взять реванш за Семилетнюю войну и вернуть былое могущество и величие. Тем более Франция может достигнуть всего этого не вступая в открытый военный конфликт с Англией, что было опасно ввиду серьезных финансовых трудностей.

Испания, не желавшая помогать Англии, относилась к этому конфликту более настороженно, справедливо полагая, что в недалеком будущем сами американские колонии станут главным соперником Мадрида в Новом Свете.

Что касается Австрии, то Иосиф II стремился, прикрывшись «монархической солидарностью», получить максимальные выгоды в сложившейся ситуации.

Россия, с которой настойчиво пытались договориться англичане, заявила о своем нейтралитете, образовав Лигу вооруженного нейтралитета, куда также вошли Австрия и Пруссия. В данных условиях победа колоний была вполне предсказуемой, и если по Парижскому договору 1783 года Англия, признав независимость американских колоний, сумела в целом удержать ситуацию, то только благодаря игре на опасениях, которые вызвали у американцев экспансионистские планы Франции и Испании.

На деле признание реального положения вещей, необратимости результатов революции в Северной Америке открыло путь к восстановлению позиций Англии на мировой арене, опиравшееся на быстрое промышленное развитие страны.

§ 2. Революционные и наполеоновские войны (1792-1815 гг.)

Революционные события во Франции, а особенно идеи французской революции, оказали серьезное влияние на европейское общество и на военно-политическое положение в Европе в XIX веке. Уже с весны 1792 года началась длинная череда войн, растянувшаяся почти на четверть века и постепенно охватившая всю Европу. Длительные и кровопролитные войны истощили Европу. Разбив Наполеона, все страны стремились к устойчивому и прочному миру. Такой относительно надёжный миропорядок был установлен в Вене. Новая система международных отношений оказалась достаточно стабильной и устойчивой. Благодаря венской системе на несколько десятилетий Европу удалось избавить от лобовых столкновений великих держав.

С началом Великой французской революции в 1789 г. фактическая власть в стране оказалась в руках Учредительного собрания, большинство которого представляло интересы крупной столичной буржуазии и либерального дворянства. Главной своей задачей депутаты считали введение во Франции конституционного правления. Король Людовик XVI и его семья оказались в заложниках революции: монархия неохотно принимала все новые ограничения ее власти. В ночь на 21 июня 1791 г. королевская семья безуспешно пыталась бежать из Парижа к восточной границе, где концентрировались силы контрреволюции. Оpoznанный одним местным жителем, король и его спутники были задержаны у местечка Варенн и препровождены обратно. Пропагандируемый умеренными конституционалистами союз нации и монарха дал течь — их версия о "похищении" короля являлась сущей нелепицей. Со всей очевидностью подтвердилась связь династии с контрреволюционной эмиграцией и поддерживающими ее иностранными дворами (Австрией и Пруссией в первую очередь).

В Париже развернулась агитация за республику и за революционную войну с соседними монархиями, которая сорвет планы контрреволюции и, по всей вероятности, сметет с трона Людовика XVI. Наиболее горячим поборником этой идеи стал публицист Жак Пьер Бриссо, обретший тогда популярность. А 17 июля национальная гвардия Лафайета расстреляла республиканскую манифестацию на Марсовом поле. Разрыв между умеренными конституционалистами и народом обозначился кровью.

27 августа прозвучало еще одно эхо вареннского кризиса. Австрийский и прусский короли в Пильнице подписали декларацию с призывом ко всем государствам Европы помочь в восстановлении монархического правления во Франции. Страну ждали новые потрясения

и новая более радикальная фаза революции.

В сентябре 1791 г. был утвержден полный текст конституции. Депутаты выполнили свою миссию и передали власть Законодательному собранию. Расстановка сил в этом новом органе власти сложилась уже совершенно иная. Его правый фланг составили умеренные конституционалисты, вышедшие из Якобинского клуба и образовавшие отдельный клуб в монастыре фельянов. На левом фланге в большинстве оказались сторонники Бриссо, или жирондисты (ряд депутатов представляли департамент Жиронда), выражавшие интересы крупной и части средней буржуазии портовых городов Марсель, Бордо, Нант. Буржуазия провинции не была так связана с монархией, как столичная. Заинтересованная в укреплении своих позиций на внутреннем и внешнем рынках, она решительно отстаивала принципы либерализма, была готова к углублению революции и ее экспорту за пределы Франции.

Надеясь, что война приведет к победе контрреволюции и реставрации старого порядка, Людовик XVI предоставил жирондистам министерские портфели. Пост министра иностранных дел, ключевой в новом правительстве, занял генерал Дюмурье, примкнувший к сторонникам революционной войны из карьеристских соображений. 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии; Пруссия выступила на стороне последней позднее.

Плохо подготовленная к войне французская армия вторглась в принадлежавшую австрийским Габсбургам Бельгию и скоро потерпела поражение. К июлю над Францией нависла реальная угроза иностранного вторжения. Законодательное собрание вынуждено было объявить "отечество в опасности". По всей стране формировались отряды добровольцев (федератов), прибывавшие в Париж. Ширилось движение за устранение политической причины военных поражений — монархической власти. Инициатива в республиканской пропаганде перешла теперь к левой части Якобинского клуба, Максимилиану Робеспьеру и его сторонникам, которые, однако, были против насильственных действий. Но когда командующий прусскими войсками герцог Брауншвейгский пригрозил парижанам расправой, если только они причинят малейшее оскорбление королю, и пообещал восстановить во Франции монархическую власть в полном объеме, санкюлоты и федераты поднялись на восстание. 10 августа 1792 г. они штурмовали королевский дворец Тюильри.

Людовик был отстранен от власти, монархия свергнута, а вместе с ней рухнул режим власти крупной буржуазии старого порядка — правого большинства Законодательного собрания. Фельяны перешли в лагерь контрреволюции. По предложению Робеспьера, решено было избрать всеобщим голосованием Национальный конвент для выработки новой конституции.

После сдачи крепостей Лонгви и Верден в сентябре 1792 г. угроза вторжения еще более приблизилась к столице. Но прежде чем отправиться на фронт и устранить ее, волонтеры-федераты и санкюлоты учинили массовую резню в парижских тюрьмах, чтобы не дать "заговорщикам" (а среди них оказались не только контрреволюционеры и неприсяжные священники, но и просто уголовники, бродяги и проститутки) "ударить в спину патриотам". Избиения 2-5 сентября — это вершина прокатившегося по всей стране стихийного "первого террора", пролога к террору организованному.

20 сентября при Вальми французская армия, в которую влились прибывшие из Парижа добровольцы, отразила атаку пруссаков герцога Брауншвейгского. Через 10 дней он отдал приказ об отступлении. В кампании наступил перелом. Вскоре французские патриоты вступили в Бельгию, рейнские княжества, Ниццу и Савойю. Завоевания революции расширялись территориально: здесь ликвидировался сословно-феодальный строй, формировались муниципалитеты и т. д. Провозглашался принцип революционной войны: "Мир — хижинам, война — дворцам". Обоснование аннексии указанных земель дала доктрина Жоржа Дантона о "естественных границах" Франции, очерченных Рейном, Альпами и Пиренеями.

Казнь короля, обвиненного в государственной измене, в январе 1793 г. дала повод для организации первой коалиции против добившейся больших военных успехов провозглашен-

ной Конвентом Республики. В состав коалиции помимо Австрии и Пруссии вошли Англия (господство Франции на Рейне подрывало ее торговые интересы на континенте), Испания и Голландия. Республика потерпела от них поражения в Бельгии и в рейнских землях. Генерал Дюмурье совершил предательство. Военные поражения усугубляло восстание крестьян под руководством роялистов и католических священников на северо-западе страны, в Вандее.

Летом 1793 г. положение Республики стало еще более тяжелым. Очаг Вандеи расширился, войска коалиции продолжали наступать. В провинции разразился спровоцированный свергнутыми жирондистами "федералистский мятеж" против "тирании" Парижа. Он охватил около 50 департаментов из 83 в том числе, важнейшие портовые города Лион, Марсель, Бордо, Нант. Тулон и его военно-морскую эскадру мятежники сдали англичанам.

В этих чрезвычайных обстоятельствах вокруг лидеров Горы в Конвенте образовался блок, условно объединивший вокруг якобинцев всех сторонников революции. Якобинский блок был временной и противоречивой коалицией политических сил. Их общей задачей являлась защита Республики от внешних и внутренних врагов, но в остальном они мало согласовывались. Это не удивительно, учитывая, что одни ориентировались на требования люмпенских и близких к ним слоев, а другие отстаивали интересы разбогатевшей на покупке земель из фонда национальных имуществ, на военных поставках и кредитах Республике новой буржуазии.

Осенью-зимой 1793 г. Республика добилась перелома ситуации в свою пользу на внутренних и внешних фронтах. Помимо революционного насилия (террора, принудительных займов, наложенных на богатых, и безвозмездных реквизиций) среди причин этих побед надо назвать новое качество французской армии, которая стала строиться на впервые вводимых принципах всеобщей воинской повинности и свободного замещения офицерских должностей. 26 июня 1794 г. при Флерюсе были разбиты основные силы австрийцев и открыта дорога для наступления в Бельгию. Якобинская диктатура выполнила свою задачу и сошла с исторической сцены.

В августе 1795 г. Конвент утвердил новую конституцию с имущественным цензом, двухпалатным Законодательным корпусом (Совет пятисот и Совет старейшин) и Директорией из 5 человек во главе исполнительной власти. Она не могла, однако, дать новым собственникам ощущение безопасности, полностью отвести угрозу контрреволюционной реставрации, с одной стороны, и "якобинизма" - с другой. Страну потрясали то левый, то правый "заговоры", усиливались вандейцы. Директория колебалась в зависимости от складывающейся расстановки сил.

Единственным фактором стабильности в данных условиях являлась армия Республики. Созданная якобинцами на передовых принципах, она победоносно сражалась против войск европейских держав. За 1795 г. от коалиции отпали, заключив мир с Францией, сначала Пруссия, признавшая ее права на левый берег Рейна, а затем Испания. На территории Голландии Франция создала первую "дочернюю" (вассальную) Батавскую республику, а Бельгию аннексировала. В ходе кампании 1796-1797 гг. благодаря действиям итальянской армии под руководством 27-летнего генерала Наполеона Бонапарта Франция одержала верх над Австрией, вынужденной подписать условия мира близ Кампо-Формио, признать французскую границу по Рейну и аннексию Бельгии. Компенсацией за это стала передача Австрии территорий упраздненной Венецианской республики (кроме Ионических островов, захваченных Францией). В Италии и Швейцарии учреждалась череда "дочерних" республик, все богатства которых, от художественных трофеев до многомиллионных контрибуций, обратились в достояние французских генералов, власть имущих и их кредиторов.

Первая коалиция распалась, но Англия продолжала войну против Франции на море. В 1798 г. по ее инициативе была создана вторая антифранцузская коалиция, в которую вошли Россия, Австрия, Швеция, Неаполитанское королевство, Турция и сама Англия. Объединенные австрийские и русские войска под командованием А. В. Суворова нанесли поражение французам в Италии, "дочерние" республики пали. А русско-турецкая флотилия

во главе с Ф. Ф. Ушакова освободила Ионические острова, армия Бонапарта, отправленная в Египет, с тем чтобы подорвать морское могущество Британии и связь с богатейшей из всех ее колоний — Индией, еще ранее оказалась в капкане: французский флот уничтожила эскадра английского адмирала Нельсона.

Военные неудачи ускорили государственный переворот, движущей силой которого стала армия, а символом — прославленный генерал Бонапарт, возвратившийся из Египта. 18-19 брюмера VIII г. (9-10 ноября 1799 г.) власть Директории была свергнута, а конституция 1795 г. отменена. Это означало конец революции.

В ходе второго итальянского похода Наполеона Франция восстановила утраченные ею позиции в Европе. Люневильский мирный договор 1801 г. с Австрией во многом повторял Кампоформийский. Вдоль границы Франции воссоздавалась цепь "дочерних" республик. Россия вышла из состава коалиции еще раньше. А в марте 1802 г. мир с Францией в Амьене подписала самая решительная ее противница — Англия. Она согласилась вернуть некоторые французские колонии, но не признала ни "естественных границ" Франции, ни ее "дочерних" республик. Таким образом, Амьенский мир был временной остановкой в борьбе двух держав за стратегическую, торговую и колониальную гегемонию. Но казалось, Республика одолела всех своих врагов окончательно.

Слава миротворца и спасителя нации — Наполеона — взлетела до небес. В 1802 г. по результатам всенародного голосования он стал пожизненным консулом, а в 1804 г. — императором Франции. Это не была реставрация монархии старого порядка, хотя некоторые внешние формы, например аристократические титулы, и заимствовались оттуда. Наполеон-император символизировал коронованную, а значит, увековеченную революцию, его личная власть гарантировала буржуазные завоевания.

Наполеоновские войны, вскоре начавшиеся, имели противоречивый характер. Французская армия несла с собой идеи и установления революции, но ею двигало стремление к грабежу и территориальным захватам. Участники антифранцузских коалиций в основном преследовали цели реставрации старого порядка и собственной агрессии. В то же время феодальные монархии должны были адаптироваться к требованиям времени. Они шли на буржуазные реформы, трансформировали свою идеологию. Наполеоновское господство будило патриотические чувства покоренных народов, провоцировало освободительные, буржуазные по духу движения. Так в войнах Франции с европейскими коалициями сочетался "дух реакционности" с "духом возрождения" (К. Маркс). Путь в буржуазную цивилизацию с неизбежностью лежал через военную мясорубку.

Война с Англией возобновилась уже в 1803 г. А в 1805 г. сложилась третья антифранцузская коалиция, в которую вошли Англия, Россия, Австрия и Неаполитанское королевство. Нельсон в октябре 1805 г. одержал победу над франко-испанским флотом в битве при Трафальгаре, зато австро-русские войска были разгромлены Наполеоном в сражении при Аустерлице в декабре. Третья коалиция распалась. Австрия подписала Пресбургский мирный договор, по которому Франции передавались территории бывшей Венецианской республики. Империя Наполеона распростерлась до Балкан, гранича с империей турецкого султана.

Во вновь образованную четвертую коалицию вошли Англия, Россия, Швеция и Пруссия, испугавшаяся утверждения Наполеона на правом берегу Рейна, где он создал союз из 16 государств. В сражениях под Йеной и Ауэрштаттом Пруссия была разгромлена. После этого в ноябре 1806 г. в Берлине Наполеон подписал декрет о континентальной блокаде. Император уверовал, что, добившись всеевропейской блокады Британских островов, можно считать войну выигранной. Англия, эта вдохновительница и финансист антифранцузских коалиций, будет повергнута, поскольку все ее могущество зиждется на морской торговле, конечная точка которой — европейский континент.

После тяжелого сражения под Фридрихсландом (Восточная Пруссия) на мир с Наполеоном согласилась Россия. Договор был подписан в Тильзите в июле 1807 г. — четвертая коалиция распалась. Пруссия сохранилась, правда, в урезанном виде, только потому что на этом

настоял Александр I. На части принадлежавших ей польских территорий было создано зависимое от Французской империи герцогство Варшавское, заявившее позднее о притязаниях на земли, доставшиеся по разделам Польши Петербургу. После Тильзита Россия должна была присоединиться к континентальной блокаде, что противоречило ее торговым интересам. Мир с Францией был чреват войной, лишь отсроченной до 1812 г.

В 1808 г. Франция оккупировала Пиренейский полуостров, но испанский народ поднялся на восстание и повел освободительную партизанскую войну. Затруднениями Наполеона тут же воспользовались Англия и Австрия, образовавшие очередную пятую коалицию. И опять в битве при Ваграме в июле 1809 г. французы одержали победу. Согласно Шёнбруннскому миру Австрия присоединилась к континентальной блокаде, потеряв Галицию и часть балканских земель, став послушной фигурой в наполеоновской игре.

Разгром французской "великой армии" в России (1812 г.) и начало заграничных походов русской армии привели к образованию шестой коалиции в составе Англии, России, Пруссии, Швеции, Испании, Португалии и (с августа 1813 г.) Австрии. В октябре 1813 г. под Лейпцигом состоялась "битва народов", главное сражение данной кампании. Наполеон отступил за Рейн. А в марте следующего 1814 г. союзники по коалиции вошли в Париж. Во Франции на престоле была восстановлена династия Бурбонов (королем стал брат казненного граф Прованский — Людовик XVIII). Наполеон отправился на остров Эльба в Средиземном море, сохранив пожизненно титул императора.

Однако реставрация дала сбой. Высадившийся с тысячным десантом на юге страны Наполеон в марте 1815 г. возвратился в Париж и собрал новую армию. Легенда вновь обрела плоть и кровь. Франция была на стороне своего императора, императора революции. Беспрецедентные "сто дней" Наполеона прервало поражение при Ватерлоо 18 июня 1815 г. в битве с последней седьмой коалицией. На этот раз "чудовище" сослали на далекий остров Св. Елена, откуда бежать было невозможно.

Разгром империи поставил перед странами-победительницами непростую задачу: как поступить с наследием французской революции и Наполеоновских войн? Главным принципом урегулирования считался принцип легитимизма (от латинского *legos* - закон), согласно которому должны быть восстановлены все законные власти. Но он вступал в противоречие с очевидной целью замирения Европы, прекращения войн и революций. Перемены прошедшей четверти века были столь радикальны и одновременно адекватны реальности, что полное восстановление старого порядка означало фактически новый революционный взрыв и новую войну. Необходимо было найти должную меру компромисса и создать устойчивый баланс сил на континенте с учетом претензий на преобладание четырех великих держав: Англии, России, Австрии и Пруссии.

Решением этой головоломки и занялся Венский конгресс, заседавший с перерывами с сентября 1814 по июнь 1815 г. Итоги его работы, а также некоторые предшествовавшие и последующие международные акты составили костяк "венской системы", просуществовавшей в Европе около сорока лет, вплоть до Крымской войны. Франция возвратилась к довоенным границам и стала конституционной монархией, перемены в отношениях собственности признавались незыблемыми. Произошло частичное перераспределение территорий в Центральной Европе между Австрией и Пруссией (см. раздел, посвященный объединению Германии и Италии). Россия подтвердила сделанные ранее территориальные приобретения (Бессарабия, Финляндия) и получила земли герцогства Варшавского в качестве Царства Польского с собственной конституцией. Англия увеличила число своих колоний за счет заморских владений Франции, Голландии, Испании и Португалии.

Венский конгресс принял декларацию, осуждающую работорговлю, установил свободу судоходства по европейским рекам (Рейну и Висле) и утвердил действующую в основном и поныне конвенцию о старшинстве дипломатических рангов.

Своего рода инструментом функционирования "венской системы" стал Священный союз монархий и народов, созданный по инициативе русского императора и включивший в себя со временем все европейские монархии, исключая римского папу, турецкого султана и

Англию. Идейно Священный союз противопоставлял революционному насилию христианские принципы добра и справедливости. Более того, первоначально одним из направлений его деятельности была мирная адаптация Европы к требованиям времени путем введения в действие умеренных конституций. Но позднее Священный союз стал выполнять роль "плотины" против европейской революции и национальных движений, спасая обреченные историей на гибель режимы.

§ 3. Венская система международных отношений

Разгромив наполеоновскую Францию, лидеры ведущих европейских государств пришли к выводу, что оптимальным вариантом решения стоявших перед послевоенной Европой задач будет созыв общеевропейского конгресса, где бы и можно было обсудить все проблемы и выработать консенсусный вариант послевоенного урегулирования. Весной 1814 г. Россия первая предложила идею конгресса, но союзники стремились оттянуть его начало до осени.

Конференция открылась первого октября 1814 года и продолжалась до июля 1815 года.

В ходе сложных дискуссий удалось договориться об общих принципах, на которых строилась новая модель международных отношений.

Во-первых, необходимо было создать барьер вокруг Франции, который позволял бы в случае каких-либо осложнений изолировать её.

Во-вторых, важно было сохранить баланс сил, который сложился в результате победы союзников над Наполеоном.

В-третьих, было решено, что члены антифранцузской коалиции должны получить компенсацию за участие в борьбе против Наполеона.

В-четвёртых, в основу межгосударственных отношений был положен принцип легитимизма.

На базе этих общих принципов решались конкретные вопросы послевоенного урегулирования.

9 июля был подписан «Заключительный акт» Венского конгресса, состоявший из 121 статьи и 17 приложений, суть которых сводилась к следующему.

Франция лишалась всех завоёванных территорий, и её границы возвращались к тем, которые существовали в 1790 году. Во Франции восстанавливалась династия Бурбонов и на время оставались войска союзников.

Австрия возвратила себе Ломбардию и получила Венецию. К Пруссии присоединялись Рейнская область, Померания и Северная Саксония. Англия расширила свою колониальную империю за счёт Тобаго, Тринидада, Цейлона, Мальты, Гвианы и Капской колонии.

Польский вопрос был решен в пользу России. На месте герцогства Варшавского образовывалось Царство Польское, которому Александр I даровал конституцию. Также признавались за Россией более ранние приобретения - Бессарабия и Финляндия.

В состав Голландии была включена Бельгия. К Дании отходили Шлезвиг и Гольштиния. Восстанавливались Папская область, Неаполитанское королевство и Швейцария, которая объявлялась нейтральной страной.

Несколько расширились владения Сардинского королевства. Была санкционирована уния Швеции и Норвегии.

По германскому вопросу особых противоречий не было: все великие державы хотели закрепить раздробленность Германии. Был создан т.н. Германский Союз из 38 независимых государств. Общегерманские дела решал германский сейм, в который вошли и Пруссия, и Австрия, но ведущая роль в этом образовании принадлежала все-таки Австрии. По замыслу Меттерниха, союз должен был стать преградой на пути экспансионистских устремлений Франции. Сейм располагался во Франкфурте-на-Майне, на нём председательствовал австриец. Голоса распределялись так, что все решала Австрия. Таким образом целью союза была не консолидация германского народа, а, напротив, консервация его разобщенности.

Помимо территориальных проблем на Венском конгрессе рассматривался ряд экономиче-

ских и дипломатических вопросов. Так, было принято решение о запрещении работорговли («Декларация о запрещении торговли неграми» от 8 февраля 1815 г.), подписана конвенция о свободе судоходства по европейским рекам, достигнута договорённость об уважении прав собственности иностранных граждан. 19 марта 1815 года было подписано «Положение о рангах дипломатических представителей». Оно действует до сих пор и положило конец спорам по поводу дипломатических конфессий. По нему устанавливались дипломатические ранги:

посол, папский легат и нунций;

посланник (с 1818 г. также вводился ранг министра-резидента);

30 поверенный в делах.

Также на конгрессе Россия пыталась поднять вопрос об отношениях с Османской империей. Махмуд II не был допущен ни на конгресс, ни в Священный союз. Никто, кроме России, не интересовался положением христианских народов в Турции. В феврале 1815 г. Александр I выпускает ноту о бедственном положении на Балканах. Российский император предлагает обсудить Балканский вопрос на конгрессе в Вене, а также вопрос о зверском обращении Оттоманской империи со своими православными подданными и предложил ввести право европейских государств вмешиваться в дела Турции. Русские дипломаты предполагали, что данный циркуляр укрепит положение России на Балканах, но остальные державы отказались обсуждать этот вопрос.

В то время как великие державы решали послевоенную судьбу Европы, события приняли неожиданный оборот. Наполеон бежал с острова Эльба, оказался в Париже и восстановил Французскую империю. Начались 100 дней Наполеона (20 марта - 18 июня 1815 г.). Людовик XVIII бежал из Парижа. 18 июня 1815 г. состоялась битва при Ватерлоо, где англо-австро-прусская армия разбила Наполеона, после чего произошла 2-я реставрация Бурбонов во Франции.

Особое место на конгрессе занимала проблема, связанная с предложением о создании Священного союза - организации монархических государств для защиты Европы от революционных идей.

26 сентября 1815 г. договор об образовании Священного союза был подписан в Париже Александром, Францем I и Фридрихом Вильгельмом III.

Первоначально Священный союз представлял собой договор о взаимопомощи России, Пруссии и Австрии. К вступлению в Союз приглашались и другие страны. В конечном итоге к Священному союзу не присоединилась только Турция и Великобритания, так как принц-регент был связан конституционными обязательствами. Тем не менее Англия заверила Александра I в своей согласии с принципами Священного союза.

Созданная в Вене модель международных отношений имела как сильные, так и слабые стороны. Венская система оказалась достаточно стабильной и устойчивой. Благодаря ей на несколько десятилетий Европе удалось избежать лобовых столкновений великих держав, хотя военные конфликты и возникали время от времени, но выработанный конгрессом механизм позволял достаточно быстро и без больших потерь урегулировать спорные вопросы.

С другой стороны, Венская система слабо учитывала влияние идей французской революции на европейскую цивилизацию. Принцип легитимизма всё чаще вступал в противоречие с либеральной идеей, с ростом национального самосознания.

Создание Священного союза не решило тех противоречий, которые существовали между ведущими европейскими государствами.

Во-первых, австро-русские. Меттерних боялся как революционного движения, так и России, причем последняя представляла для Австрии даже большую опасность. Также австрийцев беспокоил франко-русский союз. Когда королем Франции стал Карл X, а российским императором Николай I, этот союз стал еще ближе. Россия также опасалась и революционного движения (восстание декабристов и польские восстания) и усиления других участников Священного союза (в том числе и Австрии).

Во-вторых, позиция Пруссии не была стабильной. Там тоже опасалась возможности революций и франко-русского союза, поэтому Пруссия начала сближение с Австрией и удаляться от России.

Все члены союза боялись России, так как считали, что она может распространить свою гегемонию на весь европейский континент. Таким образом, противоречия проявились с первых лет существования Священного союза и отвлекали его от первоначальных целей. Последующие события серьёзно испытали на прочность Венскую систему международных отношений.

В 1818 г. в Аахене состоялся первый конгресс Священного союза. Там Франция добилась вывода союзных войск с территории страны и присоединилась к четырём державам-победительницам. Острые споры разгорелись вокруг вопроса о совместных действиях по помощи Испании в её борьбе против восставших колоний. Франция и Австрия были готовы помочь испанскому королю, но очень многое зависело от позиции Англии.

Великобритания, хотя и не подписалась под протоколом, всегда была на стороне союза, но в последнее время она предпочитала следовать собственным интересам. Там усиливалось демократическое движение за полные реформы в Великобритании. Национальная буржуазия требовала всеобщего избирательного права. Правящие круги в лице лорда Кестльри, принца-регента Георга поддерживали позицию национальной буржуазии. Англия не была заинтересована в сохранении испанской колониальной империи, т.к. сама стремилась проникнуть в Латинскую Америку, и в усилении Австрии и Франции. В итоге Англии удалось заблокировать принятие решения о помощи Испании.

2-й конгресс состоялся в 1820 г. в Троппау. В это время на периферии Европы вспыхнули революции (Испания, Неаполь, Пьемонт). После длительного переговорного процесса был принят протокол, который в принципе оправдывал интервенцию в страны, где происходила революция. Опираясь на данный документ, Австрия организовала интервенцию на Апеннинский полуостров.

На 3-м конгрессе в Лайбахе 12 мая 1821 г. обсуждались эти же вопросы. Если в итальянских государствах удалось подавить революционные выступления, то в Испании и Португалии революции продолжались. Положение в этих странах стало предметом обсуждения на конгрессе в Вероне в ноябре 1822 года. 1 декабря был подписан Веронский протокол, за исключением Англии, об оказании вооружённой помощи испанскому монарху. В 1823 г. французские войска вторглись в Испанию и реставрировали там монархию.

Особая позиция Великобритании заключалась в следующем: репрессивными мерами невозможно остановить революционную волну, с национально-освободительным движением надо не бороться, а, наоборот, поддерживать. В соответствии с этим тезисом Англия признала новые латиноамериканские страны и решительно отказалась поддерживать интервенцию в Испанию. В отношениях между великими державами возникла трещина. Но как это ни парадоксально, она не расширялась, так как появилась новая сложная проблема. В 1821 году началось восстание греков против османского ига. Турки обрушили на восставших жесточайшие репрессии. Великие державы не могли игнорировать греческий вопрос, хотя он был достаточно противоречив. С одной стороны, греки восстали против своего законного монарха и нарушили таким образом принцип легитимизма. С другой - Османская империя вступила в полосу кризиса и не могла контролировать свою периферию. Встал вопрос о разделе её наследства.

В 1823 г. Англия признала греков воюющей стороной. Против выступила Австрия, т.к. считала восставших бунтовщиками. Позиция России была двоякой. Россия имела серьёзные интересы на Балканах, и реальные государственные интересы говорили в пользу греков, но идеологические догмы - против.

Весной 1826 г. новый российский император предложил свою трактовку восточного вопроса: ситуация на Балканах, за исключением Греции, объявлялась делом России, греческий вопрос - делом всех держав, на этой основе наметилось сближение позиций Англии, Франции и России в греческом вопросе. В октябре 1827 г. совместная эскадра при Нава-

рине разбила турецкий флот.

В мае 1828 г. началась русско-турецкая война, которая закончилась победой России. В сентябре 1829 г. был подписан Андрианопольский мир. По нему Сербия, Валахия и Молдова получали автономию, а Греция стала независимым государством и была признана европейским сообществом.

Ведущие государства Европы понимали, что главная угроза стабильности Венской системы исходит от восточного вопроса. Однако в 1830 г. во Франции началась революция. В этом же году революции произошли в Бельгии, Польше. Несмотря на это, стабильность Венской системы сохранилась.

§ 4. Польский вопрос в европейской дипломатии XIX в.

Чтобы раскрыть польский вопрос в XIX веке, необходимо обратиться к истории этого вопроса, условиям выхода его на дипломатическую арену.

В XVI веке королевская власть была значительно ограничена шляхетским сеймом, права государственной администрации были также урезаны привилегиями шляхты. В 1572 г. прервалась династия Хиппонов и начался период выборных королей. Почти всегда период междуцарствия и выборы грозили государству внутренними потрясениями, открывали возможности для своеволия магнатов и вмешательства иностранных государств. Шляхта, боясь абсолютной королевской власти, защищала свои привилегии, препятствовала организации регулярной, хорошо обученной армии, сила которой соответствовала бы размерам государства и обеспечивала бы безопасность его границ. Крепостная зависимость и тяжелые повинности крестьян были причиной застоя в сельском хозяйстве и тормозили рост городов. Страшные разрушения, явившиеся следствием войн второй половины XVIII века (вторжения шведов, татар и турок), привели к экономическому упадку. В начале XVIII века во время Северной войны Польша подверглась нападению Швеции. В условиях углубленного внутреннего раздора Польша была не в силах организовать действенное сопротивление усилившемуся напору враждебных сил. Выборы последних двух королей — Августа III, саксонского курфюрста (1733), и Станислава Августа Понятовского (1764) были проведены под контролем стоявших в Польше иностранных войск. Дальнейшее вмешательство Пруссии и России во внутренние дела Польши вызвало партизанскую войну, цели которой были сформулированы шляхетской Барской конфедерацией 1768 года. Хотя она распространила свое влияние на значительную часть польской территории, ее социальные рамки были слишком тесны, для того чтобы она могла перерасти в национально-освободительную борьбу. Длившаяся четыре года драматическая борьба конфедератов закончилась захватом Австрией, Пруссией и Россией одной четвертой территории Речи Посполитой, на которой проживала треть всего населения. После первого раздела Польши группа патриотов развернула борьбу за «исправление» строя, за общественные реформы и укрепление государственной власти. 3 мая 1791 года Великий четырехлетний сейм (1788-1792) утвердил Конституцию, определил основы нового строя. Она отменила выборность королей и вводила престолонаследие, обновила и укрепила государственную администрацию, отменила право «ли-берум вето», обещала «опеку закона и правительства» над крестьянами, предоставляла определенные права третьему сословию. Конституция 3 мая могла помочь Польше подняться из упадка и обеспечить свою независимость. Но этого не произошло. Антифеодальные реформы, ограничивавшие влияние крупных землевладельцев на управление страной, встречали противодействие магнатов. Заговор магнатов (так называемая Тарговицкая конфедерация), которому оказала военную поддержку Россия, свел на нет все, что было достигнуто четырехлетним сеймом. Сопротивление сторонников конституции было сломлено, а Пруссия и Россия произвели в 1793 г. второй раздел Польши. Через год вспыхнуло восстание под руководством Тадеуша Костюшко. После подавления восстания Австрия, Пруссия, Россия в 1795 г. разделили между собой остальные польские земли. Россия получила Литву, Курляндию, Западную Волынь и Западную Белоруссию. Польша утратила национальную независимость на долгие 122 года.

Европейские государства в условиях крупных военно-политических столкновений периода 1804-1815 годов не могли не учитывать польский вопрос. Принималось во внимание географическое положение польских земель, стратегическое значение, крупная политическая роль, которую могла играть Польша в обстановке тех лет. В очередной раз польский вопрос был поднят в период наполеоновских войн.

Князь Адам Чарторыйский выступал инициатором восстановления польской государственности. Он предлагал восстановить Речь Посполитую в ее прежних границах (то есть с литовскими, белорусскими и украинскими землями) под скипетром Александра I как польского короля. Александр I относился к этому плану не как к реальной политической программе, а как к средству дипломатического давления на колебавшуюся Пруссию. Александру I удалось заключить союз с Фридрихом Вильгельмом III. Но параллельно Александр I стремился укрепить свои позиции и в среде польской шляхты. Наполеона же Польша интересовала лишь как военный плацдарм и выгодная карта в дипломатической игре. Когда за победой французской армии под Фридландом (14 июля 1807) последовали русско-французские переговоры в Тильзите, Наполеон пытался использовать польские земли и польскую корону в качестве «приманки» для русского царя. Во время мирных переговоров Наполеон и Александр I заключили соглашения об образовании герцогства Варшавского. Оно создавалось из части польских земель, захваченных Пруссией в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой. Во главе герцогства был поставлен саксонский король Фридрих Август. Гданьск с округом объявлялся вольным городом. Белостокский округ отходил к России. Пруссия сохранила часть земель, захваченных при первом и втором разделе Речи Посполитой. 22 июля 1807 года Наполеон даровал полякам конституцию, по которой он сам являлся действительным правителем, действовавшим через послушных ему князя и министров.

Он непрерывно требовал от герцогства войск и средств. Польша предоставила в распоряжение Наполеона сорок тысяч солдат. Осенью 1808 года 3 польских полка прибыли в Испанию для борьбы с восставшим испанским народом. Наполеон же готовился к новой войне с Австрией и сосредотачивал крупные силы на ее южной и западных границах, оставляя таким образом Польшу без защиты. 23 апреля австрийцы вступили в Варшаву. Но в целом война была успешной для Польши. И хотя герцогство Варшавское не стало суверенным польским государством, но по заключенному 14 октября 1809 г. в Вене мирному договору, Австрия передала Варшавскому княжеству Западную Галицию, Замайский округ и некоторые земли по правому берегу Вислы.

Политическая обстановка в Европе после 1809 года свидетельствовала о возрастании напряжения в отношениях между Францией и Россией. В приготовлениях Наполеона к войне с Россией герцогству Варшавскому отводилась видная роль. Оно приковало внимание России в двух отношениях: во-первых, как вражеский военный плацдарм; во-вторых, как источник шляхетского брожения в литовских, белорусских и украинских землях, ранее находившихся под властью Речи Посполитой. Александра I беспокоило присутствие французских оккупационных войск в герцогстве и ослабление Пруссии и Австрии, которых он не переставал считать своими будущими союзниками в борьбе с Наполеоном. Огромная французская армия была сосредоточена в Пруссии на границах России и герцогства Варшавского. Франко-русскую конвенцию 1810 года, в которой Франция обязалась не расширять территорию герцогства Варшавского, Наполеон отказывался ратифицировать, и продолжал шантажировать Александра I «восстановлением Польши».

24 июня 1812 года французские войска вторглись в пределы Российской империи. Началась Отечественная война русского народа (июнь-декабрь 1812 года). Потерпев в ней поражение, Наполеон бежал во Францию, а русская армия начала свои заграничные походы. В марте 1813 года русские войска заняли территорию Варшавского княжества. Александр I назначил Временное правительство герцогства. Вопрос о будущей судьбе Польши оставался открытым, он превратился в один из основных объектов дипломатической борьбы европейских держав.

По мере наступления русской армии государства Европы стремились присоединиться к антинаполеоновской коалиции. Это сделали в первую очередь Пруссия и Австрия — соперницы России в польском вопросе. В этих условиях Александр I на первых порах скрывал свои намерения по этому вопросу. Он не желал осложнять отношения с Пруссией и Австрией. При переговорах с Австрией в Рейхенбахе Александр I был очень осторожен, когда речь шла о Польше. Русско-прусская конвенция предусматривала восстановление Пруссии в границах до 1806 года. Англия одобряла план создания Королевства Польского, пока шла война с Францией, но летом 1813 года, встревоженная быстрым продвижением русских войск, Англия начала активно противодействовать польским планам Александра I. Вильсон советовал Пруссии добиваться сохранения за ней Гданьска, Австрии — не соглашаться на передачу Замос-тья русским, Чарторыйскому — ориентироваться на Пруссию. Англия стремилась сохранить польский вопрос неразрешенным, чтобы использовать его для своих дипломатических интриг против России и других европейских держав. На Венском конгрессе основные противоречия между державами вскрывались в сущности именно при обсуждении польского вопроса. Острые противоречия по саксонскому вопросу между Англией и Францией с одной стороны, и Пруссии — с другой, и в то же время обещания поддержать Пруссию побудили ее пойти навстречу Александру I в польском вопросе. В ответ в январе 1815 года Англия, Франция, Австрия заключили тайную конвенцию, направленную против России и Пруссии. Александр I соглашался на территориальные уступки Австрии (отказ от Кракова, Велички, передача Австрии Тернопольского округа). 3 мая 1815 года были подписаны договоры между Россией, Пруссией и Австрией о герцогстве Варшавском, а 9 июля — генеральный акт Венского конгресса. Главными причинами, обусловившими успех царского правительства в польском вопросе были прочная позиция России на конгрессе, оправдывавшаяся ее военной мощью и решающей ролью, которую она сыграла в разгроме наполеоновской Франции, умелое использование противоречий между державами и сочувствие польского шляхетского общества планам Александра I. Пруссия получила Познанский и Быдгацкий департаменты герцогства Варшавского, Австрия — район Велички. Краков с окрестностями были превращены в «вольную республику» под протекторатом Австрии, Пруссии и России. Оставшаяся территория была присоединена к России и составила Царство Польское. В 1815 году Александр I даровал Польше Конституцию.

II польское восстание 1830-1831 гг. ухудшило международное положение Польши и решительно укрепило позиции Николая I. Завоевательные устремления польской шляхты в отношении Литвы, Белоруссии, Украины уже до 25 января 1831 года (когда Николая I низложили с польского престола) облегчали России переговоры с западноевропейскими дипломатами. Царское правительство заявило, что повстанцы подняли оружие вовсе не во имя сохранения хартий 1815 года, а ради захвата русских губерний. Меттерних и Фридрих-Вильгельм III заключили конвенцию с Николаем I. Она была направлена против восставших поляков. Англию Польша не интересовала. Франция вначале хотела посоветовать царю обещать амнистию «восставшим подданным», утверждение конституционных прав Польши и их распространение на Литву, но после низложения Николая Франция отказалась поддерживать Польшу.

После штурмов 6-7 сентября 1831 года Варшава капитулировала.

Весной 1848 г. в Познани готовилось польское восстание. Восставшие надеялись, что восстание перебросится в польские губернии России. Прусский король умолял Николая I продвинуть свои войска к границам Прусской Познани для совместного подавления польского движения. В польских губерниях России царь сосредоточил армию в 420 тысяч человек, и всякая попытка восстания стала там невозможной. Восстание охватило только Познань и было быстро подавлено прусскими войсками. Это содействовало улучшению отношений между царской Россией и Пруссией. Англия и Францией отвергали всякую мысль о поддержке повстанцев.

Во время польского восстания 1863 года Бисмарк обнародовал содержание Петербургской

конвенции, по которой русским войскам позволялось преследовать польских повстанцев даже на прусской территории. Наполеон III и Англия заявляли, что Польша стала предметом правовых соглашений и дипломатических переговоров России и Пруссии и что они желают вступить с Александром II в переговоры по поводу Польши. Французское правительство под предлогом заступничества за Польшу желало развязать войну, чтобы совершить территориальные захваты на левом берегу Рейна и упрочить гегемонию Франции в Европе. Первые ноты Франции, Англии и Австрии Горчаков отклонил, и была торжественно объявлена амнистия, при условии, что в условленный срок будет сложено оружие. Английские и французские послы в России доложили своим правительствам, что Александр II не уступит без вооруженной борьбы, и если они не собираются воевать, надо бросить эту опасную затею. Но Англия и Франция отправили вторые ноты, требования которых были уже решительно и безусловно отклонены. Польский вопрос объявлялся делом, касающимся исключительно России, но не Европы. 26 сентября 1863 года Англия заявила, что ничто не заставит ее начать из-за Польши войну с Россией. Так дело кончилось дипломатической победой России. Результаты этого восстания для Польши и поляков оказались просто катастрофическими. Царство Польское как автономное образование прекратило своё существование.

К 80-м годам Польша выпала из непосредственной сферы интересов европейских государств. Само понятие «польский вопрос» осталось в уходящем XIX веке. Новый же XX век принес понятие "блоковой политики". Одним из первых блоков, объединений великих держав, стала Антанта.

Российскую империю заботил не только польский, но и так называемый восточный вопрос. Некоторые авторы считают, что возникновение так называемого восточного вопроса относится к русско-турецким войнам времен императрицы Екатерины II. Именно тогда обозначился устойчивый интерес России к Проливам и Средиземному морю, стремление покровительствовать православным ближневосточным и славянским балканским народам, а также возможность доступа к Святым местам. Обострение же восточного вопроса пришлось на середину и вторую половину XIX века.

§ 5. Восточный вопрос в политике ведущих держав в XIX веке. Палестина как узел противоречий между ведущими европейскими державами

Палестина - средоточие трех религий - христианства, ислама, иудаизма. Прошлое и настоящее взаимоотношений русского народа со странами Востока служит показателем важности изучения этой древней земли. Занимая исключительно важное стратегическое положение, Палестина всегда привлекала внимание ведущих держав мира. Проблема обладания Святыми местами, получившая свое начало еще во времена походов крестоносцев в Иерусалим, достигла своего апогея к середине XIX столетия и послужила отправной точкой в развязывании многих международных конфликтов в районе Ближнего Востока.

Со времен завоевания Палестины арабами (636 г.), за исключением временного промежутка 1099-1187гг. когда Палестину освободили крестоносцы из-под мусульманского ига, Святая земля были ареной борьбы между мусульманами и христианами за обладание Гробом Господним и ключами от Вифлеемского храма. Обыкновенно короли Франции считали себя покровителями католической веры на Востоке. С 1740 г., после заключения особых капитуляций, в которых закреплялись права католиков на богослужение в Святых местах, и до 1774 г. (заключение Кучук-Кайнарджинского мира) никто открыто не оспаривал их права. После заключения вышеупомянутого договора восточные христиане начинают вести борьбу с «франками» за обладание Святыми местами. Взоры всех угнетенных православных были обращены к России, как к единственной защитнице православной веры на Востоке. Однако настоящий договор не давал России прямого покровительства над православными, она могла действовать только опосредованно через Порту. Закрепление прав христиан в Османской империи фирманами турецкого правительства на протяжении XVIII столетия не вносили ясности в вопрос обладания Святыми местами. Католики, отстаивавшие свои права на храм Воскресения и Гроб Господен, были доста-

точно пассивны к событиям, происходившим в первой половине XIX века. Показателен тот факт, что когда в 1807-1808 гг. пожар уничтожил половину храма, Порта признала право на возобновление купола над Гробом за греческим духовенством. Западная Европа, некогда проливавшая реками кровь за обладание сим святилищем, равнодушно смотрела на его развалины.

Как показывают дальнейшие события, конфликт 1808 г., тлевший почти 50 лет, разгорится вновь и выльется в большой международный скандал, в котором будут задействованы все ведущие державы мира.

В первые десятилетия XIX в. Османская империя еще пользовалась всеми прерогативами суверенного государства и ревностно относилась ко всякой попытке вмешательства в её внутренние дела. В 1826 г. султан Махмуд II обозначил принципы внешней политики государства, которые предусматривали категорический отказ всякому вмешательству во внутренние дела империи. Поэтому единственным легальным каналом отношений Турции с европейскими державами пока оставался религиозный. Проблема владения Святыми местами служила темой дискуссий и обсуждений в кулуарах власти европейских государств и ждала своего практического разрешения.

30-40-е годы XIX столетия ознаменовались рядом событий, давшим России приоритет в укреплении своего влияния в Турции. Прежде всего, это вмешательство русского десанта, доставившего немало волнений западным державам, в турецко-египетском конфликте 1832 г., когда английский и французский послы в Константинополе использовали все свое влияние, требуя немедленного вывода русских войск с берегов Босфора. Решение оказать Турции поддержку диктовалось, с одной стороны, общей политической линией царского правительства на сохранение устойчивости Османской империи, с другой - стремлением усилить русское влияние на Ближнем Востоке. Заключение Ункяр-Искелесийского договора об оборонительном союзе между Россией и Турцией 8 июля 1833 г. было крупным успехом российской дипломатии на Ближнем Востоке. Договор укрепил положение России в этом стратегически важном регионе, открыл Русской православной церкви доступ к Святым местам, ослабил влияние Франции. Попытки Англии, Франции и Австрии аннулировать его окончились неудачей.

Во второй половине 30-х гг. XIX века окончательно сформировались два узла противоречий на Ближнем Востоке. Первый включал в себя противоречия между западноевропейскими державами и Россией за обладание политическим влиянием в Константинополе. Второй относится к англо-французским колониальным противоречиям в Египте, Сирии и Ливане. Главным противником России на Ближнем Востоке тогда выступала Англия, предпринимавшая усиленное давление на султана, которое в какой-то мере ослабило позиции русских в Турции. Таким образом, международное положение существенно изменилось и до конца 30-х гг. русское правительство предпочитало сохранять свободу рук на Ближнем Востоке. Более того, правящие круги России не терпели вмешательства других держав в свои международные дела.

К середине 40-х гг. наметилась новая тенденция. Она была связана с ослаблением экономических и политических позиций России в Турции, причем царизм ошибочно предполагал пойти на соглашение с Великобританией и найти в её лице союзника в решении ближневосточных дел. Единственно, что объединяло Россию и Великобританию — это взаимодействие в ослаблении Франции.

Конвенция 1840 г., заключенная в Лондоне и подписанная Англией, Россией, Турцией, Австрией и Пруссией, была направлена против Франции и Египта. Это была победа английской дипломатии и начало нового курса на сближение России и Великобритании. За первой конвенцией 1840 г. последовала вторая Лондонская конвенция 1841 г. — этот договор пяти держав и Турции о принципах закрытия проливов был показателем ослабления Османской империи, её способности удержать проливы под своим контролем, а также ослабления России и нанесения ей ощутимого удара по суверенным правам черноморской державы.

Таким образом, Лондонские конвенции 1840-1841гг. лишили Россию многих политических и экономических прав в Ближневосточном регионе. Но российское правительство не хотело с этим мириться и выход из создавшегося положения оно увидело в усилении позиций Русской православной церкви на Востоке, права которой были ограничены, но все же оставляли некоторые возможности для поддержания православия в Палестине. Лондонские трактаты радикально изменили условия жизни Палестины, на которой теперь было сосредоточено особое внимание западных держав. После ряда междоусобных войн Мегмет Али Египетский был вынужден покинуть Палестину, которая Лондонским трактатом 1840 г. была возвращена турецкому правительству. С этого момента восточный вопрос приобретает острый характер и проблема Святых мест становится во главу угла многих международных проектов, имевших целью получить покровительство над христианами Востока.

После того как Россия уступила свои позиции по защите христианского населения на Востоке, ее место попеременно пытались занять все ведущие державы.

По мере усиления позиций Англии и Пруссии в вопросе о защите протестантов на Востоке, Франции - католиков, права православных остаются самыми незащищенными, позиции Русской православной церкви довольно шаткими. Наступил момент, когда политико-религиозный фактор стал решающим в обострении межимпериалистических противоречий на Ближнем Востоке за обладание и покровительство иерусалимскими святынями.

Обострение этого вопроса началось с событий 1847 г., когда представители соперничавших религий учинили настоящую драку в Вифлееме. По свидетельству очевидцев, были пущены в ход подсвечники и кресты; греческий епископ был ранен; бесследно исчезла католическая серебряная звезда, обозначавшая мифическое место рождения Иисуса. В 1850 г. иерусалимский патриарх обратился к Священной Порте с просьбой отремонтировать главный купол Храма Господня. Одновременно бельгийская миссия в Константинополе подняла вопрос о восстановлении могил иерусалимских королей-крестоносцев. В то же время в Париже появилась брошюра католического священника Борэ, в которой он обвинил православное палестинское духовенство в незаконных захватах некоторых Святых мест. Желая заручиться поддержкой могущественного католического духовенства во Франции, принц Людовик-Наполеон предписал французскому послу в Константинополе генералу Опику напомнить в энергичных выражениях султану Абдул-Меджиду о неприкосновенности прав латинян в Иерусалиме.

Турецкое правительство, попав в затруднительное положение, решило создать комиссию для окончательного заключения о правах владения христианскими святынями. Однозначного решения этой серьезной проблемы существовать не могло. Действительно, в 1740 г. католики владели Гробом Господним под обоими куполами и аркадой, отделяющей его от греческой церкви, южной половиной Голгофы и часовней Адама, фотом нахождения Св.Креста и многими другими Святыми местами в Иерусалиме и вне его. Они владели также большим Вифлеемским храмом, три ключа которого, от центрального и боковых входов, находились во владении латинских монахов. Греческое духовенство, однако, имело ряд преимуществ, закрепленных султанскими фирманами. Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, Порта решила пойти на уступки и той и другой стороне.

В 1851 г. российский посланник в Константинополе Титов сообщил, что «Порта принимает участие в своих греческих подданных и имеет твердое намерение поддержать православное вероисповедание». Император Николай I также обратился с личным письмом к султану, в котором содержалась настойчивая просьба решить этот вопрос не умаляя достоинства православных.

С французской стороны интересы католиков энергично отстаивал вновь прибывший в Константинополь посол Лавалет. Француз прежде всего поставил вопрос о национальной чести, открыто угрожая Порте введением в действие французской эскадры. Приняв во внимание «обеспокоенно-дружеское» письмо русского государя и своеобразную браваду военно-морских сил Франции, турецкое правительство пошло на уступки и России, и

Франции. Султанский фирман отклонил часть претензий католиков, подтвердив льготы греков. Но секретные инструкции, выданные российскому послу от турецкого правительства, содержали ряд замечаний о несправедливости претензий католиков на владение Святыми местами. Текст фирмана султана, посланного в Петербург, не сразу стал известен французам. Это, впрочем, не долго оставалось тайной, и вскоре Порты получила письменное уведомление о неудовольствии французского правительства. Торжественное оглашение фирмана в пользу православных в Иерусалиме было отложено на неопределенный срок.

Наступил критический момент, когда спор из-за Святых мест перестает быть только греко-латинским делом и выходит на международный уровень.

§ 6. Обострение восточного вопроса и активизация российской политики

Крымская (Восточная) война (1853-1856 гг.) явилась переломным моментом не только во взаимоотношениях европейских держав по отношению к Ближневосточному региону. В основе международной политики и тайной дипломатии лежали 2 основных противоречия: Столкновение интересов Англии и России на Ближнем Востоке в связи с борьбой за преобладающее влияние в османских владениях.

Франко-русское соперничество в вопросе обладания Святыми местами в Палестине.

Все это не могло не вызвать серьезных изменений во внутренней и внешней политике государства Российского. Следует подчеркнуть, что к середине XIX века Россия заняла достаточно прочные позиции в Европе и на Востоке в целом. Вступив в спор с Францией о правах католиков и православных на Святой земле, Николай I считал, что наступило благоприятное время для решения, в выгодном исключительно для России плане, давно существовавшего и набравшего донельзя вопроса. Считая Турцию «больным человеком» Европы, российский император решил приступить к зондированию почвы по вопросу расчленения османских владений.

Осуществляя религиозное прикрытие своих политических амбиций, российский государь решил направить в Константинополь своего чрезвычайного и полномочного посла, чтобы оказать давление на султана и Порту и добиться от них уступок. Во главе миссии был поставлен князь Александр Сергеевич Меншиков. Поручение, данное ему непосредственно Николаем I, имело двоякую цель: он должен был принять надлежащие меры к тому, чтобы уладить возникшее столкновение между Турцией и Черногорией, а также поддержать позиции Русской православной церкви и восстановить ее прежние привилегии. Кроме официальных мер, А.С.Меншикову разрешалось предложить султану заключить тайный оборонительный союз против Франции. Ему были даны инструкции для общения с представителями иностранных государств по этому поводу. В инструкциях специально указывалось, чтобы посол вел себя по отношению к Франции «дружественно, мирно, приветливо, но в то же время осторожно и твердо, не делая никаких напрасных вызовов, но вместе с тем - и никаких уступок».

Трехмесячные бесплодные переговоры князя А.С.Меншикова закончились отъездом из Константинополя 22 мая 1853 г. Перед отъездом он объявил, что считает поручение свое оконченным и что императорский двор не может, не нарушая своего достоинства, не подвергаясь новым оскорблениям, оставить далее посольство свое в Константинополе и продолжать политические сношения с оттоманским правительством на прежних основаниях.

В итоге вышеупомянутых событий, у российского правительства осталось два пути: либо идти на дипломатический разрыв с Турцией, либо начать войну. Ошибка политики Николая I заключалась в том, что он по-прежнему надеялся на союз с Англией при полной поддержке Австрии и нейтрализации Франции. Немаловажную роль в настоящем политическом инциденте сыграл и личностный фактор. Дело в том, что Николай I был непосредственным инициатором всех дипломатических заявлений и действий, вызвавших войну. При этом между раздражительным и непоследовательным в своих решениях монархом и спокойным, умеренным государственным канцлером Нессельроде согласия не было. Таким

образом, можно сделать вывод, что у России в этот период еще не существовало целостной внешнеполитической концепции, направленной на пересмотр давно устаревшей монархической системы, установленной в мире с 1815 г.

Спор о Святых местах, в котором главенствующая роль изначально отводилась религиозному фактору - защите угнетенных христиан, перерос сначала в дипломатический скандал, а затем в международный военно-политический затяжной кризис, основой которого стал вопрос о политическом преобладании России на Востоке, с чем, естественно, не могли согласиться западные державы.

Итак, за один год политическое положение Европы подверглось коренному изменению. Держась начал Священного союза, император Николай I потратил большую часть своего царствования искреннему служению интересам Европы, благодаря чему не имел времени заняться внутренними реформами государственного устройства России, и только неудачная борьба с половиной Европы заставила его увидеть недостатки своей внутренней политики. Но он не успел осуществить преобразования в сфере государственной деятельности России. Эти задачи оказались возложенными на Александра II, годы правления которого (1855-1881 гг.), открыли новую эру в русской истории.

Наряду с внутренними реформами Александр II продолжал и восточную политику, где на первом плане, по его мнению, по-прежнему оставались религиозно-национальные и материальные интересы России на Востоке в целом. Учитывая внутригосударственные интересы, в 1856 г. место вице-канцлера, занимаемое Нессельроде, перешло к князю Горчакову, бывшему русским послом в Вене. В годы правления Александра II восточная политика России прошла 2 этапа:

1856-1870 гг. — попытки ликвидации униженного и ограничительного Парижского мира;

1870-1881 гг. — начало восстановления русского влияния на Востоке, сопровождавшееся решением проблемы свободного плавания по Черному морю.

После Крымской войны началось сближение двух императоров: русского и французского. У Александра II не было личных предубеждений против Наполеона III, которому был необходим нейтралитет России для завершения одного из важных внешнеполитических проектов — освобождения Италии и приобретения Савойи и Ниццы. Что касается Александра II — ему нужна была «свобода рук» на Востоке в целом. В 1857 г. в июле Александр II и Наполеон III встретились в Штутгарте, где заключили соглашение между собой. При этом Александру II было обещано, что не будет сделано новых попыток к полному выполнению Парижского договора. С другой стороны, он принял на себя обязательство, которое, кстати, ему ничего не стоило - не мешать действиям Наполеона против Австрии. Однако франко-русское соглашение вскоре распалось. Польские события 1863 г. привели к его разрыву и появлению нового русско-прусского договора, в заключении которого немаловажную роль сыграл канцлер Пруссии Бисмарк. В качестве основы для сближения Пруссии и России он выдвинул идею общности династических интересов. Бисмарк довольно энергично выражал поддержку русской внешней политики по ликвидации униженных парижских установок.

Своей основной цели - добиться отмены нейтрализации Черного моря - Россия достигла в 1871 г. на Лондонской конференции. Александр II поставил в известность европейские государства о том, что Россия слагает с себя обязательство, принятое после Крымской войны, и приступает к строительству флота.

С этого момента наступает 2-й период в политике Александра II, направленный на восстановление престижа Российской империи на Востоке.

Лондонский трактат 1871 г., уничтоживший оскорбительные для России постановления Парижского трактата 1856 г., решил вопрос о материальных интересах русского народа, но национально-религиозные интересы по-прежнему оставались необеспеченными.

Дальнейшие события на Балканском полуострове (восстание сербов в Герцеговине и Боснии) показали превалирование религиозных тенденций в механизме принятия внешнепо-

литических решений царским правительством по отношению к Османской империи. Проводя, как уже было отмечено выше, последовательную политику поддержки православия на Востоке и будучи заинтересованными в судьбе балканских христиан, Россия первая выступила в их защиту. Наряду с ней в конфликт вступили Англия и Австрия, несмотря на различие позиций.

Александр II находился в то время под влиянием известного дипломата Н.П.Игнатьева, который разработал свою программу действий на Балканах, выступал за начало военных действий с Турцией и являлся представителем т.н. «национальной» внешней политики, основой которой была активизация действий России на международной арене и отказ от союзов с Германией и Австро-Венгрией. Его позиция шла вразрез с внешнеполитическими установками канцлера Горчакова, который был сторонником осторожной и выжидательной политики и стремился решать все вопросы в рамках европейского концерта. Несмотря на протесты канцлера, Александр II назначил посланником в Турцию именно Н.П.Игнатьева. 15 октября 1876 г. последний прибыл в Константинополь, где передал Порте ультиматум с требованием автономии для восставших турецких провинций, европейского контроля над осуществлением реформ и перемирия для Черногории и Сербии. Игнатьев говорил в Константинополе тем же тоном, каким в свое время князь Меншиков, только с большим успехом. Приезд русского посланника вызвал сильную тревогу в Европе. Обеспокоилась, прежде всего, Англия. Российский император был вынужден обратиться к европейскому сообществу с заявлением, что он «ставит своей единственной целью улучшение участи христианского населения, покровителем которого он является, и что если он возьмется за оружие, он не будет вести завоевательную войну».

Попытка английского посланника Солсбери привлечь Германию в качестве союзника против России не привела к положительному результату.

23-25 декабря 1876 г. в Константинополе собралась конференция великих держав для выработки условий примирения балканских стран с турецким правительством. В январе 1877 г. она, правда, закончилась, так и не достигнув цели. Дальнейшие события, как известно, привели к Русско-турецкой войне 1877 г.

В конце 1877 г. были начаты переговоры о мире при посредничестве Великобритании, закончившиеся подписанием Адрианопольского мира 31 января 1878 г., а 14 февраля того же года начались окончательные переговоры в Сан-Стефано. Выполнение Сан-Стефанского договора наносило Турции удар и передавало все влияние на Ближнем Востоке России. Это была несомненная заслуга царского правительства в обеспечении прав и привилегий христианского населения Османской империи. Однако в Европе существовали, по крайней мере, два государства, которые твердо решили не допускать подчинение Османской империи России: это Англия и Австро-Венгрия. Именно они выступили инициаторами созыва международного конгресса, считая, что изменения трактата 1856 г. и соглашения 1871 г. могут быть утверждены только в присутствии держав, принимавших в них участие. На этих условиях был созван Берлинский конгресс, целью которого было ограничение влияния России в Турции.

В итоге права официального покровительства признавалось за дипломатическими и консульскими агентами держав в Турции, как по отношению вышепоименованных лиц, так и их учреждений духовных, благотворительных и других на Святых местах и в других местностях. Права *status quo* на Святой земле были предоставлены Франции и должны были строго сохраняться. Таким образом, права Русской церкви на Востоке по защите православных были возложены на государственно-административные организации, существовавшие в то время в Иерусалиме: Русское консульство и Палестинскую комиссию, а также единственный церковный орган на Ближнем Востоке - Духовную миссию, которая также была подчинена государству. Своеобразие позиции Российского государства на Ближнем Востоке заключалось в том, что оно, являясь защитником угнетенных христиан Османской империи, не ставило во главу угла своей политики непосредственную поддержку русского православия в Палестине. Этим были заняты отдельные гражданские и духовные

лица, работающие на Святой земле.

Таким образом, ближневосточный кризис 70-х гг. XIX века, Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и Берлинский конгресс 1878 г. сильно изменили международную обстановку, оказав существенное влияние на внешнюю политику правящих кругов Российской империи в последующий период. В последние годы царствования Александра II (1878-1881 гг.) внутренняя политика была направлена на восстановление сил после войны, а внешняя - на преодоление антагонизма с Англией и сближение с Германией, которое закончилось подписанием австро-русско-германского договора 1881 г.

Восшествие на престол Александра III (1881-1894 гг.) и время его правления ознаменовались целым рядом внутри- и внешнеполитических изменений. Своеобразие внутренней политики этого русского самодержца, по определению современников, заключалось в активизации позиций Русской православной церкви и полному ее подчинению непосредственно государству, т.е. государю.

Внешнеполитическая деятельность русского правительства осуществлялась в полной зависимости от международной обстановки и позиций ведущих держав. Немаловажным показателем влияния на механизм выработки внешнеполитических решений является роль ближайшего окружения Александра III: К.П. Победоносцева, Д.А. Толстова, М.Н. Каткова. Совокупность политических шагов России на международной арене, в данном случае, можно рассматривать через призму борьбы двух внешнеполитических группировок: прогерманской и профранцузской. Помощники императора придерживались антигерманской позиции, выступали против Бисмарка. Русско-германские противоречия все более обострялись. Бисмарк продолжал повышать тариф на хлеб и тем самым устанавливал высокий таможенный барьер для русского экспорта. Со своей стороны, российское правительство постоянно вводило высокие запретные тарифы на товары германского происхождения, по существу, между Россией и Германией разгоралась экономическая война. Экономические противоречия во взаимоотношениях России с Германией и Австро-Венгрией разрабатывались не только на европейской территории, но и в странах Ближнего Востока. Если в середине XIX века основными соперниками российской экономики в данном регионе были Англия и Франция, то в конце XIX - начале XX вв. экономические приоритеты были сменены. Во главе борьбы за экономическое преобладание в странах Ближнего Востока встали Австро-Венгрия и Германия, а за ними следуют: Италия, Англия, Франция, Бельгия, Северная Америка. В силу объективных экономических причин Россия занимала последнее место среди ведущих держав в этом богатом природными ресурсами регионе, что, несомненно, отражалось и во внешнеполитической деятельности российской державы.

Обострившиеся русско-германские противоречия не могли не привести к новой международной перефурпировке сил на европейском континенте. Заключение союза между Германией, Австро-Венгрией и присоединившейся к ним в 1882 г. Италией (Тройственный союз), направленного против России и Франции, побудил последних к сближению. В 1887 г. российское правительство получает заем в Париже, в 1891 г. - подписывает оборонительное соглашение с Францией, а в 1892 г. - заключает военную конвенцию.

Задачу укрепления политического положения России на Ближнем Востоке, осуществлявшуюся до 90-х гг. с опорой сначала на союз трех императоров, а затем на союз с Германией, после непродления договора «перестраховки» российская дипломатия пыталась решать, используя в известной мере поддержку Франции. Не стоит также забывать, что вопрос о проливах и принятие внешнеполитических решений в этом направлении, разрабатываемые на протяжении 80-х—90-х гг. всегда совпадали по времени с крупными международными осложнениями на Ближнем Востоке. Император Александр III и Н.Н. Обручев, начальник генерального штаба, были едины в утверждении, что только ради захвата проливов стоит проливать русскую кровь, но они единодушно отмечали, что Россия к этому захвату не готова.

После смерти Александра вступивший на престол Николай II, не только не продолжил внешнеполитическую линию отца, а, напротив, круто повернул вспять, в сторону монар-

хической солидарности и европейского концерта.

Смена внешнеполитических приоритетов Российской империи, произошедшая при новом государе, состоялась по многим причинам:

во-первых, промышленные трудности, кризис государственной финансовой системы, зависимость от иностранного капитала и вследствие этого слабость торгового морского флота, не позволяющая России развивать внешнюю торговлю со странами Ближнего Востока, где в данный период усилилась конкуренция между ведущими империалистическими державами;

во-вторых, вследствие этого была определена приоритетность Дальневосточного региона как наиболее перспективного в силу развития там ведущих отраслей народного хозяйства;

в-третьих, личностный фактор — непосредственно Николай II гораздо более склонял свою голову, свой ум и свои чувства в направлении к Востоку, и притом к Востоку Дальнему, нежели Востоку Ближнему и к Западу;

в-четвертых, влияние правительственной группировки, которая «видела фокус русских интересов непременно в Европе, в составе «европейского концерта».

Следует отметить, что Ламздорф, занимавший должность первого советника министра иностранных дел, как и министры, с которыми он работал — Гире и Лобанов-Ростовский, были противниками действий России на Ближнем Востоке. Они полагали, что захват проливов вновь сплотит антирусскую коалицию. Они выступали за статус-кво на Ближнем Востоке, против перехода проливов в руки одной из европейских держав;

в-пятых, международная обстановка в конце XIX - начале XX вв. обострилась в связи с начавшейся «гонкой вооружений» Германии, несмотря на миротворческие усилия России, а также усилением агрессии Японии, ближайшей соседки России на Дальнем Востоке. Таким образом, переориентация внешней политики с восточной на дальневосточную на некоторое время ослабила внимание к Ближневосточному региону, что проявилось в ослаблении паломнического движения на Святую землю.

Итак, получив сильный импульс к развитию в начале XX века, устоявшаяся система международных отношений середины XIX века стала анахронизмом. Последним ее представителем оказался русский император Николай II. Годы его правления послужили своеобразным переломным моментом как в структуре взаимоотношений между ведущими державами, которые поддерживали относительную стабильность в Европе, при значительной свободе рук в других регионах, так и во внешнеполитической деятельности российского государства, динамика которой встает в прямую зависимость от международной ситуации.

На протяжении 60-х гг. и до конца XIX столетия для достижения внешнеполитических целей российское правительство использовало все методы борьбы за свои интересы:

дипломатические комбинации (русские государственные деятели были известными дипломатами - А.Горчаков, Н.П.Игнатьев, А.А.Гирс, А.Б.Лобанов-Ростовский, В.Н.Ламздорф и др.);

силовое давление (демонстрация силы в ближневосточном кризисе 90х гг. XIXв.);

войны;

религиозное проникновение.

экономическая экспансия (в отличие от западных держав, где материальная сторона была приоритетной, Россия редко использовала данный метод).

Своеобразие внешней политики России на Востоке в целом в XIX веке заключалось в преодолении устоявшейся антирусской направленности Запада, что было связано с экономическим ростом государства Российского и его имперскими интересами на протяжении всей истории, а также попытками расширения зоны потенциального православия.

§ 7. Венская система международных отношений в 30-е — начале 70-х годов XIX века

В 1830 г. по Европе прокатилась целая серия революций (Франция, Бельгия, Польша), стабильность Венской системы все же сохранилась. Последствия всех трех революций

были урегулированы без глобальных столкновений великих держав. Правда, политическая карта Европы все же претерпела серьезные изменения: возникло новое государство — Бельгия. Тем не менее об общеевропейском революционном взрыве, на предотвращение которого была нацелена Венская система, не было и речи. По мнению большинства европейских политиков, главная угроза для Венской системы по-прежнему исходила от восточного вопроса (см. § 6).

Пока внимание политиков и дипломатов было привлечено к восточному вопросу, в самой Европе происходили серьезные качественные изменения. Бурное развитие индустриальных отношений вело к складыванию крупных промышленных районов, таких, как Рур, Эльзас, Саар, Силезия. Размер промышленного потенциала теперь напрямую начали связывать с уровнем мощи государства. Не удивительно, что именно регионы, где концентрируется основной промышленный потенциал, становятся предметом повышенного внимания со стороны великих держав, которые стремятся взять их под свой прочный контроль. Промышленный переворот порождал принципиально новые проблемы, от эффективности решения которых зависела внутренняя стабильность государств, а следовательно, и их возможности на международной арене. Перед всеми великими державами во весь рост встала проблема адаптации к новым условиям, и от того, насколько успешно они решали ее, зависел характер их взаимоотношений в системе международных отношений и судьба самой этой системы.

В 1848 г. по Европе прокатилась мощная волна революционных выступлений, породивших целую серию новых конфликтов в сфере межгосударственных отношений.

В марте 1848 г. Шлезвиг и Гольштейн попробовали отделиться от Дании. Пруссия попыталась создать под своей эгидой унию северогерманских государств, что вызвало резкие разногласия в стане великих держав. Хотя добиться поставленной цели Пруссии не удалось, вопрос об объединении Германии делался все более острым.

Ситуация в центре Европы резко осложнилась в силу того, что в различных частях Австрийской империи вспыхнула революция, поставившая это государство на грань распада. От этого ее спасла только помощь, которую оказал австрийскому императору русский царь. Посланные им войска помогли подавить выступления венгров, которые стремились к созданию самостоятельного государства. Дальнейшие события показали, что Николай 1, попавший в плен идеологических догм, совершил ошибку. Распад Австрийской империи и возникновение независимого венгерского государства не противоречили, а уж тем более не угрожали государственным интересам России. В результате клубок противоречий в центре Европы еще больше запутался.

Наконец, резко усложнилась ситуация в Северной Италии, где, с одной стороны, росло стремление к созданию самостоятельного итальянского государства, а с другой — резко обострились франко-австрийские противоречия, вызванные стремлением обеих держав укрепить свои позиции в этом регионе. В результате всех этих коллизий ситуация в Европе заметно изменилась. Мощный импульс получила идея создания национальных государств. В Германии, Италии, на Балканах она перешла в практическую плоскость. А это означало, что период устойчивого развития Венской системы подошел к концу. Новые силы, выходявшие на европейскую арену в процессе «индустриальной революции», еще не смогли разрушить гегемонию старой элиты, но очевидно, что Европа после бурных событий 1848—1849 гг. стала уже не той, какой она была в период расцвета Венской системы. Развитие европейской цивилизации неизбежно рождало новые проблемы, и найти их развязку в рамках прежнего миропорядка становилось все сложнее.

Едва успели затихнуть революционные баталии, в течение двух лет потрясавшие Европу, как в 1853 г. произошло очередное резкое обострение восточного вопроса.

Началась Крымская война, которая закончилась поражением России.

В марте 1856 г. был подписан Парижский мирный договор. Это стало важной вехой в начавшемся процессе перестройки Венской системы. Россия потерпела в войне поражение, и ее военно-политические позиции были ослаблены. Ослабление России

не могло не сказаться на общеевропейском балансе сил: он был нарушен. Россия, являвшаяся в первой половине XIX века одним из основных центров силы, на время утратила возможность выполнять эту функцию. А это, в свою очередь, сужало общие возможности Венской системы в деле поддержания стабильности на континенте.

Крымская война открыла целую серию локальных военных конфликтов, которые прокатились по всему миру. В ходе этих, как правило, краткосрочных, недостаточно жестких столкновений силовым путем находились развязки тех запутанных проблем, которые были порождены предшествовавшим развитием системы международных отношений. После завершения Крымской войны восточный вопрос на время отошел на второй план, а на авансцену европейской политики вышли проблемы, связанные с объединением Италии и Германии (более подробно см.: «Объединение Италии и Германии»).

После этого в начале 60-х годов зона конфликтов из Европы переместилась в Америку. В Соединенных Штатах давно назревавший конфликт между Севером и Югом перерос в Гражданскую войну (1861 - 1865 гг.). 9 апреля 1865 года южане вынуждены были капитулировать.

В 60-е годы XIX века несколько военных конфликтов развернулось в Азии (Индокитай, Сирия, Китай) и Америке (Мексика). Активное участие в них принимала Франция. За исключением Индокитая в этих конфликтах Франция потерпела неудачу.

Но главные события в сфере международных отношений в 60-е годы происходили в центре Европы, где Пруссия настойчиво добивалась объединения немецких земель под своей эгидой. Решение этой задачи связано с именем одного из крупнейших политических деятелей той эпохи Отто фон Бисмарка, который в 1862 г. возглавил правительство Пруссии. Он целеустремленно и последовательно шел к поставленной цели. Будучи прекрасным стратегом, он ясно понимал, что решать данную задачу следует поэтапно, чтобы преждевременно не возбудить подозрения великих держав.

В 1863 г. во время польского восстания Пруссия в определенной мере помогла России добиться умирения восставших поляков, чем обеспечила её благожелательную позицию в последующих конфликтах, связанных с объединением Германии.

В том же 1863 г. Дания ликвидировала автономию Шлезвига и Гольштейна, что дало Бисмарку повод для вмешательства. Пруссия, естественно, могла бы и сама легко разбить Данию, но для того, чтобы нейтрализовать Австрийскую империю, Бисмарк предложил ей выступить совместно в качестве защитников «угнетаемых Данией немцев». Австрия согласилась, и в 1864 г. прусско-австрийские войска легко разбили Данию. Шлезвиг отошел к Пруссии, а Гольштейн — к Австрии. В этом соглашении уже были заложены зерна будущего австро-прусского конфликта. Бисмарк это прекрасно понимал, но это входило в его планы. Он лишь ждал удобного момента для нанесения Австрии решающего удара.

Повод вскоре нашелся. Итальянское королевство настойчиво добивалось присоединения Венеции. Бисмарк предложил итальянскому королю действовать совместно против Австрии. Общая ситуация в Европе благоприятствовала планам Бисмарка. Россия не видела в них ничего опасного для себя. Англия была занята проблемами колониальной экспансии и традиционно избегала вовлечения без крайней необходимости в континентальные конфликты. Решающее значение приобретала позиция Франции. Анализируя сложившуюся ситуацию, Наполеон III допустил фатальную ошибку: он пришел к выводу, что надвигающаяся австро-прусская война будет затяжной, ибо силы сторон, по его мнению, были равны. А это означало, что обе стороны будут истощены и Франция сможет использовать их взаимное ослабление в свою пользу. В этом была ошибка Наполеона III.

Летом 1866 г. началась австро-прусская война, которая оказалась на редкость быстрой. 3 июля 1866 г. в битве под Садовой австрийцы потерпели жестокое поражение. Эта битва решила исход всей кампании. Бисмарк мог диктовать условия мира. В итоге создавался Северо-Германский союз, в котором доминировала Пруссия. Австрия же отказывалась от своих притязаний на гегемонию в германских землях. Разгром Австрии вызвал серьезный внутривнутриполитический кризис в этой стране. Император, чтобы снять на-

пряжение, вынужден был пойти на проведение серьезных внутренних реформ. В 1867 г. Франц-Иосиф под давлением оппозиционных сил согласился на превращение Австрийской империи в дуалистическую монархию — Австро-Венгрию. В ней оставался единый монарх, который осуществлял контроль над внешней политикой, ему же подчинялись вооруженные силы. В решении же внутренних вопросов венгерская часть империи получала автономию.

После австро-прусской войны стержнем всей европейской политики становится франко-прусская война. Конец 60-х годов был заполнен сложными дипломатическими маневрами. Бисмарк стремился к тому, чтобы в надвигающемся столкновении Франция оказалась в изоляции и выглядела стороной, имеющей агрессивные намерения. Бисмарк начисто переиграл Наполеона III. Он добился того, что именно Франция объявила 19 июля 1870 г. войну Пруссии. Однако этот шаг обернулся катастрофой для Франции. 2 сентября 1870 г. французская армия во главе с Наполеоном III капитулировала. Подведение итогов войны, однако, затягивалась, ибо во Франции военная катастрофа вызвала революционный взрыв, центром которого стал Париж. 4 сентября 1870 г. Франция была провозглашена республикой.

В феврале 1871 г. состоялись выборы в Национальное собрание Франции. Новый парламент обосновался в Бордо. Несмотря на пламенные речи, произносимые парламентариями, сил для сопротивления у Франции не было, и 26 февраля 1871 г. глава нового правительства Тьер подписал предварительные условия мира с Германией, но опять-таки заключение окончательного мирного договора пришлось отложить, поскольку жители Парижа восприняли этот шаг правительства как национальную измену. Когда Тьер отдал приказ о разоружении Национальной гвардии, в городе вспыхнуло восстание. Власть в Париже перешла к коммуне. Тьер объявил Париж мятежным городом и начал его осаду. По существу, во Франции вспыхнула гражданская война. Парижская коммуна просуществовала 72 дня.

28 мая 1871 г. коммуна пала, а чуть раньше, 10 мая, во Франкфурте был подписан окончательный текст мирного договора между Германией и Францией. Условия мира были очень тяжелы для Франции: она потеряла важные в экономическом и стратегическом отношении области Эльзас и Лотарингию, обязывалась выплатить Германии огромную контрибуцию в 5 млрд. франков; кроме того, на ее территории в течение трех лет оставались оккупационные войска. Это событие знаменовало собой завершение процесса объединения Германии, которая теперь стала империей. Казалось, Бисмарк мог торжествовать: цель его жизни осуществлена. Однако, как это часто бывает, час торжества одновременно стал исходной точкой новых проблем — отныне на многие годы франко-германский антагонизм превратился в стержень международных отношений.

Объединение Италии и Германии

Исторические судьбы двух стран во многом похожи. Стагнация социально-экономического развития и консервация раздробленности там, где ростки буржуазных хозяйственных форм появились ранее, чем где бы то ни было, еще в XIV веке, — это последние звенья в цепи закономерностей: перемещение в результате Великих географических открытий основных торговых путей в Атлантику, регресс мануфактуры, направление капиталовложений в недвижимость, аграризация экономики. Неудача "буржуазной революции номер один" — Реформации и Крестьянской войны в Германии — привела к торжеству княжеского сепаратизма и религиозному расколу страны, выраженному в принципе "чья власть — того и вера".

Закреплению раздробленности в обеих странах способствовали опустошительные войны. В Италии — в XV веке между Францией и Испанией, закончившиеся установлением господства последней (в XVIII веке ее сменила Австрия). Для Германии же настоящим национальным бедствием стала Тридцатилетняя война 1618-1648 гг., которая вылилась в хищнический грабеж страны, своего рода способ "первоначального накопления капиталов".

После Вестфальского мира (1648 г.) на территории Германии насчитывалось более 300 независимых княжеств, около 50 вольных городов, не говоря уже о массе мельчайших рыцарских владений. Священная Римская империя германской нации, в которую все они входили, была только фикцией всегерманского единства, структурой, легитимирующей раздробленность. Принцип обязательного единогласия всех депутатов имперского рейхстага сводил к нулю результативность его работы, а императорская корона, принадлежавшая чаще всего дому австрийских Габсбургов, являлась скорее символом завидного престижа, нежели символом реальной власти.

Тридцатилетняя война закрепила хозяйственные различия между двумя частями Германии. На западе преобладало мелкопоместное хозяйство, либо дворяне вообще его не вели, крестьяне в основном были лично свободны. Прирейнская западная Германия и Саксония в XVIII веке вошли в число наиболее развитых промышленных районов Европы. В восточной заэльбской части Германии, напротив, господствовало крупное помещичье (юнкерское) хозяйство, основанное на барщинном труде лично зависимых крестьян и при этом ориентированное на рынок. Зато мануфактура получила весомую государственную поддержку. Именно здесь к XVIII веку сложился новый центр силы германских земель — Бранденбургско-Прусское государство, с 1701 г. королевство Пруссия. Территория, по имени которой было названо новое королевство, не входила в состав империи, и это освобождало его правителей из династии Гогенцоллернов от вассальных обязанностей по отношению к императору. Опираясь на юнкерство, привычное к военным баталиям, и умело лавируя между тогдашними великими державами, прусская монархия добилась значительных успехов в ряде европейских войн и сама вступила в круг сильнейших.

В Италии на аграрном Юге утвердились крупные латифундии, хотя личной зависимости крестьян уже не было. В Центральной Италии и на Севере возобладала издольная аренда. Север быстрее втягивался в рыночно ориентированное хозяйство. Во второй половине XVIII века активизировалось домашнее производство шелковой нити, полуфабриката, вызволившегося по преимуществу в Англию и во Францию. На Юге товаризация латифундий привела к экспроприации общинных земель и обнищанию массы крестьян. Завязался узел острого социального конфликта. Явного лидера среди итальянских государств в XVIII веке еще не наблюдалось, господствующее положение здесь занимала внешняя сила — австрийские Габсбурги.

Экономическая и политическая раздробленность (различные системы мер, весов и монет, таможенные барьеры, правовая неразбериха) и в Италии, и в Германии являлась главным тормозом общественного развития. Только сильное единое государство могло обеспечить благоприятные условия для развития капитализма внутри страны и защитить интересы национального капитала вне ее. И там и там объединение было призвано завершить процесс складывания нации, способствовать расцвету национальной культуры.

Этапы и течения итальянского Рисорджименто. Эпоха борьбы за объединение Италии получила в историографии название Рисорджименто (в переводе с итальянского — возрождение). Начало ее относят к рубежу XVIII-XIX веков, ко времени революционных и "наполеоновских" войн.

В ходе войн в итальянских землях были проведены грандиозные преобразования буржуазного характера: ликвидированы остатки личных повинностей крестьян и введен порядок выкупа поземельных платежей, упразднена церковная десятина, распроданы земли церкви; отменены монополии, таможенные барьеры, цеховые ограничения, упорядочена денежная система; население, имеющее имущественный ценз, получило доступ к административной и судебной власти, хотя и контролируемой французами. Заметно уменьшилась дробность итальянских земель. В конце концов Наполеон, включив некоторые из них непосредственно в состав Французской империи, учредил на оставшихся территориях два марионеточных государства — Итальянское королевство, которое он возглавил самолично, и Неаполитанское, переданное сначала брату Жозефу, а потом зятю Мюрату.

Оборотной стороной наполеоновского господства стало превращение Италии в аграрно-

сырьевой придаток империи, обложенный дополнительно кабальными платежами и повинностями. Противоречивое сочетание благотворных перемен, принесенных в Италию французской революцией и Наполеоном, с национальным унижением, испытанным ею, как раз и дало импульс патриотическому движению за свержение иностранного владычества. Представления о дальнейшей политической судьбе Италии были, однако, у его участников различными. Наиболее боевитую часть патриотов объединило Общество карбонариев, ячейки которого (венты) организовывались по принципу масонских лож.

Венский конгресс восстановил в Италии прежние монархии: Бурбонов в Неаполитанском королевстве (с 1816 г. — Королевство обеих Сицилии), герцогов, связанных династическими узами с Габсбургами, в Парме, Модене и Тоскане, светскую власть римского папы, савойскую династию в Сардинском королевстве (в состав его вошли Пьемонт, Савойя, Генуя и остров Сардиния). Законодательство периода господства Наполеона было отменено, хотя некоторые проведенные тогда преобразования сохранились в силе. Но главное — экономическая и политическая раздробленность Италии вновь стала реальностью. А препятствием к ее преодолению были австрийские Габсбурги, получившие Ломбардо-Венецианскую область и поставившие в военно-политическую зависимость от себя все итальянские режимы, за исключением Пьемонта.

Патриотическое движение в Италии, столь же разнородное, как и ранее, по социально-политической окраске, действовало теперь под антиавстрийскими лозунгами. Но неудачи двух революционных атак — начала 20-х гг. (революции в Королевстве обеих Сицилии и в Пьемонте) и начала 30-х (в Модене, Парме и Папском государстве) — поставили в повестку дня пересмотр прежних методов и организационных форм борьбы. Эпоха карбонариев ушла в прошлое, начался новый этап Рисорджименто, в ходе которого выделились два основных течения.

Демократическое течение, представленное организацией "Молодая Италия" Джузеппе Мадзини, выдвинуло задачу создания унитарной итальянской республики якобинского типа от Альп до Сицилии (принцип "естественных границ") путем всенародного восстания и партизанской войны против австрийских оккупантов и подконтрольных Габсбургам монархий. Особое внимание мадзинисты уделяли пропаганде и воспитанию, определяя патриотическое служение как религиозный долг каждого итальянца, их девиз был "Бог и народ". Однако демократическое течение не связывало решение политического вопроса — об объединении Италии — с социальными, и прежде всего с решением аграрного вопроса, боясь оттолкнуть от движения либеральное дворянство и земельную буржуазию. Это ослабляло социальную базу "Молодой Италии".

Ростом буржуазных слоев, в том числе за счет хозяйствующего по-новому дворянства, было обусловлено выдвижение умеренно-либеральной программы в Рисорджименто. На первый план ее идеологи ставили проведение в итальянских государствах реформ, которые бы обеспечили свободу предпринимательства и торговли и одновременно связали Италию в единый хозяйственный организм. В политическом плане либералы ратовали за федерацию итальянских монархий под эгидой римского папы либо сардинского короля Карла Альберта, склонявшегося к этой идее. Рупором данного направления стала газета "Рисорджименто", издававшаяся (с 1847 г.) в Пьемонте графом Камилло Кавуром.

В ходе революции 1848-1849 гг., принявшей общенациональный характер, программы обоих течений прошли испытание практикой. Выявились слабости демократической платформы, рухнули надежды на римского папу и на добрую волю монархий к объединению в итальянскую федерацию. Зато савойская династия громко заявила о себе как поборнице единой Италии.

В 1850-60-е гг. Рисорджименто вступило в свою заключительную фазу. В получившем конституцию Сардинском королевстве премьер-министром стал граф Кавур. Благодаря его либеральным реформам Пьемонт выдвинулся в экономические лидеры Италии, а участвовав в Крымской войне, обрел необходимый вес на международной арене. Демократическое течение раскололось, и часть его, готовая к сотрудничеству с пьемонтским

правительством, образовало новое "Итальянское национальное общество". Его вице-председателем стал прославленный герой "Молодой Италии" Джузеппе Гарибальди, сохранивший при себе республиканские убеждения.

В 1859 г. Сардинское королевство в союзе с Францией, которой были обещаны принадлежавшие Пьемонту Ницца и Савойя, вступило в войну с габсбургской монархией за Ломбардию и Венецию. При этом поражения австрийцев спровоцировали патриотический подъем в Центральной Италии, демонстрации и восстания. Герцоги бежали, а позднее, после плебисцитов Парма, Тоскана и Модена, а также часть Папского государства, Романья, присоединились к Пьемонту. Французский император Наполеон III, напуганный непредвиденными событиями, остановил войну и заключил с австрийцами перемирие. Так что в итоге Габсбурги отдали Пьемонту лишь одну Ломбардию.

В апреле 1860 г. началось восстание на юге Италии. Из Генуи на Сицилию на двух кораблях отправился отряд добровольцев под предводительством Гарибальди. В считанные месяцы гарибальдийская "тысяча" (на Сицилию отправились 1100 человек) разгромила вооруженные силы Бурбонов и заняла Неаполь. Фантастический успех Гарибальди, не торопившегося передавать Юг Пьемонту и намеревавшегося идти походом на Рим, возродил надежды на демократический вариант объединения и ужасно напугал Кавура. Он тут же получил благославление у Наполеона III и ввел войска еще в две провинции Папского государства, Марке и Умбрию, остановив продвижение Гарибальди. В 1861 г. было провозглашено Итальянское королевство, за пределами которого оставались только Рим с областью Лацио, занятой французскими войсками, и Венеция.

Одной из причин поражения демократической альтернативы стал аграрный мятеж на юге Италии. Борьба крестьян за общинные земли не нашла должного понимания у Гарибальди, принявшего участие в подавлении крестьянских выступлений, и далее (вплоть до 1865 г.) мятеж продолжался уже под лозунгами в поддержку свергнутых Бурбонов.

В 1866 г. по результатам австро-прусской войны Пьемонт, участвовавший в ней на стороне победившей Пруссии, получил Венецию. А в 1870 г. после крушения в ходе франко-прусской войны режима Наполеона III, когда из Рима был выведен французский корпус, Вечный город стал столицей итальянского государства.

Объединение Германии "сверху". Во время наполеоновского господства в Европе германские земли также пережили большие перемены: Священной Римской империи не стало, сократилась политическая дробность (Наполеон создал объединение германских государств — Рейнский союз — и Вестфальское королевство, во главе которого встал его брат Жером), были проведены антифеодальные преобразования. В сильно урезанной территориально после Тильзитского мира Пруссии правящие верхи пошли на умеренные реформы: отменялась личная зависимость крестьян и были определены, правда, очень тяжелые условия выкупа поземельных платежей. Правительство провело налоговую реформу, секуляризировало церковные земли, создало органы самоуправления в городах, ввело всеобщую воинскую повинность и реорганизовало армию. Та же, что и в Италии, смесь освежающих перемен и оскорбленного военными поражениями, оккупацией и экономическим подчинением Франции национального чувства дала начало патриотическому движению в немецких землях. Однако наибольшие выгоды из него извлекла прусская монархия. Венский конгресс признал ликвидацию Священной Римской империи. Взамен ее был создан Германский союз (37 монархий и 4 вольных города). Пруссия и Австрия входили в него лишь теми частями, какими они ранее входили в империю. Пруссия сделала ряд территориальных приобретений. Особенно важными из них были экономически развитые области на Рейне и в Вестфалии с богатым Рурским угольным бассейном. Это, а также решение аграрного вопроса в пользу прусских помещиков, которые сохранили свои латифундии и одновременно аккумулировали значительные денежные средства (юнкерский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, составивший базу классового компромисса юнкерства и верхушки буржуазии), сделало Пруссию лидером промышленного переворота в германских землях. В 1830-х гг. под эгидой Пруссии был создан Таможенный

союз, включивший в себя два десятка государств, что явилось первым шагом к оформлению экономического единства страны.

Главный итог бурных событий 1848-1849 гг. в германских землях — неудача революционного варианта объединения Германии "снизу". Тому причиной стали слабость и разрозненность демократического движения, колебания мелкобуржуазных республиканцев, неопытность пролетарских масс, страх перед ними либеральной буржуазии, склонной к соглашению с монархией. Определились два варианта объединения Германии "сверху": великогерманский — под эгидой Австрии и малогерманский — под эгидой Пруссии, без многонациональной дунайской империи. Проигрыш Вены в борьбе с Берлином можно связывать с куда более успешными шагами Пруссии по пути буржуазного прогресса и ослаблявшими Австрию межнациональными противоречиями.

Острое столкновение между двумя державами по германскому вопросу произошло на рубеже 40-50-х гг. После отказа Австрии обсуждать планы Берлина относительно реорганизации Германского союза Пруссия подписала с Саксонией и Ганновером в 1849 г. отдельное соглашение ("Уния трех королей", или Прусская уния). Дело чуть было не дошло до военного конфликта между Австрией и Пруссией, но по вмешательству иностранных дипломатий, прежде всего из-за позиции Николая I, поддерживавшего австрийского императора, все закончилось "ольмюцким унижением" Пруссии — в Ольмюце она фактически отказалась от притязаний на всегерманскую гегемонию.

Стало ясно, что объединение германских земель вокруг прусской короны можно осуществить лишь "железом и кровью", а для этого необходима самая сильная и боеспособная армия. В свою очередь ее реорганизация и перевооружение требовали значительных денежных затрат, вотировать которые должен был представительный орган — прусский ландтаг. Тамошние либералы поставили условием принятия

большого военного бюджета их допуск во власть. Однако этот шантаж провалился. Назначенный в 1862 г. министром-президентом Пруссии Отто фон Бисмарк провел военную реформу, не оглядываясь на конституционные затруднения. А его успехи в деле объединения Германии привели затем либералов к благодарственному согласию.

В 1864 г. Пруссия, объединив силы с Австрией, что было хитрой уловкой, нанесла поражение Дании, при этом принадлежавшие последней Шлезвиг достался Пруссии, а Гольштейн — Австрии. В следующем акте Бисмарк, добившись нейтралитета Франции и заключив тайное соглашение с Пьемонтом, взял под контроль Пруссии Гольштейн и напал на Австрию. Прусские войска наголову разбили австрийцев в битве при Садовой (Чехия) 3 июля 1866 г. Вена вышла из Германского союза и перестала быть препятствием к его ликвидации.

Демонстрируя высший дипломатический "пилотаж", Бисмарк нейтрализовал противодействие России агрессивным действиям Пруссии и притязания Франции на некоторые немецкие земли. Взамен старого Германского союза был создан новый Северогерманский во главе с прусским королем, со значительными полномочия центральной власти. За пределами союза оставались южно-германские государства Бавария, Баден, Вюртемберг и часть Гессен-Дармштадта, которым покровительствовал Наполеон III. Наконец, в итоге франко-прусской войны 1870-1871 гг. они вошли в состав провозглашенной 18 января 1871 г. Германской империи. Объединение Германии завершилось созданием мощного (с экономической и военной точки зрения) центрально-европейского государства под эгидой прусской монархии.

§ 8. Изменение ситуации на международной арене. Создание блоков великих держав. Тройственный (Четвертной) союз

Франко-прусская война, закончившаяся поражением Франции, открыла новую страницу в истории международных отношений, изменив расстановку сил на мировой арене. Этому способствовал целый ряд факторов:

Объединение Германии, способствовавшее увеличению ее экономического потенциала и вследствие этого активизации ее внешней политики как в Европе, так и

в колониях.

Завершение объединения Италии, которая с момента своего возникновения в качестве единого государства, так же как и Германия, проявила большую агрессивность, став соперницей Франции в бассейне Средиземного моря.

Сближение Германии и Австро-Венгрии, заинтересованной в германской поддержке своей политики на Балканах.

Таким образом, в результате франко-прусской войны положение держав, доминировавших в Европе и колониях в течение практически всего XIX века, было поколеблено. На мировой арене появилось новое динамично развивающееся государство, также претендующее на доминирование в мировых экономических и политических отношениях.

Для закрепления успеха, достигнутого в результате войны, германское руководство приступило к созданию прогерманской военно-политической коалиции, основной задачей которой должна была стать изоляция Франции (основного противника Германской империи в Европе) и создание благоприятных условий для дальнейшего развития могущества Германии. Такая политика нашла свое отражение в организации так называемого Союза трех императоров, основанного на идее монархической солидарности и призванного лишить Францию возможных союзников в лице России и Австро-Венгрии. Союз трех императоров был создан в сентябре 1872 г. во время встречи российского, германского и австрийского императоров в Берлине. Окончательное оформление Союза произошло в 1873 г., когда между тремя странами были заключены военные конвенции.

Германское руководство придавало большое значение Союзу трех императоров, однако еще большее значение оно придавало развитию двусторонних германо-австрийских отношений. По сути, О. фон Бисмарк, первый канцлер Германской империи, рассматривал Австрию как естественного союзника Германии уже с 1866 г., фактически еще до объединения Германии. Развивая отношения с Россией, Германия вела переговоры с Австро-Венгрией, предлагая ей заключить союзный договор, направленный против России и Франции, однако, по настоянию австрийского канцлера, графа Андраши, дипломаты двух держав ограничились обсуждением лишь антирусского договора, который и был подписан 7 октября 1879 г. в Вене. Данный договор был секретным и формально носил оборонительный характер, однако, по мнению многих исследователей, фактически содержал в себе возможности развития агрессивной австро-германской политики. В целом австро-германский договор 1879 г. можно охарактеризовать как первый военный блок, сложившийся в Европе в условиях новой расстановки сил на мировой арене.

Дальнейшая деятельность германского руководства, направленная на укрепление международных позиций империи и, соответственно, ослабление позиций Франции привела к созданию нового блока — Тройственного союза, в котором кроме Германии и Австро-Венгрии приняла участие Италия, заинтересованная в ослаблении французских позиций в Северной Африке. В данном случае дипломатический талант Бисмарка позволил ему сгладить традиционные итало-австрийские противоречия, возникшие из-за портов Триест и Трентино. 20 мая 1882 г. между Германией, Австро-Венгрией и Италией был заключен секретный договор, согласно которому Германия и Австро-Венгрия обязывались выступить на стороне Италии, если последняя «без прямого вызова со своей стороны подверглась бы нападению Франции», а Италия брала на себя аналогичное обязательство в отношении Германии; все три участника договора в случае нападения двух или нескольких держав на одного из них взаимно обязывались вступить в войну с нападающими державами. Италия, однако, оговаривала, что в случае нападения Англии на Германию или Австро-Венгрию она не будет обязана оказывать помощь своим союзникам. С подписанием этого договора был оформлен Тройственный союз.

В том же году австро-германскому блоку удалось привлечь на свою сторону Румынию. Одновременно произошло сближение Германии и Испании. Король Альфонс XII был приглашен в Берлин, и здесь с ним было заключено «джентльменское соглашение», согласно которому Испания в случае франко-германской войны должна была выставить 100-

тысячную армию на Пиренеях против Франции.

Таким образом, созданный военный блок значительно укреплял позиции Германии, создав благоприятные условия для распространения германского влияния на значительную часть европейской территории, а также обеспечив относительную безопасность этой страны как на Западе, со стороны Франции, так и на Востоке, со стороны России.

Однако необходимо отметить, что предпринимая политические шаги, направленные против России, правящие круги Германской империи стремились к сохранению дружественных отношений с Россией, главным образом для того чтобы не допустить её сближения с Францией. С той целью Бисмарк предложил русскому правительству подписать секретное двустороннее соглашение, которое должно было заменить Союз трех императоров, распавшийся в 1887 году в результате обострения русско-австрийских и русско-германских противоречий. Обострение русско-английских отношений в Афганистане заставило царское правительство принять это предложение. В том же 1887 г. вместо Союза трёх императоров между Россией и Германией был подписан договор, получивший название договора перестраховки, в соответствии с которым Россия брала на себя обязательство соблюдать дружественный нейтралитет в случае нападения Франции на Германию, а взамен получила обещание Германии о поддержке России в случае каких-либо действий Англии на Ближнем Востоке, которые могли задеть интересы России в этом регионе. Но договор перестраховки был лишь частичным успехом немецкой дипломатии, так как Россия не гарантировала военной помощи Германии в ее борьбе с Францией, а обещанный ею нейтралитет был условным. В то же время этот договор способствовал замедлению сближения России и Франции, тяга к которому в обеих странах была уже в это время велика. Договор перестраховки оставался в силе до 1890 г.

§ 9. Развитие англо-германских противоречий в период 1904-1907 гг. Образование Антанты

Активизация внешней политики Германии и ее союзников вызвала значительное беспокойство в правящих кругах Франции и особенно Великобритании, опасавшейся за свое доминирование в колониальной сфере. Таким образом, основной группой противоречий, развивавшихся на международной арене в конце XIX — начале XX вв. стали англо-германские противоречия, определившие развитие международных отношений вплоть до Первой мировой войны.

Толчком к развитию противоречий между динамично развивающейся Германией и старой индустриальной державой Англией в этот период послужили 2 основных момента: 1) заключение англо-японского морского союза (1902 г.), обеспечившего интересы Великобритании на Дальнем Востоке и 2) окончание англо-бурской войны, которое дало Англии возможность отказаться от поддержки дружественных отношений с Германией любыми средствами.

Одним из первых показателей нарастания напряженности между двумя странами стало изменение позиции Великобритании по отношению к германскому проекту строительства Багдадской железной дороги. До этого момента (конец 1902 - начало 1903 г.) Англия не мешала осуществлению данного проекта, более того, между немецкими и английскими деловыми кругами велись интенсивные переговоры о взаимовыгодном сотрудничестве в деле его реализации. В 1903 г. переговоры были прерваны и английское руководство начало принимать меры для того, чтобы воспрепятствовать выполнению данного мероприятия, проводя соответствующую обработку общественного мнения внутри страны и за рубежом. Британское руководство прекрасно понимало, что активное проникновение германских концессионеров на Ближний Восток будет способствовать усилению влияния Германии в этом регионе и создаст таким образом своеобразную стартовую площадку для дальнейшего развития германской экспансии в направлении английских колониальных владений в Азии; кроме того, Англия была обеспокоена усилением германского влияния в Европе. Указанные факторы ставили на повестку дня вопрос о необходимости пересмотра внешнеполитического курса Британской империи и разработки такой тактики действий на

международной арене, которая соответствовала бы изменившимся условиям и наиболее эффективно способствовала реализации британских государственных интересов.

Таким образом, усиление Германии и активизация германской внешней политики вызвали охлаждение англо-германских отношений и привели британское руководство к необходимости отказа от политики «блестящей изоляции» и сближения со своими давними соперниками в борьбе за влияние в Европе и колониях - с Францией и Россией. Англия, не желавшая допустить передела колониальных владений в пользу Германии, таким образом, рассчитывала лишить Германию возможности строить свою дипломатию на игре на англо-русских и англо-французских противоречиях, добиваясь от английского правительства уступок во внешнеполитической и колониальной сферах. Кроме того, англо-французское сближение диктовалось необходимостью обеспечить нейтралитет Франции в Русско-японской войне, вспыхнувшей в 1904 г., тем более что выступление Франции на стороне России в этом конфликте, по условиям англо-японского договора, должно было повлечь за собой вступление в войну Англии. Необходимость же англо-русского сближения диктовалась главным образом тем, что в результате поражения в войне с Японией, которой достаточно активно помогала Англия, Российская империя вполне могла попытаться наладить конструктивный диалог с Германией, усилив тем самым германские позиции на мировой арене в ущерб английскому влиянию.

Для Франции вопрос о сближении с Великобританией в сложившихся условиях приобретал еще большую остроту, чем для самой Великобритании, т.к. война на Дальнем Востоке отвлекла вооруженные силы Российской Империи от германской границы, что не могло не вызвать определенного беспокойства во французских правящих кругах. Идея на сближение с Англией, Франция активизировала также итальянское направление своей внешней политики, стремясь оторвать Италию от Тройственного союза. В 1902 г. между двумя странами было заключено соглашение, согласно которому стороны обязывались соблюдать строгий нейтралитет в случае, если одна из них прямо или косвенно станет объектом нападения со стороны одной или нескольких держав. Более того, соглашение устанавливало, что строгий нейтралитет распространяется и на тот случай, если одна из сторон вследствие прямого вызова окажется вынужденной взять на себя инициативу объявления войны. Не противореча, в целом, договору Тройственного союза, франко-итальянское соглашение по существу сводило к минимуму его значение, т.к. по условиям договора Италия обещала Германии военную помощь только в том случае, если та окажется жертвой нападения Франции «без прямого вызова». Теперь же, заключив соглашение с Францией, Италия обязывалась сохранять нейтралитет при наличии прямого вызова со стороны Германии, причем фактически Италия оставляла за собой право определять наличие вызова со стороны участников конфликта.

Соглашение 1902 г. стало важным достижением французской дипломатии, однако нейтралитет слабой итальянской армии был плохой заменой русской помощи, оказание которой становилось все более проблематичным по мере усложнения обстановки на Дальнем Востоке. С учетом этих условий, Франция в 1903 г. стала инициатором переговоров с английским внешнеполитическим ведомством, целью которых было урегулирование колониальных разногласий между двумя державами. Результатом переговоров стало соответствующее соглашение, подписанное в Лондоне 8 апреля 1904 г. С этого момента в исторической литературе принято начинать отсчет истории Антанты - «сердечного соглашения».

Соглашение, подписанное участниками Антанты, состояло из двух основных частей, одна из которых предназначалась для публикации, а вторая являлась конфиденциальной. Открытая часть соглашения предусматривала раздел сфер влияния в Северной Африке, признавая английское доминирование в Египте и позволяя французам захватить большую часть Марокко. Что же касается закрытой части документа, то она вступала в противоречия с первой, предусматривая возможность изменения политического положения как Египта, так и Марокко, гарантируя лишь экономические интересы сторон. Закрытая часть документа предусматривала также раздел сфер влияния в Сиаме, а также улаживала ряд

второстепенных колониальных вопросов.

В целом документ носил противоречивый, компромиссный характер и не разрешал коренных противоречий между Великобританией и Францией, однако он отвечал интересам двух держав в тот период и позволял им разделить еще свободные территории в Африке, уладить ряд противоречий и создать основу для совместной деятельности по противодействию Германии. Отметим, что в самом тексте договора отсутствуют какие-либо указания на его антигерманскую направленность.

Указанное соглашение вызвало значительное беспокойство в Берлине. Германскому руководству был неприятен как сам факт англо-французского сотрудничества, так и закрепление территориального раздела колоний, затруднявшее приобретение Германией новых территорий. Дополнительным поводом для беспокойства стал перевод к восточному побережью Англии более 150 военных судов из Средиземноморского региона, где после соглашения с Францией британские коммуникации оказались в относительной безопасности.

Ответная реакция немцев выразилась в попытках заключения германо-русского союза, тем более что Россия, терпящая поражение на Дальнем Востоке, как уже отмечалось выше, остро нуждалась в экономической и политической поддержке. Пользуясь этим, германское правительство заключило с Россией торговый договор, снижавший пошлины на целый ряд промышленных товаров немецкого производства. Однако дальше этого дело не пошло. Российское правительство не желало портить отношения с Великобританией и Францией, а тем более радикально пересматривать их, и отвергло предложение Вильгельма II о заключении союзного договора, предусматривавшего взаимную военную помощь в случае возникновения конфликта в Европе. Причина отказа кроется, по мнению большинства исследователей, в зависимости российской финансовой системы от французских займов; капитал германских банков не мог стать адекватной заменой французским вливаниям в экономику Российской империи, что и предопределило отрицательный итог русско-германских переговоров.

Потерпев неудачу на переговорах с Россией, германская дипломатия сконцентрировала свои усилия на французском направлении, стараясь запугать руководство Франции путем вмешательства в дела Марокко. Немецкие дипломаты начали оказывать воздействие на султана Марокко, стимулируя антифранцузские настроения в его окружении, а в марте 1905 г. кайзер Вильгельм II, посетивший эту страну, обратился к Англии и Франции с призывом отказаться от своей сделки относительно Марокко, заключенной в 1903 г. Немного позже германский канцлер Бюлов, развивая мысль кайзера, обратился ко всем участникам Мадридского договора 1880 г., предлагая поставить вопрос о Марокко на обсуждение специально созванной конференции. Необходимо отметить, что Мадридский договор устанавливал равенство экономических и политических возможностей держав в этой стране. Предложенная Германией конференция должна была подтвердить принципы, провозглашенные Мадридским договором и подорвать таким образом сложившийся англо-французский союз. Предложения Бюлова сопровождались намеками на возможность развязывания войны в случае, если Франция откажется от созыва конференции. Ситуация, сложившаяся в результате обострения франко-германских противоречий относительно Марокко, получила в литературе название Марокканский кризис, который длился в течение почти целого года.

В итоге германская дипломатия сумела добиться созыва конференции, которая и стала финальным аккордом Марокканского кризиса. Она открылась в январе 1906 г. в г. Альхесирас (Испания). Дискуссии, проходившие на конференции, были достаточно жаркими и вопреки ожиданиям германских дипломатов способствовали не ослаблению, а, напротив, укреплению позиций Антанты, выявив относительную слабость германской позиции: Англия, США, Россия и Италия фактически поддерживали Францию, тогда как германские интересы отстаивали только Австро-Венгрия и сама Германия. В таких условиях германские правящие круги не решились на дальнейшее обострение ситуации, тем более что

возможная война из-за Марокко была заведомо непопулярна в Германии.

Альхесирасская конференция закончила свою работу 7 апреля 1906 г., когда был подписан трактат, определявший положение Марокко. Документ устанавливал независимость и целостность марокканского султаната, а также провозглашал равенство экономических возможностей всех наций на его территории. Трактат предусматривал также создание Марокканского государственного банка под контролем английского, французского, германского и испанского государственных банков. Необходимо также отметить, что Альхесирасский трактат формально отдавал под международный контроль формирование полицейских частей и таможенных служб Марокко, однако, фактически, эти функции оказались в руках французских и испанских представителей. Таким образом, несмотря на формальный компромисс между двумя политическими блоками Марокканский кризис разрешился в пользу Антанты, став заметным поражением германской дипломатии.

Проводя активные дипломатические маневры в отношениях со странами Западной Европы, Германия продолжала также стремиться к заключению союза с Россией, главным образом для того, чтобы предотвратить ее сближение с Антантой и обеспечить безопасность своих восточных границ. По инициативе германской стороны в июле 1905 г. в финских шхерах около о-ва Бьорке произошла встреча Вильгельма II и Николая II, на которой монархами был подписан проект союзного договора. Однако российские дипломаты настояли на том, что договор сможет вступить в силу только в том случае, если получит одобрение Франции, что было, в принципе, отказом, выраженном в завуалированной форме. Причиной отказа стало опять-таки нежелание русского правительства терять французские и английские инвестиции в экономику России, в которых она нуждалась в рассматриваемый период еще больше для восстановления своей экономической и военной мощи, подорванной русско-японской войной.

Со своей стороны Англия, заинтересованная в урегулировании своих противоречий с Россией, предприняла ряд шагов навстречу последней, приняв участие в займе, который был предоставлен русскому правительству французскими банками в начале 1906 г. Ослаблению англо-русского антагонизма способствовало экономическое и политическое вторжение Германии в дела стран Ближнего Востока, на которые претендовали также и эти две страны. Прежнюю остроту сохраняли лишь англо-русские противоречия в Афганистане и Средней Азии.

Необходимо отметить, что уже на конференции в Альхесирасе английские дипломаты начали зондировать почву относительно возможности заключения с Россией политического соглашения, которое должно было дополнить англо-французское соглашение 1903 г. Шагом, необходимым для достижения данного соглашения должно было стать английское посредничество в урегулировании русско-японских отношений, тем более что Англия была заинтересована в обеспечении неприкосновенности русских границ на Дальнем Востоке, что позволило бы полностью использовать военный потенциал России против Германии. В результате предпринятых дипломатических усилий в июле 1907 г. при посредничестве Англии между двумя странами были заключены политическое соглашение и рыболовная конвенция, согласно которым стороны разграничили сферы своих интересов на Дальнем Востоке. Незадолго до русско-японского соглашения при содействии англичан было заключено похожее соглашение между Францией и Японией.

Отметим также, что улаживая русско-японские противоречия, английские дипломаты активно развивали двусторонние отношения с Японией, возобновив англо-японский морской союзный договор и распространив союзные обязательства Японии на случай нападения какой-либо державы на Индию и признав, в свою очередь, протекторат Японии над Кореей. Таким образом, в сложившейся ситуации английская дипломатия могла использовать Японию как против Германии, так и, в случае необходимости, против России.

Следующим успехом внешней политики, закрепившим ориентацию России на Антанту, стало подписание в августе 1907 г. англо-русского соглашения. Соглашение касалось уре-

гулирования спорных вопросов в Афганистане, Тибете и Персии, причем последняя была разделена на 3 части: северную, закрепленную за Россией; юго-восточную, закрепленную за Англией и среднюю, считавшуюся нейтральной. Каждая сторона обязывалась не добиваться концессий политического или экономического свойства в границах чужой сферы влияния и не препятствовать получению партнером концессий в своей зоне. В нейтральной зоне каждая сторона сохраняла право добиваться концессий, не мешая подобным действиям другого участника договора.

Соглашение предусматривало также право контроля над доходами персидского правительства в русской и английской зонах, который предполагалось ввести в случае задержки персидских платежей русскому Учетно-кредитному и английскому Шахиншахскому банкам. Меры, предпринимаемые для контроля, должны были согласовываться между договаривающимися сторонами.

Согласно подписанному документу Россия признавала Афганистан частью английской сферы влияния и обязывалась пользоваться британским посредничеством для всех контактов с этой страной. Что же касается Тибета, то обе договаривающиеся стороны обязались не нарушать его территориальной целостности и устанавливать контакты с ним только через правительство Китая.

Соглашение 1907 г. укрепило антигерманскую коалицию, став основой для так называемого Тройственного согласия (Тройственной Антанты), состоящей из Великобритании, Франции и России и противостоящей Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии, причем Италия была фактически нейтрализована франко-итальянским соглашением 1902 г.. Таким образом, к 1907 г. Германия оказалась в определенной политической изоляции, поддерживая тесные союзнические отношения только со слабеющей Австро-Венгрией. В этой ситуации соглашения всех членов Антанты с Японией подвергали опасности германские интересы в регионе Дальнего Востока и обеспечивали тылы стран — участниц Тройственного согласия.

Однако сложившаяся система договоров не разрешала противоречий, существующих в мировой политике, а, напротив, способствовала дальнейшему обострению отношений между противоборствующими сторонами. Кроме того, система соглашений, сложившаяся в рамках Антанты, не до конца решала противоречия, существовавшие между членами этого блока (особенно между Англией и Россией, Японией и Россией), что сделало возможной дипломатическую борьбу Германии за отрыв России от Тройственного согласия.

В 1910—1911 гг. германская дипломатия, используя англо-русские противоречия в Персии, предприняла очередную попытку оторвать Россию от Антанты. Во время встречи Вильгельма II и Николая II в Потсдаме канцлер Бетман-Гольвег и статс-секретарь по иностранным делам Кидерлен-Вехтер вступили в переговоры с новым русским министром иностранных дел Сазоновым. Германское правительство предлагало признать сферой русского влияния Северный Иран в обмен на согласие России не препятствовать немцам в сооружении магистрали от Багдадской железной дороги к Ханекену, расположенному на турецко-иранской границе. Самым важным пунктом этого проекта было взаимное обязательство России и Германии не вступать во враждебные друг другу группировки. Русское правительство стремилось выиграть время для перевооружения и поэтому хотело улучшить отношения с Германией. Но этот договор означал, по существу, разрыв союза с Англией, что в конечном счете не входило в планы России. Соглашение, получившее название Потсдамского, в 1911 г. было все же подписано Сазоновым, но в измененной редакции (оно касалось только персидского и турецкого вопросов; пункт о неучастии Германии и России во враждебных друг другу группировках был отклонен). Усилия германской дипломатии и на этот раз не увенчались успехом.

В том же году Германия развязала 2-й Марокканский кризис. Германское правительство решило выступить в связи с тем, что весной 1911 г. французские войска под предлогом подавления восставшего населения заняли столицу Марокко - город Фец. Таким образом Марокко превращалось в колонию Франции. Оккупацией двух марокканских гаваней —

Агадира и Магодара — немецкие правящие круги рассчитывали вынудить Францию дать крупные компенсации. Но Антанта вновь показала свою жизнеспособность. Английское правительство, не желая допустить усиления Германии в Марокко, заявило, что Англия готова воевать на стороне Франции. Были приняты меры для приведения в боевую готовность английского флота. И Германия не решилась начать войну. Её флот был недостаточно силён, чтобы вступить в борьбу с английским. Длительные и напряжённые переговоры между странами по марокканскому вопросу завершились тем, что германское правительство признало протекторат Франции над Марокко, получив взамен часть французского Конго, прилегающую к германскому Камеруну.

Обострение международных отношений в 1911 г. создало благоприятную обстановку для захвата Италией двух африканских провинций: Туруни-Триполи и Киренаики. Ни Тройственный союз, ни Антанта, заинтересованные в Италии как в союзнике, не помешали осуществлению ее плана. Согласие Франции на захват Триполи итальянское правительство имело уже давно. Война между Турцией и Италией, начавшаяся в сентябре 1911 г., закончилась быстрым разгромом слабых турецких сил. 15 октября 1912 г. в Лозанне был подписан мирный договор, по которому султан передавал Италии Триполи и Киренаику. Италия получила новую колонию — Ливию.

§ 10. Политика двух враждующих блоков на Балканах. Балканские войны

Поражение Турции в войне с Италией стало еще одним показателем слабости Османской империи, стимулировавшим внешнеполитическую активность балканских государств, стремившихся к расширению своих территорий за счет турецких территориальных владений в Европе, а также стимулировавшим активность великих держав на Балканах, направленную на привлечение новых союзников во враждующие блоки. Под воздействием стран - членов Антанты государства Балканского п-ова приступили к формированию собственного военно-политического блока, направленного против Турции. Особенно большую активность при формировании балканского блока проявила Россия, традиционно пользовавшаяся авторитетом среди балканских народов и стремившаяся использовать данное военно-политическое объединение не только против Турции, но и против Австро-Венгрии.

Переговоры о создании балканского блока начались по инициативе Сербии в апреле 1911 г., когда сербский премьер-министр предложил руководству Болгарии через посланника в Белграде заключить соглашение о разделе сфер влияния в Македонии. По мнению правящих кругов Сербии, данное соглашение могло стать основой и для совместных действий двух государств против Турции. МИД России в целом одобрил идею сербо-болгарского блока, увидев в нем возможность установить более тесные контакты с Болгарией и тем самым предотвратить возможную ориентацию

этой страны на австро-германский блок. Правительство Франции также положительно оценило инициативу сербов.

Одобрение двух великих держав стимулировало переговоры, и 13 марта 1912 г. сербо-болгарский договор был подписан. Согласно договору, стороны гарантировали друг другу целостность и неприкосновенность территорий, обязывались оказывать друг другу поддержку в случае нападения какой-либо великой державы, а также в случае попыток аннексии европейскими державами какой-либо части балканских территорий, находящихся на момент заключения договора под властью турок. Договор сопровождался секретным приложением, предусматривавшим активные действия против Османской империи (с согласия России), в случае, если развитие внутри- и внешнеполитических проблем этой державы будут способствовать нарушению статус-кво на Балканском п-ове. Приложение содержало также перечень условий раздела территорий, которые планировалось отвоевать у Турции. Кроме того, договор предусматривал заключение военной конвенции.

Практически одновременно с сербо-болгарскими переговорами проходили и греко-болгарские переговоры, завершившиеся в мае 1912 г. заключением союзного договора, в соответствии с которым стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь при

нападении Турции, а также в случае нарушения Турцией их прав, вытекающих из международных договоров и в целом из международного права. Необходимо отметить, что, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, условия вступления балканских стран в войну против Турции, отмеченные как в сербско-болгарском, так и в греко-болгарском договорах, были обозначены достаточно неопределенно, допуская, фактически, неограниченный выбор предлога для развязывания войны.

Активно участвуя в создании балканского блока, Россия и Франция предполагали, что будут достаточно жестко контролировать развитие событий на Балканском п-ове, однако удержать ситуацию под контролем не смогли, и в октябре 1912 г. страны — участницы балканского блока открыли военные действия против Турции, в ходе которых турецкая армия потерпела быстрое и сокрушительное поражение. Уже 3 ноября 1912 г. правительство Османской империи, оценив обстановку, обратилось к великим державам с предложением о посредничестве в мирных переговорах с южнославянскими государствами и Грецией. На это предложение практически сразу откликнулись Россия и Австро-Венгрия, опасавшиеся, что изменение расстановки сил на Балканах и Ближнем Востоке ударит по их государственным интересам.

Русское правительство выступило с предложением к воюющим сторонам об организации международной конференции, на которой, по мысли русских дипломатов, можно было бы обсудить все спорные вопросы и урегулировать возникший военный конфликт. Российское предложение было принято, и конференция балканских стран и Турции состоялась в середине декабря 1912 г. в Лондоне. Параллельно в Лондоне проходили заседания представителей великих держав, на которых также обсуждался балканский вопрос. Как Турция, так и ее противники пользовались покровительством того или иного блока ведущих стран Европы: защитниками интересов Турции выступили Германия и Австро-Венгрия, а защитниками интересов балканских государств — страны Антанты, и прежде всего Россия. Однако, необходимо отметить, что представители обоих блоков выступили в защиту территориальных претензий Болгарии, колебавшейся между Антантой и Тройственным союзом, с целью привлечь ее на свою сторону.

Мирный договор, явившийся заключительным актом балканской войны, был подписан в Лондоне 30 мая 1913 г. Согласно этому договору, практически вся территория Европейской Турции, кроме Константинополя и побережья проливов отходила к государствам балканского блока. Ряд спорных вопросов, оставшихся нерешенными на конференции, передавался на рассмотрение великим державам.

Балканская война в определенной степени ослабила позиции австро-германской группировки, т.к. значительное усиление Сербии вынуждало Австро-Венгрию в случае возникновения широкомасштабного конфликта в Европе уделить большее внимание балканскому фронту в ущерб проведению активных военных операций на российском фронте, кроме того, Турция, которую австро-германский блок рассматривал как союзника в грядущей войне, была ослаблена поражением и уже не могла эффективно действовать против российских войск.

В создавшейся ситуации страны австро-германского блока сконцентрировали свои усилия на том, чтобы разрушить балканский блок и привлечь на свою сторону Болгарию, во главе которой стояла немецкая династия и которая, кроме того, не смогла реализовать все свои планы относительно территориальных приращений за счет европейской части Турции, вследствие чего осложнились сербо-болгарские отношения. Необходимо отметить, что условия для деятельности австрийских и германских дипломатов на Балканах были достаточно благоприятными, т.к. часть членов балканского блока (Греция, Сербия, Черногория, а также примкнувшая к ним Румыния) стремились добиться территориальных уступок со стороны Болгарии, что дало возможность австро-германскому блоку активно подталкивать эту страну к войне со своими бывшими союзниками. С этой целью Австро-Венгрия обещала предоставить болгарскому правительству заем, дать Болгарии гарантии ее территориальной целостности, а также организовать военную поддержку со стороны Албании,

которая представляла угрозу с тыла Сербии — основного соперника Болгарии на Балканах.

Усилия австрийских дипломатов увенчались успехом, и 29 июня 1913 г. болгарские войска, уверенные в поддержке австрийцев, начали военные действия против Сербии и Греции, развязав таким образом вторую балканскую войну. Однако, несмотря на свои обещания, Австрия не оказала военной помощи Болгарии, что послужило одной из основных причин поражения болгарских войск. Потерпев поражение, Болгария запросила мира, и мирная конференция в Лондоне продолжилась. 10 августа 1913 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, в соответствии с которым Болгария потеряла не только большую часть завоеваний, приобретенных в ходе первой балканской войны, но и некоторые исконно болгарские территории. Поражение Болгарии во второй балканской войне и отход части ее территорий к балканским союзникам Антанты способствовал закреплению прогерманской ориентации болгарского руководства.

Таким образом, результаты второй балканской войны привели к изменению расстановки сил в этом регионе. Вместо единого балканского блока, создававшегося при активном участии Антанты для укрепления своего влияния на Балканах и противодействия политике австро-германского блока, на Балканском п-ове теперь существовали две группировки: с одной стороны — Сербия, Греция и Румыния, поддерживавшие политику Тройственного соглашения, и, с другой стороны, Болгария, вскоре вступившая в переговоры с Турцией, сблизившаяся с австро-германским блоком. Создававшаяся ситуация явилась показателем нарастания противоречий между враждующими блоками великих держав, заставлявших Германию, Австро-Венгрию, Англию, Францию и Россию путем различных дипломатических комбинаций привлекать на свою сторону как можно больше союзников.

§ 11. Международные отношения накануне и в период Первой мировой войны

Международные кризисы последнего предвоенного десятилетия и войны на Балканах способствовали крайнему обострению основных империалистических противоречий: англо-германских, франко-германских, русско-германских и русско-австрийских.

Накануне войны английский кабинет вступил в переговоры с Германией по колониальным вопросам. Было достигнуто соглашение о разделе португальских колоний в Африке (1913 г.) и соглашение о строительстве Багдадской железной дороги (1914 г.). Признав «специальные интересы» Англии в районе Персидского залива, германское правительство добилось концессии на постройку южного участка дороги от Багдада до Басры. Англичане перестали чинить препятствия Германии по финансированию Багдадской дороги. Британская дипломатия вела эти переговоры в целях замаскировать остроту англо-германского антагонизма, оттянуть момент столкновения с Германией. На практике эта политика приводила к поощрению германских стремлений к переделу мира и внушала Берлину иллюзорные надежды на то, что Англия не вступит в войну.

к началу 1914; года гонка вооружений во враждующих лагерях достигла огромных размеров. Лидерство в гонке вооружений оставалось за Германией. Накануне войны рейхстаг трижды принимал законы об увеличении состава армии в мирное время. Обладая наибольшими темпами развития экономики среди крупных империалистических держав Европы, Германия успела лучше и быстрее всех подготовиться к войне.

Мировая война началась 1 августа 1914 года и длилась до 11 ноября 1918 года. Масштабы её до конца 1917 года непрерывно расширялись.

Враждовавшие коалиции остро нуждались в новых союзниках, особенно центральные державы. Они всячески пытались вовлечь в войну другие государства. И это Германии удалось.

В Турции еще до начала войны армия была вооружена немецким оружием и обучалась немецкими инструкторами. 2 августа 1914 г. турецкие руководители подписали тайный союзный договор с Германией, полагая, что с немецкой помощью можно восстановить

могущество Турции, захватить ряд земель соседних государств. 11 августа в Константинополь прибыли два немецких крейсера. Германское правительство подкупило продажных сановников султана, которые организовали пиратский налет германо-турецкой эскадры на русские порты. 4 ноября 1914 г. Россия, 5-го и 6-го Англия и Франция объявили Турции войну. Главные силы турецкой армии в конце 1914 г. атаковали русских в Закавказье, но в Сарыкамышском сражении потерпели крупное поражение. Провалилось и наступление турок на Суэцкий канал, предпринятое в 1915 г.

Британские правящие круги в конце 1914 г. провозгласили аннексию Кипра и Египта и устремили свои взоры на Палестину, Месопотамию и другие земли. Захватнические планы на Ближнем и Среднем Востоке имели и другие великие державы. Длительные переговоры о разделе Азиатской Турции привели к подписанию нескольких тайных соглашений, которые, правда, не устранили взаимного недоверия.

Весной 1915 г. Англия и Франция обещали царской России особые права в зоне черноморских проливов. Союзники манили царя и русскую буржуазию Константинополем, но сами пытались опередить русских. Типичным выразителем этих кругов был предприимчивый морской министр Черчилль.

С февраля 1915 г. английская эскадра, поддержанная французами, несколько раз тщетно пыталась форсировать Дарданеллы. Захлебнулись в крови атаки английских, австралийских и новозеландских войск, высаженных на полуострове Галлиполи. Весной 1916 г. капитулировал британский экспедиционный корпус, окруженный турками в Месопотамии. Еще раньше пришлось эвакуировать остатки экспедиционных сил из Галлиполи.

Таким образом, Антанта не сумела быстро одолеть даже относительно слабого противника. Сказались раздражавшие ее противоречия и скверная координация действий в отличие от германского блока, где утвердилось доминирующее влияние немецкого верховного командования. Военно-политическое руководство Австро-Венгрии, Турции, Болгарии вынуждено было подчинять свои замыслы указаниям из Берлина.

Начало мировой войны застало Италию в состоянии сильного внутреннего брожения и серьезных экономических трудностей. Сторонники сохранения нейтралитета опирались на немецкий капитал, контролировавший крупный «Банко коммерциале» и другие банки и фирмы. «Нейтралистов» возглавлял опытный политик, бывший премьер Джолитти. Он полагал, что и без вступления в войну Италия достигнет значительных результатов.

На присоединении к Антанте настаивали «интервентисты», стремившиеся разделаться с Австро-Венгрией, овладеть землями на Адриатике и в Малой Азии. Они считали, что война увеличит прибыли, шовинистический угар ослабит революционную активность пролетариата. Важную роль играло то обстоятельство, что французский капитал имел сильные позиции в промышленности Италии, а Великобритания эффективно действовала в сфере торговли. Возглавлявшееся Саландрой правительство твердо намеревалось не упускать представившийся «золотой случай». Премьер открыто провозгласил, что его кабинет будет руководствоваться «священным эгоизмом». Ведя одновременно переговоры с Антантой и центральными державами, он шантажировал обе воюющие стороны. Эта хитроумная тактика имела некоторый успех — в начале 1915 г. мировая общественность, плохо представлявшая истинные силы Италии, с напряженным вниманием ожидала дальнейших шагов Рима. Итальянский империализм стремился установить свой контроль над западной частью Балканского полуострова, помешать — в случае распада Габсбургской монархии — созданию единого и жизнеспособного югославского государства. Итальянские притязания стимулировались из Лондона. Англия и Франция сулили Италии Трентино, Триест и сферу экспансии на Балканах.

Германское правительство всячески пыталось удержать Италию от сближения с Антантой, почти ничего ей реально не обещая.

Тем временем в Италии кампания интервентистов принимала все больший размах. К хору пропагандистов «Великой Италии», таких, как писатель Д'Аннунцио, примкнул и Муссо-

линии. До мировой войны он редактировал газету социалистов «Аванти», а в ноябре 1914 г. высказался за вступление в войну. Ренегата исключили из социалистической партии. Он основал новую газету «Пополо д'Италия», — как позднее выяснилось, на французские деньги, — занявшую крайне правые позиции.

Весной 1915 г. переговоры Италии с Антантой пошли полным ходом. Англия и Франция сломали сопротивление русских дипломатов, долгое время возражавших против передачи славянских земель под эгиду Италии. 26 апреля в Лондоне был подписан секретный договор, обещавший Италии после войны ряд территорий Габсбургского государства, Албании и Турции. 3 мая 1915 г. Италия расторгла договор о Тройственном союзе, а 23 мая объявила Австро-Венгрии войну.

Почти год вело закулисные «торги» с Германией и Антантой правительство Болгарии. Клика царя Фердинанда Кобургского и националистические фракции болгарской буржуазии помышляли о захватах за счет соседних стран. Немецкая и австрийская дипломатия всячески разжигала болгаро-сербские противоречия, и в конце концов в сентябре 1915 г. Болгария официально примкнула к германскому блоку.

Еще в начале 1915 г. русский генеральный штаб предлагал осуществить силами всех держав Антанты большую операцию на Балканах. В случае успеха можно было полностью изолировать Турцию и облегчить положение Сербии и Черногории. Однако западные державы так ничего и не сделали для спасения Сербии и Черногории. Что касается русского командования, то после катастрофических неудач в Польше оно уже было бессильно что-либо предпринять.

Что касается русского командования, то после катастрофических неудач в Польше оно уже было бессильно что-либо предпринять.

1 октября 1915 г. правительство царя Фердинанда объявило Сербии войну. Вскоре войска Австро-Венгрии, Болгарии и Германии общей численностью до 500 тыс. человек обрушились на сербскую армию, насчитывающую всего 250 тыс. Только тогда в Салониках высадилось несколько французских и британских дивизий. Однако создание Салоникского фронта уже не помогло Сербии. Вся ее территория была оккупирована вражескими армиями. Остатки сербских войск, совершив тяжелый зимний переход через горы, достигли Адриатического моря и были перевезены судами Антанты на греческий остров Корфу. В начале 1916 г. подписало акт капитуляции правительство Черногории. Поражение Сербии позволило Германии установить прямую связь с Турцией.

Ресурсы союзных и оккупированных стран немецкое верховное командование и деловые круги старались целиком использовать в своих интересах. С 1915 г. развернулась пропаганда скорейшего создания большого таможенного блока под германским контролем. В нашумевшем памфлете «Срединная Европа» публицист Науманн ратовал за то, чтобы и Турция вошла в эту «Европу». Вскоре Германия навязала своим партнерам официальные переговоры по проблемам экономической интеграции.

Таким образом, в 1915 году Тройственный союз превратился в Четвертной. Италия окончательно перешла на сторону Антанты, а к державам центральной оси (Германии и Австро-Венгрии) присоединились Турция и Болгария. Однако расширение австро-германского блока не смогло обеспечить преимущества центральных держав в войне. Суммарный военный и экономический потенциал держав Антанты оказался выше, чем потенциал Тройственного союза. Слабая в военном и экономическом отношении Болгария, а также «дряхлающие» империи - Австро-Венгрия и Турция, переживавшие период распада в результате нарастания национально-освободительного движения находящихся под их властью народов, не могли быть надежными союзниками Германии в осуществлении ее планов передела мира. Несмотря на целый ряд достаточно успешных войсковых операций как на западном, так и на российском фронтах, положение Германии к 1917 г. максимально осложнилось и победа противников австро-германского блока стала практически неизбежной. Тем не менее боевые действия продолжались, нанося значительный урон воюющим странам с экономической и демографической точек зрения. В создавшихся условиях конфлик-

тующие стороны стали искать возможности выхода из войны и уточнять проекты после послевоенного устройства мира.

Международные отношения древности показали зарождение основных черт, специфических явлений, ставших тенденциями в отношениях между государствами и народами в последующие периоды человеческой истории. Документы стран Древнего Востока сообщают нам классический образец межгосударственного соглашения: мирный договор между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусилисом около 1280 г. до н.э. В названном договоре письменную форму обрели такие принципы международного права и поведения, как взаимное ненападение, невмешательство договаривающихся сторон в дела друг друга, обязательства взаимопомощи и военного союза, соглашение о выдаче преступников. Договор носил отпечаток примата военной силы над силой права. Древняя Греция и Древний Рим продемонстрировали некоторое усложнение процесса выработки и принятия внешнеполитических решений, а также дипломатических мероприятий. Политическая практика уже включала систему союзов (союзы эллинистической Греции). Дипломатия начала приобретать ясные очертания самоидентификации по сравнению с военными методами и средствами разрешения спорных проблем между государствами, полисами, племенными объединениями и народами. В документах античности нашли отражение торговые и военно-морские интересы государств. Очевидно, что Древняя Греция, несмотря на всю яркость внешнеполитического поведения, например Афин, так и не смогла подвести под свою дипломатию солидную юридическую основу.

Древнему Риму удалось, в отличие от Древней Греции, довести до совершенства юридическую форму применительно к внешней политике, внешнеэкономической деятельности и международной торговле. Геополитические аспекты древнегреческой и древнеримской дипломатии оказались тесно увязанными с решением проблемы на уровне «метрополия—колония», которая определяла специфику поведения морских держав в международных делах.

Наряду с традиционными методами внешнеполитического самоутверждения, как, например, колониальная экспансия, Римская империя привнесла качественно новое явление - арбитраж и посредничество, которое «высветило» на многие века вперед миротворческую грань поведения государств на международной арене.

В Средние века и Новое время радикально изменились формы и методы государственного поведения и урегулирования конфликтов, возникли различные варианты частной войны. Международные дела постепенно приобрели контуры целостной системы. Например, формула «мир—ряд» исчерпывала отношения влиятельнейшей на Западе и Востоке Византийской империи с Киевской Русью, молодым государством, развивающим динамичную внешнюю политику и глубокую, дальнюю территориальную экспансию, а также с теми малыми государствами и племенными объединениями, которые входили в орбиту влияния Константинополя и Киева.

Разгром и исчезновение с карты мира Хазарского каганата показали, что положение буферного государства, стоящего и живущего на межцивилизационных границах, неустойчиво и меняется в зависимости от интересов супердержав. Крах Хазарии также свидетельствовал о стратегическом видении и оперативной «гибкости» греческих дипломатов. Византия стремилась избавиться от бывшего хазарского союзника в угоду экспансивным киевским князьям и в условиях все возрастающего мусульманского военно-политического натиска с юга.

Другим примером целостной системы международных отношений, но уже Нового времени, выступает знаменитая Вестфальская мирная система. Вестфальский мир 1648 г. не только «перекроил» политическую карту Европы и признал победителями Францию и Швецию. Окончание Тридцатилетней войны означало появление новых сил, новых действующих лиц в международных отношениях. Национальное государство с территориальной целостностью оказалось важнейшим субъектом новой системы.

Именно территория, выгодная в военном, торгово-экономическом, геополитическом от-

ношениях, была объектом и целью завоевания для участников Тридцатилетней войны. Именно территориальные государства - Франция и Швеция - были объявлены главными гарантами Вестфальского мира. Символично, что в разгар Тридцатилетней войны во Франции был опубликован фундаментальный труд юриста и государственного деятеля Гуго Гроция «Три книги о праве войны и мира» (1625 г.). Г. Гроций отразил стремления многих лиц, разрабатывающих и принимающих решения, к формализации гуманитарных обычаев ведения войны и принципы урегулирования конфликтов.

Если в XIX столетии господствовали тенденции революции и борьбы национальных государств за независимость, -то в XX веке началась откровенная борьба между великими колониальными державами, бывшими некогда национальными государствами с ограниченным масштабом внешнеполитической деятельности.

Противоречия между великими европейскими державами приобрели антагонистическую форму. Появились блоки государств - Антанта и Тройственный союз, которые непрерывно наращивали свой военно-экономический потенциал и политические возможности, осваивали новые рынки сбыта товаров и вывоза капитала. Столкновение интересов государств оказалось неизбежным. Человечество было вовлечено в Первую мировую войну

Вторая часть настоящего пособия посвящена событиям и основным тенденциям периода между двумя мировыми войнами. Называемый в отечественной и зарубежной историографии межвоенный период насыщен кардинальными переменами в системе международных отношений. Это время становления, постепенной ревизии, нарастающего кризиса и ломки Версальской системы, а также время попыток великих держав создать организацию миротворческого и регулирующего свойства - Лигу Наций.

Авторы пособия прежде всего подробно рассмотрели итоги Первой мировой войны, которые наиболее отчетливо проявились в работе и решениях Версальской (Парижской) мирной конференции 1919 г. Вместе с тем ставилась задача исследовать результаты работы других, не менее важных международных конференций и совещаний, которые существенным образом повлияли на расстановку сил и оформление системы мирового порядка в 1920-1930-е годы. Конкретно часть вторая изучает Генуэзскую, Гаагскую, Московскую по разоружению, Лозаннскую конференции.

Версальская система, едва возникнув, стала переживать различные корректировки. Система претерпела серьезные изменения и испытания в результате инициативных действий отдельных европейских государств. Поэтому авторы обратились к рассмотрению эволюции внешней политики Франции, нацистской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии, Советского Союза, Соединенных Штатов.

Вторая часть содержит подробный анализ таких важных тенденций международной жизни, как развитие репарационного вопроса, значение Пакта четырех, ревизия Версальской системы как таковой, строительство французской системы безопасности, феномен Дунайской Антанты, наращивание агрессивных усилий Японии на Дальнем Востоке, аншлюс Австрии и обострение судетской проблемы в контексте политики расширения "жизненного пространства" Третьего рейха, эскалация советско-финского конфликта 1939-1940 гг. и ряд других.

ГЛАВА 1

ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА

§ 1. Позиции европейских стран и США по вопросам послевоенного устройства мира

К моменту официального окончания войны единство союзных держав, противостоявших германскому блоку, было в значительной степени поколеблено. Державы были заинтересованы в закреплении своей победы над германским блоком, однако их взгляды

на ряд важных вопросов послевоенного урегулирования отличались: каждая из основных стран-победительниц стремилась усилить свои позиции на международной арене как за счет побежденных, так и за счет своих союзников. Каждая из великих держав сформулировала свой план послевоенного переустройства мира.

После разгрома Германии и ее союзников военное превосходство оказалось на стороне Франции: французская армия, занявшая выгодные стратегические позиции на Рейне, представляла собой наиболее внушительную силу в Европе. Французские правящие круги попытались использовать это обстоятельство для воплощения в жизнь своей программы мирного урегулирования. Основным пунктом этой программы было максимальное ослабление Германии, традиционного соперника Франции, заключавшееся в отторжении от нее экономически и стратегически важных районов (Эльзас, Лотарингия, Рурская область, Саарский угольный бассейн), а также во взимании с нее огромной контрибуции. Наиболее агрессивные представители французской правящей элиты требовали пересмотра границ Германии по образцу Вестфальского мира 1648 г., что означало расчленение Германии на ряд мелких государств, а также проведение франко-германской границы по Рейну. Для достижения своих целей французское руководство, в частности, активно поддерживало сепаратистские группировки в Рейнской области и Баварии.

Кроме того, французы планировали создать вокруг Германии блок государств, призванных стать надежными политическими и военными союзниками Франции, которые смогли бы стать равноценной заменой Российской империи, вышедшей из лагеря Антанты. В состав блока должны были войти воссозданные Польша и Чехословакия, а также Румыния и Югославия, с которыми Франция поддерживала традиционно хорошие отношения. Выступая за присоединение к этим государствам части немецких территорий, французские лидеры рассчитывали на то, что новые союзники, опасаясь германского реванша, будут способствовать сохранению сложившейся в послевоенной Европе расстановки сил.

Программа послевоенного устройства, выдвинутая Францией, включала также претензии на некоторые германские колонии и на часть арабских территорий Османской империи, приобретение которых укрепляло престиж Французской Республики и ее положение в системе мировых политических и экономических связей.

Английский план мирного урегулирования во многом противоречил французскому. Добившись разгрома Германии, английские правящие круги намерены были оказать противодействие французским претензиям на доминирование в Европе и создать условия для восстановления баланса сил между Францией и Германией. Британия выступила против передачи германских территорий Франции и ее союзникам, а также против далеко идущего ослабления Германии в экономическом и военном отношении. В то же время Англия настаивала на лишении Германии основной части ее военного и торгового флота и требовала уплаты больших репараций. Английские интересы сталкивались с французскими и в вопросе о разделе Османской империи и германских колоний. Английское руководство, стремившееся в то время создать цепь своих протекторатов, соединяющих африканские и азиатские колонии Британии, не было заинтересовано в расширении французского присутствия в Африке и на Ближнем Востоке.

Что же касается Соединенных Штатов, то они также стремились предложить свою программу послевоенного устройства мира, тем более что расширение экономических возможностей этой страны стимулировало ее внешнеполитическую активность, заставляя вмешиваться в европейские дела. Вступив в войну на заключительной ее стадии, США тем не менее намеревались навязать ее участникам свой план послевоенного устройства мира. Об этом убедительно свидетельствовали «14 пунктов» В. Вильсона. Таким образом, обострение отношений США со своими европейскими союзниками было практически неизбежно. Если основными противоречиями, вызвавшими Первую мировую войну, были англо-германские противоречия, то после разгрома Германии основная угроза английскому господству на море и в колониях исходила от Соединенных Штатов Америки, быстрыми темпами строивших крупный военно-морской флот и требовавших применения доктрины Хэя ко всем колониальным владениям. Отметим также, что противодействие Соединенных Штатов попыткам установления французской гегемонии в Европе приводило к обострению их отношений еще и с Францией.

Однако США, несмотря на свою усилившуюся экономическую мощь, так же как и Англия и Франция, не могли полностью реализовать свою программу, т.к. состояние американских вооруженных сил в то время еще не соответствовало весу этой страны в мировой экономике, американский флот серьезно уступал английскому по тоннажу, сеть военных и военно-морских баз была неразвита, а американская экспедиционная армия в Европе не представляла собой боевой силы, способной соперничать с французскими войсками.

Свой план послевоенного устройства мира выдвинула и Япония. В годы войны эта страна захватила германские владения в Китае и в северной части Тихого океана и навязала неравноправный договор Китаю. Она значительно укрепила и свои экономические позиции, заняв по существу доминирующее положение в экономике Южной Азии. Воспользовавшись ослаблением влияния других держав на Дальнем Востоке, Япония потребовала не только закрепления за ней всех захваченных территорий, но и признания ее доминирования в Китае. Япония претендовала также на ряд российских территорий на Дальнем Востоке.

Италия, оказавшаяся, несмотря на систематические военные **поражения**, в числе держав-победительниц, также выступила с требованием присоединения **к ней ряда** территорий, принадлежавших ранее странам германского блока. Она **претендовала** на обширные территории бывшей Австро-Венгрии и настаивала на выделении крупной доли при разделе Османской империи. Не располагая значительной **военной** и экономической силой, итальянские правительственные круги рассчитывали **главным** образом на поддержку Великобритании, которая была заинтересована **в усилении** позиций Италии на международной арене в противовес Франции.

Таким образом, победа стран Антанты над Германией и Австро-Венгрией создала целый ряд проблем территориального, экономического и военного **характера**, решение которых вызвало значительные затруднения в лагере держав-победительниц главным образом из-за кардинальных различий в их интересах. Данные **проблемы**, возникшие в отношениях между союзниками, предполагалось обсудить на совместной мирной конференции, которую предполагалось созвать в начале 1919 г. В **спектр** задач, которые была призвана решить конференция, входило и подписание мирного договора с Германией, условия которого и определили бы во многом характер послевоенного устройства мира.

§ 2. Формирование послевоенной системы международных отношений. Парижская мирная конференция и Версальский договор

Мирная конференция официально открылась в Париже 18 января 1918 г. Она продолжалась немногим больше года и закончила свою работу 21 января 1920 г. На конференции было представлено 27 государств, принадлежащих к лагерю победителей. Ведущую роль на конференции играли 3 державы: Англия, Франция и США. Япония, которая была заинтересована главным образом в решении дальневосточных вопросов, не проявляла большой активности при обсуждении европейских дел.

Основная работа конференции сосредоточилась в ее руководящих органах, в состав которых входили лишь представители ведущих держав. В начале главную роль на конференции играл так называемый «совет десяти», состоявший из глав правительств, министров иностранных дел или специальных представителей США, Англии, Франции, Италии и Японии. В марте 1919 г. был создан более компактный орган - «совет четырех», в который входили президент США В. Вильсон, премьер-министр Англии Ллойд-Джордж, глава французского правительства Клемансо и премьер-министр Италии Орландо. На более поздней стадии функционировал другой руководящий орган конференции - «Совет пяти», в составе которого были министры иностранных дел Англии, Франции, США, Италии и специальный представитель Японии.

Основными вопросами, обсуждавшимися как пленарными заседаниями конференции, так и руководящими советами, были следующие: русский вопрос, германский вопрос, вопрос о создании Лиги Наций и связанный с Лигой Наций вопрос о судьбе германских колоний и территорий бывшей Османской империи.

Обсуждение русского вопроса было обусловлено целым рядом факторов и главным образом теми изменениями роли России в мировой экономике, которые произошли в результате Октябрьской революции 1917 г. Дискуссия, развернувшаяся на конференции по русскому вопросу, была посвящена формам и методам воздействия на новое руководство России с целью получения довоенных и военных российских долгов, а также возвращения иностранной собственности. В ходе дискуссии наметились 2 основных подхода. Приверженцы первого (Англия и США) высказывались за переход от прямой интервенции к поддержке контрреволюционных движений на советской территории и к другим мерам непрямого воздействия. Второй подход, предусматривавший продолжение прямого военного воздействия на большевиков, активно отстаивался представителями Франции.

Чтобы создать более благоприятные условия для консолидации антибольшевистских сил в России руководители Парижской мирной конференции прибегли к ряду дипломатических маневров. В январе 1919 г. в «совете десяти» обсуждалось предложение Ллойд-

Джорджа и Вильсона о созыве конференции представителей всех борющихся в России группировок. В качестве предварительного условия созыва такой конференции выдвигалось требование прекращения военных действий. Советское руководство согласилось на участие в конференции, а также на переговоры относительно долгов и концессий, однако благодаря усилиям французской дипломатии, конференция не состоялась.

Тем временем для переговоров с большевиками в Москву был направлен сотрудник аппарата американской делегации на Парижской мирной конференции У. Буллит, выступавший не только от имени США, но и Англии. В результате переговоров был выработан проект соглашения между большевиками и их противниками при условии вывода из России иностранных войск. Погашение прежних долгов России должно было быть распределено между всеми правительствами, существовавшими в тот период на российской территории. В целом данный договор в случае его осуществления способствовал бы ослаблению антисоветских движений, существовавших в основном на западные деньги. Видимо осознав это, Англия и США дезавуировали Буллита.

Параллельно с переговорами, державы рассматривали проекты разделения России на сферы влияния, что нашло отражение в соответствующих соглашениях. Отметим, что на территории бывшей Российской империи претендовали не только великие державы, но даже Иран, стремившийся вернуть назад ряд территорий, потерянных во время войн с Россией, в частности Азербайджан.

В целом данный вопрос не был решен на конференции.

Русский вопрос не был основным на Парижской конференции. Противоречия между державами-победительницами нашли свое наиболее яркое выражение при обсуждении других вопросов, перечисленных выше.

Глубокие разногласия вызвало обсуждение вопроса о структуре и полномочиях проектируемой международной организации - Лиги Наций. Кроме всего прочего, этот вопрос был связан с разделом германских колоний и территорий Османской империи. Необходимо также отметить, что созданием Лиги Наций, призванной решать межгосударственные противоречия мирным путем, правительства стран-победительниц отдавали дань пацифистским настроениям мировой общественности, в то же время противопоставляя эту организацию миротворческим усилиям большевиков, провозглашавших принципы демократического и справедливого мира.

Различные проекты создания международной организации начали вырабатываться в странах Антанты еще до окончания войны, хотя в литературе широко распространено мнение, что Лига является детищем Вильсона.

Проект Лиги Наций, разработанный во Франции специальной правительственной комиссией под руководством министра труда Л. Буржуа, имел ярко выраженную антигерманскую направленность. По французской схеме предполагалось создание международного генерального штаба для руководства вооруженными силами государств — членов Лиги, а также формирование международных вооруженных сил, выделенных в распоряжение этого штаба. Французский проект не мог удовлетворить ни Англию, ни США. Обе эти державы были против создания международных вооруженных сил и генерального штаба, которые неизбежно попали бы под контроль Франции, оказавшейся после разгрома Германии сильнейшей военной державой в Европе.

Английский проект Лиги Наций, подготовленный правительственной комиссией во главе с лордом Филлимором, в своем первоначальном виде предусматривал по существу создание не международной организации, а нового союза крупных держав, связанных обязательством не нарушать статус-кво в отношении колоний и сфер влияния. Основной целью этого проекта было обеспечение безопасности английской колониальной империи от покушений со стороны других империалистических государств.

Американский проект, разработанный комиссией во главе с советником Вильсона полковником Хаузом, подразумевал взаимные гарантии территориальной целостности и политической независимости всех членов Лиги. Вместе с тем в нем предусматривалась возможность пересмотра границ существовавших тогда государственных образований, если члены делегаций Лиги Наций признают их не отвечающими изменившимся национальным условиям и стремлениям в соответствии с принципом самоопределения наций. За этим проектом скрывалось стремление США утвердиться на территориях, контролируемых Англией и Францией.

Принятый конференцией Устав Лиги Наций явился плодом компромисса, включив в себя положения и английского и американского проектов. Устав определял структуру организации, полномочия ее руководящих органов. В соответствии с Уставом главную роль в данной международной организации должна была играть Ассамблея, представлявшая всех членов Лиги, кроме того, создавался также Совет, обладавший практически такими же полномочиями и включавший в себя представителей 5 главных держав-

победительниц и 4 «непостоянных членов» из числа других стран, избираемых Ассамблеей.

Явно под воздействием антивоенных настроений, характерных для общественного мнения Европы того времени, конференция включила в Устав Лиги статью, предусматривавшую возможность экономических санкций и коллективного военного выступления членов данной организации против государства, совершившего агрессию. Но т.к. по всем вопросам, за исключением процедурных, Совет и Ассамблея Лиги Наций должны были выносить решения единогласно, эффективность действий Лиги против агрессора была заведомо невелика. Практически любое малое государство, не говоря уже о великой державе, могло сорвать коллективные действия против агрессора. Отметим также, что в соответствующих статьях Устава Лиги Наций отсутствовало определение понятия «агрессор», что также сокращало возможность использования санкций против того или иного государства в случае какого-либо военного конфликта.

По замыслу создателей Лиги Наций, эта международная организация должна была действовать поддержанию и укреплению Версальской системы международных отношений, в связи с чем в ее Устав предполагалось включить тексты всех мирных договоров, заключенных после Первой мировой войны, причем побежденные страны, с которыми эти договоры заключались, первоначально не допускались в состав членов Лиги.

Ожесточенные споры на конференции разгорелись вокруг предложения Вильсона о передаче Лиге Наций бывших германских колоний и части турецких территорий, в то время как Англия, Франция и Япония, успевшие во время войны договориться в основном о разделе данных территорий, отстаивали возможность их прямой аннексии. Отстаивая свою позицию в этом вопросе, американская делегация использовала фактор отрицательного отношения мирового общественного мнения к расширению колониальных владений. На заседании «совета десяти» 27 января 1919 г. Вильсон заявил, что идея создания системы мандатов Лиги Наций «основана на широко распространенном во всем мире желании не допустить новых аннексий», в связи с чем президент настаивал на том, чтобы на этих территориях не разрешалась дискриминация членов Лиги в отношении таможенных пошлин, доступа к источникам сырья и т.д. Таким образом, президент США фактически требовал обеспечить возможность экспансии американского капитала на эти территории.

В течение длительного времени ни одна из сторон не шла на уступки, однако в итоге американцам пришлось уступить. Было решено, что Германия формально откажется от своих колоний, а Турция от своих арабских территорий в пользу Лиги Наций, которая от своего имени передаст мандаты на непосредственное управление этими территориями соответствующим державам-мандатариям. Мандаты должны были быть распределены между Англией, Францией, Японией и Бельгией. В сущности, под прикрытием мандатной системы Лиги Наций был произведен раздел колониальных владений побежденных стран. В качестве уступки Соединенным Штатам державы-мандатарии обязались соблюдать на переданных им территориях принцип «открытых дверей», что создало относительно благоприятные условия для проникновения американского экономического влияния в подмандатные районы, но не меняло того факта, что бывшие германские колонии и арабские территории Османской империи были практически присоединены к колониальным владениям Англии, Франции и Японии.

Раздел германских колоний был произведен в 1919 г. Основную часть Восточной Африки, за исключением ряда территорий, отошедших к Бельгии и Португалии, получила Англия. Того и Камерун были поделены между Англией и Францией, а германская часть Юго-Западной Африки перешла к английскому доминиону - Южно-Африканскому Союзу. Германскую часть Новой Гвинеи получил английский доминион Австралия, а острова Самоа - доминион Новая Зеландия. Японии были переданы германские владения в центральной части Тихого океана: Маршалловы, Марианские и Каролинские о-ва. Судьба арабских территорий Османской империи была решена позднее - в процессе заключения мирного договора с Турцией.

Несколько особняком стоял вопрос о китайской провинции Шаньдун, бывшей до войны фактически колонией Германии. Китай, объявивший войну Германии в 1917 г., настаивал на возвращении ему этой территории; свои претензии на эту провинцию предъявила также Япония, ссылаясь на соответствующие обещания, данные ей Англией и Францией и зафиксированные в тайных договорах 1917 г. Удовлетворение претензий Японии затрагивало интересы США, Англии и Франции, соперничавших с Японией в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Наиболее решительно против японских притязаний на Шаньдун выступали Соединенные Штаты, настаивавшие на применении доктрины «открытых дверей» ко всей

территории Китая. Более сдержанную позицию в этом вопросе занимали Англия и Франция, стремившиеся использовать Японию для противодействия американскому проникновению в Китай. Что же касается Японии, то она не желала отступать от своих требований. Чтобы усилить свои позиции в этом вопросе и привлечь на свою сторону симпатии народов Азии, японская делегация потребовала включить в устав Лиги Наций специальное положение, декларирующее равенство прав и религий.

Спор вокруг вопросов, выдвинутых Японией, продолжался в течение нескольких месяцев. Когда же в апреле 1919 г. в Париж была вызвана германская делегация для ознакомления с условиями договора, японская делегация решительно заявила, что если вопрос о Шаньдуне не будет решен в пользу Японии, то она покинет Париж, не подписав мирного договора. Эта угроза была сделана в один из самых критических моментов работы конференции. В сложившейся ситуации американская делегация сочла целесообразным пойти на сделку с Японией: Вильсон согласился отдать Японии Шаньдун с тем, чтобы она отказалась от своего требования по вопросу о равенстве рас.

Острый кризис возник на конференции и при обсуждении вопроса о новых границах Германии в Европе. Франция настаивала на перенесении западной границы Германии на Рейн и на занятии войсками союзников предместных укреплений на правом берегу Рейна. Эти требования были сформулированы французским правительством еще в конце 1918 г.

Не решаясь открыто требовать аннексии левобережья Рейна, населенного немцами и исторически составляющего неотъемлемую часть Германии, Франция предлагала превратить эту территорию в «независимую» республику. При этом статус нового государства должен был определяться не его населением, а правительствами Франции, Бельгии и Люксембурга. Предусматривалась постоянная оккупация новой республики иностранными войсками до окончания срока выполнения Германией всех условий мирного договора. Рейнская республика не могла иметь своих вооруженных сил, но ее население должно было нести воинскую повинность в составе французской и бельгийской армий. Экономические и иные связи нового государства с Германией могли осуществляться лишь в таких формах и масштабах, которые не противоречили бы интересам Франции.

Ни Англия, ни Соединенные Штаты не могли согласиться с таким вариантом решения вопроса. Принятие французского плана означало бы серьезное ослабление Германии и реальную угрозу установления французской гегемонии в Европе. Англия, со своей стороны, предлагала передать Франции лишь Эльзас и Лотарингию, захваченные Германией в 1871 г., а также предоставить Франции права на эксплуатацию в течение 10 лет угольных шахт Саара. Рейнская зона, согласно английскому проекту, подлежала демилитаризации. Американская сторона в вопросе о франко-германской границе в основном встала на сторону Англии.

Ни одна из трех делегаций не желала идти на уступки, однако, в конце концов, оказавшись в определенной политической изоляции, французские представители вынуждены были пойти на компромисс. В соответствии с новым проектом Франция получала Эльзас и Лотарингию, а Саарский угольный бассейн ставился на 15 лет под управление Лиги Наций. По истечении этого срока судьбу Саара должен был решить плебисцит местного населения. Франции было предоставлено право в течение 15 лет осуществлять экономический контроль над Саарскими угольными шахтами. Победители получали право в течение этого же периода оккупировать левый берег Рейна. Вдоль правого берега создавалась демилитаризованная зона шириной 50-60 км. Бельгии передавались округа Эйпен, Мальмеди и Моренэ. Соединенные Штаты и Англия, со своей стороны, обязались предоставить Франции взамен стратегической границы по Рейну гарантии против любой неспровоцированной агрессии со стороны Германии. Однако необходимо отметить, что американский сенат, отказавшийся впоследствии ратифицировать Версальский договор, не ратифицировал и франко-американский договор о гарантиях. В этих условиях Англия также сочла возможным впоследствии отказаться от своих обязательств перед Францией.

В не менее ожесточенной борьбе между Францией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами с другой, решался вопрос о восточных границах Германии. Франция была заинтересована в воссоздании Польского государства, подчиненного ее влиянию, для чего были, в частности, использованы территориальные противоречия между Польшей и Германией. Франция и др. ведущие державы-победительницы были заинтересованы в создании в этом районе своеобразного очага международной напряженности, что позволило бы им оказывать давление как на Германию, так и в случае необходимости на Польшу. В итоге по Версальскому договору польско-германская граница была проведена так, что значительная часть исконных польских земель в Померании, Силезии, Бранденбурге и Восточной Пруссии осталась за Германией. Выход к морю Польша получила лишь в виде узкого коридора, проходившего по территории Западной Пруссии. Порт Гданьск не был воссоединен с Польшей, а получил статут «вольного города», находивше-

гося под управлением комиссара Лиги Наций. Судьба Верхней Силезии, население которой было признано бесспорно польским, должна была решаться путем плебисцита. Плебисцит, проведенный в 1921 г. в условиях террора со стороны прогерманских элементов, привел к разделу этой древней польской территории между Германией и Польшей. 26 июня 1919 г. державы-победительницы санкционировали оккупацию Польшей Восточной Галиции. В общем и целом восточные границы Польши точно зафиксированы не были.

Часть территорий Германии была передана также Чехословакии, Литве и Дании. В общей сложности Германия была лишена 1/7 части своих прежних территорий, на которых проживала двенадцатая часть ее населения.

Что касается репарационного вопроса, то он также вызвал острые дискуссии на конференции, которые так и не привели к окончательному результату. Называвшиеся разными делегациями суммы репарационных платежей, которые предполагалось взыскать с Германии, достигали фантастических размеров. Общая сумма этих претензий составляла около одной тысячи миллиардов франков. Вскоре нереальность осуществления таких требований стала очевидной и начались споры о том, какой суммой ограничить материальные и финансовые претензии к Германии. Франция требовала возмещения ущерба, нанесенного гражданскому населению, т.к. в этом случае она могла претендовать на предоставление ей 60% всех германских платежей; Англия настаивала на компенсации за военные издержки, потому что при таком варианте решения вопроса она получила бы больше всех.

В конечном счете было принято компромиссное решение, по которому Германия должна была возместить ущерб, нанесенный гражданам союзных держав, и нести расходы на пенсионное обеспечение солдат стран Антанты и членов семей погибших.

Дальше этого в разрешении репарационного вопроса Парижская мирная конференция пойти не смогла. Ее участники не достигли соглашения ни об общей сумме германских репараций, ни о процентном распределении репарационных платежей между державами-победительницами. Решение этих вопросов было передано репарационной комиссии, в которую должны были войти представители Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии и Бельгии. В отдельных случаях к участию в работе репарационной комиссии вместо Бельгии предполагалось привлекать представителей Японии и Югославии. Таким образом, в Париже державы-победительницы возложили на Германию по существу ничем не ограниченные репарационные обязательства. Определенно была установлена лишь та сумма, которую Германия должна была уплатить до 1 мая 1921 г. - 20 млрд. марок. Под рубрикой реституции - возвращения захваченного имущества - в мирный договор было включено обязательство Германии выдать победителям значительную часть подвижного состава железных дорог и основную часть торгового флота. Союзники получили также право беспрепятственного транзита по всем сухопутным, водным и воздушным транспортным маршрутам Германии.

Чтобы затруднить возможность реванша со стороны Германии, в мирный договор, кроме постановлений об изменении ее границ, о репарационных и других обязательствах, был включен ряд статей, призванных ограничить военную мощь этой страны: численность германской армии ограничивалась количеством в 100 тыс. солдат и офицеров, Германии было предписано скрыть все сооружения береговой обороны за пределами зоны, непосредственно примыкавшей к ее побережью, а также все укрепления вдоль западной границы.

28 июня 1919 г. мирный договор с Германией, ставший во многом плодом компромисса между державами-победительницами, был подписан членами германской и союзных делегаций.

После заключения мирного договора с Германией Парижская конференция приступила к завершению работы над текстами мирных договоров с Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией. Как и Версальский договор, договоры с бывшими союзниками Германии представляли собой компромисс между державами-победительницами, отражавший существовавшее соотношение сил.

После окончания войны наиболее сильные позиции в Восточной Европе (в том числе в Дунайском бассейне и на Балканах) были у Франции, вооруженные силы которой находились в Болгарии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев и других странах. Поддерживая территориальные претензии Румынии, Польши и Чехословакии в отношении территорий, входивших ранее в состав Российской, Германской и Австро-Венгерской империй и Болгарии, Франция рассчитывала использовать эти страны при проведении своей политики в Европе. Французские интересы в Восточной Европе сталкивались с английскими и американскими. Англия добивалась крупных территориальных приращений для Греции, своего основного союзника в бассейне Средиземного моря, за счет побежденных Болгарии и Турции, кроме того, она выступала против передачи новым восточноевропейским государствам обширных территорий, принадлежавших Германии и Австро-Венгрии,

рассчитывая противопоставить побежденные страны Франции и ее потенциальным союзникам - Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии.

На Парижской конференции имели место также и столкновения между Италией, с одной стороны, и США, Англией и Францией - с другой. Италия стремилась укрепить свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе путем прямой аннексии некоторых территорий со славянским и австрийским населением. В соответствии с нормами, установленными секретными договорами, заключенными между союзниками в 1915-1917 гг., Италия должна была получить районы Трентино и Южного Тироля, Истрии с портами Триест и Пола, Далмацию и Додеканезские о-ва, протекторат над Албанией, существенную часть турецких территорий и значительные территориальные приращения к колониям в Африке.

После окончания войны, продемонстрировавшей слабость Италии в военном и экономическом отношении, другие державы-победительницы отказались признать претензии этой страны. Тем не менее итальянская сторона продолжала настаивать на выполнении условий тайных договоров. Получив отказ в итальянская делегация демонстративно покинула мирную конференцию и уехала в Рим. Однако этот эффектный жест не привел к желаемым результатам, более того, привел к дальнейшему ослаблению итальянских позиций на конференции.

В создавшихся непростых условиях и проходило подписание мирных договоров с союзниками Германии.

10 сентября 1919 г. в Сен-Жерменском дворце под Парижем был подписан мирный договор с Австрией, закрепивший распад Австро-Венгерской империи, произошедший в результате ее поражения в войне и подъема национально-освободительного движения в среде населявших ее народов. Австрия признала отделение от нее Венгрии, Чехословакии, части польских территорий, также согласилась на территориальные уступки в пользу Югославии и Румынии.

К Польше была присоединена Западная Галиция, к Чехословакии - Закарпатская Украина. Трансильвания и часть Баната, входившие ранее в состав Австро-Венгрии, были переданы Румынии. Румынии была передана и Буковина, а позднее, в 1920 г., Бессарабия.

Австрия отказалась от территорий, населенных южными славянами, за исключением части словенских районов. Точная граница между Королевством сербов, хорватов и словенцев и Италией не была зафиксирована в мирном договоре, т.к. участники Парижской конференции не смогли прийти к компромиссу по этому вопросу. В состав Югославии согласно договору вошла Черногория, а Италия получила важный стратегический район Южный Тироль.

Кроме всего прочего, Австрия лишилась военного и торгового флота в Адриатике и на Дунае, обязалась выплатить репарации победителям и соглашалась на беспрепятственный транзит любых грузов союзников через свою территорию. Военные статьи договора запрещали Австрии иметь постоянную армию.

27 ноября 1919 г. в парижском предместье Нейи был подписан мирный договор с Болгарией, согласно которому она понесла значительные территориальные потери: Добруджа была закреплена за Румынией, часть Македонии, входившую ранее в состав Болгарии, получила Югославия, Западная Фракия была передана Греции. Болгария, таким образом, теряла свыше 11 тыс. кв. км. своей территории и лишалась выхода к Эгейскому морю. На Болгарию возлагались тяжелые репарационные обязательства, составлявшие не менее четверти ее довоенного национального богатства. Вооруженные силы Болгарии предполагалось ограничить количеством 20 тыс. чел.

Подписание мирного договора с Венгрией задержалось из-за революционных событий в этой стране и состоялось только 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце. Этот договор воспроизводил в основном условия Сен-Жерменского договора. Венгрия признала границы новых государств - наследников Австро-Венгерской империи и ее соседей, кроме того, Венгрия отказалась в пользу Австрии от своей провинции Бургенланд. В итоге ее территория сократилась более чем в три раза, а население - более чем в 2,5 раза. Договор предусматривал выплату достаточно больших репараций победителям, сроки и общая сумма которых не были зафиксированы.

Особенно тяжелый договор был навязан Турции. Он был подписан в Севре 10 августа 1920 г. Договор зафиксировал потерю Турцией Сирии, Ливана, Палестины и Ирака, мандат на управление которыми был передан Лигой Наций Англии и Франции, а также ряда других арабских территорий, формально получивших политическую независимость. Разделу подверглась и собственно турецкая часть Османской империи. В различных юридических формах от Турции были отторгнуты такие территории, как Измир с обширным прилегающим районом, территории в Европе (в пользу Греции), Киликия и соседние с ней округа в южной Анатолии (в пользу Франции), часть восточной Анатолии (в пользу

независимой Армении), часть юго-восточной Анатолии (в пользу фактически подчиненного Англии, но формально независимого Курдистана). Кроме того, в Анатолии создавались сферы влияния Франции и Италии. Стамбул был оставлен туркам лишь условно - под обязательство строгого выполнения всех постановлений договора. Закреплялся режим капитуляций; державам-победительницам было предоставлено право контроля над финансами Турции, возобновлялись их концессионные права.

Согласно договору Босфор и Дарданеллы должны были быть открыты как в мирное, так и в военное время для торговых и военных судов всех стран. Контроль над выполнением этого условия передавался специальной комиссии в составе представителей Англии, Франции, США, Италии и Японии, располагающих двумя голосами и представителей Греции и Румынии, которым было предоставлено по одному голосу.

Таким образом, Версальский договор, являвшийся плодом компромисса, стал основой послевоенной системы мирного урегулирования. Он исходил из империалистических принципов решения мировых проблем и фактически фиксировал расстановку сил, сложившуюся в мире после разгрома Германии.

В целом, система договоров, разработанных на Парижской мирной конференции и заключенных между державами-победительницами и побежденными странами, была призвана обеспечить доминирование союзников по антигерманской коалиции в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке. Однако необходимо отметить, что Версальская система договоров создавала в международных отношениях ситуацию, чреватую частым обострением противоречий и конфликтами и, соответственно, не могла оставаться неизменной в длительной перспективе, в частности из-за существующей разницы в динамичности экономического развития государств, что приводило к усилению влияния на международные процессы одних держав и к ослаблению влияния других. Показателем непрочности сложившейся системы стало то, что США, самая динамично развивающаяся страна мира, практически отказалась стать гарантом ее стабильности, не ратифицировав Версальский договор как противоречащий интересам США. 25 августа 1921 г. Соединенные Штаты подписали сепаратный мирный договор с Германией. Из Версальского договора в него были включены лишь те пункты, где определенно фиксировались права США. Аналогичный характер носили и договоры США с бывшими союзниками Германии, что дает основание предположить, что Версальская система подверглась эрозии практически сразу после создания.

§ 3. Международные отношения на Дальнем Востоке после Первой мировой войны. Вашингтонская конференция

На Парижской мирной конференции были затронуты далеко не все проблемы международных отношений на Дальнем Востоке и урегулирование в этом регионе не было проведено в соответствии с новым соотношением сил, сложившимся после Первой мировой войны.

Как уже отмечалось, США вышли из войны значительно усилившимися, в связи с чем существенно возросли и их претензии на дидирующее положение в мире. Однако Парижская мирная конференция не оправдала их надежд: стремление американской дипломатии играть главную роль в решении международных проблем встретило активное сопротивление со стороны Великобритании, Франции и Японии. Таким образом, Соединенным Штатам не удалось получить свободный доступ на территории колониальных владений других держав и добиться доминирования на морях, а Устав Лиги Наций не обеспечил им руководящей роли в рамках этой международной организации.

В то же время Версальская система предоставляла большие преимущества Японии - главному сопернику США на Дальнем Востоке, что не могло не вызвать сильного беспокойства в американских правящих кругах. Версальская система не ликвидировала англо-японский морской союз, созданный в свое время против России, Германии и США. В Соединенных Штатах хорошо понимали истинную сущность данного союза. Видный американский политический деятель того времени сенатор Лодж говорил в 1922 г., что «англо-японский союз представляет собой наиболее опасный элемент в наших взаимоотношениях с Дальним Востоком и Тихим океаном... он вызывает растущую тревогу не только в США, но и в Канаде... Он поддерживает в Японии военный дух и ее приготовления на суше и на море к новым конфликтам».

В целом, передел мира, фактически осуществленный на Парижской конференции, нельзя было считать законченным без хотя бы временного урегулирования дальневосточных проблем. В связи с этим практически сразу после подписания мирных договоров с Германией и ее союзниками в руководстве США стали возникать планы созыва новой международной конференции, которая могла бы пересмотреть некоторые решения, при-

нятые союзниками в Париже, в пользу Соединенных штатов. Отметим также, что необходимость мирного урегулирования с Японией была обусловлена и внутриполитическими проблемами в США, связанными с борьбой правящей республиканской партии против демократов: после президентских выборов 1920 г. в США победившая республиканская партия заявила о намерении принять меры для сокращения вооружения и, соответственно, определенного сокращения налогов.

Япония также искала возможности мирного решения своих противоречий с американцами, так как под давлением английской конкуренции и сопротивления руководства и общественного мнения Китая японская торговля в Китае сократилась, интервенция в Сибири и на советском Дальнем Востоке становилась все более безнадежным делом, плохо отражавшимся на доходах японского бюджета.

Заинтересованность в пересмотре некоторых дальневосточных вопросов, а также вопросов, связанных с морскими вооружениями, возникла в Великобритании. В марте 1921 г. министр военно-морского флота Англии лорд Ли выступил с речью, в которой предложил установить равновесие между флотами Англии и США, заключив соответствующее соглашение на этот счет. Через месяц лорд Ли довел до сведения американского правительства, что Англия «готова отказаться от традиционной политики содержания флота, равного двум другим сильнейшим в мире флотам, и договориться с США о равенстве этих флотов». Англия при этом предлагала гарантировать безопасность США в Атлантике с тем, чтобы американцы имели возможность сконцентрировать свой флот в Тихом океане.

В ходе последовавших англо-американских переговоров США выступили с предложением ликвидации англо-японского союза. Попытки английских представителей найти компромиссное решение вопроса не имели успеха. Для давления на Англию американская дипломатия использовала Канаду: канадский премьер Мейген выступил с предложением о заключении договора 4-х держав (США, Великобритании, Франции и Японии) взамен англо-японского морского союза. Летом 1921 г. США использовали для давления на Англию ирландскую проблему. В связи с обсуждением в конгрессе вопроса о признании Ирландской республики, государственный секретарь США Юз заявил английскому послу, что решение конгресса будет зависеть от характера взаимоотношений между Англией и Японией. В создавшихся условиях британским дипломатам пришлось уступить.

В июле 1921 г. английское правительство рекомендовало президенту США Гардингу взять на себя инициативу созыва конференции для обсуждения вопроса о морских вооружениях, а также дальневосточного и тихоокеанского вопросов. 10 июля госсекретарь США Юз выступил с официальным предложением созвать международную конференцию в Вашингтоне.

Конференция открылась 12 ноября 1921 г. в составе представителей США, Англии, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии, Китая. Английские доминионы и Индия имели самостоятельное представительство на конференции. Официальная повестка дня включала следующие пункты: 1) ограничение морских вооружений; 2) урегулирование тихоокеанского и дальневосточного вопросов. Вопрос об англо-японском союзе не значился в повестке, тем не менее он являлся одной из главных проблем конференции, так как без его разрешения практически невозможно было прийти к соглашению по другим вопросам.

10 декабря 1921 г. американский представитель сенатор Лодж огласил проект договора 4-х держав — США, Великобритании, Франции и Японии — о взаимной гарантии неприкосновенности островных владений на Тихом океане. Попытки Италии добиться участия в договоре были решительно отвергнуты, а сам проект был одобрен практически без обсуждения.

Соглашение 4-х держав было достигнуто в результате длительной закулисной борьбы. Переговоры об этом соглашении между делегациями начались еще 1 декабря 1921 г. и велись в полной тайне между главами американской, английской и японской делегаций. Английская сторона вначале настаивала на заключении трехстороннего соглашения между США, Англией и Японией взамен англо-японского морского союза. Английский проект предусматривал возможность для двух договаривающихся сторон входить в военные соглашения друг с другом с условием, что эти соглашения будут носить оборонительный характер. Однако эти попытки Англии сохранить в иной форме англо-японский союз встретили сопротивление со стороны США, которые настояли на приглашении Франции к участию в соглашении. Серьезные англофранцузские разногласия по поводу раздела подмандатных территорий на Ближнем Востоке, а также в германском и других вопросах, большие размеры государственного долга Франции Соединенным Штатам давали основание американским дипломатам считать, что, привлекая Францию к этому соглашению, они усилят свои позиции по отношению к Англии и Японии.

Договор 4-х держав, подписанный 13 декабря 1921 г., явился одним из важных доку-

ментов Вашингтонской конференции. Он предусматривал совместные действия участвующих в нем сторон по защите их прав и интересов на Тихом океане. В договоре указывалось, что в случае, если права этих стран «подвергнутся опасности в силу наступательных действий какой-либо державы», то договаривающиеся стороны «войдут во взаимный, полный и откровенный обмен мнениями для того, чтобы достигнуть соглашения о наиболее действенных мерах, долженствующих быть принятыми». В договоре предусматривалось, что после обмена ратификационными грамотами англо-японский союз потеряет свою силу.

Вынужденный отказ Англии от договора с Японией явился крупным успехом американской дипломатии, заложившим фундамент доминирования Соединенных Штатов в Тихоокеанском регионе.

Большое внимание конференция уделила проблеме морских вооружений. Гонка морских вооружений была связана, прежде всего, с положением на Дальнем Востоке. Именно здесь многие международные противоречия не были урегулированы, а некоторые из них (в основном японо-американские) достигли крайней остроты.

Американские предложения по данному вопросу были внесены на первом заседании конференции в речи Юза. Предложенный Соединенными Штатами уровень морских вооружений предусматривал установление общего принципа пропорционального соотношения тоннажа военно-морских сил крупнейших держав по важнейшим категориям судов и установление пропорциональных норм для вспомогательных боевых сил, стремясь т.о. привести соотношение сил главных морских держав в соответствие со своими интересами, закрепив его международным соглашением. Американское предложение было рассчитано на то, чтобы США, ограничивая на время гонку морских вооружений, могли добиться ликвидации преобладания английского линейного флота над американским. Кроме того, выдвигая такую программу, американская дипломатия учитывала антивоенные настроения мирового общественного мнения, пытаясь заработать на этом определенный политический капитал.

Делегатам Англии и Японии было трудно не согласиться с американской программой, к тому же Англия даже более, чем США, была заинтересована в ограничении морских вооружений. Англия имела огромный флот, содержание которого требовало больших затрат, обременительных для британской экономики. Японский делегат адмирал Като также в принципе был согласен с американскими предложениями.

Когда же конференция перешла к обсуждению конкретных вопросов сокращения флотов, то обнаружили большие разногласия. Японцы настаивали на соотношении линейных флотов Англии, США и Японии в пропорции 10:10:7 вместо предложенных Юзом 10:10:6 и соглашались отказаться от своего требования только при условии, что США не будут строить военно-морские базы на Тихом океане. Американцы, в свою очередь, возражали против этого требования. Франция и Италия также оспаривали некоторые положения проекта.

Совместное давление США и Англии заставило французов согласиться на предложенный размер военно-морского тоннажа. В то же время Франция категорически отказалась пойти на сокращение сухопутных вооруженных сил, чего активно добивалась Англия. Настаивая на сокращении французских сухопутных вооружений, англичане добивались ослабления позиций Франции в Европе, а также углубления противоречий между Францией и США. Соединенные Штаты были заинтересованы в сокращении сухопутных вооруженных сил в международном масштабе, так как стремились ослабить мощную японскую армию, хотя и не имели ничего против французской сухопутной армии, служившей в качестве своеобразного противовеса английскому влиянию в Европе.

В результате острых противоречий по вопросу об ограничении сухопутных вооружений этот вопрос был снят с обсуждения. Не было также достигнуто никакого соглашения по вопросу о регламентации подводного флота и военно-воздушных сил.

Что же касается морских вооружений, то в результате упорной борьбы 6 февраля 1922 г. между США, Британской империей, Японией, Францией и Италией было подписано соглашение об их сокращении. Соглашение устанавливало соотношение тоннажа линейных судов и авианосцев в следующей пропорции: 5:5:3:1,73:1,75 (США, Англия, Япония, Франция, Италия соответственно). Было также принято предложение США о запрещении постройки линкоров водоизмещением свыше 35 тыс. т. Соглашение, получившее в литературе название «соглашение 5-ти держав», было заключено на срок до 31 декабря 1936 г.

Соглашение 5-ти держав ознаменовало собой официальное закрепление согласия Англии на принцип паритета линейных флотов США и Англии, что указывало на значительное изменение в соотношении сил между крупнейшими мировыми державами. Однако Великобритания продолжала сохранять преимущество в сфере контроля над важнейшими

морскими коммуникациями благодаря мощному крейсерскому флоту, не подвергнувшись сокращению по условиям соглашения, несмотря на все усилия американских дипломатов.

По настоянию Японии в **текст соглашения был вложен пункт о запрещении** сооружения новых военно-морских баз на Тихом океане **за исключением** прибрежных о-вов США, Канады, Австралии и **Новой Зеландии, зоны Панамского канала**, Гавайских о-вов, а также островов к западу от 110 меридиана. **Принятием** этого пункта было обусловлено согласие Японии на предложенную **американцами** пропорцию в соотношении линейных флотов. Япония, располагая хорошо оснащенными военными базами на своих тихоокеанских островах, добилась отказа США от права сооружать военные базы на Филиппинах, острове Гуам и Алеутских о-вах. Таким образом, США и Англия могли создавать военно-морские базы на расстоянии не ближе 5-6 тыс. км от японских берегов. Последующие события показали, что такая ситуация обеспечила японскому флоту возможность господствовать в азиатских водах и создала основу для экспансии этой страны в Юго-Восточной Азии.

Не менее важное значение имели и соглашения, посвященные положению в Китае, который в свое время отказался подписать Версальский договор в связи с тем, что бывшие германские владения на его территории были переданы японцам.

Китайская делегация на конференции выдвинула программу из 10 пунктов в качестве основных принципов для обсуждения. В программе делегации ставился вопрос об уважении территориальной целостности и политической независимости Китая со стороны великих держав. Программа предусматривала, что Китай, со своей стороны, не будет отчуждать или сдавать в аренду какой бы то ни было державе какую-либо часть своей территории. Соглашаясь с принципом «открытых дверей и равных возможностей», представители Китая настаивали на ликвидации всех специальных прав и привилегий иностранных держав на территории страны, на возвращении Китаю бывших немецких владений, ликвидации сфер влияния, вывод иностранных войск и т.д.

Американская делегация поддержала те из требований Китая, которые можно было использовать для ликвидации монопольных позиций японцев в ряде районов Китая, в то время как Япония отказалась обсуждать эти вопросы на конференции и потребовала их рассмотрения в рамках двусторонних переговоров между Японией и Китаем. США и Англия приняли эту процедуру, но добились согласия японцев на участие своих представителей на переговорах в качестве наблюдателей.

В результате закулисной борьбы, включавшей в себя, в частности, попытки японцев сменить правительство в Пекине, 4 февраля 1922 г. между Японией и Китаем было подписано соглашение, определившее условия возвращения Шаньдунской провинции, предусматривавшие, в частности, отказ Японии от исключительного права предоставлять Китаю займы под обеспечение налогами и направлять своих советников и инструкторов в китайское правительство и т.д. Данное соглашение означало пересмотр постановлений Версальского договора по этому вопросу, что можно расценивать как поражение японской дипломатии и успех американской внешней политики, ослабивший в определенной степени японское влияние в Китае.

Важным документом по китайскому вопросу на конференции явился договор 9-ти держав — США, Англии, Франции, Японии, Бельгии, Италии, Голландии, Португалии и Китая, — подписанный 6 февраля 1922 г. Договор обязывал подписавшие его страны уважать суверенитет Китая, его территориальную целостность, соблюдать принцип «открытых дверей». Договор обязывал его участников **воздерживаться** от использования существующей в Китае обстановки в целях **получения специальных** прав и преимуществ, не добиваться монополии или привилегий **в** какой-либо части Китая в ущерб интересам третьих стран.

Данный договор также можно отнести к достижениям американской дипломатии, так как он препятствовал разделу Китая на сферы влияния, а следовательно противоречил интересам Англии и Японии, ослабляя их влияние в регионе Дальнего Востока. Япония присоединилась к этому договору, несмотря на то что он был направлен против ее интересов, т.к. у нее не было другого выхода. Фактически Япония была изолирована на конференции*Однако, подписывая договор 9-ти держав, Япония, в целом, сохраняла определенную свободу маневра, т.к. данный документ не предусматривал каких-либо мер воздействия на его нарушителей.

Подводя итоги, можно сказать, что Вашингтонская конференция фактически завершила передел мира после Первой мировой войны, установив на некоторое время новый баланс сил на Тихом океане. Решения конференции стали одной из основ по-

слевоенного урегулирования на международной арене, составной частью Версальско-Вашингтонской системы, определившей основные тенденции и противоречия развития международных отношений почти на два десятилетия. Итоги конференции ознаменовали также значительные успехи американской дипломатии в борьбе за доминирование, по крайней мере, на Тихом океане.

§ 4. Россия в системе международных отношений 1920-х гг. Основные черты внешней политики РСФСР в 1918-1921 гг. Установление дипломатических отношений со странами Ближнего и Среднего Востока

Благодаря позиции нового большевистского руководства, заключившего сепаратный мир с Германией, отказавшегося в одностороннем порядке от уплаты иностранных долгов и национализировавшего иностранную собственность в России, Советское государство на мировой арене оказалось в положении аутсайдера. Политика большевиков дала державам-победительницам повод на Версальской конференции при обсуждении русского вопроса разрабатывать планы, связанные с силовым давлением на РСФСР как при помощи прямой военной интервенции, так и посредством поддержки антибольшевистских сил внутри России. Результатом такого положения вещей стала экономическая и дипломатическая блокада России со стороны стран Запада.

В создавшихся условиях советское руководство с целью выхода из внешнеполитической изоляции предприняло ряд политических шагов, направленных на установление дипломатических и интенсивное развитие экономических отношений со странами Ближнего и Среднего Востока.

Еще в конце 1917 - начале 1918 г. СНК РСФСР в нескольких дипломатических нотах сообщил правительству Ирана, что российская сторона готова обсудить вопрос о выводе войск с территории Северного Ирана, а также о денонсации англо-русского соглашения 1907 г. и ряда других соглашений, ущемляющих суверенитет этой страны. Иранское правительство приняло к сведению решение советского руководства и в свою очередь объявило утратившими всякую силу все договоры и соглашения, навязанные Ирану великими державами. Однако дальше деклараций дело не пошло, т.к. в середине 1918 г. Великобритания ввела свои войска в Иран, где было сформировано проанглийское правительство, прервавшее переговоры с большевиками.

Несмотря на это, правительство Советской России не оставляло попыток установить дружественные отношения с Тегераном. Такая настойчивость объясняется тем, что Иран расположен в непосредственной близости от границ РСФСР и угроза его использования в качестве плацдарма для наступления на территорию Советского государства казалась тогда вполне реальной. В течение 1918 - 1919 гг. в Иран были отправлены еще две российские миссии, основной задачей которых было заключение соответствующего договора, однако переговоры были сорваны иранской стороной.

Срыв переговоров был выгоден англичанам, т.к. в это время английские дипломаты вели переговоры о заключении нового англо-иранского соглашения, сохраняющего зависимость этой страны от Великобритании. Данное соглашение было подписано 9 августа 1919 года. Согласно этому документу Великобритания получала право назначать своих советников в государственный аппарат и армию Ирана. Иранской стороне был предоставлен заем под залог доходов иранских таможен; таможенные тарифы были пересмотрены в интересах Англии.

В этих условиях Советская Россия выступила с обращением, адресованным народу Ирана (28 августа 1919 года). Решив сыграть на антианглийских настроениях, советское руководство заявило, что не признает англо-персидского договора, т.к. он ведет к поражению Ирана. "Персия вычеркнута из числа независимых стран. Персидский народ исключен из числа свободных народов, его собственные деспоты и угнетатели получают деньги от Англии и окончательно превращаются в ее слуг..." — говорилось в обращении. Осудив таким образом это соглашение, советское правительство вновь предложило заключить равноправный советско-иранский договор на основе взаимовыгодного сотрудничества.

20 мая 1920 года иранское правительство откликнулось на этот призыв, сообщив, что намеревается послать в Баку и Москву делегации для ведения переговоров с советской стороной на прежних условиях. В ноябре 1920 года в Москву для переговоров с РСФСР прибыл чрезвычайный посол Ирана Али-Гули-хан Ансари, а 26 февраля 1921 года советско-иранский договор был подписан в Москве. В этот же день правительство Ирана заявило, что отказывается внести англо-иранский договор на рассмотрение меджлиса; меджлис одобрил это решение.

Советское правительство подтвердило свой отказ от собственности царской России на территории Ирана, а также то, что все договоры, конвенции и соглашения, заключенные царским правительством с Ираном и приводившие к ущемлению прав Ирана, объявлены отмененными и потерявшими силу. Все соглашения, заключенные Россией с третьими державами во вред Ирану, также были отменены; Советская Россия отказалась от участия в каких бы то ни было мероприятиях, нарушающих суверенитет этой страны. Договаривающиеся стороны согласились признать и соблюдать границу, установленную русско-персидским соглашением 1881 года; было оговорено право обоих государств совместно использовать пограничные реки.

В советско-иранский договор были включены также статьи, провозглашающие обязательства сторон не вмешиваться во внутренние дела друг друга, а так же статьи, обеспечивающие безопасность Советской России. Согласно ст. 5 (п. 1) договора, обе стороны обязывались «не допускать на своей территории образования или пребывания организаций, отдельных групп, или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против Персии и России, а так же против союзных с последней государств, а равным образом не допускать на своей территории вербовку или мобилизацию личного состава в ряды армии или вооруженных сил таковых организаций».

В пункте 3 той же статьи говорилось об обязательстве Ирана и России не допускать пребывания на своих территориях вооруженных сил какого-либо третьего государства, дабы предотвратить угрозу границам этих двух государств.

В ст. 6 предусматривалось следующее: «В случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России... и если Персидское Правительство... само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры». При устранении опасности советское правительство обязывалось немедленно вывести свои войска.

Нельзя не признать, что ст.6 данного договора некоторым образом ущемляла суверенитет Ирана, но, на наш взгляд, эта мера была необходимой в условиях того времени для обеспечения безопасности РСФСР.

Советско-иранский договор стал серьезной преградой на пути усиления влияния империалистических стран в Иране, кроме того, это был первый равноправный договор, подписанный Ираном с великой державой, опираясь на который он смог аннулировать соглашение с Великобританией 1919 г. и добиться вывода английских войск со своей территории. Все это способствовало усилению просоветских настроений в Иране и создавало основу для дальнейшего развития отношений между двумя странами.

Ведя переговоры с иранским правительством, советское руководство также принимало усилия для налаживания отношений с Афганистаном, в котором в то время активно развивалось национально-освободительное антианглийское движение.

В феврале 1919 г. к власти в Афганистане пришел молодой, энергичный Аманулла-хан, сторонник реформ в стране. 28 февраля он провозгласил политическую независимость Афганистана, которая немедленно была признана Советской республикой. 7 апреля 1919 г. Аманулла-хан направил председателю ВЦИК М. И. Калинину послание, в котором выражал желание установить с Советской Россией дружественные отношения. Вслед за этим в Ташкент прибыла чрезвычайная афганская миссия во главе с Мухаммед Вали-ханом, а летом того же года в Афганистан прибыл назначенный чрезвычайным и полномочным представителем РСФСР в странах Центральной Азии Я. З. Суриц.

Результатом переговоров стало сначала парафирование, а затем и подписание договора о дружбе между РСФСР и Афганистаном 28 февраля 1921 г. Целый ряд документов свидетельствует о том, что "общая политика ниспровержения империалистического деспотизма" была одним из основных факторов, обусловивших заключение договора.

По договору стороны признавали независимость друг друга и брали на себя обязательство не вступать в военное или политическое соглашение с третьей державой, которое нанесло бы ущерб другой стороне. Россия предоставляла Афганистану право на свободный и беспопыльный транзит через ее территорию товаров, закупленных как в России, так и за границей. Советская сторона согласилась также оказать своему южному соседу материальную и финансовую помощь, предоставить безвозмездную ссуду в размере 1 млн. руб. золотом.

Данный договор имел большое значение для обеих сторон. Сам факт заключения равноправного договора с Россией во многом способствовал укреплению независимости Афганистана, а финансовая и техническая помощь сыграли свою роль в развитии экономики

страны, ее инфраструктуры, а также в строительстве вооруженных сил афганского государства. Укрепление независимости Афганистана и режима Аманул-лы-хана, достаточно враждебно настроенного по отношению к англичанам, обеспечивало относительную безопасность южных рубежей Советского государства, а также поднимало престиж Советской России в глазах народов Востока.

Наряду с развитием политических отношений между двумя странами расширялись и торгово-экономические связи. Географическое положение Афганистана, его непосредственная близость к границам Советского Союза, скорость доставки товаров явились факторами, содействовавшими развитию советско-афганской торговли, особенно выгодной для афганской стороны, т.к. импорт РСФСР из Афганистана включал практически всю экспортную продукцию афганской экономики, что стимулировало ее рост. Расширению афганского экспорта в РСФСР способствовали и некоторые специальные меры советского правительства, в частности ввоз главнейших афганских товаров разрешался без лицензий, а к большинству других товаров применялись льготные тарифы.

Необходимо также отметить, что основное внимание советское правительство уделяло развитию отношений с Турцией, в которой в рассматриваемый период под влиянием военных поражений и Октябрьской революции в России разворачивались интенсивные революционные процессы, характеризовавшиеся ростом антизападных настроений и просоветских симпатий в среде турецкого общественного мнения.

В апреле 1920 г. в Турции было создано революционное правительство во главе с Мустафой Кемаль-пашой. Его резиденцией стала Анкара (Ангора). В условиях неприятия турецкой революции западными странами, желая укрепить только что установившийся режим, Кемаль-паша уже 26 апреля 1920 г. обратился к Советской России с предложением установить дипломатические отношения и заключить военный союз между двумя странами. Советское правительство согласилось немедленно установить с Турцией дипломатические и консульские отношения и приступить к переговорам. Кроме того, оно изъявило готовность выступить посредником в переговорах между Турцией, Арменией и Ираном для урегулирования спорных вопросов между этими странами. Это еще более склонило общественное мнение Турции в сторону России, тем более что РСФСР, «объявившая себя освободительницей угнетенных народов и непримиримым врагом империалистов», виделась единственным союзником в сложившейся ситуации.

2 июля НКВД направил Мустафе Кемалю письмо, извещающее главу турецкого правительства о посылке в Турцию советского представительства. В свою очередь турецкая делегация во главе с министром иностранных дел Бекир Сами-беем прибыла в Москву, где и был разработан проект советско-турецкого договора. Осенью 1920 г. Бекир Сами-бей вернулся в Анкару с проектом договора, но его подписание было отложено в результате внутривнутриполитических изменений в Турции.

Наступление греческих войск, начавшееся в конце 1920 года, вновь поставило вопрос о поддержке Турции Советской Россией. В феврале 1921 года турецкая делегация снова выехала в Москву для завершения переговоров. Турецкое руководство рассчитывало использовать переговоры в качестве козыря, способного сделать более сговорчивой дипломатию Запада. Об этом свидетельствует тот факт, что практически одновременно с делегацией, посланной в Москву, другая делегация была послана в Лондон на конференцию держав-победительниц.

Переговоры закончились 16 марта 1921 г. подписанием в Москве советско-турецкого договора о дружбе и братстве. В его преамбуле говорилось, что оба правительства, «разделяя принципы братства наций и право народов на самоопределение, отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма... и всецело воодушевляемые желанием установить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах сторон, решили заключить договор о дружбе и братстве».

Согласно ст. 1 договора каждая сторона обязывалась в принципе «не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых принуждалась бы силою другая из договаривающихся сторон». Ст. 2 определяла северо-восточные границы Турции и решала ряд спорных территориальных вопросов.

Обе стороны объявляли отмененными все старые договоры, причем советское правительство заявило, что считает Турцию свободной от всяких денежных и иных обязательств, принятых по прежним русско-турецким договорам. Договаривающиеся стороны обязались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны или части ее территории.

Особого внимания заслуживает ст. 5, посвященная вопросу о проливах: «Дабы обеспечить открытие проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов, обе договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку меж-

дународного статута Черного моря и проливов будущей конференции из делегатов прибрежных государств, при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице Константинополю».

Советская Россия взяла на себя обязательство предпринять шаги в отношении закавказских республик, необходимые для обязательного признания этими республиками статей данного договора.

Советско-турецкий договор 1921 г., заключенный в период борьбы кемалистской Турции против греческой интервенции и давления стран Антанты, имел для обеих стран большое значение. Он укрепил позиции Турции в ее борьбе за независимость и обеспечил возможность добиваться столь же благоприятных условий в переговорах с другими государствами, содействовал укреплению режима, дружественно настроенного к Советской России.

При заключении Московского договора между представителями РСФСР и Турции имел место обмен нотами, дополняющими договор. В нотах стороны обязались информировать друг друга о переговорах с другими державами, заключении с ними договоров, а также о принципиальной смене политического курса одной стороны по отношению к другой. Одновременно с подписанием договора была достигнута договоренность о предоставлении Турции безвозмездной помощи в размере 10 млн. золотых рублей.

Таким образом, поддержка, которую Советская Россия (с 1922 г. Советский Союз) и Турция оказывали друг другу после выхода из Первой мировой войны, носила принципиальный характер для кемалистского режима в Турции и большевистского в России. Соседи вернулись к сотрудничеству, необходимому для противодействия общему внешнему врагу.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что предложив странам Ближнего и Среднего Востока политику взаимовыгодного сотрудничества в противовес английской политике, основанной на неравноправных договорах, Советский Союз сумел прорвать дипломатическую и экономическую блокаду, в которой он оказался после Октябрьской революции. Безвозмездная помощь, оказанная народам этих стран, в их исторических условиях существенно повлияла на нормализацию положения вокруг СССР. Оказав помощь народам соседних государств в деле упрочения их независимости, Советское государство обеспечило стабильность большой протяженности южных границ, нашло пути добрососедского решения ряда спорных территориальных вопросов. До минимума была сведена опасность использования враждебно относящихся к России державами соседних стран как плацдарма для нанесения удара, развязывания войны, что давало возможность сконцентрировать главные усилия на решении внутренних проблем.

§ 5. Неофициальное направление советской внешней политики в начале 20-х гг.

Необходимо отметить, что устанавливая отношения со странами Востока и предпринимая усилия по налаживанию контактов с развитыми капиталистическими державами Запада по официальным дипломатическим каналам, советское руководство интенсивно развивало другое направление своей внешней политики - неофициальное, осуществлявшееся, в частности, через нелегальный аппарат Коминтерна. Данное направление советской внешней политики позволяло оказывать влияние на политическую обстановку даже в тех странах, с которыми у РСФСР еще не были установлены дипломатические отношения.

Необходимо также отметить, что в самом начале своего существования Коммунистический интернационал ориентировался в основном на развитие революционного движения в странах Запада, которое, по мнению основателей данной организации, должно было привести к изменению мирового порядка практически в мировом масштабе, однако, после поражений революционных выступлений в Германии и Венгрии, Коминтерн вынужден был переориентироваться на активизацию восточного направления своей политики, ограничив свою работу в развитых индустриальных странах обработкой общественного мнения в пользу признания РСФСР, прекращения военной интервенции и т.д.

Вопрос о развитии неофициального направления советской внешней политики на Востоке был поставлен на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. Это было связано как с затруднениями, испытываемыми революционным движением на Западе, так и с наметившимися успехами восточной политики Советской России. Залогом успеха подобной политики считалось создание параллельно с восточными компартиями массовых непартийных организаций, которые должны были стать опорой советского влияния в

регионе.

Важность восточной политики Коминтерна в общем контексте внешней политики РСФСР в нач. 20-х гг. определялась главным образом тем, что страны Востока - «неполноправные нации и колонии с их сырьем, топливом и продовольствием, громадным запасом человеческого материала» (И.В. Сталин), являлись тылом, резервом стран Запада, враждебно относившихся к Советскому государству. В то время, когда идея мировой революции еще казалась осуществимой, руководители Советской России и Коминтерна считали, что для того, чтобы выиграть революционную войну, «нужно не только победить на фронте, но и революционизировать тыл противника... Поэтому победу мировой революции можно считать обеспеченной лишь в том случае, если пролетариат сумеет сочетать свою собственную борьбу с освободительным движением неполноправных наций и колоний».

В целом, в процессе осуществления своей восточной политики, Коммунистический интернационал активизировал и вовлек в сферу своей деятельности практически все социальные слои как капиталистических стран Запада, так и зависимых стран Востока, а также многочисленные национальные меньшинства, религиозные общины и движения. Деятельность неофициального направления советской внешней политики способствовала оформлению и сравнительно быстрому развитию политических и общественных организаций, в большинстве случаев лояльно настроенных по отношению к Советской России, которые получили реальную возможность оказывать влияние на развитие политических процессов в регионе. Правящая элита и колониальные (мандатные) власти уже не могли не принимать в расчет тех социальных импульсов, которые исходили от новых субъектов политического процесса и вынуждены были строить свою политику с учетом этого фактора.

Необходимо обратить внимание на высокую степень централизации восточной политики Коминтерна и близких к нему организаций, выразившуюся в попытке установления строгого контроля над всеми сферами жизни и деятельности коммунистических партий и других подчиненных ему организаций, для чего практически с момента основания Коммунистического интернационала начала создаваться система специализированных подразделений. Эти подразделения, имевшие на разных этапах своего функционирования и аналитические и исполнительские функции, опиравшиеся в своей работе на штат квалифицированных экспертов и надежные каналы связи, были способны заниматься разработкой тактики и программных документов коммунистических и националистических партий, подготовкой пропагандистских кампаний, руководством их повседневной деятельностью с учетом специфики отдельных стран и регионов. Подобная централизация помогала высшим органам управления Коммунистическим интернационалом определять линию поведения коммунистов и воздействовать на политические процессы в разных странах даже в условиях слабости коммунистических организаций.

Тактика Коминтерна в различных странах и регионах и характер деятельности его региональных секций напрямую были связаны с близостью той или иной страны к границам Советского государства, а также с тем, насколько лояльно относился правящий в этой стране режим к новому руководству России. Особенно ярко эта черта проявилась в первые годы существования Коммунистического интернационала, когда данная организация демонстрировала самые различные подходы, стремясь обеспечить безопасность РСФСР, - от организации и вооруженной поддержки крупных антиправительственных выступлений (Иран, Германия), стимулирования религиозно-политических движений (арабские страны), организации антивоенных выступлений и выступлений в поддержку «родины мирового пролетариата» (Великобритания, Франция, США) до ограничения коммунистической пропаганды и поддержки существующего режима (Турция). В дальнейшем, используя тактику единого (в колониях и полуколониях - антиимпериалистического) фронта, умело манипулируя националистическими или пацифистскими настроениями и умело маневрируя между различными политическими группировками стран Европы, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Коминтерн сумел добиться создания благоприятных условий для советского проникновения в страны, представлявшие интерес для внешней политики РСФСР, и укрепления в ряде стран правящих режимов, лояльно настроенных по отношению к Советскому государству.

Необходимо обратить внимание также на то, что как в начале 20-х гг., так и в течение всего периода существования Коминтерна массовые движения в Европе, Америке и на Востоке практически нигде не возглавлялись коммунистическими партиями. В то время как социал-демократические и националистические группировки продолжали укреплять свои позиции, компартии оставались сравнительно небольшими организациями с достаточно узким кругом приверженцев. Выступления коммунистов не носили массового ха-

рактера, а их реакция на многие события политической жизни своих стран была во многих случаях запоздалой. Однако несмотря на это, нельзя не отметить, что коммунистические организации обладали определенным потенциалом развития, который мог быть использован Коминтерном в случае изменения политической обстановки и прихода к власти в той или иной стране режима, негативно относящегося к Советской России. В этом случае Коминтерн, активизировав деятельность соответствующей секции, мог использовать политические или экономические трудности этого режима для его дестабилизации. Кроме того, коммунистические партии, представлявшие собой во многих случаях небольшие и достаточно хорошо законспирированные организации, могли служить в качестве канала оперативного поступления информации о событиях, происходящих в мире, что позволяло советскому руководству строить свою внешнюю политику, максимально учитывая настроения и симпатии различных социальных слоев и политических группировок различных стран и регионов.

Таким образом, несмотря на то что ни в одной стране в рассматриваемый период коммунистические партии или группы не смогли прийти к власти, деятельность Коминтерна на международной арене нельзя назвать безуспешной. Политика, проводимая этой организацией, способствовала развитию просоветских настроений в странах Европы и Америки и антизападных настроений в колониальных и зависимых странах Востока, а также проникновению советского влияния даже в те страны, с которыми РСФСР еще не имела официальных отношений.

§ 6. Изменения ситуации на международной арене в 1922-1923 гг. Генуэзская конференция

В период с 1920 по 1922 г. на международной арене произошли изменения, связанные с укреплением позиций Советского государства и установлением определенного равновесия между ним и странами Запада, которое повлияло на стабилизацию международной обстановки в Европе, в связи с чем ведущие капиталистические державы, заинтересованные в возвращении России в кругооборот мирового хозяйства и убедившиеся в бесплодности попыток силового давления на большевиков, стали рассматривать возможность налаживания экономических отношений с РСФСР.

Необходимым условием налаживания отношений руководство стран Запада считало соглашение о получении компенсаций за утерянную в России собственность и возвращении российских долгов. Советское правительство, также заинтересованное в экономических связях с Западом, обратилось 28 октября 1921 г. к западным державам с нотой, в которой заявило о своем согласии на определенных условиях признать довоенные царские долги. Западные страны со своей стороны должны были предоставить советскому правительству льготные условия погашения долгов. Предусматривалось также, что согласие Советской России на существенные уступки в вопросе о долгах должно было сопровождаться заключением мирных договоров со странами Антанты и признанием большевистского правительства. Для разрешения обозначенных проблем Советская Россия предлагала созвать международную конференцию.

Советские предложения вызвали достаточно большой интерес на Западе, особенно в Англии, переживавшей большие затруднения с экспортом своих промышленных товаров и надеявшейся преодолеть экономические проблемы с помощью России. Кроме того, английское правительство понимало, что взяв на себя роль организатора подобной конференции, оно укрепит свой престиж на международной арене. Английские лидеры также рассчитывали на то, что Германия на конференции будет блокироваться с Великобританией и поможет ей таким образом ослабить позиции Франции в Европе.

В пользу созыва конференции высказывались и влиятельные круги Италии, экономическое положение которой также было тяжелым. Иную позицию заняли правящие круги Франции, на которую пришлось большая часть собственности в России, национализированной большевиками. Кроме того, промышленники и финансисты Франции не испытывали больших экспортных трудностей, так как продукция предприятий и капиталы банков были поглощены восстановлением районов страны, разрушенных войной.

Вопрос о созыве международной конференции должен был решить Верховный совет союзников, заседания которого открылись 6 января 1922 г. в Каннах. На нем было предложено созвать в феврале или начале марта международную экономическую и финансовую конференцию всех стран Европы. 7 января 1922 г. итальянское правительство передало советской стороне меморандум, содержащий приглашение принять участие в данной конференции. 8 января советское правительство приняло

приглашение.

Тем временем в лагере стран Антанты продолжалась борьба по вопросу об условиях экономического сотрудничества с Советской Россией. Новый премьер-министр Франции Р. Пуанкаре потребовал введения режима капитуляций в Советской России как условия ее участия в экономической конференции, кроме того, он настаивал на отсрочке конференции не менее чем на три месяца, стараясь, видимо, сорвать ее. Компромисс между Англией и Францией был достигнут на встрече Пуанкаре и Ллойд Джорджа 28 февраля 1922 г., на которой Пуанкаре согласился с неизбежностью конференции, а британский премьер, в свою очередь, пошел на уступки, в результате чего было решено снять с обсуждения конференции вопросы, касающиеся германских репараций и пересмотра мирных договоров. Открытие конференции переносилось на 10 апреля. Было также обусловлено, что приглашение в Геную советской России не должно автоматически означать ее признания; предполагалось, что вопрос о признании будет решен в зависимости от того, примет ли Советское правительство все те экономические требования, которые предъявят ей западные страны. Для разработки этих требований создавался комитет экспертов, начавший свою работу 20 марта в Лондоне.

Отрицательную позицию по отношению к конференции заняли Соединенные Штаты: они отказались от официального участия в конференции, ссылаясь на то, что она будет носить, скорее всего, не экономический, а политический характер. Одним из мотивов отрицательного отношения американского правительства к Генуэзской конференции было то, что энергичная деятельность Ллойд Джорджа по организации конференции вызвала опасения, что и на самой конференции руководящая роль будет принадлежать Англии, а США окажутся отодвинутыми на второй план.

Что же касается советского руководства, то оно считало, что данная конференция может сыграть важную роль в установлении и развитии конструктивного диалога между Советской Россией и странами Запада, в то же время советская сторона заявила организаторам конференции, что ни на какие соглашения, противоречащие ее интересам, она не пойдет. Для укрепления своих позиций накануне конференции советская дипломатия инициировала совещание представителей Латвии, Эстонии, Польши и Советской России в Риге 29 марта 1922 г., на котором делегаты прибалтийских стран и Польши высказались в пользу юридического признания советского правительства и сочли целесообразным согласование действий своих делегаций в Генуе. Хотя на самой конференции эстонская, латвийская и польская делегации в ряде вопросов отошли от рижских решений, тем не менее совещание в Риге определенным образом способствовало отрыву этих стран от антисоветского блока.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 г. в присутствии представителей 34 стран. В выступлениях глав делегаций стран — организаторов конференции на первом пленарном заседании прозвучали призывы присоединиться к Каннским резолюциям Верховного совета Антанты, а также призывы к установлению мира, достижению соглашений и отказу от пересмотра уже заключенных договоров. На этом заседании выступил и глава советской делегации Г.В. Чичерин, в речи которого отразилась противоречивость советской внешней политики периода начала 20-х гг.: конструктивные предложения, направленные на установление и развитие экономического сотрудничества с Западом сочетались с достаточно фантастическими проектами справедливого переустройства мира в духе идей утопического социализма, которые вызвали негативную реакцию представителей стран Европы. Признавая, в целом, возможность экономического сотрудничества с капиталистическими странами, Г. Чичерин в то же время выступал против целого ряда требований, предъявленных ими, что означало, фактически отказ от условий, обозначенных в Каннской резолюции, что также не способствовало улучшению отношений между Советами и странами Антанты и уменьшало возможность конструктивного диалога.

На следующий день, 11 апреля, началась работа 4-х комиссий конференции: политической, экономической, финансовой и транспортной. Основная нагрузка лежала на политической комиссии, в которой предполагалось обсудить «русский вопрос». В комиссии советской делегации вручили меморандум, разработанный экспертами в Лондоне, в котором содержалось требование погашения большевиками финансовых обязательств царского и Временного правительств, а также требование компенсации всех убытков, понесенных иностранцами в результате политики нового руководства России. Кроме того, в заключении экспертов содержалось требование отмены монополии внешней торговли т.е. ликвидации той преграды, которая ограждала Советскую Россию от экспансии иностранного капитала и, в целом, от иностранного влия-

ния. Необходимо также отметить, что согласно указанному экспертному заключению советской финансовой системой должны были руководить страны Антанты.

Переговоры по затронутым экспертами вопросам проходили как в официальной, так и в неофициальной обстановке на вилле главы английской делегации, куда были приглашены лидеры советской делегации Чичерин, Красин и Литвинов. В ходе переговоров советская сторона отклонила требования экспертов, принятие которых ущемляло независимость и суверенитет Советской России, более того, выдвинуло свои претензии на возмещение ущерба, нанесенного союзниками российской экономике в ходе военной интервенции; представители стран Запада также заняли непримиримую позицию. Ллойд Джордж предлагал в случае отказа советской делегации принять предложения Антанты объявить о безрезультатности переговоров. В то же время представители европейских стран не хотели брать на себя ответственность за срыв конференции, разрабатывая новые варианты материальных и финансовых претензий к России. В конце дискуссии Ллойд Джордж внес предложение: западные государства отвергают советские контрпредложения, но соглашаются уменьшить военный долг России и продлить срок уплаты процентов по долгам. Предложение было сделано в ультимативной форме, и советская делегация, не рискнув отказаться, сообщила, что для окончательного ответа ей нужно получить инструкции из Москвы. Переговоры были приостановлены.

Необходимо отметить, что проводя переговоры со странами Антанты, советские дипломаты активно развивали отношения с германскими представителями в Генуе, которые также оказались в определенной политической изоляции на конференции. 16 апреля в местечке Рапалло близ Генуи был подписан советско-германский договор, полностью восстанавливавший дипломатические и консульские отношения между двумя странами. Германия и РСФСР взаимно отказывались от возмещения военных расходов и убытков. Важное значение имело и признание Германией национализации германской государственной и частной собственности в России, осуществленной в соответствии с декретами советской власти. Советская Россия отказывалась от получения с Германии репараций, причитавшихся ей на основании соответствующих статей Версальского договора. Договор предусматривал также развитие экономических и правовых отношений между двумя странами на основе принципа наибольшего благоприятствования.

Как уже отмечалось выше, переговоры относительно заключения такого договора уже велись между правительствами Германии и РСФСР в течение некоторого времени и их удачное завершение в Генуе в значительной степени объясняется острыми противоречиями между Германией и Антантой на конференции. Подписание Рапалльского договора было крупным успехом советской и германской дипломатии, способствовавшим выходу двух стран из политической изоляции. Этот договор заметно осложнял странам Антанты выполнение их планов в отношении возмещения Россией ущерба бывшим владельцам национализированных предприятий и уплаты царских долгов, разработанных экспертами в Лондоне. Был создан прецедент, который значительно усиливал позиции Советской России как на конференции, так и на международной арене в целом.

Договор вызвал отрицательную реакцию со стороны организаторов конференции, которые послали ноту Германии, подписанную главами ряда делегаций. Немцы извещались о том, что своим поступком они предрешили устранение Германии от дальнейшего участия в обсуждении условий соглашения между представленными на конференции государствами. Германские дипломаты отстаивали правомочность своих действий, подчеркнув, что договор не затрагивает интересы третьих держав. Несмотря на это, французские представители потребовали денонсации Рапалльского договора, угрожая в противном случае прекратить сотрудничество с советской делегацией. Однако такая позиция не нашла поддержки у их британских и итальянских коллег, заинтересованных в достижении экономического соглашения с большевиками.

В этих условиях 20 апреля советская делегация передала организаторам конференции ответ на меморандум лондонского совещания экспертов, в котором отклонялись требования западных держав, наносящие ущерб политической и экономической независимости Советской России. Вместе с тем правительство РСФСР признавало за иностранными подданными, чьи материальные интересы пострадали в результате национализации иностранной собственности и отказа от уплаты довоенных долгов, право на возмещение убытков. Соглашаясь таким образом признать довоенные долги, Советская Россия выдвинула финансовые контрпретензии к странам Антанты, требуя возмещения ущерба, нанесенного союзной интервенцией и блокадой.

2 мая 1922 г. западные страны предъявили Советской России новый меморандум, в целом повторявший позиции лондонского доклада экспертов вплоть до установления режима,

сходного с режимом капитуляций. При выполнении советским правительством всех этих требований союзники соглашались отсрочить уплату российских долгов.

11 мая советские представители в Генуе дали официальный ответ на меморандум союзников, содержащий тщательный анализ предъявленных ими требований и доказательства их необоснованности с точки зрения нового российского руководства. 13 мая ответ советской делегации в отсутствие представителей России обсуждали представители западных держав. Ллойд Джордж внес предложение закончить конференцию образованием трех комиссий с участием советских представителей (по вопросу о долгах, реституции иностранной собственности и о кредитах), продолжив в этих комиссиях переговоры об урегулировании финансовых претензий сторон. На время работы комиссий глава английской делегации предлагал заключить пакт о ненападении и соглашении о прекращении пропаганды. Проект вызвал резкую критику со стороны французской делегации, однако большинство участников конференции сочли его вполне приемлемым. На следующий день союзники договорились, что исследование вопросов, затронутых на Генуэзской конференции, будет продолжено комиссией союзных и нейтральных экспертов в Гааге летом 1922 г. Для участия в работе экспертного совета приглашались все участники Генуэзской конференции, за исключением Германии, и представители США. Также было принято взаимное обязательство участников конференции о ненападении на период работы конференции в Гааге и в последующие 4 месяца.

19 мая работа международной экономической конференции в Генуе была завершена. В целом ее результаты не оправдали возложенных на нее надежд, т.к. практически ни один вопрос, обсуждавшийся на ней, не был решен. Однако определенные успехи были достигнуты советской дипломатией, т.к. полуторамесячные переговоры Советской России с ведущими странами мира были сами по себе большим успехом, означая признание советского государства де-факто. Кроме того, советская сторона добилась подписания договора об установлении дипломатических и развитии экономических отношений с одной из крупных европейских стран - Германией, что способствовало дальнейшему ослаблению внешнеполитической изоляции России и укреплению ее позиций на международной арене и, в целом, стабилизации международной обстановки в послевоенной Европе.

§ 7. Гагская конференция

Как уже отмечалось выше, Генуэзская конференция не решила ряд существенных вопросов, касающихся послевоенного устройства системы международных отношений, в частности русский вопрос, усложнившийся после Рапалльского договора. В связи с этим участниками конференции было принято решение внимательно изучить данные проблемы в экспертных комиссиях, состоящих из представителей союзных и нейтральных стран. 18 мая 1922 г. было утверждено постановление о созыве 26 июня в Гааге двух комиссий экспертов — «русской» и «нерусской», — для рассмотрения всех существующих финансовых разногласий и взаимных претензий Советской России и других государств. Также было принято взаимное обязательство участников конференции о ненападении на период работы комиссий в Гааге и в течение последующих 4 месяцев. 19 мая постановления были утверждены последним пленарным заседанием Генуэзской конференции.

Необходимо отметить, что отношение держав к будущей Гагской конференции было различным. Так, например, РСФСР отнеслась к созыву конференции положительно, рассматривая ее, как и Генуэзскую, как возможность прорыва дипломатической и политической изоляции со стороны держав Запада. Иначе смотрели на это мероприятие политические деятели США: американское правительство еще в дни напряженной работы Генуэзской конференции решило не участвовать официально в следующей конференции. В ноте госсекретаря США Юза, переданной 16 мая 1922 года итальянскому министру иностранных дел, сообщалось, что Америка «не может с пользой принять участие в Гагском совещании, которое, по видимому, будет лишь продолжением Генуэзской конференции и неизбежно столкнется с теми же трудностями, если позиция России, занятая ею в меморандуме от 11 мая, останется неизменной».

Французское правительство, являвшееся крупнейшим кредитором России в дореволюционный период и понесшее большие убытки в результате политики Советской России в отношении иностранных долгов, настаивало на том, чтобы надавить на большевиков и заставить их принять позицию, более приемлемую для Антанты. По мнению французского руководства, советская сторона должна была отказаться от меморандума 11 мая и согласиться на признание всех довоенных и военных долгов, а также на возвращение

иностранный собственности, национализированной после Октябрьской революции. Рассматривая вопрос о возможных кредитах Советской России, французское правительство считало возможным кредитование только сельскохозяйственных отраслей российской экономики. В целом взгляды правительства Франции отражали его стремления к возвращению французского влияния на российскую внешнюю политику через финансовые институты. В условиях, когда безопасность Франции со стороны Германии была обеспечена лишь системой договоров, носивших в основном формальный характер, французское правительство, так же как и общественное мнение, хотело таким образом восстановить русско-французский союз, который можно было бы использовать против Германии в случае нового обострения ситуации.

В сложившихся условиях дипломатия Советской России продолжала отстаивать российские интересы.

15 июня 1922 г. в Гааге приступила к работе «нерусская» комиссия экспертов, в состав которой кроме дипломатов входили также крупные европейские монополисты, многие из которых были владельцами предприятий в России, национализированных большевиками. Кроме официальных представителей великих держав, в Гаагу с неофициальной миссией приехало много видных бизнесменов, особенно представителей нефтяных монополий ("Royal Dutch Shell", "Standard Oil" и др.). Около 300 крупных бизнесменов, банкиров и журналистов приехало из США, причем американский посол в Голландии, несмотря на официальную позицию своей страны, активно вмешивался в работу конференции.

26 июня в Гаагу прибыла советская миссия, и 27 июня начали работать подкомиссии по кредитам, долгам и частной собственности. На заседаниях подкомиссий были обсуждены вопросы, касающиеся экономического и финансового положения России, возможных путей восстановления ее хозяйства и т.д. В ходе обсуждения перечисленных проблем, советской делегацией был предложен план распределения западных кредитов в различных отраслях российской экономики (преимущественно в товарной форме) на 1923-1925 гг. Общая сумма кредитов, по расчетам советских специалистов, должна была составить 3224 млн. руб. золотом. Отметим также, что на заседании подкомиссии по частной собственности советские дипломаты огласили список предприятий, которые правительство РСФСР соглашалось на определенных условиях предоставить иностранным концессионерам. В список вошел ряд крупных предприятий добывающей, металлургической и других отраслей промышленности. Однако переговоры о концессиях и кредитах не привели к каким-либо ощутимым результатам, более того, 10 июля советской делегации были предъявлены требования, совершенно неприемлемые с точки зрения интересов Советской России: страны Запада требовали реституции иностранной собственности и установления в российской экономике режима, напоминавшего режим капитуляций в зависимых странах Востока. 19 июля 1922 г. состоялся пленум конференции, на котором М. Литвинов, глава советской делегации, предложил продолжить переговоры, согласившись на ряд условий, выдвинутых западными дипломатами и экспертами, таких, как выплата довоенных долгов, компенсации бывшим иностранным собственникам и т.д. Взамен этого советская делегация требовала признания РСФСР де-юре. В случае принятия этих предложений советские дипломаты соглашались запросить свое правительство о возможности продолжения переговоров, не сопровождаемых требованием немедленного предоставления кредитов. Такая позиция вызвала положительную реакцию английской делегации, но встретила решительный отпор со стороны французов и бельгийцев. По итогам пленума была принята резолюция, утверждавшая невозможность соглашения на основании поставленных условий, но указывавшая на то, что декларация советской делегации «может создать благоприятную атмосферу при последующих переговорах».

На следующий день, 20 июля, была принята еще одна резолюция, обязывавшая участников конференции не идти на отдельные соглашения с Советской Россией относительно концессий и возвращения иностранной собственности прежним владельцам.

Таким образом, экономическая конференция в Гааге зашла в тупик, не выработав какого-либо механизма, который позволил бы урегулировать спорные вопросы и наладить конструктивное экономическое сотрудничество ведущих держав Запада с Советской Россией и в целом стабилизировать международную ситуацию в послевоенной

Европе.

Однако формальное запрещение участникам конференции заключать сепаратные соглашения с РСФСР не означало полного прекращения переговоров по этой проблеме как на государственном уровне, так и на уровне отдельных компаний. В августе 1922 г. вопрос об экономическом сотрудничестве с Россией был поднят британским представителем в Москве. Вслед за этим последовало интервью известного английского бизнесмена Л. Уркварта, вызвавшее множество откликов в мировой печати, в котором он признал необходимость сотрудничества с новым российским руководством.

Под воздействием деловых кругов, заинтересованных в установлении экономических связей с Советами, определенную политическую активность проявили и США. В середине августа 1922 г. американские правительственные круги сделали неофициальный запрос о том, на каких условиях возможны переговоры о восстановлении русско-американских деловых связей. Советское руководство положительно отреагировало на это. Фактически сразу после обмена подобными нотами, правительство РСФСР утвердило контракт на 15 лет с одной из американских нефтяных компаний.

Большой интерес к восстановлению отношений с Советской Россией проявила и определенная часть французских деловых кругов. Выразителем их интересов стал побывавший в сентябре 1922 г. в России Э. Эррио, который по возвращении из поездки выпустил книгу «Новая Россия», призывавшую без промедления установить деловые отношения между двумя странами.

1922 г. был отмечен также определенным оживлением экономических отношений РСФСР с Чехословакией, активным участником Малой Антанты, и Канадой - британским доминионом, присоединившимся к англо-советскому договору 1921 г. Всего в 1922 г. было заключено лишь 10 концессионных договоров с представителями делового сообщества стран Запада, что составило лишь незначительную часть от запланированного. Однако это стало показателем определенной стабилизации экономических отношений Советской России со своими противниками, за которой должна была последовать стабилизация политических отношений и установление постоянных дипломатических контактов, что, в свою очередь, должно было способствовать стабилизации международных отношений в целом.

§ 8. Московская конференция по сокращению вооружений

Прилагая интенсивные дипломатические усилия к установлению отношений с великими державами, советское руководство предпринимало шаги к урегулированию отношений со своими ближайшими соседями, входившими некогда в состав Российской империи, некоторые из которых после войны вошли в состав Малой Антанты.

2 декабря 1922 г. с этой целью в Москве открылась международная конференция, посвященная проблемам сокращения вооружений и военных расходов. С одной стороны, с точки зрения развития стратегической линии российской внешней политики, эта конференция должна была способствовать повышению престижа РСФСР в послевоенной Европе, а также для создания благоприятного внешнеполитического климата для внутреннего развития Советской России, а с другой стороны, став инициатором, подобной конференции, советская сторона продемонстрировала свое миролюбие по отношению к своим ближайшим соседям, обеспечивая тем самым безопасность своих границ.

Кроме Советской России в конференции приняли участие Польша, Финляндия, Латвия, Литва и Эстония. Румынское правительство отказалось от участия в конференции в связи с тем, что его требование узаконить оккупацию Бессарабии было отклонено. На первом заседании советской делегацией была оглашена декларация, содержащая развернутую программу сокращения вооружений, в соответствии с которой страны — участницы конференции должны были сократить личный состав своих армий на 75%; предполагалось также распустить все иррегулярные военные формирования, ограничить военные расходы и создать на границах между странами-участницами нейтральные зоны, свободные от воинских подразделений.

Не возражая в целом против выдвинутых принципов, участники конференции предложили отложить осуществление этих мер до тех пор, пока в Европе не установится «атмосфера доверия» и не станут возможными политические гарантии безопасности. Польская делегация представила проект договора о ненападении, согласно которому практически все конфликты должны были передаваться на арбитражное рассмотрение Лиги Наций. Проект был подвергнут обсуждению, которое, впрочем, ни к чему не привело. Согласованного решения относительно сокращения вооружений и военных расходов так и не

было принято. Тем не менее данная конференция продемонстрировала готовность советского государства к конструктивному диалогу со странами Антанты и их союзниками в Восточной Европе, что, в свою очередь, способствовало дальнейшей стабилизации международных отношений после Первой мировой войны.

§ 9. Лозаннская конференция

Как уже отмечалось, Первая мировая война не решила целый ряд вопросов, приведших в 1914 г. к столкновению Антанты и Австро-Германского блока. В их число входил и вопрос о Черноморских проливах, являвшийся в XIX - нач. XX в. фактором, постоянно осложнявшим отношения европейских держав друг с другом, а также с Турцией. В послевоенный период восточный вопрос приобрел новое звучание в связи с распадом Османской империи и выходом России из лагеря Антанты. В начале сентября 1922 г. турецкие войска одержали победу над англо-греческими интервентами, исключив тем самым возможность решить этот вопрос силовым путем и поставив, таким образом, проблему созыва международной конференции для урегулирования спорных моментов в ближневосточных делах. Уже на совещании 20-24 сентября 1922 г. в Париже премьер-министра Франции Р. Пуанкаре, министра иностранных дел Англии Д. Керзона и посла Италии во Франции К. Сфорца было решено созвать такую конференцию.

После соответствующей подготовки конференция открылась в Лозанне 20 ноября 1922 г. при участии представителей Великобритании, Франции, Италии, Турции, Греции, Югославии, Болгарии, Румынии и Японии. США не приняли участия в конференции, прислав лишь своих наблюдателей.

Открытию конференции предшествовала упорная дипломатическая борьба между организаторами конференции и Советской Россией по вопросу участия последней в работе конференции. Узнав из зарубежной печати о намерении западных держав созвать конференцию по Ближнему Востоку, правительство РСФСР 24 сентября 1922 г. направило правительствам стран-организаторов ноту, в которой выразило озабоченность Москвы событиями на Ближнем Востоке и высказалось против того, чтобы нечерноморские державы присвоили себе право регулировать режим проливов. Советское руководство заявило также, что не признает никаких решений по этой проблеме, принятых без ее участия, и предложило немедленно созвать конференцию с участием, в основном, черноморских государств.

Столь решительный демарш советской дипломатии был вызван дошедшими до Москвы сведениями о первоначальном желании Керзона вообще не допускать Россию к работе конференции. Тем самым Керзон надеялся, во-первых, осложнить советско-турецкие отношения и, во-вторых, договорившись сепаратно с турками, добиться такого решения по вопросу о проливах, при котором английский флот в любое время мог проникнуть в Черное море, что явилось бы фактором постоянного давления Великобритании на Турцию и Советскую Россию. Такое решение вопроса, конечно же, не устраивало российскую сторону, о чем она и предупредила Запад.

Эти события происходили на фоне некоторого осложнения отношений между Москвой и Анкарой: в ноте от 4 октября 1922 г. турецкое правительство, отвечая на предложение Антанты о созыве мирной конференции, обошло вопрос о полномочном участии РСФСР, Украины и Грузии в ее работе. По мнению ряда отечественных исследователей, такая позиция Турции объясняется, с одной стороны, желанием в какой-то мере проявить свою лояльность к организаторам конференции и тем самым заранее смягчить их позицию, а с другой - определенным ухудшением в это время российско-турецких отношений, вызванным нескрываемым раздражением турок советским вмешательством через соответствующие подразделения ОПТУ и Коминтерна во внутренние дела Турции, а также фактическим срывом советской стороной поставок оружия туркам и рядом других факторов.

После настойчивых неоднократных заявлений советской стороны по поводу конференции, видимо, в столицах европейских держав пришли к выводу о возможности участия в ней представителей РСФСР. 27 октября 1922 г. правительства Англии, Франции и Италии передали руководству Советской России ноту, в которой оно было официально уведомлено о конференции и приглашено к совместному обсуждению на ней вопроса о проливах. Таким образом, в ноте содержался прямой отказ предоставить советской делегации равные с другими участниками конференции права, ограничив ее полномочия обсуждением лишь вопроса о проливах. 2 ноября Чичерин направил ответную ноту, в которой опротестовал ограничение прав российской делегации и подчеркнул, что попытки ре-

шить вопрос о проливах отдельно от других вопросов, связанных с Ближним Востоком, не приведет к положительным результатам. Организаторы конференции в ответной ноте подтвердили свое намерение пригласить на конференцию прежде всего страны, не находящиеся в состоянии окончательного мира с Турцией, а также подтвердили права советской делегации на ведение переговоров и принятие решений лишь по вопросу о проливах. Кроме того, отмечалось, что страны Антанты не возражают против включения в состав российской делегации представителей Украины и Грузии, как это было на Генуэзской конференции.

20 ноября конференция приступила к работе. Наряду с пленарными, заседания проходили по нескольким специальным комиссиям, в том числе комиссии по проливам. 4 декабря на заседании этой комиссии Г.Чичерин огласил декларацию российской делегации. Напомнив, что основной целью российского правительства как в вопросе о Ближнем Востоке, так и во всей внешней политике является содействие установлению и укреплению всеобщего мира, Чичерин заявил о стремлении делегации при решении вопросов, в обсуждении которых она будет участвовать, добиваться осуществления двух основных принципов: равноправия России и ее союзников с другими государствами, а также обеспечения безопасности территории России и свободы экономических отношений с другими странами. Говоря о проблеме проливов, Чичерин заявил, что РСФСР является сторонником обеспечения свободы постоянного прохода торговых судов и мирных морских сообщений на Босфоре, в Мраморном море и Дарданеллах, а также сторонником установления прочных гарантий сохранения мира на Черном море и безопасности его побережья, равно как и сохранения мира на Ближнем Востоке и безопасности Константинополя. Это означало, что как в мирное, так и в военное время проливы должны были быть закрыты для военных судов и военной авиации всех стран, кроме Турции.

6 декабря Керзон выступил с речью, в которой был дан ответ советскими представителями: обвинив советские республики в стремлении к доминированию на Черном море посредством установления контроля над проливами и в игнорировании при этом законных интересов других держав, Керзон изложил предложения Антанты, сформулированные в двух проектах, озаглавленных как «Свобода проливов» и «Демилитаризация зоны проливов». В первом проекте предусматривалась полная свобода прохода через проливы всех военных и торговых судов и полета авиации как в мирное время, так и во время войны, в которой Турция является нейтральной. Во время войны, участником которой является Турция, право прохода через проливы должно было быть предоставлено только военным судам нейтральных стран. В случае договоренности между прибрежными черноморскими странами о полном разоружении на Черном море, нечерноморские государства, согласно проекту, оставляли за собой право посылать через проливы три военных корабля, водоизмещение одного из которых могло превышать 10 тыс. тонн.

Во втором проекте предусматривалась демилитаризация европейского и азиатского берегов Босфора и Дарданелл и ряда прилегающих к ним островов; в демилитаризованных зонах исключалось присутствие военных частей и предусматривалось лишь наличие полицейских сил, необходимых для поддержания внутреннего порядка. Исключение делалось лишь для района Константинополя, где допускалось размещение турецкого гарнизона численностью до 10 тыс. чел. Для осуществления контроля в демилитаризованной зоне предлагалось создать международную комиссию из представителей Англии, Франции, США, Румынии, Италии, Греции, Японии, Югославии, Болгарии и России.

Выступивший 8 декабря глава турецкой делегации Исмет-паша в принципе не возражал против прохода военных судов через проливы, хотя и высказывался за пропуск только легких кораблей, сопровождающих коммерческие суда. Турецкая сторона соглашалась и на демилитаризацию Дарданелл, протестуя тем не менее против демилитаризации Босфора. На этом же заседании с развернутой речью выступил и Чичерин, высказавшийся против пропуска через проливы военных судов. Однако советское предложение не встретило поддержки ни с чьей стороны. Англичане, почувствовав, что турки готовы к компромиссу, заявили о необходимости отдельной встречи союзных и турецких экспертов для выяснения деталей, что, по мысли Керзона, должно было способствовать быстрой сепаратной договоренности. Неоднократные протесты советской делегации никакого эффекта не возымели.

Таким образом, в целом на конференции для советской стороны складывалась тупиковая ситуация, вызванная как нежеланием союзников прислушаться к ее требованиям, так и двойственной позицией турецкой делегации, склонявшейся к достижению договоренности с Антантой. В сложившихся условиях советское руководство приняло решение несколько смягчить свою позицию. 18 декабря 1922 г. на очередном заседании комиссии по проливам, представители РСФСР предложили на рассмотрение новый проект прохода судов через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор. При этом советская делегация выступила с заявлением, что в случае одобрения этого проекта, Россия и другие советские республики обязуются предложить правительствам прибрежных черноморских государств созвать конференцию для принятия взаимных гарантий в отношении эффективного обеспечения безопасности их берегов. Суть российских предложений заключалась в следующем: 1) легкие военные корабли могут иметь право свободного прохода через проливы, но по каждому такому случаю турецкий парламент должен выносить отдельное решение; 2) доступ в Черное море должен быть запрещен судам воюющих стран.

Западные державы сочли уступки советской стороны незначительными и продолжали оказывать давление на Турцию с целью заставить ее согласиться с предложениями, выдвинутыми Антантой. Ситуация складывалась не в пользу советской дипломатии, тем более что в начале 20-х гг. военный, экономический и политический потенциал Советского государства был несоизмеримо меньше, чем потенциал его противников, что, по мнению исследователей, и предопределило исход обсуждений не в пользу России.

Однако необходимо отметить, что дела стран Запада также не были блестящими. Если по вопросу о проливах английская и турецкая делегации сумели сблизить свои позиции, то по наиболее важным для Турции пунктам, касающимся финансово-экономических вопросов и капитуляционного режима, а также территориальных вопросов, на конференции разгорелась острая дискуссия, в ходе которой стороны не могли прийти к каким-либо результатам. Для того чтобы воздействовать на турецкую делегацию, а также для того чтобы надавить на французов, с которыми у англичан к этому моменту возникли серьезные разногласия, вызванные рурским кризисом, Керзон спровоцировал приостановку переговоров в Лозанне. 1 февраля 1923 г. он в ультимативной форме потребовал от турецких представителей подписать выработанный экспертами Антанты проект общего договора; в противном случае он пригрозил покинуть конференцию. 4 февраля Керзон демонстративно покинул Лозанну. Вслед за ним уехали и другие делегации, включая советскую.

Второй этап конференции начался 23 апреля 1923 г. и характеризовался тем, что делегации держав-участниц состояли уже из второстепенных лиц. Представители Антанты на этом этапе постарались устранить советских представителей от участия в переговорах, аргументируя это тем, что вопрос о проливах больше не будет подниматься, а также тем, что советская делегация уже официально отказалась подписать конвенцию о проливах. Неблагоприятная политическая обстановка, сложившаяся на этом этапе конференции, была следствием, в частности, ухудшения советско-английских отношений в этот период.

В ответ на это глава советской делегации - В. Боровский - обратился с нотой на имя Б. Муссолини, главы одной из стран - инициаторов конференции, с протестом против произвольного отстранения советской делегации от участия в конференции до подписания соглашения о проливах. Отметив, что работа комиссии по проливам еще не закончена, В. Боровский также подчеркнул, что советская делегация никогда не отказывалась подписать конвенцию о проливах, что же касается выступления Г.В. Чичерина по этому поводу, то в нем было лишь констатировано, что представленный западными державами проект, выработанный без участия советской делегации, противоречит интересам России и ее союзников.

После длительных переговоров, в основном по экономическим, финансовым и территориальным вопросам, участники конференции подписали мирный договор между союзными державами и Турцией, а также ряд приложенных к нему актов (конвенция о проливах, конвенция об обмене населением между Турцией и Грецией и т.д.). Можно сказать, что результаты конференции были благоприятны для кемалистской Турции: Анкара добилась международного признания Турецкой республики, сохранившего ее единство в этнографических фаницах, обеспечила невмешательство держав в ее внутренние дела и де-факто сироваала таким образом Севрский договор.

Что же касается вопроса о проливах, то здесь английской дипломатии удалось добиться значительных уступок со стороны турецкого руководства. Конвенция о режиме черноморских проливов предусматривала свободу прохода через них в мирное и военное время морских и воздушных судов и демилитаризацию Босфора и Дарданелл. Державы получили право при любых обстоятельствах посылать в Черное море не более трех судов водоизмещением не более 10 тыс. т каждое. Для контроля за выполнением конвенции создавалась международная комиссия со штаб-квартирой в Константинополе во главе с представителем Турции и при участии Франции, Великобритании, Италии, Румынии, Болгарии, Югославии, России и Японии.

Что касается позиции советского руководства по отношению к данной конвенции, то в Москве она сначала была расценена как совершенно противоречащая российским интересам, так как

1) открытие Черного моря и проливов для военных судов западных стран, несмотря на ограничение их количества, ставило советские берега под постоянную военную угрозу, что не могло не вызвать увеличения военных расходов, мешающих экономическому развитию страны;

2) свободный доступ иностранных военных кораблей в проливы и демилитаризация их берегов нарушали интересы Турции, являвшейся основным союзником советского государства на Ближнем Востоке, делало неизбежным вовлечение ее в войну в случае военного столкновения в районе Черного и Эгейского морей;

3) кроме того, советское руководство было недовольно тем, что Лига Наций взяла на себя роль наблюдателя за деятельностью комиссии по проливам.

Тем не менее, учитывая все «за» и «против», советская дипломатия решила продолжить попытки использовать даже слабую возможность контроля над проведением в жизнь конвенции, дабы устранять по мере возможности опасности, угрожающие советским республикам. При этом советская сторона заявила, что если практика осуществления мероприятий, предусмотренных конвенцией, поставит под угрозу интересы Советского государства, как политические, так и экономические, то правительство СССР будет вынуждено поставить вопрос о прекращении ее действия.

В целом Лозаннская конференция, не решив всех проблем, связанных с урегулированием международных отношений на Ближнем Востоке в период после Первой мировой войны, тем не менее создала определенные условия для стабилизации международной обстановки в данном регионе, способствовал интеграции в послевоенный мировой порядок Турции, а также, в определенном смысле, и Советской России.

СПЕЦИФИКА

МЕЖДУНАРОДНЫХ

ОТНОШЕНИЙ

СЕРЕДИНЫ 20-х - НАЧАЛА 30-х гг.

1. Репарационный вопрос в межвоенный период

Окончательное становление Версальской системы мироустройства, относительное урегулирование ряда межгосударственных противоречий в лагере держав-победительниц в ходе обозначенных выше конференций, а также интеграция в послевоенный мировой порядок государств, в недрах которых произошли глубокие социально-экономические и социально-политические изменения (Россия, Турция), способствовало относительной стабилизации отношений на международной арене. Однако в самом основании Версальской системы международных отношений, ставшей плодом компромисса между великими державами, были заложены неразрешимые противоречия, связанные с борьбой между державами за доминирование в Европе, а также с соперничеством индустриальных стран Запада по поводу передела сфер экономического и политического влияния в колониях и зависимых странах.

Система противоречий, сложившаяся на мировой арене в межвоенный период, включала в себя три основных категории межгосударственных противоречий:

Противоречия между Великобританией и Францией в отношении доминирования в Европе.

Противоречия между западноевропейскими державами, с одной стороны, и усилившимися в результате войны Соединенными Штатами Америки, с другой, в отношении

доминирования в мировых экономических и политических отношениях. Противоречия между державами-победительницами и аутсайдерами Версальской системы — Германией и Советским государством, которые к тому же предпринимали усилия для сближения, показателем чего явился Рапалльский договор 1922 г. Данный комплекс противоречий сыграл фактически определяющую роль в развитии международных отношений в рассматриваемый период и наиболее ярко проявился в процессе создания системы международной безопасности, призванной обеспечить стабильность существующего миропорядка, а также при решении связанного с ней вопроса о германских репарационных платежах. Одной из самых острых проблем международных отношений практически на всем периоде между мировыми войнами стала проблема репараций. Справедливая сама по себе идея репараций — возмещение материального ущерба, причиненного агрессором, — была использована державами-победительницами, особенно Францией. Предъявленные Германии репарационные требования примерно в 3 раза превышали фактический ущерб, причиненный войной державам-победительницам.

Несостоятельность репарационных постановлений Версальского договора была раскрыта Дж. М. Кейнсом в книге «Экономические последствия Версальского мирного договора».

Решение репарационного вопроса осложнялось саботажем со стороны монополистических кругов Германии. Для подрыва платежеспособности они использовали «бегство капиталов» за границу, форсированную инфляцию. 1 июля 1920 года Верховному совету Антанты был представлен меморандум 22 представителей крупного капитала Германии с требованием уменьшить репарационные обязательства ввиду неплатежеспособности.

На конференции в Спа (7-16 июля 1920 года), первой после окончания войны встрече держав Антанты с делегацией Германии, наметилась склонность части государств-победительниц к уступкам. Однако влияние Франции было еще достаточно сильно, чтобы требовать придерживаться принципов Версальского договора. Здесь удалось договориться лишь о процентном соотношении выплат репараций союзникам. Франция получила 52%, а Англия — 22 % германских репараций.

Ко времени Лондонской конференции (21 февраля — 14 марта 1921 г.) стран Антанты, Германии и Турции, Англия, стремясь заручиться поддержкой Франции на Ближнем Востоке, пошла на компромисс с Францией по репарационному вопросу и поддержала санкции Франции в отношении Германии за саботаж выплат. Французские войска оккупировали Дуйсбург, Рурорт и Дюссельдорф. 5 мая 1921 года Ллойд Джордж вручил германскому послу в Лондоне ультиматум союзников, определивший общую сумму репарационного долга в 132 млрд. золотых марок; ежегодные платежи на первых порах устанавливались в 3,5 млрд. золотых марок, первый взнос в 1 млрд. золотых марок назначался на 31 августа 1921 года.

Ревизия репарационных платежей нашла поддержку у руководства США, которое намеревалось использовать ее для создания на европейском континенте благоприятных для себя условий, а именно недопущение гегемонии одного или нескольких государств в Европе и проведения ими антиамериканской политики. Международный комитет банкиров под председательством Дж. П. Моргана (комитет Моргана) на заседании в Париже в июне 1922 года объявил о согласии предоставить Германии заем после уменьшения «до разумных размеров» ее репарационных обязательств. 7 октября последовало заявление Белого дома о том, что правительство Гардинга желает участвовать в восстановлении Европы.

Между тем решение репарационного вопроса зашло в тупик. Правительство Вирта начало отход от политики выполнения условий мира. В конце августа 1922 года репарационная комиссия предоставила Германии мораторий до 15 декабря 1922 года, а в октябре 1922 года последняя была освобождена от платежей наличными до 10 июля 1923 года. Уходя в отставку, правительство Вирта направило в репарационную комиссию ноту о неплатежеспособности Германии, в которой просила моратория на 3-4 года и предоставление Германии займа.

Попыткой выйти из этой ситуации стала оккупация Рура французскими и бельгийскими войсками, предпринятая в январе 1923 года под предлогом санкций за невыполнение Германией своих репарационных обязательств. Правительство Куно ответило политикой «пассивного сопротивления», отзывом своих представителей из Франции и Бельгии и прекращением репарационных поставок в эти страны. Безусловно, главной причиной такого развития событий является политика США и Англии, решившими воз-

родить Германию в противовес Франции.

Рурский конфликт обернулся для Франции усилением противодействия ее европейской политике со стороны Англии и США, окончанием англо-французской Антанты, крахом притязаний на европейскую гегемонию в Европе. Вынужденный компромисс был зафиксирован 23 ноября 1923 года соглашением шахтовладельцев Рура с франко-бельгийской комиссией (МИКУМ) о возобновлении германских поставок угля и прекращения оккупации Рура.

Новый премьер-министр Франции Э.Эррио безотлагательно приступил к подготовке конференции по репарационному вопросу. Франция по-прежнему говорила о защите своих договорных прав и сохранении оккупации Рура, пока не будет учреждена предусмотренная экспертами организация по наблюдению и контролю с действенными гарантами. 21-22 июня состоялся обмен мнениями между Эррио и Макдональд-дом, на которой политика стран-победительниц по отношению к Германии увязывалась с политикой Германии. Это привело к тому, что Германия отказалась участвовать в конференции, пока оккупация Рура не будет окончательно снята.

Тем временем в Лондон и Париж отправился госсекретарь США Юз, чтобы подготовить конференцию и преодолеть оставшиеся разногласия. Что ему и удалось сделать, оказав сильнейшее давление на французское руководство.

16 июля 1924 года открылась Лондонская конференция, которая должна была утвердить новый репарационный план. В центре внимания был, безусловно, вопрос о снятии оккупации Рура. В результате длительных переговоров с помощью американского посла Келлога удалось прийти к единому мнению об эвакуации Рурской области через год.

Другим важнейшим вопросом было утверждение нового репарационного плана, разработанного комитетом экспертов во главе представителем американских финансовых кругов чикагским банкиром Ч.Дауэсом и вошедшего в историю под названием «плана Дауэса». 10 октября 1924 года была достигнута договоренность между банками стран — участников лондонских соглашений о кредите Германии в сумме 800 млн. золотых марок.

Одним из важнейших политических аспектов плана Дауэса, оказавшего огромное влияние на последующее развитие международных отношений, была его трансформация из орудия французской политики силы в мощный рычаг влияния на Германию со стороны, прежде всего, США.

План Дауэса предусматривал огромные валютные вливания в немецкую экономику, позволившие не только стабилизировать, но и увеличить промышленную мощь.

Он привел также к известному урегулированию репарационного вопроса, зафиксировав точные суммы ежегодных платежей, более приемлемые по сравнению с установленными ранее. План содержал серьезные ограничения германского суверенитета, устанавливая контроль за рядом важнейших сторон экономической жизни страны. Вместе с тем план Дауэса серьезно укреплял не только экономическое, но, главное, внешнеполитическое положение Веймарской республики, что подтвердили в дальнейшем соглашения в Локарно. 29 августа 1924 рейхстаг ратифицировал «план Дауэса».

16 сентября 1928 года в Женеве состоялась очередная конференция стран-победительниц и Германии. Несмотря на требования Германии освободить Рейнскую зону, А.Бриан подчеркивал не только связь между вопросом об эвакуации и урегулированием репарационных платежей, но и выдвинул идею о проведении инспекции в демилитаризованной зоне. Найденный компромисс нашел свое выражение в коммюнике конференции, в котором стороны соглашались начать официальные переговоры

об эвакуации войск из Рейнской зоны, создать комитет финансовых экспертов для выработки окончательного и полного соглашения по репарационной проблеме.

В феврале 1929 года началась в Париже работа комитета финансовых экспертов, в который вошли представители Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии и США во главе с американским финансистом Юнгом. В отличие от комитета Дауэса в новом комитете вместе заседали эксперты — кредиторы Германии и немецкие эксперты. На первом заседании Шахт заявил, что Германия не имеет возможности ежегодно выплачивать 2,5 млрд. золотых марок репараций. Он настаивал на снижении суммы и изменении сроков репарационных выплат.

Представитель Франции выступил с резким протестом и потребовал, чтобы Германия выплачивала ежегодно репарации в сумме, позволяющей Франции уплачивать ее долги Англии и США и покрывать расходы на восстановление хозяйства. Лишь к июню 1929 года эксперты достигли договоренности и вынесли рекомендацию заменить план Дауэса новым соглашением, получившим название «план Юнга».

Представленный план предусматривал снижение ежегодных репарационных выплат

до 2 млрд. марок, которые должны выплачиваться в течение 37 лет, а в течение следующих 22 лет Германия должна будет вносить суммы, равные тем платежам, которые ее кредиторы должны будут платить в эти годы для погашения своих долгов. Ежегодные взносы по репарациям разбивались на две доли: безусловную, которая не подлежала отсрочке (из них 500 млн. марок выплачивались Франции), и условную, которая в случае экономических затруднений Германии могла быть отсрочена на срок до 2 лет. Новый план точно фиксировал сроки и общую сумму репараций, восстанавливал финансовую самостоятельность Германии, ликвидировал контрольные органы союзных держав.

Основное противоречие репарационной проблемы состояло в том, что возложенная на Германию контрибуция наполовину подлежала выплате в виде товаров, сбываемых на мировом рынке. В то же время условия Версальского договора ставили серьезные препятствия вывозу германской продукции. С другой стороны, державы-победительницы желали получить с Германии как можно большую часть репараций в валюте, но это было возможно только за счет увеличения сбыта германских товаров на мировом рынке, что, в свою очередь, приводило к серьезной конкуренции между Германией и странами, получающими репарации.

На конференции в Гааге, открывшейся 6 августа 1929 года, в которой участвовало 12 государств, развернулся настоящий конфликт не по вопросу о размере репараций и эвакуации войск из Рейнской зоны, а между кредиторами Германии по вопросу о распределении репараций. Главными противниками были министр финансов Англии Ф.Сноуден, с одной стороны, и министры других держав во главе с французским министром Шероном с другой. Сноуден требовал пересмотра плана Юнга, так как он предусматривал сокращения доли Англии в общей сумме ежегодных репарационных взносов. В результате обещаний и компромиссов как с той, так и с другой стороны 31 августа был подписан протокол, согласно которому участвующие в конференции державы приняли в принципе план Юнга.

С 3 по 20 января 1930 года проходила вторая сессия Гаагской конференции, на работу которой большое влияние оказал начавшийся мировой кризис. На ней почти без поправок и окончательно был принят план Юнга. В целом Гаагская конференция была успехом для Германии, так как принятие данного плана наносило удар по Версальской системе и в то же время открывало перед Германией новые возможности борьбы за полную отмену ограничений Версаля и в других областях. В Париже состоялась его ратификация всеми державами, а 17 мая он вступил в действие. Однако вскоре, в связи с ухудшением финансового положения, Германия выдвинула новые требования. 6 июня 1931 года германское правительство выступило с заявлением, где говорилось о необходимости освобождения Германии от выплаты репараций.

Оказание незамедлительной помощи Германии взяли на себя Соединенные Штаты Америки. Гувер опубликовал декларацию о готовности предоставить мораторий должникам США по межсоюзным военным долгам на 1931—1932 годы.

Англия предложила провести в январе 1932 года в Лозанне конференцию по репарациям. Однако в силу ряда причин ее проведение дважды откладывалось. Не последнюю роль в этом сыграла Германия. Тем не менее она начала работу 16 июня 1932 года, и здесь наиболее важно отметить готовность Англии принять участие в общем аннулировании репараций, правда при условии, что все другие заинтересованные правительства поступят так же. Франция заявила о возможности сокращения репараций, но о полной отмене не могло быть и речи. Кроме того, решение о сведении репарационных выплат тесно увязывалось с политическими уступками, в частности по вопросу разоружения. США также поддерживали в этом вопросе французскую делегацию.

Переговоры между державами-победительницами и Германией по вопросам репараций сконцентрировались по трем основным направлениям. Державы-кредиторы, в особенности Франция, подчеркивали зависимость нового репарационного соглашения от уступок, которых они смогут добиться от США по межсоюзническим военным долгам, и настаивали на включении соответствующей оговорки в текст будущего соглашения. Германия категорически отказывалась ее принять. Вторым спорным вопросом был вопрос о форме будущих репарационных платежей. Германия предлагала денежные взносы наличными, без гарантийных обязательств, государства-кредиторы настаивали на выпуске бон, гарантированных определенными категориями германских доходов. В-третьих, спор шел в отношении суммы заключительного платежа. Франция сначала требовала 8 млрд. марок, затем снизила сумму до 6 млрд. марок. Германия же предлагала 2 млрд. марок и одновременно требовала аннулирования статьи 231 Версальского договора, возлагавшей на Германию ответственность за развязывание войны и являющейся правовой основой репараций.

9 июля 1932 года был подписан Заключительный пакт Лозаннской конференции. Соглашение с Германией устанавливало следующее: Германия вносит в Банк между-

народных расчетов 5%-ные облигации на сумму 3 млрд. марок, которые будут погашаться в течение 37 лет. Облигации должны быть пущены в обращение не ранее чем через 3 года (на этот срок Германии предоставлялся мораторий). Это соглашение полностью заменяло предыдущие обязательства Германии по плану Юнга.

§ 2. Проблемы обеспечения европейской системы безопасности в период между двумя мировыми войнами. Формирование системы гарантийных пактов

Одной из основных проблем, которую так и не удалось решить в рамках Версальской системы международных отношений, была проблема обеспечения безопасности в Европе, от решения которой, в принципе, зависела безопасность практически в мировом масштабе. Участники Парижской мирной конференции не сумели выработать эффективного механизма, который позволил бы ограничить рост военного и экономического могущества Германии и обеспечить стабильность государственных границ, установленных в Европе в результате заключения мирных договоров с побежденной Германией и ее союзниками.

Система европейской безопасности, сложившаяся в период между двумя мировыми войнами, базировалась на двух основных элементах:

1) системе двусторонних договоров, заключенных между Францией, Великобританией и США, предусматривавших взаимную поддержку против любой неспровоцированной агрессии;

2) положениях Устава Лиги Наций, осуждавших любые формы агрессии и предусматривавших возможность введения экономических санкций и коллективного военного воздействия государств — членов Лиги на агрессора.

Однако эти элементы носили, во многом, формальный характер, очевидный самим создателям этой системы, и, соответственно, не могли стать гарантией от возникновения вооруженных конфликтов в условиях, когда межгосударственные противоречия еще более увеличились и усложнились по сравнению с довоенным периодом благодаря усилению внешнеполитической активности США в Европе и появлению на международной арене новой политической силы в лице Советского Союза, оказавшегося вне рамок сложившейся системы международных отношений и старавшегося наладить отношения с другим «изгоем» Версальской системы — Германией.

Ситуация, сложившаяся под воздействием комплекса противоречий, была чревата возникновением острых международных конфликтов в обозримой перспективе и, соответственно, требовала от держав — гарантов Версальской системы мироустройства укрепления существующей системы международной безопасности. Особенно актуальной эта проблема была для Франции, оказавшейся наиболее уязвимой перед лицом возможной угрозы возрастания реваншистских настроений в Германии.

Во французском руководстве существовало два основных подхода к решению этой проблемы. Первый подход, сторонником которого был А.Бриан, заключался в сохранении, как основы, версальского порядка и смягчение разногласий мировых держав путем укрепления связей Франции с США и Англией. Другой подход состоял в жестком выполнении, в частности Германией, всех статей Версальского договора и наращивании французской военной мощи.

В Версале Франция упорно добивалась, но так и не получила англо-американских гарантий неприкосновенности своих границ. Французские границы не были защищены надежными укреплениями, и угроза германского реванша не была снята. Если первая группа, особенно дипломатические круги, надеялись парировать германскую угрозу путем создания системами союзов со странами, расположенными на восточной и юго-восточной границах Германии (так называемых *alliances de revers* - тыловых союзов), при обязательном условии сохранения дружбы с Англией и одновременно проведения политики примирения с Берлином, то вторая группа, в частности военные круги, главной мерой безопасности считала наряду с наращиванием военной мощи разоружение и ослабление Германии.

В сложившихся на международной арене условиях доминирующей стала первая точка зрения, сторонники которой отстаивали необходимость обеспечения безопасности в Европе дипломатическими средствами.

С целью укрепления международной безопасности в Европе по инициативе французского руководства 2 октября 1924 г. в Женеве был подписан протокол «О мирном урегулировании конфликтов», предусматривавший сохранение территориального статус-кво, установленного Версальским договором, и контроль Совета Лиги Наций над демилитаризованными зонами. В соответствии с протоколом французское правительство получало возможность рассчитывать на помощь Англии в случае конфликта между Германией и Францией, или ее союзниками — странами Малой Антанты.

Однако срок действия данного протокола оказался недолгим. Пришедшее к власти в

Англии консервативное правительство Болдуина — Чемберлена в качестве одной из своих первоочередных внешнеполитических задач рассматривало отказ от выполнения Женевского протокола. Кабинет Болдуина, поддерживаемый правительствами британских доминионов, которые являлись противниками каких-либо обязательств Великобритании на европейском континенте, решительно выступил против ратификации протокола, подписанного лейбористским правительством Макдональда. Англия не хотела брать на себя защиту всех границ во французской системе союзов, соглашаясь обеспечивать лишь безопасность тех границ, в сохранении которых была заинтересована. 12 марта 1925 г. в Совете Лиги Наций было сделано официальное заявление об отказе Великобритании от ратификации Женевского протокола.

Вместо этого британское руководство предполагало вовлечь Германию в систему международных отношений в качестве полноправного ее члена с помощью заключения гарантийного пакта, обеспечивающего стабильность западной германской границы. В этом случае создавалась угроза восточноевропейским союзникам Франции, что в свою очередь не могло не повлечь за собой ослабление французских позиций в Европе. Кроме того, заключение такого пакта, по мнению лидеров консервативной партии Англии, позволяло не допустить дальнейшего сближения Германии с СССР.

Переговоры о заключении гарантийного пакта официально начались 20 января 1925 г., однако фактически начало переговоров относится к декабрю 1924 г.

С самого начала переговоров о гарантийном пакте западноевропейские державы считали вступление Германии в Лигу Наций абсолютно необходимым условием заключения какого бы то ни было пакта. Аналогичного мнения придерживались и правительственные круги США.

Германское правительство, со своей стороны, считало, что вхождение в Лигу Наций позволит Германии занять по-настоящему равноправное положение среди европейских держав, войдя в «западную систему обороны».

Преследуя цель войти в Лигу Наций и одновременно сохранить отношения с Советским Союзом, германские правящие круги решили добиться согласия Англии и Франции на прием Германии в Лигу Наций с оговорками. Особенно это касалось вопросов о контроле со стороны Лиги Наций за выполнением Германией условий Версальского договора и обязательств, вытекающих из статьи 16 Устава Лиги, которые могли обязать Германию участвовать в санкциях против СССР. В декабре 1924 года германское правительство направило Лиге Наций меморандум, в котором в категорической форме настаивало на нейтралитете для Германии в случае ее вступления в Лигу.

Под руководством Штресемана началась также выработка теста меморандума о пакте безопасности. 20 января 1925 года этот меморандум был передан английскому послу и отправлен в Лондон. Согласно предложению германского правительства пакт гарантировал статус-кво на Рейне, то есть безопасность границ Франции с Германией. Вопрос о «восточных границах» оставался между тем открытым.

Германское правительство хотело как можно быстрее заручиться согласием Англии перед тем, как обратиться с аналогичным меморандумом к Франции. Стремясь ускорить достижение договоренности с английским правительством, германские правящие круги выразили даже готовность предоставить английской стороне при распределении репарационных платежей определенные преимущества, в которых Франции было отказано.

Английское правительство заявило о том, что считает единственно возможным гарантийный пакт с участием в нем Германии. Предлагается также прием Германии в Лигу Наций и предоставление ей места в Совете Лиги, если германское правительство согласится на безоговорочное выполнение своих обязанностей по всем статьям Устава Лиги Наций. Англия соглашалась взять на себя гарантию только франко-германских границ.

В Польше предполагаемый отказ Англии от гарантии германских восточных границ вызвал крайнее беспокойство. В связи с этим польское правительство стремилось всячески воздействовать на государственных деятелей Англии и Франции.

Беспокойство в отношении своих границ в связи с проектируемым пактом проявили также правительства Италии (итало-австрийской границы в районе Бреннера) и Чехословакии (австро-чехословацкой границы), которые потребовали, чтобы в гарантийном пакте было заявлено о признании Германией запрещения «аншлюса» Австрии.

Однако германское правительство считало нецелесообразным открывать дискуссию по вопросу о расширении гарантийного пакта, которое оно считало абсолютно неприемлемым. Если бы Германия согласилась с требованиями Италии и Чехословакии об отказе Германии от «аншлюса» в пакте, то это могло бы дать так же основание, например, Польше и Чехословакии претендовать на признание «нерушимости своих границ с Германией». Позиция же Германии по вопросу о границах с Польшей и Чехословакией была неизменной; она считала абсолютно исключенным участие в пакте, если тот не откроет

перед Германией реальные перспективы ревизии версальских постановлений.

Английское правительство стремилось также воздействовать на Францию, вынуждая ее согласиться с тем, что обязательства Англии в пакте не распространяются на восточные границы Германии.

Германское правительство, учитывая неблагоприятную позицию Франции, решило прибегнуть и к «русской карте». Выступая в мае 1925 года в рейхстаге, Штресеман подчеркнул, что если не удастся договориться с французской стороной, германское правительство пойдет на новое сближение с Советским Союзом, который во взаимоотношениях Германии с Востоком все еще является «решающим фактором» и с которым «нет трений ни в одной политической области».

Тактика германского правительства оказалась успешной. Активная переписка между Лондоном и Парижем привела в конечном счете к согласию французского правительства с английским по основным вопросам германского меморандума о пакте безопасности. Решающую роль в согласии Франции сыграл, безусловно, нажим финансовых кругов США. В мае 1925 года с призывом достичь «умиротворения» Европы выступил посол США в Англии А. Хаутон. Проектируемый гарантийный пакт получил одобрение со стороны президента США Кулиджа.

Конференция в Локарно проходила с 5 по 16 октября 1925 года. Основными вопросами при обсуждении проекта соглашений стали, как и следовало ожидать, вопросы гарантии восточных границ Германии и о вступлении Германии в Лигу Наций.

Несмотря на острейшую борьбу вокруг гарантий восточных границ Германии и нажим на Францию и Англию со стороны Чехословакии и особенно Польши вопрос остался не решенным.

Были подписаны арбитражные договоры Германии с Польшей и Чехословакией, в которых шла речь об урегулировании юридических и политических споров, но не содержалось никаких обязательств в отношении гарантии неприкосновенности границ между этими государствами со стороны других держав. Эти договоры не были связаны с основным из подписанных на конференции документом — Рейнским гарантийным пактом, по которому Англия и Италия гарантировали германо-французские и германо-бельгийские границы.

Отдельно были подписаны гарантийные договоры Франции с Польшей и Чехословакией, которые вообще не входили в систему Локарнских соглашений. Однако согласно данным договорам французское правительство могло оказать помощь этим странам лишь с санкции Совета Лиги Наций, в котором ведущую роль играла Англия. Не было принято требование Франции о предоставлении ей безоговорочного права на ввод войск в демилитаризованную Рейнскую зону в случае германо-польской войны. Этот вопрос также должен был решаться Советом Лиги Наций.

Поражение французского правительства на Локарнской конференции в вопросе о гарантиях восточных границ Германии было обусловлено единодушием английской и германской сторон в этом вопросе.

Для германского правительства на конференции одним из наиболее важных был вопрос об условиях вступления Германии в Лигу Наций. Представители других западных держав настаивали на ее безоговорочном участии в Лиге. Однако для германского правительства было неприемлемым согласие на санкции Лиги. Вместе с тем отказаться полностью от участия в санкциях Лиги также не представлялось возможным. Гораздо удобнее казался другой вариант, вытекающий из некоторой неопределенности статьи 16 Устава Лиги Наций. Перед Германией вопрос стоит так: не допустить, чтобы ее могли принудительно, как члена Лиги Наций, вовлечь в военные конфликты соседних с ней государств, в особенности в конфликт между Польшей и СССР. Основным аргументом германской стороны было то, что война с СССР приведет к революционному взрыву внутри Германии и, следовательно, в центре Европы. Но была и другая важная причина, из-за которой германское правительство не хотело бы безоговорочно вступать в Лигу Наций. Такой причиной являлась заинтересованность Германии в поддержании отношений с Советским Союзом. В заявлении правительства СССР от 2 июня 1925 года подчеркивалось, что вхождение Германии в Лигу Наций без оговорок затруднит, если даже не делает невозможным, сохранение и дальнейшее укрепление заложенных в Рапалло основ политических и экономических

отношений.

Англия выступила резко против такой позиции Германии и хотя была поддержана Францией, германские представители не согласились принять на себя никаких определенных обязательств в том, что касается статьи 16 Устава Лиги Наций. Правда была сделана оговорка, что это не означает, что Германия при любых условиях останется без-

деятельной. 1 декабря 1925 года Локарнский пакт был подписан.

Заключение Локарнского гарантийного пакта явилось первым и одним из наиболее значительных шагов для Германии на пути к ревизии Версальской системы. Сам по себе факт равноправного участия германских представителей с представителями держав-победительниц в политическом европейском пакте уже являлся знаменательным. Кроме того, подписание этого пакта закрепило намечавшееся в процессе развития международных отношений известное изменение расстановки сил в Западной Европе. Прежде всего оно означало важный шаг Германии, вновь включенной в «европейский концерт» держав, в ущерб Франции, позиции которой оказались значительно ослабленными. Это отвечало интересам Англии, поскольку подрывало господствующее положение Франции на континенте. Англия тем самым становилась не только главным гарантом, но и фактически, что было для нее более важным, главным арбитром в Западной Европе. Создавшаяся же в районе восточных границ Германии

апряженность, постольку она наносила ущерб французскому влиянию, не противоречила интересам английского правительства.

Ущемление интересов Французской республики, произошедшее в результате заключения Локарнского гарантийного пакта, заставило руководство этой страны принять ряд мер, призванных компенсировать это поражение французской дипломатии. С этой целью в апреле 1927 г. министр иностранных дел Франции А. Бриан обратился к государственному секретарю США Ф. Келлогу с предложением о заключении двустороннего франко-американского договора о вечной дружбе и объявлении войны вне закона. По мнению французских правящих кругов, такой договор мог заменить формальные гарантии безопасности Франции, данные Соединенными Штатами на Парижской мирной конференции, но потерявшие силу после отказа американского конгресса от ратификации мирного договора.

Соединенные Штаты, осуществившие крупные капиталовложения в европейскую экономику и в связи с этим заинтересованные в сохранении стабильности на европейском континенте, выразили свое согласие на заключение договора, однако высказались за максимальное расширение круга его участников. Обсуждение текста договора и согласование позиций потенциальных его участников продолжалось в течение достаточно длительного периода. Окончательный текст договора был подписан представителями 15 стран в августе 1928 г. в Париже. Он включал в себя пункты об отказе от войны как инструмента государственной политики и о разрешении всех международных споров мирными средствами. Ратификация данного пакта и вступление его в силу произошло в июле 1929 г.

Заключение договора, известного как пакт Бриана—Келлога, сыграло позитивную роль, осудив агрессивную политику и наложив таким образом определенные моральные обязательства на подписавшие его стороны. Необходимо отметить еще одно положительное значение пакта Бриана—Келлога для обеспечения стабильности на международной арене — включение в систему европейской безопасности СССР, который также выразил согласие на подписание данного договора.

Вместе с тем он носил исключительно формальный характер, апеллируя в основном к мировому общественному мнению и не устраняя глубоких противоречий, существующих между государствами на международной арене.

Именно поэтому Франция вынуждена была искать возможности для получения реальных гарантий своей безопасности. С этой целью 5 сентября 1929 года на 10-й Ассамблее Лиги Наций А.Бриан представил проект создания «пан-Европы», тем самым он стремился укрепить экономические и политические позиции Франции в Европе. Причем планировалось сгруппировать вокруг Франции не только восточноевропейских союзников, но и так называемые «нейтральные» государства — Испанию, Швецию, Норвегию, Данию, а также балканские государства, находящиеся вне сферы французского влияния. Бриановский план был направлен против проникновения американского капитала в Европу, а также должен был помешать наметившемуся сближению Англии с Соединенными Штатами Америки.

В мае 1930 года французское правительство разослало европейским государствам — членам Лиги Наций «Меморандум об организации режима федеративного европейского союза». Однако острые противоречия между предполагаемыми участниками пакта «пан-Европы» привели к провалу этой идеи. Ни Англия, ни Германия, ни Италия не хотели допустить усиления влияния Франции на континенте. Когда в сентябре

1930 года на сессии Лиги Наций в Женеве вновь собрались представители европейских государств, оппозиция многих стран была столь велика, что в резолюции этого совещания даже не было упоминания о «европейском союзе».

* * *

На рубеже 1920-1930 годов стало понятно, что система безопасности, созданная в рамках Версаля, не отвечает сложившейся на международной арене ситуации и необходимо искать новые пути сохранения стабильности на европейском континенте. В связи с этим в правящих кругах ведущих европейских государств начинает складываться консенсус относительно адаптации существующей системы международной безопасности к новым мировым реалиям путем «мягкой», контролируемой ревизии версальской системы, заключавшейся главным образом в предоставлении Германии и Италии более широких прав при решении сложных вопросов европейской политики. До этого момента, как известно, данные страны были лишены такой возможности в соответствии с Версальским договором.

С начала 1930-х годов Германия начинает все настойчивее требовать для себя «равенства прав». В феврале 1932 года в Женеве состоялась конференция по проблемам разоружения. На ней были предложены различные варианты решения этой проблемы, но в большинстве случаев речь шла о том, чтобы любой ценой обеспечить для своей страны превосходство в вооруженных силах над своими соседями и потенциальными противниками.

Инициативу попыталась захватить Франция, которая представила проект, известный под названием «плана Тардье». Его особенностью было предложение о создании международных вооруженных сил, подчиненных по существу французскому генеральному штабу. Перспектива усиления и господства французской армии в Европе, естественно, не устраивала участников конференции. Французские предложения встретили серьезный отпор со стороны Германии и Италии.

В свою очередь германское предложение о предоставлении ей равных прав в вопросе вооружений было фактически поддержано английскими и американскими представителями. Более того, в Бесанже (окрестности Женевы) состоялись неофициальные переговоры между германской, американской и английской делегациями, где было достигнуто соглашение, фактически означавшее предоставление Германии права на вооружение. Однако официально соглашение не было подписано, так как Франция отказалась участвовать в переговорах в Бесанже.

Англичане не скрывали своего позитивного отношения к германским предложениям, заявляя о том, что это станет наилучшей гарантией мира. Итальянские правящие круги также признавали вполне справедливыми требования Германии.

Если правительство Эррио отказывалось в принципе вести переговоры о предоставлении Германии «равных прав», то англичане стремились лишь помешать двусторонним переговорам Франции и Германии. Английское руководство желало, чтобы в переговорах о предоставлении Германии равенства прав участвовали, по крайней мере, еще две державы — Великобритания и Италия. Оно мотивировало это стремлением к солидарности держав, подписавших 13 июля в Лозанне «соглашение о доверии». Правда, не всех присоединившихся к соглашению, а лишь этих четырех держав.

3 октября 1932 года Макдональд предложил созвать в Лондоне конференцию четырех держав — Англии, Германии, Франции и Италии (с участием представителя США в качестве наблюдателя) для разрешения проблем, возникших на Женевской конференции. После англо-французских переговоров 13-14 октября 1932 года Франция согласилась на проведение четырехсторонних переговоров.

Италия благосклонно встретила предложение Макдональда, а Муссолини расценил наметившееся сотрудничество четырех держав как необходимое условие «умиротворения Европы». Главу итальянского правительства это предложение (Макдональда) очень устраивало, так как на предполагаемой конференции Италия вместе с Англией могла стать арбитром в франко-германском споре.

Боясь оказаться в изоляции, Франция разработала в октябре 1932 года новый «план организации мира», который имел два варианта — «максимум» и «минимум». Первый предполагал замену всех постоянных национальных армий международными вооруженными силами. Второй содержал конкретные предложения по сокращению состава вооруженных сил, военных расходов и т.д.

Французский «план организации мира», который 14 ноября 1932 года был вручен председателю конференции А.Гендерсону, был противоречив и имел мало шансов на

поддержку. Он не содержал никаких новых предложений в области сокращения вооружений.

Новый план Франции, который был представлен в Женеве как «план Эррио-Поль Бонкура» также не получил одобрения на конференции. Его поддержали лишь союзники Франции.

3 декабря в Женеве состоялась встреча глав четырех держав, но на ней Франция наотрез отказалась признавать для Германии «равенства прав» в вооружениях. В ходе острой борьбы 11 декабря увидела свет «Декларация пяти держав», подписанная руководителями пяти держав. Первый пункт Декларации гласил, что одним из основных принципов конференции по разоружению должно быть предоставление Германии и другим странам, которых касались версальские постановления о разоружениях, «равенства прав в системе, дающей безопасность нациям». По существу это была победа Германии и поражение французской дипломатии.

Однако план создания «пакта четырех» не был оставлен, его инициатором на этот раз выступила Италия, разослав 18 марта 1933 года проекты «пакта согласия и сотрудничества между четырьмя западными державами».

Муссолини еще в 1920-х годах выступал против мирных договоров (против *vit-toria mutilata* — урезанной победы). Начиная с 1930-х годов его нападки на мирные договоры стали особенно резкими. Было очевидно, что Италию не устраивает статус-кво в Европе. Кроме того, Италия стремилась задобрить Германию с тем, чтобы сохранить контроль за Австрией и в целом Балканами. И наконец, «пакт четырех» ослаблял позиции Франции в Европе.

Проект предусматривал сотрудничество четырех держав «во всех политических и неполитических, европейских и неевропейских вопросах, а также в колониальной сфере» и состоял из шести статей. В предлагаемом договоре четыре державы подтверждали принцип ревизии мирных договоров согласно ст. 19 Устава Лиги Наций и признавали за Германией, в случае провала конференции по разоружению, равенство прав в вооружениях, которое она могла реализовать постепенно. Это же право распространялось на Болгарию, Венгрию и Австрию. Договор предлагалось заключить сроком на 10 лет; он должен был быть зарегистрирован в секретариате Лиги Наций. Основная идея пакта состояла в создании такого союза четырех западных держав, который стал бы верховным органом в Европе. Последний должен был принимать решения не только по вопросам, касающимся стран-участниц соглашения, но вообще по всем важным вопросам европейской и мировой политики.

Идея сотрудничества четырех держав была также стратегической целью английской дипломатии в межвоенный период. Макдональд действительно стремился к установлению тесного сотрудничества четырех западноевропейских держав, к их согласованной политике. Пакт давал Англии возможность сохранить на континенте равновесие. Окрепшая после Версаля Франция, ее система союзов с малыми странами Европы, ведущая роль французской армии — все это побуждало английских политиков искать пути и средства противодействия французскому влиянию в Европе.

Планируемое соглашение четырех держав, по мысли англичан должно, было не только ослабить французские позиции в Европе, но и привести к урегулированию англо-итальянских споров в колониальных вопросах. «Пакт четырех» устраивал Англию еще и потому, что он не требовал от Англии дополнительных обязательств сверх локарных. Такое соглашение, по мнению английской стороны, исключало бы опасность формирования противостоящих друг другу группировок. В условиях начала 1930-х годов Англия не могла рассчитывать остаться в стороне и была бы втянута в одну из них.

Французское правительство в то время допускало в принципе возможность предоставления Германии равенство в вооружениях, но в рамках системы коллективной безопасности и с обязательством взаимопомощи в случае агрессии.

Когда правительство Франции получило 18 марта 1933 года текст предлагаемого соглашения, стало очевидным, что договор имеет открытую антифранцузскую направленность. «Пакт четырех» наносил удар по Лиге Наций, в которой Франция играла одну из важных ролей, фактически подменял собой Лигу Наций, отстранял от участия в решении европейских дел малые государства, разрушал французскую систему союзов и изолировал Францию в международных делах.

В результате развернулась ожесточенная дипломатическая борьба не только между четырьмя участниками «пакта четырех», но и малыми странами Европы, выступившими единым фронтом. Через неделю после переговоров Муссолини и Макдональда Постоянный совет Малой Антанты опубликовал декларацию, где выступил против ревизии версальской системы.

10 апреля 1933 года французское правительство передало по дипломатическим кана-

лам в Рим, Лондон и Берлин контрпроект и меморандум. Заявляя в меморандуме о намерении тесно сотрудничать с тремя державами, оно подчеркивало, что это сотрудничество должно развиваться в рамках ранее заключенных четырех державами соглашений и пакта Лиги Наций. Был опущен пункт о ревизии договоров и вместо него указывалось на возможность предварительного изучения средств в целях изменения статьи 19 (о возможности пересмотра мирных договоров). Учитывая мнение стран Малой Антанты, в контрпроекте не упоминалось о распространении принципа равенства прав на Австрию, Венгрию и Болгарию. Этот контрпроект был дополнен гарантийным протоколом. В нем говорилось, что соглашение четырех держав ни в какой мере не ослабляет договоры, заключенные Францией с ее союзниками. Франция намерена выступать против любой попытки ревизии территориальных границ, а при обсуждении процедурных вопросов она будет настаивать на рассмотрении их в Лиге Наций и будет защищать принцип единогласия, включая голосование заинтересованных держав. Заинтересованность Англии, Италии и Германии в пакте была столь велика, что они согласились с французским проектом, внося незначительные поправки.

7 июня 1933 года в Риме был парафирован окончательный вариант «пакта о согласии и сотрудничестве». Он в значительной степени лишился своего первоначального смысла и носил компромиссный характер. 15 июля «пакт о согласии и сотрудничестве» был подписан в Риме. Однако в силу он так и не вступил, в первую очередь из-за острейших империалистических противоречий между Францией, с одной стороны, Германией и Италией — с другой. Французское правительство даже не внесли «пакт четырех» на ратификацию во французский парламент.

Таким образом, по мнению многих исследователей, в результате усилившейся поляризации сил на международной арене идея «мягкой» ревизии Версальской системы мироустройства изначально была обречена на неудачу, что заставило европейские державы, являвшиеся гарантами Версаля, вернуться к прежней политике.

§ 3. Эволюция европейской системы безопасности в период 1930-х гг.

Начавшийся экономический кризис и неудачные попытки ревизии версальской системы путем подписания «пакта четырех» заставили Францию, как наиболее уязвимую державу Европы, вновь вернуться к созданию европейской системы безопасности, основанной на военно-политических союзах. Однако следует отметить, что новым элементом этой системы стала интеграция в нее Советского Союза.

В конце 1933 — первой половине 1934 года начались советско-французские переговоры о создании в Восточной Европе региональной системы коллективной безопасности — Восточного пакта — с участием Прибалтийских государств, Польши, Чехословакии, Румынии, СССР, Франции, Финляндии.

Под давлением Франции начинается сближение стран Малой Антанты с СССР. В 1934 году в Загребе состоялось заседание Постоянного совета Малой Антанты, на котором было принято принципиальное решение о нормализации отношений с СССР. Однако решение Загребской сессии не было полностью проведено в жизнь, поскольку правительства Югославии и Румынии отказывались идти на сближение с Советским Союзом.

9 июня 1934 года были официально установлены дипломатические отношения СССР с Чехословакией и Румынией.

В мае 1934 года на советско-французских переговорах французская делегация представила на обсуждение свой проект регионального пакта взаимопомощи, включающий в его состав СССР, Германию, Чехословакию, Польшу и Прибалтийские страны. Французский проект исключал из числа участников регионального соглашения Францию и Бельгию и включал Германию. Это было мотивировано тем, что без Германии Польша не согласится присоединиться к пакту.

Согласно проекту, несмотря на то что Франция не участвует в пакте, она заключает с СССР отдельный пакт, гарантирующий помощь со стороны Франции и делающий СССР фактически участником Локарнского соглашения в пользу Франции. Помощь подвергшемуся нападению оказывается не всеми участниками пакта, а лишь непосредственными соседями. Последнее условие делало пакт несколько искусственным, так как он фактически не устанавливал никаких взаимных обязательств, например между СССР и Чехословакией.

Французская схема значительно суживала обязательства Франции. Она должна была оказывать помощь только СССР, а не всем участникам Восточного пакта.

Летом 1934 года борьба за создание Восточного пакта вступила в решающую стадию. После согласования основных вопросов, СССР и Франция приступили к переговорам с правительствами стран, приглашенных принять участие в региональном соглашении о взаимопомощи. Проект Восточного пакта был тогда доведен в Женеве до

сведения министров иностранных дел Польши и Чехословакии, а также сообщен в Лондон и Рим. В те же дни французский посол в Берлине А.Франсуа-Понсе довел его до сведения министерства иностранных дел Германии.

Еще в апреле 1934 года Луи Барту обсуждал идею регионального пакта с правительствами Польши и Чехословакии. Уже тогда было известно, что польские руководители достаточно прохладно отнеслись к этой идее. Что касается чехословацкой стороны, то ее правительство заявило о своей готовности участвовать в Восточном пакте. Тогда же стало ясно, что Германия не собирается участвовать в региональном пакте взаимопомощи.

В деле осуществления Восточного пакта многое зависело от позиции Англии. Ее руководители выдвинули ряд условий во время переговоров с Л.Барту 9-10 июля 1934 в Лондоне. Во-первых, они потребовали согласия Франции на равенство Германии в вооружениях. Во-вторых Англия настаивала на том, чтобы Германия стала третьим равноправным участником франко-советского гарантийного пакта. Последнее условие было поддержано и Францией, и СССР взамен обещания Англии повлиять на позиции Италии и Германии, но как показали дальнейшие события, это было сделано чисто формально. Дело в том, что английское правительство враждебно относилось к идее пакта о взаимопомощи.

Итальянское правительство долго не высказывалось по поводу планируемого соглашения. Оно никогда не благоприствало системе пактов, за исключением «пакта четырех». Однако было заявлено, что позиция Италии будет «идентична английской».

Что касается Германии, то ее позиция была твердой. Гитлеровское правительство не собиралось присоединяться ни к региональному пакту о взаимной помощи в Европе, ни к франко-советскому гарантийному договору. Германию не устраивала система автоматических обязательств взаимной помощи, она требовала сначала согласия Англии и Франции по вопросам вооружений. 8 сентября 1934 года Германия направила предполагаемым участникам пакта меморандум, в котором сообщала о том, что не намерена участвовать в пакте о взаимной помощи.

Вслед за Германией Восточный пакт покинула Польша. Ее руководство заявило, что не может согласиться на участие в пакте, если в нем не будет участвовать Германия и в то же время если его участниками станут Чехословакия и Литва.

Расстановка сил была такова, что ожидать полной реализации проекта Восточноевропейского пакта не приходилось. У него были противники не только среди предполагаемых участников (Германия, Польша и Финляндия) — идею регионального пакта о взаимопомощи в Восточной Европе не одобряли правительственные круги Великобритании, много противников такого пакта было во Франции. Попытка создания Восточного пакта стала еще более призрачной после убийства 9 октября 1934 года его вдохновителя Луи Барту.

Несмотря на подписание Женевского протокола 5 декабря 1934 года, французское правительство, возглавляемое Фланденом, стремилось всячески договориться с Гитлером, затягивая переговоры о Восточном пакте. На англо-французской встрече в феврале 1935 года заключение Восточного пакта было поставлено в зависимость от «общего урегулирования» с Германией, в том числе по вопросам вооружения.

Советское правительство придавало большое значение тому, чтобы пакт гарантировал от гитлеровской агрессии Прибалтийские государства, так как оккупация этих стран создавала непосредственную угрозу границам СССР. Весной 1935 года Советский Союз обратился к правительствам Эстонии, Литвы и Латвии с предложением заключить Восточный пакт, пусть даже без Германии и Польши, но они заняли выжидательную позицию.

Что касается Франции, то ее правительство не соглашалось на заключение Восточного пакта без участия Германии и Польши и с самого начала переговоров отказывалось гарантировать какую-либо помощь Прибалтийским государствам.

В условиях, когда идея Восточного пакта была отвергнута правительствами большинства предполагаемых стран-участниц, СССР поставил перед Францией вопрос о заключении трехстороннего франко-чешско-советского пакта о взаимопомощи. Однако это предложение было отклонено правительством П.Лавалля. Тогда советское правительство предложило Парижу вернуться к первоначальной идее 1933 года о заключении советско-французского пакта взаимопомощи, рассматривая его как первый практический шаг в деле создания системы коллективной безопасности в Европе. 2 мая 1935 года этот договор был подписан.

Согласно протоколу подписания, СССР и Франция объявили, что, как и прежде, считают желательным заключение регионального пакта о взаимной помощи. Стороны заявляли о готовности выполнить свои обязательства по оказанию помощи друг дру-

гу, даже если Совет Лиги Наций не примет соответствующего решения.

Значение франко-советского пакта о взаимопомощи, умаялось, правда, тем, что не была одновременно подписана военная конвенция, в которой бы определялись условия и формы оказания военной помощи. Договор не предусматривал и автоматизма действия обязательств о взаимопомощи, что также снижало эффективность этого соглашения. Через две недели, 16 мая 1935 года, договор о взаимной помощи был подписан между СССР и Чехословакией.

Советско-чехословацкий договор имел одну особенность по сравнению с пактом между Советским Союзом и Францией. Обязательства взаимной помощи действовали лишь при условии, если ее окажет Франция. Эта оговорка была включена в протокол подписания по настоянию правительства Чехословакии. Она имела целью предотвратить автоматическое действие пакта.

В истории международных отношений предвоенного периода пакты о взаимной помощи между СССР и Францией и СССР и Чехословакией занимают особое место, так как с попыток создания Восточного пакта начинается реальное признание СССР в качестве влиятельной европейской державы и включение его в систему международных отношений в целом.

§ 4. Международные отношения в период экономического кризиса (конец 20-х - начало 30-х гг.). Попытки пересмотра Версальской системы международных отношений

Период политической стабилизации на международной арене, достигнутый в результате целого ряда международных конференций и двусторонних встреч на высшем уровне, заканчивавшихся, как правило, подписанием договоров, соглашений и конвенций, направленных на урегулирование различных спорных вопросов между государствами, оказался достаточно коротким. Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г., обострил отношения как между странами - гарантами стабильности Версальской системы, так и между последними и странами бывшего германского блока, сведя практически к нулю все достижения европейских, американских и российских дипломатов.

В сложившихся условиях традиционные разногласия, существовавшие между государствами, приобрели прежнюю остроту, стимулировав стремления Германии к реваншу, Японии - к доминированию в Юго-Восточной Азии, и вернув Англию и Францию к традиционному для этих стран внешнеполитическому курсу.

В 1929 г. по настойчивой просьбе руководства Веймарской республики, ссылавшегося на кризис финансовой системы страны, начала работу экспертная комиссия, основной задачей которой была разработка нового репарационного плана, призванного заменить план Дауза. Новый репарационный план, известный как план Юнга, значительно снижал как репарационные платежи Германии державам-победительницам в целом, так и процент ежегодных выплат. Кроме того, согласно указанному плану, отменялся международный контроль над германской экономикой, что давало руководству страны возможность увеличить ассигнования на развитие вооруженных сил и военной промышленности. Одновременно с разработкой плана Юнга, вступившего в силу летом 1930 г., руководством союзников было принято решение о выводе французских и бельгийских воинских частей из Рейнской зоны.

Таким образом, была создана основа для постепенной ликвидации репарационного режима.

В июне 1931 г. президент США Г. Гувер, развивая идею избавления германской экономики от репараций, предложил объявить годичный мораторий на выплату репараций и межгосударственных долгов, аргументируя это обострением финансового кризиса в Европе. Предложение было принято европейскими странами, а в 1932 г., после окончания срока моратория, в Лозанне состоялась последняя международная конференция по репарационному вопросу, на которой все репарационные обязательства Германии были аннулированы. Практически одновременно с этим, используя те же аргументы, страны - должники США прекратили выплаты по своим долговым обязательствам времен войны.

Таким образом, в результате экономического кризиса 1929-1933 гг. на европейской внешнеполитической арене произошли значительные изменения, в определенной степени деформировавшие Версальскую систему международных отношений: был восстановлен суверенитет Германии над Рейнской зоной, обладавшей развитой промышленностью, что в свою очередь создало условия для развития германской экономики, в том числе ее военных отраслей. В создавшихся условиях значительно ослабили внешнеполитические позиции Франции - главного противника Германии в Европе, и усилились позиции США, которые активизировали свое вмешательство в европейские дела.

Кроме того, в начале 30-х гг. Германия предприняла ряд политических шагов, став-

ших показателем претензий германского руководства на осуществление территориальных изменений в Европе. В марте 1930 г. между Германией и Австрией было подписано соглашение о таможенном союзе. Во Франции, Италии, а также в странах Малой Антанты данный факт был расценен как попытка начать процесс присоединения Австрии к Германии, что вызвало определенную тревогу союзников. Правительства Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии заявили протест против такого союза и потребовали передачи дела в Международный суд. Результатом этих усилий стало то, что в начале сентября 1931 г. Германия и Австрия отказались от соглашения.

Эти события наглядно показали нарастание противоречий между Австрией и Германией, с одной стороны, и державами-победительницами — с другой.

Необходимо также отметить, что процесс нарастания противоречий развивался и в самом лагере противников Германии. Одной из сфер соперничества между ними в эти годы стали морские вооружения. Военно-морское могущество Англии было поколеблено: промышленный и финансовый потенциал Соединенных Штатов Америки позволял им в короткий срок добиться военно-морского превосходства над «царицей морей». В условиях экономических и финансовых трудностей Великобритании и другие европейские страны испытывали потребность в ограничении стромтельстян мосн-номорских сил. В создавшейся обстановке в начале 1930 г. ■ **Лондоне** была соитии междунородная конференция по морским вооружениям, в **работа** которой приняли участие Великобритания, США, Япония, Франция и Италия. **Обсуждение** проблем было достаточно острым. В связи с возникшими между **Францией и Италией** ришо-гласиями, эти две страны отказались от подписания тех **частей договора**, а которых говорилось о сокращении числа крейсеров, эсминцев и **подводных лодок**. В ходе переговоров Японии удалось добиться равной нормы с **США и Великобританией** по числу подводных лодок и выгодного количественного **соотношения** а категориях крейсеров и эсминцев. Великобритания, в течение многих лет **проводившая** политику, направленную на достижение двойного превосходства **над флотом любой** другой державы, теперь, в сложившихся условиях, согласилась **на количественное** и качественное равенство всех категорий военных судов Британской **империи** и Соединенных Штатов.

Отметим также, что Франция, не удовлетворив свои интересы в военно-морской сфере и не надеясь обеспечить свою безопасность посредством системы двусторонних соглашений, в начале 30-х гг. предприняла попытку пойти **на сближение** с Германией. В Париже и Берлине состоялись переговоры лидеров **двух стран**, на которых Франция выступила с проектом крупного международного **займа Германии** в ршмере 500 млн. долл. в обмен на отказ германского руководства от **попыток ревизии** Версальской системы. Однако французская сторона не достигла в ходе перегонором никаких результатов, что также явилось показателем эрозии системы международных отношений, сложившихся после Первой мировой войны.

Кризисное состояние Версальской системы проявилось и **на международной** конференции по разоружению (Женева, февраль 1932 г.), в которой приняли участие представители 62 государств. На конференции были высказаны предложения, которые, по мнению участников, должны были способствовать укреплению международной безопасности, о чем уже говорилось в параграфе, посвященном данной проблеме.

Таким образом, в течение периода 1929-1932 гг. была создана **основа** для активного восстановления экономического и военного потенциала **Германии**, что означало начало демонтажа Версальской системы международных отношений в Нвропс, более того, Женевская конференция по разоружению стала показателем международного признания этого факта.

Не менее напряженной была международная ситуация на **Дальнем Востоке**. Она также характеризовалась усилением противоречий между великими державами и Японией, вызванных главным образом активизацией экспансионистской политики последней, пытавшейся включить в орбиту своего влияния практически всю территорию Китая, заняв первое место в китайском внешнеторговом обороте. Для усиления своего влияния в Китае Япония активно использовала борьбу центрального правительства в Нанкине с чиновниками и генералами, управляющими отдельными провинциями. Во время вооруженного конфликта лидера центрального правительства генерала Чан Кайши с группой руководителей северных районов во главе с правителем Маньчжурии Чжан Цзолином японские войска под предлогом защиты жизни и имущества иностранцев в условиях нестабильности внутриполитической обстановки в Китае захватили провинцию Шаньдун, одну из наиболее развитых в экономическом отношении.

Указанный период был отмечен также активизацией американского проникновения в Китай. Руководство США поддерживало достаточно тесные контакты с нанкинским пра-

вительством и через своих советников оказывало влияние на внешнеполитический курс Китая. США выступали в Китае как сторонники единства страны и прекращения междоусобных конфликтов, стремясь закрепить свое влияние в этой стране.

После захвата Шаньдуна, к началу 30-х гг. Япония в целом закончила подготовку к оккупации Маньчжурии, которая была осуществлена в 1931 г. В качестве предлога для вторжения японцы использовали взрыв на КВЖД. Японские войска, сосредоточенные вдоль Южно-Маньчжурской железной дороги практически сразу после этого инцидента напали на части китайской армии, расквартированные в этом районе страны. Полная оккупация Маньчжурии была завершена в течение нескольких месяцев. На оккупированной территории японские военные весной 1932 г. создали марионеточное государство, — Маньчжоу-Го, — полностью зависимое от японского правительства. Во главе его был поставлен бывший китайский император, свергнутый в 1911 г.

Реакция мировой общественности на подобную политику Японии была достаточно сдержанной, практически попустительской, что способствовало закреплению японских успехов в Маньчжурии. Более того, президент США Г. Гувер в октябре 1931 г. признал за Японией право «восстановления порядка в Китае», а один из видных представителей французского военного ведомства заявил, что вторжение японских войск в Маньчжурию станет барьером на пути большевистского проникновения в Юго-Восточную Азию. Положительную оценку политики Японии в Северо-Восточном Китае дали также некоторые английские государственные и политические деятели.

Что же касается Лиги Наций, то эта организация, рассмотрев жалобу нанкинского правительства на агрессию Японии, ограничилась лишь выражением надежды на то, что обе стороны нормализуют свои отношения.

В целом страны-гаранты Версальской системы в данном случае показали свою неспособность сохранить *status quo* на Дальнем Востоке и противодействовать экспансионистской политике Японии, нарушавшей нормы, установленные Версальской и Вашингтонской международными конференциями. Лига Наций также обнаружила отсутствие механизма, способного воздействовать на международную обстановку в рамках существующей системы международных отношений.

В данных условиях великие державы сосредоточили усилия на достижении собственных целей в Китае. Особенно преуспели в этом США, сумевшие добиться закрепления принципа «открытых дверей и равных возможностей» в Китае, суть которого заключалась в сохранении свободного доступа на китайский рынок. Американские дипломаты договорились с японским правительством о том, что не будут вмешиваться в события в Маньчжурии в том случае, если японская экспансия не будет продвигаться в южном направлении. Позднее, в связи с тем, что японское руководство нарушило это соглашение, а также в связи с возрастанием антияпонских настроений в среде американской общественности, правительство Соединенных Штатов в январе 1932 г. заявило о непризнании любых соглашений, наносящих ущерб правам США либо их граждан в Китае, однако в то же время американская дипломатия заявила, что США не будут вмешиваться в действия Японии в Северо-Восточном Китае.

Реакция великих держав на события в Маньчжурии может быть объяснена также тем, что их руководство питало надежду на развязывание японо-советского конфликта, который способствовал бы взаимному ослаблению двух сторон, тем более, что проблемы в русско-японских отношениях давали прекрасный повод для подобных ожиданий. Неоднократные предложения советского правительства подписать пакт о ненападении отвергались японской стороной. Желая свести к минимуму возможность

ны с Японией, советская сторона предложила токийскому правительству приобрести КВЖД. После почти двухлетних переговоров, в марте 1935 г. дорога была продана. Формальным владельцем КВЖД стало Маньчжоу-Го.

После оккупации Японией Маньчжурии советское руководство предприняло ряд мер для нормализации отношений с правительством Чан Кайши, нарушенных в 1929 г. во время конфликта на КВЖД. В декабре 1932 г. между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения; практически сразу после этого Советский Союз предложил Китаю заключить договор о ненападении, однако переговоры затянулись по вине китайской стороны. Советской стороной были также приняты меры к стимулированию национально-освободительного и коммунистического движения в Китае, результатом которых стали выступления в Шанхае, подавленные японскими войсками зимой 1932 г.

Несмотря на попустительское в целом отношение к японской политике на Дальнем Востоке, США и Великобритания постарались усилить давление на Токио. Совместными усилиями двух стран был проведен морские учения в Тихом океане, а Лига Наций, со

своей стороны, порекомендовала Японии и Китаю вступить в переговоры об урегулировании маньчжурского инцидента.

В феврале 1932 г. для детального изучения положения дел на Дальнем Востоке Лигой Наций была создана специальная комиссия во главе с лордом Литтоном (Великобритания). В ходе работы комиссия посетила Японию, Китай, Маньчжоу-Го и в октябре того же года опубликовала отчетный доклад, содержащий достаточно реалистичные оценки сложившейся в регионе ситуации. Авторы доклада возлагали ответственность на Японию за агрессию и захват Маньчжурии; самостоятельность Маньчжоу-Го при этом не признавалась. Вместе с тем в докладе комиссии говорилось об особых интересах Японии в Маньчжурии. Говоря о будущем территорий Северо-Восточного Китая, комиссия Литтона предложила компромиссный вариант, который, по ее мнению, должен был удовлетворить всех участников конфликта. Согласно докладу, Маньчжурия должна была быть интернационализирована, поставлена под контроль Лиги Наций. Японские и китайские войска должны были отойти с этой территории, а охрану внутреннего порядка на ней должна была осуществлять специальная жандармерия, возглавляемая инструкторами Лиги Наций.

Обсуждение доклада в советах и комиссиях Лиги Наций не привело к принятию какого-либо конкретного решения по поводу маньчжурского инцидента. Во время дискуссий по этому поводу Япония, нарушив все договоренности, начала продвижение вглубь Китая к югу от Маньчжурии, захватив ряд провинций в непосредственной близости от Пекина именно в то самое время, когда войска нанкинского правительства вели боевые действия в районах, контролируемых коммунистами. В создавшихся условиях 31 мая 1933 г. в городе Тангу было подписано японо-китайское соглашение о перемирии, закрепившее отказ правительства Чан Кайши от Маньчжурии и областей к югу от нее, оккупированных Японией.

Необходимо также отметить, что за несколько месяцев до заключения перемирия с Китаем японское правительство приняло решение о выходе из Лиги Наций в связи с возобновлением обсуждения доклада комиссии Литтона.

Таким образом, события на Дальнем Востоке начала 30-х гг., начавшиеся с захвата японскими войсками Маньчжурии и закончившиеся выходом Японии из Лиги Наций, так же, как и европейские события, свидетельствовали о начале демонтажа Версальско-Вашингтонской системы, чреватого изменением расстановки сил на международной арене и возникновением новых конфликтных ситуаций.

§ 5. Международные отношения в 1930-е гг. Демонтаж Версальской системы

Дальнейшее развитие кризисных явлений в рамках Версальской системы связано с именем А. Гитлера - лидера национал-социалистической партии Германии. Своей ближайшей задачей национал-социалисты, пришедшие к власти в 1933 г., считали полную ликвидацию всех ограничений, установленных для Германии Версальским договором, для того чтобы создать прочную основу для реализации программы, намеченной их лидером в программном сочинении «Майн Кампф». Разрабатывая стратегию внешней политики Германии, новое руководство планировало в качестве одного из первых шагов включение в состав страны Австрии, а также населенных немцами районов Чехословакии и Польши. Что касается Западной Европы, то ее планировалось превратить в германский протекторат, включив часть территорий сопредельных стран (Франции, Бельгии, Голландии) в состав непосредственно Германии. Отметим также, что национал-социалисты хотели захватить и значительную часть европейских территорий Советского Союза.

Одним из первых практических шагов правительства Гитлера в сфере внешней политики стал отзыв немецких представителей с Международной конференции по разоружению, а также выход Германии из Лиги Наций. Необходимо отметить, что эти действия сопровождались активной, хорошо спланированной пропагандистской кампанией, цель которой заключалась в том, чтобы убедить мировую общественность в миролюбии Германии, в стремлении этой страны к добрососедским отношениям с другими государствами, а также в том, что восстановление германского военного и военно-промышленного потенциала не подразумевает использование его в агрессивных целях, а является лишь шагом, необходимым для уравнивания Германии в правах с другими государствами. Таким же образом был охарактеризован и опубликованный в марте 1935 г. закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности.

Отказ Германии выполнять нормы, установленные Версальским мирным договором, был достаточно равнодушно воспринят правительствами Англии, Франции и США, более того, представители правых политических партий и группировок этих стран оказали влияние на свои правительства в пользу соглашения с Германией. Результатом их усилий

стало то, что в июне 1935 г. было заключено англо-германское соглашение, фактически легализовавшее развитие военно-морских сил Германии. В соответствии с ним немцы получили право на строительство флота, равного 35% от тоннажа ВМФ Великобритании. Таким образом, Германия получила возможность создать флот, приблизительно равный французскому. Правительство Франции выразило свой протест относительно этого соглашения, но безуспешно.

Росту военной мощи Германии в значительной степени способствовали и вложения американских и английских предпринимателей в соответствующие отрасли промышленности, а также присоединение к ней Саарского промышленного района, населенного немцами. В соответствии с Версальским договором в Саарском районе, находившемся в течение 15 лет под управлением Лиги Наций, в январе 1935 г. был проведен плебисцит о дальнейшей судьбе района, в результате которого большинство населения высказалось за его присоединение к Германии. Таким образом, был ликвидирован еще один элемент Версальской системы.

Создавая благоприятный внешнеполитический климат для строительства ВПК и вооруженных сил, Германия также предпринимала определенные дипломатические усилия для разрушения системы союзов, заключенных между Францией и государствами Восточной Европы с целью ослабить своего основного соперника в борьбе за доминирование в Европе. В январе 1934 г. Германия заключила соглашение о мирном разрешении спорных вопросов с Польшей, что стало свидетельством отхода польского руководства от союза с Францией и его переориентации на Германию.

Необходимо также отметить, что национал-социалисты активно продолжали попытки подтолкнуть Австрию к союзу с гитлеровской Германией. В июле 1934 г. австрийский канцлер Дольфус был убит австрийскими фашистами, однако в этот момент попытка присоединения не увенчалась успехом главным образом потому, что в это время итальянское руководство еще не было заинтересовано в аншлюсе и оказало активное противодействие подобным планам, выдвинув войска к итало-австрийской границе. В сложившейся обстановке Германия должна была отступить. Для более тщательной подготовки аншлюса в Австрию был направлен опытный немецкий дипломат Ф. фон Папен, имевший достаточно большой опыт работы как в сфере легальной, так и тайной дипломатии.

Что же касается Италии, то она также активно развивала экспансионистский внешнеполитический курс, стремясь распространить свое влияние, в частности, на Балканский п-ов и практически весь бассейн Дуная. В сложившейся ситуации правительство Франции, обеспокоенное внешнеполитической активностью Италии, предприняло ряд мер для того, чтобы направить ее в Северную Африку. В январе 1935 г. П. Лаваль, министр иностранных дел Франции, совместно с Муссолини подписал ряд дипломатических документов, в которых шла речь о серьезных уступках Италии со стороны Франции на африканском континенте, таких, как предоставление итальянским гражданам значительных привилегий в Тунисе, передача Италии части французских акций железной дороги Джибути - Аддис-Абеба, признание итальянского экономического преобладания в Эфиопии и, кроме того, права на итальянское военное вторжение в эту страну.

Летом 1935 г. в Рим для переговоров прибыл английский министр по делам колоний Э. Идеи, обеспокоенный активностью итальянцев в Северной Африке по соседству с британскими подмандатными территориями и протекторатами на Ближнем Востоке. Его попытки достичь компромисса не привели к положительному результату и не поколебали решимость итальянского лидера захватить Эфиопию. Вскоре британское правительство ввело запрет на ввоз оружия в Италию и Эфиопию, поставив, таким образом, в одинаковое положение агрессора и жертву агрессии, облегчив тем самым итальянским войскам их задачу. Точно так же на действия Италии в Эфиопии отреагировало правительство США, принявшее в августе 1935 г. закон о нейтралитете, предусматривавший, что в случае возникновения войны между какими-либо государствами президент США наделяется правом запрета экспорта американских вооружений и военных материалов в воюющие страны. Действия английского и американского правительств фактически сводили к нулю и без того эфемерные гарантии безопасности на мировой арене, предусмотренные пактом Бриана—Келлога. 3 октября 1935 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию. 5 октября США, в соответствии с приведенным выше законом, объявили о запрещении продажи оружия как Италии, так и Эфиопии.

В защиту Эфиопии выступила Лига Наций, объявившая Италию агрессором и обязавшая всех своих членов применить в отношении агрессора санкции, предусмотренные соответствующей статьей Устава данной организации. Все члены Лиги обязаны были порвать с Италией все торговые и финансовые отношения. Однако санкции были применены непоследовательно, что, фактически свело к минимуму их значение: в список материалов, экспорт которых в Италию предполагалось запретить, не была включена нефть; Велико-

британия отказалась закрыть Суэцкий канал для итальянского флота и т.д. Когда же в руководящих органах Лиги Наций все же встал вопрос об ужесточении санкций против Италии, он был заблокирован английскими и французскими дипломатами, более того, в декабре 1935 г. в Париже министры иностранных дел двух стран подписали секретное соглашение о совместном посредничестве в войне между Италией и Эфиопией. В целом суть данного посредничества свелась к тому, чтобы убедить Эфиопию передать значительную часть своей территории Италии. Окончательный захват итальянцами Эфиопии произошел весной 1936 г.

Ситуация, сложившаяся вокруг Эфиопии, в очередной раз наглядно продемонстрировала неэффективность существующих инструментов обеспечения безопасности на международной арене. Еще одним испытанием системы международной безопасности, сложившейся в рамках Версальской системы, стала гражданская война в Испании, в ходе которой также проявились агрессивные устремления Италии и Германии, а также неспособность держав — гарантов Версальской системы обеспечить стабильность в Европе.

Вопрос о вмешательстве Германии и Италии в испанские события был поднят мятежными испанскими генералами еще до франкистского переворота. На этапе подготовки мятежа испанским генералам удалось заручиться морально-политической поддержкой нацистского партийного руководства; в то же время было очевидно, что эта поддержка должна была осуществляться не через официальные государственные учреждения Германии, такие, как МИД, военное министерство и др., а по каналам разведки и заграничных нацистских организаций.

25 июля 1936 г. у Гитлера состоялось совещание партийных руководителей и военачальников, на котором было принято решение о помощи Франко. По мнению участников совещания, германское вмешательство в военные действия в Испании имело большое значение для испытания новых видов вооружения, а также для апробации некоторых тактических установок вермахта. Начальник немецкой военной разведки адмирал Канарис сразу же после совещания отправился в Рим с целью оказать давление на Муссолини в вопросе предоставления помощи Франко. Совместными усилиями Канариса, руководителя итальянской разведки Роатта и эмиссаров Франко удалось убедить итальянского лидера в необходимости вмешательства в испанские события.

Тем временем для изучения ситуации на Пиренейском п-ове в Германии была создана специальная комиссия, в задачи которой входило, в частности, определение масштабов помощи и ее возможные последствия. Необходимо отметить, что принимая решение об эскалации вмешательства в испанский конфликт, руководители Германии и Италии преследовали вполне определенные политические цели, заключавшиеся 1) в установлении на Пиренейском полуострове дружественного им авторитарного режима, что значительно усложняло положение Франции которая, в случае возникновения масштабного конфликта в Европе оказывалась в положении страны, вынужденной вести войну на два фронта; 2) в установлении контроля над Гибралтарским проливом, лишавшим Великобританию и Францию доступа к стратегическим коммуникациям, связывавшим их азиатские и африканские колониальные владения. Фашистские державы имели в Испании и определенные экономические интересы, рассматривая эту страну в качестве возможной сферы приложения капитала, а также в качестве источника стратегических ресурсов, в том числе меди.

Отметим также еще одно обстоятельство, подтолкнувшее Германию к вмешательству в Испанию, - возможность прозондировать позицию Франции и Великобритании в отношении фашистской экспансии в Европе. Вмешательство в испанские дела послужило своеобразным дополнением к оккупации немецкими войсками демилитаризованной Рейнской зоны в марте 1936 г., повлекшей за собой лишь констатирующую резолюцию Лиги Наций, осуждающую этот шаг как юридически неправомерный.

По мнению ряда исследователей, гражданская война в Испании стала большой удачей для Гитлера, который мог, пользуясь усилением противоречий между державами в Западном Средиземноморье, заниматься перевооружением своей армии. Поэтому в германских интересах было сосредоточить внимание Франции, Англии и Италии на событиях на Пиренейском полуострове в течение достаточно долгого времени, а вовсе не обеспечить быструю победу франкистов. Германия должна была позаботиться, чтобы Франко не потерпел поражение, возложив одновременно основную тяжесть помощи на Италию, тем более что чем глубже итальянцы втягивались в решение испанской проблемы, тем сложнее становились их отношения с Францией и Британией и тем быстрее шел процесс сближения Италии и Германии, уже начавшийся во время войны в Эфиопии.

Необходимо отметить, что руководство Англии и Франции, подобно Гитлеру и Муссолини, также было поставлено перед необходимостью определить свою позицию по отношению к событиям в Испании, взвесив все последствия того или иного шага как с точки зрения внешнеполитической выгоды, так и с точки зрения реакции английского или фран-

цузского общественного мнения.

Британское правительство консерваторов, несмотря на определенные симпатии к франкистам, стремилось проводить нейтральную политику, равноудаленную как от мятежников, так и от республиканцев.

Во Франции, где у власти находилось правительство Народного фронта, ситуация была несколько сложнее, т.к. лидеры НФ провозгласили в качестве одной из основных своих целей во внешнеполитической сфере поддержку антифашистских сил и противодействие насильственному свержению демократических режимов в странах Европы и вынуждены были строить свою политику на международной арене исходя из этого. Социалисты и радикал-социалисты, входившие во французское правительство, не питали иллюзий относительно истинных целей итало-германского вмешательства в испанский конфликт и вытекавшей отсюда угрозы безопасности своей страны, поэтому в первые дни мятежа правительство было готово принять решение о продаже оружия Испанской республике. Такая позиция правительства НФ вызвала негативную реакцию как французских правых, так и правящих кругов в Риме, Берлине и Лондоне. В сложившейся ситуации решающую роль сыграла позиция консервативного правительства Великобритании. 23 июля Л. Блюм и министр иностранных дел Франции И. Дельбос прибыли в Лондон для участия в международной конференции, главным вопросом на которой было положение в Испании. Британский премьер Болдуин провел с французскими представителями длительные переговоры, в ходе которых убедил их в необходимости принять политику невмешательства в испанский конфликт и выступить инициатором соответствующего соглашения. Изменение позиций Л. Блюма стало следствием его опасений, что Британия пойдет по пути сотрудничества с Германией и Италией, оставив Францию одну в случае возможной войны.

Вернувшись в Париж, на заседании правительства 2 августа 1936 г. французский лидер заявил об изменении своей позиции по испанскому вопросу. Ссылаясь на мнение британского руководства, он сумел убедить других членов кабинета принять решение не вмешиваться в испанский конфликт и выступить с инициативой подписания международного соглашения о невмешательстве. 8 августа на заседании правительства было принято решение, запрещавшее любые поставки оружия в Испанию, уравнивавшее таким образом в правах испанское правительство и мятежников и соответственно нарушавшее международные обязательства Франции.

Первоначальный проект соглашения о невмешательстве, разработанный Францией, предусматривал подписание его Великобританией, Францией, Германией и Италией с последующим присоединением к нему СССР. Этот документ противоречил в целом существовавшим тогда нормам международного права, которые запрещали предоставлять мятежникам оружие, военные материалы, финансовую помощь и территории сопредельных стран для их базирования и транспортировки грузов.

Интенсивная деятельность французского руководства увенчалась успехом к концу августа 1936 г. В ходе переговоров было решено привлечь к участию в соглашении о невмешательстве все европейские страны и оформить его как обмен дипломатическими нотами между Францией и каждым европейским государством в отдельности. Первый обмен нотами между Францией и Англией произошел 15 августа, последний (между Францией и Германией) - 24 августа. В этот же день соглашение вступило в законную силу.

Советский Союз присоединился к соглашению 23 августа 1936 г. В этот период СССР, подписывая данное соглашение, руководствовался в основном интересами сохранения мира, т.к. любой, даже локальный военный конфликт в сложившихся условиях в рамках существующей системы международной безопасности таил в себе угрозу перерастания в мировую войну. Объясняя эту позицию, М. Литвинов в своей речи на пленуме Лиги Наций 28 сентября 1936 г. заявил: «Советское правительство присоединилось к декларации о невмешательстве в испанские дела только потому, что дружественная страна (Франция. - *Авт.*) опасалась в противном случае международного конфликта».

Из неевропейских стран наиболее активное участие в обсуждении испанской проблемы приняли страны Латинской Америки, а также США и Канада, причем раскол общественного мнения проявился здесь и на государственном уровне. Демократическое правительство Мексики с самого начала поддерживало республиканцев, оказывая им посильную военно-экономическую, политическую и дипломатическую поддержку, тогда как консервативные правительства Аргентины, Бразилии, Чили и Канады выступали на стороне Франко.

Что касается США, то здесь изоляционисты добились распространения на Испанию закона о нейтралитете, согласно которому в случае войны между государствами американским гражданам запрещалось поставлять оружие и оказывать иную помощь воюющим сторонам, хотя на гражданские войны действие этого закона формально не распространялось.

Для проведения в жизнь соглашения о невмешательстве был образован специальный комитет на уровне аккредитованных в Лондоне дипломатических представителей европейских государств во главе с помощником министра иностранных дел Великобритании лордом Плимутом. Комитет не обладал какими-либо реальными контрольными функциями и возможностью объявлять экономические, политические и другие санкции в отношении возможных нарушителей. Британский поверенный в делах в Берлине сообщал министерству иностранных дел Германии, что этот комитет рассматривается английским руководством не как независимый международный орган, способный принимать решения, а как объединение независимых друг от друга дипломатических представителей заинтересованных стран без контрольных функций и без права принимать решения большинством голосов. Подобный комитет в качестве прикрытия как нельзя более устраивал руководство Германии и Италии, показателем чего является секретная инструкция, направленная итальянским правительством своему представителю в Лондоне, с указаниями на необходимость сделать все возможное, чтобы придать деятельности комитета «платонический» характер и отвлекать его внимание обсуждением различных слухов о нарушении невмешательства правительствами, лояльно относящимися к республиканцам.

В целом действия европейских государств на международной арене, в этот период фактически способствовавшие победе мятежников и установлению в Испании диктатуры Франко, стали очередным показателем несовершенности существующих механизмов обеспечения международной безопасности.

Успехи итальянцев в Эфиопии, а также успехи сторонников Франко в Испании, активно поддерживаемых Германией и Италией, стимулировали формирование блока держав, заинтересованных в демонтаже Версальской системы. Оформление такого блока началось в октябре 1936 г., когда министр иностранных дел Италии Г. Чиано посетил с визитом Берлин; в результате состоявшихся там переговоров был подписан итало-германский протокол о сотрудничестве. Стороны договорились о разграничении сфер экспансии на Балканском п-ове и в бассейне Дуная, а также скоординировали свои действия в отношении Испании. Этим же протоколом Германия официально признала оккупацию итальянскими войсками Эфиопии.

Расширению данного блока способствовали внутривнутриполитические процессы в Японии, где в 1936 г. к власти пришел крайне правый кабинет Хирока, одним из пунктов своей программы провозгласивший развитие японской экспансии в Юго-Восточной Азии. 25 ноября 1936 г. Германия и Япония подписали соглашение о совместном противодействии Коммунистическому интернационалу, известное в литературе как Антикоминтерновский пакт. Участники пакта обязывались информировать друг друга о деятельности Коминтерна и вести против него совместную борьбу. Пакт был открыт и для других заинтересованных государств. В секретном приложении к соглашению говорилось, что в случае войны одной из договаривающихся сторон с СССР другая сторона обязывалась не предпринимать никаких действий, которые могли бы облегчить положение Советского государства. 6 ноября 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия. Несмотря на то что данный блок формально был направлен против Советского Союза и левоориентированных политических сил внутри стран-участниц, фактически объединение государств, заинтересованных в изменении существующего миропорядка, представляло угрозу и для стран — гарантов стабильности Версальской системы.

Наиболее активные действия в этой сфере предприняла Япония, сформулировавшая в 1936 г. основные пункты своей программы дальнейшей экспансии, одобренные правительством и предусматривавшие проникновение японского влияния на территории, являющиеся колониями и протекторатами западных стран. Для осуществления этой цели предполагалось усилить японский флот и обеспечить его превосходство над флотами других тихоокеанских держав, в том числе США. Предполагалось также ликвидировать «угрозу с севера», со стороны Советского Союза, увеличив японскую военную группировку на границе с советским Дальним Востоком. Начиная выполнение данной программы, 7 июля 1937 г. японские войска начали наступление в Китае и, захватив крупнейшие центры северной части страны, двинулись в центральные районы.

Подобные действия Японии создали серьезную угрозу интересам других держав на Дальнем Востоке и в Южной Азии, однако заинтересованные страны не противодействовали выполнению японских планов, более того, продолжали экспорт военных материалов в эту страну. Тот факт, что, ведя военные действия, Япония и Китай не объявляли друг другу войны, использовался США для того, чтобы не распространять на этот конфликт закон о нейтралитете, о котором говорилось выше.

В 1937 г. Германия также активизировала свои экспансионистские усилия, приняв меры к форсированию подготовки присоединения Австрии. Руководством страны была проведена соответствующая дипломатическая подготовка: в сентябре 1937 г. в Берлине состоя-

лись переговоры между Гитлером и Муссолини, в ходе которых последний дал свое согласие на аншлюс. Через некоторое время состоялась встреча Гитлера с английским представителем Галифаксом, который дал понять, что правительство Великобритании при определенных условиях не будет возражать против аншлюса Австрии и даже захвата Чехословакии и Данцига.

Используя создавшиеся благоприятные условия, германское руководство приступило к осуществлению своих планов. Предъявив ряд требований к правительству Австрии и фактически не дождавшись их выполнения, Гитлер 12 марта 1938 г. санкционировал вторжение немецких войск в эту страну. На следующий день новый канцлер Австрии, приверженец нацизма, объявил о присоединении Австрии к Германии.

Этот акт был фактически одобрен правительственными кругами Англии, США и Франции, которые в апреле 1938 г. ликвидировали свои дипломатические представительства в Вене, признав де-факто изменения политической карты Европы.

Таким образом, к середине 1938 года в международных отношениях произошли существенные изменения, свидетельствовавшие фактически об отказе стран-гарантов Версальской системы мироустройства сохранять статус-кво на мировой арене.

Развитие кризисных процессов в рамках Версальской системы привело к дальнейшим изменениям в расстановке сил на мировой арене и, соответственно, к изменениям территориальных границ европейских государств.

После аншлюса Австрии, не вызвавшего негативной реакции со стороны мирового сообщества, германское руководство приступило к присоединению к Третьему рейху ряда чехословацких территорий, населенных немцами (Судетская область). При активной поддержке Берлина в Судетах была создана так называемая судетонемецкая партия, выступавшая за автономию, а позднее и за отделение данной территории от Чехословакии.

Действия пронемецкой «пятой колонны» в Чехословакии были дополнены действиями германской армии, части которой были выдвинуты на германо-чехословацкую границу. Правительство Чехословакии приняло меры для противодействия возможной агрессии, однако ограниченные экономические, политические и военные возможности этой страны не позволяли ей в одиночку противостоять Германии, а большинство союзников Чехословакии, в том числе и Франция, отказались от оказания ей помощи в случае нападения германских войск. Более того, дипломатические представители Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки в Праге советовали правительству Э. Бенеша пойти на уступки Германии и принять требования судетских немцев в качестве основы для переговоров. Таким образом, правительственные круги стран Запада пытались использовать судетский кризис для того, чтобы сконцентрировать внимание фашистского руководства Германии на восточном направлении экспансии, обезопасив свои границы. Эти действия европейской и американской дипломатии получили в отечественной исторической литературе наименование «политика умиротворения агрессора». В Европе к умиротворению агрессора больше всех стремилась Великобритания. Кабинет Н. Чемберлена, видимо, предполагал, что гибкость и уступчивость британской дипломатии в судетском вопросе будет способствовать урегулированию англо-германских отношений и ослаблению соперничества между двумя странами в колониальной сфере. С этой целью в августе 1938 г. в Чехословакию был направлен английский представитель лорд Ренсимен, который должен был оказать соответствующее влияние на чехословацкого лидера. С этой же целью в Прагу прибыла и американская миссия. Данные действия английской и американской дипломатии были согласованы с германским и французским внешнеполитическими ведомствами. Не ограничиваясь координацией действий на уровне министерств иностранных дел, премьер-министр Великобритании 15 сентября 1938 г. лично встретился с А. Гитлером. На этой встрече немецкий лидер получил окончательное согласие Англии на передачу рейху Судетской области.

Французская дипломатия следовала в фарватере британской внешней политики, и через несколько дней представители Франции сообщили чехословацкому руководству об отказе Франции от своих союзнических обязательств, которые эта страна приняла на себя в соответствии с франко-чехословацким договором 1935 г. 20 сентября 1938 г. чехословацкий вопрос обсуждался на совещании глав английского и французского правительств, на котором были разработаны англо-французские предложения Чехословакии, предусматривавшие передачу Германии чехословацких территорий с преобладающим немецким населением. В соответствии с этими предложениями страны Запада соглашались выступить гарантами сложившихся после раздела границ Чехословакии, однако основным условием таких гарантий должен был стать отказ этой страны от выполнения условий договоров,

заключенных с другими странами, в первую очередь с Советским Союзом.

Что же касается СССР, то его руководство вполне справедливо усматривало в маневрировании Запада в отношении судетской проблемы угрозу своей безопасности и строило свое поведение на международной арене исходя из этого. Несколько раз в течение 1938 г. высокопоставленные представители советского руководства, встречаясь с представителями Чехословакии и Франции, заявляли о своей готовности выполнить обязательства, предусмотренные договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1935 г. и направленные на обеспечение территориальной целостности Чехословакии. При этом советское руководство было готово пойти на выполнение условий договора в одностороннем порядке, не дожидаясь соответствующих действий Франции.

Однако чехословацкий лидер Э. Бенеш, не желая, видимо, осложнять отношения с великими державами, отказался от советской помощи. Великобритания и Франция же, со своей стороны, продолжали развивать политику умиротворения агрессора, что привело к расширению германских территориальных претензий к Чехословакии, а также к выдвижению подобных претензий со стороны Венгрии и Польши (очевидно, что этот шаг польского и венгерского правительств был согласован с германским руководством). В сложившейся ситуации СССР, стремясь сохранить существующую систему безопасности, в некоторой степени обеспечивавшую его интересы в Европе, заявил польскому правительству о возможной денонсации советско-польского пакта о ненападении (заключенного в 1932 г.) в случае, если польские претензии к Чехословацкой республике перерастут в вооруженное столкновение. Более того, советским руководством было принято решение о приведении в боевую готовность войсковых частей, дислоцирующихся на западной границе СССР на случай возникновения вооруженного конфликта в Европе. Кроме того, 28 сентября 1938 г. руководство Советского Союза предложило созвать международную конференцию для мирного решения судетского кризиса.

С призывом к мирному разрешению проблемы выступил и президент США Ф. Рузвельт, однако его обращение к Гитлеру было, видимо, расценено последним как завуалированное одобрение его деятельности.

Судетская проблема была окончательно решена в пользу Германии 29 сентября 1938 г. в Мюнхене во время встречи глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии. На встрече было заключено соглашение, в соответствии с которым Чехословакия должна была до 10 октября 1938 г. передать Германии Судетскую область, потеряв таким образом значительную часть территории, населения, промышленных предприятий (в том числе оборонного значения) и военных объектов. Чехословацкое правительство приняло эти условия.

В дополнение к указанному соглашению 30 сентября 1938 г. была подписана англо-германская декларация, предусматривавшая взаимные консультации между подписавшими сторонами по всем спорным вопросам европейской и мировой политики. Позднее была подписана практически аналогичная франко-германская декларация. По мнению британского и французского руководства, подписание подобных документов должно было способствовать мирному разрешению возникающих международных проблем и, таким образом, предотвратить их развитие в широкомасштабный военный конфликт между странами Западной Европы и Германией.

15 марта 1939 г. вопреки ожиданиям Англии и Франции Германия нарушила Мюнхенское соглашение, введя войска на территорию Чехии и Моравии и объявив занятые территории протекторатами Германии; незадолго до этого усилиями Германии было инспирировано провозглашение Словакии независимым государством. Позднее, в 20-х числах марта германское руководство потребовало от Польши согласия на передачу Третьему рейху Гданьска и ввело свои войска в некоторые районы Литвы. Чуть позднее, в апреле 1939 г. союзная Германии Италия оккупировала Албанию.

Таким образом, с одной стороны, политика умиротворения агрессора, проводимая странами Запада, оправдывала себя, т.к. позволила сконцентрировать внимание Гитлера на развитии экспансии в восточном направлении, а с другой стороны, чрезмерная активность и агрессивность нацистского лидера, нарушившего Мюнхенский договор, вызвала значительное беспокойство как в правящих кругах Великобритании и Франции, так и в общественном мнении данных стран. В сложившейся ситуации 22 марта 1939 г. Англия и Франция обменялись нотами о взаимной помощи на случай нападения на них третьей державы. В тот же день английские и французские дипломатические представители в Голландии, Бельгии и Швейцарии заверили правительства этих стран в том, что окажут

им помощь в случае нападения на них Германии. Чуть позже подобные заверения были даны Польше, Румынии, Греции и Турции.

Однако, стремясь подстраховаться на случай развития германской экспансии в западном направлении, страны Западной Европы продолжали проводить политику умиротворения агрессора. Показателем этого можно считать секретные англогерманские переговоры, проводившиеся в Лондоне в то самое время, когда английские дипломаты обещали правительствам малых стран Европы обеспечить их безопасность. Материалы этих переговоров недвусмысленно свидетельствуют о том, что Великобритания была готова отказаться от своих обязательств перед союзниками для достижения англогерманского сближения.

В целом политика умиротворения агрессора привела к значительному усилению Германии, фактически к превращению ее в самую значительную военную силу в Европе (чему во многом способствовало приобретение Германией новых стратегически важных территорий), создав условия для активизации борьбы за новый передел мира. Чувствуя свою силу и используя антисоветские настроения английского и французского руководства, германские правящие круги стали выдвигать требования возвращения довоенных германских колоний и обеспечения выхода германского флота к океанам. Ситуация усугублялась тем, что целый ряд политических режимов, пришедших к власти во второй половине 30-х гг. или уже находившихся у власти (Испания, Венгрия, Болгария), в целом поддерживал внешнеполитический курс Гитлера и также высказывался за пересмотр существующего мирового порядка.

§ 6. Советский Союз в международных отношениях в период ревизии Версальской системы

Эскалация международной напряженности и рост реваншистских настроений в Германии вызывал сильное беспокойство в правящих кругах СССР, который лишь в 30-е гг. стал полноправным членом мирового сообщества и был признан в качестве великой державы. В связи с этим Советский Союз был заинтересован в сохранении стабильности на международной арене, которая позволила бы закрепить его дипломатические успехи, а также успешно завершить программу промышленной модернизации страны. В следствие этого дипломатия Советского государства предприняла ряд политических шагов, которые, по мнению руководства страны должны были способствовать укреплению международной безопасности.

6 февраля 1933 г. на заседании Генеральной комиссии Международной конференции по разоружению представители СССР выдвинули проект декларации об определении агрессора, согласно которой агрессором в международном конфликте признавалось государство, вооруженные силы которого, хотя и без объявления войны вторгнутся на территорию другого государства, атакуют его морские и воздушные силы, бомбардируют его территорию, установят морскую блокаду его берегов или портов. В проекте специально отмечалось, что никакие соображения политического, экономического и стратегического характера не могут служить оправданием агрессии.

Несмотря на усилия советских дипломатов данный проект не был поставлен на голосование Генеральной комиссии. В связи с этим правительство СССР начало переговоры по этому вопросу с рядом государств. В июле 1933 г. переговоры закончились подписанием конвенции об определении агрессора между СССР и десятью странами, имевшими общую границу с Советским государством (Польша, Румыния, Турция, Иран, Афганистан, Югославия, Чехословакия, Эстония, Латвия, Литва). Позднее к конвенции присоединилась Финляндия. Этот факт стал, в частности, показателем дальнейшего улучшения отношений СССР со своими западными соседями, в том числе со странами Малой Антанты.

Подписание конвенции с союзниками Франции способствовало сближению франко-советских позиций по вопросам поддержания стабильности в Европе и развитию отношений между двумя странами. В период 1934—1935 гг. шли активные франко-советские переговоры по поводу заключения Восточного пакта, а также подписания франко-советского договора о взаимопомощи, о чем уже говорилось выше.

Важным элементом советской политики, направленной на укрепление системы европейской безопасности стало вступление СССР в Лигу Наций (сентябрь 1934 г.), что свидетельствовало о заинтересованности руководства Советского Союза в сохранении мира в Европе. Необходимо отметить, что СССР оказался единственной великой

державой, настаивавшей на реальном применении санкций против Италии, расценивая ее деятельность в Эфиопии как акт агрессии, и выступавшей в Лиге Наций с соответствующими заявлениями. Точно так же советские официальные представители высказывались в защиту республиканского правительства Испании, осуждая вмешательство Германии и Италии во внутренние дела этой страны. Исследователи сходятся во мнении, что руководство СССР понимало значение испанских событий для фашистских держав, стремившихся использовать их как возможность испытания в боевых условиях новых видов оружия и тактических приемов для последующего их применения в случае возникновения крупного международного конфликта.

7 октября 1936 г. советское правительство заявило в лондонском Комитете по невмешательству решительный протест против действий Германии и Италии и предложило установить контроль за португальскими портами, через которые Гитлер и Муссолини направляли значительную часть военной помощи мятежным испанским генералам. Не дождавшись удовлетворения своего протеста, руководство Советского Союза заявило о выходе из Комитета по невмешательству и приняло меры для оказания политической, материальной и военной помощи Испанской республике.

Отметим также, что дипломатия СССР активно выступала и против других действий фашистских государств, направленных на пересмотр основ Версальского миропорядка и подрыв стабильности в Европе, в частности против аншлюса Австрии. В соответствующем выступлении главы советского внешнеполитического ведомства указывалось на недопустимость пересмотра государственных границ в самом центре Европы и на то, что присоединение Австрии к Германии создает опасный прецедент, представляющий угрозу «не только для граничащих с агрессором 11 стран, но и вообще для всех европейских государств, и не только европейских». В связи с этим советское правительство заявило о своей готовности принять участие в коллективных действиях, направленных на противодействие развитию агрессивной политики Германии и Италии и на устранение угрозы широкомасштабного военного конфликта. С этой целью советские дипломаты предложили обсудить в рамках Лиги Наций вопросы, связанные с разработкой практических мер, призванных способствовать эффективному решению вопросов укрепления европейской безопасности. Текст данного заявления был направлен по официальным каналам правительствам Франции, Чехословакии, Великобритании и США, однако реакции на него не последовало.

Разрабатывая возможные варианты стабилизации обстановки в Европе, СССР стремился укрепить свою безопасность и в регионе Дальнего Востока. С этой целью в марте 1936 г. был подписан советско-монгольский протокол о взаимопомощи, предусматривавший, что в случае агрессии против одной из сторон они окажут друг другу помощь, в том числе военную. Данный протокол помог МНР отстоять свою независимость перед лицом японской угрозы, а также в определенной степени обезопасил дальневосточные территории Советского Союза, создав из Монголии буфер между советской границей и контролируемыми японцами территориями Китая.

Подобный договор о взаимопомощи предполагалось также заключить с Китаем, однако первоначально правительство Чан Кайши отказалось от переговоров по этому вопросу. Чуть позже, когда японские войска развили наступление в северные и центральные районы Китая, правительство этой страны предприняло шаги для улучшения отношений с Советским государством. В результате переговоров, инициированных китайской стороной, 21 августа 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении, который, в частности, предусматривал взаимные обязательства сторон не оказывать никакой поддержки государствам, совершившим нападение на СССР или Китай. Кроме того, после заключения договора получило свое дальнейшее развитие военное советско-китайское сотрудничество, заключавшееся в поставке нанкинскому правительству советских самолетов, танков, артиллерийских орудий и других видов вооружения, а также в отправке в Китай советских военных специалистов.

Советский Союз поддержал правительство Китая и в Лиге Наций, в результате чего в сентябре 1937 г. эта организация приняла резолюцию, осуждавшую агрессивные действия Японии в отношении Китая, в частности бомбардировки китайских городов японской авиацией. Позднее, в ноябре 1937 г., на конференции в Брюсселе во время рассмотрения вопроса о японской агрессии в Китае советская делегация предложила применить против Японии санкции, предусмотренные Уставом Лиги Наций, что также явилось актом политической поддержки нанкинского правительства. Несмотря на то что конференция отвергла это предложение, ограничившись резолюцией, предлагавшей Японии и Китаю прекратить военные действия, деятельность советских дипломатов способствовала укреплению в

мировом общественном мнении образа СССР как державы, заинтересованной в сохранении стабильности на международной арене. Укреплению этого образа способствовала и позиция советского руководства в отношении судетского кризиса и «мюнхенского сговора», о чем уже упоминалось выше.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939-1945 гг.)

§ 1. Отношения между СССР и странами Запада в 1939 г.

Во многом благодаря благосклонному отношению общественного мнения стран Запада к Советскому Союзу в середине апреля 1939 г. английские и французские правящие круги предложили советскому руководству дать совместные гарантии Польше и Румынии на случай развития германской агрессии в Восточной Европе. Советское руководство откликнулось на это предложение, предложив в свою очередь не только гарантировать безопасность Польши и Румынии, но и заключить пакт о взаимной помощи на случай возникновения угрозы безопасности в Европе, который бы предусматривал, в частности, гарантии независимости прибалтийских стран, имевших непосредственную границу с Советским Союзом. Правительства Великобритании и Франции дали согласие на переговоры относительно пакта, рассчитывая на использование военной мощи СССР в случае, если германская агрессия будет развиваться в западном направлении, однако они не хотели брать на себя каких-либо обязательств в отношении помощи прибалтийским странам, открывая своеобразный коридор для прохода немецких войск к границам Советского Союза и продолжая таким образом политику столкновения Германии и СССР, наиболее ярким проявлением которой был «мюнхенский сговор».

Советское правительство не могло согласиться с такими предложениями английской и французской дипломатии и выдвинуло встречные предложения, реализация которых обеспечила бы как безопасность СССР, так и стабильность в Европе в целом. Предложения советского руководства сводились к трем основным пунктам: 1) заключение пакта о взаимопомощи между СССР, Великобританией и Францией; 2) дополнение пакта соответствующей военной конвенцией; 3) предоставление гарантий независимости всем пограничным с Советским Союзом государствам на протяжении от Балтийского моря до Черного. После длительных консультаций английское и французское правительство отказались от советских предложений, настаивая на предоставлении гарантий лишь Румынии и Польше. Чуть позже, в конце мая 1939 г., в британском внешнеполитическом ведомстве был разработан проект пакта о взаимопомощи, предусматривавший обеспечение не только безопасности Польши и Румынии, но и Греции. Однако в рамках этого проекта по-прежнему отсутствовали гарантии независимости государств Прибалтики, отделявших Германию от СССР. Кроме того, выполнение условий пакта, согласно английскому проекту, связывалось с соответствующим решением Лиги Наций, что в еще большей степени снижало эффективность данного пакта.

Английский проект был отвергнут Москвой, выдвинувшей контрпроект, который предусматривал немедленную помощь со стороны Советского Союза, Великобритании и Франции друг другу в случае нападения на одну из этих держав, а также на Бельгию, Грецию, Турцию, Румынию, Польшу, Латвию, Эстонию, Финляндию, а также в случае нападения на любую другую европейскую страну, которая обратится к этим державам за помощью. Подобный проект, не связанный к тому же необходимостью получить санкцию Лиги Наций, мог ограничить агрессивные устремления фашистских режимов, создав ситуацию, в которой пересмотр территориальных границ в Европе был бы сильно затруднен.

С целью ускорения переговорного процесса в отношении пакта, НКВД СССР пригласил в Москву министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса, однако визит не состоялся: британское руководство откладывало начало переговоров, рассчитывая избежать подписания пакта о взаимопомощи, связывавшего британскую дипломатию обязательствами, не отвечавшими интересам этой страны.

Несмотря на то, что советское правительство было неплохо осведомлено о настроениях британского кабинета, оно продолжало попытки заключения пакта о взаимопомощи. 23 июля 1939 г. советская сторона предложила начать в Москве переговоры военных миссий трех стран, целью которых должна была стать разработка механизма

взаимодействия вооруженных сил Великобритании, Франции и СССР в условиях нарастания реваншистских настроений держав «оси». Правительства Англии и Франции выразили свое согласие на переговоры, которые и начались 12 августа 1939 г. В самом начале переговорного процесса советской стороне стало очевидно, что ни английская, ни французская миссии, во главе которых стояли второстепенные представители военных ведомств, не были наделены полномочиями, необходимыми для принятия ответственных решений и подписания соответствующих документов. Военные миссии были сформированы таким образом потому, что правительства стран Запада не хотели брать на себя какие-либо определенные обязательства ни в военной, ни в политической сфере, что нашло свое выражение в позиции военных представителей относительно развития военно-политического сотрудничества между СССР, Польшей и Румынией, эффективность которого напрямую зависела от Великобритании и Франции. Суть вопроса о военном сотрудничестве, ставшего камнем преткновения на переговорах, заключалась в том, что Советский Союз мог принять эффективное участие в противодействии агрессии фашистских держав в Европе только в том случае, если Румыния и Польша пропустят советские войска через свою территорию в направлении Германии. Между тем ни англичане, ни французы не предпринимали никаких конкретных мер для воздействия на своих восточноевропейских союзников с целью убедить их в необходимости прохода советских войск через их территорию. Вопрос о гарантиях независимости Латвии и Эстонии также затягивался, что давало руководству СССР основания опасаться заключения новых англо-германских и франко-германских соглашений, подобных мюнхенскому, призванных напавить германскую агрессию в направлении советских территорий.

Время показало, что для таких опасений были все основания, т.к. уже в июле 1939 г. английские дипломаты начали секретные переговоры с Германией о разрешении всех спорных вопросов путем раздела сфер влияния в Европе, на территории СССР и на Востоке между Великобританией и Третьим рейхом, причем англичане обещали прекратить англо-советские переговоры в случае подписания соответствующего англо-германского соглашения.

Таким образом, усилия советской дипломатии, направленные на укрепление безопасности СССР, а также безопасности в Европе в целом не увенчались созданием лояльного миролюбивых держав, способного предотвратить или хотя бы приостановить развитие германской агрессии в Европе. В создавшейся ситуации решение вопросов, связанных с обеспечением безопасности СССР, потребовало выработки новых подходов, которые смогли бы предотвратить формирование единого антисоветского блока и вывести Советский Союз из состояния внешнеполитической изоляции, в котором он оказался в результате проведения странами Запада политики «умиротворения агрессора». Эти условия в значительной степени предопределили переориентацию советской внешней политики на налаживание отношений с Германией.

§ 2. Советско-германские отношения в конце 1930-х гг. Пакт Молотова—Риббентропа

Неудачи советской дипломатии в отношениях с Англией и Францией стимулировали поиск диалога с Германией. Видимо предвидя неудачный исход переговоров с британскими и французскими представителями, 10 марта 1939 г., выступая на XVIII съезде ВКП(б), И.В. Сталин заявил, что Советский Союз не намерен «таскать каштаны из огня» для капиталистических государств. Министр иностранных дел Германии Й. фон Риббентроп увидел в этих словах скрытое желание советского руководства пойти на улучшение отношений с Берлином. Й.Риббентроп познакомил Гитлера с содержанием съездовской речи И.В. Сталина и просил дать полномочия на проведение дипломатического зондажа в Москве. Гитлер колебался и занял вначале выжидательную позицию. Дипломатический зондаж велся крайне медленно и приобрел интенсивные формы только летом 1939 г.

В известной мере показателем повышения интереса Москвы к сотрудничеству стало назначение на пост наркома иностранных дел В.М. Молотова и увольнение прежнего наркома М.М. Литвинова, который считался сторонником созидания коллективной системы безопасности в противовес сближению с Германией.

Активизация советско-германского политического диалога последовала в связи с обсуждением двустороннего договора о торговле и кредите. В Москве дипломатические беседы вели германский посол граф В. фон дер Шуленбург и посланник К.Ю. Шнурре, а в Берлине Й. Риббентроп провел важную в политическом отношении беседу с советником посольства СССР Г.А. Астаховым. Поразительно, насколько быстро продвинулся диалог между двумя странами, если еще 20 июня 1939 г. Гитлер заявлял, что «германское правительство в возобновлении экономических переговоров с Россией в настоя-

щее время не заинтересовано». 29 июля советский министр В.М. Молотов направил телеграмму временному поверенному в делах СССР в Германии Г.А. Астахову, в которой, в частности, высказал точку зрения Кремля на возможное развитие двусторонних связей. «Между СССР и Германией, — писал В.М. Молотов, — конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения...Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение...Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы». А уже 2 августа того же 1939 г. Й. Риббентроп имел историческую беседу с Г.А. Астаховым.

В телеграмме германскому послу в Москве графу В. фон дер Шуленбургу министр иностранных дел сообщал об этой встрече: «Я начал с беседы о переговорах насчет заключения торгового договора, которые в настоящий момент, к нашей радости, успешно развиваются, и охарактеризовал такое торговое соглашение как хороший этап на пути к нормализации германо-русских отношений, если она является желательной....Я считаю, что, если у русской стороны наличествует такое же желание, новое урегулирование наших отношений является возможным при соблюдении двух предпосылок:

А) невмешательство во внутренние дела другого государства (г-н Астахов считает это вполне возможным);

Б) отказ от политики, направленной против наших жизненных интересов. На это Астахов окончательного ответа дать не смог, но высказался в том смысле, что его правительство имеет желание вести с Германией политику взаимопонимания».

Развивая беседу, глава немецкого внешнеполитического ведомства стал более откровенно высказываться о возможном разделе европейских территорий на сферы влияния. «Я сказал, — писал в телеграмме Й. Риббентроп, — что на Балтийском море места хватит для нас обоих и что русские интересы здесь никоим образом с нашими не сталкиваются...я сделал намек, что о судьбе Польши мы можем с Россией договориться». Интенсивные дипломатические контакты, встречи, беседы продолжались. Послы Германии и СССР непрерывно информировали свои министерства о содержании проведенных бесед.

14 августа 1939 г. Й. Риббентроп вновь направил графу Шуленбургу телеграмму. Он просил германского посла посетить советского министра иностранных дел и довести до советской стороны, в частности, следующее.

1. Различие идеологий, национал-социалистической и коммунистической, не исключает разумных отношений и восстановления сотрудничества между Германией и СССР.

2. Германия не испытывает агрессивных намерений против СССР. Не существует реальных противоречий между интересами двух стран. Напротив, возможно политическое сотрудничество в сфере вопросов Балтийского моря, Прибалтики, Польши, Юго-Восточной Европы и др.

3. Имперское и советское правительства должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как Германии, так и СССР.

4. Английская политика обостряет германо-польские отношения. В связи с этим требуется быстрое выяснение германо-советских отношений.

В заключение Й. Риббентроп сообщил о своей готовности прибыть в Москву с кратким визитом, чтобы от имени Гитлера изложить И.В. Сталину позицию Германии. Такая готовность была вполне объяснима, поскольку Гитлер спешил урегулировать «польский вопрос», то есть аннексировать польскую территорию при согласии или даже сотрудничестве со стороны Советского Союза.

В рамках существующей несовершенной системы коллективной безопасности в Европе, в ситуации фактического провала англо-франко-советских переговоров государственное руководство СССР, проанализировав содержание интенсивных дипломатических контактов и бесед в Берлине и Москве, приняло решение о заключении соглашения с Германией о ненападении.

19 августа 1939 г. В.М. Молотов официально передал германскому послу в СССР графу Шуленбургу текст проекта советско-германского пакта о ненападении. Проект содержал несколько пунктов. Прежде всего, стороны обязывались воздерживаться от нападения друг на друга и от любых агрессивных действий, включая участие в коалиции с другими государствами. Другим важным пунктом было согласие сторон решать спорные проблемы исключительно мирным путем в порядке взаимных консультаций или посредством создания согласительных комиссий. Москва предлагала заключить пакт сроком на 5 лет. Наконец, текст содержал постскриптум, который гласил: «Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики» Так официально прозвучала идея особого, секретного протокола как органической части пакта, протокола о разделе европейских и ближневосточных территорий 176 а сферы влияния между

Третьим рейхом и Советским Союзом. Этот текст был передан в Берлин для изучения немецкой стороной, а затем были согласованы сроки визита И. Риббентропа в Москву.

В тот же день в Берлине было подписано Кредитное соглашение между СССР и Германией. Рейхсканцлер А. Гитлер в письме И.В. Сталину искренне приветствовал заключение соглашения. Он также отметил, что заключение в будущем пакта о ненападении означает «закрепление германской политики на долгий срок». Гитлер в целом одобрил текст пакта, врученный В.М. Молотовым графу Шуленбургу, заметив, что считает необходимым «скорейшим путем» решить связанные с пактом вопросы. По мнению Гитлера, дополнительный протокол к пакту может подписать только ответственный государственный деятель Германии. Поэтому фюрер настаивал на скорейшем приезде в Москву, причем не позднее 23 августа, министра И. Риббентропа, который имел «всеобъемлющие и неограниченные полномочия». Поспешность, с которой Гитлер стремился заключить пакт, объяснялась подготовкой вермахта к вторжению на территорию Польши. До осуществления плана вторжения оставались считанные дни. Гитлер торопил Сталина. Операция по захвату Польши могла быть успешной, как минимум, при условии нейтралитета со стороны СССР.

21 августа 1939 г. И.В. Сталин направил А. Гитлеру ответное письмо, в котором выражал надежду на то, что «германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами. Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Соглашение германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами». В конце письма И.В. Сталин сообщал, что советское правительство согласно на приезд 23 августа в Москву министра иностранных дел И. Риббентропа. Письмо И.В. Сталина фактически означало завершение конфиденциальных предварительных консультаций и начало официального этапа межгосударственных переговоров.

22 августа советская газета «Известия» информировала читателей о том, что после заключения кредитного соглашения «встал вопрос об улучшении политических отношений между Германией и СССР. Происшедший по этому вопросу обмен мнениями между правительствами Германии и СССР установил наличие желания обеих сторон разрядить напряженность в политических отношениях между ними, устранить угрозу войны и заключить пакт о ненападении. В связи с этим предстоит на днях приезд германского министра иностранных дел г. фон Риббентропа в Москву для соответствующих переговоров». Таким образом население Советского Союза и мировая общественность были оповещены о предстоящем событии.

23 августа 1939 г. И. Риббентроп прибыл в Москву. В 6 часов вечера в Кремле состоялись официальные советско-германские переговоры. С немецкой стороны переговоры вели сам министр, граф Шуленбург и советник посольства Г. Хильгер, который выполнял еще и функции переводчика. С советской участвовали И.В. Сталин, В.М. Молотов, его помощник и переводчик В.Н. Павлов.

В начале беседы И. Риббентроп высказал стремление Германии прийти к политическому компромиссу интересов двух стран и достичь соглашения на длительную перспективу. В ответ И.В. Сталин недвусмысленно показал желание достичь взаимопонимания с Германией. Ответ И.В. Сталина был столь конструктивен, что, по словам И. Риббентропа, стороны сразу же смогли договориться о разрешении германо-польских противоречий и о разграничении обоюдных интересов в других районах мира. Финляндия, большая часть Прибалтики, а также Бессарабия отходили к советской сфере влияния. На случай германского вторжения в Польшу была согласована особая демаркационная линия, которая проходила по течению рек Висла, Сан и Буг. Переговоры были прерваны лишь на короткий срок. Москва настаивала на включение порта Лиепая в свою сферу интересов. И. Риббентроп был вынужден запросить согласия фюрера по данному вопросу. Согласие было получено, и в 10 часов вечера переговоры возобновились. К полуночи были парафированы пакт о ненападении и секретный протокол к нему.

Интересно заметить, что пакт был подписан в тот момент, когда в Москве еще находились члены английской и французской военных миссий. Кроме того, пакт, в общем-то, нарушал советско-французскую договоренность 1936 г. о необходимости взаимных консультаций при заключении какого-либо договора с третьей стороной.

Договор о ненападении 1939 г., подписанный министром И. Риббентропом и наркомом В.М. Молотовым, в основных чертах повторял проект, предложенный советской стороной. В статье 1 стороны обязались воздерживаться от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами. Статья 2 предусматривала неучастие одной стороны в агрессии третьей стороны против стороны другой. Договор обязывал стороны разрешать конфликты и споры исключительно мирным путем. Договор заключался сроком на 10 лет и вступал в силу немедленно с момента его подписания, что отражало лихорадочную подготовку

Германии к войне с Польшей.

Дополнительный (секретный) протокол разрешал вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Во-первых, северная граница тогдашней Литвы объявлялась границей сфер интересов Германии и СССР. Протокол говорил о возможности «территориально-политического переустройства» областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва). «Переустройству» подлежала и Польша. Граница сфер в этом районе проходила по линии рек Нарева, Висла и Сана. Следовательно, Берлин и Москва договорились о захвате указанных районов в ближайшем будущем. На юго-востоке Европы в советскую сферу влияния попадала Бессарабия.

Договор о ненападении, или Пакт Молотова-Риббентропа, безусловно, сыграл свою роль в укреплении безопасности Советского Союза. Неудавшиеся переговоры с Англией и Францией, безудержное шествие Третьего рейха к мировой войне заставило советское руководство пойти на вынужденную меру - подписать договор о ненападении с государством, которое развивало свою экспансию на восток. Необходимо было задержать продвижение германской агрессии в направлении СССР и получить время для реорганизации вооруженных сил, ослабленных в результате массовых «чисток» командного состава, и создания укрепленных районов на западной границе. Правда, следует заметить, что И.В. Сталин переоценил «честность» Гитлера и сроки мирной «передышки». И все-таки с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Красная армия имела возможность наращивать свой потенциал. Можно считать парадоксальным тот факт, что советской дипломатии удалось заключить договор с Германией - государством, подписавшим Антикоминтерновский пакт 1936 г. с Японией, а в 1937 г. с Италией. Договор 1939 г. фактически означал отказ советского руководства от цели совершения мировой пролетарской революции и стремление поставить собственную внешнюю политику на основы Realpolitik.

Наряду с этим следует отметить и негативную сторону договора 1939 г. Ценой соглашения стала судьба независимой Польши. Германия получила «свободу рук» на востоке и могла захватить территорию польского государства. Германия могла без опаски вести военные действия на западе против Франции и Великобритании, поскольку Москва честно соблюдала условия пакта. Следует подчеркнуть, что уступая Советскому Союзу ряд восточноевропейских территорий, Гитлер ничего не терял. Названные территории не имели на тот момент большого стратегического значения. Кроме того, для фюрера не существовало окончательных межгосударственных соглашений, а лишь конкретные интересы рейха по расширению жизненного пространства.

178

Дополнительный протокол, помимо всего прочего, предусматривал захват Прибалтики, Бессарабии и возможный раздел Финляндии, что кардинальным образом изменяло геополитическую ситуацию в центре Европы и обрекало население захваченных стран на страдания и жизнь под иноземной властью.

§ 3. Эволюция неофициального направления внешней политики Советского Союза в период 1935-1940 гг.

Изменение статуса СССР на мировой арене, встраивание его в систему европейской безопасности в условиях эскалации международной напряженности потребовало от советского руководства корректировки внешнеполитического курса страны, особенно в неофициальной его части, связанной с деятельностью Коминтерна. В создавшейся ситуации Коммунистический интернационал должен был пересмотреть целый ряд своих фундаментальных стратегических установок и разработать новую тактику воздействия на общественное мнение стран Европы, которая соответствовала бы требованиям текущего момента и способствовала закреплению дипломатических успехов Советского Союза. С этой целью летом 1935 г. в Москве был созван VII конгресс Коминтерна, на котором было принято решение об отказе от конфронтации с политическими партиями и организациями социал-демократического толка и о создании так называемых народных фронтов, представлявших собой блок социалистов и коммунистов, главной целью которого должно было стать предотвращение прихода к власти в странах Западной Европы правых режимов и укрепление антифашистски настроенных правительств.

Наибольшего успеха тактика народного фронта достигла во Франции, где к власти при поддержке компартии Франции пришло правительство, основу которого составили социалисты и радикалы, выступавшие как сторонники франко-советского сотрудничества. Для укрепления внутривластного положения данного правительства руководство Советского Союза и Коминтерна предприняло ряд мер, направленных на то, чтобы оградить французских лидеров, лояльно настроенных по отношению к СССР от критики слева.

Новое французское руководство ратифицировало договор о взаимопомощи между Францией и СССР, что, несомненно, способствовало укреплению позиций Советского Союза на международной арене.

Однако документальные свидетельства, относящиеся к началу 1936 г., дают основания предполагать, что на VII конгрессе КИ (1935 г.), заложившем основы единого антифашистского фронта, не был разработан конкретный механизм претворения в жизнь этих теоретических установок. В ряде документов ИККИ, а также в протоколах выступлений лидеров Коминтерна содержатся указания на кризис демонстративной политики КИ и отсутствие «правильных методов борьбы с фашизмом».

В период 1936-1939 гг. руководители Коммунистического интернационала и отдельных национальных секций предлагали свои варианты концепции народного фронта, определяющей формы и методы борьбы с фашизмом в международном масштабе и в каждой стране в отдельности с учетом специфических, присущих ей черт.

В целом многие варианты концепции основывались на сохранении и укреплении (а в тех странах, где победил фашизм, — на восстановлении) институтов и социальных достижений буржуазной демократии в странах Европы, а также на развитии сотрудничества восточноевропейских государств в рамках Малой Антанты, которая, объединяя "малые нации Европы", представляла им определенные гарантии безопасности перед лицом германской угрозы. Усилению позиций Малой Антанты должно было способствовать создание в государствах-союзниках народных фронтов и их активное взаимодействие между собой и французским Народным фронтом.

Особое место в концепции европейской политики Коммунистического интернационала в этот период занимала Чехословакия, игравшая ключевую роль в системе европейской безопасности. В постановлении Секретариата ИККИ по чехословацкому вопросу, принятому незадолго до так называемого «мюнхенского сговора» (25 мая 1938 г.) КПЧ предлагалось "использовать все силы партии для противодействия фашизму и захвату Чехословакии". Руководство Коминтерна считало необходимым "активно реагировать на каждый шаг гитлеровцев против Чехословакии" путем проведения международных кампаний в защиту этой страны. Наиболее сильному пропагандистскому воздействию предполагалось подвергнуть общественное мнение Великобритании и Франции.

Заметную роль в формировании общественного мнения играли специализированные международные организации, созданные Коминтерном и подчиняющиеся его представителям. Ярким примером такой организации можно считать Мировой комитет борьбы против фашизма и войны, который, объединяя достаточно широкий спектр политических сил (включая христианские организации и движения), активно выступал против фашистской идеологии и политической практики, в частности против участия немецких и итальянских войск в боевых действиях в Испании.

Одним из основных достоинств Мирового комитета являлось то, что он не конкурировал с другими миротворческими организациями, а, напротив, привлекал их к своей работе. Необходимо отметить, что формально во главе комитета стояли видные антифашистские деятели из разных стран, представители либеральной буржуазной интеллигенции, никак не связанные непосредственно с Коминтерном.

Значительное внимание руководство КИ уделяло сотрудничеству с Рабочим Социалистическим интернационалом, организуя совместные координированные выступления коммунистических и социал-демократических партий в поддержку испанских республиканцев (включая выступления парламентских и муниципальных фракций), а также пытаясь создать постоянный контактный комитет, координирующий антифашистскую деятельность этих организаций. Инструкции Секретариата ИККИ представителям Коминтерна на переговорах с РСИ настоятельно рекомендуют им избегать разрыва переговоров и добиваться положительного решения хотя бы по отдельным вопросам.

В целом, говоря об итогах деятельности Коммунистического интернационала в предвоенные годы, необходимо отметить, что несмотря на все усилия, данная организация не смогла создать надежную систему противодействия фашистской агрессии в Европе. Многие мероприятия, организованные Коминтерном, не нашли поддержки у приверженцев социалистических партий или были неверно истолкованы ими. Свою роль здесь сыграли хронические противоречия, определявшие отношения между коммунистами и социал-демократами на протяжении почти всего периода существования III Интернационала, а также неприятие общественным мнением Запада репрессивной политики, проводимой в Советском Союзе сталинским руководством и многие другие факторы.

Однако, несмотря на это, меры, принятые международным коммунистическим движением, стали своеобразным идеологическим и организационным фундаментом для последующего сотрудничества коммунистических и реформистских нелегальных организаций в рамках движения сопротивления в оккупированных странах. **4. Между-**

народные отношения в годы Второй мировой войны

После вторжения Германии 1 сентября 1939 г. на территорию Польши наступает новый этап в развитии международных отношений XX века. Мир вступил во Вторую мировую войну, которая кардинально меняла сложившуюся к тому времени систему международных отношений. Великобритания, США и СССР стали разыгрывать новую партию, привыкая друг к другу.

Великобритания. В июле 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль подписывает договор с Москвой, направленный против фашистской Германии. Однако, пойдя на этот шаг, Черчилль рассчитывал в долгосрочной перспективе сдержать Сталина на европейском континенте после поражения Гитлера. По мнению британского премьера, Сталин будет продолжать традиционную экспансионистскую политику Москвы в направлении черноморских проливов и Средиземного моря, регион английских интересов. Соответственно с этими убеждениями, Черчилль настоял на вторжении союзнических сил не в Нормандии (предложение Франклина Рузвельта), а на юге Европы. Согласно этому плану, Советская армия не должна быть допущена в сердце Европы. Успешное наступление в Италии и Греции, по мнению Черчилля, остановит продвижение Красной армии на запад и не позволит Сталину оккупировать центральные районы континента.

Наступление союзников началось в Сицилии и Италии в 1943 г. Открытие второго фронта произошло в 1944 г., после высадки англо-американских сил в Нормандии. Однако опасения Черчилля подтвердились, героическое и успешное наступление Советской армии на восточном фронте привело ее на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Германии и Австрии. Встреча союзников произошла на реке Эльбе.

У. Черчилль агитировал Рузвельта не выводить американские войска с континента. Поскольку это привело бы к образованию вакуума на континенте, который был бы моментально заполнен Советским Союзом. Одной из важнейших внешнеполитических целей Лондона стала формализация американского военного присутствия в Европе.

Советский Союз. До начала войны, Сталин не видел больших отличий в политике Чемберлена, Рузвельта и Гитлера. Даже после окончания Второй мировой войны лидер СССР продолжал отрицать какую-либо разницу между либеральной Америкой и фашистской Германией. Для него обе страны представляли противную сторону, лагерь империалистических, захватнически настроенных государств. Идеологическое противостояние оказало заметное влияние на внешнеполитический курс Москвы. Сталин блестяще провел Советский Союз через запутанные дипломатические бои, реализуя стратегию, где четко просматривались три составляющих: геополитические интересы, блеф и дипломатия «разделяй и властвуй».

Соединенные Штаты Америки. Американский внешнеполитический курс, так же как и советский, был чрезмерно идеологизирован. В 1941 г. Рузвельту удалось заполучить подпись Черчилля под документом, который позднее стал известен как Атлантическая хартия. Рузвельт надеялся, что Лондон искренне разделяет цели войны - защищать суверенитет всех наций и поддерживать свободу мореплавания. Изначально в хартии говорилось о формировании «всеобщей системы безопасности», утверждении справедливых принципов мировой экономики, гарантировании свободного и равного доступа всем странам к мировым богатствам. Таким образом, речь шла о традиционных либеральных ценностях. Только после того как документ был заметно выхолощен, Черчилль поставил свою подпись. Атлантическая хартия, хотя и

явила разногласия между Вашингтоном и Лондоном, воспринималась как неотъемлемая идейная основа антифашистской коалиции.

Часть принципов Атлантической хартии противоречила политике Сталина и вызывала настороженность Кремля: восстановление суверенитета для наций, лишенных его. Таким образом, ставился вопрос о легитимности советских территориальных приобретений в 1939-1941 гг. Однако, как и предвидел Сталин, после войны союзники не стали буквально трактовать столь радикальные принципы. 24 сентября 1941 г. Москва также присоединилась к Атлантической хартии.

Вступление США в войну. 26 ноября 1941 г. Вашингтон предъявил Японии ультиматум, в котором требовалось вывести все японские войска из Китая и Индокитая, а также отказаться от поддержки в Китае любого иного правительства, кроме правительства Гоминьдана. В течение 10 дней США ожидали ответа. 7 декабря японская авиация нанесла сокрушительный удар по военно-морской базе США на Гавайях - Перл-Харбор. Для американского флота это нападение было полной неожиданностью и, как следствие, он понес тяжелые потери. США объявили о вступлении страны в состояние войны с Японией и Германией. 8 декабря 1941 г. Великобритания объявила войну Японии. Мир раскололся на два противоборствующих лагеря. С одной стороны - державы оси: Германия, Япония, Италия и их союзники, с другой - Великобритания, США, СССР

и их союзники.

В мае и июне 1942 г. между СССР, с одной стороны, США и Англией - с другой, были заключены советско-английское и советско-американское соглашения. По соглашению между СССР и Англией о союзе в войне против гитлеровской Германии и о сотрудничестве после войны от 26 мая 1942 г., стороны взяли на себя обязательство «оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе», и не вступать ни в какие переговоры с правительством Гитлера. Предусматривалось также развитие широких политических и экономических контактов после войны.

Согласно советско-американскому соглашению, США обязались снабжать Советский Союз оборонными материалами, а СССР - содействовать укреплению обороны США. Американские поставки в рамках ленд-лиза оказали заметную помощь Советской армии.

Достигнутые в Лондоне и Вашингтоне В.М. Молотовым соглашения стали формальной основой для сотрудничества между союзниками. При этом привезенное Молотовым коммюнике, где констатировалось полное понимание союзниками в вопросе о необходимости открытия второго фронта в Европе в 1942 г., Сталин трактовал как обязательство Вашингтона и Лондона действительно открыть второй фронт. Однако, во время визита Черчилля в Москву, премьер-министр попытался убедить Сталина в невозможности открытия второго фронта в Европе в 1942 г. 8 ноября 1942 г. американские силы высадились в Северной Африке на побережье Марокко, где по-прежнему сохранялась угроза британским владениям на Ближнем Востоке.

Московская конференция состоялась 19-30 октября 1943 г., на ней встретились министры иностранных дел Англии, США и СССР. Конференция предвляла встречу «большой тройки» в Тегеране. В работе конференции принял участие представитель Китая (посол Китая в Москве). Союзники обсуждали вопросы о сокращении сроков войны (об открытии второго фронта), о послевоенном устройстве Германии, о положении в Италии, об Австрии, о создании новой международной организации после войны. Наверно, единственным реальным итогом конференции стало учреждение европейской консультативной комиссии, которая, по замыслу министров иностранных дел, должна была разрабатывать и представлять трем правительствам предложения, связанные с окончанием военных действий в Европе, а также условия капитуляции стран оси.

На Московской конференции был сделан практический шаг к созданию ООН. В «Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности» говорилось о намерении сторон продолжать борьбу до безоговорочной капитуляции противника. На конференции министры пытались не раздражать друг друга радикальными предложениями, поскольку понимали, что главные и принципиальные решения должны были приниматься лидерами на встрече в Тегеране. Так, вопрос о послевоенных границах почти не обсуждался. Союзники, в свою очередь, попытались убедить Москву в большой стратегической важности открытия фронта в Италии. Московская конференция стала первой из целой серии конференций союзников с осени 1943 г. по лето 1945 г.

По дороге в Тегеран Рузвельт и Черчилль встретились в Каире 23 ноября 1943 г. Основным вопросом на *Каирской конференции* было обсуждение будущего Дальневосточного региона. Именно для этого в Каир был приглашен лидер Китая Чан Кай-ши, что вызвало некоторое раздражение у Черчилля. Английский лидер видел, что Рузвельт пытался сформировать новый клуб великих держав, из которого исключались «старые» игроки - Франция и Великобритания. Формальным итогом конференции была декларация по Дальнему Востоку, где заявлялось о полной ликвидации Японской империи. Сталин согласился с Каирской декларацией, поддержал США в их стремлении ввести Китай в клуб великих держав, но при этом потребовал благоприятного решения территориальных вопросов по Сахалину и Курилам в пользу СССР.

Тегеранская конференция состоялась в столице Ирана 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Особенностью этой конференции стало заметное сближение Москвы и Вашингтона, которые после визита в 1941 г. Молотова в США намного лучше понимали друг друга и стремились сохранить единство позиций по принципиальным вопросам будущего мироустройства. Черчилль, напротив, держался стратегии англоамериканского блока.

Одним из главных вопросов конференции стал вопрос об открытии второго фронта. К этому времени наступил коренной перелом на восточном фронте. Красная армия перешла в наступление, и союзники видели перспективу появления советского солдата в сердце Европы, что отнюдь не входило в планы союзников. Особенно сильно это раздражало лидера Англии, который не верил в возможность сотрудниче-

ства с Советской Россией. На конференции Черчилль и Рузвельт дали согласие на открытие второго фронта. «Большая тройка» обсуждала также и будущие границы в Европе. Самым болезненным вопросом был польский. Сталин предложил передвинуть польскую границу на Запад, к Одеру. Советско-польская граница должна была проходить по линии, установленной в 1939 г. Тогда же Сталин заявил о претензиях Москвы на Кенигсберг и новые границы с Финляндией. Союзники решили согласиться с территориальными требованиями Москвы. Сталин, в свою очередь, пообещал вступить в войну против Японии после поражения Германии. В Тегеране было также объявлено о том, что послевоенный мир будет управляться четырьмя державами, действующими под эгидой международной организации, Устав которой выработывался представителями СССР, США и Великобритании в сентябре 1944 г. в Дум-бартон-Оксе, США. Неофициальная конференция завершилась принятием «Предложений относительно создания Всеобщей международной организации безопасности». В Думбартон-Оксе были согласованы цели, принципы, членство и структура

будущей организации.

4-11 февраля 1945 г. «большая тройка» собралась в Ялте. Перед приездом в Крым лидеры США и Великобритании провели предварительные консультации на Мальте. Однако западным лидерам не удалось снять противоречия, которые проявились в ходе переговоров в Крыму. Рузвельт намеревался продолжить курс на сотрудничество с Москвой, надеясь с помощью Советского Союза завершить демонтаж колониальной системы. Черчилль же настаивал на сохранении атлантической солидарности, тем более что лидеров США и Англии связывала тайна атомного проекта, реализация которого началась в Соединенных Штатах.

Основным вопросом конференции была судьба Германии. Были согласованы планы и сроки окончательного разгрома немецкой армии. Было принято решение об образовании трех оккупационных зон на территории Германии и создании специального контрольного органа главнокомандующих трех держав с местопребыванием в Берлине. Несмотря на протесты Сталина, стороны договорились пригласить и Францию занять определенную зону и принять участие в работе контрольного органа. Рузвельт убедил Сталина, что это позволит смягчить позицию де Голля. Союзники согласились и по вопросу о репарациях, хотя окончательно сумма не была определена.

В центре внимания участников конференции опять был польский вопрос. Черчилль и Сталин по-разному видели польско-германскую границу. Восточная граница должна была пойти по линии Керзона.

Советскому Союзу удалось получить согласие на членство двух советских республик в ООН. Учредительная конференция была запланирована на апрель 1945 г.

По предложению американской стороны был согласован вопрос и вступлении СССР в войну против Японии не позднее чем через три месяца после капитуляции Германии при следующих условиях: сохранение существующего положения Монгольской Народной Республики; восстановление принадлежащих России прав, нарушенных Портсмутским мирным договором (1905 г.); передача Советскому Союзу Курильских островов. По всем этим вопросам инициатива уступки Москве принадлежала Франклину Рузвельту, который ради реализации своих идей, заложенных в Атлантической хартии, хотел добиться поддержки Сталина.

На конференции была обсуждена судьба малых стран Европы. Сталин по многим вопросам пошел на уступки, понимая, что за согласие решить территориальные проблемы в пользу СССР надо платить. Греция оставалась в сфере британских интересов, в Италии сохранялся британо-американский контроль, в Югославии пока сохранялся паритет. По сути, решения Ялтинской конференции отдали страны Восточной Европы под советское влияние. В Крыму «большая тройка» начертила будущую карту мира, которая в итоге приняла несколько иные очертания, чем это представлялось Франклину Рузвельту, Уинстону Черчиллю и Иосифу Сталину.

25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско открылась учредительная конференция Организации Объединенных Наций. Конференция приняла решение об ответственности Совета Безопасности за поддержание мира, ограничив полномочия Ассамблеи. Несмотря на многочисленные противоречия в позициях великих держав, главное было сделано. Была создана новая международная организация, ответственная за мир и безопасность человечества.

1 мая Советская армия захватила Берлин, заставив Германию подписать Акт о безоговорочной капитуляции 9 мая 1945 г. Война в Европе была закончена. 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась. Многие надеялись,

что второй урок человечество воспримет более серьезно. Однако уже в ходе работы конференций союзников накапливались формальные претензии, которые и дали повод разжиганию новой, уже «холодной войны». После возвращения из Ялты умирает Ф.Рузвельт, архитектор послевоенного мира. Уход такого политика серьезно повлиял на будущее мироустройство

ВВЕДЕНИЕ

С завершением Второй мировой войны начинается новый этап международного политического процесса, ключевой характеристикой которого стало понятие двуполярности. Борьба за гегемонию сконцентрировалась вокруг двух полюсов силы — США и СССР, государств, занявших, бесспорно, преобладающие позиции в мире. На несколько десятилетий характер международных отношений стал зависеть от решений, принимавшихся в Москве и Вашингтоне. Однако следует учитывать тот факт, что двуполярность как устойчивая модель международных отношений сформировалась к середине 1950-х годов. В 1955 г. создается Организация Варшавского договора (ОВД), которая выступила противовесом сформированному в 1949 г. Североатлантическому союзу (НАТО). Достигнутые странами-победительницами в Ялте и Потсдаме соглашения изначально не означали неизбежной конфронтации, а, наоборот, должны были поделить сферы влияния между ними, как это уже не раз происходило в истории международных отношений. Однако, по мере оформления биполярной структуры, она приобретала конфронтационный характер, что наложило отпечаток на дальнейшее развитие международных отношений. Тем не менее следует отметить тот факт, что подобная система управления мира из двух центров встретила сопротивление со стороны «традиционных» центров силы европейской политики - Франции и Великобритании. Их действия были направлены на разжигание недоверия между СССР и США, что в какой-то мере способствовало усилению конфронтационности двуполярной структуры мира.

Стремление США удержать ядерную монополию, традиционные амбиции Москвы в Причерноморье и Иране, доктрина Трумэна, отказ восточноевропейских стран от участия в плане Маршалла, политический кризис в Чехословакии, берлинский кризис 1948 г. привели к тому, что конфронтация стала превращаться в реальность. Постепенно проявлялись очертания будущего «железного занавеса», ставшего олицетворением «холодной войны». За два с половиной года (1945-1947) отчетливо проявились линии конфронтации между будущими центрами силы. События в Китае 1949 г. и Коре 1950 г. поставили географическую точку в линии раздела мира на два «враждебных» полюса. «Дух конфронтации» стал определять методы разрешения кризисов, которые носили преимущественно военно-политический (т.е. силовой) характер.

Соединенные Штаты закончили войну, имея огромное преимущество перед своими европейскими союзниками (не говоря уже о проигравших странах). Территория не была затронута боевыми действиями. За годы войны был создан мощный военно-промышленный потенциал. США имели безусловное финансовое, экономическое, военное, политическое и моральное превосходство над всеми другими странами. Только Советский Союз мог сравниться с Америкой по военно-политическому и моральному потенциалу. Другие страны-победительницы участвовали в «разделе мира» лишь на правах союзников, объективно не имея того потенциала, которым обладали США и СССР.

В начале 90-х годов проблема «холодной войны» привлекла пристальное внимание как отечественных, так и американских исследователей. К сожалению, в России многие исследователи, пишущие о послевоенных международных отношениях и внешней политике США и СССР, пытаются объяснить происходившее путем исследования уже известных событий с привлечением неизвестного источникового материала, не отходя при этом в концептуальном плане от привычной концепции о противоборстве идеологий. Другая крайность отечественной американистики последних лет - замена традиционного виновника - США на империалистический Советский Союз и его тоталитарного лидера - И.Сталина. Тем не менее проблема «холодной войны» требует самого тщательного изучения, с привлечением не только новых источников, но и на основе новых методологических принципов.

В последнее время сам термин «холодная война» превратился в большей степени в журналистский штамп. Американские историки еще в 60—70-е годы делали попытки переоценить значение термина и найти ему замену, а школа «геополитиков» вовсе не принимала всерьез его обычное толкование. Во множестве работ (среди авторов следует отметить Л.Холле, М.Шулмана, П.Сибэри), написанных 20-30 лет назад речь шла об окончании того, что называлось «холодной войной», и о том, что возникает необходимость еще и еще раз возвращаться к объяснению ее причин и сущности.

БИПОЛЯРНЫЙ МИР

§ 1. Общая характеристика начального периода биполярного мира

Планы послевоенного обустройства мира. Все основные принципы послевоенного урегулирования и решения вопроса о Германии были приняты на Потсдамской конференции глав государств СССР, США и Англии. Она проходила в июле — августе 1945 г. с двухдневным перерывом на время парламентских выборов в Англии. Делегации возглавлялись: советская — И.В.Сталиным, американская — Г.Трумэном, английская — У.Черчиллем (после победы лейбористов на выборах делегацию возглавил К.Этли).

В отношении Германии были выработаны единые принципы, направленные на демилитаризацию, денацификацию и демократизацию страны. Было предусмотрено полное разоружение и ликвидация всей промышленности Германии, которую можно было использовать для производства вооружений. Запрещалась милитаристская и нацистская пропаганда.

СССР, США и Англия договорились о репарациях Германии. Советский Союз получал в счет репараций промышленное оборудование из своей зоны оккупации, а также 25% промышленного капитального оборудования из западных зон. США, Англия и другие страны свои репарационные претензии осуществляли за счет западных зон оккупации и германских активов за границей. Германский военно-морской и торговый флот был разделен поровну между тремя державами. Англия добилась затопления большей части немецкого подводного флота.

Очень трудно давалось решение территориальных вопросов. Город Кенигсберг с прилегающим к нему районом передавался СССР, фаница между Польшей и Германией устанавливалась по линии рек Одер и Западная Нейсе, часть Восточной Пруссии и город Данциг отходили Польше.

Было также принято решение о перемещении части немецкого населения из Польши, Чехославакии и Венгрии в Германию.

Был решен вопрос о заключении мирных договоров с Италией, Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией. Для подготовки этих договоров учреждался Совет министров иностранных дел (СМИД), который должен был также заняться проблемой бывших итальянских колоний.

При подготовке мирных договоров ряд государств пытались решить свои территориальные проблемы. Так Греция предъявила претензии Болгарии, Вашингтон и Лондон предложили пересмотреть уже принятые решения о границах между Финляндией с Советским Союзом и Венгрии с Румынией. Острую дискуссию вызвали вопросы, связанные с границами между Италией и Югославией, в том числе о судьбе Триеста, где США стремились основать свою военно-морскую базу. Тем не менее было принято решение о придании Триесту и прилегающей территории статуса свободной территории. В 1954 г. эта территория была поделена между Югославией и Италией.

10 февраля 1947 г. в Париже были подписаны мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. 15 сентября 1947 г. после ратификации Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Францией они вступили в силу. В исторической литературе имеются разные оценки подписанных договоров. Особенно резкой критике подвергалась позиция Москвы, которая, по мнению ряда исследователей, мешала принятию «справедливых» решений. В отечественной литературе долго господствовала другая точка зрения. Утверждалось, что

союзники хотели наложить слишком тяжелые репарационные выплаты на эти страны, что неминуемо сказалось бы на уровне жизни населения. Какие бы оценки не давались, следует отметить, что решения Потсдамской конференции и мирные договоры с пятью странами были последними компромиссными соглашениями бывших союзников, которые работали на мирное развитие стран Европы. После этого началось противостояние, где главная ставка была сделана на гонку вооружения.

Основные направления послевоенной внешней политики США. Официальные американские лица стали серьезно задумываться о послевоенной политике США еще на рубеже 1943-1944 гг. Военные аналитики разрабатывали систему будущих заморских военных баз, которые предстояло создать после завершения войны. Эти базы должны были провести новые «национальные стратегические границы» США. Внутри этих границ американские вооруженные силы должны доминировать и беспрепятственно перемещаться, контролируя ситуацию, в то время как за их пределами США могли использовать силу для нейтрализации угроз национальным интересам, или предотвращать любой акт агрессии со стороны враждебных стран. Эти планы получили одобрение президента Франклина Рузвельта в начале 1944 г.

В основе данного плана лежали две концепции - «глубокой обороны» и «проекции силы». Поскольку угроза безопасности страны могла исходить (по планам военных) из стран Европы или Азии, то США должны создать оборонительное кольцо баз. Географически оно формировалось из Алеутских островов, Филиппин, японского острова Окинава, Азорские или Канарские острова. Военное присутствие здесь обеспечивало достаточное удаление потенциальных противников от американской территории, а также обеспечивало полный контроль за торговыми путями, пролежавшим в Атлантическом и Тихом океанах.

Первая военная база, получившая одобрение, как военных, так и гражданских служащих, была построена в Исландии. Это произошло в октябре 1945 г., позднее военным удалось убедить Белый дом в необходимости создания базы для тяжелых бомбардировщиков на Гренландии. Однако многим планам военных не суждено было сбыться в конце 40-х гг., поскольку начались существенные сокращения военных расходов. Это было связано с прекращением военных действий и началом демобилизации в армии. В конце войны американская армия насчитывала 8 020 000 военнослужащих. За год она была сокращена до 1 889 690 человек. Несмотря на нараставшее напряжение между бывшими союзниками, демобилизация в США продолжалась. Однако это не означало, что Америка планировала «сократить» свои внешнеполитические амбиции. США однозначно вышли за рамки «традиционного» изоляционизма.

В какой-то степени этому способствовала и политика СССР, который косвенно способствовал ослаблению и распаду системы колониализма, что отвечало долгосрочным интересам США. Однако происходило усиление Советского Союза, расширялась сфера его влияния, что противоречило интересам Америки. К осени 1945 г. военные эксперты США подготовили специальные доклады, в которых раскрывались негативные последствия для Америки в связи с возможностью установления советского контроля над большей частью Европы, что позволило бы Москве получить доступ ко многим ресурсам стратегического характера. Безопасность США тесно увязывалась с сохранением свободного доступа к ресурсам Евразии, а также приверженностью стран региона либеральным капиталистическим ценностям. Причем интересы США не ограничивались только территорией Западной Европы, Германии и Ближнего Востока. Военные эксперты высказывали серьезные опасения по поводу развития ситуации и в странах Юго-Восточной Азии. Примечательно, что именно конфликт в Корее окончательно оформил биполярную структуру конфронтационного содержания.

Несмотря на опасения ведущих экспертов США потерять влияние в Евразии, они не ожидали советской военной агрессии. Делались даже прогнозы о том, что в течение следующих десяти лет после окончания Второй мировой войны СССР не сможет осуществить полномасштабную военную операцию за пределами своих границ. Эти выводы делались несмотря на факт военного присутствия СССР в Иране. Даже во время обсуждения доктрины Трумэна в конгрессе в марте 1946 г. руководитель военной разведки армии США не смог привести фактов готовящейся возможной военной агрессии со стороны Москвы. В сентябре 1947 г. эксперты ЦРУ подтвердили, что СССР не будет стремиться к завоеванию Западной Европы. Не изменились оценки военных и разведывательного сообщества даже после того, как коммунисты захватили власть в Чехословакии в 1948 г. В целом ведущие эксперты говорили о слабости СССР по сравнению с потенциалом США, что не позволит советским лидерам начать новую войну в Европе.

Тем не менее некоторые американские лидеры настаивали на усилении позиций США в Европе. Дело в том, что они опасались не столько военной интервенции со стороны СССР, сколько победы левых сил в европейских странах. Среди тех, кто настаивал на не-

обходимости осуществлять тайные операции в Германии, Франции, Италии в 1947-1948 гг., были государственный секретарь Джордж Маршалл, глава военного министерства Роберт Патерсон, министр обороны Джеймс Форрестол и директор штаба политического планирования при государственном департаменте Джордж Кеннан. Их цель - не допустить победы чрезвычайно популярных в то время левых партий. Президент Трумэн согласился с их рекомендациями, и все последующие президенты уделяли большое внимание именно тайным операциям для противостояния деятельности Советского Союза.

Вся политика в отношении СССР в послевоенное время базировалась на предложенной Кеннаном стратегии сдерживания, впервые представленной в знаменитой «длинной телеграмме» Кеннана от 22 февраля 1946 г. Стратегия сдерживания исходила из предположения, что советская политика «помягчает», экспансионистские устремления Москвы ослабнут, если она убедится, что таковые не окупаются. В рамках этой стратегии был одобрен «план Маршалла» об экономической помощи странам Европы и решено было - для обеспечения безопасности в Европе - сохранить там присутствие значительного контингента американских вооруженных сил. Наряду с экономической помощью и военным присутствием, существовала некая промежуточная зона, в пределах которой США прилагали — в добавление к дипломатическим акциям - тайные политические и психологические усилия для противостояния советскому влиянию посредством помощи умеренным некоммунистическим группам. Проведение в жизнь этих акций было возложено на ЦРУ июньской 1948 г. директивой СНБ 10/2. Тайные акции откровенно предусматривали и квазивоенные операции - наравне с политическими и экономическими мерами.

Доктрина Трумэна. 12 марта 1947 г. президент Г.Трумэн объявил о необходимости адекватного ответа со стороны США на события в Греции и Турции (Англия не смогла дальше оказывать финансовую помощь Турции и вынуждена была вывести свои войска из Греции). Президент заявил о том, что Америка должна помочь другим странам сохранить независимость и территориальную целостность, не допуская вмешательства тоталитарных режимов извне. Это было признанием того, что тоталитарные коммунистические режимы стремятся навязать свою волю и ценности свободным народам, что несет угрозу международному миру, а, следовательно, противоречит интересам США. Г.Трумэн обратился к конгрессу с просьбой выделить 400 млн. долларов на оказание помощи Греции и Турции. Принятие доктрины Трумэна ознаменовало отказ от традиционной американской внешней политики, которая характеризовалась минимальным вмешательством в дела других стран в мирное время.

План Маршалла (1948-1952). Преодолевая мощное сопротивление внутри конгресса и общественности, которая проявляла больший интерес к внутренним проблемам, администрация Трумэна начала в 1948 г. широкомасштабную программу экономической помощи европейским странам. Изначально программа была рассчитана на все страны Европы, пострадавшие в годы Второй мировой войны. Однако СССР и страны Восточной Европы отказались от помощи. В современной исторической литературе имеются разные оценки этого факта. Одни исследователи говорят о верности выбранного решения, другие говорят о серьезной ошибке, допущенной Москвой, отказавшейся участвовать в программе. Одно можно говорить точно, отрицательный ответ Сталина помог Белому дому преодолеть сопротивление правых в конгрессе, которых и так не устраивало все большее вовлечение США в европейские дела и расходование огромных средств на иностранную помощь в то время, как эти деньги, по их мнению,годились бы в самих США.

План Маршалла должен был укрепить позиции США и поддержать американскую экономику, поскольку предполагалась реализация тех товаров, которые оставались еще с военных лет. В июле 1948 г. этот план обсуждался в Париже на совещании министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР.

События в Чехословакии и блокада Берлина в 1948 г., последовавшие после проведения западными союзниками без согласования с Москвой денежной реформы в американской, английской и французской зонах оккупации Германии, помогли администрации США убедить общественность в реальности коммунистической угрозы в Европе. В 1949 г. произошли еще два события, повлиявших на развитие американо-советских отношений: первые успешные испытания советской атомной бомбы и победа коммунистов в Китае. Таким образом, американское общество было готово принять предложенные администрацией коррективы в военную реформу. Военные требовали привести в соответствие структуру и боеготовность вооруженных сил США с объявленной стратегией сдерживания. Объединенный комитет из сотрудников государственного департамента и министерства обороны получил задание проанализировать военную и внешнюю политику США и представить свои рекомендации по ее изменению в соответствии с новыми реалиями в мире. В докладе, представленном в Совете национальной безопасности в апреле 1950 г., рекомендовалось увеличить численность вооруженных сил, укрепить обороноспособность страны в целом. Особое внимание уделялось укреплению союзниче-

ских связей. Документ стал известен как СНБ 68. Впервые после демобилизации чиновники решились говорить об увеличении расходов на военные нужды. Однако Белый дом столкнулся с той же проблемой, как и перед представлением в конгрессе плана Маршалла. Надо было продемонстрировать реальную угрозу безопасности США со стороны коммунизма. В июне 1950 г. началась война на Корее.

Создание новых блоков и союзов. Государства вступают в союзы для того, чтобы совместными усилиями решить общие задачи на заранее оговоренных условиях. Союзы в годы «холодной войны» были призваны отражать национальные интересы сверхдержав, четко фиксируя их внешние границы. Необходимо отметить, что не все коалиции, сформированные по инициативе США или СССР, существовали долго и имели одинаково важное значение. Тем не менее они однозначно выявили тенденцию, направленную на минимизацию роли других (потенциально враждебных) держав в стратегически важных регионах мира.

Поиск надежного союзника становится краеугольным камнем политики национальной безопасности США и Советского Союза. Согласно планам вашингтонских стратегов, такие страны должны являться проводниками американских интересов в регионах, а также способствовать проникновению США на мировые финансовые рынки. «Сильные альянсы имеют важнейшее значение для национальной стратегии, — заявил министр обороны Чейни в 1991 г. — Общие ценности, общие проблемы в области обороны, объединенный экономический потенциал дружественных стран создает прочную основу для коллективной безопасности, обеспечивающей мир и стабильность... Сильные союзы остаются важнейшим элементом постхолодного мира».

Созданные Вашингтоном и Москвой системы, состоявшие из официальных союзов и менее формальных соглашений с дружественными государствами, способствовали «разделу» мира на два лагеря, одновременно создавая механизмы коллективной обороны.

В феврале 1948 г. состоялось совещание США, Англии и Франции по вопросу создания в Западной Европе нового политического блока. В марте 1948 г. Лондон выступил с инициативой создания военно-политического блока, в который вошли бы Англия, Франция, Бельгия, Голландия и Люксембург. Впоследствии он стал известен как Западный союз.

17 марта 1948 г. в Брюсселе был подписан Североатлантический пакт. Участники пакта взяли на себя обязательство оказывать взаимную помощь и принимать коллективные меры в случае возникновения какой-либо опасности в Европе. 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне был подписан договор о создании Североатлантического союза. В состав НАТО вошли США, Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Португалия, Дания, Норвегия, Исландия, Люксембург и Канада. В 1952 г. к ним присоединились Турция и Греция, в 1955 г. — ФРГ.

В качестве ответа на активное строительство новых блоков и объединений, страны Центральной и Восточной Европы при беспспорном лидерстве СССР 25 января 1949 г. создали Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). СЭВ — международная межправительственная организация, объединившая на первом этапе шесть государств — Болгарию, Венгрию, Польшу, Румынию, Советский Союз и Чехословакию. Позднее в СЭВ вошли ГДР, Монголия, Куба и Вьетнам.

В сентябре 1951 г. США, Австралия и Новая Зеландия создали военно-политический союз (АНЗЮС). 26 мая 1952 г. в Бонне подписывается соглашение об участии ФРГ в Европейском оборонительном сообществе (ЕОС), в которое вошли также Франция, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург.

В сентябре 1954 г. в Маниле США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Филиппины и Таиланд подписывают Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО).

В октябре 1954 г. подписываются Парижские соглашения о ремилитаризации ФРГ и включении ее в Западный союз и НАТО. В феврале 1955 г. создается военный турецко-иракский союз (Багдадский пакт).

В условиях обострения противостояния между США и Советским Союзом, столь активная «блоковая» политика Вашингтона не могла быть оставлена без адекватных мер. 14 мая 1955 г. был оформлен коллективный оборонительный союз социалистических государств — Организация Варшавского договора. Это решение было принято в ответ на включение в НАТО ФРГ. Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был подписан Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией. Созданная военно-политическая организация стала адекватным ответом на создание НАТО.

Война в Корее (1950-1953). В 1947 г. провалились советско-американские переговоры по Корее. Тогда не удалось договориться о создании независимого демокра-

тического государства на Корейском полуострове. Спор о будущем Кореи часто перемещался в ООН, где США имели преимущество, поскольку союзники оказывали поддержку инициативам Вашингтона. Таким образом, США имели моральное преимущество над СССР, инициативы которого не получали одобрения Генеральной Ассамблеи. Несмотря на все попытки ООН в 1948-1949 гг., Корея осталась разделенной. К лету 1950 г. Юг и Север имели свои «независимые» правительства, поддерживаемые США и Советским Союзом соответственно.

5 июня 1950 началась корейская война. Специальная комиссия ООН признала Южную Корею жертвой, а Север — агрессором и порекомендовала Совету Безопасности принять все меры по прекращению боевых действий. Принятая резолюция (СССР бойкотировал заседания по причине отказа ООН положительно решить вопрос о замене представителя Чан Кайши в Совете Безопасности на делегацию коммунистического Китая) запрещала оказывать помощь Северу и требовала вернуть вооруженные силы на линию 38-й параллели. 7 июля Совет Безопасности одобрил англо-французскую резолюцию о передаче военного командования объединенными силами ООН в Корею Соединенным Штатам. СССР с союзниками квалифицировал действия США как поддержку агрессивной политики Юга. Однако было уже поздно, США получили международную поддержку для проведения военной операции на Корейском полуострове.

В начале конфликта вперед продвинулась армия КНДР, но затем американские войска совместно с армией Южной Кореи стали теснить ее. Очень быстро в конфликт вмешался Китай, который направил в Корею отряды добровольцев. Китайские вооруженные силы сумели остановить успешное наступление вооруженных сил ООН и отбросить их к демаркационной линии по 38-й параллели. Война приобрела затяжной характер и закончилась в 1953 г. На политической карте мира появились две Кореи.

Создание ООН. 21 августа 1941 г. была подписана Атлантическая хартия. Ф.Рузвельт настоял на ее публикации, дабы показать Советскому Союзу, который только что вступил в войну планы западных стран относительно послевоенного обустройства мира. Она также рассматривалась в Вашингтоне в качестве противовеса идеологии национал-социализма. Хартия провозглашала запрет на территориальные изменения без согласия народов, на ней проживающих, свободу выбора «формы правления» на той или иной территории. В экономической сфере страны, подписавшие хартию, провозглашали принцип свободы торговли и доступа к ресурсам. С юридической точки зрения хартия ничего не значила, однако она показала некоторые направления, по которым будут развиваться внешнеполитические инициативы США. 1 марта 1944 г. госсекретарь Хэл издал меморандум «Основы внешней политики США», известный как «семнадцать пунктов». Главные идеи меморандума: внешняя политика должна служить национальным интересам США, которые после победы над фашизмом заключаются в поддержании национальной безопасности и социально-экономическом благополучии страны. Эти интересы могут быть лучше всего реализованы через международную кооперацию, что в свою очередь предусматривает создание новой международной организации, в деятельности которой будет и силовой компонент. Организация, по мнению Хэла, будет способствовать решению политических разногласий через дискуссии, переговоры, консультации, создание международного суда, сокращению вооружений. Предусматривалось также, что государства откажутся от старых принципов разделения мира на сферы влияния, пойдут на либерализацию торговли, ликвидацию барьеров и тарифов, препятствующих свободной торговле между странами. Таким образом, Соединенные Штаты призывали другие страны, ради реализации принципов, заложенных в Атлантической хартии, принять на себя обязательства действовать по единым правилам и нормам.

За две недели до конца войны в Сан-Франциско проходила конференция по созданию Организации Объединенных Наций и выработке ее Устава. На нее прибыли делегации 50 стран, возглавляемые министрами иностранных дел. В результате острых дискуссий Устав ООН был согласован и 26 июня 1945 г. состоялось его подписание. Устав обязывал членов ООН «принимать эффективные коллективные меры» для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии, а также разрешать международные споры «мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права». В уставе впервые был закреплён в качестве основного начала международных отношений принцип равноправия и самоопределения народов.

ООН имеет шесть главных органов - Генеральную Ассамблею, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по опеке, Международный суд и Секретариат. Их полномочия, функции и деятельность позволяют охватить всю совокупность вопросов, входящих в компетенцию международной организации.

Главным политическим органом ООН является Совет Безопасности, который состоит из постоянных членов (СССР, США, Англия, Франция и Китай) и избираемых Гене-

ральной Ассамблеей на двухгодичный срок непостоянных членов. Сама Генеральная Ассамблея является совещательным органом. Каждый член ООН имеет только один голос. Ее решения по важнейшим вопросам принимаются большинством в 2/3 присутствующих и участвующих в голосовании членов, а по другим вопросам — простым большинством.

С первых лет своего существования ООН участвовала в разрешении конфликтных ситуаций между государствами. Первая серьезная проблема появилась в 1946 г., когда Советский Союз отказался вывести войска с территории северного Ирана. Иран добился рассмотрения этого вопроса на Совете Безопасности. Впервые ООН была использована как инструмент аккумуляции международного давления на государства. Несмотря на все попытки Москвы, ей все-таки пришлось вывести войска.

В 1947 г. обострился кризис между Индонезией и Голландией. Совет Безопасности призвал прекратить боевые действия, начатые Голландией и создал специальную комиссию, работа которой завершилась признанием независимости и суверенитета Индонезии. Вооруженные силы Голландии покинули территорию своей бывшей колонии.

В дальнейшем, с той или иной степенью успеха, ООН принимала участие в разрешении конфликтов в Греции (1946 г.), в Палестине, Кашмире, Корее. Решение Берлинского кризиса 1948 г. в Совете Безопасности было заблокировано Советским Союзом. Найти выход удалось лишь после прямых двусторонних переговоров между Москвой и Вашингтоном.

Анализируя деятельность ООН в первые годы существования, можно сделать вывод о том, что ООН, как и Лига Наций 30-х годов, стала лишь еще одним инструментом национальной политики наиболее влиятельных членов международного сообщества. В этом, по сути, и заключался скрытый смысл организации. Суверенные государства получили дополнительные рычаги для решения своих внешнеполитических задач. Однозначно можно говорить о том, что ООН не стала выразителем интересов того или иного идеологического лагеря. Ни США, ни Советскому Союзу не удалось добиться постоянного преобладания в организации. Право вето, которым обладали члены СБ, серьезно препятствовало той или иной стороне проводить бескомпромиссные решения. Исключение составила резолюция по Корее, когда Москва, приняв недальновидное решение, бойкотировала работу Совета Безопасности.

Геополитические концепции мироустройства. Геополитическое обоснование послевоенной внешнеполитической стратегии США было заложено в трудах А.Мэхэна, Г.Маккиндера, Н.Спайкмена, И.Северского, С.Козна.

В начале XX века, будучи известным военно-морским историком, Мэхэн разработал концепцию, где обосновал необходимость установления контроля Соединенными Штатами над океанскими просторами. Этот вывод адмирал сделал, изучая историю военно-морского могущества Великобритании. Его основной тезис: контроль над морским пространством — доминирующая форма политической силы и важнейший фактор в межгосударственных отношениях¹.

Именно используя и контролируя моря, страны аккумулируют богатства. Мэхэн разработал простую форму сверхдержавы: военный флот + торговый флот + военно-морские базы = морское могущество и сверхдержавность. Он настоятельно рекомендовал Соединенным Штатам начать строительство флота и создавать базы, которые являются непременным условием морского контроля над океаном. Более того, Мэхэн рекомендует приобрести Гавайи, установить контроль за бассейном Карибского моря и соорудить Панамский канал.

Гарольд Маккиндер, современник Мэхэна, тоже признавал важность морской силы, способной иметь глобальный эффект. Однако Маккиндер считал, что куда важнее основать свою силу на ресурсах континентов. В 1904 г., выступая с докладом "Географическая ось истории", Маккиндер определил в качестве таковой Восточную Европу и сибирские просторы, содержащие огромные ресурсы и, как следствие, тот, кто контролирует этот район, займет центральные стратегические позиции. В 1919 г., отвечая на события I мировой войны, он писал: "Кто контролирует Восточную Европу — контролирует Хартленд, кто контролирует Хартленд — контролирует мировой остров, кто контролирует мировой остров — тот контролирует весь мир".

После войны представления Маккиндера подверглись определенной трансформации, и в 1943 г. он отказывается от абсолютизации своего известного изречения. Он признает, что объединение потенциалов Западной Европы и США может создать мощную силу, соединенную прочными морскими и воздушными средствами коммуникации. Этот район он назвал "срединным океаном", который и будет противостоять возрастающему влиянию Советского Союза, оккупировавшего Хартленд. В идеях Маккиндера мы можем найти теоретическую базу развития концепции "атлантизма", предусматривавшей создание "Амероевропы" для противопоставления России, которая рано или поздно будет оказы-

вать серьезное давление на "мировой остров".

¹ Ciccolo W. *Geograpy and Strategy //Military Strategy: Theory and Application*. Ed. by Lykke, Jr. A. Carlisle Barracks, PA.: U.S. Army War College, 1989. P. 72-73.

Н.Спайкмэн, бывший профессор международных отношений в Йеле, определил несколько слабых мест в концепции Маккиндера. Спайкмэн, выступая с позиций американской геополитики (Маккиндера традиционно считают выразителем британского видения картины мира), ключом к контролю над миром считал не Хартленд, а евразийский пояс прибрежных территорий, охвативший морские страны Западной Европы, Ближнего Востока, Средней и Юго-Восточной Азии. Спайкмэн назвал этот регион Римлэндом и определил в качестве главной внешнеполитической задачи США — не допустить контроля над Римлэндом какой-либо одной силы. Его гипотеза выглядит следующим образом: "Кто контролирует Римлэнд — управляет Евразией, кто управляет Евразией — контролирует судьбы мира".

Спайкмэн был против противопоставления континентальной и морской силы. Используя морскую силу, морские державы эффективно противодействуют континентальным государствам, контролирующим Римлэнд. Политика сдерживания, проводимая США после II мировой войны, — пример успешного применения теории Спайкмэна. Заключение серии союзнических договоров, а также создание сети военноморских баз позволило Соединенным Штатам "окружить" Евразию и создать условия для эффективного реагирования на события в Корее, Малайзии, Вьетнаме, Сомали, Ираке, Ливии, Панаме, Боснии.

После Второй мировой войны в США предпринимались активные усилия по разработке нового американского видения структурирования мира, связанные с именами Г.Уайджера, Р.Страуса-Хюпе, В.Стефансона, О.Лотимора и др. Отправная точка всех исследований этого периода — тезис об особой роли Америки в мире. Для реализации этой роли обосновывалась мысль о необходимости разработки особой американской геополитики. Как считал Р.Страус-Хюпе, "геополитика представляет собой тщательно разработанный план, предусматривающий, что и как завоевать, указывая военному стратегу самый легкий путь завоевания". Три крупных центра мировой мощи определили американские геополитики — атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье и Дальний Восток Евразии. Допускалось появление четвертого центра — Индии.

Успехи, достигнутые в области развития военных, транспортных, коммуникационных технологий потребовали внесения определенных корректив в прошлые геополитические концепции. Появились новые конструкции, учитывающие, что с появлением авиации и особенно ядерного оружия и средств его доставки традиционные модели, в основе которых лежал географически-пространственный детерминизм, устарели и нуждаются в серьезной корректировке. Наиболее обоснованные аргументы были представлены в работах А.Северского. В его геополитических построениях мир был разделен на два огромных круга воздушной мощи, сконцентрированных в индустриальных центрах США и СССР. Для этого периода характерно двухполюсное видение мира, что соответствовало духу «холодной войны».

Но уже в 60-х гг. заметен переход к полицентричной трактовке мироустройства. Дж.Кроун, Б.Рассет, Л.Контори являются представителями данного направления. Характерные для этой группы геополитиков идеи представлены в работах С.Коэна, который делил мир на геостратегические и геополитические регионы. Различие между ними — это различия между глобальным и региональным пространственно-политическими масштабами. Геостратегический регион сформировали Англия, США, Южная Америка, страны Карибского бассейна, Западная Европа, страны Маг-риба, островная Азия. Все они ориентированы на торговлю и зависят от свободы путей сообщения. Геополитический регион составили Восточная Европа и Восточная Азия, каждый регион имеет свои особенности, но они объединены континентальной спецификой. В самостоятельный регион была выделена Индия. Анализируя события, характеризующие начало «холодной войны», неизбежно задаешься вопросом влияния идеологии на поведение сверхдержав после 1945 г. По справедливому заключению У.Карлснэса, невозможно измерить удельный вес этого фактора, по сравнению с другими. Нельзя не согласиться с мнением многих американских и отечественных исследователей, которые сомневаются в существовании четких доказательств стопроцентно рационального поведения человека в политической сфере. Трудно найти подтверждения прямой связи идей и поведения индивидов. Однако внешняя политика не может быть полностью свободна от идеологии, равно как и «идеологизированной».

Так начинался процесс складывания уникального миропорядка, существовавшего

удивительно долго как раз тогда, когда скорость изменений в мире была необычайно высокой. Несмотря на мощный конфликтный потенциал международных отношений 40—60-х годов, можно говорить и о существовании элементов конструктивности. Карибский кризис заставил СССР и США выйти за рамки мышления категориями грубого силового давления. В начале 60-х прямая военная конфронтация стала уступать место опосредованному проецированию мощи на региональном уровне. Вьетнамская война вывела Москву и Вашингтон на новый уровень взаимоотношений, ключевым содержанием которых стал «стратегический паритет».

Формирование новой политической карты мира. После окончания Второй мировой войны на политической карте мира появились новые игроки, заявившие о своих правах на самостоятельное участие в международных процессах. Страны Юго-Восточной Азии в процессе борьбы с японской армией сформировали структуры и институты, которые возглавили процесс обретения независимости.

В августе 1945 г. лидер национально-освободительного движения Индонезии Сукарно провозгласил независимость Индонезии и стал ее первым президентом. Поскольку японская армия была деморализована, а колониальные армии Голландии отсутствовали на островах архипелага, провозглашение независимости прошло спокойно. Однако вскоре Англия попыталась восстановить старые порядки, назначив временного генерал-губернатора. 10 ноября 1945 г. в Индонезии началась вооруженная борьба за свободу и независимость республики. Конфликт бушевал 9 лет. В течение этих лет ООН пыталась разрешить его, но соглашение удалось достичь только в 1954 г., когда был расторгнут голландско-индонезийский союз. В мае 1956 г. Сукарно подписал закон о его упразднении.

В 1948 г. добивается независимости Бирма. Английское правительство под давлением национальных сил вынуждено было пойти на проведение выборов в Учредительное собрание, которое и принимает Конституцию, провозглашающую создание новой республики — Бирманского Союза.

15 августа 1947 г. получает независимость Индия. Соглашаясь на это, Англия пошла на раздел территории своей бывшей колонии на два государства — Индию и Пакистан. Границы были проведены таким образом, что на протяжении всех последующих лет возникают конфликты и противоречия, доходящие до военных действий.

Территория Пакистана была разделена на две части — восточную и западную. На суше они отстояли одна от другой на 1500 км, а по воде вокруг полуострова путь между ними составлял около 5000 км. В ходе войны восточная часть — Бенгалия — становится независимым государством Бангладеш. С самого начала раздела территории Индии происходят погромы и столкновения на религиозной и этнической почве. Индусы вынуждены были покинуть территорию Пакистана, мусульмане уходили с территории Индии. Борьба из-за княжеств Джамму и Кашмир, а также Хайдарабад и Джунатарх продолжается до сих пор. 26 июня 1950 г. Учредительное собрание принимает новую конституцию Индии, которая, оставаясь в Британском содружестве, тем не менее становится суверенной демократической республикой.

В феврале 1948 г. английское правительство вынуждено было предоставить право доминиона острову Цейлон.

4 июля 1946 г. Филиппинская Республика стала суверенным государством, хотя США оставили здесь свои военные базы.

В августе 1957 г. независимость получила Малайя. В 1951 г. Непал становится суверенным государством с конституционной монархией.

Наиболее драматично складывалась судьба Вьетнама. 2 сентября 1945 г., в день капитуляции Японии, Вьетнам получает независимость. Однако территория Вьетнама, Кампучии и Лаоса становится ареной борьбы. Франция, Китай, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз столкнулись на этом пространстве. В 1954 г. в Париже была подписана заключительная декларация, которая предусматривала проведение свободных выборов во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Во Вьетнаме была установлена временная демаркационная линия чуть южнее 17-й параллели.

Однако США не подписывали декларацию, стремясь прийти на смену Франции, которая после «грязной войны» вынуждена была уйти из Индокитая. В условиях абсолютизации коммунистической угрозы в США, Д.Эйзенхауэр объявил Лаос ключом ко всей зоне Юго-Восточной Азии и используя СЕАТО в качестве инструмента давления проводил политику на укрепление позиции США в регионе. Однако основным источником разрушительных импульсов в регионе был Южный Вьетнам, именно там сконцентрировались интересы Соединенных Штатов. В первой половине 60-х годов в стране было совершено несколько переворотов. Обострились отношения между буддистами и католиками. Оппозиция, недовольная неспособностью правительства навести поряд-

док, продолжала оказывать мощное давление на официальный Сайгон. Вашингтон пошел на эскалацию конфликта, начав 4 августа 1964 г. интервенцию во Вьетнам. Надо отметить, что в задачи Москвы не входило обострение отношений с Вашингтоном из-за Северного Вьетнама. Вмешательство Северного Вьетнама в события на юге готов был поддержать Китай, с которым у Северного Вьетнама в это время складываются самые дружественные отношения.

Л.Джонсон, новый президент США, боялся быть обвиненным в «потере Вьетнама», как в «потере Китая» был обвинен Г.Трумэн. Л.Джонсон считал интервенцию во Вьетнам «ограниченным конфликтом», который не приведет к глобальному вооруженному противостоянию между США и СССР. Впоследствии и Москва стала отходить от линии минимального участия в конфликте. С отставкой Н.С. Хрущева Советский Союз занял более активную позицию в вопросе оказания поддержки Демократической Республике Вьетнам.

До 1973 г. продолжалась Вьетнамская война, которая кардинально изменила расстановку сил в регионе. Соединенные Штаты вынуждены были вывести свои войска из страны.

Столь же драматично развивалась ситуация на Ближнем и Среднем Востоке. Сирия и Ливан, Египет и Ирак, Йемен и Иордания добились независимости достаточно быстро. Основной клубок противоречий завязался вокруг Палестины и Израиля. С момента образования еврейского государства Израиль возникают конфликты то с одной, то с другой стороны. Несмотря на решение Генеральной Ассамблеи ООН, до сих пор не удалось создать независимое государство Палестины. Серьезным камнем преткновения стал Иерусалим, который подлежал интернационализации. Однако сегодня весь Иерусалим объявлен столицей Израиля, что абсолютно не устраивает палестинцев.

Великие державы постоянно вмешивались в борьбу, развернувшуюся на Ближнем Востоке. Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые видели в этом вмешательстве серьезный дестабилизирующий фактор. Англия, США, Франция и Советский Союз в той или иной мере участвовали в многочисленных кровавых конфликтах, характеризующих развитие международных отношений региона во второй половине XX века.

В 50-е годы добились независимости Ливия (1952), Судан (1956), Тунис (1956), Марокко (1956). После июньской революции 1958 г. независимым государством стал Ирак.

В конце 50-х — начале 60-х годов весь африканский континент был охвачен борьбой за независимость. В марте 1957 г. бывшая английская колония Золотой Берег стала первой независимой страной Тропической Африки. Борьбу за независимость вели колонии, входившие во Французскую Западную Африку и Французскую Экваториальную Африку. Крушение колониальной системы в Экваториальной Африке привело к появлению новых независимых государств.

Когда в 1960 г. независимость получили 18 африканских стран, он вошел в историю как год Африки.

Однако после получения самостоятельности во многих странах Африки было неспокойно. Колониальные власти не хотели терять своего влияния, постоянно вмешиваясь в дела уже независимых государств. Многие из них обладали богатыми природными стратегически важными ресурсами, за контроль над которыми и велась ожесточенная борьба. Более того, молодые государства попали в орбиту интересов США и СССР, стремившихся обозначить сферу своих интересов, навязывая незрелым режимам тот или иной путь развития. Идеологический фактор, доминировавший в международных отношениях того периода, негативно повлиял на процесс становления новых независимых стран региона.

Период конфронтационной стабильности. За годы жесткой конфронтации, пиком которой стал Карибский кризис, «обе державы научились некоторым фундаментальным правилам благоразумия, с тем чтобы регулировать свое соперничество и вести себя таким образом, чтобы не прибегать к оружию». Действительно, несмотря на участие в той или иной степени почти в каждом военном конфликте 50—60-х годов СССР и США ни разу не перешли к стадии открытого вооруженного столкновения. Общемирового столкновения удалось избежать, что было заслугой дипломатов двух великих держав.

С 1962 г. США пошли на демонтаж региональных биполярных структур, несмотря на то что глобальной основой конфронтационной стабильности (1962—1991 гг.) и разрядки (1968-1978 гг.) оставалось биполярность. Для Советского Союза это стало не очень приятной неожиданностью. Формализацией новой внешней политики США стала доктрина Р.Никсона. Она была построена на перераспределении военной ответственности в сдерживании коммунизма между США и поддерживаемыми ими правительствами. Президент Никсон открыто заявил о невозможности жертвовать интересами Соединенных Штатов ради задач, определенных из реалий 40-х годов.

Ситуация в мире, сложившаяся к началу 60-х годов, характеризовалась военно-стратегическим паритетом между СССР и США, осознанием бессмысленности нерегулируемой гонки вооружений. Впервые появилась возможность перевести конкуренцию за мировое преобладание из области стратегического противостояния в политическую, экономическую и культурную сферы. Великие державы попытались активнее использовать не военные, а культурно-ценностные аргументы в борьбе за симпатии других народов. Это стало основой кратковременного, но очень яркого периода разрядки. США отказывались от «одиочного» противостояния, на которое у них уже не было сил (Вьетнамская война сильно ослабила потенциал и политико-моральную однородность американского общества). Стремясь не допустить перехода гегемонии к Советскому Союзу, Вашингтон пошел на разрушение классической биполярной структуры, сочетая приоритетность советско-американского взаимопонимания на глобальном уровне и в Европе с жесткой поддержкой «антибиполярных» тенденций на региональном и субрегиональном уровнях. Сближение США с Китаем, по мнению А.Д.Богатурова, как нельзя лучше характеризует эту тенденцию.

Начало 70-х годов было временем нормализации отношений между КНР и США. К сожалению, Советский Союз, выступавший за сохранение статус-кво в регионе, быстро утрачивал инициативу, которая переходила к США, Китаю и позднее к Японии. 27 февраля 1972 г. в Шанхае подписывается коммюнике, где закреплялись условия нормализации американо-китайских отношений. США подтверждали намерение поддержать КНР в случае нарастания угрозы со стороны СССР, а Китай обещал продолжить линию дистанцирования от Москвы. Начиная с этого времени в Юго-Восточной Азии складывается новая региональная структура международных отношений.

Тем временем в Европе тоже происходят важные события, которые, однако, развивались по традиционной схеме. Активно продолжались советско-американские переговоры по проблемам разоружения в Вене и в Хельсинки. Надо заметить, что сами переговоры проходили очень сложно. Они то прерывались, то возобновлялись вновь.

Тем не менее 26 мая 1972 г. удалось подписать бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны, по которому стороны отказались от развертывания систем ПРО для прикрытия своих территорий, кроме двух комплексов, вопрос о которых стороны оговорили специально. В этот же день было подписано Временное соглашение о некоторых мерах в области стратегических и наступательных вооружений. Стороны обязались прекратить с 1 июля 1973 г. строительство новых дополнительных стационарных пусковых установок наземного базирования.

18 марта 1969 г. участники Варшавского договора опубликовали обращение ко всем европейским странам, призывом умножить усилия для укрепления мира и безопасности на континенте. В мае 1974 г. правительства стран НАТО заявили о своей согласии участвовать в предварительных консультациях, которые проходили в Хельсинки. После продолжительных переговоров стороны пришли к компромиссу. 30 июля 1975 г. в столице Финляндии был подписан Заключительный акт Европейского совещания на высшем уровне. Этот документ юридически закрепил ситуацию в Европе, сложившуюся после Второй мировой войны.

В Хельсинки были зафиксированы принципы взаимоотношений между государствами: суверенное право, уважение прав, присущих суверенитету, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод, сотрудничество между государствами, добросовестное выполнение обязательств по международному праву. Создание СБСЕ стало апофеозом периода разрядки, который сменил новый виток гонки вооружений в эпоху правления администрации Рональда Рейгана.

§ 2. Европейская интеграция

Несомненно, важнейшим результатом Второй мировой войны явилось кардинальное изменение всей существующей до этого системы международных отношений. Появление и соперничество двух супердержав — Советского Союза и США — стало главным фактором, определяющим эту новую систему. Мир оказался разделенным на два антагонистических лагеря, где не нашлось места Европе. «Прежняя Европа умерла в 1945 году, — писал в своей книге "Размышляя о Европе" известный французский социолог и культуролог, руководитель Национального центра научных исследований Э. Маран, — став в период, холодной войны, полем борьбы между двумя сверхдержавами». «Но вместе с тем, — продолжает он, — новое дыхание обрело движение за объединение Европы».

Европейская идея неоднократно возникала на протяжении истории континента. В прошлом она нередко использовалась при создании империй или противостояла пессими-

стическим прогнозам об упадке европейской цивилизации. Общим фоном, на котором возродилась идея европейского единства после Второй мировой войны стало острое чувство утраты исторического лидерства.

Возникнув в Средние века на почве христианства, мысль о европейском единстве в течение пяти столетий знала свои приливы и отливы. Возрождение, Реформация, Просвещение, романтизм — все эти явления пересекли границы, становясь общеевропейским культурным феноменом. После Второй мировой войны Европа предпочла этому спонтанному и изменчивому единству, опирающемуся на идеи, другое единство — на уровне государств и институтов, создающих общие экономические условия, новые органы власти, признаваемые суверенными нациями. «Соединенные Штаты Европы» — старый лозунг, который получает после войны большое распространение.

Европейская идея была подхвачена и активно проводилась в жизнь виднейшими политиками того времени. Среди них следует назвать У.Черчилля, который в сентябре 1946 г. в речи в Цюрихе поддержал лозунг «Соединенных Штатов Европы» как средство преодоления франко-германского антагонизма и других межгосударственных противоречий.

Рассматриваемые как целое, послевоенные шаги к объединению Европы представляют собой достаточно сложную картину. Возникает множество различных организаций: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Западноевропейский союз (ЗЕС), НАТО, Совет Европы, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

Наряду с внутренними, чисто европейскими факторами ускорения процесса европейской интеграции (восстановление разрушенных войной экономик, установление и сохранение мира на континенте и т.д.), следует особо подчеркнуть роль США. Последние видели в объединенной Европе важного союзника в борьбе с «советской угрозой». Именно по американской инициативе в 1948 году была основана Организация европейского экономического сотрудничества, призванная обеспечивать реализацию плана Маршалла. В 1949 было создано НАТО — военный пакт между США, Канадой и большинством стран Европы. И несмотря на то, что ранее был подписан Брюссельский договор между Великобританией, Францией и странами Бенилюкса, а в 1954 году на его основе возник Западноевропейский союз, именно НАТО становится центральным звеном европейской системы безопасности.

5 мая 1949 года был учрежден Совет Европы, который предусматривал членство максимального количества европейских стран и имел целью поощрение политического сотрудничества. Его устав не содержит ссылок на такие цели, как федерация или союз, не предусматривает передачи или объединения части национального суверенитета. Таким образом, Совет Европы является лишь инструментом межправительственного сотрудничества.

Из европейских государств, бесспорно, ведущую роль в процессе европейского объединения после Второй мировой войны сыграла Франция. Во многом это связано с тем, что Франция являлась и является крупнейшей континентальной державой Старого Света, сохранившей значительный потенциал. Кроме того, благодаря генералу де Голлю, она имела определенную свободу политического маневра на международной арене (в отличие от Германии), активно участвуя наряду с СССР, США и Великобританией в борьбе с фашизмом.

Необходимость создания новой европейской системы, согласно идеям одного из архитекторов будущей «объединенной Европы» Ж.Монне, диктовались несколькими факторами: архаичной природой государств, потерпевших крах перед лицом фашистского нашествия и неспособных дать адекватный ответ на вызов новых технологий; усиливающимися различиями между европейскими народами, которые подвели их к опасной черте соперничества; угрозой подъема национализма, коренящейся в самой структуре национального государства. Здесь следует особо подчеркнуть еще один важнейший фактор — это наличие внешней угрозы, причем как со стороны СССР, так и со стороны США. Процесс европейской интеграции оказался возможен благодаря именно биполярному устройству мира.

Главной цели перестройки сложившейся системы — достижения мира как единственного состояния — можно добиться, изменив природу международных отношений и сами отношения между людьми. Это подразумевает ликвидацию причин приводящих к возникновению соперничества между ними. «Только изменяя обстоятельства, — отмечал в своих мемуарах Ж. Монне, — можно преодолеть трудности, которые они создают. Для этого надо «объединить людей, решая проблемы, которые их разъединяют», «создать между европейцами широкий общий интерес, обслуживаемый общими европейскими институтами, тогда этот общий интерес сделает невозможным возникновение конфликтов».

Ж.Монне придавал ключевое значение экономическим факторам, считая, что именно экономическая активность создает естественные объединения. Он был убежден, что дорога к единой Европе пролегает через экономическую интеграцию. Конкретная экономическая деятельность закладывает основы европейской федерации, порождает чувство солидарности между европейцами, вырабатывает общий интерес. Он неоднократно отмечал, что единая Европа не может быть построена в один прием, а есть результат постепенных шагов. Политическое объединение может последовать только за экономическим, поэтому Ж.Монне отверг предложение Аденауэра, сделанное им в марте 1950 года, о франко-германском союзе, подразумевающим одновременно и экономическое и политическое сближение.

Проект создания международного западноевропейского объединения угольной и металлургической промышленности был впервые публично оглашен министром иностранных дел Франции Р.Шуманом 9 мая 1950 года и вошел в историю как «декларация Шумана». Этот проект предусматривал создание международной монополии, охватывающей черную металлургию, каменноугольную и железнодорожную промышленность всех европейских стран, участвующих в плане Маршалла, включая Англию. Однако английское правительство отказалось присоединиться к европейскому картелю. Последний был организован в составе ФРГ, Франции, Италии, Голландии, Бельгии и Люксембурга.

Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали и приложенные к нему документы были подписаны представителями «шестерки» 18 апреля 1951 г. В течение 1952 года договор о Европейском объединении угля и стали был ратифицирован в парламентах вышеназванных стран.

Для Франции это был способ спасения национальной сталелитейной промышленности и обеспечения контроля за неминуемым возрождением промышленного потенциала Германии. Для Германии эта была возможность восстановить свои позиции ведущей европейской державы, не вызывая настороженности и антагонизма соседних государств. Для государств Бенилюкса ЕОУС было средством защиты от своих более крупных и сильных соседей.

ЕОУС было наделено статусом самостоятельного юридического лица, обладающего правоспособностью в международных отношениях. Для управления объединением была создана система институтов, основная схема которых сохранилась до наших дней. Она включала высший руководящий орган, общую ассамблею (или Европейский парламент), специальный совет министров (или просто Совет) и суд. Баланс власти в ЕОУС был явно смещен в сторону наднационального высшего руководящего органа.

Успех, связанный с созданием Европейского объединения угля и стали способствовал дальнейшему продвижению стран «шестерки» по пути интеграции. Уже через три года, в июне 1955 г. на встрече представителей «шестерки» в Мессине (Италия) по инициативе представителей Бенилюкса была принята резолюция о создании Общего рынка. Одновременно прорабатывался вопрос об интеграции западноевропейской атомной промышленности. Этим самым сохранялся баланс интересов Франции, стремившейся к скоординированному развитию западноевропейской атомной промышленности, и Германии, рассчитывавшей получить серьезные дивиденды от создания Общего рынка. Это позволило достаточно быстро реализовать оба эти проекта.

Созданная в Мессине группа экспертов из стран «шестерки» представила весной 1956 г. свой доклад, который получил название «доклад Спаака» (по имени руководителя группы, министра иностранных дел Бельгии). В мае 1956г. он был одобрен шестью министрами иностранных дел на совещании в Венеции. Через год, 25 марта 1957г. в Риме были подписаны договоры о создании Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) и Европейского экономического сообщества.

Римский договор значительно расширил сферу интеграционного строительства. Он представлял собой хорошо продуманную программу экономической интеграции, где первым шагом должен был стать таможенный союз, а конечным результатом — создание Общего рынка, обеспечивающего свободное движение товаров, услуг, капиталов и физических лиц.

Отдельно в договоре были оговорены принципы создания сельскохозяйственного рынка, принятые под давлением Франции, как основного поставщика сельхозпродукции на европейский рынок. Они включали в себя: совместный рынок, преференции фермерам стран «шестерки» и солидарная финансовая ответственность государств-членов.

Еще до вступления в силу Римских договоров правительство Великобритании выдвинуло свои достаточно жесткие предложения относительно наилучшего пути европейской интеграции. Предложенная идея заключалась в том, чтобы создать европейскую зону свободной торговли, не поступаясь национальным суверенитетом. Можно было бы ликвидировать таможенные тарифы между странами-участницами, однако последние сохранили

бы свободу действий со странами, не вошедшими в ЕС. Но эта инициатива не получила поддержки со стороны «шестерки», поэтому в 1959 году была создана Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), в которую вошли Англия, Норвегия, Швеция, Дания, Австрия, Португалия, Исландия и Швейцария, а также Финляндия в качестве ассоциированного члена.

После первых успехов ЕЭС правительство Великобритании вскоре начало пересматривать свой отказ от активной роли в процессе европейской интеграции. Стало понятно, что ей не гарантировано сохранение политического влияния лишь на том основании, что она возглавляет содружество. ЕАСТ также оказалось неподходящим инструментом, поскольку преследовала чисто экономические цели. В итоге в августе 1961 года Англия обратилась в Сообщество с первым заявлением о членстве. Дания и Норвегия, а также Ирландия последовали ее примеру.

Несмотря на успехи экономической интеграции, все попытки распространить ее на другие сферы сотрудничества были неудачными. Одновременно с подписанием Договора о ЕОУС по инициативе Франции в 1952г. в Париже был подписан Договор о создании Европейского оборонительного сообщества. Представленный французским премьер-министром Р.Плевром еще в 1950 г., Договор предусматривал также формирование Европейского политического сообщества с собственными исполнительным органом, судом и советом министров — общими для ЕОУС, ЕОС и ЕПС. Но попытки создания оборонительного и политического союзов в Западной Европе провалились после того, как в августе 1954 г. Национальное собрание Франции отвергло Парижский договор.

Вслед за этим была предпринята еще одна попытка продвинуться по пути политической интеграции, но на сей раз на более традиционной межгосударственной основе. По решению Парижской и Боннской встреч «шестерки» на высшем уровне в 1961г. комиссия во главе с французским дипломатом К.Фуше разработала план, предусматривавший консультации шести государств в области внешней политики, обороны и культуры. Однако переговоры, связанные с выработкой документа, который бы юридически оформил создание механизма внешнеполитического, военного и других аспектов сотрудничества на базе Сообщества, проходившие в 1963 г., окончились безрезультатно.

Если Договор 1954г. о создании ЕОС и ЕПС провалился из-за опасений и недоверия французов к Германии, то теперь это объяснялось острой борьбой за лидерство внутри Сообщества, в частности со стороны Франции. Большие и малые страны Сообщества не смогли договориться о том, каков будет механизм политического сотрудничества. Крупные страны неохотно шли на передачу полномочий в области внешней политики, за которую они ощущали свою особую ответственность, менее гибкой институциональной структуре Сообщества. Малые страны Бенилюкса, со своей стороны, опасаясь перспективы диктата крупных государств, являлись сторонниками более равноправной процедуры принятия решений в Сообществе, которая в большей мере отражала бы интересы всех сторон. Новой неудаче способствовали и острые разногласия по вопросу о вступлении в Общий рынок Великобритании, чему также сопротивлялась Франция (де Голль считал, что Англия будет выполнять в Европе роль троянского коня США).

Весь процесс европейской интеграции после Второй мировой войны пронизан борьбой двух составляющих: наднациональной и национальной. И если первый этап европейского строительства (1945 — кон. 1950-х гг.) был связан с развитием первой компоненты, то последующий период, особенно с приходом к власти во Франции генерала де Голля, проходит под знаком национального возрождения. И это объясняется несколькими причинами: Во-первых, к концу 1950-х годов европейские государства в основном завершили восстановление разрушенных войной экономик, а многие из них переживали период так называемого «экономического чуда». Во-вторых, к этому периоду ведущим европейским странам частично удалось восстановить свои позиции в бывших колониях и в целом в мире. В-третьих, зависимость от США в вопросах безопасности, своеобразное военно-политическое «иждивенчество», лишали европейские государства главного стимула к созданию федерации.

Принятый в 1966 г. так называемый «люксембургский компромисс» подвел черту под начальным этапом институционального строительства Сообщества. Принятый под давлением Франции, он предоставлял каждому участнику «шестерки» право объявить жизненно важным для себя любой из рассматриваемых вопросов и наложить вето на предлагаемое решение, даже если за него выскажутся все остальные государства. Эта была договоренность, которая вновь ставила на первые позиции в отношениях государств «шестерки» межгосударственный подход.

Последующий период, вплоть до середины 1980-х годов, получил название периода «евросклероза», так как никаких серьезных сдвигов, сопоставимых с начальным этапом интеграции, не произошло. Вместе с тем этот период был не менее важен для дальнейшего

прорыва в европейском строительстве. Во-первых, продолжалась экономическая интеграция (в частности, в валютной сфере). Во-вторых, совершенствовался и оттачивался механизм принятия решений. В-третьих, происходило расширение ЕС и укрепление его международного авторитета.

1 июля 1968 года было объявлено о завершении создания таможенного союза. С опережением на 18 месяцев графика, установленного договором о ЕЭС, отменены все таможенные сборы, взимавшиеся ранее при торговле между государствами-членами. Одновременно Сообщество завершает формирование общей системы таможенных тарифов на внешних границах ЕЭС.

Однако создание единого рынка не было завершено и более чем через 15 лет после этого события: главным препятствием для нормальной экономической деятельности были скорее таможенные формальности и процедуры, нежели таможенные сборы.

В декабре 1969 года состоялась встреча глав государств и правительств членов ЕЭС в Гааге, на которой были озвучены новые инициативы в деле развития европейской интеграции. В частности, было заявлено о решимости стран-участниц в деле создания Экономического и валютного союза, а также была поддержана идея усиления институтов Сообщества и его расширения.

Они также согласились на финансирование общей аграрной политики, на создание собственных ресурсов Сообщества и расширение бюджетных полномочий Европейского парламента — то есть решили все те вопросы, которые до сих пор были причиной значительного напряжения в отношениях и лежали в основе упомянутого кризиса в июне 1965 года.

Вскоре последовали решения о создании собственных финансовых ресурсов Сообщества. Отныне ему отчислялись все таможенные сборы с импортируемой извне ЕЭС продукции, все налоги на сельскохозяйственный импорт, а также средства в размере 1% общей суммы поступлений от налога на добавочную стоимость. Это дало Сообществу реальную финансовую автономию.

В октябре 1970 года государства-члены одобряют доклад комиссии Давиньона о политическом сотрудничестве, ставшим прямым следствием Гаагской встречи. Они принимают принцип регулярных встреч министров иностранных и глав политических департаментов этих министерств. Идея заключалась в том, чтобы согласовать и, насколько это возможно, гармонизировать подходы и деятельность государств-членов во внешнеполитической сфере.

Цели, сформулированные в докладе, часто называемом «Люксембургским докладом» (по месту, где он был принят), были таковы: регулярный обмен информацией и консультацией для достижения взаимопонимания по основным проблемам текущей внешнеполитической жизни; укрепление солидарности государств-членов путем согласования их точек зрения, координации их позиций и организации совместных акций в тех случаях, когда это возможно и желательно.

Расширение Сообщества и создание в его рамках Экономического и валютного союза — таковы были основные приоритеты в 1970-1973 годы.

В январе 1972 года после долгих и трудных переговоров были подписаны договоры о присоединении Дании, Великобритании и Ирландии, за исключением Норвегии, где договор о присоединении был отвергнут незначительным большинством (53%) в ходе проведенного референдума. Новое Сообщество «девяти» начало существовать с 1 января 1973 года.

Гаагская встреча в верхах дала импульс созданию Экономического и валютного союза. Было очевидно, что продолжение процесса европейской интеграции означает формирование общей или, по крайней мере, скоординированной экономической политики. В октябре 1970 года комиссия экспертов по финансовым и валютным вопросам, возглавляемая премьер-министром Люксембурга Пьером Вернером, представила правительствам план дальнейшей унификации экономической политики и создания валютного механизма. В плане говорилось о создании уже в 1980 году полного Экономического и валютного союза с общей валютой.

Совет принимает решение считать началом первого этапа «плана Вернера» 1 января 1971 года и приступает к усилению координации экономической политики. Государства-члены обязуются принять меры по согласованию бюджетной политики и сузить пределы колебаний курсов своих валют.

Развертывание программы создания Экономического и валютного союза было, однако, вскоре сорвано разразившимся в 1971 году валютным кризисом. Действия Сообщества не были причиной этого кризиса, но именно оно приняло на себя основной его удар. Кризис был вызван завышением курса доллара США по отношению к золоту и привязанным к последнему валютам. В августе 1971 года правительство США принимает ре-

шение о приостановке свободной конвертации доллара на золото, что поставило под угрозу всю Бреттон-Вудскую систему и курсовой паритет большинства западных валют. Только в декабре 1971 года удалось восстановить определенный порядок. Его основой стала девальвация доллара США и итальянской лиры, а также ревальвация немецкой марки, голландского гульдена, бельгийского и швейцарского франков, японской иены. Французский франк и фунт стерлингов сохранили свои прежние золотые паритеты.

В апреле 1972 года «шестерка» решила, что максимальное колебание обменных курсов ее валют относительно друг друга должно быть не более 2,25%, тем самым была создана валютная система, получившая название «валютная змея».

Однако, несмотря на это решение, устанавливающее прочные связи между валютами государств-членов и, следовательно, между проводимыми ими экономическими и валютными курсами, нельзя было не признать, что движение к Экономическому и валютному союзу приходилось начинать сызнова.

Долларовый кризис был лишь видимой причиной провала первого этапа создания Экономического и валютного союза. Действительные причины лежали глубже и были связаны со структурными различиями государств-членов, с расхождениями в проводимых ими курсах, а также в разной способности противостоять извне. Хотя доллар довольно быстро вернул свои позиции, положение европейских валют оставалось весьма неустойчивым и к февралю 1973 года «валютная змея» перестала существовать.

В декабре 1974 года на саммите в Париже была сделана попытка ослабить напряженность в отношениях внутри ЕС, освободить его от многих частных проблем и нацелить на реальную работу.

Переживаемый Сообществом период характеризовался энергетическим кризисом, усугубляющимися экономическими трудностями, валютным хаосом 1973-1974 годов и общей неспособностью Сообщества перейти ко второму этапу создания Экономического и валютного союза в начале 1974 года, как это планировалось изначально.

На встрече было достигнуто соглашение по вопросу о средствах, которые будут выделяться Сообществом Европейскому фонду регионального развития, практическая деятельность которого начнется в 1975 году. Последний был призван устранить диспропорции в уровне социально-экономического развития различных европейских регионов.

Было принято решение о порядке деятельности Европейского совета как механизма регулярных встреч на высшем уровне. Он должен был собираться не менее трех раз в год и обсуждать не только европейские проблемы, но и наиболее важные проблемы международной жизни. Европейский совет был призван заменить ранее существовавшую практику менее регулярных встреч в верхах.

Но наиболее важное решение, принятое на Парижской встрече, касалось избрания Европейского парламента всеобщим прямым голосованием. Было решено, что первые выборы состоятся весной 1978 года. Прямое избрание парламента предусматривалось еще договорами о сообществах. Потребовалось еще 25 лет, чтобы достичь согласия по этому вопросу.

В продолжение валютной интеграции в 1979 году Европейский совет вводит в действие Европейскую валютную систему. Она включала четыре составляющих — европейскую валютную единицу (ЭКЮ), механизм валютного обмена и информации, кредитные условия и трансфертный механизм.

Вариант неполного участия в системе с самого начала предпочла Великобритания и Греция, после своего вступления в 1981 году.

Деятельность ЕВС должна была сопровождаться сближением (конвергенцией) курсов экономической политики. С момента своего возникновения система доказала свою пригодность и гибкость. Несмотря на серьезную экономическую и финансовую неустойчивость, ведущую к росту процентных ставок и заметную инфляцию, вошедшие в ЕВС валюты сохраняли с 1972 г. беспрецедентную степень взаимосвязи.

Значительно возрос международный авторитет Сообщества. Еще в 1961 году в Брюсселе состоялась конференция, в которой приняли участие шесть государств — членов ЕЭС и значительное число африканских стран. В Римском договоре 1957 года нашел отражение факт существования особых отношений некоторых государств-членов с их колониями. Для защиты интересов этих территорий, а также связанных с ними государств — членов ЕЭС, договор предусматривал возможность торговой ассоциации последних с африканскими странами.

В результате 20 июля 1963 года в Яунде было подписано самое широкое из всех когда-либо подписанных соглашений об ассоциированных связях Европы и Африки — Яундская конвенция, срок действия которой был определен в пять лет. Она связала Сообщество с 18 странами Африки, которые получили возможность пользоваться преимуществами

торговой, технической и финансовой кооперации с Сообществом.

В 1964 году открываются многосторонние торговые переговоры в рамках ГАТТ. Сообщество принимает в них участие. Результатом переговоров, получивших название «раунд Кеннеди», стало существенное снижение международных таможенных тарифов. Со стороны Сообщества соглашения подписывают государства — члены ЕЭС и Комиссия ЕЭС.

Расширение ЕЭС приносит свои плоды. Экономический и торговый потенциал «девятки» заставляет считаться с ним на мировой арене.

США приглашают Сообщество к участию в новом раунде многосторонних торговых переговоров под эгидой ГАТТ. Они начались в Токио в сентябре 1973 года.

Значительно расширяются связи Сообщества с «третьим миром». Оно продолжает сотрудничать с ассоциированными государствами и продлевает соглашения об ассоциированном членстве. В июле 1973 года в переговоры включаются не только страны-участницы Яундской конвенции, но и 27 других развивающихся стран Африки, Карибского моря и Тихоокеанского региона.

В этом же году вступают в силу соглашения о свободной торговле между Сообществом и государствами — членами ЕАСТ (Австрия, Португалия, Швейцария, Швеция, Исландия, Норвегия и Финляндия). Результатом соглашений становится неприменение единого таможенного тарифа Сообщества в торговле с этими странами. Таким образом, они входят в единую с Сообществом зону свободной торговли, но не участвуют в общих программах ЕС.

В 1975 году Европейское сообщество и 46 стран АКТ подписывают Ломейскую конвенцию, призванную заменить конвенции, подписанные в 1960-е годы. Она предусматривает сотрудничество в сфере торговли; практически все товары, производимые в подписавших конвенцию развивающихся странах, получили свободный доступ на рынок Сообщества.

В 1976 году состоялись первые контакты между ЕЭС и СЭВ с целью подписания рамочных соглашений. Однако переговоры оказались безрезультатными.

В течение апреля 1976 — января 1977 годов Сообщество подписывает соглашение с государствами Магриба и Машрека (Египет, Сирия, Иордания и Ливан). С подписанием этих соглашений, а также соглашения от 11 мая 1975 года с Израилем Комиссия ЕС завершила формирование механизма своей средиземноморской политики.

Соглашения с вышеназванными государствами предусматривали снижение и таможенных тарифов на большинство товаров, импортируемых Сообществом из этого региона, а также развитие экономического, финансового и технического сотрудничества. Современный период, начавшийся со второй половины 1980-х годов, ознаменовался не только дальнейшим расширением состава Сообщества, но главное — приобрёл новое качество, о чем свидетельствует Единый европейский акт (ЕЕА). Вступив в силу с 1 июля 1987 года, он закрепляет и вносит глубокие изменения в существующие принципы функционирования Сообщества, которые сравнимы по масштабам с Римскими договорами. По её завершению, как это не раз подчёркивал президент Комиссии европейских сообществ Жак Делор, должна возникнуть единая Европа, отвечающая экономическим, политическим и технологическим вызовам XXI века.

Единый европейский акт состоит из четырех частей. В первой содержатся общие положения, в которых закрепляется связь между функционированием Европейских сообществ и механизмом европейского политического сотрудничества (ст.1). Подчеркивается, что их органичное соединение служит долгосрочной цели создания Европейского союза. Внесено положение о Европейском Совете (ст.2), реально действующем с 1970 года, которого не было в Римских договорах.

В ЕЕА соединились две различные системы взаимодействия стран — участниц ЕС посредством договорного оформления общей цели — создания Европейского союза — объединения, которое представляет собой политический альянс участников Сообщества и предусматривает не только высокую степень их экономического и валютно-финансового сотрудничества, но и согласование внешней политики, включая обеспечение безопасности.

Таким образом, было вновь подтверждено намерение продолжать движение к главной цели — Европейскому союзу.

Во вторую часть включены положения, касающиеся договоров об образовании европейских сообществ. Устанавливается процедура сотрудничества Совета ЕС с Европарламентом и Комиссией, что повышает роль последних в выработке политики (ст.6). Главное содержание изменений — отход от принципа единогласия в разработке коммунитарного законодательства.

В третьей части ЕЕА речь идет о сотрудничестве в области внешней политики, что

также не было предусмотрено в Римских договорах. Поставлена задача выработки и проведения общей политики стран ЕС (ст.30). С этой целью предусмотрены различные механизмы регулярных консультаций, где участвуют Европарламент и Комиссия, а также Политический комитет и специально созданный с этой целью Секретариат в Брюсселе. Отдельно оговорено намерение координировать подход к политическим и экономическим проблемам обеспечения безопасности. Центральным звеном всей реформы деятельности ЕС, одним из важнейших положений Единого европейского акта является программа создания внутреннего рынка.

Появление такого серьезного документа является следствием, с одной стороны, необходимости решения тех проблем и противоречий, которые накопились за тридцать лет существования Сообщества, с другой, что более важно, тех изменений, которые произошли в мире во второй половине 1980-х годов. Столь стремительное развитие интеграционных процессов в Европе лишь логическое продолжение, одно из звеньев в той цепи событий, которые повлекло за собой изменение международно-политической системы. Особое значение для перспектив западноевропейской интеграции имела начавшаяся в 1986 году в СССР политика «перестройки», и как следствие этого — радикальные политические сдвиги в восточноевропейских странах, упразднение Организации варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. И, наконец, произошедшее после 1991 года окончательное разрушение единого советского пространства.

Падение «железного занавеса», объединение двух Германий, ставшее символом новой Европы, сделали как никогда возможным реализацию планов построения Европы от "Атлантики до Урала". В самом деле, с точки зрения своих внутренних возможностей, ЕС, несомненно, превратилось в такое образование, которое имеет все основания претендовать на статус одного из главных участников современных международных отношений. По размеру территории, численности населения, производственно-экономическому потенциалу Сообщество соизмеримо с государствами, которые играют ведущую роль на мировой арене.

Однако проблемы и трудности, встающие перед Европой в этот период, не менее остры. Произошедший после августовского путча 1991 года распад советской империи оставил ЕС наедине с пятнадцатью новыми независимыми государствами. При этом степень реального участия каждой из бывших республик в европейской интеграции столь же низка, как и бывшего Союза в целом. Неспособная установить контроль над столь обширной и всё более распадающейся территорией, Европа пытается это сделать постепенно, проявляя четкую последовательность и следуя довольно популярной в конце 1980-х годов концепции "концентрических кругов", каждый из которых символизирует степень вовлеченности государств в интеграционные процессы. Согласно этой концепции, вокруг центрального ядра (страны — участницы Сообщества) располагается кольцо других западноевропейских государств, образующих вместе с первыми единое хозяйственное пространство. На еще большем удалении от центра — кольцо стран Восточной Европы, которые рано или поздно вольются в ЕС. Следующими, но уже на последнем кольце, являются Прибалтика, Украина, Белоруссия и затем Россия.

Помимо этого Европейское сообщество пытается выработать определенную систему критериев, которым должны соответствовать государства, стремящиеся участвовать в интеграционном процессе. Параллельно же создается целый ряд «буферных» организаций и форумов, где государства должны находиться до момента достижения ими требуемых условий.

Ещё одной немаловажной проблемой и одновременно стимулом развития европейской интеграции является тот факт, что, несмотря на внушительное экономическое влияние, Европейское сообщество не обладает сколько-нибудь солидным международно-политическим статусом. Одна из областей международной политики, в которой Сообщество не было практически представлено, связана с военными вопросами. Так как военно-политическая сфера не относится к компетенции ЕС, оно, строго говоря, не может выступать в качестве структуры, в рамках которой государства-участники определяли бы совместный подход к этой проблематике. Поэтому в официальных документах отношение к ней определялось лишь в самом общем плане, тогда как разработка конкретных позиций осуществлялась, прежде всего, в рамках НАТО.

Наглядным примером могут служить дебаты вокруг вопроса о ракетах средней дальности в Европе. По этому поводу президент Европейских комиссий Жак Делор писал, что диалог по проблемам разоружения ведется фактически «через голову европейцев». Логика заставляет Европейское сообщество вырабатывать совместно новую концепцию безопасности и проводить единую политику по ее обеспечению.

Один из возможных путей повышения политического статуса ЕС и одновременно обеспечения безопасности континента лежит в сфере взаимоотношений с «третьим

миром», где у Сообщества накоплен, пожалуй, самый большой опыт. Сформировался механизм специфических организационных связей между ЕС и более чем 60 развивающимися странами Африки, бассейнов Карибского моря и Тихого океана (Ломейские конвенции). Это тем более важно, так как именно проблемы по оси Север-Юг приобретают все большую остроту.

Проблема иммиграции, неугасающие локальные конфликты, терроризм, всё более усиливающееся обнищание стран «третьего мира» ставят эти взаимоотношения на одно из первых мест. Вполне очевидна и экономическая подоплека. Во-первых, существует сырьевая зависимость Старого Света от периферии капиталистического мира. Во-вторых, велика роль развивающихся стран как рынка сбыта и сферы приложения капитала. В-третьих, сильно влияние стран "третьего мира" на занятость в Западной Европе.

К ЕС предъявляются особые требования, поскольку вопрос о помощи бывшего СССР "третьему миру" фактически уже снят с повестки дня, а та политика, к проведению которой склоняется США, только усиливает несбалансированность между отсталыми и развитыми странами. Кроме того, в Европе прекрасно помнят нефтяной кризис 1973 года.

Более масштабную и энергичную международно-политическую деятельность Европейского сообщества стимулируют, вне всякого сомнения, и региональные конфликты. Это, прежде всего, относится к Югославии и Ближнему Востоку, учитывая близость региона к Европе, давние традиционные связи и высокий уровень торгово-экономического обмена. Но для этого участники интеграционного объединения должны в гораздо большей степени ориентироваться на проведение общей политической линии, преодолевая "естественное" стремление к разработке и осуществлению индивидуального курса. К тому же поддержка всего Сообщества увеличивает эффективность проводимой политики.

Одним из важнейших стимулов углубления процесса европейской интеграции является наличие целого ряда государств-конкурентов и, в первую очередь, США и Японии. Примером могут служить весьма непросто развивающиеся американо-западноевропейские отношения. Их отчетливо выраженная иерархичность, установившаяся после Второй мировой войны и отражающая соотношение сил между атлантическими партнерами, уже давно подвергается прогрессирующей эрозии. В её основе объективно обусловленная специфика западноевропейских международно-политических интересов, с одной стороны, а с другой — более широкие возможности их отстаивания. Первая вытекает из очевидных геополитических различий между США и Европой, неодинаковой масштабностью и приоритетностью тех задач, которые они решают во взаимоотношениях с внешним миром. Вторая проявляется, прежде всего, в усиливающихся экономических позициях ЕС, а также в обретении большей свободы действий во внешнеполитической сфере.

В декабре 1990 года руководители сообщества официально договорились о проведении двух межправительственных конференций, первая — относительно создания экономического и валютного союза, вторая — политического союза. Результатом двух конференций стал Договор о Европейском союзе, подписанный государствами-членами 7 февраля 1992 года.

Трудности, возникшие в процессе ратификации Единого европейского акта и Маастрихтского договора, свидетельствуют о том, что традиционные национальные институты еще сильны и само население не торопится от них отказываться. Налицо не только рост национализма в малых государствах Европы, но и весьма шаткое равновесие между ведущими странами, и в частности Францией и Германией.

Именно последняя после объединения стала своеобразным мотором европейского интеграционного процесса. Германия является наиболее мощной в экономическом отношении страной ЕС и на ее долю приходится значительная доля при формировании бюджета Европейского союза. Именно поэтому немцы против практики единогласия. Необходимо принимать в расчет и то, что уже сегодня те же голландцы при голосовании имеют в виду «германские интересы», не говоря уже об Австрии. То же можно сказать о восточноевропейских странах, чьи интересы Германия довольно активно защищает в Европейском сообществе.

§ 3. Международные отношения в Азии (1945-й—1960-е гг.)

После Второй мировой войны международные отношения в Азии развивались под воздействием целого ряда факторов. Значительную, если не определяющую роль продолжала играть политика великих держав, "клуб" которых значительно сузился после поражения Германии, Японии и Италии. В 1940-е годы развернулось ожесточенное соперничество за сферы влияния между Великобританией, СССР и Соединенными Штатами. Другим фактором международных отношений были собственно местные тенденции, и среди них - растущее национально-освободительное движение народов Азии, которое было направлено на слом старой колониальной системы. В рассматриваемый период необычайно

возросло и ресурсное значение Азии. К началу 1970-х годов в основном был завершен период ломки колониальной системы. Возникли новые субъекты международных отношений - молодые независимые государства, которые настойчиво искали свое место в международном сообществе и "лицо" своей внешней политики. Кроме того, в конце 1960-х гг. началось такое важное явление международных отношений, как разрядка. Разрядка в отношениях между двумя главными военно-политическими блоками, безусловно, оказала большое влияние на ситуацию в регионах Азии, на урегулирование международных конфликтов и определенную стабилизацию азиатских политических режимов.

Стратегические интересы и блоковая политика США. После Второй мировой войны одним из основных игроков в международных отношениях на Востоке стали Соединенные Штаты Америки. Развивая азиатское направление своей внешней политики, США преследовали довольно широкий спектр целей, основными из которых были: борьба против усиления советского влияния на азиатском континенте, обеспечение доступа американских транснациональных корпораций к источникам сырья (прежде всего нефти), защита морских и сухопутных торговых коммуникаций, в безопасности которых были заинтересованы американские деловые круги, ограничение или прямое подавление политических и общественных движений, развитие которых могло представлять угрозу интересам США в Азии.

Доктринальные основы восточной политики США постоянно эволюционировали в зависимости от меняющейся расстановки сил в регионах, от смены политических режимов, а также темпов гонки вооружений. Первая такая доктрина была разработана во время президентства Г. Трумэна и представляла собой программу помощи Турции и Греции, целью которых было укрепление режимов, лояльно настроенных по отношению к США, недопущение «беспорядков», могущих привести коммунистов, к власти и тем самым создание прочной базы для распространения американского влияния в Средиземноморье.

В период 1950-х гг., когда в Соединенных Штатах была принята на вооружение доктрина «массированного возмездия», предусматривавшая массированный ракетно-ядерный удар по СССР и его союзникам, на Востоке под эгидой США был сформирован целый ряд военно-политических союзов, основной задачей которых являлось создание угрозы южным границам Советского Союза. Начало блоковой политике на Востоке было положено в 1955 г., когда был заключен так называемый Багдадский пакт, в состав которого вошли Турция, Иран, Ирак, Пакистан и Великобритания. Правда, в 1958 г. в Ираке произошла антимонархическая революция. Иракские офицеры, совершившие государственный переворот, казнили короля Фейсала (Хашими-та) и многолетнего сторонника Великобритании премьер-министра Нури Сайда. Иракские офицеры заявили о своих антизападных внешнеполитических взглядах. Фактически это означало выход Ирака из Багдадского пакта. Штаб-квартира этого блока переехала в Анкару, и возникло новое объединение государств, получившее название Организация Центрального договора, или блок СЕНТО.

В 1961 г. новая администрация США во главе с президентом Дж.Ф. Кеннеди объявила о принятии доктрины «гибкого реагирования». Новая стратегия допускала стадии в развитии конфликтных ситуаций — от переговоров с «позиции силы» к достижению «критического порога», за которым начинается мировая война. В 1960-е гг. в соответствии с этой доктриной США развязали военные действия в Лаосе, Камбодже и Вьетнаме.

В азиатской политике США рассматриваемого периода можно выделить несколько устойчивых *методов и внешнеполитических инструментов*.

Прежде всего, это *физическое присутствие вооруженных сил США* в районах устойчивого кризиса или вблизи последних.

Так, уже в 1946 г. США ввели в Средиземное море для постоянного базирования Шестой флот с 21000 человек на борту. Задачи флота были следующими:

- быть ударной силой южного фланга НАТО;
- держать подводные и надводные корабли с ядерными ракетами в непосредственной близости от Советского Союза;
- обеспечить охрану американских интересов в Средиземноморье;
- оказывать давление на правительства стран этого бассейна, иными словами, на государства Ближнего Востока и Северной Африки.

На другом конце света, в Азиатско-Тихоокеанском регионе Соединенные Штаты активно использовали ВМС, а также размещали военно-морские и военно-воздушные базы, направляли группы военных советников. Наиболее ярко этот инструмент обнаружил себя в Японии.

Другим важным инструментом стали *организация и осуществление государственных переворотов*.

Классическим примером является свержение правительства Мохаммеда Мосад-дыка в Иране в 1953 г.

Активное проникновение Соединенных Штатов в Иран началось еще в конце 1940-х

годов. В 1950 г. был подписан очень важный с точки зрения усиления американского влияния договор между США и Ираном. Договор предусматривал новые поставки оружия и боеприпасов Тегерану, увеличение в два раза американской военной миссии в Иране, использование иранских ресурсов в военно-стратегических планах США. К этому времени американские советники работали и фактически держали под контролем иранские вооруженные силы, полицию и жандармерию. В иранской армии - в генеральном штабе, в войсках, в различных штабах и подразделениях - служило 80 американских специалистов, целая группа, руководимая генералом Эвансом. Американские военнослужащие осуществляли контроль за строительством или реконструкцией 20 аэродромов, а также военно-морских баз в Шахпуре, Бушире, Бендер-Аббасе и шоссе, имеющих стратегическое значение. В октябре 1951 г. Тегеран и Вашингтон подписали соглашение о распространении на Иран действия «4-го пункта программы Трумэна». Соединенные Штаты оказывали Ирану техническую помощь в области сельского хозяйства, здравоохранения и просвещения. Непосредственным исполнением соглашения 1951 г. занималась специальная миссия, численность которой превышала 120 человек. Эта американская миссия учредила свои отделения в Тебризе, Реште, Мешхеде, Исфагане, Кермане, Керманшахе.

Тем не менее влияние Великобритании в Иране было еще достаточно серьезным. Оно опиралось прежде всего на деятельность Англо-иранской нефтяной компании (АИНК). Это своеобразное «государство в государстве» получало от добычи нефти доход, превышающий иранский доход в 7 раз. АИНК располагала в Иране своими аэродромами, радиостанциями, громадным парком автомобильного и морского транспорта, различными торговыми предприятиями. Ставший в июне 1950 г. премьер-министром Ирана генерал Али Размара выступал за развитие связей с Великобританией и США, однако все же склонялся более в сторону первой. В частности, он выступал за ратификацию иранским парламентом т.н. «дополнительного» соглашения с АИНК, весьма невыгодного Ирану. На эволюцию взглядов генерала повлияла неудача в переговорах о получении американского займа. Размара все более отходил от американской линии в своей политике. Он запретил трансляцию в Иране антисоветских передач «Голоса Америки». Иранское правительство аннулировало соглашение с американской консультативной фирмой «Оверсис консалтантс инкорпо-рейтед». Американским экономическим советникам было предложено покинуть страну. Группа иранских офицеров, изучавших деятельность американских вооруженных сил, было отозвана из США. Кроме того, премьер-министр А. Размара подписал советско-иранское соглашение о возобновлении торговли между двумя странами. Все эти меры, безусловно, раздражали администрацию Г.Трумэна и препятствовали американским нефтяным монополиям укреплять свое влияние в Иране и Персидском заливе в целом.

7 марта 1951 г. генерал Размара был убит. В развернувшейся политической борьбе, при нарастании движения за национализацию иранской нефти премьер-министром был назначен М.Мосаддык. Правительство Ирана приняло решение о национализации АИНК.

Лидер иранской буржуазной партии Национальный фронт М.Мосаддык проводил достаточно независимую внешнюю политику, пытаясь маневрировать между интересами США, Великобритании и СССР на Среднем Востоке. Администрация США еще могла потерпеть национализацию Англо-иранской нефтяной компании в 1951 г., поскольку национализация означала ослабление конкурента США в регионе. Однако в 1953 г. стало ясно, что М. Мосаддык отказывается участвовать в каких-либо антисоветских военных блоках. Американские и британские спецслужбы подготовили операцию по свержению правительства Национального фронта. Руководителем операции был резидент ЦРУ в Тегеране Ким (Кермит) Рузвельт. Группа американских разведчиков-специалистов по Ирану подготовила план захвата министров, правительственных учреждений, комплектовала отряды иранских офицеров-заговорщиков. В операции, получившей кодовое название «Аякс», активное участие принял Норман Шварцкопф-старший, отец генерала Н.Шварцкопфа, командующего американскими силами в период кризиса 1990-1991 гг. в зоне Персидского залива. М. Мосаддык был арестован и осужден на длительный срок тюремного заключения. К власти в Иране пришло правительство генерала Ф.Захеда. Нефтяная отрасль Ирана оказалась под контролем консорциума американских и английских компаний. Внешняя политика страны быстро приобрела антисоветские очертания.

Среди методов азиатской политики следует назвать *предоставление финансовой, военной и экономической помощи*.

Важными получателями американской помощи являлись Турция и Греция. Используя тезис о «советской угрозе» странам Ближнего Востока, американская администрация приняла новую концепцию региональной политики, получившей название «доктрина Трумэна». По закону, подписанному 22 мая 1947 г. в годы президентства Г. Трумэна, Турция и Греция для борьбы с коммунистическими элементами и для нормализации экономическо-

го положения начали получать весьма значительную финансовую помощь Соединенных Штатов. За 1947-1950 гг. американское правительство предоставило двум странам около 2 млрд. долларов, которые тратились преимущественно на военные цели. Следует подчеркнуть, что Турция получала от США экономическую помощь не только в рамках доктрины Трумэна. Поддержка осуществлялась сразу по нескольким каналам. Во-первых, это государственные займы, кредиты и субсидии, направлявшиеся на милитаризацию экономики страны, на поставки промышленных товаров, в первую очередь, вооружений и военных материалов. По этому каналу шли средства, полученные в рамках доктрины Трумэна и плана Маршалла. В рамках доктрины Трумэна было подписано американо-турецкое соглашение 1947 г. о помощи Турции. Администратором денежных средств помощи стал посол США в Анкаре. Соединенные Штаты получили возможность создавать на турецкой территории свои военные базы. В Турции работали группы американских военных специалистов. В рамках плана Маршалла было заключено американо-турецкое соглашение 1948 г. об экономическом сотрудничестве. Данное соглашение предусматривало четыре формы экономической поддержки:

1. «Прямая помощь», или займы, кредиты, которые Турция была обязана выплачивать в течение 35 лет из расчета 2,5% годовых.

2. «Косвенная помощь». Средства из этого бюджетного пакета расходовались Турцией на закупки в США машин и оборудования.

3. «Техническая помощь» предусматривала деятельность американских специалистов и советников в различных отраслях экономики.

4. «Безвозмездная помощь». Средства по данной статье расходов шли на закупку в США сельскохозяйственной продукции, на оплату пребывания в Турции американских миссий, военных баз и других учреждений. Существенную поддержку Соединенные Штаты оказывали Государству Израиль. В период администрации Г. Трумэна финансовые средства предоставлялись по плану Маршалла, четвертому пункту программы президента Трумэна («техническая» помощь) и «программе помощи по взаимной безопасности». Все государственные программы помощи США Израилю в 1950-е годы контролировались Миссией Операций Соединенных Штатов (в английской транскрипции ЮСОМ), штаб-квартира которой находилась в Тель-Авиве. Это учреждение непосредственно распределяло прямые государственные субсидии и займы США, а также осуществляло размещение заказов технологического порядка в рамках экспорта ноу-хау и обмена лицензиями на производство наиболее перспективных для США и Израиля товаров. Общая сумма денежных средств, распределение которых всецело находилось под контролем ЮСОМ в Израиле в 1952-1956 гг., составила 276,2 млн. долларов.

Наконец, еще одним эффективным инструментом американской политики стала *дипломатия посредничества*.

Начиная с 1953 г. Соединенные Штаты предприняли серию инициатив, направленных на урегулирование спора между арабскими странами и Государством Израиль. В качестве рычага умиротворения США эффективно использовали Ближневосточное Агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), созданное согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН в 1949 году. Готовясь к выступлению на закрытом заседании комитета по иностранным делам сената США в 1955 г., заместитель государственного секретаря Г. Бироуд счел необходимым особо подчеркнуть роль реабилитационных программ названной организации в поддержке политической и экономической деятельности администрации США в Ближневосточном регионе. По его мнению, США должны были тогда сделать все от них зависящее, чтобы поддержать программы БАПОР на должном финансово-экономическом уровне, поскольку именно они создают предпосылки для снижения «накала страстей» в местах скопления палестинцев, лишенных отечества.

Другим инструментом посредничества и ликвидации опасного очага напряженности в регионе должен был стать план Э. Джонстона, касавшийся разрешения споров между арабами и израильтянами относительно использования ресурсов реки Иордан. План предусматривал также содействие экономическому развитию Иорданской долины и пустынных территорий области Негев (Израиль) и сопредельных земель, где проживала значительная часть палестинских беженцев. В секретном докладе президенту Д. Эйзенхауэру от 17 ноября 1953 г. Э. Джонстон, уже побывавший на Ближнем Востоке, настоятельно рекомендовал «немедлительно сформулировать твердую позицию по отношению к вопросу о (арабо-израильских) границах». Необходимо отметить, что от успеха названного плана зависело осуществление совместной американо-британской тайной дипломатической операции «Альфа». Эта программа была направлена на обеспечение секретных переговоров между Израилем и Египтом при посредничестве великих держав по широкому спектру проблем в контексте арабо-израильского конфликта. Государственный секретарь США Джон Ф. Даллес также предлагал конфликтующим сторонам американские гарантии обеспечения незыблемости арабских и израильских государственных границ.

Миссия посредничества видоизменилась в период Суэцкого кризиса 1956 г. Соединенные Штаты в значительной мере содействовали подготовке Израилем войны против Египта. Именно в 1956 г. администрация Д. Эйзенхауэра отменила эмбарго на поставки оружия для стран Ближнего Востока. США оказали помощь Израилю кредитами, субсидиями, займами на сумму 69 млн. долларов. Однако на официальном уровне представители администрации критиковали политику стран, осуществивших нападение на Египет. Оставшись в стороне от непосредственных боевых действий, поскольку война началась для выполнения внешнеполитических задач Великобритании, Франции и Израиля, Соединенные Штаты активно посредничали в деле эвакуации израильских и английских войск с захваченных арабских территорий. Американской дипломатии удалось убедить премьер-министра Д. Бен-Гуриона вывести израильские войска с полуострова Синай и сектора Газа, так как устранение сильного Египта с ближневосточной политической арены не входило в планы разработчиков политики в Пентагоне, госдепартаменте и ЦРУ.

Характерно, что после окончания военных действий в июне 1967 г. Соединенные Штаты повели себя иначе, нежели во времена Суэцкого кризиса 1956 г. Администрация Л. Джонсона не стала оказывать давление на Израиль, чтобы тот немедленно вывел свои войска с оккупированных территорий. Конфликтующим сторонам были предложены «пять принципов Л. Джонсона», которые были введены в текст резолюции Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г. Эти принципы включали: «1) признание права палестинцев на национальную жизнь; 2) справедливость по отношению к беженцам; 3) свободное судоходство по проливам; 4) ограничение расточительной и разрушительной гонки вооружений; 5) политическую и территориальную целостность для всех государств». В 1968-1970 гг. США вновь обратились к посредническим усилиям. Последовали мирные инициативы госсекретарей Д. Раска, У. Роджерса, предложения специального президентского посланника У. Скрэнтона. Американские дипломаты также участвовали в переговорах четырех держав (СССР, Великобритании, США, Франции) по Ближнему Востоку.

Попытки Великобритании сохранить влияние в зависимых странах и обеспечить доступ к источникам сырья. Стратегические интересы Британской империи после Второй мировой войны определялись несколькими параметрами.

Во-первых, *безопасностью коммуникаций*:

а) Морской путь от метрополии до колоний на Востоке проходил через Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море и Индийский океан.

б) Авиационный, воздушный путь в Азии пролегал через Египет, Палестину, Трансиорданию, Ирак и Персию (или Аравийское побережье).

в) Африканские пути проходили через Кению в Южную Африку и на Запад, к Лагосу. При этом стартовым пунктом обеих «веток» становился Египет.

Во-вторых, *безопасностью нефтяных поставок*.

Источники нефти находились в Ираке и Южной Персии, а нефть перевозилась либо танкерами через Красное море и Суэцкий канал, либо через нефтепровод в Хайфу.

С целью обеспечить указанные интересы восточная политика Лондона планировалась по следующим направлениям. Прежде всего, Великобритания пыталась добиться выгод посредством участия в ООН, используя свое положение постоянного члена Совета Безопасности. Необходимо было также урегулировать отношения с СССР и Турцией, оказать влияние на формирование новых режимов власти в Сирии, Палестине и Трансиордании. Важнейшим инструментом политики оставалось использование баз на иностранных территориях. На одном только Ближнем Востоке британские ВВС планировали иметь 21 авиабазу, включая Судан и Аден. Соответственно, были заключены соглашения с Ираком, Персией, Саудовской Аравией, Египтом и Йеменом на этот счет. Крупнейшими центрами английского военного присутствия оставались Александрия, зона Суэцкого канала, Хаббания и Басра в Ираке, Хайфа, южная Персия, Гонконг.

В 1950-е годы Великобритания потерпела, по крайней мере, два серьезных поражения на Ближнем Востоке.

В 1952 г. к власти в Египте пришла антимонархическая организация «Свободные офицеры». Король Фарук, поддерживавший союзные отношения с Лондоном, был свергнут. Представители США и СССР поспешили завязать дружбу с новым режимом, руководители которого еще не определились с векторами будущей внешней политики столь отчетливо. Некоторое время в рядах «Свободных офицеров» шла напряженная борьба за власть. В результате победила группа, которую возглавлял полковник Гамаль Абдель Насер.

В 1953—1955 гг. Насер и его сторонники активно развивали сотрудничество с американскими миссиями и представителями. Однако разлад в отношениях наступил после того, как Вашингтон повысил процентную ставку при предоставлении кредита на строительство жизненно важной для Египта Асуанской плотины. Очевидно, что американские представители стали проводить и другие свои внешнеполитические цели. В это же время

настойчивыми оказались и советские дипломатические и военные представители, стремившиеся начать тесные связи с египетским режимом и занять место США у Суэцкого канала. Произошла смена курса. Г.А. Насер приступил к развитию тесных отношений с Советским Союзом.

26 июля 1956 г. правительство Египта объявило о национализации «Международной компании Суэцкого морского канала». В результате этого шага серьезно пострадали английские и французские вкладчики, являвшиеся акционерами национализированной компании. Великобритания начала кампанию по дискредитации режима Насера в международном сообществе. К этому времени обострились отношения Египта с Израилем. Палестинские партизаны с баз в секторе Газа совершали регулярные диверсионные рейды на территорию еврейского государства, приводившие к жертвам среди мирного населения. Израильские военные специалисты требовали от правительства принять жесткие меры и овладеть сектором Газа и территорией п-ова Синай для того, чтобы иметь «стратегическую глубину». В 1956 г. Великобритания в союзе с Францией и Израилем осуществила агрессию против Египта, однако режим Г.А. Насера выстоял. В конфликт вмешались Советский Союз и США. Москва пригрозила трем странам военным ударом с использованием ракетного оружия, а Вашингтон оказал давление по дипломатическим каналам, поскольку не был заинтересован в дестабилизации положения на нефтяном Арабском Востоке. Таким образом, английские позиции в Александрии и зоне Суэцкого канала были утрачены.

Другое поражение имело место в Иране. В 1951 г. иранское правительство национализировало предприятия Англо-иранской нефтяной компании (АИНК). Правительство М. Мосаддыка настойчиво проводило антианглийскую внешнюю политику. В 1953 г. М. Мосаддык был свергнут, однако доминировать в Иране стали Соединенные Штаты. Таким образом, Лондон потерял привилегии на разработку нефти в Ху-зестане и пользование иранскими авиационными и военно-морскими базами.

К серьезным утратам Соединенного Королевства следует отнести и создание в Палестине в 1948 г. Государства Израиль, которое с самого начала заняло позицию неприсоединения к западному или восточному блокам и в то же время активно сотрудничало с Вашингтоном, а не с Лондоном. В период мандатного управления Палестиной военно-морская база в Хайфе была важной единицей базирования средиземноморских кораблей Великобритании. В Ираке имели место государственные перевороты в 1958 и 1963 гг., которые лишили британское правительство выгодных баз в Хаббании и Басре. Монархический режим Хашимитов, традиционно дружественный Великобритании, был свергнут. Король Фейсал аль-Хашими и многолетний премьер-министр и друг Лондона Нури Сайд были казнены. Военные хунты, сменявшие друг друга, сменили антисоветский курс вначале на политику неприсоединения, а затем на развитие военно-политических и экономических отношений с СССР. Таким образом, британские компании потеряли различные льготы в отраслях, связанных с разработкой нефти и других важных ресурсов.

Практически по всем параметрам — военное присутствие, экономическая помощь, доступ к источникам сырья, наличие зависимых правительств — Великобритания уступала прежние позиции Соединенным Штатам и Советскому Союзу.

Расширение советского влияния в Азии. Внешняя политика СССР после войны развивалась под воздействием следующих основных факторов:

1. Советская армия занимала территорию от Берлина до Маньчжурии, от Центральной Европы до Дальнего Востока.

2. И.В. Сталин и его окружение рассчитывали на подъем национально-освободительного движения в странах Востока и приход к власти сил, ориентирующихся на Москву.

3. Наличие враждебных антисоветских блоков на южных границах стимулировало активную деятельность советской разведки на Востоке.

Фактор советской военной оккупации Маньчжурии оказался благоприятным для китайских коммунистов. В Маньчжурии был создан крупный промышленный район. Там развивались предприятия военной индустрии, туда поступала советская военная помощь, туда приезжали для дальнейшей работы в частях Народно-освободительной армии советские военные специалисты, там готовились кадры будущих китайских политиков и военных, дипломатов. В результате советской поддержки Коммунистическая партия Китая сумела создать мощную группировку войск, оснащенную советским и трофейным японским оружием. Гражданская война 1946-1949 гг. закончилась победой коммунистических сил. В апреле 1949 г. Народно-освободительная армия Китая нанесла решающее поражение войскам Гоминьдана. Гоминьдановский режим Чан Кайши, опиравшийся на американскую помощь, прекратил свое существование. Остатки гоминьдановских войск бежали на о. Тайвань, где создали собственное антикоммунистическое государство. 1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика. Уже на следующий день

КНР была официально признана Советским Союзом.

Советское влияние на Дальнем Востоке значительно окрепло и после раздела Кореи на южную и северную части. Дипломаты и разведчики СССР активно работали в Лаосе, Вьетнаме и Камбодже. Так формировалось социалистическое содружество государств от Центральной Европы до Индокитая. Заметим, однако, что в 1960-е годы при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежнев, обострились советско-китайские отношения. Китай превратился в т.н. «третий фактор», «третью силу» в международных отношениях, стоящую между капитализмом и советским социализмом.

На Ближнем и Среднем Востоке ситуация вначале складывалась не в пользу Москвы. Турция, Иран, Пакистан, Ирак в 1956 г. объединились в военно-политический блок под эгидой Великобритании. Монархические режимы в арабских странах боялись социализма и сотрудничали с Великобританией и США.

В этих условиях сталинское руководство приняло решение поддержать образование еврейского государства в Палестине в 1948 г. Правящая в Израиле партия МАПАЙ (Партия рабочих Земли Израильской) была социал-демократической, и Москва рассчитывала приобрести союзника в лице Израиля, окруженного проанглийскими арабскими режимами. Расчет оказался верным в тактическом плане — Израиль воздерживался от антисоветской политики, по крайней мере, до середины 1950-х годов. Однако в стратегическом плане расчет себя не оправдал. Политически окрепнув, израильский режим обратился в союзника стран НАТО.

Другим важным решением Москвы было использование курдского вопроса. Курды — разделенный народ. Они до сих пор проживают в Ираке, Иране, Турции и отчасти в Сирии, а также рассеяны в различных странах мира. В 1947 г. вооруженные курдские отряды под началом одного из самых влиятельных вождей, муллы Муста-фы Барзани, перешли советско-иранскую границу и оказались на территории Азербайджана. Очевидно, этот переход границы был согласован с советской стороной. Представители спецслужб, военных и дипломатических ведомств СССР провели переговоры с М.Барзани. В результате И.В. Сталин согласился на обучение офицеров М. Барзани в советских военных училищах и академии. Разрабатывался проект о предоставлении курдам автономного района в Узбекистане.

В обмен на убежище, полагали в Москве, М. Барзани поможет свергнуть проанглийский королевский режим Фейсала в Ираке. Советская разведка планировала с помощью курдов вывести из строя нефтепромыслы в Мосуле (Ирак), которые обеспечивали нефтепродуктами англо-американскую военную группировку на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. С этой целью Министерство госбезопасности СССР подготовило проект формирования специальной бригады из курдов для осуществления диверсионных операций на Ближнем Востоке. Советский разведчик П.Судоплатов в своих мемуарах указывает, что предполагаемая численность бригады должна была составлять приблизительно 1,5 тыс. человек. Однако по неизвестным причинам «курдский проект» не был осуществлен.

С 1955 г. началась активное сотрудничество СССР с Египтом, ибо руководитель этой страны Гамаль Абдель Насер решил отказаться от американской помощи. Постепенно советско-египетское сотрудничество охватило политические, экономические и военные сферы. Эта постепенность была связана с эволюцией взглядов самого Г.А. Насера, с эволюцией внутренней и внешней политики страны. Насер был, несомненно, яркой и противоречивой личностью, незаурядным политиком и государственным деятелем. Противоречивость его политики выразилось в том, что, с одной стороны, он призывал египтян и арабский мир к борьбе против империализма и колониализма, а с другой стороны, принимал решения о преследовании коммунистов в собственной стране, которая сотрудничала с СССР. На закате своей жизни, в конце 1960-х годов Насер утвердился в мысли о необходимости для Египта развивать некапиталистическое общество.

Началом советско-египетского военного сотрудничества считается осень 1955 г., когда были заключены соглашения о поставках советского оружия и боевой техники Египту. Этот комплекс соглашений получил у израильтян название «чешская сделка». Затем последовали новые соглашения. После Суэцкого кризиса 1956 г. сотрудничество в области обороны стало развиваться ускоренными темпами. В 1957-1960 гг. была произведена полная реорганизация египетских вооруженных сил, в ходе которой были извлечены уроки из военного поражения 1956 г. В Египте работала группа советских военных специалистов. Они оказывали профессиональную помощь управлениям генерального штаба, командованиям и штабам ВВС и ВМС, военно-учебным заведениям, инспектировали соединения. Советские военные специалисты оказывали помощь в планировании и организации оперативной и боевой подготовки, читали египетским офицерам лекции по военной теории и практике, разработали проекты уставов и других нормативных документов, регулировавших повседневную жизнь вооруженных сил республики.

Крупнейшим проектом советско-египетского экономического сотрудничества стало возведение Асуанской плотины. Высотная плотина избавила страну от губительных засух и наводнений, создала надежные резервы пресной воды. Строительство началось в январе 1960 г. и закончилось в 1964 г. В 1967 г. первый агрегат начал давать электрический ток для промышленности. Населенные пункты, различные предприятия Среднего и Нижнего Нила смогли пользоваться электроэнергией. 1850 советских специалистов и 28 тысяч египетских рабочих и инженеров участвовали в строительстве Асуанской плотины.

Влияние Москвы через Египет распространилось затем на Сирию, Ливан и Алжир, в особенности в 1960-е гг. Советско-арабское сотрудничество к началу 1970-х годов приобрело такие устойчивые формы сотрудничества, как:

- 1) политико-дипломатический союз;
- 2) поставки советских вооружений и обучение армии;
- 3) строительство промышленных и сельскохозяйственных объектов в указанных странах.

Сотрудничество СССР с Египтом и другими арабскими государствами, безусловно, имело и отрицательные последствия. Так, значительным в советской политике оставалось влияние функционеров из международного отдела ЦК КПСС, которые считали необходимым развивать партийно-политические связи, «взращивать» социалистические модели общественного развития. Напротив, «прагматики» из советских военных, дипломатических и разведывательных ведомств настаивали на реализации конкретных геополитических и внешнеполитических интересов СССР на Ближнем Востоке.

Особое значение в ближневосточной политике СССР имела военно-морская стратегия. В 1963-1964 гг. в Средиземном море появились советские военные корабли. Они курсировали там на регулярной основе к 1968 г. группировка судов была преобразована в Средиземноморскую эскадру. По некоторым характеристикам советская эскадра уступала американскому 6-му флоту. Она, например, не имела авианосцев и прикрытия военно-воздушных сил. Проблема заключалась и в том, что советская эскадра не имела, как американский ВМФ, баз на побережье Средиземного моря и вынуждена была тащить за собой целый «обоз» - топливные суда, суда с водой, ремонтными мастерскими, баржи с боеприпасами. Все это снижало маневренность и боеспособность советской группировки на море.

Советское военно-политическое руководство долгое время не решалось прямо настаивать в переговорах с ближневосточными и североафриканскими лидерами на создании баз для ВМФ СССР. Ведь Советский Союз всячески избегал повторения западного, «империалистического» сценария - строительство баз на территории независимых государств «третьего мира». Однако поражение Египта и Сирии в июньской войне 1967 г. оказало, на самом деле, неоценимую услугу Советскому Союзу. Лидер Египта Г.А. Насер принял решение предоставить Александрию и Порт-Саид к услугам советских кораблей. В этих портовых городах Египта были созданы склады для горючего и запасных частей. Решение Насера не было актом благотворительности: египетское руководство, безусловно, было заинтересовано в реальном присутствии советских военных кораблей Средиземноморской эскадры. Ко времени кончины Насера и прихода к власти нового президента А. Садата военные корабли СССР использовали удобные гавани и стоянки в Александрии, Порт-Саиде и Эс-Саллуме, а немного позже стали использоваться возможности гаваней Мерса-Матрух и Бернис. Сирийское политическое руководство также решило пойти навстречу советским пожеланиям: в распоряжение Средиземноморской эскадры был предоставлен порт Ла-такья. К военно-морским возможностям СССР следует добавить и систему противовоздушной обороны. В Египте были развернуты 18 батарей ракет САМ-3, размещены 80 истребителей МИГ-21 и МИГ-23, а также новейшие модели МИГ-25. По оценкам специалистов, общее количество советских военнослужащих, включая профессиональных военных советников в рядах египетской армии, достигло почти 20 тысяч солдат и офицеров.

К концу 1960-х годов относится и начало постоянного присутствия советских военных кораблей в Индийском океане. Корабли Тихоокеанского флота стали появляться в Персидском заливе, Могадишо, Мадрасе, Бомбее. Знаменательно, что появление советских военных судов в акватории Индийского океана по времени совпало с началом процесса эвакуации британских сил из района Персидского залива, «к востоку от Суэца». В борьбе за новые геостратегические позиции СССР сумел получить удобные военно-морские базы в Бербере (Сомали) и Адене (Южный Йемен), где совсем недавно располагались английские войска. Чуть позже СССР и США поменялись базами: американцы получили базу в Сомали, а советский флот - в Эфиопии. Значение присутствия ВМФ СССР в Средиземном море и Индийском океане было весьма велико, если учесть, какую роль во внешней торговле и военно-политическом соперничестве между США и Советским Союзом играли Баб-эль-Мандебский пролив, Суэцкий канал, а также проливы Босфор и Дар-

данеллы.

Развитие национально-освободительного движения в странах Востока. После Второй мировой войны Азия испытала небывалый подъем национально-освободительного движения. Тому было несколько причин:

- Поражение держав «оси» — Японии, Италии, Германии. В связи с чем прекращение деятельности агентур этих государств на азиатском континенте, а на Дальнем Востоке — прекращение японской военной оккупации.

- Ослабление экономического могущества Великобритании и Франции в результате войны. Экспансия США на Восток только еще начиналась.

- Влияние коммунистических идей, а также советского лозунга «права нации на самоопределение». Умелая организация советской пропаганды на Востоке.

Национально-освободительное движение в Азии имело две основные тенденции — революционную и реформистскую. В одних странах освобождение произошло революционным путем, как, например, в Египте, Китае, Алжире, а в Турции, Иране, Индии движение велось путем реформ за снижение влияния иностранного капитала.

Антиколониальное движение нанесло сокрушительный удар по позициям Великобритании и Франции, а также Португалии и Испании. Пакистан, Индия, Бирма, Вьетнам, Алжир стали независимыми. 1960-е годы стали временем Африки. В одном только 1960 г. стали независимыми Нигерия, Сомали, Конго, Камерун, Того, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Габон, Мавритания, Мали, Нигер, Сенегал, ЦАР, Чад, а затем, позднее, Кения, Уганда, Сьерра-Леоне и многие другие африканские территории.

На карте мира в результате войн появились такие государства, как Израиль в Палестине, Северный и Южный Вьетнам, Северная и Южная Корея, демократический Китай, строящий социализм. Победа алжирских партизан над французскими войсками привела к созданию народно-демократического государства капиталистического пути развития.

Новые государства были приняты в члены ООН, стали участниками, субъектами международных отношений. Все они столкнулись с проблемами, имеющими отношение к международным отношениям.

1. Проблема внешнеполитической ориентации.

На какую великую державу ориентироваться, с какой группой стран заключать союзы и соглашения политического свойства?

2. Создание и укрепление национальных вооруженных сил: армии, флота и авиации. Здесь необходимо решать вопросы военной стратегии, подготовки кадров, поиска источников снабжения оружием и боевой техникой. К кому обратиться?

3. Развитие промышленности, торговли, сельского хозяйства, банков, коммуникаций. С этой целью молодое государство должно было привлечь иностранные инвестиции, запросить зарубежных советников, подготовить собственные кадры для экономики в других странах, заключать соглашения об экономическом сотрудничестве и т.д.

4. Необходимость участия в региональном или континентальном объединении государств для защиты своих интересов.

В качестве примера назовем Израиль и Турцию.

Государство Израиль было создано в 1948 г. благодаря приезду сотен тысяч евреев из Европы, бежавших от нацистов и под воздействием сионистской пропаганды. Другим образующим фактором была финансовая поддержка еврейских банковских домов. Третьим — разветвленная система сионистских и еврейских организаций по всему миру.

Прекращение деятельности Великобритании как державы-мандатария, начало арабо-еврейских столкновений, создание еврейского государства, нахлынувшая волна еврейской иммиграции заставили израильское правительство срочно решать неотложные оперативные задачи. Режим чрезвычайных условий существования, в которых оказался Израиль, вынуждал правительство занимать позицию неприсоединения, по крайней мере, официально. Обе крупнейшие державы СССР и США оказывали Израилю существенную военно-политическую и дипломатическую поддержку в войне 1948-1949 гг. с арабскими государствами. После войны израильский премьер-министр Давид Бен-Гурион выделял три основные задачи государства: 1) выжить в условиях войны и конфронтации с арабскими странами; 2) обеспечить процесс интеграции еврейских иммигрантов в развивающееся израильское общество; 3) достичь такого расцвета Израиля, который, согласно концепции Д.Бен-Гуриона, воплотил бы в жизнь ветхозаветное обязательство «нести свет» другим народам». В области внешней политики Д. Бен-Гурион придерживался принципа, который можно охарактеризовать словами «стучаться в любую дверь». До Суэцкого кризиса 1956 г., приведшего к поляризации сил в арабо-израильском конфликте, израильское правительство отвергало категорическую ориентацию на одну конкретную державу или блок таковых. Однако уже в 1953 г. отношения между СССР и Израилем резко ухудшились. Израильская сторона утверждала, что Москва требовала занять более социалистическую,

просоветскую позицию. Советская же сторона считала, что Израиль проводит достаточно агрессивную внешнюю политику и развивает дружеские отношения с государствами Запада. Государство Израиль все более сближалось с Францией, ФРГ, Великобританией и США. Не вступая в НАТО, израильское руководство поддерживало все антисоветские мероприятия западных государств.

С приходом к власти Д. Эйзенхауэра в 1953 г. Израиль оказался включенным в программу американской помощи по закону № 480 о продаже излишков продовольствия. В 1954-1955 гг. между правительствами двух государств была достигнута договоренность о распространении в США облигаций израильских «займов развития», выручка от продажи которых достигла 527 млн. долларов. Общая сумма американских правительственных даров, субсидий, займов Израилю, полученных за 1951-1956 гг., составила более 400 тысяч долларов. Важно заметить, что в 1950-е годы США предпочитали направлять значительную долю денежных средств в Израиль в виде «даров» и безвозмездных субсидий. В период администрации Дж. Кеннеди преобладающей формой американо-израильского финансового сотрудничества стали кредиты и израильские «займы развития». Тогда же президент Дж. Кеннеди санкционировал продажу Израилю американских противовоздушных ракет «Хок». Это был заметный поворот в политике США в области поставок вооружений странам Ближнего Востока. Теперь вооружения столь высокого класса поставлялись на официальной основе в рамках межгосударственного сотрудничества. Затем США начали поставки вертолетов, артиллерийских орудий, танков, бронетранспортеров. Двусторонние отношения стали охватывать и область военно-стратегического планирования. Американо-израильское сотрудничество охватывало сферы образования, науки и культуры. Ориентация на Запад предопределила развитие израильских отношений с Францией, ФРГ и США в области военной. Израиль «открыл» двери западным инвесторам в экономической сфере и принял либеральные законы для поощрения капиталовложений. Вступить в региональные союзы Израиль отказался, так как его непосредственные соседи — арабские страны — были его злейшими врагами.

Другой пример — *Турция*. Турция однозначно развивала сотрудничество с западным миром. Это было связано с угрозами нападения со стороны Советского Союза, а также подрывной работой советской агентуры среди курдов в юго-восточной Турции. Соответственно, в 1948-1949 гг. Анкара заключила с Вашингтоном соглашения о военном и экономическом сотрудничестве. Турция вступила в НАТО в 1951 г., а также в МВФ, МБРР и получала кредиты от Экспортно-импортного банка. В ЛАГ Турция не участвовала, однако была инициатором создания военно-политического блока — Багдадского пакта в 1955 г. Во внешнеэкономической сфере, как уже было сказано, страна получала финансовую помощь от стран Запада. Государства Западной Европы рассматривали послевоенную Турцию как надежного поставщика сельскохозяйственной продукции. Однако в конце 1940-х и в первой половине 1950-х годов правительство Анкары оставляло без внимания очень настойчивые рекомендации могущественных западных и международных организаций направлять финансовую помощь на развитие аграрного сектора. Такая позиция Анкары привела к тому, что с 1956 г. Международный банк реконструкции и развития прекратил предоставление кредитов Турции.

Тем не менее в этот период Турция стала набирать достаточно высокие темпы экономического роста и пережила ряд модернизаций. Важными факторами успеха стали: реформирование ключевых общественных институтов и переоценка традиционных исламских представлений; правительственная поддержка сферы образования и народного просвещения; расширение масштабов накопления капитала; усиление взаимодействия национального банковского капитала с иностранным финансовым капиталом; серьезная модернизация налоговой системы и ряд прочих факторов.

Период после Второй мировой войны (1945-1950 гг.) стал своеобразной подготовкой к активизации региональной политики Анкары. Турецкое правительство предпринимало усилия по сколачиванию так называемого «мусульманского блока», который выполнял бы задачи «сдерживания коммунизма» и подавления тех национальных движений на Ближнем и Среднем Востоке, которые бы препятствовали политике западных держав. В 1946 г. в Анкаре был подписан иракско-турецкий пакт о дружбе. Пакт предусматривал развитие тесного экономического, политического и культурного сотрудничества. Ирак и Турция подписали также соглашение о выдаче преступников, в состав которых были включены курдские повстанцы и активисты коммунистических организаций. В том же 1946 г. был подписан турецко-иорданский договор. Король Трансиордании Абдалла согласился присоединиться к иракско-турецкому союзу, поскольку его договор с Турцией содержал очень выгодную секретную статью. В этой статье Турция признавала необходимость создания «Великой Сирии» и права рода Хашимитов, к которому относились и король Абдалла и король Ирака Фейсал, на святые мусульманские места Мекку и Медину. По плану «Великой Сирии», Сирия и Ливан должны были слиться с Трансиорданией и

присоединиться к новому «мусульманскому блоку». Однако в Дамаске отвергли это предложение. В 1947 г. Ирак и Трансиордания заключили договор, который завершал создание «треугольника» Ирак—Турция—Трансиордания. Идея «мусульманского блока» потерпела неудачу, поскольку в ряде арабских стран возобладали национально-освободительные и антиимпериалистические тенденции. Кроме того, арабские государства и Иран были против руководящей роли Турции в новом союзе. Заключенные же соглашения 1946-1947 гг. оказались малоэффективными.

В 1950-1960 гг., в период правления Демократической партии, Турция вновь оказалась в центре усилий стран Запада по формированию антисоветского блока. Так, в 1951 г. США, Великобритания, Франция и Турция обратились к арабским странам и Израилю с предложением создать «Средневосточное командование». Идея состояла в образовании военно-политического блока антисоветской направленности с репрессивными функциями на Ближнем Востоке. Предполагалось пригласить в этот блок арабские страны, Израиль и Иран. Однако по разным причинам предполагаемые участники отказались войти в новое объединение. В сентябре 1952 г. Совет НАТО принял решение о приеме Турции в НАТО. Анкара получила возможность принимать военно-политическую помощь по каналам блока Североатлантического договора. Турция стала стратегическим партнером западного сообщества в противостоянии государствам социалистического лагеря.

Демократической партии Турции удалось реализовать идею американского госсекретаря Джона Ф. Даллеса сформировать ближневосточный блок в виде «северного пояса». В ноябре 1955 г. в Багдаде на совещании премьер-министров Турции, Ирака, Ирана, Пакистана и Великобритании был подписан Багдадский пакт. Кроме того, правительство демократа А. Мендереса откровенно поддерживало все акции стран Запада на Ближнем Востоке, например Тройственную агрессию 1956 г. против Египта и американскую интервенцию 1958 г. в Ливане. В 1960-е годы Турция фактически возглавляла деятельность антисоветского блока СЕНТО.

Таким образом, противостояние капиталистического Запада и социалистического Востока оказало решающее воздействие на внешнеполитическую ориентацию Турецкой Республики, предопределило ее интеграцию в западное военно-политическое сообщество.

Подводя итог вышесказанному, следует прежде всего отметить, что решающее влияние на развитие международных отношений в Азии оказывало блоковое противостояние двух основных социально-политических систем. В борьбе за новые сферы влияния Советский Союз и Соединенные Штаты и их сателлиты стремились использовать все доступные военно-политические, экономические и идеологические средства. Балансируя на пороге глобальной ядерной войны, СССР и США планировали проектирование военной силы в любой точке земного шара, которая в тот или иной момент могла стать предметом защиты воли народов к независимости или же стать зоной жизненных интересов. Значительные финансовые, материальные и интеллектуальные ресурсы были сосредоточены на решение задач геополитического и военно-стратегического превосходства. Чрезмерная идеологизация региональной политики великих держав приводила к тому, что присутствие европейских держав входило в серьезное противоречие с подлинными интересами азиатских стран и территорий.

Другой константой международных отношений в Азии были национально-освободительные устремления народов этого континента. После Второй мировой войны национально-освободительное движение приобрело необычайный размах. Оно предопределило специфику не только внутреннего, социально-экономического и политического развития азиатских стран, но и обусловило крайне напряженный ритм международных отношений. Отличительными чертами их стали: прогрессирующая гонка вооружений; обострение старых, доколониального и колониального периода, пограничных, этноконфессиональных и торгово-экономических конфликтов; вмешательство великих держав в процесс урегулирования конфликтов в Азии; развитие крупномасштабных государственных и частных программ оказания финансовой и военной помощи и деятельности культурных учреждений стран западного и социалистического блоков.

Ярким проявлением указанных тенденций в международных отношениях в Азии стал арабо-израильский конфликт, развитие которого оказало существенное влияние как на политику великих держав в районе Ближнего и Среднего Востока, так и на политическое поведение государств данного региона, что, в конечном счете, предопределило своеобразие событий периода «холодной войны», усилило конфронтационные моменты в общемировом политическом климате 1945-1970 гг.

Эскалация арабо-израильского конфликта в 1948-1970 гг.

Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины во Второй половине 1940-

х годов. Во второй половине 1940-х годов ООН активно обсуждала палестинскую проблему. Суть проблемы — предоставление евреям и арабам Палестины права на самоопределение и создание собственного государства. Проблема обострялась наличием десятков тысяч евреев, пострадавших от нацистов в годы прошедшей войны, сосредоточенных в многочисленных лагерях перемещенных лиц в Европе и ожидавших решения своей судьбы. Постоянные члены Совета Безопасности ООН в принципе одобряли идею образования еврейского государства. Правительства США, Великобритании, Франции испытывали мощное давление со стороны сионистских организаций, которые указывали на страдания евреев в годы войны и на потребность создать для них надежное убежище в Палестине. Руководитель СССР И.В. Сталин поддержкой еврейского государства рассчитывал приобрести союзника на Ближнем Востоке. Гоминьдановское правительство, а затем правительство Коммунистической партии Китая в те годы в целом одобряли идею образования арабского и еврейского государств в Палестине.

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 181 (II) о будущем Палестины. Основные пункты резолюции говорили о следующем:

1. Британский мандат на Палестину прекращается по возможности скорее, но не позднее 1 августа 1948 г.

2. Вооруженные силы державы-мандатория быстро выводятся из Палестины, вывод должен завершиться не позднее 1 августа 1948 г.

3. Независимые арабское и еврейское государства и Особый международный Режим для города Иерусалима будут образованы в Палестине через два месяца после завершения эвакуации вооруженных сил державы-мандатория, но в любом случае не позднее 1 октября 1948 г.

4. Город Иерусалим будет создан как отдельная единица с особым международным режимом и будет управляться Объединенными Нациями.

5. Два государства образуют экономический союз. Целями Экономического Союза Палестины должны быть: таможенный союз; совместная валютная система; функционирование в общих интересах железных дорог, межгосударственных шоссе, почтовых, телефонных и телеграфных служб и портов и аэропортов; совместное экономическое развитие, в особенности в области ирригации, мелиорации земли, защиты почвы; доступ обоих государств и города Иерусалима к водному и энергетическому потенциалу.

Резолюция предусматривала, следовательно, постепенное создание двунационального арабо-еврейского государства, объединенного экономическим сотрудничеством и совместным контролем религиозных мест Палестины, имеющих мировое значение. Это был, вероятно, самый разумный вариант решения проблемы Палестины в создавшихся условиях. Однако начавшиеся в Палестине военные действия и провозглашение Государства Израиль в мае 1948 г. помешали осуществлению резолюции 181.

Решающую роль в принятии резолюции и создании Государства Израиль сыграли США. Этот факт вполне объясним, если учесть, что после Второй мировой войны Соединенные Штаты были, пожалуй, наравне с Советским Союзом, самой могучей державой в военно-политическом и экономическом смысле слова.

В конце 1940-х годов во внешнеполитическом комплексе США имела место продолжительная дискуссия относительно стратегии и тактики американской ближневосточной политики.

		ПРЕЗИДЕНТ		КОНГРЕСС США	
Д.Найлз К.Клиффорд		J			
Госдепартамент Дж. Маршалл		/			
Министерство обороны		/ /			
ЦРУ Аллен Даллес		/			
t 1	t	t	t	t t	t t
Сионистские и еврейские организации, лоббирующие в коридорах власти					

Позиция исполнительных ведомств (госдепартамент, Пентагон и ЦРУ) казалась, несмотря на ряд межведомственных разногласий и противоречий, единой и состояла в следующем. Соединенные Штаты должны быть готовы к военному вмешательству в дела Палестины в случае начала арабо-еврейской войны, в особенности если в районе начнется советская военная интервенция. С политической точки зрения, указывали разработчики американских внешнеполитических министерств, необходимо добиваться пересмотра резолюции 181, поскольку арабские государства решительно возражают созданию еврейского государства, тем более в Святой земле, где возникнет опасность доминирования одной религии. Соединенные Штаты могут, а в случае советского вмешательства должны, поддержать евреев, но не в ущерб отношениям с арабами, которые составляют количественно абсолютное большинство населения региона Ближнего Востока; не в ущерб отношениям с арабскими странами, обладающими колоссальными запасами нефти и других топливных ресурсов. Если же поддерживать только евреев, арабские режимы могут сменить внешнеполитическую ориентацию в пользу СССР. Кроме того, односторонняя поддержка еврейского государства приведет к возложению на США главной ответственности за безопасность этого нового государства.

Склонность чиновников исполнительных ведомств США поддержать прежде всего арабскую сторону или как арабскую, так и еврейскую, вызвало к жизни термин, появившийся в американской печати — «арабисты». Этот термин обозначал как раз тех представителей госдепартамента, министерства обороны и ЦРУ, которые стояли на позиции «равноудаленности» в вопросе об отношении к арабо-еврейским столкновениям.

В свое время госсекретарь США Э. Стеттиниус писал президенту Г. Трумэну, что «вопрос о Палестине является комплексным и важным и включает пункты, касающиеся не только евреев Европы. Это один из аспектов сложной ситуации в регионе, жизненно важном для Соединенных Штатов. Его, на наш взгляд, нужно рассматривать с величайшей осторожностью, принимая во внимание долгосрочные интересы страны (на Ближнем Востоке)». С 1945 г. госдепартамент настойчиво рекомендовал президенту воздержаться от поддержки широкомасштабной еврейской иммиграции из Европы в Палестину.

Документы внешнеполитических ведомств США свидетельствуют о множестве рекомендаций, которые выносили ведущие внешнеполитические эксперты. Так, ветеран госдепартамента, авторитетный специалист-ближневосточник Л. Хендерсон предлагал установить попечительство США над Палестиной. Для достижения названной цели Л. Хендерсон предлагал достичь согласия с Великобританией, Францией и Советским Союзом.

Другую точку зрения выражали ближайшие советники президента, прежде всего К. Клиффорд, С. Розенман и Д. Найлз. Советники работали в тесном контакте с ведущими еврейскими и сионистскими организациями США. Они сумели убедить президента занять позицию однозначной поддержки будущего Государства Израиль. Они указывали на то, что еврейские общины США голосуют на выборах дисциплинированно и обладают громадными финансовыми возможностями, что данные обстоятельства имеют большое значение на предстоящих президентских выборах 1948 г. Следовательно, необходимо поддержать сионистский проект в Палестине даже ценой отношений с богатыми нефтью арабскими странами. Кроме того, советники указывали на особую ценность еврейского государства в регионе стран, традиционно находившихся под влиянием Великобритании и уже испытывающих проникновение советских дипломатов и разведчиков.

Необходимо учитывать и политический вес американского конгресса. Сенаторы и конгрессмены США находились под непрерывной опекой различных лоббистских структур, выражавших интересы еврейской общины страны. К моменту создания еврейского государства в Палестине позиция конгресса США в целом была, скорее, просионистской, и данное обстоятельство главе Белого дома следовало учитывать. Руководствуясь прежде всего интересами политической победы на президентских выборах 1948 г. Г. Трумэн принял сторону своих советников. Таким образом, в решающий момент Соединенные Штаты оказали безусловную поддержку Государству Израиль.

Образование Государства Израиль. Арабо-израильская война 1948-1949 гг. Государство Израиль было провозглашено 14 мая 1948 г. в Тель-Авиве под звуки арабского обстрела. Новое государство появилось на свет в условиях настоящей арабо-еврейской войны и непрекращавшейся еврейской иммиграции в Палестину.

Сразу же после провозглашения государства Израиль США признали его де-факто. Уже 14 мая представитель Белого дома предоставил прессе заявление президента Г. Трумэна: «Правительство получило информацию о том, что в Палестине провозглашено еврейское государство, и временное правительство оно просит о признании. Соеди-

ненные Штаты признают временное правительство как власть нового Государства Израиль де-факто». Три дня спустя, 17 июня 1948 г. Советский Союз признал Израиль де-факто и де-юре.

Израильское правительство возглавил Д. Бен-Гурион, амбициозный сионистский политик, обладавший незаурядным стратегическим видением и оригинальным политическим мышлением, лидер правящей сионистской социал-демократической партии МАПАЙ (Партия рабочих Земли Израильской).

Д. Бен-Гурион в течение целого ряда лет разрабатывал внешнеполитическую концепцию, которую до сих пор используют государственные лидеры Израиля. Вот ее основные элементы:

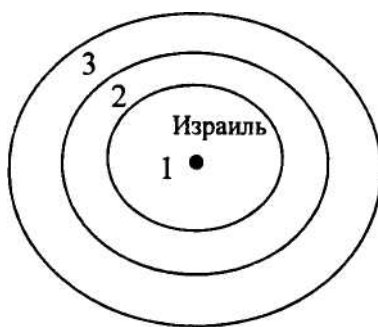
1. Государство Израиль должно стать духовно-религиозным центром и местом собирания рассеянного еврейства. Капитал, политическое влияние, профессиональная квалификация, научные достижения, духовное и культурное наследие диаспоры должны быть поставлены на службу Израилю.

2. Государство Израиль окружено враждебным арабским «морем». Поэтому государственная безопасность обеспечивается такими факторами, как:

- Q наращивание боевой мощи Армии обороны Израиля; O массовая алия (иммиграция евреев);
- ? пропаганда духа халуцим (пионерства);
- ? развитие наукоемкой индустрии;
- ? внешняя политика стратегических альянсов и периферийных союзов.

В условиях раздела мира на два враждебных лагеря Д. Бен-Гурион предполагал взаимодействие Израиля с тремя «сферами» мирового сообщества (см. схему).

В первом приближении (1) это был арабский мир Ближнего Востока и Северной Африки, «стена» конфронтации, которую необходимо было пробивать, используя все имеющиеся средства. Рано или поздно, верил премьер-министр, Израилю придется заниматься развитием мирных связей с арабскими государствами. Поэтому необходимо было разрабатывать весь спектр будущих отношений с арабскими соседями. Во второй сфере (2) располагались естественные союзники Израиля — мусульманские Турция, Иран, Судан и православная Эфиопия. Эти государства боялись панарабизма и коммунизма, считал Д. Бен-Гурион, поэтому они склонны сотрудничать с Израилем. Третий круг (3) — развитие отношений со странами Запада. Именно западные страны стали основным источником финансовой помощи и военно-политической поддержки нового государства. Особое место занимали страны социалистического блока, которые были враждебно настроены к западному сообществу. Однако как раз эти страны, прежде всего СССР, являлись источником массовой алии (иммиграции) в Израиль. По этой причине израильское правительство, используя до 1967 г. официальные дипломатические отношения, а затем поддержку стран Запада, настаивало на подтверждении исключительных прав советских евреев на выезд, требовало от правительства СССР поощрять еврейскую эмиграцию для поселения в «земле обетованной».

Превращение Израиля в мировой центр выработки технологий и достижений в области культуры. Д. Бен-Гурион видел в иммиграции еврейских ученых значительный интеллектуальный капитал, который может сформировать в Израиле своеобразный «инкубатор» по выработке самых современных технологий и художественных образцов, необходимых для индустриального и культурного развития человечества.

Концепция Д. Бен-Гуриона оказалась весьма жизнеспособной и обеспечила не только выживание еврейского государства на Ближнем Востоке, но и содействовала развитию его активной дипломатии и сотрудничества с мировым сообществом и различными «центрами силы», помогла выработать тактику мирного процесса во взаимоотношениях с арабским миром. -

Арабо-израильская война 1948-49 гг. началась после провозглашения Государства Израиль. Регулярные части вооруженных сил Трансиордании, Сирии, Ливана, Египта

вторглись на территорию Палестины. При этом каждая арабская страна преследовала свои цели: либо присвоить себе часть территории Палестины, либо помешать соседу укрепить свое влияние в данном регионе. Лидеры Израиля стремились в ходе войны не только отразить арабское нападение, но и зафиксировать государственные границы в наиболее широком географическом пространстве.

В военном отношении Армия обороны Израиля (АОИ) была подготовлена значительно лучше арабского противника. В рядах еврейской армии воевали отряды организаций «Хагана», «Пальмах», имевших многолетний опыт боевых действий против палестинских и бедуинских формирований в Палестине. Кроме того, на стороне АОИ сражались ветераны Красной армии и еврейские добровольцы из стран Запада. Боевой дух израильской армии был необычайно высоким. США и СССР тайно помогали Израилю.

Арабские армии превосходили израильтян в количественном отношении. Однако в тактике и выучке явно уступали. Наступательные операции арабских войск было часто несогласованными. Лишь Арабский легион иорданского эмира Абдаллы, среди офицеров которого были британские военнослужащие, представлял внушительную силу.

11 июня 1948 г. благодаря усилиям специального посредника ООН, шведского графа Бернадотта было заключено перемирие сроком на один месяц. В ходе этой передышки Израиль смог получить оружие и боеприпасы из-за границы. Были заложены основы военно-воздушных сил и военно-морского флота. Прибыли новые группы добровольцев из-за рубежа. 10 июля возобновились боевые действия, в ходе которых произошел решительный поворот в пользу Израиля. Последующие перемирия оказались хрупкими, граф Бернадотт был убит еврейским экстремистом.

19 января 1949 г. на острове Родос начались переговоры между Израилем и арабскими странами под председательством уполномоченного ООН Ральфа Банча, бывшего заместителя графа Бернадотта. Первое соглашение было подписано с египтянами 24 февраля 1949 г., 23 марта заключено соглашение с Ливаном, а 3 апреля - с Трансиорданией. С Сирией соглашение о перемирии было подписано только 20 июля. Ирак вообще не подписал никакого документа с Израилем. В результате подписанных документов о перемирии Государство Израиль занимало 80% всей территории Палестины, находившейся под британским мандатом. Соглашения фиксировали прекращение огня и обязательства сторон не нарушать демаркационную линию («Зеленая Линия»). Мирный договор подписан не был. Война обозначала следующие элементы палестинской проблемы:

1. Вопрос о самоопределении и создании государства палестинцев.
2. Судьба палестинских беженцев (= 900 тыс. чел. покинуло пределы Палестины), их статус.
3. Вопрос о территориях и границах. Египет оккупировал сектор Газа, а Трансиордания — Западный берег реки Иордан — территории, принадлежащие, согласно резолюции 181 ГА ООН, палестинскому государству. Израиль оккупировал часть Галилеи.
4. Статус Иерусалима. Иерусалим является уникальным городом мира, где сосредоточены святыне места трех религий - христианства, ислама, иудаизма — и возникают различные проблемы, связанные с доступом верующих к святым местам. В результате арабо-израильской войны западная часть города была занята израильскими войсками, а восточная — иорданскими.

Определенным этапом в эскалации арабо-израильского конфликта стала трехстороннее соглашение США, Великобритании и Франции от 25 мая 1950 г. Соглашение явилось результатом встречи министров иностранных дел трех государств в Лондоне, на которой обсуждались конкретные вопросы, оказывающие воздействие на мир и стабильность арабских государств и Израиля. В частности, министры обсудили вопрос поставок вооружений и военных материалов ближневосточным странам и приняли заявление, которое, по сути дела, значительно поощряло развитие гонки вооружений в регионе Ближнего Востока. США, Великобритания и Франция заявили, что арабские государства и Израиль «нуждаются в поддержании определенного уровня вооруженных сил в целях обеспечения их внутренней безопасности и законной самообороны и для выполнения своей роли в защите региона в целом». Профессиональному наблюдателю-международнику нетрудно было догадаться, что слова «защита региона» означали противодействие любым попыткам СССР и его союзников усилить влияние на Ближнем Востоке. Три государства заявили, что все обращения арабских стран и Израиля о поставках вооружений будут рассматриваться именно в свете принципов защиты региона и самообороны. Правительства США, Великобритании и Франции также заявили, что от ближневосточных государств получены заверения, согласно которым поставки вооружений будут разрешены, если государство-покупатель не намерено предпринимать какой-либо акт агрессии против какого-либо другого государства. При этом три западных правительства заявили «о своей глубо-

кой заинтересованности и своим желанием обеспечить установление и сохранение мира и стабильности в регионе и о своем противодействии использованию силы или угрозе силой в отношениях между государствами в регионе». Действительность показала, насколько далеки были заявленные намерения государств от постоянного наращивания военного потенциала ближневосточными государствами.

Суэцкий кризис 1956 г. Следующим значительным этапом конфликта стал кризис 1956 г. в зоне Суэцкого канала. Новая арабо-израильская война имела несколько причин.

1. 29 июля 1956 г. лидер Египта Гамаль Абдель Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала. Как известно, крупными акционерами компании были граждане Великобритании и Франции (граждане — инвесторы, банкиры и т.п.). Поэтому правительства двух стран решили вернуть утраченные позиции силой. Генеральные штабы в Лондоне и Париже начали разработку военной операции под кодовым названием «Мушкетер».

Решение о национализации отражало радикальную эволюцию взглядов Насера как политика. Убеденный националист, Насер стремился подорвать британское влияние в Египте с тем, чтобы развивать независимую национальную экономику. До 1955 г. Египет использовал американскую финансовую помощь, однако условия ее предоставления не устраивали египетское руководство. Например, американский заём на строительство Асуанской плотины имел невыгодные для Египта условия и проценты годовых. Поэтому Насер принял решение искать другие источники финансирования и взял курс на развитие связей с социалистическими государствами.

2. В 1955 г. Египет и Чехословакия подписали соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Посредством этого договора Египетская армия получила современное оружие и боевую технику советского производства.

Таким образом, в районе Ближнего Востока появилась новая сила — Египет, поддерживаемый Советским Союзом. В письме премьер-министру Франции Г. Мол-ле израильский лидер Д. Бен-Гурион отмечал: «Усиленный новейшими вооружениями, самолетами, бомбардировщиками и танками, которые были поставлены чехами, египетский правитель рассматривает данный момент как удачное время для начала новой кампании против Израиля, посылая вооруженные и обученные банды в самое сердце нашей страны. Напряжение велико, и нельзя более игнорировать египетскую опасность. Единственная надежда спасти положение — не давать более Египту возможности удерживать преимущество и превосходство в военно-воздушных и бронетанковых силах». Израильское правительство решило остановить процесс укрепления Египта посредством нанесения превентивного (упреждающего) удара. Усиление военно-политического потенциала Египта стало основной мотивацией активного участия Израиля в войне 1956 г. Советская поддержка Египта послужила одной из причин ухудшения советско-израильских отношений, которые с середины 1950-х годов вплоть до 1967 г. (времени разрыва дипломатических отношений) приобрели слабый, вялотекущий характер.

3. В секторе Газа, оккупированном еще в ходе войны 1948-1949 гг. египетской армией, располагались базы палестинских партизан-фedayинов. Фedayины совершали рейды на территорию Израиля с целью разрушения коммуникаций, военных объектов, убийства израильских солдат, офицеров и мирных жителей.

Планируя военную кампанию против Египта, израильский генеральный штаб рассчитывал уничтожить базы палестинских партизан.

4. Планы военного командования Израиля предусматривали оккупацию важного стратегического пункта Шарм аш-Шейха на Синайском полуострове. Захват Шарм аш-Шейха помешал бы Насеру в будущем устраивать блокаду южного израильского порта Эйлат. Израильский премьер-министр Д. Бен-Гурион охарактеризовал план войны как широкомасштабную операцию на всех направлениях Синайской пустыни и полосы Газа. На заседании кабинета министров Д. Бен-Гурион сообщил, что цель войны состоит в том, чтобы занять Синайский полуостров и сектор Газа, а также оккупировать побережье Акабского залива с тем, чтобы «обеспечить свободу судоходства в Эйлат и из него через Красное море и Индийский океан». Необходимо отметить, что израильское правительство, видимо, не ставило задачей навсегда оккупировать Синайский полуостров и сектор Газа. На заседании правительства 28 октября 1956 г. Д. Бен-Гурион заявил:

«Не знаю, какова будет судьба Синая в случае нашей победы. Мы заинтересованы прежде всего в побережье Эйлата и Тиранских проливах. Могу себе представить, как определенные силы станут заставлять нас уйти из Синая, если мы оккупируем его. Есть Америка, Россия, ООН, есть Неру, существуют Азия и Африка, и более всего я обеспокоен Америкой. Америка заставит нас уйти с Синая. Но главный вопрос — это свобода судоходства... Главное — это то, что, даже если мы не оккупируем побережье, мы должны иметь свободу судоходства».

Таким образом, Израиль, Франция и Великобритания по разным причинам были заинтересованы в военном разгроме Египта и политическом, если не физическом, устранении Насера.

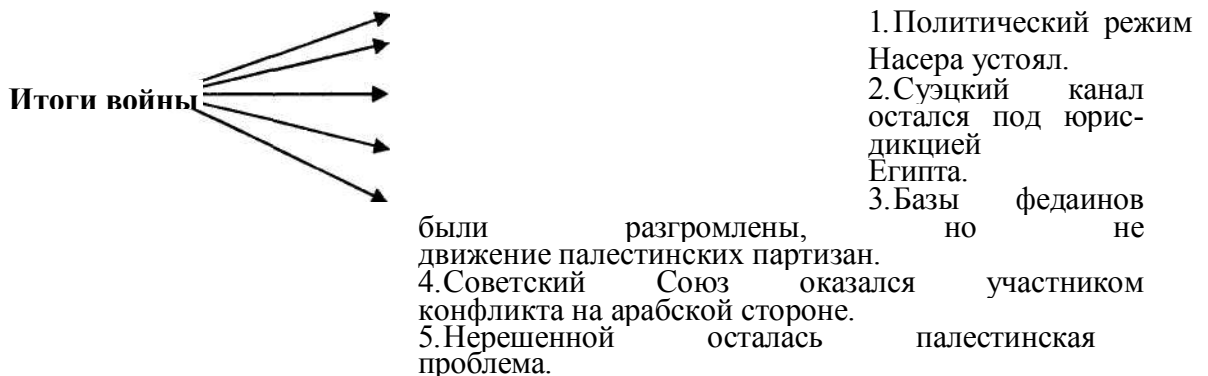
В ночь на 30 октября 1956 г. израильские войска вторглись на территорию Египта. 31 октября Англия и Франция начали бомбардировки Египта и 5 ноября высадили десант в районе Порт-Сайда. Продвижение АОИ было очень быстрым и успешным. В результате действий англо-франко-израильской коалиции был оккупирован Синайский полуостров, захвачен Шарм аш-Шейх, уничтожены базы феодалов.

Однако победа агрессоров была не полной. В конфликт вмешались США и СССР.

Белый дом опубликовал заявление, в котором фактически поддержал Каир. В заявлении говорилось, что «Соединенные Штаты при нынешней и предыдущей администрациях обещали оказать помощь жертве любой агрессии на Ближнем Востоке. Мы сдержим свое обещание». Позиция Д.Эйзенхауэра заключалась в том, чтобы не допустить усиления Великобритании и Франции на Ближнем Востоке. Вопреки давлению сионистских организаций Д.Эйзенхауэр не поддержал Израиль, хотя война случилась накануне президентских выборов. Более того, США оказали давление на правительство Д.Бен-Гуриона по вопросу скорейшего вывода израильских войск с захваченных территорий.

СССР резко осудил агрессию. *Агрессией* является применение государством вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН (Резолюция ГА ООН от 14 декабря 1974 г.). Было сделано официальное заявление, а также проведены демарши по дипломатическим каналам в защиту Египта. Британский посол в Москве был вызван министром иностранных дел А. Шелепиным. Советский министр заявил, что если огонь и продвижение войск не прекратятся, то СССР применит ракетное ядерное оружие.

7 ноября 1956 г. военные действия были остановлены. Войска Великобритании и Франции эвакуировались в декабре, а в марте 1957 г. израильские силы покинули территорию Египта и сектор Газа. На их месте были размещены, в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, Чрезвычайные вооруженные силы ООН.

Июньская война 1967 г. В мае 1967 г. серьезно обострилась ситуация в районе Ближнего Востока.

После многочисленных военно-политических и дипломатических провокаций с обеих сторон лидер Египта Насер закрыл Тиранские проливы, следовательно, выход Израиля в Красное море и Индийский океан. Правительства Египта, Иордании и Ирака подписали военное соглашение о совместной обороне, который в израильских правящих кругах рассматривали как подготовку арабских стран к агрессии против еврейского государства. Наряду с этим палестинские партизаны продолжали совершать акты диверсии с территории всех соседних Израилю арабских государств. Израиль, со своей стороны, концентрировал войска на границах «Зеленой Линии». Генштаб АОИ разработал план «молниеносной войны», получивший тайную поддержку в Вашингтоне. Политические комментаторы передавали следующие слова президента США Л. Джонсона, сказанные израильским представителям в Вашингтоне: «Если вы сделаете все быстро, мы не будем вмешиваться».

5 июня 1967 г. израильская авиация нанесла внезапный удар по заранее разведанным целям на египетских военных аэродромах. Большая часть самолетов Египта была уничтожена в первый же день войны. Поэтому израильские ВВС беспрепятственно господствовали в воздушном пространстве Синайского п-ова, полосы Газа и собственно Египта. Одновременно сухопутные части Армии обороны Израиля вторглись на территорию Египта, Иордании и Сирии. 7 июня был взят Иерусалим, 10 июня — захвачены Голанские высоты у Сирии. Военные действия продолжались всего шесть дней, отчего война получила название «шестидневной». В ходе войны Израиль захватил:

у **Египта** — Синайский полуостров, сектор Газа, зону Суэцкого канала;
у **Иордании** — Западный берег реки Иордан, обеспечивающий израильской армии так называемую «стратегическую глубину», а также оккупировал восточный Иерусалим; у **Сирии** — Голанские высоты, имеющие важное военно-стратегическое значение.

Именно в период «шестидневной» войны проявили себя на поприще военачальников израильские генералы, впоследствии сыгравшие видную роль в политике и правительстве Государства Израиль: Моше Даян (тогдашний министр обороны и будущий министр иностранных дел в правительстве М. Беги́на), Ицхак Рабин (начальник генерального штаба АОИ и будущий премьер-министр Израиля и архитектор мирных соглашений с Иорданией и палестинцами), Игал Аллон, Ариэль Шарон (будущий премьер-министр) и другие.

Военная победа обеспечила Израилю преимущество, которое военные специалисты называют «стратегической глубиной» — т.е. территориальное пространство, которое противнику необходимо преодолеть, чтобы достичь собственно территории Израиля. Правительство и военные руководители Израиля как раз и рассматривали захваченные у арабских стран территории как величину стратегическую.

Две ядерные супердержавы вновь ясно обозначили свою позицию. Теперь она отличалась от позиции времен Суэцкого кризиса 1956 г. США откровенно встали на сторону Израиля, а Советский Союз — на арабскую сторону. Вновь, как и в 1956 г., Москва пригрозила Израилю прямым вмешательством, когда израильские танки продвинулись настолько, что находились уже в пределах 30 км от Дамаска. Советское правительство в ноте израильскому правительству от 10 июня 1967 г. предупредило: «Если Израиль не прекратит немедленно военных действий, Советский Союз, совместно с другими миролюбивыми государствами, применит в отношении Израиля санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями». Угроза советского военного вмешательства заставила израильское командование остановить свои части, устремившиеся к сирийской столице, и расположить их на Голанских высотах. В критический момент войны, 10 июня 1967 г., когда судьба дружественных режимов Египта и Сирии висела «на волоске», Правительство СССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений с Израилем. Это было скорее конъюнктурное решение с целью повысить престиж Москвы в арабском мире. Так и случилось. Возможно, тактически это решение было верным, так как Москва исчерпала все возможные мирные политические средства с тем, чтобы остановить израильский захват арабских земель. Однако, оценивая разрыв дипотношений в исторической перспективе, необходимо подчеркнуть, что Советский Союз потерял возможность быть посредником в мирных переговорах и непосредственно влиять на Израиль.

Война 1967 г. имела негативные для разрешения конфликта политические последствия. Государство Израиль одержало впечатляющую военную победу. Вместе с тем все составляющие палестинской проблемы приобрели новое качество. Так, например, израильская оккупация привела к созданию еврейских поселений на палестинских территориях. Израильские поселения, их существование стали самостоятельным элементом общей арабо-израильской проблемы. К моменту серьезного обсуждения мирного договора между Израилем и арабскими странами в 1990-е годы, на оккупированных территориях выросло целое поколение израильтян-поселенцев, для которых родиной были Голанские высоты, Западный берег реки Иордан, сектор Газа и Синайский п-ов. Это была не абстрактная, а очень осязаемая родина, так как поселенцам приходилось бороться с враждебным отношением арабского населения, бороться за водные источники и обеспечивать безопасность израильских транспортных и иных коммуникаций.

Арабский мир очень жестко отреагировал на итоги войны. В сентябре 1967 г. в Хартуме состоялась Всеарабская конференция глав государств. Ее основная политическая резолюция провозглашала три «нет»:

Нет — признанию Израиля!

Нет — переговорам с Израилем!

Нет — миру с Израилем!

Конфронтация арабов с Израилем достигла абсолютной, высшей точки.

Руководители арабских стран также договорились о координации усилий в политической, военной и дипломатической сферах с целью добиться скорейшего вывода израильских сил с захваченных территорий. Было принято решение об использовании нефтедобычи как оружия в войне против Израиля и стран, которые его поддерживают. Впоследствии «нефтяное эмбарго» сыграло свою роль в ближневосточной войне 1973 г. Хартумская резолюция объявляла о создании арабского фонда экономического и социального развития прежде всего для поддержки государств, ставших жертвой израильского нападения. Королевство Саудовская Аравия, Государство Кувейт и Королевство Ливия обязались вносить ежегодные суммы в фонд ликвидации последствий израильской агрессии: Саудовская Аравия - 50 млн. фунтов, Кувейт - 55 млн. фунтов, Ливия - 30 млн. фунтов. Реше-

ния Хартумского совещания часто использовались пропагандой Израиля как свидетельство «агрессивности» и «неуступчивости» арабских стран в вопросе о мирном урегулировании ближневосточного конфликта. Необходимо добавить, что конференция в Хартуме приняла решение приступить к ликвидации иностранных баз в арабских странах. Это решение также свидетельствовало о глубоком недовольстве и разочаровании, сложившемся у арабских лидеров, откровенно произраильской позицией, занятой западными государствами в войне 1967 г.

Палестинские организации в самой Палестине и за ее пределами, в рассеянии, также заняли предельно жесткую линию. Они скоординировали свои усилия в рамках политики, проводимой Организацией освобождения Палестины. В начале своего существования похожая на управляемую правительством Египта структуру, созданная благодаря поддержке Каира, ООП со временем стала более самостоятельной организацией, отстаивающей собственно палестинские интересы. В 1968 г. в Каире заседал Национальный Совет Палестины — парламент в изгнании — который принял Национальную Хартию Палестины. Хартия объявляла тотальную войну Израилю, вплоть до его ликвидации. Вооруженная борьба, в которой центральное место занимала ООП, стала единственным средством палестинского освободительного движения. Хартия отражала новый этап в палестинском национально-освободительном движении. Этот этап характеризовался, с одной стороны, поражением арабских государств в войне 1967 г., военной победой Израиля и вступлением палестинского населения в период жизни под оккупацией. С другой стороны, победы национальных сил в странах «третьего мира» и возрастающая поддержка Советским Союзом ООП обусловила центральное место военных средств в палестинской политике по решению проблемы Палестины.

Международное сообщество попыталось содействовать урегулированию конфликта. 22 ноября 1967 г., после долгих обсуждений, Совет Безопасности ООН принял резолюцию 242. Принципы, заложенные в текст резолюции, были достаточно универсальными, так что резолюция явилась основой арабо-израильских мирных переговоров в 1970, 1980-е и 1990-е годы. Следует отметить, что крайние, экстремистские силы в арабских и палестинских политических кругах не приняли резолюцию 242.

Резолюция 242 предложила противоборствующим сторонам следующие принципы мирного урегулирования конфликта:

1. Вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных в последнем конфликте.

2. Прекращение всех притязаний или враждебных заявлений и уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в регионе и их права жить в мире, в безопасных и признанных границах, свободном от угрозы или актов применения силы.

3. Гарантированная свобода судоходства в международных водах региона.

4. Достижение справедливого урегулирования проблемы беженцев.

5. Гарантия территориальной неприкосновенности и политической независимости каждого государства в регионе посредством мер, включающих создание демилитаризованных зон.

6. Генеральный Секретарь ООН назначает специального представителя в регион, который прибудет на Ближний Восток для установления и поддержания контактов с государствами — участниками конфликта с целью обеспечить согласие и помочь усилиям по достижению мирного и общепризнанного урегулирования.

Резолюция Совета Безопасности явилась согласованным великими державами вариантом выхода из международного кризиса 1967 г. Она содержала в себе положения, приемлемые для израильской и арабской сторон. Вывод сил Израиля с оккупированных территорий удовлетворял интересы Египта, Сирии, Иордании и, в известной степени, палестинцев. Пункт о «территориальной целостности» и о праве каждого государства региона «жить в мире, в безопасных и признанных границах» более всего отвечал интересам Израиля, поскольку в тот период времени арабские страны отвергали его право на существование. В тех конкретных условиях резолюция имела больше реверансов в пользу еврейского государства. Она нацеливала стороны конфликта на прямые переговоры, которые Тель-Авив вел бы теперь с более выгодных военно-географических и политических позиций. Кроме того, резолюция 242 сводила проблему палестинцев к проблеме беженцев, но не говорила о самоопределении и образовании самостоятельного палестинского государства. Несмотря на это, резолюция оказалась самым удачным планом комплексного урегулирования арабо-израильских отношений. К началу 1990-х годов практически все стороны, так или иначе причастные к конфликту, признали ее высокую политическую и практическую значимость.

Динамика арабо-израильского конфликта после Второй мировой войны и вплоть до начала 1970-х годов свидетельствовала о нарастании серьезных противоречий между ведущими державами планеты и неспособности мирового сообщества обеспечить долгосрочное урегулирование регионального конфликта. Две основные тенденции характеризовали эскалацию конфликта. С одной стороны, это обострение до предела всего комплекса противоречий между арабским миром и Государством Израиль, в котором все более заметную роль играл палестинский компонент. С другой стороны, вмешательство великих держав противостоящих блоков с целью посредничества и умиротворения не только не способствовало разрешению спорных вопросов, но привело к такому крайне опасному и непредсказуемому явлению, как поляризация конфликта. Две противоборствующие стороны ассоциировали себя с советским и капиталистическим блоком. Неурегулированность проблем спора между Израилем и арабскими странами вызвала к жизни такие негативные явления, как гонка вооружений на региональном уровне, международный терроризм, наличие огромной массы палестинских беженцев, заполнившей территории не только арабских, но и европейских государств, и ряд других. Последовавшая в 1970-е годы разрядка международной напряженности лишь на короткое время обеспечила видимость стабильности в отношениях между конфликтующими сторонами, на деле же она начала стагнацию конфликта в опасной стадии.

§ 4. Ближний и Средний Восток в 1970—90-е гг.

Основные черты международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в 1970—1990-е гг. В начале семидесятых годов Великобритания ушла из Персидского залива—британские войска были эвакуированы, Оман (1970), Бахрейн, Катар (1971) получили независимость, а семь княжеств т.н. Договорного Омана объединились в федерацию (1971) — Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ). С эпохой колониализма было покончено.

Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода международные отношения в регионе включали в себя не только (а зачастую и не столько) взаимоотношения стран региона между собой, но и политику великих держав (СССР и США), других внерегиональных стран, прежде всего, западных, которую они проводили на Ближнем и Среднем Востоке. Более того, по мере усиления взаимозависимости государств, складывания системы общемирового хозяйства и рынка (т.н. «глобализации»), всё чаще регион стал оказываться в центре мировой политики, что в немалой степени связано с ростом зависимости экономики Запада от ближневосточной нефти, особенно после кризиса 1973 г., и обратного влияния на экономику стран региона положения на мировом рынке нефти и общемировых экономических процессов.

Таким образом, при изучении международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ) следует уделить внимание:

- 1) взаимоотношениям стран региона между собой;
- 2) политике внерегиональных сил в регионе, взаимоотношениям стран региона и внерегиональных сил;
- 3) роли и месту региона в мировой экономике, геополитическом раскладе ведущих держав и системе международных отношений в целом.

Следует иметь в виду, что в рассматриваемый период в качестве субъектов (акторов) международных отношений в регионе, помимо государств, активно действовали суб- и надгосударственные структуры: в первом случае это могли быть разного рода общественные организации, террористические группы, этнические и религиозные движения и т.п., а во втором—межгосударственные объединения типа Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации Исламская конференция (ОИК), ОПЕК, Движения неприсоединения, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Причём многие акторы субнационального уровня вполне могли интернационализироваться, примером чему является распространение изначально египетской организации «Братья-мусульмане» в других странах региона, курдское национально-освободительное движение, деятельность Организации освобождения Палестины (ООП) и др.

Из международных организаций в регионе относительно сплочёнными, проводящими согласованную политику были лишь ОПЕК, да, пожалуй, ССАГПЗ. Корпоративная солидарность первого достигалась кровными экономическими интересами членов и наличием общего «врага» в лице импортёров нефти, второй же состоял из близких по духу абсолютных монархических режимов с близкими интересами. ЛАГ и ОИК были аморфными организациями, призванными в основном подчёркивать арабскую (в первом случае) и исламскую (в случае ОИК) идентичность своих членов и способствовать, соответственно, арабской и исламской солидарности. Они не могли прекратить даже конфрон-

тацию между своими членами и в редких случаях относительного единодушия принимали осуждающие резолюции в адрес Израиля (за оккупацию Палестины), Египта (за Кэмп-дэвидский сговор с Израилем) и Советского Союза (за войну в Афганистане).

В основном связи стран региона имели между собой двусторонние и, реже, многосторонние связи, как правило, на неформальной и конъюнктурной основе.

Взаимовлияние внешней и внутренней политики характерно для большинства стран региона, и политической истории отдельных стран региона необходимо уделять должное внимание при исследовании международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Некоторые события внутривосточной жизни отдельных стран, такие, как Исламская революция в Иране в 1979 г., вызвали огромный резонанс в регионе и оказали немалое влияние на международные отношения.

Немаловажным является и цивилизационный фактор. Хотя т.н. «колониальный период» в истории Востока сильно подкорректировал его естественное развитие, хотя современный Восток тесно интегрирован в мировую экономику и систему политических отношений, тем не менее нельзя сбрасывать со счетов культурно-историческое наследие Востока, тот цивилизационный фон, который во многом определяет реалии социально-политической жизни стран БСВ, особенности их экономического развития, и, таким образом, международные отношения в регионе. Здесь наряду с традиционными особенностями восточной политической системы, характерными элементами социальной практики (разного рода патриархально-неформальные отношения), традиционными хозяйственными укладами (такими, как, например, *базар*), особенностями культуры и этнического менталитета, следует отметить особенно заметную роль религии.

Начиная с VII в. н.э. БСВ — традиционный регион «исламского мира», но необходимо иметь в виду, что Ближний Восток (Палестина) — ещё и родина христианства и иудаизма. Последователи последнего составляют большинство населения Израиля, христиане же (в основном восточных церквей) составляют большинство на Кипре и значительное религиозное меньшинство в целом ряде стран БСВ, особенно в Ливане (ок. 50%), Сирии, Иордании, Турции, Египте и др., в Иране сохранились последователи *зороастризма*, отсюда же происходит распространившаяся по всему миру секта «*Вера Баха'и*», среди курдов есть последователи синкретического культа — *езиды*.

В исламе помимо двух крупных течений — *суннизма* и *шиизма* — существует множество толков, учений, сект и направлений (особенно в шиизме), так как в исламе никогда не было церкви как института, и соответственно, единой традиции богословия. Важную роль в религиозной жизни играют течения исламского мистицизма — *суфизма*. В рассматриваемый период особое распространение получил т.н. «политический ислам» («исламизм») — такое название получили в широких кругах, преимущественно на Западе, разного рода социально-политические учения, рассматривающие ислам как часть своей идеологии (или же как собственно идеологию). Говоря о религиозно-политических группах на БСВ, исламских в частности, следует иметь в виду их крайне разнородный характер и форму, и механически объединять их не следует.

Этнонациональная и религиозная пестрота, многообразие социально-экономических укладов, особенности исторического развития, культуры и менталитета определяют своеобразие региона Ближнего и Среднего Востока, сердцевины «исламского мира», наследника древневосточных цивилизаций, и соответствующим образом влияют на международные отношения в регионе.

Как известно, регион БСВ всегда отличался повышенной нестабильностью и конфликтогенностью. Множество межгосударственных, межэтнических конфликтов, а также и конфликтов на религиозной почве было заложено ещё в далёком прошлом. В рассматриваемый период продолжилось распространение на регион глобального противостояния СССР—США (до распада СССР в 1991 г.), так и не найдено было решения палестинского вопроса, более того, регион пережил ещё одну масштабную арабо-израильскую войну (т.н. «*Война Судного дня*», 1973 г.), конфликт распространился на Ливан (1982 г.), в котором вспыхнула также гражданская война. Ряд конфликтов, в том числе продолжающихся на рубеже XXI в., возник или приобрёл остроту именно после 1970 г.: помимо упомянутой ливанской проблемы, это ещё и кипрский конфликт (с 1974 г.), гражданская война в Афганистане (с 1978 г.), ирано-иракская война (1980-1988 гг.), кувейтско-иракский кризис (1990-1991 гг. и по настоящее время), периодически обострялась в 1970—1990-е гг. и курдская проблема, а также ряд других конфликтов разной интенсивности.

Стратегическое значение региона, его геополитическое положение и ресурсы углеводородного сырья отнюдь не способствовали стабильности в регионе, так как приковывали к нему повышенное внимание всего мира, и особенно США, что выражалось, помимо прочего, в стремлении последних закрепить своё военно-политическое присутствие в регионе на протяжении всего рассматриваемого периода.

Глобальное биполярное противостояние в регионе БСВ проявлялось в 1970-1991 гг. в

основном в борьбе за привлечение двумя сверхдержавами стран региона на свою сторону, в тот или иной военно-политический блок или альянс и в борьбе за сохранение их в своей орбите. В идеологическом плане это выражалось в каждом из лагерей либо в ассоциировании тех или иных стран с т.н. «свободным миром» (союзники США), или же в их позиционировании как «вставших на путь строительства социализма», «стран народной демократии» или «прогрессивных антиимпериалистических государств» (союзники СССР), соответственно. С точки зрения отношения к противоположному лагерю в качестве идеологических императивов провозглашались антикоммунизм и антиимпериализм.

Весьма характерным явлением была слабость в регионе позиций Движения неприсоединения, хотя некоторые страны являлись его членами. Вплоть до Исламской революции в Иране в 1979 г., провозгласившей лозунг «Ни Запад, ни Восток, а Ислам», и тем самым — один из вариантов «исламской альтернативы» двум лагерям «холодной войны», а затем и американской версии т.н. «нового мирового порядка», было достаточно легко идентифицировать в биполярной плоскости ту или иную страну. К числу союзников США, т.н. «стран свободного мира», относились Турция, Иран (до 1979 г.), Пакистан, Саудовская Аравия и все другие арабские монархии, Египет (после смерти *Г. А. Насера*, с начала 70-х гг.), Израиль; просоветскую позицию занимали Сирия, Ирак, Южный Йемен (НДРЙ), Афганистан (с 1978 г.), Ливия, Алжир. Остальные страны считались «неприсоединившимися».

В плане военно-политического блокостроительства преуспели США, втянувшие ещё в 1952 г. в НАТО Турцию и её же, Иран и Пакистан в СЕНТО¹, причем, последняя активностью не отличалась и распалась после Исламской революции в 1979 г. Советский Союз ограничивался двусторонними договорами типа договоров о дружбе и сотрудничестве с Ираком (1972) и Сирией (1980). Большое значение имели неформальные отношения великих держав-патронов и их региональных клиентов, наиболее наглядно проявившиеся в тесных американо-израильских отношениях.

Впрочем, во внешней политике стран региона их принадлежность к тому или иному из идеологических блоков далеко не всегда определяла их поведение в конкретных ситуациях. Государства и политические режимы могли в одних случаях вести политику, отвечающую интересам другого идеологического блока, нежели того, к которому якобы принадлежали. Объясняется это тем, что государства региона, постепенно укрепляя свою независимость, стремились проводить внешнюю политику,

¹ В блок входили также Великобритания, США — в качестве наблюдателя, до 1959 г. также Ирак (до этого времени СЕНТО была известна как *Багдадский пакт*). ориентированную на национальные интересы, великие державы-патроны соответствующих блоков вынуждены были с этим считаться. С другой стороны, правящие режимы многих государств, основанные на вековых восточных традициях, меньше всего в своей повседневной практике руководствовались какими-либо идеологическими императивами, даже теми, какие они якобы принимали, исходя из своей ориентации на СССР или США, проводя политику, основанную на соображениях конъюнктурной выгоды, зачастую ведя откровенный торг с сверхдержавами.

В этой связи крайне показателен пример Египта: режим *Анвара Садата* (1970-1981) прошёл путь эволюции от откровенно просоветского до откровенно проамериканского. Тому есть и другие примеры: Саудовская Аравия и ряд других арабских монархий, несмотря на свою прозападную ориентацию, приняли активное участие в нефтяном эмбарго против западных союзников Израиля в 1973—1974 гг. и «революции цен», вызвавших энергетический кризис; «стратегический союзник» Вашингтона иранский шах *Мохаммед Реза Пехлеви* с целью сбалансировать американское влияние неоднократно делал дружественные жесты в адрес СССР; Ирак в сентябре 1980 г. начал войну с Ираном, даже не пытаясь консультироваться со своим союзником СССР.

В политике СССР и США в регионе был и откровенно военный компонент. Соединённые Штаты на протяжении всего рассматриваемого периода содержали значительные контингенты своих ВМС в Восточном Средиземноморье и Персидском заливе, не стеснясь использовать их как элемент давления в своей ближневосточной политике. По соглашениям с Турцией, заключённым ещё в 1959 г., США содержали на её территории военные базы, в т.ч. крупную базу ВВС Инджирлик близ Аданы. Крупные военные контингенты США были размещены в Саудовской Аравии, Кувейте и др. во время войны в Персидском заливе 1991 г. («Буря в пустыне») и продолжают там дислоцироваться. Сохранила своё военное присутствие и Великобритания (на Кипре). Войска США и ряда стран НАТО приняли участие в событиях в Ливане в 1982 г., в бомбардировках Ливии (1986), в войне с Ираком (1991). Военная операция США и т.н. «многонациональных сил» против Ирака во время кувейтского кризиса 1990—1991 гг. занимает особое место. Выделяется и сама по себе военная акция США — впервые так массово и масштабно были

применены возможности высокотехнологичных видов вооружений (современная авиация, ракетная техника и др.). Сам же кувейтский кризис—первый показательный пример «глобализации» региональных конфликтов в новых условиях 1990-х гг. и реализации американских концепций «нового мирового порядка».

Если бы не ввод советских войск в Афганистан и их участие в войне в этой стране в 1979—1989 гг., то советское военное присутствие было бы несоизмеримо меньшим по сравнению с американским. Афганская война стала самой крупной операцией советских войск со времён Второй мировой войны.

Широко распространённой с обеих сторон была практика направления «советников» в страны-клиенты и активное военно-техническое сотрудничество с ними.

Из стран региона военной активностью за пределами своих границ отличались: Израиль (арабо-израильский конфликт, интервенция в Ливан), Турция (Кипр, северный Ирак — операции против курдов), Сирия (оккупация Ливана), Иран (при шахе — интервенция в Оман, при исламском режиме — в Ливан). Самыми масштабными региональными конфликтами стали непрекращающийся арабо-израильский, кровопролитный ирано-иракский и разрушительно-техногенный иракско-кувейтский кризис.

В области экономики регион БСВ также стал ареной соперничества, но уже не между СССР и США, а ставшей уже традиционной конкуренции ведущих центров мировой экономики — США, Европы и Японии. Важным событием в мировой и региональной экономике стала т.н. «революция цен» на нефть и перераспределение мирового рынка нефти, ставшие результатом борьбы нефтедобывающих стран региона с международными монополиями. Благодаря доходам от нефти БСВ стал одним из мировых финансово-экономических центров. ОПЕК, в которой ведущую роль играли нефтедобывающие государства бассейна Персидского залива и Северной Африки, стала контролировать мировой рынок нефти.

Участие СССР в экономической конкуренции в силу слабости советской экономики и её нерыночного характера было заметно меньшим, тем не менее Советский Союз развивал успешное экономическое, особенно военно-техническое сотрудничество со своими сателлитами в регионе, оказывал им экономическую помощь, получал подряды на строительство крупных промышленных объектов, в т.ч. Исфаханского металлургического комбината в Иране—крупнейшего в регионе.

Российская Федерация, особенно со второй половины 1990-х гг.¹, предпринимает активные попытки восстановить и укрепить свои позиции в регионе, особое внимание уделяя именно экономической стороне сотрудничества со странами региона. Россия, в частности, проводит политику ослабления международных санкций, наложенных на иракский режим в 1990 г. России в принципе удалось сохранить на достаточно высоком уровне отношения с бывшими «клиентами» и союзниками СССР, в частности с Сирией, а также удалось достичь существенного прогресса в отношениях с Ираном, но в то же время Россия развивает связи и со странами некогда противоположного лагеря, в т.ч. и с Израилем.

Экономическая и финансовая помощь активно использовалась и как инструмент политики США в регионе. Крупнейшими реципиентами американской помощи стали Израиль и Египет. Получая огромные доходы от нефти, нефтедобывающие страны, особенно Кувейт и Саудовская Аравия, также стали оказывать помощь беднейшим странам региона — как компенсация роста цен на нефть, в знак арабской (исламской) солидарности и в политических целях. Реципиентами помощи по линии межарабской солидарности стали нефтеимпортирующие арабские страны и «прифронтовые» государства (Иордания, Ливан, ЙАР, НДРЙ, Сомали, Марокко и т.п., а также палестинцы), а во время ирано-иракской войны — Ирак.

Распад СССР в 1991 г. и прекращение повсеместного соперничества сверхдержав поставили вопрос о месте БСВ в новой системе глобальных координат, и более того, вопрос о характере самой этой системы, т.н. «нового мирового порядка», какой она будет—многополярной или однополярной?

Энергетический кризис 1973 г. Нефтяной бум на Ближнем и Среднем Востоке и его последствия. В течение XX в. нефть прочно заняла ведущее место в энергобалансе всего мира, особенно индустриальных стран Запада, вытеснив уголь и другое сырьё. Помимо этого, нефть является сырьём для химической и нефтехимической промышленности, а продукты её переработки—топливом для различных видов транспорта. После Второй мировой войны развитые страны стали в основном потреблять нефть, импортируемую из развивающихся стран, а именно стран Ближнего и Среднего Востока, а также Мексики, Индонезии, Нигерии, Венесуэлы и др.

Импортная нефть стоила дешево как в силу естественных причин (низкие издержки эксплуатации месторождений, особенно на месторождениях Саудовской Аравии — близкое залегание нефтеносных пластов), так и в результате ценовой политики, проводимой т.н. *Международным нефтяным картелем* (МНК) — объединением семи круп-

нейших американских и англо-голландских корпораций, называемых также «*Семь сестёр*». Корпорации картеля имели монополию на мировом рынке нефти, т.к. контролировали путём концессионных и т.п. соглашений добычу нефти в развивающихся странах (а также в США и др.), её переработку и

После прихода на должность министра иностранных дел Е. М. Примакова, востоковеда и сторонника концепции «многополярного мира»

развивающихся странах (а также в США и др.), её переработку и распределение нефти и нефтепродуктов. Имея основную прибыль от торговли и переработки нефти, корпорации картеля были не заинтересованы в повышении собственно нефтяной ренты — той составляющей её цены, которая шла на концессионные, налоговые и иные платежи нефтедобывающим странам. Более того, картелю были выгодны до поры до времени низкие цены на нефть как орудие борьбы с конкурентами (угольными компаниями, нефтяными компаниями, не входившими в картель) и как инструмент для продвижения нефти и нефтепродуктов как сырья для различных отраслей промышленности.

Естественно, что развивающиеся страны — экспортёры нефти были недовольны такой ситуацией и стремились взять рынок нефти под свой контроль и изменить ценовые пропорции. Но долгое время им это сделать не удавалось — сказывались и общая политико-экономическая зависимость развивающихся стран от стран Запада, и отсутствие национальных кадров, как технических, так и экономических. Сильным было и сопротивление Запада и корпораций МНК таким попыткам. Так, Иран, где промыслы *Англо-иранской нефтяной компании* (British Petroleum) были национализированы еще в 1951 г., так и не получил возможность самостоятельно распоряжаться своими энергоресурсами на мировом рынке.

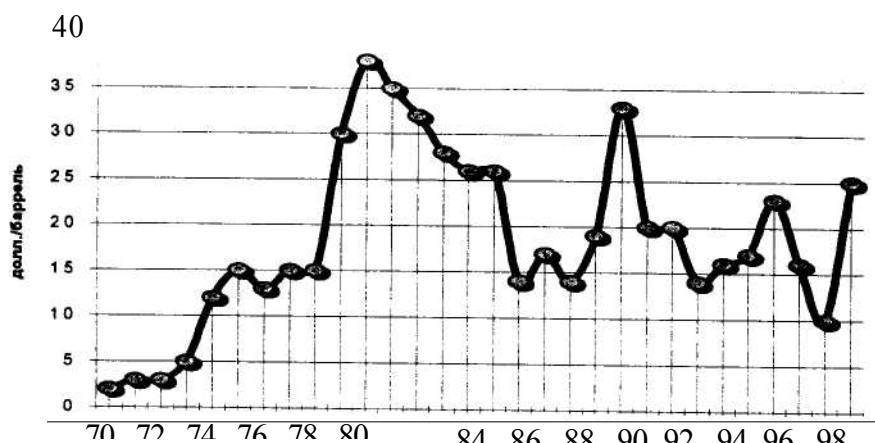
Тем не менее страны-нефтеэкспортёры повели борьбу за свои права против МНК. Для этого была создана в 1960 г. Организация стран — экспортёров нефти (*ОПЕК*)¹. В настоящее время основу ОПЕК составляют страны БСВ и Северной Африки—Саудовская Аравия, Кувейт, Иран, Ирак, Катар, ОАЭ, Алжир, Ливия, помимо них в организацию входят Венесуэла, Индонезия, Нигерия и др. (всего 13 стран). Основными целями и направлениями деятельности организации стали: увеличение доли нефтедобывающих государств в прибылях от нефтедобычи, повышение цен на нефть и национализация нефтяных концесий, а позднее и регулирование мирового рынка энергоресурсов.

На протяжении 60-х гг. ОПЕК консолидировалась как организация и накопила определённый опыт в борьбе с монополиями. Создание национальных нефтяных компаний, подготовка технических специалистов и управленческих кадров и кооперация усилий с т.н. «независимыми нефтяными компаниями» Запада (не входящими в картель) подготавливали почву для трансформации системы мировой торговли нефтью. К 1973 г. совместными усилиями стран ОПЕК прежняя система мировой торговли нефтью была разрушена.

Занимавшие последовательно антиимпериалистическую позицию режимы Алжира, Ливии и Ирака повели наиболее радикальную борьбу с монополиями и национализировали в 1970—1973 гг. собственность концессионных компаний, повысили налоги на иностранные компании, работающие в нефтяном секторе и «справочные цены» на нефть. Их примеру в той или иной форме последовали другие государства ОПЕК, к 80-м гг. нефтедобыча оказалась во всех странах под контролем государства и национальных нефтяных компаний. В этот же период (1970—1973) на конференциях ОПЕК были подняты «справочные цены» на нефть с 1,8 до 3,63 долл. за баррель.

В 1973 г. к указанным выше тенденциям добавились рост потребления нефти в связи с экономическим оживлением на Западе и в Японии, сокращение добычи в ряде стран ОПЕК и, наконец, нефтяное эмбарго арабских стран, объединённых в Организацию арабских стран — экспортёров нефти (*ОАПЕК*)¹ против США, Нидерландов и других западных стран в связи с арабо-израильской войной (октябрьская война 1973 г. между Египтом, Сирией и Израилем). Был закрыт Суэцкий канал, что затрудняло снабжение Европы нефтью БСВ. В декабре конференция ОПЕК в одностороннем порядке повысила цены на нефть до 12 долл. за баррель.

Произошла «революция цен» на мировом рынке нефти. Сам рынок перешёл под контроль нефтедобывающих и нефтеэкспортирующих государств, рынок нефти стал рынком продавцов, а не рынком покупателей. ОПЕК, контролирующая порядка 45—70 % добычи и 70-90 % экспорта нефти на мировом рынке, стала монополистом, диктующим цены.

Энергетический кризис, выразившийся в резком повышении цен и дефиците топлива, больно ударил по экономике Европы, Японии, в меньшей степени США, а также по развивающимся странам, импортирующим нефть. В резком росте цен на внутреннем рынке стран — импортёров нефти свою роль сыграла и политика корпораций МНК, сознательно повышавших цены с целью компенсировать убытки от национализации; сокращавших добычу в США; спекулировавших нефтью на внутреннем рынке стран-импортёров; провоцировавших панику путём публикаций о «нефтяном голоде».

Помимо стран ОПЕК и других традиционно экспортирующих нефть государств, от кризиса выиграл и СССР, ставший в 1970-е гг. одним из ведущих поставщиков нефти на мировой рынок.

После относительной стабилизации 1974—1978 гг. мир пережил очередной виток энергетического кризиса и роста цен на нефть в 1979—1981 гг., связанный с Исламской революцией в Иране и началом ирано-иракской войны. В этот период цены достигли максимальной планки, 38 долл. за баррель. С 1982 г. начинается период тенденции к снижению мировых цен на нефть, с повышательными колебаниями 1990 г. (иракско-кувейтский кризис) и конца 90-х гг. (снижение добычи после азиатского финансового кризиса 1998 г.). Тем не менее даже с учетом инфляции мировые цены

От английского названия *Organisation of Petrol-Exporting Countries* — ОПЕКС. Штаб-квартира организации — в Вене. Руководящий орган — Конференция министров, собирается не реже 1 раза в год.

Помимо арабских стран — членов ОПЕК в неё входили: Оман, Бахрейн, Тунис, Сирия и на нефть существенно выше, чем до 1973 г., и цена эта определяется производителями, т.е. нефтедобывающими странами.

Для БСВ главным следствием мирового энергетического кризиса стал массовый приток нефтедолларов в регион. На протяжении 1973-1982 гг. поток финансовых средств из стран Запада в регион существенно превышал обратный поток, была перераспределена часть прибавочной стоимости, создаваемой в развитых странах за счёт монопольно высоких цен. Условно говоря, можно сказать, что страны ОПЕК эксплуатировали экономики стран — импортёров нефти.

Нефтедобывающие государства получили в свои руки огромные финансовые ресурсы. Начался нефтяной бум. Нефть и нефтедоллары стали инструментом не только экономического развития стран региона, но и их внешней политики. Часть нефтедолларов ушла на создание национальной промышленности, в т.ч. машиностроения и т.п. Особенно на этом пути продвинулись страны уже, имевшие определённую промышленную базу: Алжир, Египет, Ирак, Иран, Сирия, в меньшей степени — Саудовская Аравия и страны Залива. Кувейт и Бахрейн стали крупными финансовыми центрами. Часть средств, которая не была «переварена» национальными экономиками, была направлена на мировые финансовые рынки. Нефтеэкспортёры стали крупнейшими инвесторами, в т.ч. и в экономику стран Запада. Значительная часть средств пошла на закупки современных вооружений, нефтедобывающие страны продолжают оставаться одними из основных заказчиков на мировом рынке оружия и боеприпасов. Огромные средства, особенно в арабских монархиях, были потрачены на амбициозные проекты, предметы роскоши для правящих семей и аристократии. Роскошь «нефтяных шейхов» стала притчей во языцех. Благодаря огромным доходам от нефти в малонаселённых арабских монархиях удалось добиться небывалого даже по меркам развитых стран уровня жизни и основной массы коренного населения. После начала нефтяного бума в страны Персидского залива началась массовая миграция

из других арабских стран, Пакистана, Африки и т.п. Иммигранты составили основную часть рабочей силы в экономиках стран Залива, в т.ч. и на нефтепромыслах. Коренное же население работало в сфере управления и администрации («белые воротнички»), либо вело традиционный образ жизни (кочевое скотоводство), получая только за сам факт гражданства (подданства) монархии огромные деньги.

Негативным следствием нефтяного бума для стран региона явился рост зависимости экономик региона от мировых цен на нефть. Бюджеты нефтеэкспортирующих стран формировались преимущественно за счёт доходов от экспорта нефти, в ущерб поступлениям от налогов и т.п., что порождало перекосы в бюджетно-финансовой системе стран региона. Нефтяной сектор экономики (национальные нефтяные компании и обслуживающая их инфраструктура) развивался, как правило, независимо от других секторов экономики, что также создавало системный перекося в экономиках стран региона. В последнее время страны региона стремятся ослабить свою зависимость от нефтедолларов и колебаний цен на нефть, стремятся развивать ненефтяные сектора экономики, пытаются укрепить финансовую дисциплину и повысить собираемость налогов в ненефтяном секторе.

С другой стороны, энергетический кризис показал зависимость экономики Запада от ближневосточной нефти. Регион БСВ благодаря нефтяному фактору стал одним из самых значимых регионов мира. Нефтяной фактор стал важнейшим компонентом в международных отношениях в регионе. Практически все значимые события имеют свою «нефтяную составляющую». Это касается и региональных конфликтов, многие из которых были вызваны или связаны с борьбой за нефтеносные территории (ирано-иракская война, кувейтско-иракский кризис, пограничные споры о шельфе Персидского залива и др.), с вопросами транспортировки нефти (проблемы свободы судоходства по Суэцкому каналу, Ормузскому проливу, Персидскому заливу и Красному морю, проблеме безопасности и направления сухопутных трубопроводов), с попытками повлиять на колебания цен на мировом рынке энергоресурсов.

Именно нефтяной фактор приковывает к БСВ повышенное внимание США, Европы и Японии. Причём здесь между якобы союзниками по «сообществу постиндустриальных демократий» имеются существенные разногласия. США, имеющие достаточные собственные запасы (они в принципе могут не импортировать нефть) и контролирующие месторождения Канады и, в меньшей степени, Мексики, зависят от ближневосточных энергоресурсов лишь в определённой мере и используют ближневосточную нефть как инструмент политики, в т.ч. давления на своих союзников по НАТО. Европейские страны и Япония жизненно заинтересованы в нефти БСВ. Отсюда их более взвешенная политика в регионе. Европейцы и японцы в большей степени заинтересованы в региональной стабильности, они занимают более близкую к арабской позицию в арабо-израильском конфликте, не поддерживали американские санкции против Ирана и Ливии и выступают за отмену международных санкций против Ирака.

Помимо прочего, энергетический кризис способствовал поиску Западом других источников нефти, нежели ресурсы стран ОПЕК и Ближнего Востока—собственные месторождения (началась добыча нефти в труднодоступных районах Аляски и Канады, на шельфе Северного моря), советская (российская), а в последнее время и каспийская нефть (из бывших советских республик Закавказья и Средней Азии). Кризис актуализировал поиск *альтернативных источников энергии*, развитие атомной энергетики. Но так как в обозримой перспективе за нефтью и газом (которым также богат регион БСВ) сохранится ведущее место в мировом энергобалансе, а бассейн Персидского залива будет продолжать оставаться одним из главных их источников, значение БСВ в мировом масштабе сохранится.

Индо-пакистанская война 1971 г. Отделение Бангладеш от Пакистана. На первых всеобщих выборах, проведённых в обеих частях Пакистана, западной и восточной (*Восточная Бенгалия*) победили, соответственно Пакистанская народная партия и Народная лига (*Авами Лиг*), выступавшая за отделение Восточной Бенгалии от Пакистана.

Отказ военных властей Пакистана¹ выполнить требования последней по предоставлению широкой региональной автономии привёл к разворачиванию национально-освободительной борьбы в Восточном Пакистане. 26 марта 1971 г. была провозглашена независимая республика Бангладеш, началась вооружённая борьба за независимость. На стороне национально-освободительного движения выступила Индия, вступившая в очередной конфликт с Пакистаном в декабре 1971 г. Под ударами индийских войск пакистанские войска в Восточной Бенгалии капитулировали 16 декабря 1971 г.

В июле 1972 г. в г. Симла (Индия) состоялись переговоры между Индией и Пакистаном и было подписано соглашение об обмене военнопленными, восстановлении торговых связей и транспортного сообщения. Также были обсуждены вопросы урегулирования спора двух стран о *Кашире*. В 1974г. Пакистан признал независимость Бангладеш, а в 1976 г. были восстановлены дипломатические отношения с Индией.

Данные события имели немаловажное значение для региона БСВ: Пакистан постепенно всё более в своей внешней политике переходил от проблем Южной Азии и Индийского субконтинента к активному участию в международных отношениях на БСВ, в частности в бассейне Аравийского моря и Персидского залива. Отсюда же проистекает, помимо прочего, активное участие Пакистана во всех событиях, связан-

¹ В правящих кругах Пакистана большинство составляли представители Западного Пакистана (90%), хотя население Восточной Бенгалии значительно больше.

ных с гражданской войной в Афганистане (конец 70-х—90-е гг.), отсюда и региональные связи Пакистана—преимущественно со странами Персидского залива и Саудовской Аравией, а также Ираном и Турцией. В последнее время Пакистан всё чаще рассматривается как субъект именно международных отношений в регионе БСВ, нежели Южной Азии.

Кипрский конфликт. На расположенном в восточном Средиземноморье о. Кипр, принадлежавшем в 1878-1960 гг. Великобритании, сложились две основные этнические общины: греческая (78%) и турецкая (18%). Лондонско-цюрихские соглашения 1959 г. о предоставлении независимости Кипру закрепили ограниченный суверенитет острова: Великобритания, Греция и Турция стали «гарантами независимости, территориальной целостности и безопасности» Кипра. Греция и Турция получали право содержать на острове свои военные контингенты, Великобритания сохранила под своим контролем часть территории Кипра, где были размещены крупные военные базы (Акротири и Декелия).

По этим же соглашениям Кипр провозглашался государством двух общин (греческой и турецкой), причём за турками, составляющими меньшинство, резервировались пост вице-президента и 24 (из 80) мест в парламенте. Однако эти соглашения не смогли предотвратить межэтнической розни, переросшей в 1963 г. в открытые столкновения. Турецкая община отказалась от участия в парламенте, общины обособились. В 1964 г. на остров были введены миротворческие войска ООН.

15 июля 1974 г. враждебные первому президенту Кипра архиепископу *Макарио-су* силы при поддержке афинского режима «чёрных полковников» и греческого контингента совершили военный переворот и провозгласили курс на «энозис» (присоединение Кипра к Греции). Турция в июле-августе под предлогом защиты конституционного порядка высадila войска на острове и оккупировала северную часть острова (36,4%).

После провала военной авантюры на Кипре хунта «чёрных полковников» в Греции пала (23 июля 1974), в декабре Макариос вернулся на остров. Но Северный Кипр продолжал оставаться под турецкой оккупацией, греческое население (ок. 200 тыс.) покинуло эту территорию, равно как и турки-киприоты оставили территории, неподконтрольные турецкой армии. В буферной зоне между двумя частями Кипра разместились войска ООН. В 1975 г. на севере острова была провозглашено «Турецкое федеративное государство Кипра», а в 1983 г. — независимая «Турецкая республика Северного Кипра», которая фактически тесно интегрирована с Турцией (турецкая лира в качестве валюты, таможенный союз и т.п.).

Республика Кипр, в свою очередь, фактически проводит политику сближения с Грецией, в т.ч. и в вопросах обороны. Кипрский вопрос серьёзно осложняет отношения между Грецией и Турцией, которые обе являются членами НАТО. Помимо Кипра, между двумя странами существуют также противоречия в Эгейском море, а также по ряду других вопросов. Греция оказывала негласную помощь представителям курдских движений, выступающих за независимость Турецкого Курдистана.

Ни ООН, ни другие государства (кроме Турции и с 1993 г. Азербайджана) не признают на Кипре никаких государств и режимов, кроме Республики Кипр. В принятых резолюциях ООН рекомендовалось вывести с острова все иностранные войска, прекратить иностранное вмешательство и решать спорные вопросы путём переговоров между общинами. Периодически возобновляющиеся такие переговоры действенных результатов не имели.

Для БСВ кипрский конфликт имеет немаловажное значение. Помимо влияния на военно-политическую обстановку в Восточном Средиземноморье, он серьёзное влияние оказывает на всю внешнюю политику Турции, одного из основных участников международной жизни региона. Турция ещё в 1987 г. подала заявку на членство в ЕС, то же в 1990 г. сделал Кипр. Однако, во многом также и потому, что турецкая позиция по Кипру не находит понимания в Европе, вопрос о членстве Турции в ЕС откладывается на неопределённое время. Между тем, Республика Кипр рассматривается странами ЕС как один из приоритетных кандидатов при расширении Евросоюза.

Поэтому Турция стремится найти поддержку у своих соседей по региону, считывая на исламскую солидарность. Во многом этим объясняются попытки Турции проводить более сбалансированную политику в отношениях с Европой, с одной стороны и мусульманским миром—с другой.

Арабо-израильский конфликт в 1970-1990-х гг. Кэмп-дэвидский процесс и поиски мирного решения палестинской проблемы. После прекращения огня в «шестидневной» войне 1967 г. напряжённость в ближневосточном конфликте не спадала и постоянно грозила вылиться в новую масштабную войну, и в конечном итоге и привела к таковой в 1973 г. и ко множеству более мелких локальных вооружённых столкновений между Израилем и арабскими странами, а также палестинцами.

Арабские страны, особенно Египет и Сирия, не прекращали вынашивать реваншистские замыслы по силовому освобождению оккупированных территорий, но их откровенная военная слабость по сравнению с израильской армией останавливала их правящие круги от ввязывания в авантюры, слишком тяжелы были уроки поражения в Шестидневной войне. Решить проблемы военно-технического и профессионального отставания своих армий Египет Насера и Сирия Асада пытались с помощью СССР. В эти две страны массовым потоком шло советское оружие и техника, советские специалисты учили арабских солдат и офицеров обращению с ними, равно как и общевойсковым дисциплинам. Особенно много сделали советские специалисты для ПВО и ВВС Египта, а во время т.н. «войны на истощение» на Суэцком канале¹ часто сами принимали участие в боях с авиацией Израиля вместо своих арабских курсантов. В 1972 г. президент Египта А. Садат отказался от дальнейших услуг советских военных.

В принципе сторонами не исключалось и мирное решение конфликта на основе соответствующей резолюции ООН № 242 об освобождении оккупированных территорий и возвращении к линиям, существовавшим на 4 июня 1967 г. Собственно, после 1967 г. сущность ближневосточного конфликта стала сводиться к трём пунктам:

1. Вопрос об освобождении оккупированных Израилем в 1967 г. территорий (Западный берег р. Иордан (*Иудея и Самария*), сектор Газа, Восточный Иерусалим, Голанские высоты и Синайский полуостров).

2. Вопрос об окончательном установлении границ между Израилем и арабскими государствами.

3. Проблема палестинских беженцев.

Существует ещё ряд аспектов арабо-израильского противостояния (вопрос о доступе к водным ресурсам и др.), но они являются вторичными по отношению к вышеперечисленным.

Израиль в принципе соглашался возвратить оккупированные территории, то есть признавал в целом резолюции Совета Безопасности ООН № 242 (1967 г.) и № 338 (1973 г.), но отвергал возвращение к линиям на 4 июня 1967 г., то есть требовал изменения границ и выдвигал ещё ряд оговорок.

Если по поводу освобождения оккупированных территорий существует относительное единство как среди участников конфликта, так и других заинтересованных стран и мирового сообщества в целом, то вторые два пункта вызывают острые про-

¹ «Война на истощение» — так назывались боевые действия между Египтом и Израилем в 1969-1970 гг. (взаимные авиаудары и артобстрелы). Прекращение огня достигнуто в августе 1970 г.

тиворечия среди участников конфликта. Эти проблемы были весьма остры и до 1967 г., собственно, они и привели к «шестидневной» войне. И Израиль и его противники порой склонны здесь к бескомпромиссной трактовке своих позиций, а мировое сообщество, будь то ООН или уже в 1990-е гг. участники мирного процесса в лице «коспонсоров» (США и Россия) и прочих заинтересованных сторон, пока не может предложить сторонам приемлемых компромиссных вариантов. Со стороны арабских стран и Организации освобождения Палестины (ООП) ещё долго выражалась неготовность признать вообще право Израиля на существование в любых границах. Существовали разногласия и по поводу формы мирных переговоров: арабы больше склонялись ко «всеобъемлющим» переговорам всех участников конфликта по всему комплексу проблем с участием третьих сторон (т.е. по сути к международной конференции), Израиль же выступал за прямые двусторонние переговоры с каждой из сторон, кроме палестинцев, по ограниченному кругу вопросов, в основном сводившихся к тезису «мир в обмен на территории» (оккупированные в 1967 г.).

Посреднические миссии ООН (спецпредставителя генсека шведа Г. Ярринга) закончились полным провалом, стороны так и не предприняли действенных шагов на встречу друг другу. Израиль продолжал удерживать все захваченные территории. Периодические вооружённые стычки, следовавшие за «шестидневной» войной, сменились новым обострением конфликта. Египет и Сирия в конце концов к октябрю 1973 г. почувствовали себя достаточно сильными для попытки вернуть утраченные территории силой, либо, в худшем случае, создать себе более приемлемые позиции на переговорах, нежели те, что они имели после сокрушительного поражения в июне 1967 г.

6 октября 1973 г. израильские армейские части подверглись нападению со стороны Египта в районе Суэцкого канала и Сирии на Голанах. Четвёртая арабо-израильская война получила название *Война Судного дня*¹. В отличие от трех первых войн, в этой боевой дух арабов был более высоким. Сирийско-египетский удар был неожиданным для израильтян. На первом этапе арабы добились значительных успехов: был форсирован Суэцкий канал, прорвана израильская оборона на его восточном берегу, сирийцы продвинулись вглубь Голан. Израиль понёс существенные потери в живой силе и технике. Несмотря на это, израильтянам удалось восстановить положение и перейти к наступательным действиям. 15 октября израильтянам удалось прорваться на западный берег Суэцкого канала в районе Большого Горького озера и окружить высадившуюся на восточный берег египетскую третью армию. Израилю удалось также отбросить сирийские войска на Голанских высотах и продвинуться в направлении Дамаска. В события были вовлечены СССР и США, организовавшие «воздушные мосты» для переброски вооружений, соответственно, арабским странам и Израилю.

17 октября министры стран ОПЕК пришли к соглашению о применении «нефтяного оружия» против Израиля и его союзников, утвердив сокращение экспорта и рекомендовав эмбарго против враждебных стран. Этим рекомендациям сразу же последовали Саудовская Аравия, Ливия и другие нефтеэкспортирующие страны. Под действие эмбарго попали США, Нидерланды и ряд других стран.

Великие державы вступили друг с другом в прямые консультации по поводу урегулирования кризиса, для чего 20-21 октября в Москве с визитом находился Госсекретарь США Г. Киссинджер. После этих консультаций ООН приняла 22 октября резолюцию № 338 о прекращении военных действий, но на египетском участке фронта они продолжались.

¹ 6 сентября 1976 г. в Израиле отмечался значимый иудейский религиозный праздник *Иом-кипур* (Судный день, или День всепрощения)

В конце концов, Израиль и Египет подписали в ноябре соглашение о прекращении огня. 21 декабря открылась созванная по инициативе СССР мирная конференция по Ближнему Востоку в Женеве под эгидой ООН и под председательством СССР и США. Сирия, требовавшая до начала переговоров эвакуации израильских войск, от участия в конференции отказалась. Участвовали Египет, Иордания, Израиль, СССР и США, вопрос об участии палестинцев должен был решиться в ходе конференции. Однако работа международного форума была непродолжительной и, по сути, безрезультатной.

18 января 1974 г. было достигнуто, но вне рамок конференции, на 101 км дороги Каир-Суэц, египетско-израильское соглашение о разъединении войск на Синае. Эти документы предусматривали вывод израильских сил с территории Синая к западу от перевалов Митла и Гиди в обмен на сокращение военного присутствия Египта в зоне Суэцкого канала. Между двумя противоборствующими армиями были развернуты силы ООН по поддержанию мира. 31 мая 1974 г. Израиль достиг также соглашения о разъединении войск с Сирией, в котором также оговаривалось участие войск ООН.

Созыв Женевской конференции был большим успехом советской дипломатии, но США и Израиль, имевшие свою концепцию урегулирования конфликта, отвергавшую советский принцип комплексного решения ближневосточного конфликта, сознательно пошли на фактический срыв её. Между тем Соединенные Штаты в лице Госсекретаря Г. Киссинджера развернули после войны 1973 г. активную дипломатическую деятельность, направленную на достижение частичных соглашений между Израилем и арабами. Серия поездок Киссинджера между Каиром, Тель-Авивом, Амманом, Дамаском, Вашингтоном и др. столицами в 1973—1975 гг. и переговоры в них получили название «челночная дипломатия» (*shuttle diplomacy*). Соглашения о разъединении войск были в значительной степени её плодами. Но ещё более значимым плодом усилий Киссинджера стал поворот Египта к достижению сепаратного соглашения с Израилем.

Вставший на путь сближения с США и отхода от сотрудничества с СССР и общеарабской позицией, режим А. Садата вполне логично пришел к принятию американско-израильской позиции по урегулированию конфликта. После соглашения о разъединении войск последовали новые сепаратные переговоры и соглашения. Чему активно содействовали США. Временное возвращение США после избрания Дж. Картера в 1977 г. к идее всеобъемлющего соглашения уже не нашло понимания не Израиля, ни Египта. В ноябре 1977 г. произошло беспрецедентное событие — визит А. Садата в Иерусалим. Премьер-министр Израиля *Менахем Бегин* нанёс ответный визит в египетский город Исмаилию.

В сентябре 1978 г. усилиями американской дипломатии состоялась тройственная встреча А. Садата, Дж. Картера и М. Бегина в *Кэмп-Дэвиде* (США), где были подписаны два документа: «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и

«Рамки мира на Ближнем Востоке». 26 марта 1979 г. Израиль и Египет подписали в Кэмп-Дэвиде мирный договор, который завершил состояние войны, существовавшей между двумя странами в течение 30 лет. В соответствии с кэмп-дэвидскими соглашениями Израиль целиком возвратил Египту Синайский полуостров, а Египет признал право Израиля на существование, права Египта на содержание войск на Синае существенно урезались. Два государства установили дипломатические отношения друг с другом. Соглашения в Кэмп-Дэвиде стоили Египту исключения из Организации Исламская конференция и из Лиги арабских государств (членство было восстановлено соответственно в 1984 г. и 1989 г.), а его президенту Анвару Садату — жизни (убит во время военного парада 6 октября 1981 г.).

Участниками кэмп-дэвидского процесса предполагалось, что «Рамки мира» являются универсальной формой для урегулирования арабо-израильского конфликта. В них содержались ссылки на резолюции СБ ООН №242 и 338 и прописывался механизм решения палестинской проблемы: предполагалась серия подготовительных мероприятий, затем организация «автономного управления» на палестинских территориях — переходный период сроком на 5 лет, в течение которого путем переговоров между Израилем, Египтом, Иорданией и представителями палестинцев, избранными населением Западного берега и сектора Газа должен быть определён окончательный статус территорий. Но этот процесс развития не получил: Иордания отказалась в нём участвовать, палестинское представительство так и не было создано на оккупированных территориях, израильское правительство правого блока *Ликуд*, по сути, вынашивало аннексионистские замыслы в отношении территорий и пыталось использовать план «автономизации» М. Бегина как прикрытия таких замыслов. Такой подход не поддерживал даже Садат.

Израилем изначально не предпринимались какие-либо серьёзные шаги по интеграции захваченных в 1967 г. территорий и их освоению, в отличие от территорий, приобретённых в войне 1948-1949 гг. На эти территории не распространялась израильская гражданская администрация (за исключением аннексированного Восточного Иерусалима), здесь продолжало действовать местное законодательство (иорданское на Западном берегу и египетское в секторе Газа)¹, местная администрация и т.п.

Но так как период оккупации затянулся (особенно в отношении сектора Газа, Западного берега р. Иордан и Голан), то постепенно территории оказывались всё теснее связанными с Израилем, особенно в экономическом отношении. Израилю приходилось брать на себя часть забот о социально-экономическом развитии территорий, а палестинские территории и их население стали зависеть от израильской экономики и политики властей Израиля. Да и соблазн у части израильской элиты аннексировать де-факто контролируемые исторически (библейски) еврейские территории (Иудею и Самарию) был достаточно велик.

Вскоре, особенно после возврата Синая Египту, власти Израиля начали практиковать строительство военизированных еврейских поселений на оккупированных территориях, что явилось очень сильным раздражителем для палестинцев и арабов в целом. К концу 1984 г. численность поселенцев на оккупированных территориях достигла 48 тыс. человек. Если с Синая израильскому правительству удалось эвакуировать поселения относительно быстро, то, например, в Иудее и Самарии сделать это гораздо сложнее, даже при наличии желания и силы, т.к. многие поселения основаны религиозными иудеями, свято верящими в своё право жить на этой земле и готовыми защищать его не только от арабов, но, если потребуется, и от израильских властей.

После 1967 г. национальное движение палестинских арабов постепенно из националистически-антиизраильского становилось подлинно национально-освободительным. Если до этого ещё условно можно было говорить о том, что у палестинцев есть своё государство (Иордания, большую часть населения которой составляли жители Западного берега р. Иордан и другие палестинцы) и палестинское движение ставило целью «сбросить евреев в Средиземное море» и создать палестинское государство вместо израильского, то теперь на первый план встала задача освобождения Западного берега р. Иордан и сектора Газа и создания на этих территориях независимого государства. Хотя лозунг «уничтожения Израиля» ещё долго не снимался с повестки дня даже в самых умеренных арабских кругах. Борьба за освобождение Палестины считалась общеарабской, и более того, общеисламской задачей. Палестинцы

¹ На Голанские высоты было распространено израильское законодательство, но в состав Израиля они также не включались.

получали моральную и материальную поддержку всего арабского мира, а также поддержку своих требований от мирового сообщества. Тем не менее, особенно после Кэмп-Дэвида, стало ясно, что борьба за освобождение Западного берега и Газы — прежде всего дело самих палестинцев.

На конференции ЛАГ в Рабате в октябре 1974 г. Организация освобождения Палестины была признана единственным законным выразителем прав народа Палестины. В ноябре того же года это же признала и ООН. США и Израиль долго не признавали ООП в этом качестве, считая её террористической организацией, и пытались найти более удобных партнёров для переговоров.

Отношения ряда арабских стран с палестинцами были ничуть не лучше, чем у Израиля. Примером тому может служить т. н. «чёрный сентябрь» 1970 г. в Иордании. Находившиеся там отряды ООП попытались свергнуть режим короля Хусейна, однако последнему удалось сохранить свою власть и нанести серьёзный удар по палестинцам, поражение потерпели и вторгшиеся было в Иорданию сирийские войска. Основная масса палестинских формирований передислоцировалась в Ливан.

В Ливане в 1975 г. вспыхнула гражданская война. Правохристианские силы Ливана вступили в конфронтацию с отрядами ООП, а затем и ливанских мусульман. Объединённые по конфессиональному принципу в два лагеря, ливанские группировки воевали не только с группировками противоположного лагеря, но и со своими единоверцами.

3 июня 1982 г., меньше чем через шесть недель после полного вывода войск Израиля с Синая, усилилась напряженность в отношениях между израильтянами и палестинцами, укrywшимися на территории Ливана, после попытки покушения со стороны последних на израильского посла в Лондоне. 5 июня события вылились в пятую по счету арабо-израильскую войну, в течение которой Израиль подвергал авиабомбардировкам Бейрут и районы южного Ливана, где были сосредоточены лагеря боевиков Организации освобождения Палестины (ООП). Израиль и ранее (напр, в 1978 г.) предпринимал военные операции против палестинцев в Ливане, но на этот раз акция приняла весьма масштабный характер: в конфликт оказались втянуты, помимо ливанских сторон, палестинцев и Израйля, ещё и Сирия, США, Иран и другие. Первоначально операция планировалась как ограниченная военная акция на юге Ливана под названием «Мир для Галилеи» (Северного Израйля), но министр обороны *Ариэль Шарон* имел более глубокие замыслы — вплоть до полного изгнания ООП и сирийцев из Ливана, формирования произраильского правительства из ливанских христиан и заключения с ним договора, типа кэмп-дэвидского.

К 14 июня сухопутные войска Израйля углубились в Ливан до предместий Бейрута, который был ими окружен. После массированного артобстрела и штурма израильтянами Западного Бейрута—цитадели ливанских мусульман, ООП эвакуировала к

С 1969 г. ООП возглавляет *Ясир Арафат*, лидер одного из движений, составляющих ООП — *ФАТХ* (Движение за национальное освобождение Палестины). Помимо ФАТХ в ООП входит еще ряд групп, включая Компартию Палестины. С 1980-х гг. в палестинском национально-освободительном движении заметную роль стали играть не входящие в ООП исламские радикальные группы: *ХАМАС* (Движение исламского сопротивления) и *Аль-Джихад аль-Исламий* («Исламский джихад»). После того как в 1990-е гг. ООП пошла на мирное урегулирование отношений с Израйлем, ряд просирийских палестинских групп образовал Палестинский фронт национального спасения. Практически все группы палестинского сопротивления имеют вооружённые формирования, ведущие борьбу с Израйлем, часть из них была сформирована на территории других арабских стран (Иордания, Ливан). Распространённой формой военной активности палестинских группировок являются террористические акты против израильтян как на оккупированных территориях, так и в собственно Израйле и в третьих странах. Зачастую жертвами террористов становились мирные жители.

1 сентября 1982 г. из города свои вооруженные формирования в Тунис. В Бейрут вошли т.н. межнациональные силы во главе с США, но и они не остановили войну. Так как не все палестинские бойцы покинули Ливан, 16 сентября израильтяне и право-христианская милиция (*фалангисты*) провели рейд на лагеря палестинских беженцев Сабра и Шатила, во время которого погибло много мирных жителей-палестинцев.

Израильские войска покинули Западный Бейрут и основную часть Ливана к июню 1985 г. Под контролем Израйля оставалась лишь небольшая территория на юге Ливана (т.н. «зона безопасности»). Вооруженные силы Израйля опирались там на марионеточную армию Южного Ливана, составленную из ливанцев-христиан. В ночь с 23 на 24 мая 2000 г. под давлением международных миротворческих организаций и учитывая мнение своих граждан, не желавших жизнями солдат расплачиваться за военное присутствие на чужой территории, Израйль полностью вывел свои войска с юга Ливана, эта территория вернулась под контроль ливанского правительства.

В конце 80-х годов вновь наметились реальные перспективы мирного выхода из затянувшегося ближневосточного конфликта. Вспыхнувшее на оккупированных территориях в декабре 1987 г. народное восстание палестинцев (*интифада*, война камней) вынудило израильские власти прибегнуть к поиску компромисса. 31 июля 1988 г. король Иордании Хусейн заявил о прекращении административных и иных связей своей страны с Запад-

ным берегом Иордана, в ноябре 1988 г. была провозглашена независимость государства Палестина. В 1991 г. была созвана Мадридская конференция по Ближнему Востоку. В сентябре 1993 г. при посредничестве США и России в Вашингтоне была подписана декларация, открывающая новые пути урегулирования кризиса. В этом документе Израиль давал согласие на организацию Палестинской национальной автономии (ПНА) (но не государства), а ООП признавала право Израиля на существование.

В соответствии с Вашингтонской декларацией, в мае 1994 г. было подписано соглашение о постепенном введении палестинского самоуправления на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа в течение пятилетнего переходного периода (вначале в секторе Газа и городе Ариха /Иерихон/ на Западном берегу). В последующий отрезок времени территория, на которой стала осуществляться юрисдикция ПНА, постепенно расширялась. В мае 1999 г., когда истек срок временного статуса ПНА, палестинцы пытались вторично провозгласить свою независимость, но были вынуждены отказаться от этого решительного шага под давлением мирового сообщества.

Камнями преткновения остаются вопросы будущего статуса Иерусалима и вывода израильских войск с оставшейся части палестинских территорий. Ситуацию осложняют вылазки экстремистских элементов с обеих сторон, участвовавшие террористические акты. Тем не менее есть основания полагать, что в ближайшем будущем вопрос о статусе Палестины будет решен, видимо, в пользу предоставления этой территории полной независимости от Израиля.

В 1990-е гг. на Ближнем Востоке преобладает понимание необходимости наведения мостов между позициями конфликтующих сторон. Тяжелое дипломатическое и политическое наследие арабо-израильских войн медленно преодолевается. Израиль уже ушел с Синая и из Южного Ливана, признал существование Палестинской автономии, подписал мирный договор с Иорданией. Тем не менее к концу XX в. арабо-израильский конфликт в целом оставался неурегулированным.

Исламская революция в Иране (1979 г.) и её влияние на международные отношения в регионе. Исламская революция в Иране 1978-79 гг.¹ и провозглашение Исламской Республики Иран (ИРИ) явились событием, не побоимся этого слова, всемирно-исторического значения. Прозвучав для многих как гром среди ясного неба, Исламская революция заставила обратить внимание, подчас гипертрофированное, на такие явления, как «политический ислам» и т.н. «исламизм», исламский фактор стал восприниматься как важная составляющая международных отношений. Собственно революция, помимо антишахской и социальной направленности, имела ещё и антиимпериалистическую (антинеоколониалистскую и т.п.) направленность — против соответствующих форм зависимости Ирана от Запада и его эксплуатации последним, против западной экспансии в экономической, культурной, информационной сферах. Особое место в революционном движении занял антиамериканизм, что, помимо прочего, было вызвано тем, что США своей политикой с 1945 г. и особенно после переворота 1953 г.¹ призвали иранскому общественному мнению отождествить их с шахским режимом. Первоначально в 60-е гг. будущий вождь Исламской революции *аятоллы Рухолла Хомейни* выступал с резкой критикой шахской программы реформ, т.н. «белой революции», предусматривавших аграрную реформу, расширение избирательных прав для женщин и т.д. Постепенно радикализм его выступлений нарастает, и чем более в них проявляются антиимпериалистические, в основном резко антиамериканские мотивы типа: «...Наш повелитель — не Америка! Наш повелитель — не Британия, наш повелитель — не Израиль, наш повелитель — Бог», тем больший резонанс они получают в иранском обществе.

В одном из последних выступлений в Иране перед депортацией в Турцию и Ирак (и послужившем одним из оснований для этого), Хомейни сравнил распространение положений Венской конвенции 1961 г. о дипломатическом иммунитете на всех работающих в Иране американских специалистов с оккупацией страны США, и выразил такое видение мировых реалий, ставшее в Иране афоризмом: «Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, а Советский Союз хуже их обеих. Каждый хуже другого, каждый ужаснее другого. Но сегодня мы имеем дело с таким злостным явлением, как Америка». Всё это накладывалось на традиционно распространённые в иранском обществе ксенофобию, национализм и религиозность, и таким образом роль внешнего фактора в иранской революции была значительной.

После революции важное место в идеологии нового режима, который возглавил *имам Р. Хомейни*, заняли имеющие внешнеполитическую направленность лозунги «Ни Запад, ни Восток (т.е. СССР), а ислам», единства мусульманских стран и т.п., а политика «экспорта Исламской революции» во многом заменила внешнеполитическую доктрину ИРИ. Хотя нужно сказать, что характерный для исламского режима дуализм светской (технократической) и исламской (идеократической) его составляющих отражался и на внешней политике: взвешенная политика МИДа могла подрываться радикальными действиями и

заявлениями каких-либо «исламских» органов или деятелей, и наоборот, радикализм последних мог дезавуироваться первым.

Частным случаем «экспорта революции» стала ирано-иракская война, начатая Ираком, но велась она Ираном под лозунгами Исламской революции и целью была не столько оборона, сколько установление в Ираке аналогичного режима. Предпринимались действенные попытки экспортировать революцию в охваченный гражданской войной Ливан, где с иранской помощью была создана военно-политическая организация «Хезболла». Попытки инспирировать революционные движения предпринимались ещё в ряде арабских и мусульманских стран, в частности на Бахрейне, где есть большая шиитская община. Были созданы специальные органы, игравшие роль «исламского Коминтерна», задачей которых было способствовать «экспорту» Революция началась с массовых антишахских выступлений в августе 1978 г. и закончилась победой вооружённого восстания в Тегеране 9-11 февраля 1979 г. В самом Иране хронологию исламского революционного движения ведут от 1963 г. (т.н. «Восстание 15 хордада»).

¹ Смешение националистическо-демократического правительства Мосаддыка с участием ЦРУ (т.н. операция «Аякс»)

революции», например *Управление исламских освободительных движений (УИОД) при Корпусе стражей Исламской революции (КСИР)* и др.

Во многом именно угроза со стороны Ирана способствовала созданию в 1981 г. региональной организации арабских монархий — Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), своего рода «Священного союза» арабских монархий против Исламской революции, местной оппозиции, как исламской, так и светской, и против арабского светского республиканского национализма в лице режимов Ирака, Сирии, Йемена и других.

Иран разорвал все военно-политические связи с Западом. Отношения с «большим сатаной» (США) вообще стали враждебными. Враждебность к Вашингтону стала главным символом революции, почти религией. Антиимпериализм занял важное место во внешней политике ИРИ, в частности, на этой почве Иран сблизился с Ливией, Сирией и рядом других антизападных режимов, стал активным участником Движения неприсоединения, в котором, правда, зачастую проводил политику «неприсоединения к неприсоединившимся». Иран стал последовательным сторонником наиболее радикального (с антиизраильской точки зрения) решения палестинского вопроса.

В то же время ряд событий, получивших международный резонанс, на самом деле являлся следствием, в первую очередь, политической борьбы внутри Ирана. Инцидент с захватом «студентами — последователями курса имама» здания посольства США в Тегеране 4 ноября 1979 г. и удержание американских дипломатов в качестве заложников в течение 444 дней имели множество международных последствий, важнейшее из которых — разрыв дипломатических отношений между Ираном и США. Нарушение норм международного права (Венская конвенция 1961 г.) в части неприкосновенности дипломатических миссий и персонала вызвало резкое осуждение мирового сообщества, в т.ч. и со стороны СССР. Но СССР осудил и американскую реакцию на это, считая её несоразмерной. США предприняли целую серию жёстких антииранских демаршей, пытаясь организовать давление на исламский режим дипломатическими, экономическими (санкции) и силовыми методами. Предпринятая американцами попытка освободить заложников силовым путём окончилась полным провалом (т.н. «табасский инцидент») и во многом стала причиной поражения президенту Дж. Картера на выборах 1980 г. Долгие переговоры между США и Ираном при посредничестве, в частности, Алжира закончились освобождением всех заложников. Но большая часть иранских требований выполнена не была.

Эти события с подачи имама Хомейни получили название «Вторая исламская революция», но отнюдь не за их международный резонанс. Формально предлогом для захвата посольства было нежелание США выдать в Иран для суда шаха Мохаммеда-Резу Пехлеви, но фактически они были следствием внутривнутриполитической борьбы вокруг судьбы временного правительства *М. Базаргана* и проекта новой, «исламской», конституции. В результате казавшееся исламским революционером либеральным правительство пало, а в условиях консолидирующего действия угрозы американского вторжения и антиимпериалистического энтузиазма на референдуме в декабре 1979 г. была одобрена разработанная Партией Исламской Республики конституция, включавшая базисный принцип концепции Хомейни — «*велаят-е факих*» (правление богослова) и иные революционные тезисы. В результате Хомейни и его сподвижники добились своего, попутно разорвав все связи с США, испортив отношения с другими западными странами и подорвав свой имидж в мире, а также потеряв значительную часть иранских авуаров, хранившихся в США.

Один из крупнейших международных скандалов 1980-х гг. — т.н. *Ирангейт*, связанный с тайными поставками американского вооружения Ирану, получил всемирную огласку также благодаря внутривнутриполитической борьбе в Иране между группировками ая-

толлы Х. А. Монтазери, объявленного преемником Хомейни, ходжжат оль-ислама А. Рафсанджани (спикер *Меджлиса*) и ходжжат оль-ислама А. Хаменеи (президент). В данном случае имел место союз Монтазери и Хаменеи против Рафсанджани. По мнению его противников, сведения о контактах председателя Меджлиса с врагами ислама должны были безнадежно скомпрометировать его и по-зволить устранить с политической арены. Но история закончилась по-другому, да и весь скандал получил больший резонанс за пределами Ирана, особенно в США.

По мнению известного израильского автора Д. Менашри, наделавшая в своё время много шума в мире *фетва* Р. Хомейни 1989 г. — приговор британскому писателю С. Рушди за книгу «Сатанинские стихи», также явилась результатом внутривнутриполитической борьбы против, на этот раз, Монтазери и, возможно, Рафсанджани.

При всей идеологической обусловленности внешней политики Ирана в 80-е гг. не следует приуменьшать её прагматизма. Несмотря на однозначность лозунга «Ни Запад, ни Восток», антисоветскую риторику, на то, что Иран оказывал помощь афганским моджахедам, денонсировал в одностороннем порядке статьи 5 и 6 советско-иранского договора 1921 г., несмотря на провокации против советской миссии в Тегеране, несмотря на репрессии против иранских марксистов, Иран тем не менее на разрыв и открытую конфронтацию со второй сверхдержавой не пошёл, и более того, развивал и укреплял отношения с ней. Иран также сохранил и в ряде случаев даже развил отношения с рядом европейских капиталистических и социалистических стран, с Японией и другими государствами. Сравнительно неплохие отношения в 80-е гг. сложились у Ирана с основными прозападными странами региона — Турцией и Пакистаном. Так, Пакистан, в частности, представлял интересы Ирана в США.

Ирано-иракская война была прекращена в 1988 г. самим имамом Хомейни, который реально оценил сложившееся тяжёлое военное и экономическое положение страны, настроение населения и дал согласие принять резолюцию СБ ООН №598 о прекращении огня.

Помимо исламской революционной идеологии на формирующуюся внешнюю политику ИРИ в 80-е гг. влияли следующие факторы:

- Необходимость дипломатического обеспечения ведения войны с Ираком (не допущение интернационализации конфликта со стороны арабских и др. государств, обеспечение поставок вооружений и запчастей, работа в ООН и т.п.).

- Другие вопросы безопасности: проблемы афганских беженцев, присутствие США в Персидском заливе, нейтрализация эмигрантских группировок, курдских и др. сепаратистов и т.п.

- Потребности национальной экономики (содействие внешней торговле, транзиту экспорта и импорта, вопросы безопасности мореплавания и т.п., работа в рамках ОПЕК, меры по обходу американских санкций).

- Внутренние факторы: политическая борьба, общественное мнение и т.п.

- Традиционные, оставшиеся ещё от шаха, ориентиры внешней политики: претензии на роль региональной «сверхдержавы», иранский национализм, стремление играть на противоречиях между великими державами, имеющими интересы в Иране — подобно игре на противоречиях между Россией и Великобританией в конце XIX — начале XX в., между СССР и США после Второй мировой войны.

В 90-е гг., после смерти имама Хомейни, внешняя политика ИРИ, с одной стороны, продолжает тенденции 80-х гг., а с другой — в ней появились новые мотивы, определяемые во многом особенностями его внутреннего социально-экономического и политического развития. Считается общепризнанным определять внешнеполитический курс дуум-виратах *бара А. Хаменеи* и президента *А. Рафсанджани* (1989-1997, два срока) и действующего (с 1997 г.) президента *М. Хатами* как прагматичный и умеренный (по сравнению с периодом 1979—1989 гг.). Период двух сроков *А. Рафсанджани* — время экономической реконструкции, власти были сосредоточены на восстановлении народного хозяйства после войны с Ираком, реформировании национальной экономики путём развития современных рыночных отношений, проведения приватизации, развития ненефтяного сектора экономики и привлечения иностранных инвестиций.

Иран в 90-е гг. постепенно перешел в своей внешней и региональной политике от идей «экспорта революции» к поиску путей региональной кооперации, постепенно улучшаются отношения ИРИ со своими соседями по Персидскому заливу, в т.ч. с Саудовской Аравией, отношения с которой при Хомейни были почти враждебными, упрочились его связи с европейскими странами, с Россией, рядом развивающихся государств. Иран занял последовательно конструктивную позицию в отношении большинства региональных конфликтов, часто совпадающую с позицией России и ООН: в иракско-кувейтском кризисе, по афганскому вопросу, по Карабаху, Таджикистану, позднее — по Косово и т.п., при-

чём религиозной солидарностью Иран руководствовался в меньшей степени, нежели здравым смыслом.

Кооперация с Россией по среднеазиатским, кавказским и ряду международных вопросов, равно как и общее сближение между двумя странами — важный поворот в иранской политике 90-х гг.

Конечно, «реликты» прежней, революционной внешней политики ещё сохраняются — это и резкая оппозиция мирному процессу на Ближнем Востоке, и поддержка ряда радикальных движений, в т.ч. Хезболла в Ливане, и установление тесных связей с «революционным исламским» Суданом, и поставки оружия в Боснию и т.п. Подозревается или доказан иранский след в ряде террористических актов, совершённых в 1990-е гг.: взрывы объектов еврейской общины Буэнос-Айреса (1992 и 1994 г.), т.н. инцидент «Миконос» в 1992 г. в Берлине¹ и другие. В 1993 г. были разорваны отношения между ИРИ и Алжиром, — последний обвинил Иран в поддержке *Исламского Фронта спасения*, ведущего вооружённую борьбу с алжирским правительством.

С избранием 23 мая 1997 г. президентом Ирана ходжат оль-ислама Сеида Мохаммада Хатами — клирика и философа, имеющего светское и духовное образования, владеющего английским, немецким и арабским языками, прожившего много времени в Гамбурге, тенденции, начавшие проявляться в предшествующие годы во внешней и внутренней политике страны не только получили дальнейшее развитие, но и обрели своё концептуальное оформление. Речь идёт об идее «*исламского гражданского общества*» и концепции «*диалога цивилизаций*», ставших не только излюбленными темами выступлений М. Хатами перед аудиториями в ИРИ и за границей, но и базисными идеологическими ориентирами его администрации и сил, её поддерживающих, т.н. реформистов².

Заявленная как основа внешнеполитического курса концепция «диалога цивилизаций», своего рода «торговая марка» дипломатии Хатами, импонирует

¹ В 1997 г. послы стран ЕС были отозваны из Тегерана после решения суда г. Берлина, признавшего иранские власти ответственными за убийство курдов-диссидентов в Берлине в 1992 г., однако через полгода послы вернулись в Иран и «критический диалог» с ЕС был возобновлён.

² Вопрос о классификации политических сил в иранской политике весьма сложен. Условно можно выделить т.н. реформистов, сторонников М. Хатами, фактически объединяющих самые разные силы — от левых исламистов до правых технократов, в основном объединённых во *Фронт 2-го Хордада* и т.н. консерваторов, группирующихся в основном вокруг правоклерикальной Ассоциации борющегося духовенства (*Джаме-е Руханият-е Мобарез*), к которым близок и лидер страны А. Хаменеи. Но необходимо постоянно учитывать условность всех определений. странах и снимает опасения о стремлении Ирана разговаривать с немусульманами в духе пророчеств С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». «Диалог цивилизаций» предполагает нечто большее, чем межкультурный диалог — основными положениями концепции являются: уважение и равенство всех людей, невзирая на принадлежность к большому или малому нациям; принятие культурного разнообразия как перманентно присущей черты человечества; взаимоуважение к ценностям и взглядам, принятым в других культурах; право на защиту культурного наследия и ценностей; отказ от попыток культурного доминирования; поиск общих путей преодоления глобальных проблем; уважение норм международного права и отказ от конфронтации и т.п. Хатами неоднократно говорил об этом, с разных трибун: и на сессии ОИК, и на специальных конференциях и семинарах, и на Генеральной Ассамблее ООН, в т.ч. и на «Саммите тысячелетия» в сентябре 2000 г. По его инициативе 2001 г. объявлен ООН годом диалога цивилизаций.

«Диалог цивилизаций» предполагает и повышение роли Ирана в мире — как одной из древнейших цивилизаций и важнейшей составной части мусульманского мира. В этом качестве Иран хотел бы развивать отношения с другими «цивилизациями» — будь то Индия, Китай, Япония, Россия и, конечно же, Запад, а точнее, Европа. Из европейских стран у Ирана наиболее удачно складываются отношения с Грецией и Италией, историческими центрами европейской культуры. Визит Хатами в Италию в 1999 г. — первый после Исламской революции визит главы иранского государства в западную страну (Рафсанджани из европейских стран был лишь в СССР в 1989 г.). Во время этого визита, помимо переговоров с итальянскими официальными лицами, состоялись встречи с представителями общественности и сенсационная встреча с папой римским Иоанном Павлом II.

В марте 2001 г. состоялся 4-хдневный визит Хатами в Россию и переговоры с её президентом В. В. Путиным. Сближение между двумя странами продолжается, хотя между ними есть и противоречия, в частности по вопросам, связанным со статусом Каспийского моря.

Ирано-иракская война 1980-1989

Как уже говорилось, ирано-иракская война была частным случаем иранской доктрины «экспорта Исламской революции». Но это лишь один аспект этого очень сложного международного конфликта. В ирано-иракском противостоянии существует множество причин: исторических, политических, религиозных и экономических. Это и конфликт между персидским и арабским национализмом, исламским мессианизмом и баасистским социализмом, и борьба за гегемонию в стратегически важном бассейне Персидского залива. Это и суннитско-шиитские противоречия¹, и проблемы шиитских святынь (*Неджеф* и *Кербела*) в Ираке. Свою роль играло и наличие арабского меньшинства в Иране, особенно в пров. *Хузестан*, богатой нефтью. Немаловажное значение имели и взаимные территориальные претензии. Месопотамия (Кте-сифон) была центром последней доисламской династии Ирана Сасанидов. Восстановившая иранское государство шиитская династия Сефевидов и их преемники с XVI по XIX в. вели борьбу с Османской империей за Месопотамию (Ирак). С момента обретения Ираком независимости (1922 г.) неоднократно в разных формах им выдвигались претензии на иранскую провинцию Хузестан, которая в иракских источниках именовалась не иначе как *Арабиستان*. Не последнюю роль сыграл и субъективный

¹ В Ираке ок. 60% населения — шииты, но власть принадлежит представителям суннитского меньшинства, которое проводило секуляристскую политику.

момент, в частности, неприязненное отношение имама Хомейни к президенту Ирака *Саддаму Хусейну*, связанное с тем, что последний выслал Хомейни по требованию шаха Мохаммеда Резы из Ирака в 1978 г.

Непосредственной причиной войны был спор двух стран о границе, в частности, о том ее участке, который проходит по р. *Шатт эль-Араб*¹. Соглашения 1847 г. и 1913 г. между Персией и Турцией и последующие соглашения между Ираном и Ираком (1937) проводили границу по левому (восточному) берегу реки, кроме участков у гг. Хорремшехр и Абадан, оставляя таким образом акваторию реки — важнейшей транспортной артерии, в т.ч. и для экспорта нефти, под суверенитетом Ирака. Так как такое положение было невыгодно Ирану, а также потому, что соглашения о границе были заключены при неблагоприятных для него обстоятельствах, в т.ч. и под давлением Великобритании, Тегеран неоднократно выступал за пересмотр соглашений о границе и требовал ей провести в соответствии со сложившейся международной практикой проведения речных границ по *фарватеру* или *тальвегу* (линии наибольших глубин).

Отношения между странами резко обострились после революции 1959 г. в Ираке и выхода этой страны из СЕНТО. В апреле 1969 г. Иран в одностороннем порядке денонсировал Соглашение 1937 г. как колониалистское и империалистическое. Помимо пограничной, обострились и другие проблемы в двусторонних отношениях. Важное место в числе иракских претензий к Ирану заняло требование прекратить поддержку курдских повстанцев. Ирак, в свою очередь, предоставил свою территорию для иранской оппозиции, в частности с 1964 г. в изгнании в Неджефе жил аятолла Р. Хомейни, распространявший оттуда антишахские воззвания.

В ноябре 1971 г., после ухода британских войск из Залива, Иран захватил принадлежавшие княжествам Шарджа и Рас эль-Хайма три острова в Персидском заливе: *Абу Муса*, *Большой* и *Малый Томб*. Острова занимают очень важную стратегическую позицию у входа в *Ормузский пролив*. Ирак в знак протеста разорвал дипломатические отношения с Ираном. Сделано это было не столько из арабской солидарности, сколько из опасения, что, контролируя острова, Иран в любой момент может закрыть Ормузский пролив.

При посредничестве Алжира Ирак, истощенный борьбой с курдскими повстанцами, пошел на восстановление дипотношений с Ираном в октябре 1973 г. В марте 1975 г. на саммите ОПЕК в Алжире состоялась встреча шаха Мохаммеда Резы и председателя Совета революционного командования Саддама Хусейна. Были заключены соглашения об урегулировании разногласий между двумя странами, в том числе признавалась граница по р. Шатт эль-Араб по линии тальвега. В июле того же года в Багдаде был подписан договор о границе и добрососедских отношениях. Иран согласился прекратить помощь курдским повстанцам и компенсировать Ираку территориальные потери на сухопутном участке границы в районе Нафтхане — Нафтшах. Все части договора были объявлены взаимосвязанными.

Ирак был вынужден пойти на соглашения 1975 г. и поэтому воспринял события 1978-1979 гг. в Иране как повод для пересмотра соглашения с помощью силы. Воспользовавшись слабостью иранской армии в результате революции и чисток, используя как предлог революционную риторику Тегерана, стремившегося разжечь пламя Исламской революции во всем исламском мире и, прежде всего, в Ираке; объявив о нарушении договора 1975 г. со стороны Ирана и обвинив последний в «224 агрессивных актах», Ирак 18 сентября 1980 г. денонсировал договор 1975 г., а также потребовал освобождения островов Абу Муса, Большой и Малый Томб.

¹ Персидское название *Арвандруд*, образована слиянием Тигра и Евфрата

22 сентября Ирак начал военные действия. Началась война, ставшая угрозой безопасности для региона БСВ и источником беспокойства для всего мира.

В сентябре-ноябре 1980 г. иракской армии удалось добиться ряда успехов, была оккупирована часть

провинции Хузестан, другие территории, захвачены гг. Хорремшехр, Каср-е Ширин, Мехран, окружены Абадан и Ахваз. В декабре 1980 г. война приняла позиционный характер. С марта 1982 г. начинается иранское наступление, в мае освобождён Хорремшехр, боевые действия переносятся на иракскую территорию, но принимают снова позиционный характер, в 1986-1987 гг. Иран ценой больших потерь оккупирует полуостров Фао близ Басры и ещё ряд территорий в Ираке. В это же время разворачиваются т.н. «война городов» (взаимные массированные авианалёты) и «танкерная война» (удары по нефтеналивным судам противника и лояльных ему стран). С января по август 1988 г. иракские войска наносят ряд поражений иранцам и освобождают захваченные территории.

В июле 1988 г. имам Хомейни признаёт резолюцию СБ ООН №598 о прекращении огня от 1987 г. (Ирак признал её ещё раньше). 20 августа было подписано, а с 25 августа вступило в силу перемирие, но ни одна из сторон не считала себя побеждённой. В октябре 1990 г., уже после начала иракско-кувейтского кризиса, Ирак согласился вернуться к Алжирскому соглашению 1975 г. и границе по тальвегу, вывел войска с продолжавших находиться под его контролем иранских территорий, признал и выполнил ряд других иранских пожеланий. Был произведён обмен военнопленными и восстановлены дипломатические отношения между двумя странами. Количество погибших в войне составило от 600 тыс. до 1 млн. человек с каждой стороны.

Этот крупнейший региональный конфликт имел международный аспект. Хотя и великие державы, и страны Запада, и страны БСВ формально сохраняли нейтралитет, конфликт с самого начала стал интернационализироваться. Арабские монархии Персидского залива, обеспокоенные перспективой распространения Исламской революции и иранским гегемонизмом в целом, негласно поддерживали Ирак, в основном финансами. Особенно выделялась Саудовская Аравия, отношения которой с Ираном были крайне напряжёнными в 80-е гг. Во время «танкерной войны» Иран неоднократно подвергал нападениям суда Саудовской Аравии и Кувейта, а в 1984 г. подверг территорию последнего ракетному обстрелу. Явно антииранскую позицию занял Египет. В свою очередь, из арабских стран Сирия, Ливия и Южный Йемен поддерживали Иран, особенно тесные отношения у исламского режима сложились с Сирией. Турция, Алжир и Пакистан пытались посредничать между Ираном и Ираком. ООН и ОИК призывали к прекращению огня.

В регионе, и Персидском заливе в частности, в течение всего периода конфликта находились военно-морские силы США и других стран НАТО. Помимо прочего, они во время «танкерной войны» эскортировали танкеры Кувейта и Саудовской Аравии. В целом США и НАТО больше были склонны поддерживать Ирак, однако уже тогда по отношению к этим двум странам закладывались основы политики, получившей во второй половине 90-х гг. при президенте Клинтоне название «политики двойного сдерживания» (*dual containment*).

Советский Союз занимал во время войны нейтральную позицию, призывая обе стороны прекратить войну и объединиться против «мирового империализма». С начала войны СССР прекратил поставки оружия Ираку, но в 1982 г. возобновил в связи с переносом войны на иракскую территорию и антисоветскими акциями в Иране. Вместе с тем советское вооружение, в основном через Сирию, поступало и в Иран.

Несмотря на прекращение войны отношения между Ираном и Ираком остаются достаточно сложными, и несмотря даже на тяжёлое поражение Ирака в «Битве в пустыне» в 1991 г., очень велика вероятность того, что указанный выше комплекс противоречий между двумя странами может вызвать новый конфликт.

Война в Афганистане 1978-2000 гг. В 1973 г. в Афганистане произошёл военный переворот и была свергнута монархия. Афганистан был провозглашён республикой, а власть в своих руках сосредоточил родственник короля и бывший премьер-министр М. Дауд. В апреле 1978 г. произошёл новый военный переворот («апрельская революция»), режим Дауда был свергнут, а власть перешла к просоветской Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), руководство которой предприняло серию преобразований в этой отсталой полупатриархальной стране.

Однако «социалистические» преобразования НДПА привели к росту народного недовольства и вооружённой борьбе с режимом, которая поддерживалась внешними силами: Пакистаном, Саудовской Аравией, в меньшей степени исламским Ираном, а также США и другими. Режим НДПА также раздирали межфракционные противоречия между враждебными фракциями «Хальк» и «Парчам». Режим находился на грани гибели.

Основную поддержку в военно-техническом, политическом и экономическом плане режим НДПА получал из СССР, который, впрочем, поддерживал ранее весьма тесные связи и с королевским режимом, и с режимом Дауда. В декабре 1978 г. был заключён советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. А 27 декабря 1979 г., ссылаясь «на неоднократные просьбы афганской стороны», вышеназванный договор и 51 ст. Устава ООН, СССР ввёл на территорию Афганистана «ограниченный контингент» своих войск (40-я армия) и начал участвовать на стороне правительства НДПА в борьбе с вооружённой оппозицией.

Вопрос о том, чем было мотивировано решение советского руководства о вводе войск в Афганистан остаётся открытым до сих пор и достаточно дискуссионным среди исследователей. То ли руководство СССР было уверено в лёгкой победе и правоте на основании пресловутой «доктрины Брежнева» и опыта событий в Чехословакии в 1968 г., то ли считало, что последствия падения режима НДПА будут более угрожающими, нежели война за его сохранение, то ли какие-то другие соображения повлияли на это решение, приведшее к самой большой военной операции советских войск с 1945 г. и 9-летнему пребыванию их на территории Афганистана.

Следует отметить, что решение о вводе войск и сам ввод ограниченного контингента совпали по времени с резким обострением американо-иранских отношений вследствие кризиса с американскими заложниками в Иране и наращиванием американского военного присутствия в бассейне Аравийского моря и Персид-

ского залива. Крайне непростыми были и советско-американские отношения в этот период. К ноябрю 1979 г. окончились неудачей советско-американские переговоры о ракетах средней дальности в Европе. США отклонили инициативы СССР, равно как и предложения по ограничению военного присутствия в Индийском океане. В декабре 1979 г. было принято решение о размещении крылатых ракет в Европе. 1978-1979 гг. были также периодом американо-китайского сближения против СССР, периодом резкой критики США положения с «правами человека» в СССР, а также других недружественных действий Соединённых Штатов. Определённые круги в США сознательно провоцировали Советский Союз на агрессивные действия, в т.ч. и в Афганистане.

Соединёнными Штатами и их союзниками в пропагандистских целях ввод войск в Афганистан изображался как попытка СССР реализовать якобы вековую мечту русских царей о выходе к Индийскому океану, перекрыть поставки нефти на Запад из Персидского залива и прочие экспансионистские замыслы. В обращении к нации 23 января 1980 г. президент США Дж. Картер сказал: «Попытка любой внешней силы завоевать контроль над Персидским заливом будет рассматриваться как нападение на жизненные интересы США и будет отражена любыми необходимыми средствами, включая военную силу». Картер заявил, что советские войска «находятся на расстоянии 300 миль от Индийского океана и приблизились к Ормузскому проливу... Советский Союз теперь пытается укрепить своё стратегическое положение, что ставит под серьёзную угрозу свободную транспортировку ближневосточной нефти». Сменивший его в 1981 г. Р. Рейган занял по афганскому вопросу, равно как и в целом по отношению к Советскому Союзу ещё более радикальную позицию.

Ввод войск нанёс большой удар по образу СССР в глазах мировой общественности. Этот акт осудили все страны Запада, большая часть неприсоединившихся государств, и даже союзники СССР восприняли его без энтузиазма. Это вылилось, в частности, в бойкоте Олимпийских игр 1980 г. в Москве. США использовали эти события с целью поправить свой образ в глазах мусульманских народов и вызвать вражду в мусульманском мире к Советскому Союзу, канализировать экстремистские религиозно-политические движения в мусульманском мире против СССР, оградив тем самым себя и своих союзников от повторения опыта Ирана 1979 г.

Положение усугублялось тем, что при вводе войск с помощью советских спецслужб был свергнут Х. Амин, президент Афганистана, и к власти на штыках советских войск пришел Б. Кармаль, лидер фракции «Парчам». Это обстоятельство позволяло противникам СССР и НДПА изображать афганский режим как откровенно марионеточный. Традиционно проводивший на протяжении XX в. нейтральную политику, Афганистан оказался в сфере влияния СССР.

Эскалация боевых действий привела к потоку афганских беженцев в Иран и Пакистан. Там же базировалась вооружённая оппозиция (*Альянс «восьми»* в Иране и *Альянс «семи»* в Пакистане). Главным центром афганских непримиримых оппозиционеров (*моджахедов*) стал Пакистан, г. Пешавар. Пакистан же оказывал, вместе с США, Саудовской Аравией, ОАЭ, Китаем и другими странами действенную материальную и военно-техническую помощь моджахедам, зачастую вмешиваясь во внутренние дела Афганистана. К концу 1980-х гг. объёмы финансовой помощи моджахедам достигали 600 млн. долл. США в год.

Попытки найти мирное решение афганской проблемы были долгое время безуспешными. С 1982 г. шли не прямые переговоры (при посредничестве Генерального секретаря ООН П. де Куэльяра и его спецпредставителя Д. Кордовеса) между Афганистаном, СССР, Пакистаном и США. Советский Союз в лице Генерального секретаря КПСС Ю. В. Андропова ещё в конце 1982 г. изъявил желание вывести войска из Афганистана, «если Пакистан прекратит содействие оппозиции». Только в 1988 г. между Афганистаном и Пакистаном при участии СССР, США и ООН были заключены Женевские соглашения об урегулировании конфликта на основе прекращения всякого иностранного вмешательства в дела Афганистана. 15 февраля 1989 г. последние части советских войск покинули Афганистан.

Фактически уход советских войск был вынужденным, в т.ч. и по внутренним причинам. Немаловажную роль в том, что афганским моджахедам на протяжении 9 лет удавалось относительно успешно оказывать сопротивление одной из сильнейших армий мира, сыграли поставки им западных вооружений и материальная поддержка со стороны США и исламских государств, неготовность советских войск к партизанской войне в горных условиях, незнание страны, обычаев и менталитета афганцев и связанные с этим ошибки советского командования. Вместе с тем, необходимо отметить, что прямого военного поражения советские войска в Афганистане не потерпели.

Хотя Пакистан и США не собирались прекращать помощи моджахедам, режим НДПА, с 1986 г. возглавляемый Наджибуллой, вопреки предсказаниям, успешно сопротивлялся моджахедам. И только весной 1992 г., когда с распадом СССР помощь с севера совсем иссякла, режим Наджибуллы пал, власть перешла к моджахедам. Бывшие полевые командиры поделили между собой посты в правительстве страны, официально переименованной в Исламское Государство Афганистан (ИГА).

Между бывшими союзниками по *джихаду* почти сразу же начались конфликты и борьба за власть, переросшая в новую гражданскую войну. Афганистан фактически распался на ряд самостоятельных территорий.

В 1994 г. появляется новый игрок на афганской сцене — движение *Талибан*, основанное бывшими афганскими эмигрантами — учащимися пакистанских медресе (*талибами*), созданное стараниями пакистанской межвойсковой разведки *ISI* при поддержке США и Саудовской Аравии.

Поддерживая талибов, руководство Пакистана рассчитывало, что, установив контроль над Афганистаном с пакистанской помощью, движение будет проводить лояльную ему политику, предоставит преференции в экономической и политической сферах, а также признает законной афгано-пакистанскую границу по

т.н. линии Дю-ранда¹. Правящие круги Саудовской Аравии рассчитывали, что, имея финансовое и идеологическое влияние на талибов², они распространят и своё политическое влияние на Афганистан. Обе эти страны, а также США, рассчитывали, что единый Афганистан под контролем талибов будет удобным маршрутом для экономической, политической и идеологической экспансии в Среднюю Азию, бывшие советские республики которой занимают крайне важное геополитическое положение в центре Евразии и к тому же богаты природными ресурсами, в т.ч. нефтью и газом. Так как среднази-атские республики не имеют выхода в открытое море, то в борьбе за влияние в регионе первоочередное значение приобретают маршруты доступа в регион, особенно маршруты транспортировки нефти и газа. Маршруты через Иран и Россию считаются «неприемлемыми» (для США) по политическим мотивам, отсюда остаются два варианта: Турция — Кавказ — Каспий и Пакистан—Афганистан. Проект транспортировки через Афганистан туркменского газа начал разрабатываться американской компанией «ЮНОКАЛ» и американо-саудовской «Дельта».

Провозгласив себя адептами «подлинного ислама», талибы начали войну против всех других афганских группировок и вскоре добились успехов: в 1995 г. взяли Кандагар, ставший центром движения, в 1996 г. — Кабул. В течение двух лет центром сопротивления талибам был г. Мазар-и Шариф, но в 1998 г. пал и он. К 2000 г. талибы установили контроль над 90 % территории страны. Кандагар остался политическим центром движения и резиденцией руководства талибов, в т.ч. лидера — *муллы Омара*, имеющего титул «повелитель правоверных» (*амир ал-му 'минин*), в Кабуле же размещается «гражданское» правительство, впрочем, целиком состоящее из талибов — представителей суннитского духовенства: *мулл, ахундов и маулана*. На контролируемой ими территории талибы провозгласили «Исламский Эмират Афганистана».

Между тем мировое сообщество (кроме Пакистана, Саудовской Аравии и ОАЭ) не признало режим талибов. Политика талибов по насаждению «истинного ислама», репрессии в отношении политических противников, религиозных и национальных меньшинств, отношение к статусу женщин и многие другие аспекты внутренней политики талибов вызывают недоумение и осуждение во многих странах мира. Агрессивная внешнеполитическая риторика, предоставление территории международным

¹ Линия Дюранда — участок афгано-пакистанской границы в районе расселения пуштунских племён. Проведена в соответствии с соглашением 1893 г. между эмиром Афганистана и английской миссией генерала М. Дюранда после англо-афганских войн. В результате значительная часть *пуштунов*, живущих в районе Сулеймановых гор, т.е. собственно этнических афганцев, оказалась подданными сначала Британской Индии, а затем Пакистана, после провозглашения независимости которого возникло движение пуштунского населения Северо-Западной пограничной провинции Пакистана за создание независимого Пуштунистана или присоединение к Афганистану. Начиная с 1949 г. различные режимы в Афганистане неоднократно официально заявляли о непризнании «линии Дюранда».

² Пакистанские медресе, в которых получали религиозное образование многие члены «Талибан», в т.ч. и его руководство, финансировались из Саудовской Аравии и зачастую возглавлялись саудовскими богословами или находились под влиянием богословских школ Саудовской Аравии. Поэтому идеологию «Талибан» часто называют *ваххабизмом*, как и господствующую в Саудовской Аравии консервативно-фундаменталистскую вариацию суннитского ислама.

террористам¹ и попустительство наркотрафику, открытое пренебрежение мировым общественным мнением² заставляют даже союзников талибов относиться к ним настороженно. США не пошли на признание движения в качестве легитимной власти Афганистана и развитие отношений с ним, и, более того, нанесли по контролируемой талибами территории ракетный удар по предполагаемым базам международного террориста У. бен Ладена.

А Иран, Индия, Россия, среднеазиатские республики продолжают оказывать поддержку т.н. «Северному альянсу» моджахедов во главе с Ахмад Шахом Масудом и Б. Раббани, которые после 1998 г. закрепились в северо-восточных (Бадахшан, Та-хар и др.) районах Афганистана, в ряде районов (Бамиан, Бадгис и др.) продолжалась партизанская война против талибов.

§ 5. Азиатско-Тихоокеанский регион

Основными игроками на внешнеполитической арене Азиатско-Тихоокеанского региона, одного из сложнейших регионов мира, по окончании Второй мировой войны по праву считались СССР, США, Япония и КНР. Противоборство интересов четырех сторон стало причиной создания многочисленных военно-политических блоков и многократных пересмотров своих позиций по отношению к региональным оппонентам и другим странам Азиатско-Тихоокеанского региона. В отечественной историографии уделялось достаточно много внимания роли Советского Союза в этом регионе, также много говорилось о роли Соединенных Штатов и чуть меньше внимания уделялось двум другим вовлеченным в процесс государствам - Китаю и Японии.

Всестороннее сотрудничество между КНР и СССР основывалось на договорах и соглашениях, подписанных правительствами двух стран в начале 50-х годов XX столетия. Определяющим документом являлся «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», подписанный 14 февраля 1950г. Сроки действия этого договора определялись тридцатью годами, с возможной дальнейшей пролонгацией. На основании данного документа были заключены соглашения, предусматривавшие возвращение правительству КНР всех прав на Китайско-Чанчуньскую железную дорогу (КЧЖД), военно-морских баз в Люйшуне (Порт-Артур) и Даляне (Дальний) не позднее конца 1952 года.

Китай получил крупный льготный кредит. Были организованы четыре смешанных общества: общество гражданской авиации, общества по добыче нефти и цветных металлов, общество по строительству и ремонту судов (в Далине). Это обстоятельство явилось определяющим в становлении и развитии стратегических направлений в экономике Китая. В 1956 и 1958 годах были подписаны документы о содействии строительству в КНР 102 промышленных объектов. СССР способствовал становлению ядерной физики в Китае. На долю советско-китайской торговли приходилось 20% внешнеторгового оборота СССР и около 50 % объема внешней торговли КНР. В целом в 50-х годах СССР участвовал в сооружении в КНР свыше 250 крупных промышленных предприятий и других объектов, предоставил льготные кредиты в сумме почти 2 млрд рублей. Советский Союз способствовал созданию авиационной, электронной, автомобильной и других ключевых отраслей промышленности. В Китае работали более 10 тыс. советских специалистов, в СССР получили дипломы о выс-

¹ В частности, на контролируемой талибами территории находили убежище саудовский миллионер-террорист *Усама бен Ладен*, обвиняемый в организации взрывов в посольствах США в Кении и Танзании в 1999 г., лидер Исламского движения Узбекистана *Дж. Намангани*, чьи отряды вторгались в Ферганскую долину в 1999 г., прослеживаются контакты талибов с чеченскими сепаратистами, с другими радикальными движениями.

² Как, например, в случае с разрушением буддийских статуй в Бамиане, находившихся под защитой ЮНЕСКО.

шем образовании более 10 тыс. китайцев. Китайско-советское сотрудничество вывело экономику Китая на качественно новый уровень развития.

Однако разногласия между руководствами двух стран послужили почвой для сомнений в эффективности советско-китайского сотрудничества по целому ряду хозяйственных и политических вопросов. В частности, у китайской стороны вплоть до конца 1952 года утвердилось мнение, что соглашение о совместной эксплуатации КЧЖД действовало в ущерб национальным интересам КНР, хотя позже китайские эксперты признали, что в то время у Китая не было возможности для самостоятельного управления этой дорогой и что советско-китайское сотрудничество в области железнодорожных сообщений принесло пользу КНР. В 60-е годы в Китае утверждали, что Советский Союз навязал Китаю свои военно-морские базы в Ляوشуне и Далине, хотя при этом хорошо осознавали тот факт, что договор о базах был заключен по просьбе Пекина из-за сложной международной обстановки на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Определенные трения вызвало и создание на китайской территории упомянутых выше четырех совместных обществ. По мнению высшего руководства СССР, китайская сторона внесла некоторые коррективы в первоначальную позицию, тем самым демонстрируя свое нежелание сотрудничать в этом направлении и восприняла предложение Сталина о создании обществ как действие, имеющее целью посягательство на территорию КНР и на ее независимость.

Разошлись и линии политических курсов двух стран. Возникли разногласия в оценке современной эпохи, в подходе к политике США, во взаимоотношениях в рамках международного коммунистического движения, в подходе к конфликтным ситуациям на международной арене, в вопросах социалистического строительства и проблем двусторонних отношений в целом. Эти факторы не могли не сказаться отрицательным образом на двусторонних отношениях СССР и КНР, вследствие чего все советские специалисты были отозваны. Все эти обстоятельства явились причиной для начала сотрудничества Китая с Японией, США и другими капиталистическими странами.

В 50-е годы стремительно развивались контакты КНР со всеми странами социалистического лагеря. За период с 1950 по 1956 год объем торговли Китая с этими странами увеличился примерно в 20 раз. На их долю пришлось около 205 внешнеторговых оборотов КНР. Но с известным охлаждением в отношениях между Китаем и СССР эти контакты сократились. Контакты со странами капиталистического лагеря, напротив, развивались.

Основываясь на своих человеческих и сырьевых ресурсах, во многом благодаря материально-технической помощи Советского Союза, Китай, традиционно считавшийся младшим братом СССР, стал одним из крупнейших игроков не только на Азиатско-Тихоокеанской арене, но и на мировой политической арене в целом. Уже на первоначальном этапе своего существования КНР удалось прорвать американскую блокаду в Юго-Восточной и Южной Азии. В 1949-1950 годах были установлены дипломатические связи с Бирмой, Индией, Пакистаном, Цейлоном, Афганистаном, Индонезией.

Несмотря на это, в отношениях Китая с некоторыми странами региона оставалась некая напряженность. Так с Индией возникала конфронтация по территориальным вопросам из-за Гималайских государств, Тибета. Требовалось уточнить китайско-бирманскую границу. Некое недоверие к Китаю выражали в Индонезии. Таиланд и Филиппины вообще отказались признать новое китайское правительство. Американцам удалось вовлечь группу стран Азиатско-Тихоокеанского региона в военные блоки (СЕАТО, АНЗЮС и т.д.), направленные в значительной степени против КНР.

Подписание перемирия в Корее в 1953 году благотворно повлияло на облик Китая. Укреплению доверия к КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе способствовала Женевская конференция по Корее и Индокитаю 1954 года. Китайская делегация про- демонстрировала на ней большую гибкость, что облегчило достижение соглашений, положивших конец восьмилетней индокитайской войне. Усилия китайской дипломатии направлялись на то, чтобы избежать прямой военной конфронтации с США и обеспечить безопасность южных границ государства, так как очаг напряженности на корейском полуострове еще не угас и Китай не хотел

втягиваться в новый конфликт. Удачно прошла для КНР Бандунгская конференция 1955 года. На форуме, в котором приняли участие 29 государств, китайский представитель выступил с призывами бороться за полное уничтожение колониализма, против атомной угрозы и заверил молодые государства региона в том, что у КНР нет к ним территориальных или иных претензий, а так же в том, что Китай ратует за тесное взаимодействие освободившихся народов. После Бандунга Пекин оживил контакты с Индонезией, Бирмой, Цейлоном, Пакистаном, установил связи с Египтом, Сирией, Ираком, Йеменом и с рядом других государств. Росту популярности КНР способствовали ее экономические достижения, которые выглядели как образец преодоления отсталости государств Азии и Африки.

31 мая 1960 года КНР заключила договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с МНР, договор о научно-техническом сотрудничестве с КНДР - в июле 1961 года и с ДРВ — в марте 1970 года. С этими странами был подписан также ряд соглашений по торгово-экономическим вопросам.

Для достижения своих внешнеполитических целей Пекином используется широкий диапазон средств. Китай применяет торгово-экономическое воздействие, делает ставку на конкурентоспособность своих товаров в странах Юго-Восточной Азии. Китай неизменно сохранял значительное активное сальдо в торговле со странами ЮВА, тем самым способствуя приливу значительных валютных вливаний в собственную экономику. Страны ЮВА, наряду с Гонконгом, служат для КНР одним из крупнейших источников поступления конвертируемой валюты.

Так, только в 1984 году Китай заработал на торгово-экономических отношениях со странами АСЕАН 600 млн. долларов, в то время как Гонконг обеспечил КНР поступления в сумме 950 млн. долларов, а в 1976 году около 2 млрд. долларов. Китайско-сингапурская торговля возросла со 166,6 млн. долларов в 1966 году до 318,2 млн. долларов в 1975 году. В 1971-1972 годы активное сальдо торговли КНР с Сингапуром составляло примерно 120 млн. долларов в год. В 1973-1975 годах его среднегодовой объем увеличился почти до 200 млн. долларов. Малайзия также имела большое пассивное сальдо в торговле с Пекином. С 1973 по 1975 год она импортировала из КНДР товаров на сумму 491,8 млн. долларов; экспорт же Малайзии в Китай составил всего 218 млн. долларов. За 1971-1979 годы валютные поступления Китая из Малайзии и Сингапура без учета платежей по неторговым операциям составили 1,1 млн. долларов. Неуклонно увеличивался объем торговли между Китаем и Филиппинами, особенно после установления в 1975 году дипломатических отношений. Филиппинский экспорт в КНР возрос с 1974 по 1976 год с 13,3 млн. до 38,2 млн. долларов. Импорт же из Китая за эти годы возрос соответственно с 23,9 млн. до 53,7 млн. долларов.

Специфическую роль в реализации внешнеполитических планов КНР играло использование этнических китайцев, проживающих в странах ЮВА. На конец 1975 года они составляли 21,9 млн. человек. В Индонезии и Лаосе на их долю приходилось 3% населения, во Вьетнаме — 4%, в Кампучии — 10%, Таиланде — 18%, Малайзии — 34,1%, в Сингапуре свыше 72,8%, в Гонконге и Макао — 98%. Китайская диаспора занимает весьма солидные экономические позиции в банковском деле в розничной и оптовой торговле, транспорте, в сфере услуг этих стран.

В 1964 году капиталовложения зарубежной китайской общины в ЮВА оценивались в 6 млрд. долларов. В Таиланде все 347 банков частично или полностью находились в руках местных китайцев. Характерным примером служит Банкогский банк, 10% акций которого принадлежали правительству, а 55% акций контролировал Хинь

Сопонпанич, таиландец китайского происхождения, занимавший пост президента этого банка. С 1969 по 1973 год банк удвоил свой капитал, который составил 500 млн. долларов. Китайские эмигранты контролировали 72% розничной торговли в стране. В их руках находились все рисоочистительные предприятия, что позволяло им фактически устанавливать цены на рис. На Филиппинах 180 тыс. китайцев сосредоточили в своих руках розничную торговлю. Из 100 крупнейших коммерческих корпораций 18 принадлежат этническим китайцам.

Китайская диаспора контролирует около 70% экономики Индонезии. В районах наибольшей концентрации китайского населения правительство Индонезии проводило широкую программу по ограничению китайской общины. Предполагалось, что с 1 апреля 1974 года торговля девятью основными видами продовольствия в этих районах сосредоточится в руках коренного населения. Было решено прекратить издание единственной газеты на китайском языке, совместное обучение в школе проводить на индонезийском языке, запретить демонстрацию китайских фильмов и театральных представлений.

В Малайзии местным китайцам принадлежало большинство каучуковых плантаций страны. Они занимали основные позиции в банковском деле, торговле, обрабатывающей промышленности, добыче олова. В их руках полностью сосредоточилась внутренняя торговля: по официальным данным на долю китайцев в 60-х годах приходилось 85% всего розничного товарооборота. Из 400 ведущих промышленных компаний Малайзии 350 принадлежали китайцам. Они владели 22,8% всего акционерного капитала, малайцы же, которые составляют 50% населения, лишь 1,5% акций.

Экономика Сингапура также практически полностью находилась под контролем местной китайской диаспоры.

Политический курс в отношении многочисленных китайских общин тесно связан с целями и задачами внешней политики КНР в странах ЮВА. На протяжении периода с 1949 по 1975 год в политике происходили заметные колебания, но неизменно сохранялась общая стратегическая линия: всемерное укрепление экономических и политических позиций китайского меньшинства в странах проживания и превращения его в действенное оружие китайской экспансии.

Нормализация отношений с США являлось одной из приоритетных задач Пекина. Стремление обеспе-

чить наиболее действенный противовес Советскому Союзу в Азии соответствовало традиционной китайской тактике блокирования с "второстепенным" противником, каким в данном случае Пекин считал США, против "врага номер один" под которым подразумевался Советский Союз. Поскольку США являлись главным противником Советского Союза на мировой политической арене, интересы КНР и США совпадали, в частности, обе страны желали помешать укреплению влияния СССР в Индокитае и других районах Азии. Вместе с тем снижение уровня военной конфронтации с США позволяло КНР высвободить значительные ресурсы и перегруппировать вооруженные силы, сконцентрировав их против Советского Союза.

В первые годы после визита президента США Р.Никсона в Пекин, состоявшегося в 1972 году, торговля между двумя странами быстро росла. Китай закупал в США зерно и сельскохозяйственные продукты. В 1973 году поставки пшеницы, хлопка, соевых бобов и кукурузы составили 80% экспорта США в КНР. В списке торговых партнеров КНР США в этот период занимали второе место после Японии. Вместе с тем диспропорция между экспортом и импортом составляла в 1973 году 11:1, в 1974 году — 7:1 в пользу США. Торговля КНР с США в 1972-1976 годах выглядела примерно так:

год	оборот (млрд. долларов)	экспорт (млрд. долларов)	импорт (млрд. долларов)
1972	95,9	32,4	63,5
1973	803,6	63,9	739,7
1974	933,8	114,7	819,1
1975	462	158,4	303,6
1976	337,2	201,6	135,6

Из США Китай импортировал не только необходимые ему сельскохозяйственные продукты, но и комплектное промышленное оборудование. В 1972 году были заключены контракты на поставку в Китай 10 гражданских самолетов "Боинг-707" на сумму 150 млн. долларов, оборудования для заводов по производству удобрений и для горнодобывающей промышленности, а так же системы телевизионной связи и высокоточной измерительной аппаратуры. Основное место среди китайских поставок в США занимали щетина, корица, изделия художественных промыслов, ковры, ткани, фарфор, морепродукты.

Во внешней политике Японии отношения с США в течение всех послевоенных лет занимают важнейшее место. Укрепление и развитие японо-американского союза неизменно рассматривалось как краеугольный камень всех правительств, стоявших у власти в послевоенные годы.

Нобусукэ Киси, занимавший пост министра иностранных дел в правительстве Тандзан Исибаси подтвердил неизбежность: курса «Японо-американское сотрудничество является основой основ японской внешней политики. Оно зиждется на широкой общности интересов и целей Японии и Соединенных Штатов как в области политики и экономики, так и в области обороны». В развитии японо-американских отношений можно выделить несколько четко очерченных периодов.

Первый охватывает годы американской оккупации (1945-1951гг). Это был период всестороннего управления США в Японии. Создавшаяся обстановка была использована Вашингтоном для того, чтобы пустить глубокие корни во всех областях жизни страны. Установление тесных связей между американскими и японскими монополиями, переориентация японской промышленности на американский рынок, проведение различных реформ, обустройство государственных институтов по американским образцам, назначение на важнейшие посты в государственном аппарате проамерикански настроенных деятелей, создание, наконец, атмосферы преклонения перед мощью и величием США как образца для подражания в глазах японской правящей элиты, — все это способствовало завоеванию Соединенными Штатами прочных позиций в области экономики и политики. Следующий период в развитии американо-японских отношений начинается с заключения Сан-Францисского мирного договора в сентябре 1951 года и хронологически доходит до июня 1960 года — вступления в силу нового договора безопасности между США и Японией.

Сан-Францисский мирный договор, заключенный 8 сентября 1951г. и вступивший в силу 28 апреля 1952 г., положил конец оккупационному статусу, и вся полнота государственной власти была передана японскому правительству. Однако восстановление государственного суверенитета Японии было осуществлено таким образом, что США закрепили за собой все преимущества и привилегии, полученные за годы оккупации. Единовременно с Сан-Францисским мирным договором был заключен пакт безопасности — военный договор, предоставлявший США право создавать на территории Японии неограниченное количество военных баз и держать любые кон-тингенты войск. Положения пакта безопасности были уточнены, расширены и дополнены подписанным 28 февраля 1952 г. административным соглашением, регулирующим условия его применения, подписанным 8 марта 1954 г. Соглашением о помощи в обеспечении взаимной безопасности и заключенным 22 марта 1956 г. Соглашением об обмене патентами и технической информацией оборонного характера.

В области экономических связей основным юридическим документом стал подписанный 2 апреля 1953 г. и вступивший в силу 30 октября 1954 г. Договор о дружбе, торговле и мореплавании.

Все эти договоры и соглашения составили юридическую основу теснейшего военно-политического и экономического союза, сложившегося в послевоенные годы между США и Японией. Соединенные Штаты стремились посредством этого союза сохранить в своих руках основные рычаги контроля над Японией, повысить ее роль в

своей военно-стратегической системе в Азии как основной военно-промышленной и оперативной базы, использовать в качестве противовеса Китаю и форпоста для установления полного контроля над странами

ЮВА.

Третий период японо-американских отношений начинается с подписания нового договора о безопасности в январе 1960 года. Этот договор уже не возлагал на американские войска полицейские функции и был ограничен во времени — срок его действия был ограничен десятью годами в отличие от бессрочного пакта безопасности 1951 года.

Этот период ознаменовался существенными изменениями в соотношении сил, и прежде всего экономической мощи между США и Японией, что привело к постепенной трансформации японо-американского союза. Не подвергая существенным изменениям своей юридической формы, он стал наполняться новым содержанием. Японское правительство, опираясь на возросшую мощь страны, не только обеспечило себе высокую степень равноправия, но и начало предъявлять претензии и требования к США по тем вопросам, которые особенно задевали их интересы. Что же касается Соединенных Штатов, то изменения в расстановке сил значительно повысили роль и значение Японии в их политике как важнейшего союзника в достижении своих целей.

В дополнение к различного рода договорам и соглашениям был создан разветвленный аппарат двусторонних комитетов на самом высоком уровне для рассмотрения спорных вопросов, согласования позиций и принятия удовлетворяющих обе стороны решений по широкому кругу вопросов.

Бурное экономическое развитие позволило Японии перейти от курса: «Японо-американское сотрудничество является основой основ японской внешней политики», которого она придерживалась в послевоенные годы, к формуле новой доктрины: «Соответствие политической роли экономической мощи» и формированию новой позиции: «Япония больше не может, как в прошлом, односторонне зависеть от Соединенных Штатов — в военном, политическом и экономическом отношениях... Мы должны стремиться углублять наше понимание Соединенных Штатов с позиции, максимально приближенной к позиции равноправного партнерства».

Таким образом, международная обстановка складывающаяся в Азиатско-Тихоокеанском регионе в послевоенный период, требовала присутствия на политической арене региона более чем двух основных супердержав - СССР и США. Они были вынуждены находить среди стран региона верных союзников и проводников своей политической линии.

Советский Союз приобрел такого союзника в лице КНР. Десятилетнее тесное сотрудничество СССР и КНР во всех областях экономики — в промышленности, в энергетике, в сельском хозяйстве, в строительстве, в транспорте, в области науки и образования позволило Китаю стать одним из крупнейших участников мирового политического процесса. Это сотрудничество имело под собой преимущественно идеологическую почву, зачастую оно было лишено экономической целесообразности, и что наиболее важно, не было подкреплено присутствием вооруженных сил Советского Союза на территории КНР. Эти обстоятельства дали возможность Китаю изменить политический курс и не оглядываться на Москву при принятии решений.

Выбор Соединенных Штатов пал на Японию. На этот выбор повлияло благоприятная для США ситуация, сложившаяся по окончании Второй мировой войны. В отличие от СССР, США сделали ставку на военное присутствие в Японии, при этом активно способствуя развитию ее экономики. Такая схема сотрудничества позволила США контролировать внутри- и внешнеполитическую ситуацию и использовать Японию как самый действенный инструмент проведения своей политической линии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, влиять на складывающуюся обстановку в странах Юго-Восточной Азии, препятствовать укреплению влияния Советского Союза в этом регионе.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в 1990-е годы и начале XXI века

§ 1. Новый мировой порядок

На современном этапе международной политической жизни корпоративный характер геополитики великих держав очевиден. Анализ многих официальных документов США и их союзников, а также материалов неформальных внешнеполитических дискуссий последних лет позволяет сделать вывод о том, что вся внешнеполитическая деятельность Соединенных Штатов сейчас и в обозримом будущем направлена на укрепление всех звеньев весьма сложной структуры международной безопасности, обеспечивающей единство

действий Запада в целом. При этом Вашингтон считает крайне важным укрепление своей лидирующей роли, усиление НАТО и других военно-политических блоков, подчинение ООН НАТО при осуществлении на практике политики коллективной безопасности, сдерживание с помощью НАТО, ООН, ОБСЕ различных антизападных сил.

Эффективная реализация известной формулы расширяющейся коалиции C4I1 (Command Control, Communications, Computers, Intelligence, а по-русски — К4Р1 (Командование, Контроль, Коммуникации, Компьютеры, Разведка) воспринимается правящими кругами США в качестве категорического императива международных отношений.

Это же сильно волнует и НАТО, существенно изменившую свои функции с поправкой на время и новую конъюнктуру в международных делах, глобальной экономике, мировой политике, идеологии.

Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе. В условиях многополярного мира всеобъемлющие принципы руководства реагированием НАТО в области обороны на распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) включают в себя:

- обеспечение сплоченности Североатлантического союза посредством предоставления широкого участия в военной подготовке союзников к проведению операций в условиях наличия угрозы распространения ядерного, биологического и химического (ЯБХ) оружия;
- поддержание свободы действий и демонстрации любому потенциальному противнику, что Североатлантический союз нельзя принудить с помощью угрозы применения или применения ЯБХ-оружия;
- заверение как союзников, так и партнеров по коалиции в способности Североатлантического союза эффективно реагировать на угрозы применения ЯБХ-оружия или при нападении с его применением защищаться;
- обеспечение гибких и эффективных процедур проведения консультаций с целью скорейшего разрешения кризисов, чреватых распространением, угрозой применения или применением ЯБХ-оружия;
- дополнение усилий, направленных против распространения ОМУ, сочетанием военных возможностей, обеспечивающих ЯБХ-оружие посредством уменьшения стимулов к его приобретению и повышению цены последнего;
- дополнение ядерного сдерживания сочетанием оборонительных и обладающих способностью гибкого реагирования потенциалов обычных вооруженных сил с эффективными средствами разведки и наблюдения, которые в своей совокупности усилят общий потенциал Североатлантического союза по сдерживанию возникающих в результате распространения ОМУ угроз посредством расширения выбора тех, кто принимает в этом союзе решения, в периоды кризисов и конфликтов;
- сбалансирование совокупности потенциалов, включая потенциалы ядерных и обычных сил, с целью обеспечения безопасности ЯБХ-оружия того или иного распространителя путем сведения на нет военных преимуществ этого ОМУ и создания перспективы подавляющего ответного удара в случае его применения;
- определение степени приоритетности необходимых потенциалов с точки зрения их вклада в достижение целей Североатлантического союза;
- вмешательство в конфликты с целью их разрешения, включая темпы и направленность военных операций и способность занимать господствующее положение на всех стадиях любого конфликта;
- модификация потенциалов по мере изменения характера угроз с уделением основного внимания существующим условиям и вероятным тенденциям краткосрочного развития обстановки, прежде всего региональной, и сохранением различных возможностей для размещения в случае необходимости более эффективных систем в будущем;
- уделение основного внимания мобильности систем в тех случаях, когда предполагается, что угрозы распространения ЯБХ-оружия будут носить преимущественно региональный характер и что вооруженные силы НАТО могут быть привлечены к проведению операций за пределами зоны действий этой организации;
- интеграция концепций, связанных с ЯБХ-оружием, в оборонное планирование и процессы стандартизации Североатлантического союза.

Логика действий НАТО в рамках Программы "Партнерство во имя мира" и расширение НАТО в целом, полностью соответствуют обновленной геостратегии, которая осуществляется Западом под эгидой США.

"Расширение НАТО, — подчеркивается в специальном исследовании, подготовленном экспертами Североатлантического союза в сентябре 1995 г., — будет способствовать укреплению стабильности и безопасности в Евроатлантическом регионе следующим образом:

- поощрять и поддерживать демократические реформы, включая гражданский и демократический контроль над вооруженными силами;
- способствовать развитию в странах — новых членах Союза форм и навыков

сотрудничества, проведения консультаций и достижения консенсуса, что является характерным для отношений, существующих в настоящее время между союзниками;

- развивать добрососедские отношения, выгодные для всех стран Евро-атлантического региона, как членов НАТО, так и таковыми не являющихся;

- усиливать совместную оборону и распространять ее преимущества, а также увеличивать транспарентность оборонного планирования и военного бюджета и, таким образом, уменьшить вероятность нестабильности, которая может быть вызвана подходом к оборонной политике исключительно в интересах того или иного государства;

- укреплять стремление к интеграции и сотрудничеству в Европе, основывающееся на единых демократических ценностях и, таким образом, сдерживать противобойствующую тенденцию дезинтеграции по этническим или территориальным признакам;

- усилить способность Союза содействовать европейской и международной безопасности, в том числе миротворческую деятельность по уполномочиванию ОБСЕ и миротворческие операции под эгидой Совета Безопасности ООН и через другие, новые, виды деятельности;

- укреплять и расширять трансатлантическое партнерство.

Расширение Союза будет происходить через присоединение к Вашингтонскому договору новых стран-членов к Вашингтонскому договору. Оно должно:

- согласовываться с целями и принципами Устава ООН и способствовать их дальнейшему развитию, гарантировать свободу, общее наследие и ценности цивилизации всем членам Союза и народам этих стран на основе принципов демократии, свободы личности и верховенства права;

- строго согласовываться со статьей 10 Вашингтонского договора, в которой говорится, что "стороны могут, по всеобщему согласию, предлагать любому другому европейскому государству, способному развивать принципы настоящего Договора и вносить свой вклад в безопасность Североатлантического региона, присоединиться к настоящему договору...";

- исходить из того, что новые члены будут пользоваться всеми правами и принимать на себя все обязательства по Вашингтонскому договору;

- усиливать действенность и сплоченность Союза, поддерживать его политический и военный потенциал для осуществления основных функций совместной обороны, миротворческих операций и других новых видов деятельности;

- быть частью общеевропейской структуры безопасности, основывающейся на подлинном сотрудничестве во всей Европе;

- принимать во внимание важность в настоящем и будущем роли МБР и ПВМ, деятельность которых направлена на подготовку заинтересованных партнеров через их участие в работе на использование преимуществ и выполнение обязательств, связанных с их возможным членством в НАТО, а также служить средством укрепления отношений со странами партнерами, которые не собираются вступать в Союз или вообще, или в ближайшем будущем; способствовать активному участию всех членов НАТО в программе "Партнерстве во имя мира", которое должно играть важную роль в эволюционном процессе расширения НАТО;

- дополнять параллельный процесс расширения Европейского союза, который также, в свою очередь, способствует распространению безопасности и стабильности новых демократий на Востоке.

Новые члены, в момент их вступления, должны, как все нынешние союзники по Вашингтонскому договору, принять на себя следующие обязательства:

- объединить свои усилия для коллективной обороны и для сохранения мира и безопасности, урегулировать любые международные споры, в которые они могут быть вовлечены, мирными средствами — так, чтобы мир, безопасность и справедливость не ставились под угрозу силы, и воздерживаться от угрозы применения силы любым способом;

- способствовать развитию мирных и дружественных международных отношений через укрепление своих свободных институтов, лучшему пониманию принципов, на которых эти институты были основаны, а также созданию лучших условий для стабильности и процветания;

- поддерживать действенность Союза путем разделения с союзниками ролей, потенциальных опасностей, обязанностей, расходов и преимуществ в процессе обеспечения достижения целей и задач общей безопасности".

Осуществляя такие грандиозные проекты расширения сферы своего влияния и эффективно наращивая наднациональную организационную мощь, НАТО и правящие круги Соединенных Штатов добиваются по-

истине всеобъемлющей стандартизации управления экономическими, военно-политическими, идеологическими и общественными процессами на планете. При этом сугубо военные аспекты международной безопасности приобретают еще более существенное, чем прежде, значение.

Страны — участницы Североатлантического союза давно поняли, что для того чтобы вооруженные силы в составе многонациональных формирований действовали эффективно, необходимо наличие у них общих доктрин и принципов, а также максимального уровня адаптации различных систем вооружений к новым условиям. Для того, чтобы добиться высокой оперативной совместимости, НАТО в течение многих лет принимало большие усилия по заключению и выполнению соглашений о союзных обязательствах. С установлением после окончания "холодной войны" отношений партнерства и сотрудничества с государствами Центральной и Восточной Европы масштабы этих усилий возросли. Сейчас, когда накоплен опыт, полученный в результате привлечения вооруженных сил входящих в НАТО стран к участию в различных миротворческих операциях, и когда НАТО приближается к финальной стадии принятия решений о своем расширении, вопрос перехода от сотрудничества между НАТО и странами-партнерами данной организации к их оперативной совместимости становится ключевым.

В НАТО оперативная совместимость определяется как "способность систем, подразделений и сил предоставлять услуги другим системам, подразделениям или силам и пользоваться их услугами в порядке такого обмена, при котором стороны получают возможность эффективных совместных действий".

Североатлантический союз на протяжении всех лет своего существования стремится к тому, чтобы его военная деятельность полностью соответствовала данному определению. Но в условиях нового партнерства 90-х гг. XX века сам принцип совместимости и аккумуляции усилий стран — участников НАТО стал подвергаться корректировке. В связи с этим главнокомандующий НАТО, Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе и Верховный главнокомандующий ОВС НАТО на Атлантике сочли необходимым внести предложение о том, чтобы применительно к партнерам оперативная совместимость непременно включала в себя:

- изучение доктрин, процедур и практической деятельности НАТО личным составом и подразделениями, способными эффективно работать над конкретными операциями в НАТО и руководимых ею организациях;
- адаптирование или защиту оборудования, совместимого с оборудованием НАТО;
- отбор штатных офицеров и изучение ими доктрины и процедур НАТО с тем, чтобы иметь возможность назначения специалистов на штатные должности в НАТО, или руководимых ею центрах управления войсками, или на национальные посты, связанные с деятельностью НАТО в рамках Программы "Партнерство во имя мира".

Поэтому одной из важных задач является расширение и развитие партнерами отношений сотрудничества с НАТО в военной области с целью планирования, подготовки и проведения учений, направленных на расширение потенциальных возможностей по выполнению миссий по поддержанию мира и проведению поисково-спасательных и гуманитарных операций. Другая важная задача ПВМ не случайно состоит в создании и укреплении партнерами на долгосрочной основе сил, обладающих повышенной способностью проведения операций совместно с силами стран-членов НАТО. Обе эти задачи тесно связаны с задачей обеспечения оперативной совместимости.

По мере роста масштабов своей деятельности Североатлантический пакт твердо намерен и впредь развивать ПВМ путем расширения и углубления процесса планирования и проверки выполнения программы (ПППВМ), имеющего своей целью повышение уровня оперативной совместимости и транспарентности стран — членов НАТО и стран-партнеров. Увеличивая масштабы партнерства в таких областях, как отношения в гражданской и военной сферах, оперативная совместимость, оборонная политика и военное планирование, Североатлантический союз создает предпосылки к образованию своеобразной тотальной военной силы Запада, предполагающей универсальную схему расширения сферы "прямого действия" на "остальную" (незападную) мир с тем, чтобы окончательно подчинить себе всю планету. В связи с этим на заключительном коммюнике совместного заседания комитета военного планирования и группы ядерного планирования НАТО на уровне министров в Брюсселе 17 декабря 1996г. зафиксировало следующие принципы внешнеполитической стратегии:

1. В ожидании встречи в верхах Североатлантического совета, которая пройдет в Мадриде 8 и 9 июля 1997 г. проведена большая работа по адаптированию военных структур союза в рамках продолжающегося процесса трансформации НАТО. Весь коллективный оборонный потенциал Североатлантического союза будет оставаться необходимым для обеспечения европейской безопасности и стабильности. Этот потенциал служит для выполнения всего спектра задач НАТО, в том числе для поддержки развития всех союзников, европейского компонента в области безопасности и обороны в рамках союза. Он, в частности, будет жизненно важен для успеха сил по стабилизации в Боснии и Герцеговине и, следовательно, для укрепления мира и стабильности в бывшей Югославии, в рамках операции "Джойнт эндевор".

2. Североатлантический союз полон решимости и далее обеспечивать эффективную взаимосвязь своих индивидуальных и коллективных военных потенциалов. Они были существенно реорганизованы и переориентированы с учетом стратегиче

ских обстоятельств, возникших после окончания "холодной войны". Силы НАТО должны тем не менее быть надлежащим образом укомплектованы для выполнения всего спектра миссий союза.

3. Система военного планирования союза играет центральную роль в достижении этих целей. Она претерпевает изменения с тем, чтобы оставаться эффективным механизмом для координации военного планирования союза. В результате будет обеспечен единый, взаимосвязанный процесс военного планирования с целью развития сил и возможностей, необходимых для выполнения всего спектра миссий союза, в том числе и операций под руководством ЗЕС.

4. В рамках регулярного пересмотра усилий НАТО в области обороны, рассмотрены национальные планы обороны на 1997-2001 гг. и на следующие годы и принят пятилетний план, направленный на продолжение адаптации военных планов НАТО к новой ситуации в области безопасности. Структура сил НАТО, оставаясь способной полностью обеспечить выполнение всех основных функций союза по сдерживанию и коллективной обороне, теперь хорошо приспособлена для регулирования кризисов и проведения операций по поддержанию мира и, таким образом, для сотрудничества с партнерами. Планы модернизации сил в целом удовлетворяют требованиям союза, хотя в некоторых случаях бюджетные ограничения задерживают их выполнение. Процесс планирования вооруженных сил, в частности, потребует дальнейшего внимания к таким важным областям, требующим улучшения, как способность к быстрому развертыванию системы командования, управления и коммуникаций; стратегическая мобильность; способность к длительным действиям; наземная система противовоздушной обороны и системы стратегического наблюдения и разведки.

5. В связи с необходимостью обеспечения способности союза осуществлять весь спектр миссий, на заседании Комитета военного планирования и группы ядерного планирования НАТО в июне 1996 г. была подчеркнута важность развития возможностей для противостояния опасностям, возникающим из-за распространения ядерного, биологического и химического оружия и средств их доставки. Руководители НАТО выразили понимание того, что новые цели вооруженных сил должны быть определены таким образом, чтобы этим опасностям можно было противодействовать в рамках существующих процедур союза. Сегодня Комитет военного планирования и группы ядерного планирования НАТО одобрили эти дополнительные цели вооруженных сил. Кроме того, они дали указания, касающиеся дальнейшей работы по борьбе с опасностями, связанными с распространением оружия массового поражения. Работа эта будет выполняться в рамках процесса планирования операций с использованием вооруженных сил.

6. Ядерные силы союза продолжают играть уникальную и главную роль в стратегии союза. Их основная цель — политическая: сохранить мир и предотвратить попытки использовать методы принуждения. Уменьшение акцента на ядерных вооружениях следует приветствовать. Это выразилось в постепенно проводимом с 1991 года значительном сокращении ядерных сил союза и снижении степени их боеготовности. Ядерные силы союза не нацелены ни на какую страну. НАТО подтверждает, что присутствие ядерных сил США в Европе, приданных союзу, остается крайне важным и прочным политическим и военным связующим звеном между европейскими и североамериканскими членами союза. При этом выражается решимость обеспечить соответствие состояния ядерных сил высочайшим нормам безопасности и надежности.

7. Сообщение Соединенных Штатов об их переговорах с Россией относительно дальнейшего прогресса по различным ядерным проблемам воспринимается с удовлетворением. В этом контексте НАТО призывает российскую Думу быстро ратифицировать СНВ-2 и выражает полную поддержку усилиям по успешному завершению двусторонних переговоров о стратегических системах ПРО и системах ПРО ТВД.

8. В период, когда НАТО значительно сократило свои ядерные силы, Россия все еще сохраняет большое число тактических ядерных вооружений всех типов. Североатлантический союз призывает Россию завершить сокращение этих вооружений, о которых было объявлено в 1991 и 1992 гг., и далее пересмотреть свои запасы тактических ядерных вооружений с тем, чтобы произвести их дальнейшее значительное сокращение. НАТО приветствовало помощь, предоставленную несколькими странами НАТО для обеспечения безопасного демонтажа оружия массового поражения в России, на Украине, в Белоруссии и Казахстане, и призывает всех своих союзников изыскать дополнительные возможности для внесения своего вклада.

9. НАТО приветствует завершение вывода ядерных боеголовок из Белоруссии в соответствии с Лиссабонским протоколом 1992 года. НАТО приветствует завершение работы над Договором о полном запрещении ядерных испытаний, который поддается проверке, имеет универсальный характер и обеспечивает действительно ну

левой уровень, и призывает все страны ратифицировать этот договор, который, вступив в силу, внесет важный вклад в предотвращение распространения ядерных вооружений. Следует подчеркнуть важность начала переговоров о прекращении производства расщепляющихся материалов для ядерных вооружений.

Достаточно глубокая разработанность геополитических концепций НАТО и запада в целом очевидна. Ясны, впрочем, и серьезные различия между текстами официальных документов данной организации и истинными намерениями военно-политического блока укрепить свое могущество путем широкомасштабного использования военной силы против любого условного противника.

Будущие сценарии противодействия Североатлантического союза всевозможным угрозам стабильности индустриально-развитых держав, разработанные стратегами НАТО, довольно часто выглядят оптимистическими, но непременным условием победы НАТО считается коллективизм при решении ключевых проблем международной безопасности.

Совершенно очевидно, что деятельность НАТО, осуществляемая под руководством США по схеме "Сотрудничество — расширение — адаптация", рассчитана на максимальную консолидацию сил Запада в целом. Если так понимать новую парадигму расширения демократических стран Европейского сообщества, НАТО, то на рубеже XX-XXI вв. дело вполне может дойти до прямого столкновения цивилизаций, о чем и предупреждает С. Хантингтон в своих трудах.

Сила в своем конкретном применении весьма опасна, но Запад ее максимально использует в своей современной геостратегии, завершая формирование нового мирового порядка и закладывая основы такой архитектуры международной безопасности, которая гарантирует долгосрочное преимущество технологического развития нациям на планете. Что остается обновляющейся России? Готовиться к осуществлению различных контрдействий, искать союзников в разумном и эффективном противостоянии Западу в целом, иначе международное положение в региональном и глобальном масштабе существенно ухудшится.

Слова нынешние высшие российские руководители нередко произносят правильные. Например, в Послании президента РФ Федеральному собранию подчеркивалось: "На европейском направлении в 1997 г. главной проблемой внешней политики и безопасности России будет оставаться предполагаемое расширение НАТО на Восток. Подтверждается уже не раз заявленное резко отрицательное отношение России к этим планам. Они противоречат интересам безопасности России, чреваты новым расколом Европы. Снизится значение существующих общеевропейских политических организаций.

Выход из нынешней сложной ситуации есть. Начался серьезный разговор с НАТО по всему комплексу отношений. Россия — за твердые гарантии взаимной безопасности, в том числе в ядерной сфере, за создание надежного механизма консультаций и принятия решений. Всем этим договоренностям нужно придать четкую правовую форму. Назрела и необходимость адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе к новым политическим реальностям.

Обо всех этих проблемах шел и будет идти обстоятельный разговор с главами европейских государств, с президентом США. Приложу все усилия, чтобы в ходе предстоящих встреч добиться серьезных договоренностей по равноправному долговременному сотрудничеству.

Напомню: без России, и тем более вопреки ей, еще никто в Европе не смог и не сможет создать эффективную систему безопасности".

Делами данные констатации никак, впрочем, не оказались подкрепленными со стороны российской федеральной исполнительной власти.

Реакция российских законодателей на стратегические новации Запада в целом на словах была также нарочито сердитой, а в действительности оказалась никчемной и весьма противоречивой.

Официально позиция Государственной Думы РФ в отношении процесса расширения НАТО была открыто заявлена во время приезда в Москву 17 октября 1996 года

министра обороны США У. Перри. Ее обозначил в своем выступлении Председатель Комитета Государственной Думы по обороне Л. Я. Рохлин. Он, в частности, отметил, что в своих встречах с руководством НАТО, представителями Министерства обороны США, сенаторами и конгрессменами, советниками президента США и другими общественными деятелями он часто сталкивался с мнениями, которые никак нельзя назвать дружелюбными. Л. Я. Рохлин процитировал заявление одного из советников президента Клинтона, который считал возможным подчеркнуть, что НАТО движется на Восток, чтобы Россия никогда больше не была в Европе, а США никогда из нее не ушли.

Председатель комитета Госдумы РФ по обороне специально отметил, что тактические ядерные средства, расположенные в странах Прибалтики и Центральной Европы вполне способны достичь многих российских стратегических объектов, а крылатые ракеты, запущенные с фронтовых бомбардировщиков, запросто поразят цели вблизи Москвы. Таким образом, тактические средства НАТО по сути выполняемых задач быстро превратятся в стратегические, что серьезно нарушит мировой ядерный баланс.

Л. Я. Рохлин тогда выразил сомнение, что экономически ослабленная Россия сможет выполнить Договор СНВ-2, так как предусматриваемое по нему резкое сокращение одних типов ядерных вооружений и наращивание других потребует от России огромных материальных затрат.

Более выгодным для Российского государства он считал вариант отказа от Договора СНВ-2 и переход к Договору СНВ-3, в котором предусматриваются условия равных экономических затрат и обеспечивается равная безопасность при сокращении ядерных вооружений.

В заключение своего выступления Л. Я. Рохлин предложил жестко увязать ратификацию Договора СНВ-2 с решением федеральной исполнительной власти России ключевых вопросов национальной безопасности, связанных с расширением НАТО на Восток.

Следует отметить, что протесты против расширения НАТО привели к оформлению в Госдуме РФ комиссии "Анти-НАТО", лидерами которой выступили С.Н. Бабурин, Т.Х. Гдлян, А.Н. Чилингаров, Н.В. Кривельская. Всего в новое объединение вошли 260 депутатов различных фракций.

Основными направлениями своей деятельности комиссия объявила:

- обобщение и анализ материалов, связанных с процессом расширения НАТО на Восток;
- запрос у федеральных и региональных органов государственной власти информации о материалах, необходимых для осуществления деятельности комиссии;
- сбор информации и проведение соответствующих пресс-конференций.

Ее усилия в Госдуме РФ дополнили многие представители Комитета по геополитике и, в особенности, А. Митрофанов, который настойчиво предлагал "законодательно определить НАТО как враждебный России военно-политический блок".

Кроме того, А. Митрофанов выдвинул идею создания оси "Берлин — Москва — Токио" и блока "Россия — Китай — Индия" как структуры, способные противостоять НАТО. Идея сближения России с Китаем и Индией в условиях принятия в альянс новых членов, кстати, выдвигалась и другими оппозиционно настроенными к Б.Н. Ельцину российскими законодателями. Возможно, учитывая именно эти настроения в Госдуме, федеральная исполнительная власть России уже весной 1997 года обозначила необходимость некоторых конкретных действий в данном направлении. Президент России Б. Ельцин, в частности, заявил, что "нам необходимо активнее развивать сотрудничество со странами СНГ, Китаем и Индией". В подтверждение этого во время визита в Москву 22—26 апреля 1997 года Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя была подписана Декларация о многополярном мире. Акция, конечно же, носила декларативный характер, поскольку на внешнеполитической арене важно было немного "попугать" сугубо США сближением с Китаем, а на внутривнутриполитической сцене ловким популистским примером успокоить оппозицию, однозначно отрицательно относящуюся к планам НАТО на расширение.

В Госдуме РФ, впрочем, были значительно представлены и либеральные взгляды на расширение НАТО. К таковым можно отнести мнение депутата С.Сулакшина, заместителя председателя Комитета Государственной Думы по промышленности, строительству, транспорту и энергетике, который заявил: "Россия, имея право остаться при своем мнении, должна жить с теми, кого судьба определила ей в соседи. А значит, нужно развивать отношения с тем НАТО, которое реально существует. И еще лучше, если такое развитие будет вести к расширению наших контактов, а с ними — и возможностей России влиять на ее партнеров по НАТО. Расширяя наше политическое партнерство с НАТО, мы должны сразу же дать понять нашим брюссельским партнерам, что безопасность в Европе может быть обеспечена только при условии полномасштабных военных обязательств не только о ненападении, но и взаимной помощи в случае, если та или иная страна — член организации подвергнется нападению. Альтернативой этому может быть лишь глубокая модернизация НАТО, означающая трансформацию из военного блока в ядро будущей евроатлантической миротворческой организации, и в такой организации Россия готова стать полноправной участницей".

Данный законодатель подчеркнул несовпадение и несовместимости многих стандартов и нормативов России и НАТО, связанных с экономикой и развитием рынков вооружений стран. Решение такой важной проблемы он видел в постепенном устранении барьеров на пути взаимодействия России с НАТО, следуя опыту Франции и учитывая в полной мере то обстоятельство, что процесс адаптации национальных арсеналов к принятым в НАТО стандартам и их унификация должны осуществляться на взаимной основе, путем обоюдных уступок и рационального выбора сохраняемого типажа с учетом тактико-технических преимуществ конкретных систем.

Фактически Государственная Дума РФ практически единогласно выступила против расширения НАТО. Различие взглядов выразилось лишь в выборе варианта возможных ответных действий России — от полного неприятия любых акций НАТО до предложений по сотрудничеству и нахождения взаимовыгодного решения по выходу из сложившейся ситуации и попыток противостоять принятию в члены альянса стран "второй очереди".

В связи с этим необходимо отметить ряд принятых Парламентом России документов по вопросу расширения НАТО: Обращение Государственной Думы от 25 октября 1997 года "В связи с планами расширения НАТО", Заявление Государственной Думы от 12 марта 1997 года "В связи с переговорами между Россией и НАТО Обращение от 14 марта 1997 года "К Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину в связи с его предстоящей встречей с Президентом Соединенных Штатов Америки Б. Клинтон", Обращение от 24 апреля 1997 года "К парламентариям государств — членов НАТО" и Заявление Государственной Думы от 23 мая 1997 года "Об отношениях между Российской Федерацией и НАТО".

Изучение их показывает, что российских законодателей особенно волновал тот факт, что "расширение НАТО неизбежно приведет к росту военных расходов всех государств континента (нынешних членов НАТО, кандидатов на вступление в эту организацию и, естественно, России), а это означает, что нашей стране, возможно придется пойти на свер-

тывание ряда программ перехода к рыночной экономике".

Таким образом, российское противодействие расширению НАТО на Восток увязывалось не только с блокированием ратификации договора СНВ-2, но и со свертыванием некоторых программ реформирования экономики.

Законодатели специально подчеркивали: "Государственная Дума поддерживает позицию Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в том, что любое соглашение между Российской Федерацией и НАТО должно иметь обязывающий характер, содержать действительные гарантии безопасности Российской Федерации и обеспечивать полноправное участие России в принятии решений по принципиальным вопросам сохранения стабильности в Европе".

Их позиция, к сожалению, ровным счетом ничего не значила. Федеральная исполнительная власть России полным ходом шла к подписанию Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора.

27 мая 1997 года в Париже Президентом России и главами государств — членов НАТО этот документ — Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора — между Россией и НАТО был подписан.

По мнению Б.Н. Ельцина, в результате переговоров между Россией и НАТО достигнут взвешенный, сбалансированный результат, так как выработанные договоренности "ограждают наши национальные интересы, безопасность государства". Основополагающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора включил в себя четыре блока.

Первый блок — "Принципы" — обозначил круг основных положений, которым привержены стороны при подписании документа:

- развитие на основе транспарентности прочного, стабильного, надежного и равноправного партнерства и сотрудничества с целью укрепления безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе;
- признание жизненно важной роли, которую демократия, политический плюрализм, верховенство закона и уважение прав человека и гражданских свобод, а так же развитие рыночной экономики играют в развитии общего процветания и всеобъемлющей безопасности;
- отказ от применения силы или угрозы силой друг против друга или любого другого государства, его суверенитета, территориальной целостности или политической независимости любым образом, противоречащим Уставу Организации Объединенных Наций и содержащейся в хельсинском Заключительном акте Декларации принципов, которыми государства-участники руководствуются во взаимных отношениях;
- уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности всех государств и их права выбора путей обеспечения собственной безопасности, нерушимости границ и права народов на самоопределение, как это закреплено в хельсинском Заключительном акте и других документах ОБСЕ;
- взаимная транспарентность в разработке и осуществлении оборонной политики и военных доктрин;
- превращение конфликтов и урегулирование споров мирными средствами в соответствии с принципами Организации Объединенных Наций и ОБСЕ;
- поддержка, в каждом конкретном случае, миротворческих операций, осуществляемых под руководством Совета Безопасности Организации Объединенных Наций или под ответственностью ОБСЕ.

Второй блок — "Механизм консультаций и сотрудничества. Совместный постоянный совет Россия - НАТО" — обосновал необходимость Совместного постоянного совета Россия - НАТО, который должен осуществлять три конкретных вида деятельности:

- проведение консультаций по темам раздела III настоящего Акта и по любому другому политическому вопросу или вопросу безопасности, определенному по взаимному согласию;
- выработка на основе этих консультаций совместных инициатив, по которым Россия и НАТО договариваются делать параллельные официальные заявления или предпринимать параллельные действия;
- в случае достижения консенсуса в ходе консультаций принятие совместных решений и осуществление совместных действий в каждом конкретном случае, включая участие на равноправной основе в планировании и подготовке совместных операций, в том числе миротворческих операций под руководством Совета Безопасности ООН или под ответственностью ОБСЕ.

Третий блок — "Области консультаций и сотрудничества" — перечислил совокупность тем, по которым стороны договорились проводить совместные консультации, включая:

- вопросы, представляющие взаимный интерес, относящиеся к области безо

пасности и стабильности в Евroatлантическом регионе;

- участие России в Совете Евroatлантического партнерства и программе "Партнерство ради мира";
- весь спектр вопросов по ядерной безопасности;
- возможное сотрудничество в области тактической ПРО;
- взаимные обмены, по мере необходимости, по вопросам ядерного оружия, включая доктрины и стратегию России и НАТО;
- борьбу с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков;
- улучшение понимания общественностью развивающихся отношений между Россией и НАТО, включая учреждение центра документации НАТО или информационного бюро НАТО в Москве.

Последний, четвертый блок — "Военно-политические вопросы" — касался рассмотрения вопроса о размещении ядерного оружия на территории новых членов альянса, обозначив желание государств — членов НАТО не иметь намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО сейчас и в будущем.

В целом документ получился довольно расплывчатым по своим основным формулировкам. Его принятие фактически закрепило приоритетные позиции Запада в целом во всех структурах нового мирового порядка, не дав никакого нового шанса России на какой-либо прорыв в международных делах.

Подписание Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО несколько снизило остроту дискуссий в средствах массовой информации по проблема расширения Североатлантического союза. Эта проблема, однако, осталась приоритетной в международной политике, дав серьезную информацию к размышлению о достоинствах и недостатках современной архитектуры международной безопасности. Важным все же оказался тот факт, что без России, пусть даже ослабленной, в большой политике не обойтись никак. Об этом, очередь помнить российские государственные деятели, не научившиеся, к сожалению, соизмерять каждый свой шаг со шкалой национальных приоритетов своей страны. Последняя, безусловно способна вернуть себе качества великой державы в обозримом будущем, если правящая российская элита станет на позиции реализма в международной дипломатии.

Именно сильная, а не загнанная в тупик и беспомощная обновляющаяся Россия должна интегрироваться на равных во всеобъемлющую систему коллективной безопасности народов планеты на повороте грядущего тысячелетия.

Иного не дано. Разум и логика здравого смысла непременно должны восторжествовать, как это было всегда в истории, полной трагедий, противоречий и отчаянной борьбы Добра со Злом.

§ 2. Россия в современной системе международно-политических координат

Конец двадцатого столетия во многом может быть временем подведения итогов внешнеполитической деятельности России. Закончился цикл расцвета России/СССР как сверхдержавы. Закачивается первое десятилетие постсоветского развития нашей страны. Уже можно попытаться выделить основные тенденции во внутренней политике. Контурсы мировой системы также претерпели значительные изменения. Для того чтобы понять, куда события влекут нашу страну, необходимо попытаться понять нынешнее ее положение и выделить основные тенденции, влияющие на место, которое Россия занимает и будет занимать в системе международных отношений.

Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику. К важнейшим внутренним факторам, влияющим на российскую внешнюю политику, мы отнесли государство, ряд неформальных факторов, известных под собирательным названием "организованная преступность", и так называемые финансово-промышленные группы.

Вполне естественно, что государство является одним из важнейших внутренних факторов, влияющих на российскую внешнюю политику. Рассматривая внешнеполитическую роль государства, представляется необходимым начать с анализа природы этого государства и того, как эта природа влияет на выработку внешней политики. Особый интерес представляет то, как внешнеполитическая роль российского государства менялась на протяжении последнего десятилетия, к каким результатам этот процесс привел. Государство является важнейшим внутренним фактором, влияющим на внешнюю политику не в последнюю очередь в силу того, что именно оно должно быть главным определителем и проводником политики в области безопасности. Поэтому мы попытаемся рассмотреть то, как российское государство справляется с этой ролью. Военная политика и политика в области экспорта вооружений (несмотря на фрагментированность, о которой мы скажем ниже) также должны являться прерогативой государства.

"Слабое государство" как действующее лицо внешнеполитического процесса. В последние годы много говорилось о слабости Российского государства. Представители практически всех частей политического спектра широко используют тему упадка российской государственности и потери Россией достойного места в мировой системе в ходе предвыборных кампаний. При этом предлагается множество простых рецептов по укреплению государства, выходу из различных кризисов, активной защите российских государственных интересов на международной арене. Все эти предложения, однако, являются не более чем лозунгами. В отечественной политической науке и в среде действующих политиков не предпринималось успешных по-

пыткок проанализировать глубинные причины возникновения поистине нового типа государства — "слабого" государства, которое мы могли наблюдать в 1990-е годы.

Слабость нынешнего Российского государства, общества и экономики гораздо глубже, чем проблемы правительства Ельцина, на которые обычно указывают его политические оппоненты. Эта слабость является действительно системным явлением. Некоторые проблемы могут разрешиться со временем сами собой, однако администрация Ельцина вряд ли сможет сделать что-то для их разрешения. Российские проблемы настолько глубоки, что не поддаются лечению любым правительством.

Отличительной чертой переходного периода в России являлась (да и сейчас все еще является) значительная автономия политической элиты. Когда институциональная структура старого режима распалась, политическая элита сосредоточила свои усилия на экономической реформе, которая вылилась в открытый грабёж, в то время как строительство государственных институтов во многих областях политики считалось второстепенным делом. Россия стала квази-государством, формально обладающим государственностью, но не имеющим политической воли, институциональной способности и организованной власти для защиты гражданских прав и обеспечения благосостояния населения.

Переходный период дал российским элитам редчайшую возможность использовать власть, не ограничиваясь никакими устоявшимися политическими институтами или законами. Результатом этого стало «слабое» Российское государство, где все развитие политических институтов зависело лишь от прихоти элит. Установилась экономическая модель, известная как «олигархический капитализм». В отсутствие нормального государственного строительства российские политические элиты создали систему параллельных властных структур — своего рода «теневое государство», — основной характеристикой которой является сращивание путем коррупции между правительственными элитами и элитами частного сектора. Результатом такого сращивания является сдерживание развития нормальных (вернее — традиционных для «западных демократий») политических институтов, торможение процесса производства и отказ большинства населения от законной экономической деятельности и участия в политическом процессе. Государственное строительство в России до сих пор ориентировано на сохранение и развитие патологий в развитии политических институтов, а не на их устранение.

Хотя формально возможности государства и невелики, слабость государства заменяется сетью контактов внутри самой политической элиты. Главной целью этой элиты является не общественное развитие, а собственное выживание и получение немедленных финансовых выгод. В этом невольным союзником российских правящих элит являются международные финансовые институты, которые поощряют, в первую очередь, экономическую стабилизацию, а не общественное развитие. Стратегия борьбы с экономическим кризисом, за которую они выступают, вполне устраивает и правящую элиту России, поскольку она позволяет ей обойти даже те слабые институциональные сдержки, которые формально существуют. В чрезвычайных условиях борьбы с очередным кризисом всегда можно забыть о строительстве нормального государства. Может быть, поэтому кризисы (правительственные, экономические, финансовые и иные) стали в современной России постоянными.

Во внешнеполитической области последствием существования подобного типа государства является постоянное пренебрежение национальными интересами страны. Считается, что защита национальных интересов является целью существования любого государства. История российской внешней политики последнего десятилетия опровергает эту аксиому. Причины того, почему национальные интересы как основной ориентир в процессе выработки и осуществления внешней политики слабым государством подменяются в России идеологизированными установками, погоней за быстро достигаемыми успехами и соображениями предвыборной борьбы, заслуживают особого внимания.

Внешнеполитическое решение в идеале должно строиться на базе двух составных частей: четко определенного национального интереса и оценки способности государства защитить его. Соответственно внешнеполитические цели разделяются на те, которые государство *может* достичь, и те, которые государство *хотело бы* достичь. К сожалению, во внешней политике России до сих пор первый тип целей смешивается со вторым. Существует несколько причин подобной ситуации.

Первая причина — потребность в проведении популистской политики. Как показывает опыт, внешняя политика является сферой интереса элит, а не широких масс. Однако существует область, где "элитный" характер внешней политики уступает место массовой политике. Это национальный престиж. Снижение престижа неизбежно переносит внешнюю политику из сферы интереса элит в сферу интересов широких масс избирателей. Идущая в Москве битва за политическое выживание делает для любого руководителя очень трудным (хотя все же возможным) проведение прагматичного курса на защиту долгосрочных национальных интересов России. Проведение подобного курса делает правительство уязвимым перед лицом политических оппонентов, желающих использовать эмоционально окрашенные вопросы (например, вопрос о расширении НАТО, Югославский кризис и др.), вне зависимости от их воздействия на Россию в долгосрочной перспективе. В условиях же существования "слабого" государства давление популистских мотивов на процесс выработки внешнеполитических предпочтений российских элит напрямую и достаточно быстро трансформируется в конкретные внешнеполитические решения, мало связанные с национальными интересами страны.

Вторая причина заключается в отсутствии внимания или недостаточной проработанности вопроса взаимодействия интересов двух „уровней“. Вызывает уважение предпринятая в 1995—1996 годах попытка специалистов из Совета национальной безопасности обозначить наличие интересов, отличных от государст-

венных. Однако следует отметить, что в иерархии интересов, предлагавшейся ими и состоящей из интересов личности, интересов общества и интересов государства, просто не нашлось места интересам регионов, которые государство (отождествляемое с Центром) далеко не всегда адекватно представляет и защищает. Вообще наличие интересов регионов признается в той части, которая касается „оптимального соотношения интересов Центра и регионов" (говоря о соотношении, авторы этого тезиса невольно признали возможность того, что эти интересы не всегда совпадают). Кроме того, сама попытка ввести, например, понятие интересов личности как ориентира при проведении практической политики выглядит достаточно непоследовательной. С одной стороны, высшим национальным интересом России называлось обеспечение развития человека, устойчивого роста уровня его жизни и благополучия. С другой стороны, отмечалось наличие в качестве общего интереса всемерного укрепления государства как организующего начала, призванного обеспечить территориальную целостность и внешнюю безопасность. При этом спектр возможных угроз этой безопасности настолько широк и *неопределен*, что укрепление государства становится не только „общим", но и главным интересом. Таким образом, именно интересы Центра, фактически совпадающие с интересами московских элит (а не регионов, личности или общества) уравниваются с национальными интересами. Существование же других интересов выступает в качестве одной из основных угроз этому „главному" интересу. При этом ожидается, что существование региональных интересов, не совпадающих с интересами Центра, должно привести к региональному сепаратизму, который почему-то ставится в один ряд с национализмом и упоминается вместе с конфликтом в Чечне (который имеет мало общего с традиционным региональным сепаратизмом). Между тем, взаимоотношения между этими интересами гораздо сложнее. Несомненно, что сейчас центральная власть в России слабее, чем когда бы то ни было за период после 1917 года. Центр, однако, прибегает к достаточно интересной стратегии сохранения влияния на регионы. Вместо процесса формирования действительно федеративной (или конфедеративной) системы, пусть и на основе фальшивой федерации советской эпохи, отношения между центром и регионами становятся нестабильной областью, в которой политические и личные договоренности создают комплекс нестабильных отношений между Москвой и местными правителями. Общими характеристиками стали замена формальных институтов личными связями, «приватизация» большинства функций в общественной жизни, избыток частных вооруженных формирований для защиты приобретений отдельных лиц, коррупция. Российские региональные политики, будущее большинства из которых уже давно противоположно будущему их страны, обеспечивают незыблемость своих позиций расширением пространства для маневра на региональном уровне. Это обеспечивает как относительную независимость от Центра, так и появление новых возможностей, даваемых мировым рынком местным эконоимкам. Возник целый класс местных политиков, чье политическое выживание зависит или от их способности противостоять зачастую грабительской политике Центра, или от достижения с этим Центром выгодных двусторонних соглашений. Государственное устройство, основывающееся на общих принципах (например — конституционных) уступает место множеству личных связей и соглашений между центральной и региональными элитами. Если при подобных условиях и удастся достичь долгосрочной стабильности, ценой этого будет общество с непреодолимыми различиями в положении различных регионов, отражающими разную степень удаи политических элит этих регионов.

Таким образом, последовательный учет региональных интересов заменяется в России процессом достижения договоренностей между федеральным Центром и руководителями регионов (которые не всегда представляют даже интересы региональных элит). В перспективе именно это, а не существование и трансформация в конкретные внешнеполитические решения региональных интересов, может привести к фрагментации страны. К тому же договоренности с региональными руководителями могут быть недолговечны. В конечном же счете кризис в отношениях между Центром и регионами может привести и к потенциально опасному симбиозу между региональными властями и вооруженными силами, базирующимися в регионах. Подобные примеры уже есть. В 1992 году сахалинский губернатор В.Федоров и вооруженные силы объединились в совместных усилиях не допустить восстановления дружественных отношений с Японией в обмен на Курильские острова. Именно возражения этой коалиции привели к пересмотру позиции центрального российского правительства. Этот прецедент показал неспособность Центра контролировать региональные власти и вооруженные силы, которые могут открыто и безнаказанно создавать политические коалиции, направленные против политики Центра.

Конечно, любое правительство неизбежно вынуждено выбирать из зачастую противоречивых интересов различных групп населения те интересы, которые или являются интересами большинства, или поддерживаются теми силами, на которые опирается данное правительство. Эти интересы и провозглашаются национальными или государственными (что на самом деле далеко не всегда одно и то же) интересами. В настоящее время многие из этих интересов не разделяются большинством населения. Причем, говоря о большинстве, имеется в виду как то, что эти интересы чужды большинству социальных групп страны, так и то, что интересы Центра чужды или даже противоречат интересам регионов. Существует вероятность того, что подобное положение будет постепенно меняться. Узкие рамки московской области уже в ближайшем будущем не смогут удовлетворить правящие элиты. Сфера их интересов неизбежно должна перемещаться от перераспределения (в том числе и криминального) социальных и финансовых благ в пределах Москвы к масштабам страны. Кроме того, в случае, если "слабое государство" уже будет не в состоянии обеспечить защиту не только национальных, но и элитных интересов, правящие элиты должны прийти к заинтересованности в более широкой поддержке. В случае же, если государственные интересы страны не будут приведены в более тесное соответствие с интересами большинства населения страны, может произойти смена

элит.

Третья причина смещения "достижимых" и "желательных" внешнеполитических целей — это отсутствие сильного объединяющего начала внутри самой России. До недавних пор подобной объединяющей силой был социализм, на смену которому пришел западный либерализм, который сам по себе не делает государство когерентным объединением. На Западе после Второй мировой войны идеей, объединяющей людей, была концепция "государства всеобщего благосостояния". Государство было самым крупным работодателем. Оно предоставляло финансовые льготы, обеспечивало социальную безопасность, регулировало экономическую жизнь. К 1980-м годам, однако, подобное положение вещей вступило в противоречие с углубляющейся международной интеграцией и к настоящему времени уже не может являться удовлетворительным. Даже на Западе концепция "рыночно демократии", которую пытаются имплантировать на российскую почву, уже не может являться объединяющей идеей. Естественно, что и в России простая замена социалистических ценностей ценностями "рыночной демократии" (включая "государство всеобщего благосостояния") не является решением проблемы. Предпринятые несколько лет назад попытки "сконструировать" государственную идеологию не вышли за пределы кабинетных рассуждений людей, которым было поручено создавать эту идеологию. В сочетании с существованием "слабого" государства отсутствие объединяющей идеологии ведет к господству в российском обществе особой политической культуры, характеризующейся недоверием к государству, нежеланием участвовать в политической жизни и экономическом развитии, уходом наиболее активных и квалифицированных людей в теневой сектор. Естественно, что в таких условиях само формулирование национальных интересов становится просто невыполнимой задачей. Может быть, единственная имеющаяся сейчас объединяющая идея — это национализм. Однако национализм в экстремальных его проявлениях привлекает внимание широких масс к внешнеполитическим вопросам, что, как отмечалось выше, не способствует проведению прагматической внешней политики.

Представляется, что именно эти три группы факторов в сочетании с существованием "слабого государства" и являются в конечном итоге причинами постоянного пренебрежения национальными интересами страны и постоянного ухудшения ее положения на мировой арене.

Этапы внешней политики России в 1990-х годах. Рассмотрим, как Российское государство справлялось со своей внешнеполитической ролью, и то, как эта роль менялась на протяжении последнего десятилетия. С известной долей условности развитие внешней политики России в 1990-х годах можно разделить на два основных этапа.

На первом этапе после развала СССР ряд внешнеполитических деятелей России (в том числе, министр иностранных дел Козырев) считали, что основная опасность состоит в экономической и политической изоляции и Россия может преодолеть ее только посредством экономической и дипломатической интеграции в международную систему, находящуюся под влиянием Запада. В 1992 году Козырев полагал, что Россия может получить статус сверхдержавы только посредством сотрудничества с Западом и с его помощью.

Подобная политика, однако, вскоре подверглась критике со стороны тех, кто считал, что Россия может полагаться лишь на себя в вопросах собственной безопасности и достижении должного места в международном сообществе. Данная группа доказывала, что российская политика в области безопасности должна ориентироваться на защиту российских жизненных интересов (особенно в "ближнем зарубежье"), а не на интеграцию в контролируемую Западом международную систему. В обмен на поддержку военных во время событий октября 1993 года Ельцин сделал ряд уступок данному направлению (включая принятие политики в области безопасности, базирующейся на "российских жизненных интересах"), что можно считать началом второго этапа в развитии российской внешней политики. Обычно этот этап связывают с деятельностью Е.М.Примакова на посту министра иностранных дел. Рассматривая этот этап, необходимо отметить существование субъективных причин перехода к нему (например, давление ВПК). Однако следует помнить, что существовал и ряд вполне объективных предпосылок для смены внешнеполитической ориентации. Даже российские либералы все больше разочаровывались тем, что они считали достаточно жалкой нафадой за российское партнерство с Западом. Русский патриотизм вновь проявился как политическая сила. Общее желание восстановить российское влияние на территории бывшего Советского Союза говорило само за себя. В результате всего этого представители российских властных структур (как в МИДе, так и в окружении президента) пришли к мнению, что если статус великой державы не может быть достигнут через партнерство с Западом, Россия должна проводить новую политику. Основными "столпами" этой политики были наращивание влияния в "ближнем зарубежье", поиск новых союзников в Азии и на Ближнем Востоке и возвращение к традиционному принципу "сфер интересов".

Следует отметить, однако, что, несмотря на все разговоры о российском вмешательстве во внутренние дела соседей, вовлечение России в эти проблемы не было односторонним актом. Многие государства бывшего Советского Союза на Кавказе и в Средней Азии имеют серьезные трудности в установлении собственного суверенитета, и сами обращаются к России за поддержкой. Это находит отражение в ряде соглашений о размещении российских войск на территориях ряда стран "ближнего зарубежья" и в растущем интересе среди государств СНГ в новых формах политического, экономического и даже военного сотрудничества.

В российскую политику «сфер интересов» входили следующие положения: Создание баз. В ноябре 1994 года Дума ратифицировала несколько договоров о базировании российских войск на территории республик бывшего СССР. Одно из соглашений касалось статуса российских воинских частей, временно находящихся в Белоруссии. Другое - совместного снабжения российских и узбекских вооруженных сил. Третье -

об использовании российских военных сооружений в Казахстане.

Гибкая трактовка уже достигнутых соглашений. В ноябре 1994 года заместитель министра обороны России Г.Кондратьев подверг сомнению выполнение соглашения с Молдавией о выводе войск. В это время Молдавия настаивала на выводе войск в трехлетний срок. Кондратьев заявил, что настаивать на соблюдении сроков - абсурд, и российские офицеры должны просто забыть о соглашении о выводе войск и продолжать выполнять задачи, возложенные на них российским государством.

Совместная безопасность. Были приняты планы по формированию системы коллективной безопасности СНГ и совместного «военно-стратегического пространства», совместной обороны фаниц, совместных операций по поддержанию мира, формирование сил быстрого развертывания СНГ, сотрудничество в производстве вооружений.

Начало объединительных переговоров с Белоруссией. Были начаты переговоры о создании таможенного союза.

Несомненное первенство России в СНГ. Традиционно считается, что с 1993 года в российской внешней политике возобладала парадигма политического реализма. Представляется, что это не совсем так. Согласно реализму, государство является рациональным и монолитным действующим лицом в международных отношениях. Принимая во внимание, что Российское государство вряд ли можно назвать монолитным, существование широкого спектра мнений даже по такому базовому понятию, как "национальный интерес", и частое противоречие многих политических решений с логикой, вряд ли можно согласиться с теми, кто утверждает, что реализм возобладал в российской внешней политике.

На системном уровне упадок России и потеря ею традиционного места в мировой системе оставляют ей два пути: противостояние сильнейшим членам системы или же вступление с ними в союзнические отношения. Вариант противостояния и создания противовесов возможному гегемону является достаточно трудно реализуемым. Для этого нужны определенные силовые возможности и достаточное количество государств со схожими интересами и готовностью вступать в союзнические отношения для их защиты. Слабые же государства, действуя согласно логике реализма, чаще вступают в союзнические отношения с сильнейшей державой, чем создают ей противовес. Поэтому в рамках парадигмы реализма для России как именно такого слабого государства логичным было бы временное отступление от конфронтационной политики времен «холодной войны». Этому же способствует нынешняя зависимость России от ведущих мировых держав в вопросах материальной помощи и поддержания хотя бы статуса великой державы. Реальная же российская внешняя политика во многом противоречит ожиданиям, вытекающим из меняющегося глобального соотношения сил. Представляется, что внешняя политика России определяется, прежде всего, внутриполитической борьбой (о причинах чего уже говорилось выше).

Пиком же проявления слабости российской внешней политики вполне можно считать период, связанный с деятельностью И.Иванова на посту министра иностранных дел. При этом следует оговориться, что все неудачи последнего времени вовсе не произошли по вине министра иностранных дел. Просто последствия всех тех негативных тенденций, о которых говорилось выше, перешли из количественного измерения в качественное.

Первой большой неудачей Игоря Иванова на посту министра иностранных дел стал доклад о достижениях МИДа в 1998 году. В качестве одного из главных итогов дипломатического года Иванов назвал то, что России удалось избежать "фронтальной конфронтации" с США. По словам Иванова, одним из достижений российской внешней политики стало проведение многосторонних консультаций". Большинство из этих считающихся достижением консультаций не дали результатов.

Несмотря на протесты российского МИДа против бомбардировок Ирака, операция "Лиса в пустыне" все же началась. Российские послы в Великобритании и США были отозваны для консультаций. Эта мера не оказала никакого воздействия на позицию США и Великобритании. Через некоторое время послы вернулись. В итоге бомбардировкам помешать не удалось, а отношения с западными странами испортились. Схожая история повторилась и в отношении Югославии.

Не удастся успешно проводить в жизнь положения российской внешней политики, связанные с укреплением связей со странами СНГ. Узбекистан, Азербайджан и Грузия уже заявили о своем выходе из военного договора СНГ и начинают договариваться со странами НАТО о создании на своей территории натовских военных баз.

Даже единственная внешнеполитическая удача — некоторое укрепление связей с Украиной — является результатом не государственного внешнеполитического планирования, а межпартийных сговоров. 3 марта 1999 года украинский парламент проголосовал за вступление в межпарламентскую ассамблею СНГ. МПА включает 10 из бывших советских республик. До 3 марта украинские представители посещали заседания ассамблеи как наблюдатели. Одной из задач МПА является гармонизация законодательства бывших советских республик. В принципе, это является логичным шагом по пути к реинтеграции. При президентах Кравчуке и Кучме Украина традиционно оформивала свое участие в СНГ. Нынешнее вступление в МПА стало возможным только благодаря нажиму украинских коммунистов и части независимых парламентариев. Украинские коммунисты, которые контролируют почти половину мест в парламенте и почти все ключевые комитеты возражают против прозападной позиции правительства. Александр Ткаченко, руководитель левой Крестьянской партии, во время своего визита в Москву убедил российских коммунистов отказаться от оппозиции российско-украинскому договору 1997 года, в котором Россия признала украинские государственные фаницы.

Следует отметить и то, что нынешняя ситуация заметно отличается от положения дел в начале 1990-х годов. Даже западные страны становятся все больше озабоченными внутренней ситуацией в России. В своей первой после окончания процесса об импичменте внешнеполитической речи президент Клинтон назвал Россию наибольшей внешнеполитической проблемой для Соединенных Штатов.

Основная проблема заключается в том, что Запад исчерпал большинство из традиционных инструментов для управления такими кризисами. Обвал рубля в августе 1998 года мог быть спрогнозирован, но не был. Президент Ельцин и радикальные реформаторы были дискредитированы. Президент впал в практически полную бездеятельность. Дальнейшая приватизация и финансовые реформы остановились. Премьер-министр Примаков не создал стимулов к дальнейшему развитию страны, предпочтя консервацию существующих социально-экономических отношений и баланса между различными группировками правящей элиты. Однако такой подход совпадает с мнением большинства россиян, ищущих стабильности и предсказуемости. Примаков не сделал ничего для снижения бюджетного дефицита. Вся банковская система превратилась в фикцию. Большинство банков держатся на плаву только за счет того, что принадлежат людям, близким к правительству. Большая часть торговли осуществляется за счет бартерных сделок.

Конечно, до распада России достаточно далеко. Скорее, возможна ситуация, когда она не будет не объединена, не разъединена. Никто не будет обладать контролем над территорией всей страны. Организованная преступность, банкиры, местные вооруженные формирования будут доминирующей силой на территории этой страны.

Россия уже сталкивалась с подобной угрозой в начале 1990-х годов. В этот раз ситуация осложняется отсутствием внешней помощи. МВФ согласился предоставить России 20 млрд. долл. для поддержки рубля в августе 1998 года. В итоге большинство этих денег осело на счетах в Швейцарии, на Кипре и островах в южном Тихом океане. В условиях отсутствия реальных реформ, предоставление дальнейших кредитов является достаточно проблематичным. Дополнительную нестабильность создают и грядущие выборы. Внешняя же политика нынешнего российского государства становится все больше похожа на дорогу в никуда. У людей, отвечающих на государственном уровне за выработку внешней политики, место "великих замыслов" занимают тактические идеи, пусть даже и неплохие (к примеру, торг вокруг расширения НАТО или политика на Ближнем Востоке).

Ситуация осложняется и отсутствием действительно альтернативных внешнеполитических концепций. 4 июня 1996 года А.Подберезкин, бывший тогда советником Зюганова, предложил основные направления российской внешней политики. Согласно Подберезкину, Россия должна выполнять только те договоры по контролю над вооружениями, которые укрепляют безопасность самой России (и модифицировать те договоры, которые этого не делают), уступки в военной области должны делаться только в обмен на практические ответные шаги, экспорт российских вооружений должен зависеть от поведения стран-реципиентов на международной арене. Все эти положения вполне могли быть написаны тогдашним министром иностранных дел Примаковым. Таким образом, основа для выработки внешней политики как окружением Ельцина, так и оппозиционными коммунистическими силами была одной и той же. Если отвлечься от предвыборной риторики, реальных различий между двумя лагерями по внешнеполитическим вопросам не так уж и много.

Подводя итог рассмотрению основных этапов российской внешней политики в 1990-х годах, можно отметить, что с каждым этапом упадок внешнеполитической роли Российского государства становится все более заметным. Общая тенденция, четко проявившаяся в 1990-х годах — постепенная потеря страной своего международного статуса, замена четких действий и внешнеполитических инициатив хаотичным процессом реагирования на внешние вызовы, непоследовательная смена парадигм, отражающая не столько национальные интересы страны, сколько внутривнутриполитические проблемы.

Политика в области безопасности. Говоря об определении *предмета безопасности*, можно выделить четыре основных подхода к нему. Первый подход — национальная безопасность — предполагает защиту основных интересов конкретного государства. Поскольку основным интересом является выживание государства, в качестве главного инструмента используется военная сила или угроза ее использования. Второй подход — так называемая международная безопасность — обращает большее внимание на взаимосвязь безопасности одного государства с безопасностью других. При этом большее внимание уделяется коллективному использованию вооруженной силы, а также международным институтам и режимам. Третий подход — региональная безопасность — в принципе не очень отличается от второго. Единственным отличием является положение о том, что наиболее эффективные системы безопасности — системы, развиваемые в рамках конкретных регионов. Наконец, четвертое направление — глобальная безопасность — включает в себя не только чисто военные аспекты безопасности, но и защиту гражданских прав, окружающей среды, экономического развития.

Остановимся на том, как все эти подходы находят отражение в условиях России. Официальное определение политики национальной безопасности России как осуществляемой по единому замыслу деятельности государства во всех сферах его ответственности, направленной на выявление, блокирование, нейтрализацию всех видов угроз существованию и развитию личности, общества и государства, на наш взгляд, является достаточно абстрактным. Происходит необоснованное смешение различных концептуальных направлений (например, первого и четвертого) обеспечения безопасности. Кроме того, не до конца понятно, что есть "угроза", требующая государственного вмешательства (хотя авторы и привели достаточно длинный и далеко не исчерпывающий список подобных угроз). Если же учесть, что традиционно сферы ответственности государства в России были достаточно многочисленными, то станет ясно, что данное определение включа-

ет в себя практически все сферы человеческой жизнедеятельности. С одной стороны, это может быть и оправдано. Включение, например, демографических, социальных или экономических проблем в число угроз национальной безопасности дает правительству дополнительные полномочия для разрешения этих проблем. С другой же стороны, это ведет к несбалансированности между защитой личности и защитой государства.

Рассмотрим, как подобная несбалансированность проявляется в нынешней версии политики национальной безопасности России. С одной стороны, высшим национальным интересом России называется обеспечение развития человека, устойчивого роста уровня его жизни и благополучия. С другой стороны, отмечается наличие в качестве общего интереса всемерного укрепления государства как организующего начала, призванного обеспечить территориальную целостность и внешнюю безопасность. При этом спектр возможных угроз настолько широк и неопределен, что укрепление государства становится не только „общим“, но и главным интересом, во многом заменяя защиту личности.

Таким образом, при выработке и проведении политики в области безопасности, на наш взгляд, необходимо четко представлять, к какому из обозначенных выше направлений будет относиться эта политика. Представляется, что для России, где гражданское общество еще только формируется, где демократические институты пока достаточно слабы, а спектр внешних угроз (особенно на юге и востоке) достаточно широк, наиболее оправданным подходом является "национальная безопасность". С одной стороны, этот подход позволяет успешно противостоять внешним угрозам. С другой же стороны, он четко ограничивает компетенцию государства угрозами территориальной целостности страны и не дает ему полномочий для необоснованного вмешательства в те сферы, которые должны регулироваться рыночными механизмами или являться областью, где "регулятором" служит гражданское общество.

Следующий ключевой вопрос, встающий при выработке и осуществлении политики в области национальной безопасности — *вопрос о том, что же, собственно, защищает эта политика*. После окончания, холодной войны, мы столкнулись с рядом неопределенностей в этой области. Постараемся обозначить хотя бы основные из них.

По справедливому замечанию У.Уоллеса, "государство не может выжить без образа, который отличает его правительство и его граждан от соседей, который отмечает, какой вклад они сделали в цивилизацию и международный порядок". Отражением осознания этого факта может служить хотя бы фраза Президента из послания по национальной безопасности о том, что одним из трех основных долгосрочных интересов России является "сохранение и развитие национальной культуры". В связи с этим встает вопрос — *как отличить естественную эволюцию культурных норм от навязанных извне и потенциально опасных изменений?* В этой области необходимо обратить внимание на две проблемы.

Во-первых — на тот факт, что процесс самоидентификации России лишь начинается. Не до конца понятно, что есть национальная культура, когда в России мы можем наблюдать целый набор субкультур, причем не только этнических, но и возрастных, социальных и т.д. Как показали предвыборные кампании последнего времени, мы не можем найти в России "позитивной" и когерентной идеологии, которая может стать альтернативой нынешней деидеологизации. И лозунги коммунистов, и даже основные положения программы националистов, прежде всего, сфокусированы на теме национального унижения России. Те же положения, которые предлагаются нынешним режимом в качестве системы национальных ценностей, могущей стать „жизненным ориентиром россиян, их современным мировоззрением" выглядят достаточно абстрактными.

Вторая же, и гораздо более трудноразрешимая проблема, изменения, привносимые в Россию извне. Причем, в отличие от широко распространенного мнения, эта проблема не является уникально российской. Во всем мире происходит ускоренная гомогенизация глобальных вкусов и технологии. Поэтому во многих странах политика безопасности сместилась от сохранения существующего образа жизни к достижению желаемого образа жизни. Опасность этой тенденции заключается в том, что игнорируются уникальные особенности каждой нации. Для того чтобы предотвратить нестабильность, создаваемую разрушением основных структур общества, привнесенные извне изменения должны быть интегрированы в существующую систему ценностей, принимая во внимание отношения с существующими традициями, геополитические возможности и ограничения, различие воздействий на различные части общества.

Следующая неопределенность может быть выражена как *"Защита территории или населения?"* Как известно, одна из основных функций государства состоит в том, чтобы обеспечить безопасность собственных граждан и территориальную целостность страны. С этой функцией государства связан еще один крупнейший источник неопределенности — различие между защитой государства и защитой нации. При выработке и проведении политики в области безопасности встает вопрос, должны ли мы защищать территорию или население. Традиционно этот вопрос решался (причем не только в СССР) в пользу защиты территории. Однако с недавних пор в связи с ростом движений за автономию, освобожденных от ограничений, накладывавшихся на них «холодной войной», значение защиты населения значительно возросло, хотя и не стало единственной целью. Неопределенность усугубляется для России и тем, что 290 после распада СССР многие русские оказались за пределами нынешней территории России. Это порождает целый ряд проблем, которые до сих пор ждут своего решения. Является объектом защиты территория России или же население? Если речь идет о защите территории, то, учитывая целый ряд территориальных споров, необходимо обозначить границы этой территории. Если же речь идет о защите населения, то необходимо решить, являются ли русские "меньшинства" за пределами России тем населением, которое может претендовать на защиту Россий-

ского государства.

Другой источник неопределенности — отсутствие консенсуса по вопросу о том, *какой тип суверенитета должна защищать политика в области национальной безопасности*. Должна ли она защищать так называемый негативный суверенитет, то есть свободу от внешнего вмешательства, или же позитивный суверенитет, то есть свободу удовлетворять нужды собственного населения? Встает вопрос — должна ли политика в области безопасности стремиться к максимизации обоих. Традиционно основной упор делался на негативный суверенитет. Однако с окончанием «холодной войны» внимание все больше обращается к позитивному. Защита лишь негативного суверенитета в настоящее время может быть недостаточной. Для защиты позитивного суверенитета нет ни ресурсов, ни опыта.

Следующая дилемма, встающая при выработке и проведении политики в области национальной безопасности, — *выбор между защитой стабильности и защитой справедливости*. В экстремальных формах защита стабильности может вести к постоянным репрессиям. В то же время содействие справедливости может вести к неконтролируемому хаосу. На Западе в последнее время все больше и больше склоняются к защите справедливости как к конечной цели политики в области безопасности (другой вопрос, как эта справедливость понимается на практике). В условиях же России, находящейся не в самом лучшем окружении и обремененной грузом внутренних проблем, необходимо найти разумный баланс между этими двумя крайностями.

Все эти вопросы в России находятся в стадии, далекой от разрешения. Поэтому вполне естественно, что в настоящее время в России не существует какой-либо рациональной стратегии национальной безопасности или хотя бы консенсуса по ее поводу. Политические разногласия препятствуют выработке целостной внешней политики и усиливают фрагментацию институтов, ответственных за ее выработку. Рассмотрим, как все эти проблемы отражаются в конкретных документах.

Хотя 17 декабря 1997 года и была принята концепция национальной безопасности РФ, она изначально задумывалась как документ, в отношении которого все заинтересованные ведомства могут прийти к согласию. Поэтому концепция обладает обычными недостатками, характерными для коллективно разработанных документов. Каждое ведомство оставило в концепции свои следы от опасений локальных конфликтов по типу чеченского, включенных МВД, до угроз в области информационной безопасности и отсутствия контроля над Интернетом, включенных ФАПСИ. Обращается особое внимание на рост национализма и местничества в самой Российской Федерации, которые описываются как этнический эгоизм, этноцентризм и шовинизм и которые получают поддержку со стороны ряда неназванных иностранных держав и международных организаций. Это отражало давление со стороны директора ФСБ Н.Ковалева и бывшего министра внутренних дел А.Куликова, которые использовали угрозу дезинтеграции РФ для увеличения полномочий собственных организаций.

В концепции обозначаются следующие приоритеты национальной безопасности:

- экономическое развитие, включая концентрацию финансовых и материальных ресурсов для развития науки и технологий;
- политическая стабильность и разрешение споров между центральной и местными властями;
- установление правопорядка;
- улучшение межэтнических отношений на основе социального согласия и «русских национальных ценностей»;
- развитие сотрудничества в области безопасности с другими странами, укрепление роли СБ ООН;
- военная реформа и поддержание ядерного сдерживания;
- развитие инструментов информационной безопасности;
- улучшение состояния окружающей среды;
- охрана государственных границ РФ.

Этот перечень во многом является аморфным. Кроме того, многие положения концепции 1997 года являются взаимно исключаящими. Например, рассматривая отношения России с внешним миром, концепция постулирует, что РФ не имеет врагов и заинтересована в расширении и углублении международного сотрудничества (как политического, так и военного). В то же время расширение НАТО считается неприемлемым для России и является угрозой ее национальной безопасности. Призывы к экономическому сотрудничеству не вполне согласуются с призывами ограничить деятельность иностранных банковских и страховых компаний.

Концепция национальной безопасности РФ является во многом заменителем реальной деятельности, направленной на обеспечение этой безопасности. Она показывает, что процесс принятия внешней политики и политики в области безопасности в России по-прежнему находится под влиянием различных организаций, лоббирующих собственные интересы. Более того, в отличие от многих стран, где этот фактор влияет только на процесс проведения в жизнь принятых решений, в России он действует уже на стадии принятия основополагающих документов, связанных с политикой безопасности. Множество противоречий, содержащихся в концепции, являются отражением этого.

Концепция национальной безопасности выделяет регионализм и сепаратизм как угрозы территориальной целостности РФ. В этих условиях предполагаемое преобразование военных округов в достаточно автономные образования может быть потенциально опасным. Нельзя забывать о достаточно живучей традиции независимости местных военных начальников и их союза с местными гражданскими властями в противостоянии Центру.

Основной вывод, который можно сделать, проанализировав российскую политику в области безопас-

ности, заключается в том, что отсутствует как концептуальная ясность в этой области, так и работоспособный механизм по выработке и проведению этой политики. В условиях переходного периода (причем переходность эта заключается как в переходном характере российского общества и экономики, так и в переходе от одного типа мировой системы к другому) такая ситуация является для страны заведомо проигрышной. Выхода же из нее при сохранении сложившейся системы просто может не быть.

Военная политика и попытки военной реформы. Отражением кризиса внешнеполитического планирования и системы выработки политики в области безопасности является и ситуация, сложившаяся в вооруженных силах. Причем речь идет как о руководстве вооруженными силами, так и о безуспешных попытках их реформирования.

Первый министр обороны России П.Грачев, несмотря на скандалы, связанные с коррупцией и недостатком авторитета в военных кругах, занимал свой пост на протяжении четырех лет благодаря поддержке президента. Во время Грачева армия перешла из состояния упадка к кризису. После выборов 1996 года министром обороны был назначен И.Родионов, а советником по национальной безопасности - А.Лебедь. Вскоре, однако, большая часть полномочий Совета безопасности была передана вновь образованному Совету обороны, возглавляемому Ю.Батуриным. Вслед за этим Лебедь отправился в отставку. И.Родионов, несмотря на свою относительную популярность в армии и профессиональные качества, не пользовался политической поддержкой президента и его гражданских советников в таких вопросах, как сокращение ВДВ, отстранение начальника генштаба Семенова и, наиболее важное, попытках обеспечить адекватное финансирование реформы ВС, которая должна была привести к созданию более эффективной и меньшей по размеру армии. После 11 месяцев пребывания на посту он был смещен с поста министра обороны за провал реформы, в котором был, в общем-то, виноват сам президент.

Родионов и бывший глава генштаба В.Самсонов были отстранены, поскольку они не стали сокращать армию и проводить ее модернизацию без необходимых для этого средств и демобилизовывать военнослужащих без причитающихся им компенсаций. Эти люди сопротивлялись тенденции, которая, в конечном счете, победила и привела к еще большему снижению обороноспособности России. Оппоненты Родионова и Самсонова в лице Батурина и Чубайса выступали против роспуска многочисленных ведомственных военизированных формирований и против ослабления роли МВД. Хотя они и стремились к отставке Куликова, все, чего они хотели, - существование МВД в качестве их собственного силового инструмента. Оценивая этот этап "военного строительства", можно сказать, что узкие аппаратные интересы возобладали над необходимостью принятия решений по действительному реформированию армии.

Причем причины такого положения вещей до сих пор не устранены. Успешность попыток реформы, проводимых последователями Родионова, по-прежнему зависит в первую очередь от президента, и ожидать позитивных изменений в этой области не приходится. Проблемы военной реформы не могут быть решены в изоляции от проблем общества в целом.

В настоящее время основными проблемными областями для реформирования вооруженных сил России являются вооружения, личный состав, боеготовность и военная доктрина. К моменту распада Союза большая часть военной инфраструктуры была сосредоточена в приграничных военных округах и оказалась в руках других республик бывшего СССР. В настоящее время современные типы составляют лишь около 40 процентов бронетехники, 30 процентов ракет земля-воздух и артиллерийских систем и лишь около 2 процентов вертолетов. Закупки новых вооружений для российской армии сократились до недопустимых объемов. Даже стратегические системы не избежали подобных проблем. По крайней мере, 60 процентов российских МБР уже закончили свой срок службы. Половина находящихся на вооружении подводных ракет-носителей (и 75 процентов их ракет) должны быть заменены уже к 2005 году.

Существуют проблемы с призывом на срочную службу. Из тех, кого удастся призвать, лишь половина имеет законченное среднее образование, пятая часть имеет проблемы с алкоголем и наркотиками, 15 процентов имеют отклонения по медицинским показателям и 5 процентов имеют уголовное прошлое. Качество офицерского корпуса также подвергается серьезным испытаниям. 50 процентов молодых офицеров уходят с военной службы в первые пять лет после ее начала (не считая 40 процентов, уходящих из военных училищ до их окончания).

ВМФ является, пожалуй, самой благополучной частью вооруженных сил в отношении боевой подготовки. Это было достигнуто ценой существенного сокращения количества боевых частей и продолжительности плаваний.

В тех родах войск, где не пошли на сокращения, дела обстоят гораздо хуже. В ВВС средний годовой налет пилота сверхзвукового самолета составляет 5-8 часов (при необходимых 150-200), в дальней авиации - 15-20 часов, а военно-транспортной - 50 часов.

В сухопутных войсках желание сохранить максимальное количество боевых частей привело к их значительному ослаблению. Количество небоеспособных частей значительно возросло, а число маневров сократилось.

Наиболее же фундаментальной проблемой, препятствующей реформированию вооруженных сил, являются неопределенности, заложенные в существующую военную доктрину.

Традиционно в России проводится различие между военной реформой и реформой вооруженных сил. Первая является всеобъемлющим процессом, тогда как вторая лишь ее часть. Военная реформа должна основываться на переосмыслении целей страны, ее места в мировой системе и наличии угроз ее безопасности (как внутренних, так и внешней). Общие очертания политики в области безопасности и обороны очерчиваются концепцией национальной безопасности. Концепция национальной безопасно-

сти в свою очередь является основой военной доктрины (которая является основой для реформы ВС). Политическая секция доктрины должна обозначать источники военных угроз, подход государства к вооруженным конфликтам и использованию вооруженных сил и военизированных формирований, политику государства в отношении оружия массового поражения, основные принципы и методы обеспечения военной безопасности, социально политические и государственные задачи при обеспечении военной безопасности. Военная часть доктрины имеет дело с основными принципами использования ВС, задачами ВС и организацией управления ими, принципами по развитию ВС, военно-технической и экономической базой для поддержания этих ВС, методами по достижению военной безопасности. Теоретически дело должно обстоять именно так. В России же взаимодействие концепции национальной безопасности, военной доктрины и реформирования вооруженных сил далеко от описанного выше.

С самого своего создания Российские вооруженные силы не имели четко сформулированной миссии. Защищать ли границы России или всего бывшего СССР? Сосредотачивать усилия на высокотехнологичных и высокоинтенсивных боевых действиях или проводить операции, отличные от войны? Каковы должны быть взаимоотношения с военными других стран СНГ и с другими армиями (включая бывших противников)? Имеют ли Вооруженные силы России какую-либо внутреннюю роль? От ответов на все эти вопросы зависит структура ВС, направления их подготовки и вооружения, в которых они нуждаются. За исключением военной доктрины 1993 года, которая так и не стала работоспособной, попыток ответить на данные вопросы политическое руководство страны не предпринимало. В условиях отсутствия политического руководства, ресурсов и в состоянии деморализации, военное руководство сосредоточилось на разговорах о военной реформе, ничего для проведения этой реформы не делая. Был взят курс на сохранение старой советской армии, только в меньших масштабах, в надежде, что в будущем выше обозначенные вопросы будут разрешены, и можно будет думать о действительной военной реформе.

Несмотря на в общем то благоприятные внешние условия для реформирования вооруженных сил, идеальной ситуацией назвать нельзя. Одной из основных проблем, которая нуждается в срочном разрешении, является проблема локальных и региональных вооруженных конфликтов. Для таких конфликтов неприменимо использование сдерживающей функции ядерных вооружений. До сих пор не было сделано попыток выработать работоспособную концепцию для участия в таких конфликтах (не говоря уже о попытках подготовки войск для них). Если концепция национальной безопасности признает, что в будущем основным типом конфликтов, в которых будут участвовать ВС, будут конфликты типа Грузии, Чечни или Таджикистана, отсутствие такой концепции является существенным упущением. Россия остается вовлеченной во множество затяжных "миротворческих" операций. Причем вовлечение это чаще всего происходит в форме участия российских вооруженных сил. В этих условиях вовлечение российского контингента в югославский конфликт, несмотря на его пропагандистскую привлекательность, также не способствует созданию условий для реформирования вооруженных сил. Бремя множества подобных операций становится невозможно выдерживать ни с политической, ни с экономической точки зрения. К тому же никакая военная реформа невозможна, когда столь большое количество воинских частей принимает участие в боевых действиях.

Несмотря на заявления о поддержании Россией статуса ядерной сверхдержавы, в самой России мало кто рассматривает собственную страну в качестве сверхдержавы, а военный паритет с Соединенными Штатами во многом считается пережитком прошлого. Даже Концепция национальной безопасности, принятая в декабре 1997 года, исходит из того, что Россия не глобальная сверхдержава, а, в лучшем случае, великая держава с региональными интересами. В условиях утери Россией ее международного статуса и существования серьезных экономических проблем, основная задача — не сохранение военного паритета с США, а достижение стратегической стабильности. Это означает, что Россия в меньшей степени озабочена достижением количественного равенства с США в военной сфере, а в гораздо большей степени — в способности сдерживать широкий спектр угроз.

В 1993 году были одобрены основные положения военной доктрины РФ. В них в качестве основных внешних угроз России были указаны «локальные войны и вооруженные конфликты», а не НАТО и Соединенные Штаты. Это было подтверждено и в послании президента РФ по национальной безопасности. В опубликованной в декабре 1997 года Концепции национальной безопасности внутренние и локальные конфликты были обозначены как основная угроза государству.

Важными причинами переоценки Россией своих стратегических возможностей был экономический кризис в стране, протекающий на фоне изменений во внешнем окружении. Обычные вооруженные силы находятся не в самом лучшем состоянии. Действенных попыток их реформирования, несмотря на нарастающие проблемы, предпринято не было. Не приходится ожидать эффективного реформирования вооруженных сил и в ближайшем будущем (об основных причинах этого уже было сказано выше). Принимая во внимание недостаточную боеготовность обычных вооруженных сил, в ближайшем будущем основным сдерживающим фактором для России будут ее ядерные вооружения.

При отсутствии боеспособной армии у России просто не остается другого выхода, чем использовать сдерживающую функцию ядерного оружия. Несмотря на комплекс противоречий в российских взглядах на роль ядерных вооружений, эта часть военной стратегии является наиболее проработанной. К тому же их эволюция после окончания "холодной войны" была не столь революционной, а кризис в этой области не столь стремительно развивающимся, как в области использования обычных вооружений.

Следует отметить, что пока еще существуют и определенные материальные возможности для исполь-

зования сдерживающей функции ядерных вооружений.

Арсенал российских РВСН насчитывает примерно 6600 стратегических боеголовок, размещенных на 1500 ракетах и бомбардировщиках. Суммарная мощность этих боеголовок составляет примерно 2700 мегатонн. РВСН насчитывают 100 тысяч войск, которые организованы в пять ракетных армий. В общей сложности на их вооружении имеется около 3500 боеголовок. Большинство из систем устарели. Дальневосточные ракетные поля (Дровяная, Олаяная и Свободный) к тому же характеризуются постоянным недостатком средств, тяжелыми условиями, растущей преступностью. В дополнение к стратегическим силам наземного базирования, Российский ВМФ имеет 34 подводные лодки, несущие в общей сложности 540 ракет. Другие 11 лодок уже не являются полностью боеспособными, но по-прежнему учитываются в переговорах по сокращению вооружений. В дополнение к этому дальняя авиация имеет 66 бомбардировщиков — 6 современных ТУ-160, и 60 ТУ-95 различных модификаций. Боеготовность этих сил достаточно низкая. Согласно некоторым сообщениям, до 79 процентов всего парка ТУ-95 нуждается в капитальном ремонте.

Энтузиазм министра обороны Сергея в отношении РВСН был с пониманием встречен в Кремле, поскольку они являются способом при, казалось бы, малых затратах сохранять статус глобальной военной державы. Однако концентрация на стратегических силах существенно ограничивает российские военные возможности.

6 октября 1998 года назначенный вице-премьером Ю. Маслюков на пресс-конференции призвал к увеличению ассигнований на стратегические силы. Он заявил, что правительство должно обеспечить финансирование программы производства ракет РС-12М «Тополь-М» и наращивание их выпуска с 25 в год до 35-45 в 2000 году. Планировалось также и строительство стратегических морских сил. «Тополь» является естественным выбором для того, чтобы составить основу будущих ракетных сил России, потому что в отличие от базирующихся на железнодорожных платформах «Молодцов» (СС-24) и базирующихся в шахтах «Воевод» (СС-18-5) эти ракеты с самого начала создавались как ракеты для единственной боеголовки. Договор СНВ-2 обязывает Россию деактивировать до 31 декабря 2003 года все ракеты с МИРВАми. Кроме того, «Тополь» был разработан Московским институтом теплотехники и производится в Воткинске, в то время как «Воевода» и «Молодец» были разработаны в СКБ-586 в Днепропетровске и производились на украинских заводах. В отличие от своего предшественника, «Тополь-М» будет основой как для ракет шахтного базирования, так и для мобильных ракет.

Принимая во внимание, что министерство обороны каждый год реально получало лишь около 60 процентов финансирования, заложенного в бюджет, можно предположить, что укрепление стратегических сил может производиться только за счет дальнейшего урезания сил обычных.

Даже в условиях сокращения военных расходов российские ядерные силы получали первоочередное финансирование. Это было в особенности справедливо для РВСН, но также и для других формирований (включая тактические ядерные вооружения). И ВВС и ВМФ часто использовали средства, выделяемые для ядерных сил, для поддержания боеспособности других частей. В случае полного претворения в жизнь идеи Сергея о слиянии всех ядерных сил под единым командованием обычные вооруженные силы получают существенно меньшее финансирование. Естественно, это вызывает противодействие в армии. Одним из примеров протестного поведения может быть подача заявлений об отставке командующего системами раннего оповещения генерал-лейтенанта А. Соколова и тремя его заместителями. Таким образом, в январе 1999 года они выразили свой протест против планов разместить новые ракеты «Тополь-М».

Хотя внутренние войска и переживают пору своего подъема, в итоге Россия не будет иметь сил для участия в конфликте, находящегося между конфликтом малой интенсивности и полномасштабной ядерной войной. Ядерный порог будет значительно снижен, «гибкое реагирование» будет лишено своей гибкости. Ядерные вооружения не могут являться полноценным заменителем боеспособной армии. Между тем об ограничениях в использовании ядерных вооружений очень часто забывают. Они провозглашаются чуть ли не универсальным способом решения всех военных проблем и обеспечения военно-политической безопасности страны. Причем ускоренное развитие ядерных сил сдерживания предполагается проводить за счет обычных вооружений. Если при этом учесть и возникающие проблемы (большей частью политические, а не военно-технические) с эффективным функционированием систем управления ядерными вооружениями, то становится ясным, что государство уже не способно обеспечивать безопасность от внешних угроз путем использования военных средств. Кроме того, сама монополия Российского государства на использование военной силы (как внутри страны, так и вне ее) подвергается эрозии.

Естественным результатом наличия в России «слабого государства», не способного эффективно выполнять свои функции ни внутри страны, ни на международной арене, является наличие в России особой политической культуры, характеризующейся неверием в возможности государства обеспечить общественное развитие, уход наиболее активных людей в теневой сектор. Это создает условия для укрепления влияния организованной преступности. При этом само понятие организованной преступности в стране с таким государством и такой политической культурой будет отличаться от других стран.

Согласно определению Интерпола, организованная преступность представляет собой «любую группу, имеющую корпоративную структуру, чьей главной задачей является получение денег посредством незаконной деятельности». Думается, что в нашей стране это определение должно быть несколько шире. С чем это связано?

Во-первых, масштаб операций является беспрецедентным. Согласно некоторым оценкам в 1997 году 40-50 процентов российской экономики контролировалось организованной преступностью. Ежегодные же

инвестиции российской организованной преступности в экономику, например, Великобритании достигали 2,5 млрд. фунтов.

Во-вторых, генезис нынешней организованной преступности также не имеет аналогов в других странах. Нынешняя организованная преступность России ведет свою историю с последних дней существования Советского Союза. Уже в 1991 году проблема стала настолько серьезной, что рассматривалась на специальной коллегии КГБ. Из-за недостатка ресурсов проблема не была решена в то время. В 1992 году количество организованных преступных группировок достигло 2600, из которых правоохранные органы сумели уничтожить лишь 56. Уже на ранних этапах своего развития организованные преступные группы сумели во многом обеспечить собственный контроль на рынках собственности, цветных металлов и нефти. Около 40 процентов российских бизнесменов имеют те или иные связи с организованной преступностью. Около 500 групп сумели установить связи с государственными служащими, предоставлявшими прямую поддержку их деятельности. К 1993 году их количество выросло до 3000. Большинство существовавших групп находилось под контролем одного из 150-200 сообществ, организованных по этническому или местному признаку или в соответствии с их специализацией (например, компьютерные преступления или военнослужащие).

В-третьих, российская организованная преступность имеет уникальную структуру. Российская организованная преступность не является подобно, например, итальянской мафии единой криминальной сетью. Она скорее представляет собой достаточно аморфный и динамично развивающийся набор группировок от городских банд до развитых коммерческих предприятий, осуществляющих свою деятельность в международных масштабах. К январю 1997 года в России насчитывалось около 4 тысяч бандформирований, из которых десятая часть осуществляла операции в международных масштабах. Российская организованная преступность с успехом использует преобладающую в России политическую культуру недоверия к властям. В результате организованная преступность оказывает влияние практически на все аспекты политической и экономической жизни страны. Войны бандформирований 1990—1994 годов консолидировали российскую организованную преступность. Общее число преступных группировок снизилось с 1995 года. Однако это снижение отражает не успехи правоохранных органов, а подчинение более крупными формированиями менее конкурентоспособных. Ведение дел за гранью закона признается и российскими иностранными партнерами. Согласно проведенному в 1993 году опросу, 80 процентов американских фирм, ведущих дела в России, хотя бы раз нарушали положения американского закона об иностранной коррупционной практике 1977 года, платя взятки и ведя дела с организованной преступностью.

В-четвертых, методы действий российской организованной преступности за рубежом также во многом являются уникальным явлением. Российская организованная преступность действует за рубежом в трех основных формах: жесткое проникновение путем прямой инфильтрации; мягкое проникновение с использованием экономической деятельности; использование стратегических альянсов с другими криминальными сетями. Жесткое проникновение наиболее заметно в Северной и Центральной Европе, Израиле и некоторых частях США. Мягкое проникновение в таких странах, как Кипр, Швейцария и Великобритания, менее заметно. Однако масштабы его гораздо шире. Кроме того, такую деятельность достаточно трудно отличить от законных инвестиционных практик и финансовых операций. Стратегические альянсы включают перемирие с сицилийской мафией, дающее российским группировкам свободу действий в Северной Европе, а также сотрудничество с колумбийскими наркокартелями. Однако в Европе российские и итальянские группировки конкурируют друг с другом. Сохраняется и возможность обострения конфликта на Дальнем Востоке с китайскими триадами и японской якудза.

Основное же отличие организованной преступности в России от преступности в других странах заключается в ее социально-экономической роли. В России организованная преступность является заменителем сформировавшегося гражданского общества. Вполне возможно, что в условиях "слабого государства" она является единственным социальным агентом, способным обеспечивать экономическое развитие и предоставлять гражданам услуги, которые традиционно предоставляет государство. Естественно, что такое образование в условиях вакуума власти не может ограничить сферу своей деятельности лишь территорией страны своего базирования. Организованная преступность имеет внешнеполитические интересы, имеет возможности для их защиты, имеет политическую волю для этого. Другим фактором, способствующим достаточно эффективной внешнеполитической деятельности неформальных структур, является то, что зачастую интересы (в том числе внешнеполитические) основной массы населения совпадают с интересами неформальных структур в большей степени, чем с так называемыми государственными интересами (то есть интересами узкой группы московской политической элиты).

Учитывая все это, следует ожидать усиления влияния организованной преступности на внешнюю политику России. Причем если сейчас это влияние оказывается преимущественно через коррумпированных государственных деятелей, то в будущем, с дальнейшим ослаблением государства и легитимизацией неформальных структур, можно ожидать усиления прямого влияния организованной преступности на то, какое место Россия будет занимать в мировой системе. Наряду с государственной российской внешней политикой, с которой в мире будут считаться во все меньшей степени, можно ожидать появления "параллельной внешней политики", формулируемой и эффективно проводимой в жизнь так называемыми организованными преступными организациями без какого-либо участия Российского государства. Причем эта "параллельная внешняя политика", как это не парадоксально, может быть гораздо более предпочтительной как для населения самой страны, так и для других стран.

Подводя итог рассмотрению внутренних факторов, влияющих на российскую внешнюю политику, следует отметить, что нынешнее российское государство неспособно эффективно выполнять не только внутриполитические функции, но и обеспечивать защиту интересов страны на международной арене. При сохранении подобной ситуации Россия заведомо обречена на полную потерю своего международного статуса (даже несмотря на обладание ядерным оружием), полное и окончательное оттеснение периферию мировой системы. Однако следует отметить и появление новых действующих лиц (в первую очередь — это так называемая организованная преступность и финансово-промышленные группы) в российской политике, которые со временем неизбежно должны прийти к необходимости прямого и ясного осознания собственных внешнеполитических интересов и создания механизма защиты этих интересов. Причем вполне вероятно, что эти действующие лица будут пытаться не связывать и дальше свою судьбу со "слабым" Российским государством, а возьмут на себя часть его функций, в том числе и в сфере внешней политики. Пока трудно давать однозначную оценку подобной тенденции. Ясно одно — при невозможности дальнейшего сохранения нынешней системы такой переход внешнеполитических функций от одного типа действующих лиц к другим нельзя оценивать лишь негативно. Он таит в себе не только вполне понятные угрозы, но и целый ряд возможностей (причем не только для России, но и для мирового сообщества), связанных с более стабильной системой выработки и проведения внешней политики страны и более адекватным отражением интересов достаточно больших групп населения России.

Региональные направления внешней политики РФ. Основным определителем стратегического веса России в будущем является динамика изменений российской экономики. Другой фактор — сумеет ли Россия создать в той или иной степени федерацию или конфедерацию различных государств на территории бывшего СССР. От этого будет зависеть не только количество ресурсов (демографических, сырьевых и иных), доступных России, но и сама российская самоидентификация. Будет ли Россия определять себя в качестве обычного национального государства, или же во внутренней и внешней политике будут превалировать в той или иной форме имперские традиции. Отсюда вытекает важность отношений с так называемым ближним зарубежьем. Что же касается зарубежья «дальнего», то российская политика в данном направлении характеризуется стремлением сохранить (или приобрести) атрибуты великой державы. Большая часть этого стремления сводится к великодержавной риторике и не наполняется реальным смыслом. В то же время во внешней политике присутствуют и элементы так называемого экономического оппортунизма, то есть стремления получить экономическую выгоду почти любой ценой. Подобная смесь совершенно несовместимых ориентации не позволяет говорить о российской внешней политике как о чем-то предсказуемом. Трудно даже давать долгосрочный прогноз о российской политике в отношении таких ключевых действующих лиц международной системы, как США, Западная Европа, Китай, Япония или Иран.

Рассматривая региональные направления российской внешней политики в ограниченной по объему работе, представляется возможным с известной долей упрощения выделить два основных направления — "западное" и "восточное". Конечно, существует множество стран, не попадающих ни в одно из этих "направлений". Однако думается, что отношения России с Китаем все же гораздо важнее, чем с Латинской Америкой, а отношения с США приоритетнее, чем с целым рядом африканских стран. Представляется, что отношения с КНР в ближайшее десятилетие будут являться наиболее важным внешним фактором, влияющим на отношения с целым рядом других стран и на то место, которое Россия займет в системе международных отношений в новом тысячелетии.

"Восточное" направление. На протяжении нескольких столетий Европа, а затем США были мировыми центрами силы. В настоящее время, пожалуй, бесспорным фактом является то, что западное доминирование ослабевает. Наиболее динамично развивающиеся экономики находятся в Азии. По сравнению с динамичным развитием Азии, Европа находится в длительном периоде относительного упадка. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) вплоть до настоящего времени характеризовался наибольшими показателями экономического роста, которые, несмотря на кризис, продлятся еще два десятилетия. Китай, Япония и Индия вполне могут стать альтернативными центрами силы, как в экономическом, так и в военном смысле. Технологическое развитие АТР также достаточно впечатляюще. Поэтому именно в АТР в следующем веке концентрация экономической мощи будет наибольшей.

С другой стороны, почти все основные страны региона находятся в состоянии глубокой трансформации. Присутствуют и нерешенные пограничные вопросы, и региональная гонка вооружений. Поэтому регион будет подвержен политической и военной нестабильности, вызванной как внутренними причинами, так и меняющимися внешними условиями и появлением новых технологий. В этих условиях "восточное" направление российской внешней политики приобретает решающее значение в том, какое место страна займет в мировой системе в новом тысячелетии.

В последнее время пристальное внимание международных наблюдателей привлекают отношения нашей страны с Китаем. Оценивают их специалисты очень неодинаково. Они строят всевозможные модели этих отношений, включая КНР в самые разные геополитические, экономические и даже культурные схемы. К сожалению, авторы подобных построений чаще всего ставят китайскую политику России в зависимость от других направлений ее дипломатии — например, американского или западноевропейского. Однако, скорее всего, в новом тысячелетии дело будет обстоять как раз наоборот: новейшие тенденции в российско-китайских от-

ношениях будут определять общий внешнеполитический курс России. А потому именно объективный и непредвзятый анализ российско-китайских отношений должен стать отправной точкой для разработки других региональных векторов национальной дипломатии.

При рассмотрении российско-китайских отношений целесообразно выделить три ключевых элемента:

- включенность российско-китайских отношений в глобальную систему межгосударственных отношений,
- интересы Китая и реальная способность защитить их,
- собственно российская политика по отношению к КНР.

Изменения глобальной системы межгосударственных отношений. Международная система претерпела многочисленные изменения, затронувшие все сферы межгосударственных отношений. Для взаимоотношений нашей страны с Китаем наиболее важны три перемены.

Конфликт времен "холодной войны" лишился своего идеологического стержня. В результате вероятность более или менее крупного вооруженного конфликта в Европе ослабла. Однако место идеологии заняли другие причины конфликтов, что изменило географию последних.

Значение экономики в международных отношениях выросло настолько, что она все больше определяет сегодня национальные интересы; конфликты, вызванные экономическими причинами, происходят все чаще и становятся глубже. После Второй мировой войны большинство развитых стран уделяют больше внимания увеличению своей доли в мировой торговле, нежели контролю над территорией, а их правительства проявляют растущий интерес к экономическим вопросам. Появился даже новый 300 тип международного кризиса. Например, в декабре 1994 года Белый дом, прибегнув в интересах американской корпорации "Рейтеон" к мощному силовому давлению, обошел Францию при заключении сделки по управлению тропическими лесами и воздушным транспортом в Бразилии (общая стоимость - примерно один миллиард долларов).

Центр мировой экономики вполне очевидно смещается из Атлантики и Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), открывая перед Китаем шанс завоевать себе подобающее место в системе межгосударственных отношений. В таких условиях интеграция политики в области безопасности и стратегии развития страны предстает естественным ответом на вызов времени и находит отражение в дебатах, идущих в Китае вокруг проблем национальной стратегии в XXI веке.

Китайская внешняя политика и отношения с Россией. Современная внешняя политика Китая произведена от четырех факторов:

- исторического наследия страны,
- растущего национализма,
- изменений во внешнем окружении,
- нужд китайской экономики.

Веками Китайская империя оставалась великой и самодостаточной державой. Ее подданные считали свою страну центром Вселенной, или Средним царством, а население окружающего мира - нецивилизованными варварами. Этот взгляд породил идею и практику "использования одних варваров для того, чтобы контролировать других". Кроме того, китайская внешняя политика искони тяготела к изоляционизму и нежеланию открываться чужим влияниям. Этот исторический фон помогает понять, отчего в 1990-е годы при формулировании генерального направления национальной дипломатии не утихали споры между апологетами изоляционизма и сторонниками большей вовлеченности в мировые дела.

Другой фактор, влияющий на формирование китайской внешней политики - национализм, — результат истории Нового времени. Иностранное владычество, продолжавшееся с XIX века до конца Второй мировой войны, породило китайский национализм с его важнейшей внешнеполитической задачей - сохранением территориальной целостности страны и возвращением территорий, бывших прежде ее частями. Список таких территорий обширен, так что из всех военных акций Китайской Народной Республики только войну в Корею и вторжение в 1979 году во Вьетнам Пекин считает проходившими на чужой земле. Остальные 13 случаев там относят к операциям по освобождению "незаконно оккупированной" китайской территории. Следует также помнить, что вопреки широко распространенному заблуждению, будто Россия всегда противостояла колониализму западных держав, в отношении Китая она действовала как одна из них.

Демаркация российско-китайской границы началась около 300 лет назад. Нерчинский договор 1689 года и Кяхтский договор 1727 года определили границу между двумя странами от южной части озера Байкал до Охотского моря. Согласно этим договорам к китайской территории относились земли бассейна реки Амур и Монголия. Подобное признание китайской территории длилось с 1689 по 1858 год. В 1858 году, пользуясь слабостью Маньчжурской династии, Россия по Айгунскому договору получила левобережье реки Амур. В 1860 году она получила по Пекинскому договору весь Трансуссурийский регион. В 1881 году по Петербургскому договору были присоединены дополнительные территории. В 1911 году с крахом Маньчжурской династии Монголия стала российским протекторатом, а в 1924 году она становится Монгольской Народной Республикой.

Пожалуй, китайское направление внешней политики было единственным примером успешной колониальной политики России. Освоение ею территории Дальнего Востока происходило в период ослабления Китайской империи с согласия и при помощи других великих держав. Сама Россия, как справедливо от-

мечают сторонники тесного сближения с КНР, редко вела боевые действия или официально объявленные войны, что, впрочем, еще вовсе не говорит о гармонии во взаимоотношениях двух империй, а тем более о многовековой традиции мирного сосуществования двух государств. Подчинение Дальнего Востока в 1848-1894 годах стало возможным благодаря прямому вмешательству во внутренние дела китайского государства в условиях его распада. Насколько "этичным" было подобное поведение, можно спорить, но Россия получила очень богатые природными ресурсами территории, а китайская угроза была устранена. Поэтому сейчас, когда мощь нашего восточного соседа растет, а России - падает, резонно ожидать, что, исправляя "исторические несправедливости", Китай вряд ли станет делать существенные различия между территориями, отнятыми у него Россией и другими колониальными державами.

Националистическая внешнеполитическая доктрина может иметь серьезные внутренние последствия. Авторы нашумевшей книги "Грядущий конфликт с Китаем" Ричард Бернстайн и Росс Мунро высказали мнение, что в результате трансформации Китая там вполне может сложиться фашистский режим. Как считают Бернстайн и Мунро, из-за неспособности демократических сил повлиять на происходящие в обществе процессы население воспринимает демократию как иностранное нововведение, несовместимое с традиционными китайскими ценностями. К тому же фашизм устраивает китайских коммунистов, пытающихся совместить свою идеологию с национализмом. Если события действительно будут развиваться в таком направлении, их значение для России, без всяких сомнений, окажется огромным — в частности потому, что подобную модель завершения переходного периода могут позаимствовать наши внутренние антидемократические силы.

Распад СССР устранил как идеологические причины для противостояния с КНР, так и причины, связанные с силой. Коммунистическая идеология ушла в прошлое, и лидерство Китая в коммунистическом мире уже не оспаривается. Экономика же России и боеспособность ее армии не позволяют говорить о серьезной угрозе с ее стороны Китая.

После распада Советского Союза в международном окружении Китая впервые с 1949 года отсутствует какая-либо серьезная угроза. Соперничество между государствами переместилось из военной сферы в экономико-технологическую, что ставит перед Пекином ряд серьезных проблем. Китайские стратеги обсуждают сейчас два основных варианта национальной политики, которым можно дать условные названия "комплексная национальная мощь" и "великая стратегия".

Сторонники первой концепции исходят из того, что предпосылкой роста китайской мощи должно стать экономическое развитие, которому следует в конечном итоге подчинить все другие задачи, в том числе военные. Впрочем, отстаивать национальные экономические интересы предлагается всеми средствами - вплоть до военных.

Приверженцы "великой стратегии" считают, что Китаю предстоит сложная адаптация к новой роли великой державы. Глобальные (а не региональные) задачи требуют и соответственной глобальной стратегии, построенной на активной защите национальных интересов, а не пассивном реагировании на внешние вызовы.

Официально основой внешней политики и политики в области безопасности служит "комплексная национальная мощь", однако и "великую стратегию" тоже не сбрасывают со счета, так что обе концепции скорее дополняют, нежели исключают друг друга. В китайских политических кругах распространено мнение: именно военная сила — наиболее важный компонент "комплексной национальной мощи", без которого Китай не сможет "ни успешно проецировать как великая держава свою национальную идентичность, ни играть более важную роль в мировых делах". Вера в то, что надлежащий статус стране придает именно военная мощь, во многом определяет расширение закупок высокотехнологичных вооружений.

Во внешнем окружении Китая стремительно меняются силовые конфигурации. Как отмечал один из известных западных теоретиков международных отношений Роберт Гилпин, в наши дни "цена поддержания старого состояния международной системы для традиционно доминирующего государства или группы государств возрастает. Затраты же по изменению системы для вновь возникшей силы падают". Для державы, подобной Китаю, это означает, что использование собственной растущей силы ради исправления "ошибок истории" (в том числе территориальных) вполне естественно. Единственными ограничителями выступают реальные военные возможности и необходимость учитывать политические издержки.

Такого рода установки отражаются на военном планировании. В последнее время китайские стратеги уделяют основное внимание уже не подготовке к гипотетическому глобальному вооруженному конфликту, а строительству современных вооруженных сил, способных сдерживать крупномасштабный вооруженный конфликт и гарантировать им победу в малых и средних войнах. Появилась доктрина "периферийной обороны", рассчитанная на ограниченные, но эффективные военные операции в регионах, граничащих с территорией КНР. Она требует от китайской армии подготовки к наступательным операциям, нацеленным на быстрый разгром противника на некотором расстоянии от территории самого Китая. Применение такой доктрины к китайско-российским отношениям означало бы постепенный пересмотр существующей границы в результате ряда локальных вооруженных конфликтов, не перерастающих в большую войну. Подобные методы территориального расширения не новы. На Западе приращивание территории небольшими "кусками" именуется "тактикой салями".

В последние годы меняется и географическая ориентация китайской внешней политики. Китайские руководители склонны отказаться от прежних глобальных претензий в обмен на роль доминирующей азиат-

ской региональной державы.

Сегодня Китай представляет для Азии ту же проблему, какую представляла для Европы Германия в начале века. Это огромная страна, по сравнению с которой все соседи кажутся карликами, с огромной военной машиной и авторитарным правительством, без долгих традиций демократии и глубоким чувством исторической несправедливости, которую необходимо исправить. Европа, в конце концов, интегрировала Германию, но только после полного разрушения страны. Азия пытается делать вид, что интеграция Китая возможна без конфронтации. Однако шансы на это очень малы и лишь малое количество аналитиков сомневаются в намерении Китая перевести свою экономическую мощь в военную силу и политическое влияние.

Уже сейчас Китай выдвигает территориальные претензии на острова Спратли и Парсел. Это является частью китайской стратегии подрыва американского влияния в АТР путем действий, которые являются агрессивными, но не вызывают ответную реакцию США.

Как отмечалось в исследовании "Некоторые военные возможности КНР", опубликованном американским сенатским комитетом по национальной безопасности, хотя конечные цели Китая и остаются неясными, "как зарождающаяся великая держава Китай, возможно, наращивает военную силу до предела, когда он может противостоять и разбить любого потенциального противника в регионе с помощью обычных вооружений и сдерживать любую глобальную угрозу китайской национальной безопасности"

Китайские эксперты, чье мнение учитывается на высочайших уровнях в Пекине, недавно пришли к заключению, что "ограниченная китайско-американская война случится рано или поздно" и это соображение будет определяющим для китайской стратегической и военной деятельности в обозримом будущем. Эти положения отражены в документе, подготовленном для Главного управления Центрального комитета КПК и государственного Главного управления 20 марта 1997 года группой экспертов Центрального политического исследовательского центра, политического исследовательского центра госсовета, министерств обороны и иностранных дел. Согласно документу, "в следующие 10-20 лет китайско-американские отношения будут смесью трений, разрядки, антагонизма, сотрудничества, вызовов и антивызовов, причем каждая из этих характеристик будет превалировать в какое-то время". Китайские специалисты верят, что китайско-американские отношения будут подобными вне зависимости от того, какая администрация будет в США. Доминантным фактором в китайской политике США будет эксплуатация тайваньского вопроса с целью сдерживать китайское развитие. "Соединенные Штаты через Запад или международные организации под его контролем будут продолжать подрывную работу, инфильтрацию и подстрекательство против существующей в КНР социальной системы, для достижения цели их мирной эволюции. США также скорректируют стратегию Запада в свете международной ситуации и политической и социальной ситуации в Китае".

Китай также обращает внимание на нестабильность в нефтепроизводящих зонах Ближнего Востока как на ключ к временному улучшению китайско-американских отношений. "С целью обеспечить связанные с нефтью стратегические интересы на Ближнем Востоке и ухудшить отношения между Ираном и Ираком, с одной стороны, и Китаем, с другой, США улучшат свои отношения с КНР на некоторое время, чтобы сконцентрироваться на ведении дел с Ираном и другими ближневосточными странами".

"С возвращением Гонконга и Макао под управление Китая, тайваньский вопрос неизбежно станет главным в китайской политике примерно в 2010 г. Если США используют силу для вмешательства во внутренние китайские дела, КНР будет вынуждена сражаться против агрессии, что приведет к ограниченной китайско-американской войне".

Хотя Китай и хотел бы сохранить нормальные отношения с США (в особенности экономическое сотрудничество), такие отношения являются безвозвратными. "Ни одна из двух стран не зависит от другой в выживании". Более того, с геостратегической точки зрения "Китай - главный политический соперник США на рубеже веков". Поэтому, Отмечается в докладе, КНР должна готовиться к захватнической войне, связанной США под любым предлогом.

Лидерские претензии Китая подкрепляются и укреплением его роли в АТР. В конце февраля 1997 года в Токио прошел закрытый симпозиум по энергетическому кризису. Токио предложил ведущим региональным державам подписать "Многосторонний Азиатско-тихоокеанский энергетический договор" с целью совместно охранять доступность энергетических ресурсов. Токио предложил, чтобы КНР являлась специальным участником и, фактически, лидером любого регионального соглашения. Подобное самопровозглашение зависимости Японии от КНР в обеспечении притока энергоресурсов является, по сути дела, признанием китайской гегемонии. Как считают в Китае, вслед за Японией подобное положение дел должны признать и другие региональные военные силы.

В Китае полагают, что конечная цель США - предотвратить создания региональной стратегико-экономической системы, опирающейся на местные силы: то есть китайской гегемонии.

Конечно, военные возможности США на порядок выше, чем у Китая. Однако проекция обычной военной силы - это не то, что определяет новые стратегические балансы в Азии, Южной Азии и Индийском океане. Эти балансы определяются по-304 литической проекцией, поддерживаемой надлежащими военно-стратегическими символами и экономическими возможностями. Нынешняя способность КНР оказывать воздействие на Японию кроется не в способности Пекина проецировать военно-морскую или воздушную силу с тем, чтобы изолировать Японию. Японские ВМФ и ВВС гораздо лучше оснащены и намного более

боеспособны, чем китайские: японские подводные лодки самые бесшумные в мире, противолодочное оружие на порядок лучше, чем китайское, местная оборона не может даже сравниться с тем, что может противопоставить Китай. Поэтому стратегическое сдерживание и проецирование силы, которые работают в регионе в настоящее время, лучше всего представлены реальным (КНР) и гипотетическим (Индия, Пакистан, Иран) обладанием ядерным оружием.

Военно-политическое сдерживание Китая невозможно без сотрудничества, по крайней мере, Южной Кореи, Японии, США и России. Очевидно, что можно ожидать превентивного давления со стороны КНР на наиболее слабых членов этой группы стран.

Представляется, что уже перечисленные военно-политические причины достаточно вески, чтобы опасаться территориальной экспансии Китая. Но не менее важны *экономические причины*. Особо выделю две из них.

Резко возросшие потребности развивающейся экономики Китая в энергоносителях. Сейчас душевое потребление энергии в стране составляет всего 40 процентов среднемирового. Соответствующий показатель Японии в 20, а Соединенных Штатах в 30 раз выше. Понятно, что дальнейшая модернизация китайской экономики будет сопровождаться быстрым ростом энергопотребления. Даже не достигнув американского или японского уровней, оно все равно уже в ближайшем будущем окажется на порядок выше нынешнего.

Истощение внутренних запасов нефти. Еще десять лет назад Китай экспортировал почти четверть добываемой нефти, а сейчас превратился в ее импортера. Из подобной ситуации можно выйти тремя способами. *Первый* — увеличение разработки собственных энергоресурсов. Северо-восточные месторождения нефти постепенно вырабатываются, однако Китай располагает довольно значительными месторождениями нефти в бассейне реки Тарим, вблизи российской границы. Некоторые эксперты даже сравнивают их с запасами в Саудовской Аравии, но из-за разного рода трудностей собственные месторождения дают пока лишь 7 процентов общего объема китайской нефтедобычи. Поэтому решение энергетической проблемы за счет внутренних ресурсов возможно лишь в долгосрочной перспективе, в ближайшее же время их крупномасштабная разработка вряд ли реальна.

Следует учитывать и то, что Синьцзян расположен в стратегически важном месте. Пекин желает консолидировать свой контроль за нефтяными и газовыми ресурсами всего Восточно-Азиатского региона, и призвал к созданию Паназиатского континентального нефтяного моста как ключа в будущем снабжении энергоресурсами Восточной Азии. Он будет включать "нефтяные и газовые трубопроводы, связывающие Китай, Центральную Азию, Россию, Ближний Восток, а также Японию и Южную Корею". КНР стремится к подавлению уйгурского сепаратизма с тем, чтобы обеспечить долгосрочную безопасность этого критического сегмента Паназиатского континентального нефтяного моста. Растущая нефтяная и газовая инфраструктура в Синьцзяне составляет важный компонент будущего энергетического рынка КНР и замыслов по региональной гегемонии. Естественно, что безопасность этого района КНР будет обеспечивать всеми доступными способами.

Вторым способом смягчения дефицита энергоресурсов могла бы быть ставка на нефтяные и газовые месторождения, расположенные к югу от Китая. Он уже сейчас начинает создавать мощный флот, способный проецировать силу в Южно- и Восточно-Китайском морях, а также Индийском океане. В конечном счете энергетической проблемой во многом объясняются территориальные претензии КНР к южным соседям и ее попытки начать разработку континентального шельфа. Переключению китайских устремлений на юг, с континента на морские просторы, способствовало и частичное разрешение пограничного спора с Россией. Поскольку стратегия Китая заключается в постепенном расширении периметра военно-морской защиты вокруг Китая, не пройдет много времени перед тем, как многие морские пути стран АСЕАН попадут под китайский контроль.

Правда, такое решение энергетической проблемы вряд ли окажется долговечным, поскольку неизбежно вызовет серьезный конфликт с Соединенными Штатами, к разрешению которого в свою пользу Китай еще долго не будет готов. Отсутствие мощного современного флота (особенно авианосцев) ограничивает возможность силовых решений Китая на южном направлении. Нет оснований предполагать, что в ближайшие десятилетия КНР создаст военно-морской флот, способный соперничать с американским. К тому же в этой области Китай не может использовать свое демографическое превосходство, столь важное при строительстве сухопутных сил.

Поэтому в последнее время китайские стратеги все больше склоняются к *третьему решению* - получению доступа к российским энергоносителям. Проникновение может начаться с использования чисто экономических методов. Однако, как показывает история, набирающие силу державы рано или поздно начинают подкреплять свои хозяйственные интересы силой. Очевидно, что "российский вариант" решения топливно-энергетической проблемы обладает в глазах пекинских руководителей некоторыми преимуществами. Как мирному, так и силовому проникновению Китая на российский Дальний Восток и в Сибирь благоприятствует нынешняя слабость России. По китайским оценкам, нашей стране, чтобы восстановить свою экономику и начать представлять какую-либо угрозу Китаю, потребуется не менее десятилетия.

Российский Дальний Восток составляет 36,4 процента территории страны, в то время как его население насчитывает всего 5,4 процента населения всей России. Это регион богатый природными ископаемыми и далекий от Центра. Китайские же провинции, граничащие с российским Дальним Востоком, насчитывают

74 миллиона населения. В перспективе демографическое давление и потребность в плодородной земле, природных ископаемых и энергии может стать достаточно весомой причиной для китайской экспансии на российский Дальний Восток.

Другая область потенциального столкновения интересов двух стран - Средняя Азия. Казахстан, Киргизия и Таджикистан имеют общие границы с Китаем, которые не до конца признаны. В сочетании с запасами полезных ископаемых в этих республиках это делает их зоной стратегических интересов для Китая. В то же время соглашение о коллективной безопасности, подписанное 15 мая 1992 года, делает Россию гарантом безопасности этих республик.

За последнее время Китай значительно усилил свое влияние на бывшие советские республики Средней Азии в самых различных сферах - от культурной и экономической до проблем национальной безопасности. Так, 11 июня 1997 года, после визита китайского министра обороны в Казахстан, было объявлено, что КНР поставит этой стране патрульные катера для использования на Каспийском море и откроет курсы китайского языка для казахских офицеров. Активная политика Китая в Центральной Азии дает свои результаты: правительства Казахстана, Киргизии и Таджикистана обещали не помогать и не предоставлять политического убежища уйгурским сепаратистам. Рост китайского влияния в этом регионе уже сейчас заметно сузил российское "поле для маневра", создав рычаги давления на Москву.

Ослабление российского контроля над центрально-азиатскими республиками и наличие в Средней Азии значительных запасов природных ископаемых, особенно нефти и газа, означает, что Китай имеет важные стратегические интересы в Средней Азии. В 1997 году китайская национальная топливная корпорация купила 60 процентов в одной из крупнейших казахских нефтяных компаний (Актобумунайгаз). Был заключен контракт на разработку нефтяных и газовых полей около Актюбинска и прокладку двух трубопроводов — в Восточный Китай и в Иран. Суммарные китайские инвестиции в казахскую нефтегазовую промышленность достигли в 1997 году 9,5 млрд.долл. Все это ведет к дальнейшему ослаблению российского влияния на экспорт казахской нефти и газа и в перспективе может привести к конфликтам между Россией и Китаем.

Некоторые из российских соседей (например, консервативные режимы Средней Азии) поддерживают тесные связи с Россией, другие связаны историей и этническим составом населения. Это позволяло России иметь в регионе влияние, превосходящее ее реальную силу. Однако это влияние мало чем реально подкрепляется в настоящее время. Если оно сталкивается с серьезной военной силой (как в Чечне), оно разваливается.

Вполне вероятно, что в будущем долгосрочной доминантой политики Китая по отношению к России станет экспансия - причем не только территориальная, но и экономическая, демографическая и информационная. Однако в настоящее время сотрудничество между двумя странами переживает пору расцвета.

Центральное звено новой российской восточной политики - отношения с КНР. В декабре 1996 года китайский премьер министр Ли Пен нанес визит в Москву, в апреле 1997 года за ним последовал президент Зянь Земинь и министр иностранных дел. К этому времени в России уже начались разговоры о «стратегическом партнерстве», которое виделось как противовес расширению НАТО на Восток. И Россия, и Китай подчеркивали свою приверженность многополярному миру и противодействию американскому доминированию в мировой системе.

Президент Ельцин посещал Китай в декабре 1992, в апреле 1996 и в ноябре 1997 г. Президент КНР Зянь Земинь посещал Москву в сентябре 1994, в мае 1995 и в апреле 1997 г. Наметилось взаимопонимание по поводу вопроса о многополярности мира. Что не менее важно — позиции двух стран в ООН стали более скоординированными. Россия формально поддержала позицию Китая в отношении Тайваня и Тибета. Это потенциально может привести в случае кризиса по вопросу Тайваня к конфликту между Россией и США. Китай поддержал Россию в ее возражениях против расширения НАТО и в югославском конфликте. Как объяснить нынешний курс Китая на сотрудничество с нашей страной? Во-первых, такая политика позволяет ему улучшить свою позицию на переговорах с Соединенными Штатами. По мнению Генри Киссинджера, получившей такую внешнеполитической конфигурации, при которой отношения Китая с США были гораздо лучше, чем с СССР. Сейчас среди китайцев в ходу мнение, будто Вашингтон перекладывает руль, переходя к политике "сдерживания", и они склоняются к тому, чтобы использовать сближение с Россией как способ давления на американцев. Похоже, это начинает действовать. Во время российско-китайской встречи в верхах в 1996 году Борис Ельцин подписал коммюнике, осуждающее "гегемонию", иными словами, преобладание США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Во-вторых, нынешнее стремление Москвы любой ценой установить союзнические отношения с Пекином тот использует для давления на страны АТР. Рассуждения некоторых отечественных аналитиков, будто Китай за последние годы создал вокруг своих государственных границ надежное дружественное окружение и сумел погасить страх перед китайской угрозой в большинстве сопредельных стран, необосновательны. Вряд ли Филиппины, Южная Корея, Япония или Вьетнам согласятся с тем, что они входят в дружественное окружение Китая. Более того, официальные документы военного планирования этих государств в более или менее ясной форме указывают на Пекин как на один из главных источников угрозы их национальной безопасности. Противостоять этой угрозе они предпочитают не путем наращивания вооруженных сил (так как гонка вооружений - область, в которой трудно победить Китай), а "опутыванием" его сетью торговых, экономических, культурных и прочих соглашений, вовлечением в региональные орга-

низации. Именно в них Пекин стремится укрепить свои позиции и использует в этих целях Россию. Хотя в течение десятилетий Китай и выступал за углубление сотрудничества между азиатскими странами, это было во многом пустой риторикой. Процесс интеграции шел в обход Китая. АСЕАН развивалась без китайского участия. Отдельные участники АСЕАН имели тесные связи с США, что не вполне устраивало КНР. Существенные изменения произошли в 1998 г. как результат экономического кризиса. Правительства азиатских стран были уверены, что они почти превзошли Запад в экономическом развитии, что они нашли путь совмещения азиатского авторитаризма и западной экономической свободы. Падение национальных валют было трудно объяснить. Одно из популярных объяснений связано с одним из вариантов теории заговора. В этих условиях Китай, хотя и не пытался открыто использовать антизападные настроения соседей, в то же время не делал ничего, чтобы опровергнуть обвинения Запада в заговоре против азиатских стран. При этом в ситуации, когда валюты соседей подверглись девальвации, КНР удержала курс собственной валюты. Это было оценено Южно-Азиатскими странами, США и Европой, которые не без основания опасались нового витка девальваций.

Вслед за саммитом 1996 года Россия и КНР выдвинули идею новой модели безопасности для Юго-Восточной Азии. Поскольку позиции России в этом регионе слабы, в основу заявления, скорее всего, были положены китайские предложения и интересы, а Москва фактически согласилась с документом, разработанным в Пекине.

В-третьих, Соединенные Штаты стараются ограничить военные возможности Китая, а потому для модернизации его вооруженных сил экспорт вооружений и военной технологии из России приобретает особое значение. При этом, вопреки ожиданиям некоторых московских политиков, военные поставки вовсе не порождают односторонней зависимости нашего восточного соседа. Скорее, наоборот: в растущую зависимость от этих экспортных программ постепенно попадает российский ВПК, что создает еще одну возможность при необходимости оказывать давление на российское правительство.

Для Китая «стратегическое партнерство» значит гораздо меньше, чем для России. Кроме того, именно КНР устанавливает условия партнерства. В то время как Китай не очень волнуется расширение НАТО, все попытки создать военный альянс отвергаются. Основное содержание военного сотрудничества - продажа российских вооружений и военных технологий Китаю.

Конечно, у российско-китайского сотрудничества имеется целый ряд положительных моментов. Пожалуй, лишь эти две страны совместными усилиями могут смягчить позицию Северной Кореи. Две страны также разделяют общую цель контроля распространения исламского фундаментализма в Центральной Азии. Сотрудничество также способствует разрешению пограничных споров. В январе 1996 года КНР, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан обменялись картами с обозначенными межгосударственными границами, что создало основу для разрешения территориальных конфликтов, которые ведут свою историю еще со времен царской России. Вслед за этим пять государств подписали в апреле 1997 года соглашение о безопасности, закрепляющее межгосударственные границы и обязывающее стороны ограничить военные силы в зоне 100 километров от границ 3800 танками для России и 3900 — для КНР.

В 1984 году китайско-советская торговля оценивалась в 370 млн.долл. К 1991 году объем торговли достиг 3,9 млрд.долл. В 1996 году объем торговли России с Китаем превысил объем торговли СССР и достиг 6,8 млрд.долл. Из-за изоляции российского Дальнего Востока от центральных районов страны он во все большей степени ориентируется на торговлю с китайскими приграничными провинциями. В 1993 году приграничная торговля между китайскими северо-восточными провинциями и российским Дальним Востоком составляла примерно 80 процентов всего объема двусторонней торговли.

Однако у такого сотрудничества есть и целый ряд проблем. Хотя представители так называемого националистического течения российской политики и могут быть удовлетворены формированием оси Москва-Пекин как ответ на расширение НАТО, они могут быть не готовы пожертвовать для этого уступками на протяжении 4300 километров границы. Хотя торговля между Россией и КНР и должна увеличиться почти втрое за период с 1996 по 2000 год (с 7 до 20 млрд.долл.), торговля КНР с Россией составляет лишь 6-7 процентов всей китайской торговли и в восемь раз меньше, чем торговля с США. Кроме того, в 1993 году торговля между китайскими северо-восточными провинциями и российским Дальним Востоком составляла 80 процентов всей китайско-российской торговли. В будущем это может иметь ощутимые политические последствия и привести к переориентации российского Дальнего Востока в направлении соседей.

Количество китайцев, въехавших на российский Дальний Восток с 1991 года, составляет от 200 тысяч до 2 миллионов (по разным оценкам). Этнические китайцы составляют примерно 4 процента населения российского Дальнего Востока. Они концентрируются во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и поселках, где они иногда даже превосходят русских по численности. Перед угрозами дискриминации и депортации многие из них вынуждены работать на китайские преступные группировки, наиболее организованными из которых являются подразделения шести китайских триад. До 1994 года эти преступные группировки занимались лишь собственно китайским населением. С 1994 года, достигнув определенной силы, они стали вмешиваться в работу совместных российско-китайских предприятий. С возвращением Гонконга под китайский контроль деловые возможности триад еще более расширились, что позволило им укрепить свое присутствие в России. Россия предоставляет китайским преступным группировкам новые рынки, возможности для отмывания денег, транспортировки наркотиков и производства суррогатных товаров в подпольных цехах на территории России. Усиливается и влияние японских и северокорейских преступных группировок. В этих условиях традиционные российские преступные группировки на Дальнем Востоке уже не

могут себе позволить направлять все силы на борьбу с преступными группировками из Центральной России. Более молодые представители российской организованной преступности на Дальнем Востоке предпочитают сотрудничать с триадами и якудза. Подобный раскол в российской организованной преступности на Дальнем Востоке в перспективе является источником дополнительной нестабильности.

Политика России по отношению к Китаю. Две проблемы стоят перед Россией: будущая безопасность перед лицом введомого США Запада и растущий радикализм и шовинизм с Востока (в основном с транзитной оси, доминируемой КНР и Ираном). Принимая во внимание состояние системы национальной безопасности, Россия не может бороться с обеими угрозами одновременно. Наиболее дальновидные российские стратеги рассматривают угрозу с Востока как более серьезную. Восток, исторически враждебный России и Западу, приобретает современные военные технологии и обречен на подъем.

В то же самое время администрация Клинтона выступает за расширение НАТО в нарушение договоренности 1990 года между президентами Горбачевым и Бушем о том, что НАТО не примет в свой состав бывших членов Варшавского договора (за исключением Восточной Германии). Подобное стратегическое давление вынуждает Россию концентрировать все свои военные силы на Западе.

В силу своего географического положения Россия будет одной из первых целей находящегося на подъеме Востока, точно так же, как она была объектом вторжений монголов и турок на протяжении своей истории. Однако в настоящее время в силу *политических* причин Россия не может готовиться к отражению угроз с Востока, хотя ее военная элита и специалисты по национальной безопасности и убеждены в необходимости подобной подготовки. Она вынуждена заключать сделку с Востоком получая взамен возможность концентрировать свои усилия на противодействии давлению с Запада.

Одновременно с этим в России растет осознание того, что США являются источником антироссийской позиции НАТО. В Кремле полагают, что только силовое давление и демонстрация уязвимости США могут повлиять на Вашингтон. Поэтому единственный путь сдерживания администрации Клинтона - нанесение ущерба стратегическому положению США. Основным инструментом для этого - поддержка китайцев, иранцев и их радикальных союзников в их противостоянии США. Основным видом подобной поддержки — передача военных технологий и вооружений. Рано или поздно, если этот процесс будет продолжаться, Россия должна будет взять на себя лидерство. Однако во что это лидерство выльется — не ясно.

Не существует иллюзий в отношении конечных целей китайского шовинизма и радикального ислама. Ясно, что как только Китай поймет, что он может достигнуть гегемонии, удержать его будет невозможно. Понятно, что сдерживать Китай в его росте уже поздно. Мусульманский Восток также скоро дойдет до взрыва, который будет направлен большей частью (но не только) на Запад. Сдерживать Китай будет невозможно, как только он будет убежден, что сможет добиться гегемонии и выжить в конфронтации с США. Важно, что как российские, так и китайские исследователи отмечают 2010-2015 годы как переломный период.

Китайский подъем может быть терпим до тех пор, пока собственные жизненные интересы России не находятся под угрозой. Однако этот подъем неизбежно перерастет в американо-китайскую войну, к которой могут присоединиться исламские страны и которая таким образом перерастет в мировую войну. В условиях большинства сражений, проходящих у границ России, она просто не сможет дистанцироваться от конфликта. Участвуя же в нем, в случае дальнейшего развития нынешних тенденций как во внешнеполитической, так и в военной областях, она заведомо будет обречена на поражение.

Сейчас еще есть возможность изменить направление событий. В случае поддержки России и устранения угрозы со стороны НАТО Россия еще может присоединиться к сдерживанию Востока. Эксперты РЭНДа не исключают сценария, согласно которому Соединенные Штаты и Западная Европа будут поддерживать дружественную им Россию (и возможно, Казахстан и другие центрально-азиатские республики) в противостоянии Китаю. В таком случае не исключена военная помощь России и даже распространение гарантий безопасности, даваемых НАТО, на Россию. Однако сейчас события развиваются по прямо противоположному сценарию. Почему это происходит? Помимо внешних причин, связанных с недостаточно продуманной позицией США, есть и целый ряд субъективных причин, кроющихся в самой системе выработки российской политики по отношению к КНР.

Российская политика по отношению к Китаю складывается под воздействием различных факторов: общественного мнения (и даже позиций отдельных лиц), бюрократических интересов, соображений национальной безопасности. *Общественное мнение* играет крайне незначительную роль. Если вопрос расширения НАТО на Восток еще как-то задел российскую публику, то отношения России с Китаем интересуют почти исключительно жителей дальневосточных областей, да и то главным образом в связи с притоком иммигрантов.

События последних лет показали, что российскую политику чаще всего определяют *интересы бюрократии*: в случае с Китаем - военно-промышленного комплекса. При этом часто забывается, что сами по себе поставки вооружений не создают основу для стабильных политических отношений. Поэтому необходим поиск других путей для строительства долгосрочного стратегического партнерства с Китаем.

В последнее время на отношения между обеими странами все заметнее воздействует топливно-энергетический комплекс России и других государств СНГ. Складывается впечатление, что его влияние - еще один характерный пример бюрократической политики. Россия фактически пошла на открытие богатых

энергоносителями регионов для китайского проникновения. 25 июня 1997 года была достигнута договоренность о разработке месторождений газа в Иркутской области и строительстве газопровода в Южную Корею через Монголию и Китай. Будучи вице-премьером Борис Немцов отметил, что сотрудничество в проектах, связанных с энергоносителями, - ключевой компонент российско-китайских отношений. Во время визита в Китай Виктор Черномырдин и Ли Пэн подписали соглашение о поставках сибирского газа и нефти. Предполагается даже ввести единые стандарты на железнодорожных путях в некоторых приграничных районах. Китайская национальная топливная корпорация выиграла тендер на разработку 60 проц. нефтяного месторождения под Актюбинском, победив американские компании "Тексако" и "Амоко", а также российский "Южный мост".

В то же время при инвестировании в Китае Россия наталкивается на определенные трудности. Например, в 1997 году при реализации проекта строительства гидроэлектростанции "Три ущелья" (ведет консорциум, состоящий из "Энергомашэкспорта", "Электросилы", "Гидропроекта", "Техноэкспорта", "Трансмаша" и "Трактороэкс-порта") китайская сторона не согласилась с предложенными ей ценами на российское оборудование.

Правда, 21 мая 1997 года было подписано соглашение об оказании помощи при проектировании атомной электростанции в провинции Цзяньсу. Но ядерная энергетика, пожалуй, единственная область, куда Китай допускает российские предприятия. Во многом это объясняется тем, что он не в состоянии найти альтернативных поставщиков оборудования и технологии. Китайская сторона откровенно использует Россию, чтобы пробить брешь в режимах, ограничивающих экономический и военный рост их страны (режим контроля за ядерными или ракетными технологиями, ограничения экспорта высокотехнологичных вооружений и военных технологий).

Позиция других дальневосточных государств не облегчает защиты российских интересов. Еще в 1996 году в официальных документах японского правительства Китай фигурировал - наряду с Россией - как главная угроза национальной безопасности. Теперь Токио заявил о своей готовности участвовать в строительстве нефте- и газопроводов из Казахстана в Китай. Экспортно-импортный банк Японии профинансирует 15 проектов в Казахстане на сумму 6 млрд. долларов. Более того, заместитель министра иностранных дел Японии Кадзуо Огура 4 июня 1997 года заявил: если Россию примут в "большую семерку", страна будет настаивать на принятии в нее и Китая, поскольку объем его внешней торговли вдвое больше российского.

И КНР, и Япония, и США склоняются к поддержке российского членства в ОПЕК. Японская позиция связана с японскими компаниями, стремящимися получить доступ к российской нефти и газу. Кроме того, МИД Японии стремится к использованию «русской карты» в отношениях с КНР. КНР поддерживает Россию в рамках «стратегического партнерства», о котором так много говорилось в последние годы. Позиция США основывается на стремлении продемонстрировать свои дружественные намерения и отсутствие необходимости в более тесном сотрудничестве с Китаем.

Самая опасная сторона засилья бюрократических интересов в процессе выработки российско-китайской политики - полная безответственность его участников. Операционная доктрина стала негибкой и схематичной. Она до конца непонятна ни одному из субъектов процесса принятия решений, которые заинтересованы лишь в быстром получении максимальных прибылей.

Национальные интересы России в отношении с Китаем определены туманно. Отсутствие перспективного видения проблемы характерно для всех частей политического спектра. Представители властных структур делают примитивные и ни к чему не обязывающие заявления о необходимости теснее привязать дальневосточные области к Центру. Отечественные либералы полагают, будто в современном взаимозависимом мире внешние угрозы национальной безопасности России уже неактуальны. Отсюда и вытекает стремление безоглядного курса.

Представители националистического течения нынешней российской внешнеполитической мысли сконцентрировали все внимание на расширении НАТО как наибольшей угрозе безопасности страны. Исходя из этого, они конструируют схемы совместного российско-китайского противостояния "давлению Запада". Между тем непредвзятому наблюдателю очевидно, что у России гораздо больше оснований опасаться Китая. Все прошлые попытки создать альянс с КНР оказывались дорогостоящими и недолговечными, и рассчитывать на то, что подобная политика на сей раз окажется успешнее, особых оснований нет. Более того, в долгосрочной перспективе улучшение отношений с Западом сулит Китаю гораздо больше, чем любой союз с Россией. Справедливости ради следует отметить, что и в Соединенных Штатах, как заметил Майкл Пилсбери, специалист по Китаю и старший военный чиновник во времена администраций Рейгана и Буша, "с 1992 года китайская дипломатия преуспела в запугивании специалистов по внешней политике от публичного упоминания китайской угрозы".

Реактивный характер российской политики по отношению к Китаю и отсутствие перспективной оценки будущего развития отношений между обеими странами объясняются, помимо всего прочего, и тем, что представители разных частей отечественного политического спектра искусственно культивировали соответствующие внешнеполитические воззрения. В начале 1990-х годов ослабление влияния России на мировые процессы стало уже очевидным, а легитимность правящего режима - несколько проблематичной. И потому естественная стратегия политического выживания как партии власти, так и оппозиции строилась на двух основных элементах:

— демонстрации решимости противостоять потенциальным противникам. Лучше всего на эту роль подходил Запад с задуманным им расширением НАТО. Угроза, которую он мог представлять для нашей

страны, была отдаленной и неопределяемой в военных терминах, отчего российские аналитики пользуются эвфемизмом "потенциальная угроза", означая, что она вряд ли материализуется и уж во всяком случае не поставит под вопрос существование России как суверенного государства. Риторическое же противостояние Западу, позволяющее политикам набирать очки во внутренних баталиях, по их собственному мнению, вряд ли способно серьезно навредить России;

— поиске союзников для противостояния потенциальным угрозам. Союзники требовались сильные в политическом, экономическом и военном отношениях. Вначале эту задачу пробовали решить за счет укрепления связей внутри СНГ. Однако вскоре выяснилось, что входящие в него государства либо недостаточно сильны, либо не слишком заинтересованы в общих с Россией внешнеполитических инициативах. Тогда Москва обратила свое внимание на Китай, который некоторые политики возвели в ранг "единственного и надежнейшего" союзника при противостоянии Западу. Если сотрудничество с КНР не вписывалось в рамки желаемой схемы, этого старались не замечать, а порой за совместные антизападные акции и вовсе выдавали внешнеполитические инициативы Китая, направленные на защиту его собственных интересов.

Поначалу эти два элемента внешнеполитической стратегии были лишь мифами, которые внешнеполитическое сообщество инструментализировало в своих внутривнутриполитических целях. Со временем, однако, они стали восприниматься как объективная реальность. Элита попала в созданную ею же самой ловушку, и отказ от конфронтации с Западом и сотрудничества с Китаем предстали чуть ли не аномалией. Концепциям, отдающим предпочтение сотрудничеству с Западом во имя сдерживания все более реальной китайской угрозы, уже трудно влиять на выработку российской внешней политики. Долгосрочные интересы страны пали жертвой внутривнутриполитической борьбы.

Сейчас американские стратегические аналитики рассматривают последствия для Запада долгосрочного китайско-российского партнерства. Одна из возможностей, отмечает С.Бланк, заключается в возникновении стратегического партнерства, которое может в один день начать угрожать интересам США. Другая возможность - опасная зависимость Кремля от китайских закупок российских вооружений, которая может угрожать российской безопасности.

При проведении политики сотрудничества (или даже "стратегического партнерства") с Китаем мало кто задумывается, что в долгосрочной перспективе Япония может оказаться для России гораздо более ценным партнером. При этом существует надежда, что Япония заинтересована в России как противовесе китайскому доминированию в регионе.

В отличие от американцев и западноевропейцев Япония не была затронута в той же степени окончанием «холодной войны». Несмотря на российские жесты доброй воли типа вывода всех российских войск с одного из Курильских островов в последующие годы, особых изменений в японской политике не последовало. Во многом поворотным пунктом послужила авария российского танкера «Находка» и небывалая прежде готовность российской стороны к сотрудничеству в ликвидации последствий. Неформальная встреча между президентом Ельциным и премьер-министром Японии Хасимото привела к появлению плана заключить мирный договор между двумя странами еще до 2000 года. В чем причины потепления японской политики по отношению к России. Во-первых, японские компании ищут выгодных сделок, связанных с российской нефтяной и газовой промышленностью. Во-вторых, Япония действительно готова разыграть «российскую карту» в отношениях с Китаем. Однако именно в этой области российские политики не дают своим японским партнерам никаких поводов для надежды.

Нынешним архитекторам российской дипломатии следовало бы отказаться от сложившихся стереотипов и задуматься над тем, куда ведут страну события. Однако трудно сохранять объективность, когда решения приходится принимать под столь сильным влиянием внутривнутриполитической борьбы. К тому же у этих людей место "великих замыслов" занимают тактические идеи, пусть даже и неплохие (к примеру, торг вокруг расширения НАТО или политика на Ближнем Востоке).

"Западное" направление. По сравнению с другими частями мира, где быстрый экономический рост отдельных стран или перенаселение и вытекающие из него экономические проблемы способствуют нестабильности, *Европа* характеризуется относительной демографической и экономической стабильностью. Население некоторых стран, таких, как Германия и Италия, уменьшится в абсолютных величинах. Население других увеличится. Предполагается, что в России население увеличится с нынешних 149 миллионов до 153 миллионов в 2015 году. Однако в это же время восемь стран Центральной Азии и Кавказа увеличат свое население с 72 до 96 миллионов. Население Европы в целом уменьшится по сравнению с соседними регионами. Сейчас ее население насчитывает 730 миллионов, или 12,8 процента общемирового населения в 5,7 миллиарда. К 2015 году население Европы должно достигнуть величины в 744 млн. человек, в то время как общемировое население должно составить 7,4 миллиарда. Процент населения в возрасте более 60 лет в Европе должен увеличиться. Сокращение числа лиц призывного возраста означает, что европейские страны, включая Россию, будут слабее в военном отношении, чем многие неевропейские страны.

В то же самое время, когда большинство западноевропейских стран передают часть своего суверенитета наднациональным органам, можно наблюдать и тенденции к все большей фрагментации (региональной, этнической, религиозной) на национальном уровне. В западной Европе наиболее наглядными примерами могут служить Бельгия, Испания и Италия. В Центральной Европе за исключением трех этнически гомогенных стран (Польша, Венгрия и Чехия), все страны в той или иной степени подвержены подобной фрагментации. То же справедливо и для бывшего СССР.

Несмотря на близость Западной Европы и Соединенных Штатов, взгляд на партнеров и ожидания от

сотрудничества сейчас переживают драматические изменения. Важность Европы в американской политике существенно снизилась с устранением советской угрозы. Западной Европе уже не угрожают извне. Причем интерес к Европе уменьшился не только как к партнеру в разрешении международных кризисов, но и как к торговому партнеру.

После краха коммунизма величайшая угроза безопасности европейцев (особенно центральной части) исходит не извне, а от экономической нестабильности внутри стран. Признавая важность социально-экономических аспектов безопасности, НАТО предприняло важный шаг в защите трансатлантических интересов.

В результате всех этих изменений как Европа, так и США переживают кризис идентичности и отсутствие чувства направления. Им становится все труднее предсказать действия друг друга, особенно принимая во внимание изменения в политической, экономической и культурной областях, а также в вопросах безопасности.

В самой Европе супранациональные политические узлы переплетаются с разделением по социальным и этническим линиям. Становится все менее ясно, где Европа начинается и где заканчивается.

Во многих частях Центральной и Восточной Европы наличие этнических меньшинств создает потенциал для межгосударственных конфликтов. Особенно опасны случаи, когда «меньшинства» обращаются за поддержкой к странам, где они находятся в большинстве.

Нестабильность в Центральной и Восточной Европе, включая возобновление боевых действий в Югославии, может оказать влияние на Западную Европу и создать потоки беженцев, которые достаточно трудно контролировать. Все это дает возможность некоторым внешним силам (Россия или Иран) оказывать опосредованное влияние на Западную Европу.

На Западную Европу могут оказать влияние и потоки беженцев из Северной Африки, препятствия в доступе к рынкам ближневосточных энергоносителей или международный терроризм североафриканского происхождения. Оказывает влияние и тот факт, что многие достаточно нестабильные ближневосточные государства обладают оружием массового поражения и средствами доставки, позволяющими поражать часть западноевропейской территории.

Процессы фрагментации на востоке и консолидации на западе Европы идут параллельно и во многом влияют друг на друга. Наиболее наглядным примером может служить конец 1991 года. В декабре в Маастрихте лидеры 12 стран ЕС заключили договор о европейском политическом, экономическом и валютном союзе. Несколькими неделями ранее руководители Белоруссии, Украины и России разрушили СССР. Однако уже в 1992-1993 годах эти тенденции обернулись собственной противоположностью. На Западе союз столкнулся с рядом проблем (в том числе и с ратификацией самого договора). На Востоке же создались предпосылки для реинтеграции некоторых республик бывшего СССР.

Одна из важнейших проблем, с которой сталкивается ЕС, проблема расширения. Принципиальное решение о необходимости расширения было принято на Копенгагенской встрече в верхах, на которой Евросовет решил, что страны Центральной и Восточной Европы, которые окажутся способны выполнять обязательства, налагаемые на них членством в ЕС, и способные выполнять определенные экономические и политические условия, будут приняты в ЕС. Решение предложить членство в ЕС всем странам Центральной и Восточной Европы (включая Прибалтийские республики бывшего СССР) и исключить членство России и других республик бывшего СССР (так же как и Турции) будет иметь долгосрочные последствия. В принципе это означает, что Европа развивается в направлении двух центров силы - ЕС на западе и России на востоке. В то время как Турция находится в достаточно интересной позиции ассоциации с ЕС, сосуществования с Россией и историческими и религиозными связями с Ближним Востоком.

Рассматривая взаимодействие Западной Европы и России, очень часто забывают о таком важном факторе этого процесса, как *поставки российских энергоносителей*. Можно выделить несколько основных тенденций в развитии европейского энергетического сектора. Во-первых, зависимость многих западноевропейских стран от импорта энергоносителей по-прежнему возрастает. Во-вторых, российская энергосистема и энергосистемы центрально- и западноевропейских стран во все большей степени интегрируются. В-третьих, роль ядерной энергии в европейском энергетическом рынке заметно упала.

Другой фактор, на протяжении последних нескольких лет влияющий на отношения России с Западом - *расширение НАТО и процессы, которые ему сопутствуют*. Складывается впечатление, что в вопросе о расширении НАТО американская администрация постоянно игнорировала требования осторожности и осмотрительности и действовала без достаточного обсуждения вопросов. Большинство из решений, принятых с 1994 года, были продиктованы внутривнутриполитическими причинами. В качестве доказательства бывший госсекретарь Г.Киссинджер отмечал в одной из газетных статей, что единственная из публичных речей президента Клинтона о расширении НАТО до 1997 года была речь на собрании американцев польского происхождения в Детройте во время президентской кампании 1996 года.

Хотя Примаков и называл расширение НАТО величайшей ошибкой со времени окончания «холодной войны», его политика основывалась на осознании того, что Россия не способна помешать расширению. Примаков стремился к соглашению с НАТО о размещении военной инфраструктуры (включая С³1) у границ России, в то же время заявляя, что Россия не против расширения политических структур НАТО в Восточную Европу. Было выражено желание о пересмотре договора ОВЕ, препятствующем размещению сил НАТО в Центральной Европе. Примаков провел линию приемлемого расширения по бывшим границам СССР.

Из всех российских учреждений сильнее всего оппозиция расширению НАТО проявилась в Думе. В

октябре 1996 г. Дума приняла резолюцию, согласно которой расширение вызовет международный кризис. Спикер Думы Г.Селезнев несколько раз предупреждал, что Дума не ратифицирует договор СНВ-2, если НАТО расширится. Правда, если принять во внимание достигнутую договоренность президентов Ельцина и Клинтона о начале переговоров об СНВ3, подобная угроза выглядит несколько сомнительной. Даже либеральные парламентарии, такие, как Явлинский, выступают против расширения. Правда, их мотивы скорее внутривнутриполитические. По словам Явлинского, многие в России видят расширение НАТО как угрозу стране и оправдывают ограничение ориентированных на Запад реформ и рост расходов на оборону.

Между тем в военном отношении расширение не является столь уж большой угрозой (по крайней мере, по сравнению с целым спектром новых и гораздо более реальных угроз, с которыми сталкивается Россия). Министр обороны США У.Перри называл недостаток военных возможностей Прибалтийских республик в качестве главного препятствия их вступлению в НАТО в первых рядах. Особенно заметна слабость в таких областях, как противотанковые вооружения и системы ПВО. Мобильность практически отсутствует. Во всех трех республиках основу вооруженных сил составляет национальная гвардия. Однако возможности получения этими подразделениями достаточной подготовки для ведения современных боевых действий остаются под сомнением. В Эстонии министерство обороны планирует к 2005 году иметь численность частей национальной гвардии, готовых для мобилизации, в 42 тысячи человек. Это будет достигнуто добавлением бывших военнослужащих срочной службы к резервным формированиям (3 тысячи ежегодно на добровольной основе). Литва уже сейчас имеет 35-тысячные ВС, готовые к мобилизации. Однако эти соединения недостаточно обучены и организованы. В Латвии проблемы наиболее остры. Менее 20 процентов лиц, призываемых на военную службу, выполняют свои обязательства. К тому же уровень финансирования значительно ниже, чем в Эстонии и Литве. Процесс принятия трех центрально-европейских стран в НАТО находится в своих первых стадиях. Пройдут десятилетия, прежде чем эти страны станут действительными членами альянса.

Пока же Россия и Запад спорят о том, дает ли Основополагающий акт Москве право вето по делам альянса. Представители НАТО заявляют, что предлагаемый двусторонний совет является отдельным органом, имеющим дела с совместными проблемами, но не внутренними вопросами НАТО.

Следующий неожиданно ставший важным вопрос - *политика России на Балканах*. Здесь в силу причин, описанных в первой главе нашей работы, российская политика является достаточно непоследовательной и не совпадающей с долгосрочными интересами страны. Балканы имеют довольно малое стратегическое значение для России. Даже во времена расцвета силы Советского Союза военное присутствие СССР в этом регионе было незначительным. Сейчас же на Балканах создались возможности, упускать которые нельзя. Почему Россия заинтересована в этом регионе? И бывший премьер-министром Примаков, и министр иностранных дел И.Иванов верили, что долгосрочная цель России заключается в сохранении ее статуса сверхдержавы дипломатическими средствами. Балканы в настоящее время являются единственным регионом, где присутствуют прямые разногласия между Россией и западными странами. Хотя Россия и подвергает сомнению целесообразность действий западных стран в других частях мира (например, в Ираке), ее влияние там достаточно ограничено. В любой конфронтации с Западом Россия неминуемо проиграет. Особенно ясным это стало после августовского 1998 года финансового кризиса. На Балканах

Россия имеет как соответствующие внешнеполитические инструменты, так и благоприятную для проведения своего влияния ситуацию.

Как и во многих других функциональных и региональных направлениях российской внешней политики, существенное значение имел личностный фактор. Примаков интересовался Балканами. Иванов является специалистом по европейской безопасности, расширению НАТО, разоружению и Югославии (все это является частями балканской политики России). Он являлся представителем России в так называемой контактной группе основных держав, пытающихся разрешить балканский конфликт. Адмирал Ю.Зубаков, глава консульской службы, и Р.Маркарян, начальник аппарата Примакова, также интересовались проблемами Балкан.

Говоря о европейском направлении внешней политики России, следует отметить также и то, что, несмотря на все рассуждения о заговоре против России как великой державы, изменения в положении России в Европе, связанные с объединением Германии, уходом из Центральной и Восточной Европы, расширения ЕС и включение в него Австрии, Финляндии и Швеции, не были рассчитаны на то, чтобы ослабить стратегические позиции России. Скорее эти изменения сами были результатом, а не причиной российской слабости. Однако изменения эти уже стали частью истории. И, как результат этих изменений, роль европейского направления российской внешней политики обречена на постоянное снижение.

Вероятно, что из всего "западного направления" для России преобладающее значение будут иметь *отношения с США*. Вероятнее всего, Соединенные Штаты будут достаточно глубоко вовлечены в мировые дела и в первые годы нового столетия. Несмотря на периодически проявляющиеся в стране настроения изоляционизма, США попросту не имеют другого выбора, кроме глобального вовлечения. Сами размеры американской экономики, торговые, политические, культурные и военные связи с другими странами и негосударственными объединениями вынуждают США к этому. Последствия же устранения США от их нынешних лидерских функций могут быть достаточно негативными для всей мировой системы. Вслед за этим начнется глобальное соперничество за то, чтобы заполнить вакуум, оставленный Соединенными Штатами. Подобное соперничество неизбежно приведет к нестабильности.

В последнее время достаточно много говорится о том, что Соединенные Штаты стали единственной в

мире сверхдержавой, о том, что силовая гегемония США является источником мировой нестабильности, что целью российской внешней политики должно быть построение многополярной мировой системы, которая якобы является единственной для нашей страны возможностью занимать подобающее ей место в международных отношениях.

Думается, что логика подобных рассуждений является во многом неверной. *Во-первых*, многополярность в нынешних условиях может принести России гораздо больше угроз, чем краткосрочных выгод. Даже во времена расцвета многополярности в Европе девятнадцатого столетия, когда действовал «концерт Европы», войны между великими державами были регулярным явлением. Конфликты различной интенсивности и масштаба случались каждое десятилетие. Успех же Европейского союза, который многие приво- дят в качестве примера многополярной региональной системы безопасности, стал возможен только благода- ря гегемонии США.

Во-вторых, несмотря на все разговоры о том, что мировое сообщество «устало» от лидерства США, ни одно из ведущих государств не вносит вклад в создание подлинной многополярности. Ни одно из госу- дарств не проявило готовности разделить обязательства по поддержанию глобального порядка и управлению международными кризисами. Говоря о военных возможностях западноевропейских стран, следует признать, что они во все большей степени зависят от Соединенных Штатов в деле обеспечения собственной безопас- ности. В будущем же возможности западноевропейских стран вносить вклад в операции типа войны в За- ливе или в операции по поддержанию мира еще более уменьшатся. До сих пор ни одна из стран (в отличие от США) не проявляла готовности к краткосрочным жертвам для защиты долгосрочного интереса по под- держанию мирового порядка. Только КНР сейчас делает попытки увеличить военные расходы, чтобы иг- рать большую роль в международных отношениях (не говоря о том, что наращивание вооруженных сил Китая не вполне вписывается в общепринятые представления о защите стабильности в АТР).

Страны, действительно заинтересованные в многополярности и обладающие возможностью играть достойную роль в мировой системе, должны были бы не сокращать военные бюджеты, а существенно их увеличивать. Однако никто (и Россия не является исключением) не может и не желает платить цену за «мир без гегемона». Более того, возврат в многополярности означал бы сейчас борьбу за лидерство в Европе меж- ду Россией, Германией, Францией и, может быть, Великобританией. В странах «третьего мира» такое раз- витие событий также неминуемо привело бы к новому соперничеству за сферы влияния.

В-третьих, очень часто призывы к отказу от американской гегемонии связаны либо с внутривнутриполитиче- скими соображениями, либо с желанием получить краткосрочный пропагандистский успех. Политика, кото- рую сейчас демонстрируют такие страны, как Россия и солидаризирующаяся с ней по целому ряду вопросов Франция, нацелена на то, чтобы иметь «равный голос» с США в решении наиболее важных мировых вопро- сов, не беря на себя никакой ответственности и расходов (финансовых, людских, политических и иных), ассоциируемых обычно со статусом великой державы. Наиболее часто используемая тактика - поднятие собственного политического престижа за счет проявления оппозиции США, и в то же время использование той уникальной стабильной стратегической ситуации, которая стала возможна благодаря наличию явного гегемона. В итоге эти страны лишают США какой-то части их статуса гегемона. Однако это ценой этому является возникновение очередной угрозы той мировой системе, от стабильности которой эти страны сами зависят, но защищать которую они не могут. Они не обладают средствами, чтобы решить иракскую или балканскую проблемы. Их могущества хватает только на то, чтобы помешать разрешению этих проблем Соединенными Штатами.

В-четвертых, лишь два фактора сдерживают ряд российских соседей (на юге и на востоке) от нападения на ослабшую Россию - существование ядерного оружия и, в общем-то, выгодная для России квазигегемония США. Об ограничениях сдерживающей функции ядерного оружия уже говорилось в части, посвященной во- енной политике. Поэтому в настоящее время именно американская гегемония объективно является наиболее надежным и дешевым сдерживающим фактором для соседей России.

Таким образом, вполне вероятно, что гегемония США для ослабленной России может являться даже по- лезной, если эта гегемония будет иметь достаточно четко очерченные временные рамки. Важно только, чтобы российская дипломатия была заранее готова к вызовам, которые поставит та система, которая рано или позд- но придет на смену нынешнему доминированию США, не могущему продолжаться вечно.

Кроме того, Россия в настоящее время просто не имеет ресурсов (финансовых, военных, политических, культурных и идеологических) для того, чтобы действительно противостоять Соединенным Штатам или просто выполнять стабилизирующие функции в мировой системе без их участия. Таким образом, вне зави- симости от того, рассматриваем ли мы страны Запада как угрозу или нет, конфронтация с ними вряд ли возможна. Любой конфликт с Западом, ведомым США, будет для России в ее нынешнем положении заве- домо проигрышным. Кроме того, он может спровоцировать других (и часто более реальных) противников России к более активным действиям против нее.

* * *

Основной вывод, который можно сделать при анализе региональных направлений российской внешней политики в 1990-е годы, заключается в том, что именно "восточное" направление будет являться решающим в начале нового тысячелетия. Естественно, что ключевым фактором будут отношения с Китаем. Именно эти отношения таят в себе наибольшие угрозы. Они же могут предоставить и множество новых возможностей, которые, при сохранении нынешних тенденций в двусторонних отношениях между Россией и КНР, реали-

зывать просто невозможно. Можно также отметить, что осознание приоритетности и "первичности" этих отношений в России пока еще не сформировалось. Как правило, все схемы региональной политики на "восточном" направлении строятся в зависимости от того, как развиваются отношения с США, НАТО и в зависимости от влияния внутривнутриполитических факторов. То есть отношения эти становятся вторичными. Кроме того, и на "западном" направлении политика является непоследовательной и не учитывающей реальные возможности России влиять на развитие событий. Что же самое опасное, политика эта во все большей степени становится подверженной влиянию идеологии и соображений предвыборной борьбы в самой России. В принципе такие тенденции в разное время были характерны для множества стран. Отличие же России заключается в том, что она себе этого сейчас позволить просто не может, учитывая внутреннюю слабость страны и шаткость ее позиций на мировой арене, а также ее неготовность бороться с угрозами (реальными, а не гипотетическими), с которыми она так или иначе столкнется в ближайшее десятилетие.

* * *

Рассмотрев основные факторы, влияющие на внешнюю политику России во второй половине 1990-х годов, можно выделить следующие основные тенденции.

Государство уже не может обеспечить выработку и проведение внешней политики, отвечающей интересам сколь-либо широких слоев населения. Как это было на протяжении большей части истории России, граждане страны страдали от собственного государства гораздо больше, чем от любой внешней угрозы. К тому же, если говорить о реальных внешних угрозах, с которыми может столкнуться Россия в ближайшие десятилетия, нынешнее государство не способно обеспечить защиту от них. Для этого оно не обладает ни материальными ресурсами, ни политической волей, ни осознанием собственной исторической миссии. Оно также во все меньшей степени способно обеспечить защиту интересов сколь-либо влиятельных слоев российского бизнеса. Хотя много говорится о манипулировании государством ведущими ФПГ, политическая элита при ее нынешней автономии не способна обеспечить выполнение долгосрочных целей даже тех ФПГ, которые эти цели в той или иной мере имеют. Ни в одной сфере государственной политики, влияющей на место России в мировой системе, будь то непосредственно внешняя политика, военная политика, политика в области экспорта вооружений, о каких-либо значимых успехах говорить не приходится. Даже беглый обзор основных этапов российской внешней политики в 1990-е годы подтверждает этот тезис.

При этом нет никаких указаний на то, что какая-нибудь из существующих в настоящее время политических сил может изменить эту тенденцию. Кризис внешнеполитической роли Российского государства является системным и не может исчезнуть при существующем политическом режиме. Во многом тенденция распада внешнеполитической роли Российского государства связана с объективными процессами, идущими во всем мире. Основная опасность заключается в том, что никаких серьезных изменений может в ближайшее время не произойти. Стабильность нынешней ситуации сама по себе пагубна.

Если никаких изменений не произойдет, Россия обречена на то, чтобы поэтапно терять остатки своего суверенитета и постоянно жертвовать собственной территориальной целостностью. Она станет объектом нападений как со стороны соседних государств, так и со стороны негосударственных объединений. Внутренний сепаратизм будет подпитываться извне. Страна в этом случае просто не имеет будущего.

В этих условиях можно ожидать повышения значения других (не связанных с государством) внутренних факторов формирования внешней политики России. Речь, прежде всего, идет о так называемой организованной преступности и финансово-промышленных группах. Именно на стыке этих двух факторов может появиться новая сила (не путать с "Новой силой"), способная переломить негативные тенденции последних лет. Это вряд ли будет возможно в условиях существования нынешнего политического режима, который, следовательно, должен уйти в прошлое.

Подобному переходу ведущей роли в процессе выработки и проведения внешней политики от государства к другим действующим лицам способствует ряд внешних факторов. Информационная революция делает старый порядок осуществления властных полномочий (в том числе и внешнеполитических) государством устаревшим. Распространение оружия массового поражения ставит перед Россией проблемы, которые нынешняя система выработки и проведения внешней политики просто не в состоянии разрешить. Меняющаяся роль международных институтов делает возможным непосредственное участие в международном взаимодействии новых действующих лиц. Выход на мировую арену стран и негосударственных объединений, которые ранее были на периферии мировой политики, также способствует подрыву традиционной внешнеполитической роли российского государства.

Рассмотрение некоторых региональных направлений российской также говорит о глубоком кризисе системы выработки и проведения внешней политики в нашей стране. Кроме того, существует целый ряд реальных (а не воображаемых) внешних угроз, которые могут угрожать будущему России как самостоятельной державы. Причем нынешняя Россия противопоставить этим угрозам что-то реальное вряд ли может.

Специфика России как страны заключается в том, что в отличие от других бывших великих держав, она просто не может позволить себе медленный и сравнительно безболезненный отход на периферию мировой политики. Сами размеры страны, ее историческое наследие, ее потенциал ведут к тому, что будущее страны не гарантировано само по себе. Это будущее необходимо завоевывать в борьбе с внешними угрозами. Как это ни парадоксально, именно внешние угрозы еще только и могут являться основой для консолидации российского общества. Альтернативой же этому завоеванию будущего является, при продолжении существо-

вания нынешней системы, исчезновение России как субъекта международных отношений в результате целого ряда внутренних конфликтов и столкновений с внешними силами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ: НОВЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА, ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Новые тенденции, которые необходимо принимать во внимание, пытаясь представить себе контуры мировой системы в двадцать первом веке, достаточно многообразны. Однако мы сочли возможным выделить три фактора, которые, на наш взгляд, являются наиболее важными. Это — информационная революция, приводящая к изменению роли государства в МО и появлению новых форм конфликта, стремительное распространение оружия массового поражения и ряд глобальных проблем. Причем для нас особый интерес представляют не столько сами эти факторы, сколько то, насколько нынешняя Россия готова адаптироваться к ним.

Информационная революция отражает прогресс компьютеризированных информационных и коммуникационных технологий и связанные с этим инновации в теории организации и управления. Гигантские изменения происходят в путях сбора, хранения, обработки и передачи информации, в том, как планировать организации для использования преимуществ возросших объемов доступной информации. Информация становится стратегическим ресурсом, таким же ценным и влиятельным в постиндустриальную эру, каким были капитал и рабочая сила в эру промышленную.

Информационная революция, вопреки распространенному заблуждению, заключается не только в распространении новых технологий. Она заключается в распространении общественных отношений нового типа. Технология лишь дает людям инструменты для определенных видов деятельности и помогает их осуществлять. Однако сама по себе она не делает ничего.

Четыре характеристики информации делают ее широкое распространение достаточно легким:

- нетребовательность к ресурсам;
- легкость транспортировки;
- проницаемость (несмотря на все попытки остановить это проникновение);
- необходимость делиться информацией — очень частое предоставление информации другим является выгодным.

Важным последствием информационной революции является ослабление роли иерархических структур. Информационная революция ослабляет иерархические структуры в результате двух процессов. Сдвиг от сравнительной бедности к обилию информации позволяет индивидам обходить иерархии, контролирующие или ограничивающие информацию. Альтернативные формы организации показали себя более эффективными в обработке информации, чем иерархии. В информационно интенсивных предприятиях иерархические организации могут быть неконкурентоспособными. Кроме того, в случае информационных технологий объем общественных и технических знаний, необходимых для поддержания работоспособности информационной системы, достаточно велик, так же как и требуемая для этого инфраструктура. Использование же этих технологий крайне индивидуально.

Не только электронные средства связи, но и СМИ в целом перешли к более специализированным локальным рынкам. Примером может служить увеличение количества телеканалов или распространение тысяч онлайн-дискуссионных групп. Этот переход к более узким группам улучшил качество коммуникации. Он же, однако, еще более фрагментирует гражданское общество. В результате граждане имеют все меньше общего культурного опыта, что снижает их способность к объединению и совместной работе как политического сообщества.

Последствия растущего участия граждан в политической жизни (в том числе и в международной) достаточно велики. Рынки должны быть реформированы, чтобы предложить каждому доступ к их плодам. Управление должно быть децентрализовано, чтобы позволить больший доступ к процессу принятия решений. Сообщества должны иметь большее влияние на национальные и глобальные проблемы.

Можно выделить, по крайней мере, пять основ мирового порядка, ориентированного на людей.

1. Новые концепции безопасности личности.

2. Новые модели устойчивого развития. Их цель — инвестирование в человеческий потенциал и создание окружения, позволяющего полностью использовать человеческие способности.

3. Новое партнерство между государством и рынками.
4. Новые модели национального и глобального управления. Их цель - удовлетворение роста людских потребностей на фоне постепенного упадка национального государства.

5. Новые формы международного сотрудничества. Они должны быть сфокусированы на нуждах населения, а не на предпочтениях национальных государств.

В результате информационной революции происходит изменение роли государства. Меняется соотношение между государственными и негосударственными действующими лицами МО.

Существуют две группы причин изменения международной роли государства в результате информационной революции. Во-первых, становится все труднее использовать традиционные механизмы управления (налогообложение, лицензирование и т.д.), поскольку информационная революция делает возможным действия, которые находятся за пределами контроля правительств. Во-вторых, распределение властных полномочий изменяется с ростом влияния на национальном, транснациональном и наднациональном уровнях в результате информационной революции новых негосударственных действующих лиц.

Правительства еще только ищут механизмы, которые позволят им адаптироваться к таким изменениям. При этом разные страны могут выбирать различные пути такой адаптации. Подход США, например, заключается в том, что информационная революция неизбежна. При этом необходимо в полной мере воспользоваться ее плодами. В Западной Европе в большей степени озабочены извлечением экономических благ информационной революции при сохранении существующих культурных и общественных ценностей. В АТР ценность информационной революции видится, прежде всего, в смысле экономических приобретений. Основная проблема, которую пытаются решить страны этого региона, заключается в том, чтобы не оказаться в числе проигравших в результате информационной революции. На Ближнем Востоке правящие элиты, хотя и пользуются плодами информационной революции, озабочены, прежде всего, ее возможным влиянием на население.

В то время как институты (в особенности большие) традиционно строились по иерархическим принципам и стремились действовать самостоятельно, сети из нескольких организаций состоят из организаций или частей институтов, которые связаны между собой и действуют совместно. Информационная революция благоприятствует росту таких сетей, поскольку она делает возможным для разрозненных действующих лиц устанавливать связь, консультироваться, координировать действия и действовать на огромных расстояниях на основе большей и более качественной информации, чем до того.

Может возникнуть новая модель государства, скорее всего, она будет линейной, которое черпает силу из своей способности координировать действия и действовать вместе с негосударственными акторами. В рамках этой модели, по мнению Питера Дракера, успех в посткапиталистическую эпоху будет требовать государства отличного от мегахосударства двадцатого века, вобравшего в себя множество социальных, экономических и военных обязательств.

Эффективное функционирование государства связано, прежде всего, с эффективным использованием властных полномочий. Существуют *три взгляда на власть*. Некоторые считают ее материальной, некоторые — организационной (или системной), некоторые - нематериальной величиной.

Наиболее распространенный взгляд на власть — рассматривать ее в значении ресурсов и возможностей, которые могут быть использованы для принуждения, контроля или влияния на других действующих лиц. Обычно это вещественные материальные ресурсы и возможности, такие, как нефть, оружие, промышленный потенциал или живая сила. Однако они могут быть и менее вещественными, такими, как владение ликвидными финансовыми активами, должностью или инструментом легитимной власти. В более академическом значении этот взгляд представлен широко распространенным индексом композитных возможностей, состоящим из военных, промышленных и демографических факторов.

Второе направление рассматривает то, как нация или другое действующее лицо организованы для использования ресурсов и возможностей, имеющихся в их распоряжении. Этот взгляд обращает внимание на то, что власть является производной от структуры и производительности общественной системы вне зависимости от ее ресурсной базы. Поэтому даже страна, не обладающая богатыми природными ресурсами (например — Япония) могла в двадцатом веке стать перворазрядной державой. К тому же сегодня активно развивается новая форма организации - многоинститутные сети, не обладающие большим количеством материальных ресурсов и государственностью. Они все более часто используются различными акторами гражданского общества.

Третье направление рассматривает власть как нематериальную величину, зависящую от психологических, культурных и иных структур. Примером может служить национализм или иные идеологии, которые являются источником силы.

Национальные государства во все большей степени теряют свою власть, поскольку информация становится доступной тем, кто проживает как внутри них, так и за пределами их границ. Те же великие державы, которые останутся, во все большей степени будут соперничать с негосударственными действующими лицами, которые получают власть посредством доступности информации. Иерархические структуры становятся жертвами информационного изобилия, в то время как сети в этих условиях расцветают.

Следует отметить, что это не первый случай в истории, когда национальный суверенитет подвергается сомнению. Новизна состоит в том, что новые информационные технологии (прежде всего — Интернет) дают возможность распределенного доступа к информации совершенно нового содержания. Важно также

отметить, что формальный суверенитет (формальное главенство правительства на территории) в результате информационной революции вовсе не нарушается. Ставится под сомнение так называемый операционный суверенитет, то есть способность правительств осуществлять эффективный контроль в рамках территории своей страны.

Поскольку государства более компактны, чем, например, империи, они имеют меньшее поле для ошибок. Для того чтобы успешно функционировать в будущем, они должны осознать, что природа информации и силы, а также взаимодействие между ними, могут меняться очень быстро. Пол Бракен отмечает, что для того, чтобы использовать военные революции, армия должна перейти от связанного, логичного и хорошо разработанного видения будущей войны к жизнеспособным операционным концепциям, которые вооруженные силы могут использовать в случае войны. Однако эти операционные концепции реализуемы только тогда, когда произойдут практические и существенные организационные трансформации или адаптации, которые могут оптимизировать способность вооруженных сил использовать эти новые концепции. Государства, ищущие стратегического превосходства через превосходство технологическое, должны предпринять существенные организационные преобразования. Сегодня государства идут от технологического к стратегическому превосходству путем достижения превосходства организационного.

С информационной революцией связано и распространение сетевых форм общественной организации. Четырьмя основными формами организации и развития обществ являются племена, институты, рынки и сети. Каждому типу соответствует своя собственная информационная культура и типы информации. В случае племен наиболее ценная информация — информация о племенных связях. В случае институтов — информация о причинах иерархии. В случае рынка — информация о возможностях обмена. В случае сетей это может быть информация о способностях к совместной работе. Информационная культура каждой эпохи прививалась посредством процессов социализации, образования, исполнения законов и наказаний.

Информационная эпоха способствовала двум важнейшим тенденциям в развитии организаций: росту влияния малых групп и развитию сетевых форм организации. Две тенденции влияют друг на друга, поскольку сети малых групп получают больше влияния, чем они имели до сих пор.

Особенно бурно развивается тип сетей, называемый "всеканалные сети", в котором разобщенные малые члены сети связываются между собой для консультаций, координации и совместных действий, как правило, неиерархическим способом, на огромных расстояниях на основе лучшей и более легко передаваемой информации, чем до сих пор.

Развитие сетевых форм организации уже влияет на общество. Например, на уровне государства эта тенденция способствует формированию межведомственных механизмов для решения сложных политических вопросов, затрагивающих юрисдикцию многих ведомств. В сфере рынка эта тенденция способствовала распространению японских кейрецу и подобных распространенных глобальных предприятий.

Действующие лица гражданского общества получают огромные преимущества от развития сетевых форм. Неправительственные организации, которые до недавних пор действовали в изоляции друг от друга, теперь начинают объединяться. Эта тенденция проявляется наиболее наглядно среди многоорганизационных сетей малых неправительственных организаций по всему политическому спектру. В долгосрочной перспективе гражданское общество, скорее всего, укрепится в гораздо большей степени, чем другие сферы. Естественно, развитие сетевой формы общественной организации влияет и на государства.

С другой стороны, развитие сетей создает новые конфликты. Сила переходит к малым объединениям, как правило, негосударственным действующим лицам, которые могут организовываться в сети гораздо легче, чем традиционные государства. Не только гражданское общество, но и такие группы, как террористы и преступники, также извлекают пользу из развития сетевых форм. К тому же иерархиям очень трудно противостоять сетевым формам. Для борьбы с сетями необходимы сети. В то же время многие институты современного государства (например, вооруженные силы) не могут обходиться без иерархий.

Борьба чеченцев против федеральных сил России показывает, как организованные по сетевому принципу силы мятежников, состоящие из банд по 12-20 человек, могут противостоять современной армии. Этот пример заставляет думать, что организованные по сетевому принципу силы могут воевать не только в партизанской войне, но и в конфликте средней или даже высокой интенсивности. Появление противников, организованных по сетевому принципу, ставит вопрос о том, являются ли современные вооруженные силы и специальные службы наиболее приспособленными структурами для противодействия таким противникам.

Иерархии — не отжившие структуры. Однако они должны приспосабливаться к новым условиям. Необходимо сочетать иерархическую и сетевую форму организации, что само по себе является сложнейшей задачей. В одних областях сетевая организация может сменить иерархическую. В других могут появиться новые виды иерархий, которые лучше приспособлены для информационной эпохи. В третьих областях наилучшим решением могут являться гибриды двух форм организации.

Необходимо проводить различие между "сетями организаций" и "сетевыми организациями". "Сеть организаций" состоит из множества акторов, которые могут принадлежать к разным организациям, чьи взаимоотношения не являются иерархическими. "Сетевая организация" — формальная организация (например, корпорация), чья внутренняя структура сохраняет иерархию в своей основе, но принимает также и сетевые формы.

Общепринятый взгляд на силу исходит из того, что сила, в особенности государственная власть, связана с контролем. То есть увеличение власти означает увеличение контроля. Однако это стандартное предположение только частично верно. Иногда сила может быть увеличена посредством гармонизирующего

деконтролирования. Иногда, особенно в долгосрочной перспективе, при возникновении крупной новой системы, эта система функционирует наилучшим образом, когда она может функционировать по своим собственным правилам. Пример этого — рост рынков в Европе в XVI—XVIII веках. Абсолютистские государства того времени привыкли контролировать экономическую и иную деятельность. Их попытки продолжать это привели к возникновению меркантилизма.

Сегодня мир находится на пороге другого системного изменения. В наше время это рост сетевой формы организации, сопровождающее его усиление гражданского общества и других негосударственных действующих лиц, а также последствия информационной революции. Это системное изменение может оказаться катализатором для появления информационной стратегии как раздела великой стратегии. В то же время большинство (если не все) государств действуют в направлении защиты своей власти по отношению к новому поколению негосударственных действующих лиц. В какой-то степени рассвет эры сетей на пороге двадцать первого века является феноменом, похожим на развитие эры рынка в восемнадцатом веке. Многие государства стремятся к тому, чтобы продлить период сильного государственного контроля, период "информационного меркантилизма". Как и в восемнадцатом веке, государственная власть во многом связана с контролем, хотя долгосрочные тенденции должны вынудить ведущие государства перейти к сетевой форме организации и к более тесному сотрудничеству с агентами гражданского общества.

Информационная революция приводит и к появлению **новых форм международного конфликта**. Население современного мира во все большей степени испытывает потребность участвовать в событиях, которые влияют на его жизнь. Реализация этой потребности таит в себе как опасности, так и возможности. Она может привести к анархии, этническому насилию или социальной дезинтеграции. С другой стороны, при наличии соответствующих национальных и глобальных рамок, она может стать источником инноваций для создания новых, более справедливых обществ.

Как отмечается в Докладе программы развития ООН, за последние годы открылось множество новых возможностей. Глобальные военные расходы впервые за время с начала «холодной войны» сократились. «Холодная война» в отношениях Востока и Запада завершилась. Идеологическое противостояние заменилось более прагматическим партнерством между рыночной эффективностью и удовлетворением социальных нужд. Люди становятся центром национальных и глобальных диалогов.

При рассмотрении возможных форм конфликтов следует помнить, что военная мысль состоит из совокупности теорий, подходов, взглядов и парадигм, которые принадлежат к конкретной эпохе, обществу или лицу. Военная теория связана с историческим наблюдением и систематическим изучением организации, стратегий, тактик, техник и процедур от античности до наших дней. Она является средством образования как для военных, так и для политиков. Она также дает основу для выработки доктрины, которая в свою очередь создает общую философию и практику для разрешения проблем в реальном мире (либо посредством боевых действий, либо другими способами). Короче говоря, доктрина — общепринятый канон.

Как писали в своей нашумевшей работе «Война и антивоина» Алвин и Хейди Тофлеры, «путь ведения войны отражает методы укрепления благосостояния — путь ведения антивоины должен отражать пути ведения войны». Соответственно история войн может быть разделена на три больших периода (или, по терминологии авторов, волны), соответствующих истории развития человеческих цивилизаций: аграрный, промышленный и информационный. В соответствии с моделью Тофлеров, будущие войны для цивилизаций третьей волны должны принимать форму информационных войн. Часто думают, что информационная война — это война, основывающаяся на совершенных системах связи, доступе к космосу и процессу принятия решений в реальном времени.

На самом деле, простое применение технологических новшеств — это новый путь ведения старых боевых действий. Это война информационной эпохи, а не информационная война. Борьба за информацию отличается от борьбы за территорию или природные ресурсы. Финансово-промышленные группы и даже государства, которые борются за информацию, будут значительно отличаться от тех, которые воевали за материальные ресурсы. Сама природа информации должна влиять на политику правительства, устанавливать ограничения на государственный суверенитет. Постоянное совершенствование и защита информационных средств являются предпосылкой для выживания обществ «третьей волны».

С древнейших времен враги вели войны в пяти измерениях — политическом, социальном, технологическом, операционном и в области снабжения, которые связаны с четырьмя элементами национальной мощи — политическим, социально-психологическим, военным и экономическим. Игнорирование даже одного из них может привести к катастрофическому поражению. Политическое измерение состоит из политических целей и политики как процесса. Политические цели всегда направляли войны, хотя и не всегда до конца последовательно. Социальное измерение — воззрения и обязательства людей — также остается важным. Технология воздействует на каждое измерение и на все уровни войны. Она взаимодействует с культурой и событиями во времени и пространстве и оказывает воздействие на продолжительность, природу и результаты конфликта. Операционное измерение связано с ведением войны. Оно состоит в основном из попыток доминировать на поле боя и разрушить вражескую волю сражаться.

Последней доминирующей операционной концепцией прединформационной эпохи была концепция *последовательных* операций, когда в бой постепенно (эшелонами) вводились все новые и новые резервы, и победа зависела от наличия этих резервов и правильного выбора момента для их использования. Однако уже к середине 1980-х годов способность наносить удары одновременно на всем протяжении поля боя сделала

последовательные операции устаревшими. Боевые действия в будущем включают в себя множество задач и множество *одновременных* действий, проводимых на огромных территориях. Появляющиеся информационные технологии предлагают мощные возможности для помощи лицу, принимающему решения, но они же имеют множество ограничений и уязвимы. С точки зрения инженерии каждое новое поколение систем для управления и контроля более сложно, чем предшествующее. Хотя пользователи и признают и принимают эту сложность, они требуют устройств, которыми просто пользоваться.

Мы видим, что революция в военном деле сделала необходимым рассматривать еще и информационное измерение. Однако мы не должны рассматривать информацию как физическое измерение (как территорию, воздух или море). Информационное превосходство не работает так же, как превосходство в воздухе. Ведение боевых действий в новых условиях требует и совершенно новой парадигмы. Ее основные положения могут быть сведены к следующему:

- ? каждый компонент системы играет роль в определении результата;
- ? предсказуемые и непредсказуемые явления сосуществуют и взаимодействуют, приводя к созданию комплексных сетей с огромным количеством переменных величин, делающим невозможным предсказание результата;
- ? маленькое изменение в системе входа может привести к непропорционально большим изменениям в результатах;
- ? системы - отдельные лица, армии, бюрократия - имеют тенденцию эволюционировать в сторону своего усложнения;
- ? комплексные системы в случае встречи с вызовами могут реорганизовывать себя.

Соперничество (или боевые действия) в рамках подобной парадигмы вероятнее всего способно принять форму информационной войны, которая означает конфликт, связанный с информацией на стратегическом уровне между государствами или обществами. Она может быть направлена на общественное или элитное внимание. Она может включать дипломатию, пропаганду и психологические кампании, политическую и культурную подрывную работу, введение ложных данных в местные СМИ, проникновение в информационные сети и базы данных, продвижение оппозиционных или диссидентских движений посредством компьютерных сетей. Главными целями являются те общественные и экономические области, доступ к которым достаточно легок. Информационная война может вестись правительством против незаконных групп или организаций, вовлеченных в терроризм, распространение оружия массового поражения или транспортировку наркотиков. Или наоборот, она может вестись против политики конкретного правительства приверженцами групп и движений, связанных, например, с вопросами охраны окружающей среды, гражданских прав, или религиозными вопросами. Некоторые движения все в большей степени используют организацию трансграничных сетей и коалиций и используют современные технологии информации и связи для укрепления своих позиций. Это вполне может оказаться сценой нового идеологического конфликта, где информационная война будет его главной характеристикой.

Один из факторов информационной войны — необходимость знать архитектуру и параметры вражеской системы. Сторона, которая лучше понимает мотивацию, структуру и цели врага, лучше подготовлена к конфликту. Понимание вражеской культуры и использование информационных систем в его обществе остаются важным.

Глобальная информационная война отличается от компьютерных преступлений тем, что она предполагает враждебные действия со стороны противника - будь то частное лицо, конкурирующая организация или враждебное государство - в борьбе за гегемонию на рынке или политической арене. У.Швартау, автор книги «Информационная война: Хаос на электронном суперхайвэе», определил информационную войну как «электронный конфликт, в котором информация является стратегическим активом, достойным завоевания или уничтожения».

Пожалуй, ближе всего к информационным войнам подошла война в Заливе. Однако, несмотря на достаточно широкое использование микропроцессорной техники, эта война все же еще не являлась полностью информационной. Информационные технологии использовались лишь как "умножители силы" обычных вооружений.

Однако информационная война шире, чем просто военное измерение. Она гораздо шире, чем боевые действия в области управления и контроля. В основном набор целей для информационной войны не будет набором военных целей. В широкой перспективе информационная война ведется во многих измерениях. Она является государственной стратегией, которая задействует все рычаги национальной мощи для создания преимуществ на стратегическом уровне. Она является больше чем просто применением информационных технологий для увеличения эффективности современных инструментов войны. Она представляет собой действия, необходимые для того, чтобы парализовать не только системы военного управления и контроля противника, но и его политическую и финансовую системы.

На основе уже проведенных исследований можно выделить несколько основных черт информационной войны.

Во-первых, ведение информационной войны достаточно дешево. В отличие от традиционных военных технологий, технологии информационные не требуют столь уж больших капиталовложений и обязательной государственной поддержки. Наличие компьютерных экспертов и доступ к сетям могут быть единственными

ми предпосылками для создания и использования "информационного оружия". В прошлом для ведения войны требовались все ресурсы государства. Сегодня каждый со сравнительно недорогим оборудованием и небольшим количеством технического понимания может причинить значительные и дорогостоящие разрушения. Технические возможности, требуемые для информационной атаки, настолько незначительны по сравнению с ценностью самой информации, являющейся объектом атаки, что угроза является достаточно реальной. Например, в начале 1994 года 16-летний британский хакер и другой злоумышленник, чья национальность не была установлена, проникли в информационную систему военной лаборатории ВВС США в Риме, Нью-Джерси. По сообщению Генерального счетного управления, злоумышленники после своего проникновения, были способны копировать критическую информацию и получили возможность атаковать системы других правительственных агентств, включая Центр НАСА в Годаре, базу ВВС Райт-Патерсон, некоторых оборонных подрядчиков и организации частного сектора. Объединенная комиссия по безопасности характеризовала американскую уязвимость перед лицом информационной войны как «главный вызов в области безопасности этого десятилетия и, возможно, следующего века». Некоторые говорят о том, что информационная война уже идет.

Во-вторых, стираются традиционные различия между общественными и частными интересами, между военными действиями и преступным поведением. Стираются признанные межгосударственные границы.

В-третьих, индустриально развитые государства являются наиболее уязвимыми перед лицом информационных атак. Например, Соединенные Штаты являются наиболее развитой, но и одновременно наиболее уязвимой в информационной области страной. В России проблемы информационной уязвимости возникли сравнительно недавно. Результатом этого является отсутствие опыта их разрешения.

Немаловажно и то, что "боевые действия" в информационной области могут иметь много фронтов. Понятие информационной войны уже не ограничивается чисто военной сферой. Информационная война может угрожать, например, экономике страны. Хотя банки и стараются держать факты несанкционированного проникновения в свои информационные системы в секрете, эксперты по компьютерной безопасности полагают, что каждый год в Европе и Соединенных Штатах имеет место около 36 случаев проникновения в банковские компьютеры с кражей более чем 1 млн. долл. в каждом случае. Реально же оценить схожие показатели для России вообще не представляется возможным.

Атаки могут происходить на физическом, логическом и семантическом уровнях. На физическом уровне происходит физическое разрушение аппаратных средств. На логическом уровне объект атаки — программные продукты. Цель атаки на семантическом уровне — влияние на доверие, которое пользователи оказывают информационным системам и сетям, чтобы повлиять на их оценку информации, содержащуюся там. Этот тип является еще одной разновидностью того, что называется психологическими операциями.

Важно также помнить, что революционность войны определяется не революционным вооружением, так же как война за статус-кво не определяется старым оружием. Войну изменило вовсе не появление нового оружия, а большие изменения в повседневной жизни — жизни людей в обществе. Новые предметы быденной жизни — это то, что привнесло революцию в военное дело. Революционная война — осознание идентичности. Поэтому следующий противник — не большая страна типа Китая и не маленькая, динамично развивающаяся типа Сингапура. Следующий противник как место на карте еще не существует. Он сначала должен быть создан. И вместе с ним возникнет его самосознание. Голландия стала уфозой Испании Габсбургов только тогда, когда она стала Голландией. Превосходящие вооружения — не уфога, они просто способны выиграть. Поэтому всякая гегемоническая держава статус кво, стремящаяся к стабильности, должна искать следующего противника в тех сообществах, которые борются за политическую свободу, или в тех движениях, которые отвергают легитимность существующей мировой системы.

Согласно наиболее широкому и обобщенному определению информационной войны (которое дал Р. Шафранский), информационная война представляет собой использование информационного оружия для воздействия на системы знаний и представлений противника. В этом случае даже общества примитивных типов могут становиться объектом воздействия для такой войны. Если в индустриальных и постиндустриальных обществах информационное оружие может использоваться против телекоммуникационных систем, то в примитивных обществах оно может направляться на тотемы или системы табу.

Хотя существуют тенденции сближения информационных и психологических операций (конечной целью и тех и других является человеческий разум), есть и отличия. Психологические операции осуществляют воздействие на сегмент информационного пространства, приближенный к человеку (его собственную коммуникативную среду). Психологические операции направлены на создание конкретной коммуникативной среды вокруг интересующего их объекта с помощью изменения психологического, социального, экономического, политического и информационного контекстов. Для информационных операций более характерной следует признать ориентацию на общую для всех коммуникационную среду. Их цель — контроль над информационным пространством в целом.

Глобализация, либерализация в бывших авторитарных государствах, информационная революция повлияли на международную безопасность и на *природу угроз* в современном мире.

Наиболее яркое проявление этого — рост значения так называемых асимметричных угроз. В своем самом общем виде асимметричные боевые действия пытаются использовать сравнительные преимущества одной стороны против сравнительных уязвимостей другой стороны. Асимметричная угроза подразумевает, что одна сторона неспособна (или в силу недостатка собственных ресурсов или силы противника) противостоять оппоненту обычным путем, используя те же средства, что и он. Поэтому эта сторона выбирает асим-

метричный подход. Таким образом, асимметричные атаки используют уязвимости противника. При этом пытаются разработать стратегию, которая существенным образом меняет само поле битвы.

На стратегическом уровне пытаются использовать страхи гражданского населения и ослабить общественную поддержку демократического процесса, подорвать правительство или скомпрометировать существующие альянсы. На тактическом уровне задачей является вынудить противника изменить его курс или тактику. Другой целью может являться проведение атаки, которую противнику будет предотвратить или отразить. Угрозы, связанные с терроризмом, ликвидацией последствий катастроф, операциями по поддержанию мира, кампаниями гражданского неповиновения и организованной преступностью, являются примерами асимметричного подхода к противодействию более сильному противнику.

Устоявшееся мнение о том, что асимметричные угрозы используются только оппонентами Запада, которые недостаточно сильны в любом другом виде борьбы, опровергается фактом публикации Народной освободительной армией КНР серии исследований, где асимметричные боевые действия рассматриваются как ключ к будущим конфликтам (военным или иным), против Запада. Признавая, что она не может сравниться с Западом в обычных или ядерных вооружениях, Народная освободительная армия КНР начала развитие технологий информационной войны, включая вирусы, для нейтрализации или ослабления информационной и управленческой инфраструктуры противника. Заявляется, что можно ввергнуть вражескую нацию в панику и политический кризис.

Таким образом, рабочее определение асимметричных боевых действий заключается в том, что это попытки обойти или подорвать сильные стороны противника, используя его уязвимости, методами, отличными от обычного образа действий противника.

Инструментами асимметричных боевых действий являются использование оружия массового поражения, баллистических или крылатых ракет, информационных технологий, перенесение боевых действий в неудобную для действия обычных вооруженных сил среду (города или джунгли).

В начале 2000 года директор ФБР Л.Фри заявил, что число кибератак в США удвоилось за год. Существует также угроза, что в случае американской интервенции за рубежом, противники могут использовать информационное оружие стратегически для подрыва гражданского общества. Так называемая кибервойна может замедлить процесс принятия решений в правительстве. Хотя начинающие хакеры и получают большую часть известности, настоящую угрозу могут представлять лишь профессионалы или "кибернаемники". Этим термином обычно обозначают хорошо подготовленных выходцев из государственных агентств или коммерческих информационных служб, действующих на открытом рынке. Колумбийские наркокартели нанимали таких специалистов для создания совершенной системы связи. Амстердамские преступные группировки использовали их для нарушения связи и повреждения информационных систем полиции. В отличие от начинающих хакеров такие профессионалы достаточно мобильны и с успехом сотрудничают с организованными преступными группировками. При этом государственные структуры России и стран Восточной Европы поставляют на рынок большое количество таких специалистов.

Полезными инструментами, служащими пониманию новых форм конфликта, являются концепции сетевой войны и кибервойны. Хотя и сетевая война и кибервойна связаны с информационными технологиями, на более глубоком уровне они являются формами войны за знания - кто знает, что, когда, где и почему, и насколько безопасны общество или вооруженные силы в отношении знаний о себе и о противнике.

Сетевая война означает конфликт, связанный с информацией между государствами и обществами. Она означает попытки нарушить, повредить или модифицировать то, что население цели знает или думает о себе и мире вокруг. Сетевая война может быть нацелена на элитное или общественное мнение или на оба. Она может использовать народную дипломатию, пропагандистские и психологические кампании, политические и культурные подрывные действия, обман или создание помех работе СМИ, проникновение в компьютерные сети и базы данных, а также поддержку оппозиционных движений в компьютерных сетях. В своей основе сетевая война использует невоенные средства, хотя иногда могут быть и исключения.

Негосударственные акторы могут быть связаны с нациями или не быть. В некоторых случаях они могут быть организованы в транснациональные сети и коалиции. Один из типов сетевой войны может происходить между негосударственными действующими лицами, в то время как правительство маневрирует с целью предотвратить сопутствующий урон и возможно поддержать ту или иную сторону конфликта. Некоторые движения во все большей степени организуются в трансграничные коалиции и сети, идентифицируясь в большей степени с развитием гражданского общества (в том числе глобального гражданского общества), чем с национальными государствами. При этом они используют информационные технологии для поддержки своих действий. Со временем это может стать основой для нового идеологического конфликта.

Кибервойна заключается в проведении или подготовке к военным операциям согласно с принципами, связанными с информацией. Это означает разрыв или разрушение информационных и коммуникационных систем, которые в широком смысле включают в себя даже военную культуру, на которые полагается противник. Это означает попытку знать о противнике все, в то время как он не знает ничего. Это означает попытки создать баланс информации и знаний в свою пользу, особенно если баланс сил складывается в пользу противника.

Обе концепции (кибервойна и сетевая война) отражают два факта. Первый - конфликт будет во все большей степени связан с информацией и связью. Другой - информационная революция благоприятствует и укрепляет сетевую форму организации, делая в то же время более трудным функционирование иерархических форм.

Термин сетевая война означает возникающий вид проведения конфликта (и преступлений) на общественном уровне, включающий в себя меры, близкие к военным, в которых противники используют сетевые формы организации, доктрины, стратегии и коммуникаций. Этим сетевая война отличается от традиционных видов конфликта и преступлений, в которых противники предпочитают использовать иерархические организации, доктрины, стратегии. Примером может быть использование массовых ленинистских движений. Сетевая же война — это образ действий Хамаса, а не ООП. Действующие лица на протяжении всего спектра общественного конфликта и преступности развиваются в направлении сетевой войны. Это включает знакомых противников, которые модифицируют свои структуры и стратегии, чтобы воспользоваться преимуществами сетевых форм организации (например, транснациональные террористические группы, распространители оружия массового поражения через черный рынок, фундаменталистские и этнонационалистические движения, пираты интеллектуальной собственности, контрабандисты). Однако помимо этого спектр сетевой войны может включать в себя новое поколение революционеров и активистов, поддерживающих постиндустриальные идеологии, которые только начинают появляться. В некоторых случаях идентичность может перемещаться от национального государства на транснациональный уровень глобального гражданского общества. Новые типы действующих лиц. Многие, если не большинство, из них являются негосударственными акторами. Некоторые могут быть агентами государства, другие сами могут превращать государства в своих агентов. Действующее лицо сетевой войны может быть одновременно субнациональным и транснациональным.

Сам термин "сетевая война" подчеркивает, что информационная революция больше связана с организационным строением, чем с технологическим развитием. Эта революция благоприятствует тем, кто овладел сетевой формой организации.

Архитипический актор сетевой войны состоит из сети распределенных взаимосвязанных узлов (или центров активности). Эти узлы могут быть отдельными лицами, группами, формальными и неформальными организациями, или частями групп или организаций.

Факты свидетельствуют, что трудновыполнимой задачей является не только защита от информационной войны. Даже выработка эффективного плана сдерживания угроз в этой сфере может оказаться почти невозможной. Одной из основных проблем в сдерживании возможных информационных угроз является то, что нападающий может быть анонимным. Другая проблема заключается в том, что даже если источник информационной атаки идентифицирован, может быть достаточно трудным выработать эффективный путь для ответного удара (проблема порога). Следующий вопрос — кто будет отвечать за информационную войну. В прошлом наиболее частым ответом на появление новых угроз было создание новых организаций. В будущем к оптимальным ответам может быть отнесена и модификация организаций старых.

Распространение оружия массового поражения. Во многом именно появление ядерного оружия сделало возможным появление системы сдерживания, которая обеспечивала мир во время "холодной войны". Борьба с распространением оружия массового поражения была, пожалуй, наиболее классическим случаем сотрудничества между СССР и США. Этот комплекс мер обеспечивал предсказуемость изменений и стабильность всей системы силового равновесия. Сейчас ситуация стремительно меняется.

Технологические достижения и появление новых противников (причем как у Запада, так и у России) с новыми целями привели к устареванию политики нераспространения оружия массового поражения, применявшейся в годы "холодной войны". Окончание "холодной войны" уменьшило одни угрозы, но увеличило другие. Привычный баланс сил и ядерное сдерживание, которые обеспечивали мир в течение 50 лет, уступили место ситуации, когда оружие массового поражения может оказаться в руках сил, более мотивированных к их использованию и менее рациональных в традиционном смысле этого слова.

Сам спектр угроз значительно расширился. Сейчас к обладанию оружием массового поражения подошли не только официальные ядерные державы, но и страны, традиционно не объявлявшие о своем владении таким оружием, а также государства типа Ирака, Ливии, Ирана и Северной Кореи. В настоящее время потенциальные обладатели такого оружия включают в себя региональные центры силы, религиозные, этнические и националистические группы, террористов, преступные организации и другие негосударственные объединения.

Другой новой проблемой является то, что как США, так и Россия могут быть поставлены под угрозу даже не самой передовой технологией. Устаревшая технология, в некоторых случаях 40-50-летней давности, может представлять угрозу. Пример: первые поколения баллистических ракет дальнего действия. Технология их производства уже устарела и поэтому достаточно доступна. Однако они по-прежнему могут угрожать более передовым странам.

Распространению ракетного оружия способствует целый ряд факторов:

1) Технология производства баллистических ракет дальнего радиуса действия достаточно доступна.

2) Знания в областях, связанных со строительством баллистических ракет дальнего радиуса действия, сейчас легко получить в самых разных странах.

3) Компоненты и программное обеспечение для производства баллистических ракет дальнего радиуса действия доступны на мировом рынке.

4) Имеются в наличии и специалисты, готовые помогать развивающимся странам в производстве таких вооружений.

Переход Пакистана и Индии в разряд официальных ядерных держав является наглядным примером то-

го, что ядерное оружие становится доступно странам, которые не имеют долгой исторической традиции использования сдерживающей функции этого оружия. Политические системы этих стран достаточно нестабильны, а критерии рациональности при принятии внешнеполитических решений существенно отличаются от тех, которыми руководствовались пять стран, бывших до сих пор единственными официальными обладателями такого оружия. В этой связи наибольшие опасения вызывает возможность создания так называемой "исламской бомбы" и средств доставки такого оружия.

Многие исламисты видят в пакистанских испытаниях ядерного оружия именно создание "исламской бомбы". Хотя нынешнее пакистанское правительство гораздо сильнее заинтересовано в снятии с Пакистана американских санкций, чем в углублении сотрудничества с исламистами, никто не может быть застрахован от прихода в Пакистане к власти более последовательных исламистов.

Принимая во внимание ядерный арсенал, унаследованный Россией от СССР, а также нынешний международный статус страны, Россия, несомненно, является одним из ключевых элементов в системе нераспространения ядерных вооружений. Нынешняя ситуация с участием России в режиме нераспространения характеризуется некоторой двойственностью. С одной стороны, приверженность режиму нераспространения декларируется в целом ряде документов внешнеполитического планирования России. С другой стороны, нынешняя экономическая ситуация в стране, сложные отношения между центральным правительством и во все большей степени приватизирующимся промышленным сектором, а также недостаточно совершенная система контроля над экспортом приводят к заключению ряда сомнительных сделок со странами, могущими стремиться к созданию собственного ядерного оружия.

Кроме того, те же Соединенные Штаты не всегда последовательны в своей политике борьбы с распространением оружия массового поражения. Как заявил представитель Госдепартамента США: "Наше беспокойство вызывает, прежде всего, сотрудничество России с Ираном. Мы по-прежнему возражаем против российской помощи в сооружении ядерного реактора в этой стране. На самом деле мы возражаем против любого сотрудничества в этой области с Ираном". Очевидно, что причины такой позиции кроются не только в опасении, что Иран станет обладателем ядерного оружия. Во многом эта позиция определяется давлением со стороны Израиля, которое, в свою очередь, является результатом израильской внутрисполитической борьбы.

Израильское руководство в последние годы демонизировало Иран. В результате он стал считаться основной угрозой безопасности Израиля, поскольку он разрабатывает оружие массового поражения и средства доставки, включая баллистические ракеты. Руководители оборонных учреждений использовали этот аргумент для увеличения финансирования соответствующих оборонных программ.

Моссад вначале указывал на возможность, что Иран может иметь ядерное оружие к 2000 году. Сейчас эта дата отодвинута до 2010 года. Почему же начата кампания против фирм, сотрудничающих с Ираном? Многие указывают на израильскую партию Балива, состоящую в основном из иммигрантов из России. Эта партия стремится к расширению иммиграции из России (для расширения базы своей поддержки в Израиле). Лидер партии Н.Шаранский во время своего визита в Москву предостерег российское правительство об американских санкциях в случае продолжения сотрудничества с Ираном. В случае же увеличения еврейской иммиграции из России Шаранский прекратит свою кампанию. Правда, в самих Соединенных Штатах нарастает противодействие израильской кампании. Даже А.Гор, являющийся одним из «лучших друзей Израиля» в американском правительстве, начинает сопротивляться израильскому нажиму. Он заявил Шаранскому, что американскими интересами являются поддержка президента Ельцина и использование признаков умеренности, проявляющихся в Иране. Жесткие меры против российско-иранского военного сотрудничества приведут к подрыву этих интересов.

Израиль в знак протеста против продолжающейся передачи российскими специалистами ядерных технологий Ирану приостановил военное сотрудничество с Россией. Во время визита израильского министра обороны И.Мордехая в США, он заявил президенту Клинтону, что, согласно израильским данным, российские эксперты оказывали содействие Ирану в разработке его ракет "Шихаб-3" и "Шихаб-4", а также ракеты SS-400 с радиусом действия 3600 километров. По мнению израильтян, эта ракета будет боеспособна к 2002 году, а к 2007 году будет способна нести ядерные боеголовки.

Естественно, такая политика наших партнеров по борьбе с распространением оружия массового поражения не способствует конструктивной позиции России в этой области. В соответствии с соглашением между Россией и Ираном о строительстве АЭС в феврале 1999 года в Россию прибыли 40 иранских специалистов. Они должны пройти 13-месячное обучение работе на АЭС. В соответствии с контрактом в 800 млн.долл., Россия должна построить АЭС в Бушере. Кроме того, за 4 млрд.долл. к 2001 году должны быть построены еще три реактора.

Согласно информации, которую получили американские разведывательные службы в конце 1996 года, несколько российских оборонных организаций передавали Ирану технологии для производства ракет "СС-4".

Некоторые российские сторонники военно-технического сотрудничества с Ираном объясняют его необходимость реакцией на расширение НАТО. В этих условиях Россия вынуждена искать союзников не только на западе, но и на юге и востоке. Сторонники такого подхода не рассматривают иранские ракеты в качестве угрозы территории России. Вместо этого они обращают внимание на действительно имеющееся совпадение интересов двух стран во многих областях. С другой стороны, наличие у Ирана баллистических ракет должно, по замыслам некоторых российских политиков, отвлечь внимание США из Центральной Европы на

Ближний Восток.

Присутствует и личностный фактор. Россия действительно ищет стратегических партнеров. Учитывая ближневосточный опыт Е.Примакова, его знание региона, Иран может являться союзником России в случае противостояния с Соединенными Штатами.

Подводя итог, можно отметить, что распространение оружия массового поражения, несомненно, наносит ущерб стратегическим позициям России. Поэтому объективно ее интересы совпадают с интересами большинства западноевропейских стран и США. Однако ряд субъективных причин (как внутренних, так и внешних) не позволяют России не только бороться с этой новой угрозой, но и готовиться к миру, где оружие массового поражения будет распространено гораздо шире, чем это было в годы "холодной войны".

Глобальные изменения. Представляется возможным выделить две глобальные тенденции, которые уже накладывают отпечаток на контуры нынешней мировой системы и на место России в ней.

Первая тенденция — распад старой двухполюсной структуры мировой системы. Несмотря на все разногласия о природе, направлении и последствии изменений, которые претерпела мировая система после окончания «холодной войны», мало кем подвергается сомнению справедливость положения о том, что мир становится многополюсным. Однако когда речь заходит о количестве полюсов, о том, какие страны (или группы стран) могут претендовать на то, чтобы считаться этими полюсами, мнения по-прежнему резко расходятся. Кроме того, существует взгляд, согласно которому мировая система функционирует в настоящее время на различных уровнях и в различных измерениях. При этом одни державы могут быть "полюсами" в военном отношении, другие — в экономическом и т.д. Нынешняя мировая система очень изменчива, неустойчива. Контроль над такой системой, несмотря на все разговоры о грядущей однополюсности и гегемонии США, весьма затруднен, поскольку велика вероятность случайных незапланированных событий.

Подобный переходный период от одного типа мировой системы к другому таит в себе как угрозы, так и новые возможности. Угрозы заключаются в возобновлении старых конфликтов (например - на этнической почве) и возникновении новых. Возможности заключаются в том, что переходный период дает России редкую возможность переосмыслить свою роль в мировой системе и приобрести новых союзников для выполнения этой роли.

Второе изменение — перераспределение влияния от западных стран в сторону бывшей "недоразвитой периферии мировой системы". По выражению Б.Бузана, «холодная война» была «финальным актом гораздо более длинной пьесы — взлета и заката Запада».

Эра доминирования Запада подошла к концу в двадцатом столетии. Упадок Запада проходил в две стадии. Две мировые войны и межвоенный период ("европейская гражданская война") нанесли удар по военной и экономической мощи европейских держав, подорвали миф о европейском превосходстве и дали путь процессу деколонизации. Процесс деколонизации продолжился во время «холодной войны». Выборы 1994 года в ЮАР могут рассматриваться как последняя стадия процесса деколонизации. «Холодная война» также подорвала жизнеспособность всех ведущих западных идеологий. Хотя и сохраняя некоторую теоретическую привлекательность, марксизм как "руководство к действию" если не исчерпал себя окончательно, то вошел в глубокий кризис. Капитализм считается наиболее эффективным способом организации массового производства. Однако сдвиг к постматериалистическим ценностям подчеркнул отрицательные стороны либерализма как идеологии, организующей общество. Кроме того, и это может являться наиболее важным фактором, во время «холодной войны» произошло распространение идей государственности, индустриализации и как следствие современных вооружений в незападные части мировой системы. Это

БИБЛИОГРАФИЯ

лишило Запад тех преимуществ, которые и сделали

возможным его стремительный взлет в течение последних 400 лет.

Третья тенденция, которая будет уже в ближайшем будущем накладывать отпечаток как на военное планирование, так и на внешнюю политику — растущая степень урбанизации современного мира. Если в 1960-е годы была популярна концепция глобальной деревни, то сейчас эта концепция заменяется концепцией глобального города. За последние 50 лет под влиянием многих факторов миллионы людей переселились в городские центры. Согласно подсчетам ООН, городское население в развивающихся странах по всему миру возрастает на 150 тысяч человек каждый день. При этом наибольший рост заметен в странах Африки и Азии. К 2025 году, по крайней мере, 60 процентов населения Земли будет проживать в городских районах.

Это ведет к необходимости новой тактики, специально предназначенной для ведения боевых действий в городских районах. Война в Заливе 1990-1991 годов продемонстрировала эффективность бронетанковых соединений на открытой местности. В то же время более типичными для современного мира являются операции в Сомали и в Боснии. Неподготовленность к ведению боевых действий была во многом источником проблем, например, израильтян во время вторжения в Ливан в 1982 году или российской армии во время боев в Грозном.

Рассмотрев историю международных отношений второй половины двадцатого столетия, следует признать, что государство уже не может самостоятельно обеспечить выработку и проведение внешней полити-

ки, отвечающей интересам сколь-либо широких слоев населения.

Подобному переходу ведущей роли в процессе выработки и проведения внешней политики от государства к другим действующим лицам способствует ряд внешних факторов. Информационная революция делает старый порядок осуществления властных (в том числе и внешнеполитических) полномочий государством устаревшим. Распространение оружия массового поражения ставит перед ведущими мировыми державами проблемы, которые нынешняя система выработки и проведения внешней политики просто не в состоянии разрешить. Меняющаяся роль международных институтов делает возможным непосредственное участие в международном взаимодействии новых действующих лиц. Выход на мировую арену стран и негосударственных объединений, которые ранее были на периферии мировой политики, также способствует подрыву традиционной внешнеполитической роли государства.

- Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны. 1910-1914. М., 1985.
- Азбука права ЕС. М., 1994.
- Александр I, Наполеон и Балканы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1997.
- Андреев А.Р. Генри Франклин, или Жизнь кардинала Ришелье. М., 1999.
- Античная Греция: проблемы развития полиса. В 2-х т. М., 1983.
- Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции, 1870-1918. М., 1986.
- Антюхина-Московченко В.И. Шарль де Голль и Советский Союз. М., 1990.
- Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям (1918—1941). М., 1996.
- Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000.
- Барановский В.Г. Западная Европа: военно-политическая интеграция. М., 1988.
- Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне Л 1989.
- Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997.
- Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
- Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987.
- Белецкий В.Н. Потсдам. 1945. История и современность. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987.
- Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911—1915 гг. М., 1997.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.
- Белюсова З.С. Франция и европейская безопасность. 1929—1939. М., 1976.
- Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. 1945-1995. М., 1997.
- Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость (1775-1783 гг.). М., 1976.
- Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732-1799. М., 1991.
- Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834-1867. М., 1990.
- Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. 1941-1945. М., 1983.
- Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.
- Борисов Ю.В. Шарль Морис Талейран. М., 1989.
- Бугашев СИ. Уильям Питт Старший: политическая биография. СПб., 1998.
- Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь и власть. Сравнительные жизнеописания: Пер. с англ. В 2 т. М., 1994.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 - февраль 1917 г. М., 1989.
- Век Екатерины II: Дела балканские / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2000.
- Век Екатерины II: Россия и Балканы / Отв. ред. И.И. Лещиловская. М., 1998.
- Великая французская революция и Россия / Ред. А.А. Ало и В.Г. Сироткин. М., 1989.
- Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.
- Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
- Виноградов В.Н. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978.
- Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908-1909 гг. Л., 1964.
- Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.
- Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII - начало XX вв.). М., 1970.
- Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989.
- Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М., 1999.
- Галенович Ю.М. Рубеж перед стартом: Китайская проблема для России и США на пороге XXI в. М., 1999.
- Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989.
- Гвишиани Л.А. Советская Россия и США (1917-1920 гг.). М., 1970.

- Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983.
- Гиренко Ю.С. Сталин—Тито. М., 1991.
- Головко В.А., Станчев М.Г., Чернявский Г.И. Между Москвой и Западом. Дипломатическая деятельность Х.Г.Раковского. Харьков, 1994.
- Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва-Берлин, 1920-1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999.
- Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов / Под ред. Г.А.Бордюгова. Сост. В.А.Невежин. М., 1995.
- Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны: Пер. с англ. М., 1960.
- Гриневский О. А. Прокофий Возницын, или Мир с турками: Документальная повесть. Из истории русской дипломатии. М., 1992.
- Гриневский О. А. Тайна Великого посольства Петра: дипломатический детектив. СПб., 1995.
- Даме Х.Г. Франсиско Франко: солдат и глава государства: Пер. с нем. Ростов-на Дону, 1999.
- Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. СПб., 1995.
- Дармштеттер П. История раздела Африки (1870—1918 гг.): Пер. с нем. М., 1925.
- Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2-х т. М., 1973.
- Десятилетие сотрудничества (1988-1998): Европейский союз и Россия в перспективе. СПб., 1999.
- Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918-1939 гг. Анализ англо-французских отношений в период создания и проведения в жизнь Версальского договора: Пер. с англ. М., 1945.
- Другая война. 1939-1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
- Европа между миром и войной. 1918-1939 гг. М., 1992.
- Европейская интеграция. М., 1996.
- Европейская интеграция, большая гуманистическая Европа и культура. М., 1998.
- Европейский Союз. М., 1994.
- Европейский союз на рубеже веков. М., 2000.
- Европейский союз и Содружество Независимых Государств. М., 1998.
- Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США. 1933-1941. М., 1995.
- Емец В.А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977.
- Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977.
- Ерофеев Н.А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. М., 1964.
- Жан К., Савона П. Геоэкономика. М., 1997.
- Загладин Н.В. История успехов и неудач советской дипломатии. М., 1990.
- Земсков И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982.
- Зимняя война. 1939-1940. В 2-х кн. / Отв. ред. О.А.Ржешевский, О.Вехвиляйнен. М., 1998.
- Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888 гг.). М., 1996.
- Зотова М.В. Россия в системе международных отношений XIX в. М., 1996.
- Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители: Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993.
- Иванов Л.Н. Морская политика и дипломатия империалистических держав. (Между Первой и Второй мировыми войнами). М., 1964.
- Иванов Р.Ф. Дипломатия Авраама Линкольна. М., 1987.
- Ивонина Л.И. Дипломатия и революция. (Две Английские революции и европейская политика XVII в.). Смоленск, 1998.
- Ивонина Л.И., Прокопьев А.Ю. Дипломатия Тридцатилетней войны: Учебное пособие. Смоленск, 1996.
- Игнатьев А.В. Англо-русские отношения накануне Первой мировой войны. М., 1983.
- Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М., 1989.
- Игнатьев А.В. СЮ. Витте — дипломат. М., 1989.
- Идеи европеизма во второй половине XX века. М., 2000.
- Илюхина Р.М. Лига Наций. 1919—1934. М., 1982.
- Индукаева Н.С. От войны к миру. Политика США в германском вопросе в 1918—1921 гг. Томск, 1977.
- Индукаева Н.С. Политика США в отношении Германии в 1922—1925 гг. Томск, 1986.
- Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны (1941—1945 гг.). М., 1985.
- Израэлян В.Л., Кузиков Л.Н. Дипломатия агрессоров. М., 1967.
- История Востока: В 6 т. / Гл. редкол.: М.С. Капица (пред.) и др. Т. 1—2. Восток в древности Средние века. М., 1995.
- История внешней политики России, конец XV—XVII в. (От свержения ордынского ига до Северной войны) / Сахаров А.Н. и др. М., 1999.
- История внешней политики и дипломатии США. 1775—1867. М., 1994.
- История внешней политики и дипломатии США. 1867—1918 / Отв. ред. Г.П.Куропятник М 1997.
- История Древнего Рима. М., 1994.
- История Древней Греции. М., 1997.
- История Европы. Т. I. М., 1992.
- История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. / Гл. редкол.: А.О. Чубарьян.
- Т.2. Средневековая Европа / Редкол.: Гутнова Е.В., Удальцова З.В. (отв. ред.) и др. М., 1992.
- Т.3. От Средневековья к Новому времени (конец XV - первая половина XVII в.) / Редкол.: Мильская Л.Т., Рутенбург В.И. (отв. ред.) и др. М., 1993.
- История Европы: С древнейших времен до наших дней. В 8 т. Т.4. Европа нового времени (XVII-XVIII века). М., 1994.
- История Латинской Америки. 70-е годы XIX века— 1918 год. М., 1993.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха— 70-е годы XIX века. М., 1991.
 История Первой мировой войны. 1914-1918. В 2 т. М., 1975.
 История войны на Тихом океане: Пер. с япон. В 5 т. М., 1957-1958.
 История Второй мировой войны 1939-1945 гг. В 12 т. М., 1973-1982
 Италия. М., 1983.
 Канцлер АМ Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998.
 Кессельбреннер Г.Л. Известные дипломаты России. От Посольской избы до Коллегии иностранных дел. М., 1999.
 Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937-1945). М., 1978.
 Каткова З.Д. Китай и державы. 1927-1937. М., 1995.
 Кессельбреннер Г.Л. Светлейший князь: К 200-летию со дня рождения А.М. Горчакова, 1798-1883 / Отв. ред. А.В.Торкунов. М., 1998.
 Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878-1898). М., 1994.
 Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в.: Учебное пособие. М., 1963.
 Киняпина Н.С. Внешняя политика России. Вторая половина XIX в.: Учебное пособие М 1974.
 Киняпина Н.С. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII в. — 80-е годы XIX в.). М., 1974.
 Киссинджер Г. Дипломатия: Пер. с англ. М., 1997.

1

Киссельгоф И.С. История Франции в годы Второй мировой войны: Учебное пособие. М., 1975.
 Киссинджер Г. Дипломатия: Пер. с англ. М., 1997.
 Кожевников В.В. Русско-японские отношения в XVIII-XIX веках: Учебное пособие. Владивосток, 1997.
 Козьменко В.М., Протопопов А.С. История международных отношений и внешней политики России: Учебное пособие. XIX век. М., 1998.
 Климовский Д.С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений. (Из истории зарождения Второй мировой войны). Минск, 1975.
 Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А. Документальная история арабо-израильского конфликта. Н. Новгород, 1991.
 Колобов О.А., Корнилов А.А., Рыхтик М.И., Цхай И.В. Проблемы войны и мира в XX в.: Хрестоматия. Т.1. Н. Новгород, 1996.
 Колобов О.А., Корнилов А.А., Шамин И.В. Проблемы войны и мира в XX в.: Хрестоматия. Т.2. Н. Новгород, 1997.
 Колобов О.А., Балдуев Д.Г., Кабешев Д.В., Рыхтик М.И., Хохлышева О.О. Запад: новые измерения национальной и международной безопасности. Н. Новгород, 1997.
 Колобов О.А. Международные отношения: Избранные труды. Н. Новгород, 1998.
 Коммунистический интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969.
 Конкурентная политика Европейского союза. М., 1995.
 Конт Ф. Революция и дипломатия: Документальная повесть о Х.Раковском: Пер. с фр. М., 1991.
 Корнилов А.А. Между войной и миром. Н.Новгород, 1993.
 Корсунский А.Р., Понтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
 Кошкин А.А. Крах стратегии "спелой хурмы". Военная политика Японии в отношении СССР, 1931-1945 гг. М., 1989.
 Крылов С.Б. История создания Организации Объединенных Наций. М., 1960.
 Кузнецов В.С. Внешняя политика Китая в 1928-1937 гг. В 2 ч. М., 1992.
 Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.
 Лаврова Т.В. Черноморские проливы: Исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1997.
 Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917-1923). М., 1989.
 Латинская Америка в международных отношениях XX века. В 2-х т. М., 1988.
 Лебедева Н.С. Безоговорочная капитуляция агрессоров: Из истории Второй мировой войны. М., 1989.
 Дедовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. М., 1999.
 Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии. М., 1997.
 Людвиг Э. Бисмарк: Биография: Пер. с нем. М., 1999.
 Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн. М., 1991.
 Малафеев К.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг.: Учебное пособие. Рязань, 1994.
 Малов В.Н. Ж.-Б.Кольбер: Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.
 Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III-II вв. до н.э. М., 1971.
 Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне Второй мировой войны (сентябрь 1939-август 1940). М., 1990.
 Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940-июнь 1941). М., 1992.
 Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2 кн. Кн. 2. 1917-1945 гг. М., 1973.
 Международные отношения: Социологические подходы. М., 1998.
 Мельников Ю.М. От Гуама к Потсдаму: Очерки американской дипломатии. М., 1974.
 Мельтюхов М.И. Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. М., 1999.
 Малафеев К.А. Луи Барту — политик и дипломат. М., 1988.
 Мальков В.Л. "Манхэттенский проект". Разведка и дипломатия. М., 1995.
 Малые страны Европы. М., 1983.

- Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 5-е изд. М., 1989.
- Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975.
- Масаев М.В. Присоединение Крыма к России. Симферополь, 1997.
- Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. / Отв. ред. В.Н.Виноградов. М., 1983.
- Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. / Отв. ред. В.Н.Виноградов. М., 1990.
- Международные отношения на Балканах. 1856-1878 гг. / Отв. ред. В.Н.Виноградов. М., 1986.
- Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2 кн. Книга 1. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973.
- Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А.Цыганкова. М., 1998.
- Мельтюхов М.И. Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. М., 1999.
- Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. (Документы, факты, суждения). М., 2000.
- Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы тихоокеанской войны: 1941-1945. М., 1999.
- Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдан» (20—30-е годы). М., 1990.
- Михутин И.В. Польско-советская война, 1919-1920 гг. М., 1994.
- Михутин И.В. Советско-польские отношения, 1931-1935. М., 1977.
- Можейко И.В. "Западный ветер — ясная погода": Юго-Восточная Азия во Второй мировой войне. М., 1984.
- Молчанов Н.И. Дипломатия Петра I. М., 1974.
- Молчанов Н.И. Генерал де Голль. 3-е изд. М., 1988.
- Мюнхен — преддверие войны: Исторические очерки / Отв. ред. В.К.Волков. М., 1988.
- Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской фаницы. М., 1996.
- Мазуров И.В. Японский фашизм. М., 1996.
- Максим Ытсв И. Ф. Дипломатия мира против дипломатии войны: Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933-1939 годах. М., 1981.
- Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. 1935—1941. М., 1990.
- Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский: Пер. с польск. М., 1990.
- На пути к европейскому единству. М., 1994.
- На путях к Югославии: за и против: Очерки истории национальных идеологий балканских народов. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1997.
- Нарочницкий Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856-1871 гг. М., 1989.
- Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии "священных бос". 1939-1941 гг. М., 1997.
- Некрасов Г. А. Роль России в европейской и международной политике 1725-1756 гг. М., 1984.
- Некрич А.М. 1941, 22 июня. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995.
- Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.
- Нечай Ф.М. Рим и иташки. Минск, 1963.
- Никитина И. А. Захват бурских республик Англией. 1889-1902. М., 1970.
- Никифоров Л.Н. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1939.
- Никонов Ф.И. Очерки европейской политики Германии в 1924-1929 гг. (от плана Дауэса к плану Юнга). М., 1977.
- Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
- Новиков М.И. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании, 1936-1939 гг. В 2 ч. Ярославль, 1998.
- Новые контуры Европейской Европы. М., 1992.
- Объединение Европы и Советский Союз. 1919-1932: Материалы международного colloquium М. 1999.
- Оганесян И.О. Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы Второй мировой войны (№39-1945 гг.). Ереван, 1980.
- О'Коннор Л., Э. Геврай Чичерин и советская внешняя политика. 1918-1930 гг.: Пер. с англ М 1991
- Орлик О.Н. Россия в международных отношениях, 1815-1829 гг. От Венского конгресса до Лейпцигского мира. М., 1998.
- Открытие внутреннего рынка. М., 1995.
- От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны / Сост. Е.А.Трояновская. М., 1991.
- От Хельсинки до Будапешта. История СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973—1994. Т.2. М., 1996. Павлов. Е.И. Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. Отношение и влияние стран Европы и США на начало, ход и итоги войны. Екатеринбург, 1998. Пайнс Р. Русская революция: Пер. с англ. В 2 ч. М., 1994.
- Панарин А.С. Искусение глобализмом. М., 2000. Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. М., 1982.
- Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. (Движущие силы, формы, методы). М., 1991.
- Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1991.
- Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л.Мальков. М., 1998. Перов Б.М. Эдуард Эррио: Политическая биография. Самара, 1996. Перси М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920—1921 гг. 2-е изд. М., 1999.
- Печатное В.О. Гамильтон и Джефферсон. М., 1984.
- Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. Писарев Ю.А. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993. Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914—1915 гг. М., 1990. Повестка дня для российско-американских отношений. М., 1999. Пожарская С.П. Тайная дипломатия Мадрида. (Внешняя политика Испании в годы Второй

- мировой войны). М., 1971. Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны: 1939-1941. М., 1964. Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны: 1941-1945. М., 1969.
- Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. Политическая наука: новые направления. Часть 5. Международные отношения. М., 1999. Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / Отв. ред. Б.В.Носов. М., 1999. Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами: Очерки внешней политики. М., 1992.
- Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г.Делягина. М., 2000. Предвоенный кризис 1939 года в документах / Отв. ред. З.С.Белоусова. М., 1992. Престон П. Франко: Биография: Пер. с англ. М., 1999. Прицкер Д.П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983. Протопопов А.С. СССР, Лига Наций и ООН. М., 1968. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели / Отв. ред. А.М.Самсонов. 2-е изд., доп. М., 1989.
- Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия. М., 1997. Рамоне И. Геополитика хаоса. М., 2001. Регион в составе федерации: политика, экономика, право. Н.Новгород, 1999. Ридли Д. Муссолини: Пер. с англ. М., 1999. Роббинс К. Черчилль: Пер. с англ. М., 1997. Роговин В.З. Мировая революция и мировая война. М., 1998. Розалиев Ю.Н. Мустафа Кемаль Ататюрк: Очерк жизни и деятельности. М., 1995. Розанов Г.Л. Сталин и Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939-1941 гг. М., 1989.
- Роль ключевых стран в международных отношениях в 1990-е гг. М., 1995. Россия, Средиземноморье, Южная Европа. М., 1995. Российская дипломатия в портретах. М., 1992. Россия и Франция: XVIII-XX века. М., 1995. Россия и черноморские проливы (XVIII—XX столетия) / Отв. ред. А.В.Игнатьев, Л.Н.Нежинский. М., 1999.
- Россия и Германия ■ годы войны и мира (1941-1945). М., 1995. Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. Россия и Италия. Вып. 3. XX век. М., 1998. Россия и Франция: XVIII—XX века. М., 1995.
- Рыбаческий И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. Сахаров Л.И. Дипломатия Древней Руси: IX - первая половина X в. М., 1980. Сахаров Л.И. Дипломатия Святослава. 2-е изд., доп. М., 1991. Сахаров Л.И. Александр I. М., 1998. Сахаров Л.И. Война и дипломатия: 1939-1945. М., 1995.
- Список кн. I I I. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Перл-Харбора до Каира М. I % V. Севостьянов Г' Н. Европейский кризис и позиция США. 1938-1939. М., 1992. Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны М., 1961. Севостьянов Т.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны 1939-1945. Из истории взаимоотношений М., 1974.
- Семиригм М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939-1941. М., 1992. Сергеев И. К). Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897-1903 гг. М., 1974.
- Серион О П Г орчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997. Серомп () П. (>г Тройственного союза к Антанте. Итальянская политика и дипломатия в конце XIX начале XX века. М., 1983.
- Серион () П Италия и антигитлеровская коалиция, 1943-1945. М., 1973. Силжшк км Л' Федералистское будущее Европы: от Европейского сообщества до Европейского союза М., 1998. Сидоров А К). Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917—1922гг.). М., 1977. Сиполс П Я, Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 1933-1939 гг. М., 1974.
- Синиш И Я Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939-1941. М., 1997. Синиш П Я Великая Победа и дипломатия. 1941-1945. М., 2000. Сиротим П Г Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801-1812 гг. М., 1966. Слжшкм С,Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. Слпниш-кий В.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1949 гг. М., 1995. Слнимский С.Н. Ялтинская конференция и проблема "северных территорий". Современное документальное переосмысление. М., 1996.
- Смирной Л П., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. 3-е изд., исправл. М., 1984. (пписиш внешняя политика 1917-1945 гг. Понски новых подходов / Отв. ред. НИНежинокий. М., 1992.
- С оцеп км внешняя политика в ретроспективе, 1917-1991. М., 1993. Соплеменные международные отношения: Учебник. М., 2000.
- (окопов А К. Нмстречу друг другу: Россия и Англия в XVI-XVIII вв. Ярославль, 1992. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1995. (пипиНВ И.Л. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях в Will» М, 1991.
- (онимики ■ Мине. 1941-1945 / Отв. ред. А.О.Чубарьян, У.Ф.Кимболл, Д.Рейнольдс. М., 1995. (рпмнигельный регионализм: Россия - СНГ-Запад. Н.Новгород, 1997. Сшниеламш А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798-1807 ■ г.) М..1М8.
- ([ро]«Iший В.М. Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. США и Квеопв. Перспективы взаимоотношений на рубеже веков. М., 2000. I прпн KB, Вмгерина П и ее дипломатия. В 2 ч. М., 1945. I при* К П, Крымская война. В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1950.
- Тарле Е.В. Наполеон. М., 1957. Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец

- XV- начало XIX вв.). М., Л. 1965. Тарле Е.В. Талейран. М., 1992. Тейлор А. Борьба за господство в Европе. 1848-1918: Толанд Д. Адольф Гитлер: Пер. с англ. В 2 т. М., 1993. Топорнин Б.Н. Европейское право. М., 1988.
- Трубайчук А.Ф. 1939 год: к истории советско-германского сговора. Киев, 1994. Трухановский В.Г. Антони Идеи. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны (1939-1945). М., 1965.
- Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. 4-е изд., доп. М., 1991. 1939 год. Уроки истории / Отв. ред. О.А.Ржешевский, М., 1990.
- Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993. Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за "место под солнцем". Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX вв. М., 1991.
- Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о "спасителе": Пер. с фр. М., 1996. У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944—1949 гг. / Отв. ред. Л.Я. Гибианский. М., 1995.
- Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от османского ига, 1877-1878. М., 1994. Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. Уткин А.И. Теодор Рузвельт: Политический портрет. Свердловск, 1989. Уткин А.И. Рузвельт. М., 2000.
- Уткин А.И. Американская стратегия для XXI в. М., 2000. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. Федерализм и региональные отношения (Опыт России и Западной Европы). М., 1999. Федеративная Республика Германии. М., 1983.
- Федосова Е.И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980. Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917-ноябрь 1918 гг. М., 1992.
- Фест И. Гитлер. Биография: Пер. с нем. В 3 т. Пермь, 1993. Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939: Пер. с нем. М., 1990. Франция. М., 1983.
- Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры. М., 1999. Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения (Между Первой и Второй мировыми войнами). М., 1959.
- Хартли Т. Основы права Европейского сообщества. М., 1998. Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921-1927. М., 1968. Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918-1920). М., 1964.
- Хибберт К. Бенито Муссолини: Биография: Пер. с англ. М., 1996. Хильгрубер А., Берглар П. Выдающиеся политики. Отто фон Бисмарк. Меттерних: Пер. с нем. Ростов-на Дону, 1998.
- Ходнев А.С. Международная организация в ожидании приговора? Лига Наций в мировой политике, 1919-1946. Ярославль, 1995. Холловой Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия, 1939-1953 гг.: Пер. с англ. М., 1999.
- Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией, 1917-1924 гг. М., 1993. Хормач И.А. СССР-Италия. 1924-1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995.
- Хохлышева О.О. Практикум по истории международных отношений. Т. 1-3. Н.Новгород, 1999. Хохлышева О.О. Разоружение, безопасность, миротворчество: глобальный масштаб. Н.Новгород, 2000.
- Хохлышева О.О. Проблемы войны и мира в XX в.: Хрестоматия. Т. 4. Часть 1-2. Нижний Новгород. 2000.
- Цыганков П.А. Международные отношения. М., 1996.
- Чевтаев А.Г. Политика Великобритании в Средиземноморье в годы Второй мировой войны (1939-1943 гг.). Свердловск, 1988.
- Чельшица И.А. СССР-Франция: трудные годы 1938-1941. М., 1999.
- Чепелкин М.А. Российская дипломатия и итальянский вопрос, 1856-1861. М., 1995.
- Черненко К.Е. Зарождение русско-японских отношений, XVIII-XIX века. М., 1999.
- Черкисов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений ■ XVIII веке, 1700-1775. М., 1995.
- Черкисов М.П. Кардинал Ришелье. М., 1991.
- Чубинский В.В. Бисмарк: Биография. М., 1997.
- Шицилло В.К. Расчет и безрассудство: германо-американские отношения в 1898-1917 гг. М., 1994.
- Шейнис И.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989.
- Ли Исмет В.И. Босфор, Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. М., 1995.
- Шеремет В.И. Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994.
- Ширер У. Вмат и падение третьего рейха. В 2 т.: Пер. с англ. М., 1992.
- Ширер У. Крах нацистской империи: Пер. с англ. М., 1999.
- Шишкин Н.А. Ц*ка признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924-1929 гг.), (1991).
- Шиссерсон Л.М. На перепутье европейской политики. Австро-руско-германские отношения (1914-1919 гг.). Минск, 1984.
- К)м1 Онкш ВТ. Эр>Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб., 1996.
- Я и коин А, А. Мама Актанта в европейской политике, 1918-1925 гг. М., 1974.
- Якоилен ИМ. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997.
- Якомиен ИМ. США И Англия во Второй мировой войне. М., 1961.
- Ятгнм П И, Франшии Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. М., 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

ЧАСТЬ 1. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНОСТИ, СРЕДНИХ ВЕКОВ И НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Введение.....	7
Глава 1. Особенности внешней политики государств Древнего Востока, Греции и Рима.....	8
§ 1. Древний Восток.....	8
§ 2. Греция.....	12
§ 3. Рим.....	18
Глава 2. Особенности международных отношений Средних веков Греции и Рима.....	30
§ 1. Варварские государства и Византия. Дипломатия времен Великого переселения народов.....	30
§ 2. Дипломатия арабов.....	34
§ 3. Внешняя политика Киевской Руси (IX—XIII вв.).....	34
§ 4. Особенности выработки и осуществления внешней политики Новгородской республики (1136—1471 гг.).....	41
§ 5. Русская и европейская дипломатия в период феодальной раздробленности.....	46
§ 6. Международные отношения России в XVI в.....	47
Глава 3. Динамика возможностей мировых держав в Новое время.....	49
§ 1. Основные участники международных отношений XVII—XVIII вв. и специфика их поведения на мировой арене.....	49
§ 2. Революционные и наполеоновские войны (1792—1815 гг.).....	60
§ 3. Венская система международных отношений.....	65
§ 4. Польский вопрос в европейской дипломатии XIX в.....	68
§ 5. Восточный вопрос в политике ведущих держав в XIX веке. Палестина как узел противоречий между ведущими европейскими державами.....	72
§ 6. Обострение восточного вопроса и активизация российской политики.....	75
§ 7. Венская система международных отношений в 30-е — начале 70-х годов XIX века.....	80
§ 8. Изменение ситуации на международной арене. Создание блоков великих держав. Тройственный (Четвертной) союз.....	88
§ 9. Развитие англо-германских противоречий в период 1904—1907 гг. Образование Антанты.....	90
§ 10. Политика двух враждующих блоков на Балканах. Балканские войны.....	95
§ 11. Международные отношения накануне и в период Первой мировой войны.....	97

ЧАСТЬ 2. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. И ВАРИАНТЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ НА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ И ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Введение.....	105
Глава 1. Версальско-вашигтонская система.....	106
§ 1. Позиции европейских стран и США по вопросам послевоенного устройства мира.....	106
§ 2. Формирование послевоенной системы международных отношений. Парижская мирная конференция и Версальский договор.....	108
§ 3. Международные отношения на Дальнем Востоке после Первой мировой войны. Вашингтонская конференция.....	116
§ 4. Россия в системе международных отношений 1920-х гг. Основные черты внешней политики РСФСР в 1918—1921 гг. Установление дипломатических отношений со странами Ближнего и Среднего Востока.....	121
6.3. Неофициальное направление советской внешней политики в начале 20-х гг....	126
6. Изменение ситуации на международной арене в 1922—1923 гг. Гентуэзская конференция.....	128
7. Гаагская конференция.....	132
8. Московская конференция по сокращению вооружений.....	135
9. Лозаннская конференция.....	135
Глава 2. Специфика международных отношений середины 20-х — начала 30-х гг.....	141
1.1. Репарационный вопрос в межвоенный период.....	141
1.2. Проблемы обеспечения европейской системы безопасности в период между двумя мировыми войнами. Формирование системы гарантийных пактов.....	145
1.3. Эволюция европейской системы безопасности в период 1930-х гг.....	154
4. Международные отношения в период экономического кризиса (конец 20-х — начало 30-х гг.). Попытки пересмотра Версальской системы международных отношений.....	156

13. Международные отношения в 1930-е гг. Демонтаж Версальской системы.....	161	
6. Советский Союз в международных отношениях в период ревизии Версальской системы.....	170	
Глава Э. Внешняя политика великих держав накануне и в годы Второй мировой войны (1939—1943 гг.).....		
1. Отношения между СССР и странами Запада в 1939 г.....	173	
2. Советско-германские отношения в конце 1930-х гг. Пакт Молотова—Риббентропа.....	175	
3. Эволюция неофициального направления внешней политики Советского Союза в период 1933—1940 гг.....	179	
4. Международные отношения в годы Второй мировой войны.....	181	
ЧАСТЬ 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX века		
Введение.....	187	
Глава I. Биполярный мир.....	189	
1. Общая характеристика начального периода биполярного мира.....	189	
2. Европейская интеграция.....	202	
3. Международные отношения в Азии (1945-й—1960-е гг.).....	212	
4. Ближний и Средний Восток в 1970—90-е гг.....	237	
5. Атлантико-Тихоокеанский регион.....	263	
Глава 1. Международные отношения в 1990-е годы и начале XXI века.....	269	
1. Новый мировой порядок.....	269	
2. Россия в современной системе международно-политических координат.....	280	
ПВЗДМЛММ. Международные отношения в XXI веке: новые действующие лица, институты и процессы.....	321	
«WWWfBVJB^A^e^VW^H KiiimHHiiiiit..... ■■«■titiitvit..i»t..... it***..... i»K»»«..... «««..... »!«■.■«fi<JJ /		

История международных отношений

Учебное пособие ТОМ I

Характеристика основных тенденций развития

Под общей редакцией академика О.А. Колобова

Подписано в печать 26.11.2001. Формат 70х108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30. Тир. 500. Зак. 362.

Типография Нижегородского госуниверситета 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.